БѢЛОРУССКІЯ ПѢСНИ,

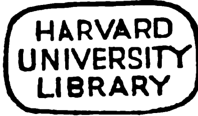
СЪ ПОДРОБНЫМИ ОБЪЯСНЕНІЯМИ ИХЪ ТВОРЧЕСТВА И ЯЗЫКА, СЪ ОЧЕРКАМИ НАРОДНАГО ОБРЯДА, ОБЫЧАЯ И ВСЕГО БЫТА,

издалъ

Петръ Безсоновъ

издержками Общества Любителей Россійской Словесности.

МОСКВА.
Въ типографіи Бахметева на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1871.


HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY

ВЪ ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ИЗДАНІЮ.

Бѣлая Русь или *Бѣлоруссія* имѣла въ своемъ существованіи два періода, по истинѣ блестящихъ и своеобразныхъ.

Въ первомъ, съ начала нашей общей Русской исторіи до конца XVI вѣка, народность Бѣлорусская оказала замѣчательную крѣпость и живучесть основныхъ началъ, разносторонность развитія, покоряющую вліятельность и свободную общительность своихъ силъ. Она умѣла на равныхъ правахъ ужиться съ такими, еще сильными въ то время или тогда уже сильными, народностями и племенными вѣтвями, какъ Литовская, Польская, Еврейская и даже Нѣмецкая, всѣ сожительныя съ ней, совмѣстныя, во всякомъ случаѣ ближайшія и сосѣднія. Не покоряя ихъ оружіемъ внѣшнимъ, напротивъ часто сама покоряемая и покорная, она постоянно то боролась съ ними для дружнаго единенія, то дружилась для внутренней, самоопредѣляющей, борьбы, и, постепенно, шагъ за шагомъ, успѣвала побѣждать своимъ духовнымъ, нравственнымъ, словеснымъ, творческимъ, бытовымъ, гражданскимъ, образующимъ и просвѣщающимъ вліяніемъ. Про нее-то можно сказать со справедливостью, что въ семъ дѣлѣ не сдала она ни пяди земли, ни камня своего зданія: напротивъ создала землю и цѣлый край, возвела съ основъ свое великое зданіе. Языкъ свой наложила она на большую часть другихъ представительныхъ народностей, съ языкомъ грамоту, съ тѣмъ и другимъ міръ воззрѣній, а съ симъ посредствующимъ проводникомъ всѣ прочія самобытно-цивилизующія начала: на домашнюю бесѣду, на общественную рѣчь, на письмо всѣхъ гражданскихъ и даже отчасти государственныхъ дѣлъ, на первыя училища, на слово и пѣснопѣніе церкви. Народный обрядъ ея стойко удерживалъ свою необыкновенную, еще при-Дунайскую и за Дунайскую древность; народный обычай развивался безпрепятственно и до подробностей; творчество кипѣло обильными силами; пѣснею и стихомъ, не широкими и не длинными, а въ тысячѣ видовъ, съ изящнымъ и частію шутливымъ характеромъ, оглашался весь этотъ видимый и невидимый образъ жизни народной: довольно сказать, что Слово о Полку Игоревѣ безъ нея убавилось бы на треть, что многое для цѣлаго Славянскаго пѣснотворчества сгибло бы

неяснымъ и неполнымъ безъ ея наслѣдія, даже въ теперешнихъ его остаткахъ, предлежащихъ читателю. Бытъ простой, степенный и какъ-то особенно прочный, всего менѣе дикій или грубый, всего болѣе общительный, другимъ доступный, себѣ уютный, довольный безъ роскоши, ровный безъ излишества, безъ бурь и тревожной страсти, при спокойствіи нрава и сдержанномъ юморѣ, пріятный хоть мелкою, но узорчатою отдѣлкой. Трудъ не спѣшный, но долгій и упорный: хозяйство общинное въ корнѣ, но свободное для частной собственности, успѣшно и рано расплодившейся; поля достаточно обработанныя; отличные лѣса съ добытою пользой на всякую нужду; многочисленныя рѣки и озера, окаймленныя сѣтями тысячи рыболововъ; не широкія, но удобныя и ревностно поддержанныя сосѣдними жителями дороги; промыслы и ремесла далеко развитые; торговля, обезпечившая полное довольство; дешевизна, даже до послѣднихъ временъ, баснословная. Городская жизнь, давно обезпеченная опредѣленными правами гражданскими; гражданственность, не оторвавшаяся отъ Русской обычной основы и не отставшая отъ развитія западныхъ сосѣдей, даже самыхъ далекихъ: гласное, публичное судопроизводство, а съ нимъ сообразное судоустройство, съ XVI вѣка; Статутъ—одинъ изъ величайшихъ памятниковъ юридическихъ. Православіе церкви, столь отвѣтное духовнымъ нуждамъ Руси и всего, пріобщеннаго ему, Славянства, встрѣчено, воспринято, практиковано любовно цѣлымъ народомъ, просіяло обрядомъ, пѣніемъ, вѣроученіемъ, проповѣдью, подвижничествомъ: долго, съ высоты мирно добытой, не то, чтобы не досягаемой, напротивъ легко доступной, свѣтило и просвѣщало оно до крайнихъ предѣловъ возобладавшей народности. Разумѣется, мы не называемъ народностью всѣхъ этихъ вершинъ, до коихъ достигли соки ея живучаго корня; но не можемъ забыть, что народностью могутъ проникаться всѣ развѣтвленія жизни, на ней основанной: общественныя, гражданскія, церковныя, и это особенно желательно, и это было въ настоящемъ случаѣ. Такъ Бѣлая Русь обняла, сомкнула и соединила, опредѣлила и обособила свою землю, цѣлый и обширный Край, отъ Двины до Нѣмна и въ промежуточномъ побережьѣ, отъ границъ Польскихъ въ Королевствѣ и подъ Короной до Псковскихъ, Новгородскихъ, Смоленскихъ, гдѣ вдавалась въ Великую Русь подъ самый Можайскъ, на Югъ же еще дальше по теченію рѣкъ, особенно Днѣпра, черезъ Волынь и Черниговскую область постепенными переливами сливаясь съ Малою Русью. До сихъ поръ, вступая внутрь этихъ предѣловъ Края, который недавно принято называть, хотя не совсѣмъ точно, Сѣверо-Западнымъ Русскимъ краемъ, какъ ни отяжелѣла надъ нимъ рука послѣднихъ столѣтнихъ событій, видишь, слышишь и чувствуешь всюду, что здѣсь точно существуютъ, не надуманы и не начертаны только, географическія или государственныя границы; что внутри ихъ есть дѣй-

ствительная особенность, извнутри себя ихъ очертавшая; что здѣсь своя почва, свое племя, свой народъ, своя народность, нѣкогда обладавшая, хотя бы нынче живыя лица ея прятались отъ вашего взора въ развалинахъ былаго, хотя бы она съ тупымъ лицомъ и безмолвными устами встрѣчала при развалинахъ своихъ новаго гостя. И чтó замѣчательно: какъ ни орудовали прежде суровые Литовцы, сколько ни пановали Поляки, какъ ни расплодились, ни набрались и не разбогатѣли послѣ нихъ Евреи, сколько ни разцвѣли новыя надежды старыхъ Нѣмецкихъ захватовъ,—мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что всѣ эти племена, народности, языки, бытовыя единицы и вѣры сдерживались нѣкогда въ равновѣсіи чьей-то иною верховною рукою; что равновѣсіе поколебалось отъ ея ослабленія и оскудѣнія, поколебалось, но еще не уничтожилось во всѣхъ, и яркихъ, слѣдахъ своихъ; что народная исторія видѣла здѣсь главенство другое и судьба народная готовила господство для народности другой, не той, которая царствовала не давно, а той, которая гораздо прежде правила и направляла. Государственный міръ Русскій господствуетъ здѣсь столѣтіе и за послѣдніе годы сильнѣе, чѣмъ когда либо: мѣры его, средства, вліянія и явленія, естественно, суть чисто-государственныя. Но мы говоримъ пока о мірѣ—народномъ, хотя бы съ его бытовыми и общественными, гражданскими и церковными проявленіями на крайнемъ развитіи основъ народныхъ: и этотъ-то міръ сновался иной, и за вѣка, о которыхъ мы вспоминаемъ, являлся міръ особый, на Обще-Русскомъ корнѣ параллельный Малорусскому и посредствующій между Русью Великой со стороны одной, между Западнымъ Славянствомъ съ другой. Всѣ его отличія, которыя бѣгло перечисляли мы, сводятся къ сей задачѣ *посредства*. То былъ періодъ, по сущей правдѣ, *народный*. Посредства и звѣнья всякой цѣпи единенія, прежде чѣмъ послужить ему и даже чтобъ послужить звѣньями соединяемаго, должны имѣть собственную самостоятельность: она существовала, на глазахъ исторіи, въ смыслѣ народномъ и въ высшихъ проявленіяхъ народности. Было ли нужно это посредство? Отвѣтимъ тогда, когда въ слѣдъ за Русской государственной силой явится въ Край Русская церковность, гражданственность, общественность, образованность, бытовая своеобразность, основная народность и самъ—явится лицомъ народъ Русскій, и все это мы въ правѣ будемъ назвать—какъ въ Малороссіи не Малорусскимъ, такъ въ Бѣлоруссіи не Бѣлорусскимъ, даже не Великорусскимъ, а дѣйствительно *Обще-Русскимъ*. Тогда мы отвѣтимъ, что *теперь* всякое посредство и звѣно переходное не нужно: но и тогда еще промолчимъ, нужно ли было посредство и звѣно *прежнее*. Какъ бы то ни было, только этотъ народный міръ и періодъ Бѣлорусскій не достигъ одного завершенія своему зданію: *государства* и *государственности*. Отъ того ли, что промежуточныя государства вообще не удаются или по крайности не

долговѣчны, или отъ того, что всѣмъ уже Славянамъ такая недоля, всѣ ихъ былыя самобытныя государства оказывались почему-то и между кѣмъ-то промежуточными, нужными для подставы тому или другому сильному сосѣду: только искомаго не нашлось. Сперва по частямъ и мѣстамъ пришельцы Нѣмцы, потомъ постоянную и общую государственную роль взяли на себя полудикіе, но крѣпко вооруженные и упрямые Литовцы, во всемъ остальномъ развитіи зависѣвшіе отъ Бѣлоруссовъ, а послѣ полураспущенные Поляки, питавшіеся живыми, не оскудѣвшими еще соками Бѣлоруссіи, не только внѣ государства, отъ языка до церковныхъ силъ, но даже и прочною солидностью Литовскаго государственнаго строя.

Второй періодъ начался съ того же XVI вѣка и длился до XVIII-го, входя даже въ сей послѣдній до второй половины съ извѣстной постепенностью. Государство чуждаго корня, инородное и иновѣрное, потрясло до корня равновѣсіе составныхъ частей созданнаго Бѣлоруссіей міра и мира: внесло въ борьбу ихъ раздоръ и страсть, безъ цѣли и надежды на единеніе или примиреніе, безъ возможности соглашенія; раздувало внутреннюю смуту и пользовалось ею для своихъ внѣшнихъ цѣлей. Какъ слѣдовало ожидать, все это тяжестью своей падало на ту составную часть, которая была нѣкогда главною и управляющею, основною и смотрѣвшею впередъ къ своимъ цѣлямъ,—на Бѣлоруссію. Всѣ силы ея, достаточно еще обильныя, отъ языка до вопросовъ церковныхъ, пришли въ напряженіе: потеряна всякая надежда на государство, почти не собственное, такъ что ему-то и приходилось всего чаще давать отпоръ, какъ врагу; естественный, ровный, спокойный, какъ прежде, путь развитія сталъ не примѣнимъ и даже не возможенъ; самобытное, послѣдовательное теченіе отъ родника народности преграждено. Второй періодъ Бѣлорусскій былъ все-таки еще плодомъ ея: но чтобъ созрѣть, требовалъ иной прививки; въ концѣ онъ почти переродился относительно своего сѣмени, вступило извѣстное въ природѣ перерожденіе видовъ. Осталось прилагать способы, испытанные другими націями въ ихъ политической жизни, преемственно переходящіе въ Европѣ отъ историческаго народа къ другому. Если хотите, здѣсь былъ еще характеръ *національный*, но уже никакъ не *народный*: народность скорѣе гаснетъ и вымираетъ, чѣмъ сдается; путь національности есть путь перерожденія среди политическихъ обстоятельствъ. Поднялись ассоціаціи по всѣмъ направленіямъ жизни, православныя братства, школы, литература, наука. Общественное возбужденіе, своими двинувшимися силами, переступило предѣлы Бѣлорусскаго міра и разлилось далеко за нихъ по всѣмъ направленіямъ. Школы Бѣлорусскія съ ихъ школярностью предупредили въ семъ отношеніи самую Малороссію, во многомъ сообщили ей типъ свой, а подавно цѣликомъ перенеслись въ Московское государство къ концу XVII вѣка; литературный языкъ «Бѣлорусскій,» съ

симъ самымъ именемъ, хотя и не всегда съ отличіями прямо Бѣлорусскими, а часто Польскими, Латинскими и всякими иностранными, сдѣлался общимъ для всей Западной Руси, не исключая Руси Малой, и вошелъ весьма вліятельнымъ ингредіентомъ въ литературу Великорусскую; тѣми же путями, даже Бѣлорусскій говоръ съ его произношеніемъ и такъ называемымъ *а*-каньемъ (выговоромъ всюду *а*, гдѣ только *о* безъ ударенія) передѣлалъ собою, съ половины XVII вѣка, центральное нарѣчіе Московское и сталъ нынѣ отличительнымъ признакомъ сего послѣдняго; наука, съ основою средневѣковой схоластики, но съ извѣстною долею элементовъ реформатскаго возрожденія, охватила всѣ области вѣдѣнія, отъ граматики до теоріи музыки и пѣнія, до богословскаго катихизиса и полемическаго богословія,—эти опыты старше въ Краѣ, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Руси; надорванная политическая жизнь сказалась отсутствіемъ политической исторіи въ смыслѣ изслѣдованія и учебника, но и для нея подготовленъ былъ матеріалъ въ милліонѣ рукописныхъ памятниковъ за всѣ эпохи, чѣмъ успѣлъ еще отчасти, хотя поздно, воспользоваться Кониссkій и чѣмъ послѣ него никто еще изъ другихъ не воспользовался, какъ слѣдуетъ, доселѣ. Тѣмъ не менѣе, эти передовыя Бѣлорусскія силы, опять къ ихъ чести и по старому закону ихъ народной жизни, не исключили и не упразднили успѣховъ своихъ сожителей, ни даже враговъ: Польскіе ученые и литераторы, дѣйствуя среди Бѣлоруссовъ, не уступали значеніемъ ни тогдашнимъ Краковскимъ, ни Львовскимъ, а подавно Варшавскимъ, и только за наши годы вымерли здѣсь или на всегда отсюда выселились; вѣроятно не многимъ извѣстно, и однакоже вѣрно, что Еврейская наука въ Бѣлорусскомъ краѣ имѣетъ давно свою литературу, замѣчательныя типографіи, ряды многотомныхъ изданій и доселѣ такихъ представителей, которые считаются въ Еврействѣ первыми для Европы, а за ней для цѣлаго свѣта; не говоря о католичествѣ, лютеранство и кальвинизмъ, даже болѣе мелкія секты реформаторовъ, съ самаго начала также точно славятся здѣсь типографіями, школами, дѣятелями, считая въ рядахъ своихъ совсѣмъ не однихъ Нѣмцевъ, а столько же, и даже больше, мѣстныхъ уроженцевъ разнаго племени. Край, при всѣхъ разореніяхъ, даже до послѣдняго времени, на 25 квадратныхъ верстъ выставлялъ по крайности по одной обширной библіотекѣ, кромѣ мелкихъ; онъ значительно покрытъ теперь казенными учебными заведеніями, возникшими на мѣстныхъ началахъ, но еще сплошнѣе прежде усѣянъ былъ всякими общественными и частными; онъ до послѣднихъ лѣтъ процвѣталъ обильными и цѣле-сообразнѣйшими, для воспитанія полудомашняго и полушкольнаго, такъ называемыми «ученическими квартирами,» съ воспитателями и репетиторами по частному найму; грамотность развита до сихъ поръ, по крайности всюду господствуетъ воспитанное уваженіе къ ней и къ наукѣ. Такъ сей періодъ

должно назвать по преимуществу *образовательнымъ*, въ смыслѣ школы, науки, литературы, библіотекъ, типографій и тому подобныхъ средствъ или явленій образованности. Но особенно онъ пріобрѣлъ себѣ блескъ и славу отъ тѣхъ силъ, которыя выливались за предѣлы Края: это была масса, по преимуществу изъ Бѣлоруссовъ, прошедшая до́ма, отчасти и за границей, отличную по времени школу и тяготившаяся внутри положеніемъ дѣлъ, запутанныхъ нескладностью государства; ей скоро подоспѣло содружество Малоруссовъ, которые умѣли встряхнуть господство Польское, но для мирныхъ занятій науки встрѣчали помѣху въ тревогахъ козацкихъ. Сплотившись въ одну многочисленную и вѣковую колонизацію, ряды колонизаторовъ двинулись туда, гдѣ считали уровень образованія ниже и куда надѣялись принести съ собою сумму преобразованій, а вмѣстѣ, разумѣется, снискать себѣ покойный пріютъ, почетъ и хорошее содержаніе. Мы не оцѣниваемъ здѣсь ни внутренняго достоинства сихъ реформъ, конечно во многомъ не выдерживающихъ критики, ни нравственнаго качества сей дѣятельности, ни естественнаго незнанія, даже невѣжества относительно тѣхъ краевъ, которые для смѣлыхъ колонизаторовъ представлялись грубымъ, сырымъ матеріаломъ. Мы беремъ только видимость данныхъ, а всякой знаетъ, какъ были они обильны, сильны и вліятельны, на примѣръ для Великой Россіи и особенно Москвы. Пришельцы заняли здѣсь самыя видныя и вліятельныя мѣста, отъ іерарховъ до управленія консисторій, ими устроенныхъ, отъ воспитателей семьи царской до настоятелей монастырскихъ, до ректоровъ, префектовъ и учителей ими же проэктированныхъ школъ, до кабинетныхъ и типографскихъ ученыхъ, дѣлопроизводителей, дьяковъ и секретарей. Все почти подверглось ихъ реформѣ, по крайности неотразимому вліянію: богословское ученіе, исправленіе Священнаго и Богослужебнаго текста, печатаніе, дѣла раскола, церковная администрація, проповѣдь, храмовое, общественное и домашнее пѣніе, ноты, внѣшность архіерейскихъ домовъ, образъ ихъ жизни, экипажи и упряжь (цугомъ, въ шорахъ, съ бичами, въ трехъуголкахъ), одежда служителей (на примѣръ пѣвчихъ), видъ и составъ школъ, предметы и способы ученья, содержаніе библіотекъ, правописаніе, выговоръ рѣчи устной и въ чтеніи (церковное мягкое *г* вмѣсто твердаго), общественныя игры и зрѣлища, и т. *д.*, и т. *д.**). Тѣмъ не менѣе, сколько ни принесла эта

---

*) Мы часто касались того и другаго періода, предлагая краткіе очерки, ставя вопросы и указывая пути для любопытнаго изслѣдованія: при изданіи твореній Крижанича въ „Русской Бесѣдѣ“ и при изслѣдованіи въ „Православномъ Обозрѣніи;“ въ первой еще о „Типографской Библіотекѣ,“ въ послѣднемъ о „Судьбѣ нотныхъ пѣвческихъ книгъ;“ при 4-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ;“ въ „Московскихъ Письмахъ“ и „Письмахъ изъ Москвы,“ въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“ 1867 и 68 года; въ настоящемъ изданіи.

сила пользы или вреда другимъ краямъ, Бѣлорусскій собственный край она покрыла славой, но столько же, и больше, подорвала его самостоятельность, истощила лучшими представителями: это была сила не центро-стремительная, а центробѣжная; выходцы уже не возвращались на родину; запутанные на сторонѣ въ государственныя и политическія дѣла, мало имъ знакомыя, не воспитавшись и дóма достаточнымъ политическимъ тактомъ, гибли они, почти безслѣдно для мѣстныхъ покинутыхъ интересовъ, при всемъ своемъ желаніи не имѣя возможности помогать издали, какъ это бываетъ со всѣми выходцами. Петръ Первый положилъ всему этому конецъ, протянувши мощную руку свою прямо отъ Россіи къ Западной, не-Славянской Европѣ, минуя всякое Польско-Бѣлорусское и Малорусское посредство: когда завершился и принялся его переворотъ, ко временамъ Елисаветы и Екатерины всѣ эти переходные мосточки и посредствующіе пути оказались совсѣмъ не нужны, ни для народности, ни для цивилизаціи, а главное—для государства.

Съ тѣхъ поръ, слишкомъ столѣтіе, длится періодъ *третій*, который пока не беремся мы характеризовать никакимъ особымъ именемъ. Укажемъ лишь нѣсколько его признаковъ. Вообще Бѣлорусскій край пересталъ быть, какъ прежде, звѣномъ соединительнымъ и посредствующимъ, напротивъ сдѣлался *междоумкомъ* и *промежуткомъ*, со всѣми невыгодами явленія промежуточнаго. Еще въ XVII вѣкѣ явился онъ яблокомъ и самымъ поприщемъ раздора, со всѣми послѣдствіями военнаго времени и разоренія, какъ постоянная почти арена или стоянка передвигавшихся съ той и другой стороны войскъ, между двумя государствами сосѣдями, изъ коихъ даже Польское имѣло еще нѣкоторую силу. Съ постепеннымъ и окончательнымъ ослабленіемъ сего послѣдняго, осталось конечно одно мощное государство Русское, къ которому Польша, въ объемѣ минующаго Царства, явилась только прибавкою или составною частью Русской короны: но, и по срединѣ между двухъ разныхъ государственныхъ, даже воюющихъ, сторонъ, могла же нѣкогда до извѣстной мѣры продолжаться жизнь не-политическая, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго. Теперь борьба перенеслась внутрь. Если государственная сторона осталась одна, то все-таки многія стóроны остались въ другихъ проявленіяхъ жизни: стóроны вѣръ, гражданственности, общественности, образованія, народности, языка. Вопросъ Польской стороны рѣшенъ здѣсь въ принципахъ и въ печати, но не на самомъ дѣлѣ и не въ жизни; Еврейскій вопросъ, занимающій въ современности серьозную роль, даже не поставленъ опредѣлительно; Литовскій, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ важный и по мѣстамъ коренной, почти игнорированъ; впереди вопросъ Русскій, но въ примѣненіи его къ Бѣлоруссіи, кажется, сдѣлано еще всего менѣе. А между тѣмъ неопредѣленность того, или другаго и третьяго, въ одномъ ослабленіе, но не преобразованіе, въ другомъ преобразованіе, но не ослабле-

ніе стихій вредоносныхъ, въ третьемъ отсутствіе всякого преобразованія, въ четвертомъ недостаточный подъемъ, все это, при недостаткѣ равновѣсія, но и при отсутствіи господствующаго, крѣпкаго и послѣдовательнаго, перевѣса, выводитъ за собою и выдвигаетъ на сцену элементъ, коему вовсе не давалось прежде въ Краѣ превосходства, элементъ Нѣмецкій, начиная съ языка и народности, отъ быта и землевладѣнія до видовъ болѣе далекихъ. Другіе элементы подчиняются невольно его воздѣйствію, связуясь съ нимъ если не симпатіями, то выгодами и разсчетами; всего же болѣе элементъ Бѣлорусскій, а черезъ него и общій Русскій, можетъ естественно пострадать. Край политически и государственно сдѣлался совершенно Русскимъ, и въ семъ-то именно отношеніи политическомъ, наиболѣе обезпеченномъ, не престаетъ оставаться и обѣщаетъ долго еще оставаться больнымъ мѣстомъ Россіи: ибо если за политическимъ не-политическое предоставляется самому себѣ, а въ настоящемъ случаѣ на долю затрудненій, исторически и давно уже вкоренившихся, въ такомъ случаѣ затрудненія, въ сущности неполитическія, постоянно могутъ рождать изъ себя государственныя, всегда пребывающія близко, на чеку, въ готовности къ соприкосновенію. Всякой, бывавшій и живавшій въ Краѣ, знаетъ по себѣ, какъ, при сдержанномъ политически покоѣ и видимомъ ровномъ ходѣ дѣлъ, чувствуется ежеминутно и на каждомъ шагу какое-то безпокойство, тревога, зыблемость: при малѣйшемъ качаніи вы отъ видимаго равновѣсія переходите непосредственно къ жгучему политическому вопросу, который изо всего, самаго мелочнаго, готовъ возгорѣться.—«Сепаратизмъ» во всемъ мірѣ у людей образованныхъ разумѣется только въ политическомъ отношеніи: не придетъ въ голову примѣнять это названіе тамъ, гдѣ говоритъ особое нарѣчіе, творится свое народное творчество, исповѣдуется иная вѣра, дѣйствуютъ мѣстныя силы, общество развивается въ мѣстномъ духѣ, однимъ словомъ кипитъ и совершенствуется мѣстная жизнь внѣ политики. Потребно лишь равновѣсіе элементовъ ея,—и самъ собою выработается перевѣсъ тому, кому судила господство изначала мѣстная исторія: успѣхъ и подъемъ *Бѣлорусскій*, хотя бы самый мѣстный изъ мѣстныхъ, не былъ бы никогда сепаратизмомъ, напротивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и въ одно время успѣхомъ *Русскимъ*, а будущее политическое Россіи лучше всего было бы этимъ обезпечено съ корня. Напротивъ, исключительность того, что́ вовсе не мѣстное, а впрочемъ и не на столько общее, чтобы привиться къ мѣстному или замѣнить его, неравновѣсіе развивающихся сторонъ и отсутствіе управляющаго какого либо неполитическаго элемента, непослѣдовательность системы и скудость плодотворной организаціи, когда жизнь ни съ какой уже стороны не кипитъ и не развивается, напротивъ толчется въ одной сумятицѣ, ибо стихіи всё же остаются на днѣ разнородны,—такія явленія, говоримъ, хотя бы не поли-

тическія, граничатъ съ тревогой политической, какъ разъ въ нее переходятъ и, при малѣйшемъ качаніи на одну сторону, превращаются въ дѣйствительный сепаратизмъ. Больше всѣхъ эта послѣдняя роль сродна Полякамъ или ополяченнымъ Края, ибо они всегда были наклонны къ перевѣсу и крайностямъ, да и не чужды воспитанныхъ изстари политическихъ инстинктовъ, почти незнакомыхъ другимъ мѣстнымъ народностямъ, которыя не испытали подобной приманки въ исторіи: и вотъ, по вызову сего, Край періодически время отъ времени обращается въ военный лагерь для усмиренія смуты или, по крайности, государство дѣйствуетъ въ немъ военною рукою. Послѣдствія падаютъ именно на среду не-политическую, и всего болѣе Бѣлорусскую, какъ чуждую всякого рода ловкости и уловки. Такъ сказать некогда жить и развиваться всему прочему, когда дѣйствуетъ одно политическое, притомъ еще вооруженное, а не вооруженное, по образцу заданному, вооружается чиновными тенденціями, всегда на сторожѣ, всегда чего-то боится, что́-то преслѣдуетъ и караетъ, съ чѣмъ-то, почти неосязаемымъ и невидимымъ, борется до упадка силъ, отъ чего-то само страдаетъ, и страдаетъ весьма реально. Благосостоянія для представителей государства симъ путемъ не наживается: средства, доходы и избытки поглощаются дороговизной, поднимающейся въ Краѣ по баснословному барометру, или переходятъ, какъ всякое богатство, въ руки Евреевъ. Плодущіе Евреи поглощаютъ для себя, но не производятъ для общаго дѣла: остальная производительность, дающая имъ пищу, не поднимается, а истощается. Когда весь главный интересъ въ скорлупѣ, внутреннее зерно и яйцо разумѣется сохнетъ, порошится, вывѣтривается. Это уже не опасность сепаратизма, ибо нечему сепарировать, а опасность недуга, тяжелой ампутаціи и смерти. Государство обнимаетъ собою все и со всѣмъ соприкасается: но не можетъ стать на мѣсто всего и все собою замѣнить; если некому и нечѣму жить въ государствѣ, ему самому не можетъ быть выгоды. Государство не въ силахъ сдѣлать всего: дѣятели другихъ сферъ только появляются въ Край, посмотрятъ, послушаютъ и — назадъ; мѣстная дѣятельность не родитъ ихъ, а потребляетъ, и ихъ часъ отъ часу меньше. Дѣло приходитъ, стало быть, къ простѣйшимъ элементамъ, на кои разлагается всякая жизнь: а простѣйшій элементъ въ данномъ случаѣ есть конечно *простой народъ,* съ его *народностью* и всѣми остатками явленій народныхъ. Если взглянемъ на Бѣлую Русь какъ на былое государство, исторически правившій свой міръ и цѣлый Край, то судьба его теперь та же, какъ всѣхъ Славянскихъ государствъ, политическихъ тѣлъ, крупныхъ организмовъ: въ концѣ разложиться на то самое, изъ чего поднялись сначала, но, поднявшись, пошли въ кривь или въ кось, какъ иное дерево въ сукъ да въ болону. Остается вновь что либо создавать изъ простаго народа и простой народности, или,

по крайности, предоставить ей, чтобы создавалось, и отстранять лишь препятствія да помогать отрицательно. Государство Русское, взявшее на свой страхъ и отвѣтъ судьбы Края, не могло не понять сего значенія съ перваго разу при послѣднемъ кризисѣ: поднятъ, поставленъ, пущенъ въ ходъ мѣстный *вопросъ крестьянскій,* конечно въ связи съ землевладѣніемъ, и это cardo rerum, conditio sine qua non, raison d' être для цѣлаго Края. Если онъ пойдетъ впередъ сколько ни будь безъ помѣхи, то, по закону исторической необходимости, разъ положенному въ основу мѣстной исторіи, крестьянскимъ вопросомъ самъ собою выдвинется впередъ народъ *Бѣлой Руси.* Онъ, при всемъ разложившемся или разлагаемомъ, живъ до сихъ поръ, какъ послѣдній, основной, неразлагаемый, стихійный элементъ: какъ ни дышется, легко или тяжело, чистымъ воздухомъ или порченымъ, но дышется единственно одной—*народностью.*

Теперь поймемъ, какъ же, стало быть, важно намъ имѣть передъ взоромъ, знать и изучать *народное творчество Бѣлорусское* вообще и *пѣснотворчество* въ особенности, съ языкомъ, какъ основой, съ голосомъ и орудіемъ въ сопровожденіи, съ міровоззрѣніемъ какъ содержаніемъ внутреннимъ и какъ предметомъ для историческаго изслѣдователя: произведеніе и выраженіе народности, ея зеркало и данное явленіе, въ сферѣ лучшей—въ сферѣ духовныхъ творческихъ силъ.

Если сама Бѣлая Русь не дозрѣла до полнаго самосознанія историческаго во всѣхъ отношеніяхъ, то и для другихъ, родичей или стороннихъ, никогда еще не служила она предметомъ всесторонняго историческаго наблюденія и изслѣдованія: затрогивали тотъ или другой вопросъ, изъ той или другой эпохи, обыкновеннѣе съ какимъ либо разсчетомъ и единственно подъ вліяніемъ какого либо политическаго толчка.—Только въ нашемъ уже вѣкѣ, К. Ѳ. Калайдовичь первый изъ Русскихъ со вниманіемъ остановился на особенностяхъ народнаго Бѣлорусскаго нарѣчія. Тѣмъ болѣе возбуждала наше любопытство народность сего Края во всемъ ея объемѣ, и мы давно уже обратились къ главному ея дѣлу—языку и пѣснотворчеству. Ближайшимъ руководителемъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, былъ для насъ П. В. Кирѣевскій: онъ еще въ 30-хъ годахъ самъ посѣтилъ Бѣлоруссію и, если не успѣлъ самъ записать, какъ было нужно, то по крайности вошелъ въ связи съ нѣсколькими лицами, которыя доставили ему народныя пѣсни, записанныя польскимъ шрифтомъ и отчасти со вкравшимися естественно полонизмами, ибо то были лица Польскаго происхожденія или ополяченныя. Это составило у покойнаго, такъ сказать, «Бѣлорусскій архивъ матеріаловъ,» въ связи съ разными замѣтками о странѣ: чтобы воспользоваться имъ, а тѣмъ паче сколько ни будь издать, нужно было много поработать и, не говоря уже о прочемъ, переписать Кириловскимъ,

нашимъ шрифтомъ, а для этого, разумѣется, чтобы не ошибаться, изучить живое нарѣчіе въ связи съ бытомъ Края и въ соотношеніи къ другимъ ближайшимъ нарѣчіямъ, выросшимъ до цѣлыхъ языковъ, особенно же къ Польскому и Великорусскому. Тогдашнее наше общество съ его наукою на такой трудъ по меньшей мѣрѣ насмѣялось бы: самъ Петръ Васильевичь не имѣлъ на то времени, ибо это значило бы готовить уже изданіе, котораго вовсе не позволяли обстоятельства, между тѣмъ какъ онъ едва успѣлъ приступить къ началу главнѣйшаго изданія—Стиховъ и Пѣсней Великорусскихъ. На трудъ тяжелый, не вознаграждавшій ничѣмъ внѣ самого труда, не удовлетворявшій ничему кромѣ какъ безкорыстному знанію, по видимому непрактическій и даже безцѣльный, ибо вокругъ не знали прошлаго и не предчувствовали близости роковаго будущаго, на этотъ трудъ нашелся я одинъ: П. В. Кирѣевскій передалъ мнѣ его, вмѣстѣ съ самимъ матеріаломъ, и только руководилъ своимъ указаніемъ, опытомъ. Какъ искренне и усердно это велось, стóитъ прибавить въ примѣръ, что я бóльшую часть переписалъ собственною рукою, а чтобъ установить правописаніе нынѣшняго шрифта, съ нѣкоторыми необходимыми оттѣнками для вѣрности нарѣчію и для легкаго доступа нашей литературѣ, въ этомъ прошло у насъ съ полгода, за обсужденіемъ и повѣркою нѣсколькихъ образцовъ, нѣсколько разъ мною составленныхъ и передѣланныхъ. Завлеченный интересомъ дѣла, я началъ самъ дополнять собраніе и мало по малу умножилъ его значительно: но я тогда исключительно почти занятъ былъ собираніемъ народныхъ духовныхъ Стиховъ, не имѣлъ средствъ лично проникнуть въ край дальше Смоленской, то есть самой близкой къ намъ области, и счастливъ былъ въ особенности пріобрѣтеніемъ народныхъ Бѣлорусскихъ рукописей, изъ которыхъ одна, XVII вѣка на нотахъ, составляетъ доселѣ единственное въ Россіи сокровище *). О печатаніи нельзя быко и думать: я успѣлъ только сообщить *Ѳ. И. Буслаеву* нѣсколько образцовъ въ первое изданіе его «Исторической Хрестоматіи **).» Такъ застала насъ смерть Петра Васильевича, а послѣ нея, какъ многимъ извѣстно, начато было мною обнародываніе его сборника Великорусскаго, почти поглощавшаго весь мой досугъ въ занятіяхъ сего рода, именно пе-

---

*) Она въ послѣдніе годы Кн. В. Ѳ. Одоевскаго постоянно была настольною для его занятій, сопровождала его даже въ поѣздкахъ и едва была съ трудомъ возвращена мною изъ бумагъ его посмертнаго наслѣдства.—Впослѣдствіи число подобныхъ Бѣлорусскихъ рукописей и рѣдкихъ изданій со Стихами возрасло у меня до полнаго богатства; не могу кстати не прибавить, въ характеристику уровня нашихъ свѣдѣній, что не такъ еще давно облетѣла нашу періодическую печать вѣсть объ одномъ изъ „Попечителей" Западнаго Края, который „нашелъ и открылъ" рукопись съ Бѣлорусскими Стихами и молитвами. Какая рѣдкость—для господствующаго незнанія!

**) 1861 года, стран. 1623, 24.

чатаніе, со всѣми моими дополненіями, старшихъ Былинъ, до которыхъ или вовсе не доросла Бѣлая Русь, или которыя у ней давно разложились. Въ мое одновременное изданіе «Калѣкъ Перехожихъ» вошло довольно много Бѣлорусскихъ Стиховъ (ихъ весьма мало было собраню П. В–чемъ, да и тѣ всѣ почти поступили въ первый его опытъ печатанія при «Чтеніяхъ М. О. И. и Др. Росс.»): но они помѣщались смотря по отдѣлу, который шелъ, а потому далеко еще не всѣ, даже часто не народные, младшіе и книжные, главное же—не столь характерные для народности, какъ пѣсни, а симъ послѣднимъ вовсе не было мѣста.

Крутой поворотъ и внушительный урокъ политическихъ событій, вскорѣ за тѣмъ наступившихъ для всего Бѣлорусскаго края и вмѣстѣ для всей Россіи, событій, зависѣвшихъ отъ положенія общественнаго, а въ корнѣ отъ жалкаго положенія народнаго дѣла, естественно далъ толчокъ и нашему собранію: на встрѣчу событій и вопросовъ, съ своей стороны мы явились готовыми, съ тѣмъ, чтó успѣли подготовить личныя силы, спеціальность занятія, предусмотрительный взглядъ на вещи и наше «непрактическое» отношеніе къ жизни. Въ концѣ 1863 года, *Обществу Любителей Россійской Словесности* представили мы обработанный для изданія Сборникъ, вмѣщавшій уже до *пяти сотъ* Бѣлорусскихъ образцовъ или памятниковъ чисто-народныхъ, устныхъ, не говоря о дополненіи старинныхъ Бѣлорусскихъ рукописей, съ Пѣснями и Стихами на нотахъ. Мы выразили желаніе, чтобы обнародываніе всего этого вошло въ рядъ изданій, начатыхъ уже и веденныхъ тогда нами отъ имени Общества, сопровождая представленія свои рѣчью, въ которой старались разъяснить: всю благовременность такого дѣла въ отвѣтъ на запросы тогдашняго дня; пользу для подъема цѣлаго Края, благодѣтельность для народа; потребность для Русскаго общества, блуждавшаго въ невѣдѣніи при самыхъ жгучихъ и спѣшныхъ вызовахъ минуты на положительную рѣшимость; отношеніе къ задачамъ политическимъ, безотносительный интересъ науки и знанія; даже практическій разсчетъ такого своевременнаго предпріятія и безопасность его какъ для мѣстнаго сепаратизма, многихъ еще тогда пугавшаго, такъ и для общаго Русскаго дѣла, всего болѣе имѣвшаго надежду на обезпеченіе именно такимъ путемъ. Не умѣстно и даже скучно было бы повторять эти истины, по счастію теперь еще не антиквированныя и къ сожалѣнію ничѣмъ лучшимъ пока не упраздненныя: любопытные могутъ обратиться къ «*Дню,*» гдѣ была воспроизведена наша рѣчь *). Общество Словесности, какъ и слѣдовало ожидать, раздѣлило совершенно наши взгляды и поручило намъ приступить къ изданію

*) 1863, № 45, 9 Ноября, „Объ изданіи памятниковъ Бѣлорусскаго народнаго творчества.“

отъ его имени на обычныхъ условіяхъ. «Западно-Русскіе люди,» представлявшіе тогда для себя самихъ и для внимательной литературы видную роль и почти особое сословіе, на вызовъ нашь, указать возможные недостатки и помочь исправленіями или дополненіями, отвѣчали молчаніемъ, по видимому сочувственнымъ, которое признали мы за знакъ согласія съ нашими взглядами и пріемами, такъ что видѣли себя въ правѣ считать подготовленное дѣло свое добропорядочнымъ.—Спѣшно принялись было мы за оживленную работу: но наступившій 64-й годъ до зимняго времени прошелъ въ переговорахъ по поводу приглашенія, намъ повторявшагося, прибыть въ Бѣлорусскій Край для постояннаго дѣйствія на самомъ поприщѣ разъигравшихся событій и вопросовъ. Среди такихъ обстоятельствъ пришлось доканчивать зачатыя изданія прежнія, чтобы планы, обработку и пріемы ихъ передать въ Москвѣ преемникамъ, а для Бѣлорусскаго сборника впереди представлялась лучшая возможность, лично и на мѣстѣ провѣрить, исправить, пополнить. Передъ отъѣздомъ мы снова обратились къ Обществу съ отчетомъ о прежней дѣятельности сего рода, сдавая ее съ рукъ на руки для продолженія и заключая просьбою: «Въ сборникѣ Кирѣевскаго есть особая часть, нѣсколько тетратей пѣсень Бѣлорусскихъ, которыя вы мнѣ разрѣшили издавать еще прошлаго года. Вотъ онѣ, я прошу покорнѣйше отпустить ихъ со мною, отчасти потому, что безъ меня онѣ будутъ совершенно безполезны и никто не разберетъ ихъ подъ Латинскою абецедой, а еще болѣе потому, что, прибывши на мѣсто, я приму всѣ мѣры, чтобы пріумножить ихъ новымъ собраніемъ чрезъ тамошнихъ мѣстныхъ дѣятелей.» «День,» въ самыя горячія минуты такъ много пособившій дѣлу Края печатаніемъ разнообразныхъ статей объ исторіи и современномъ положеніи Бѣлоруссіи, а вмѣстѣ встрѣчавшій такимъ сочувствіемъ дѣятельность нашу въ области народной и оказавшій неоцѣненныя заслуги просвѣщеннымъ содѣйствіемъ успѣху изданій народнаго пѣснотворчества, напутствовалъ насъ искреннимъ расположеніемъ и помѣстилъ отчетъ нашъ на своихъ страницахъ *).

При всѣхъ трудностяхъ, съ усердною готовностію на самую тяжелую работу и съ полною вѣрою если не въ политическія задачи, то въ успѣхъ общественнаго и народнаго дѣла, устремились мы на предстоявшее поприще въ Сѣверо-Западномъ, правильнѣе Бѣлорусскомъ, краѣ. Весьма совѣстно теперь, но справедливо признаться, что нами руководили горячія убѣжденія слѣдующаго рода. Политическая и государственная дѣятельность, со всѣми ея задачами въ Краѣ, не устраняетъ и не упраздняетъ, напротивъ вызываетъ

*) Въ № 4-мъ 23 января 1865 года.

на помощь и выводитъ на просторъ дѣятельность общественную и народную: понимая задачи перваго рода, кто не способенъ или не хочетъ отдать имъ всѣ свои силы, призванъ тѣмъ не менѣе содѣйствовать по мѣрѣ силъ задачамъ симъ послѣднимъ. Гдѣ мѣстная исторія заснула и груды ея памятниковъ лежатъ въ бездѣйствіи или гибнутъ по небреженію; гдѣ многочисленныя библіотеки, выраженіе былой образованности и средство для будущей, не просто замыкаются безъ пользы, но прямо теряются и исчезаютъ въ тревогахъ событій, безъ примѣненія къ мѣстнымъ нуждамъ и безъ централизаціи въ главныхъ пунктахъ; гдѣ музеи служатъ однимъ политическимъ, стало быть односторроннимъ тенденціямъ, угождая той или другой сторонѣ лишь на время ея перевѣса, безъ общеобразовательной цѣли; гдѣ воспитаніе и обученіе совершается доселѣ по народностямъ, безъ взаимнодѣйствія, безъ цѣлей общихъ и господствующихъ, уступая лишь низшему и исключительному фанатизму той или другой: тамъ, думали мы, широкое еще поле для науки и знанія, тамъ мѣсто рождаться ихъ вопросамъ, мѣсто для примѣненія ихъ опыта и запаса свѣдѣній, мѣсто для разсадки ихъ сѣмянъ, для возращенія ихъ плодовъ по всѣмъ сферамъ жизни, отъ высшихъ областей церкви до коренныхъ—народности, языка, племени. Вотъ общая, пожалуй отвлеченная мысль, которая проникала на практикѣ нашу дѣятельность: въ отысканіи, собираніи и подготовкѣ къ обнародыванію историческихъ памятниковъ, изъ нѣсколькихъ Архивовъ (Центральнаго, Эпархіальнаго, Капитульнаго, Варшавскаго, Короннаго и другихъ частныхъ); въ сбереженіи, перевозѣ къ одному безопасному мѣсту, разборѣ и описаніи книжныхъ сокровищъ (до 200,000 томовъ); въ устройствѣ и переустройствѣ Музея съ его Археологическимъ Обществомъ и публичнымъ пользованіемъ въ новомъ видѣ; въ реформѣ приготовительнаго воспитанія и учебныхъ заведеній Еврейскихъ, отъ простѣйшихъ народныхъ до высшаго Раввинскаго; въ занятіяхъ по Виленской, господствующей своимъ духомъ, гимназіи, гдѣ мы застали еще споръ народностей и распорядительность политическихъ направленій, подчинявшихъ себѣ остальныя, по нашему высшія и существенныя цѣли, но которую мы оставили безъ обиженныхъ Польскихъ и Еврейскихъ дѣтей, съ учителями, охотно обратившимися отъ политики и «жгучихъ» вопросовъ къ научнымъ занятіямъ, среди новой обстановки Архивовъ, Библіотекъ, Музея и разныхъ изданій, обезпечившихъ учителя усиленными средствами. И исторія прошлаго, и современное положеніе Края, и виды его на будущее вводили въ неминуемую борьбу, но не кулачную: въ общеніе съ элементами и стихіями сей борьбы, съ главными ея дѣятелями въ крупныхъ единицахъ нѣсколькихъ народностей, съ живыми представителями и сколько ни будь выдающимися лицами. Еврейство считали мы нужнымъ привлекать и сближать, вводить въ правильныя соотношенія вмѣсто путей узурпаціи или обоюдной

эксплоатаціи, указывать пользу для этой громадной силы и возможность ею пользоваться для другихъ, не презирать, не бранить и злословить, тѣмъ менѣе общественно и печатно, не возбуждать ненависти, не бросать, отталкивая, въ разверзтыя Прусскія объятія, готовыя тысячи рукъ и сѣтей. Съ Полонизмомъ, въ его исключительности и политическихъ разсчетахъ при захватѣ не-политическихъ средствъ, считали мы законнымъ правильно бороться, оспаривая шагъ за шагомъ, вершокъ за вершкомъ на поприщѣ самыхъ глубокихъ и существенныхъ для него интересовъ, но тѣми же средствами, которыя примѣнялись къ симъ интересамъ и которыми располагали мы безобидно,—средствами образованія, цивилизаціи, науки, просвѣтительной истины. «Западно-Русскихъ людей» не желали мы привѣтствовать въ таковомъ мундирѣ, съ соотвѣтственными знаками сего титула и форменными пуговицами при начальныхъ буквахъ сего заглавія, не корреспондировали имъ въ Петербургъ и не поклонялись на мѣстѣ при ихъ пріѣздѣ: мы ихъ искали въ мѣстныхъ уроженцахъ и постоянныхъ жителяхъ, которые изучали бы и разъясняли свою исторію, собирали и издавали бы свои народные памятники, занимались бы нарѣчіемъ Бѣлорусскимъ, не оставляли бы за собою рѣзко выдающихся отличій мѣстной общественной и литературной рѣчи, напротивъ воздѣлывали бы эту послѣднюю въ движеніи мѣстныхъ произведеній и въ соціальномъ оборотѣ; не брали бы только изъ общей сокровищницы Русской и претендовали на нее, но скорѣе обогащали бы ее своими взносами, на основаніи столь богатаго, заготовленнаго вѣками, матеріала. О Нѣмецкой сторонѣ, о противодѣйствіи ея или о борьбѣ съ нею мы не говоримъ ничего: она вездѣ на столько умна и образованна, что по крайности хорошо понимаетъ наши пути и употребляемыя средства, а политическій тонъ тогда былъ такъ силенъ, изъ Пруссіи же начинали долетать столь еще слабые аккорды Дюппель-марша, что всякому Нѣмцу оставалось примыкать къ сторонѣ Русской и на время мириться съ общественными пріемами, явно полезными для сей послѣдней. Наконецъ, послѣ мѣстной исторіи и сверхъ современнаго простаго народа съ его бытомъ, нарѣчіемъ и пѣснотворчествомъ, мы не понимали особыхъ Западно-Русскихъ людей, ни даже Бѣлоруссовъ, *въ формѣ политической:* а просто «Русскихъ» въ общемъ нашемъ дѣлѣ. Тѣмъ болѣе не признавали мы, на поприщѣ мѣстномъ, Великоруссовъ или еще Москвичей; не называли ихъ такъ, какъ называютъ всѣ въ Краѣ, «исключительно» Русскими, именно безъ разбора всѣхъ, пріѣхавшихъ со стороны:—то и другое выражаетъ сейчасъ или налогъ пропагандирующей тенденціи, или мѣстный отпоръ, граничащій съ чувствомъ враждебнымъ. Мы видѣли здѣсь и не пришельцевъ, и не владыкъ, а просто однихъ и тѣхъ же «Русскихъ:» служа Краю, служили они всей Руси, а всей Руси служить слѣдуетъ не по однимъ мѣстнымъ интересамъ, не по одной

политической обязанности, — по долгу нравственному, по призванію историческому. Мы разумѣли «русѣніе и «обрусѣніе» не въ грубомъ, столь скоро опошлѣвшемъ смыслѣ или, лучше, не въ очевидномъ безсмысліи: а въ качествѣ подъема мѣстныхъ силъ историческихъ, обреченныхъ двигать впередъ судьбы Края, и столько же въ однородныхъ, братски принесенныхъ, откуда бы то ни было, Русскихъ силахъ на помощь, въ пополненіе, въ дружное содѣйствіе, въ общую сумму и къ общимъ цѣлямъ. Намъ казалось, что эти послѣднія силы, если хотѣли быть первыми и руководящими, должны бы быть по преимуществу силами нравственными и интеллектуальными, съ какой угодно стороны, отъ народной до общественной, отъ гражданской до церковной: тогда онѣ дѣйствительно оказались бы «силами,» не притязаніями, не способностями стихійными, не государственнымъ однимъ облаченіемъ, а тѣмъ паче не поддѣлкой и не притворствомъ. Справедливо представлялось желать и отъ другихъ, и отъ самихъ себя: чтобы по крайности, на крайнемъ краю обширнаго Русскаго Края, при чрезвычайныхъ нуждахъ, представители Россіи оказались бы въ чемъ либо сами дѣйствительно «Русскими,» на примѣръ въ системѣ руководящей, въ отличительной образованности, въ церковномъ воспитаніи господствующаго вѣроисповѣданія, въ народномъ складѣ и вкусѣ, въ оригинальномъ взглядѣ на вещи, или хоть въ Русскомъ характерѣ, сложившемся вѣками, даже хоть въ привычкахъ житейскаго быта и въ самомъ языкѣ. Пусть бы тутъ были своеобразные Русскіе недостатки, вездѣ естественные, намъ издавна внутри Россіи знакомые: но отсутствіе всякого характера не составляетъ никакъ характера опредѣленнаго и ни на кого не налагается обязательно, политическій же характеръ есть одинъ политическій и не замѣняетъ собою остальнаго «всякого.» И мы счастливы были извѣданнымъ опытомъ, что такія Русскія силы еще есть и что дѣйствіе ихъ можетъ быть могущественно, неотразимо, плодотворно: мы счастливы были, по всѣмъ сферамъ нашей дѣятельности, нѣсколькими способными, сочувственными, вызванными или на мѣстѣ возбужденными дѣятелями, исполнительными, товарищескими, покровительствующими. Бывали минуты и бывали случаи, когда самыя даже Еврейскія, Польскія и прочія, съ извѣстной точки зрѣнія инородныя и въ водоворотѣ событій встрѣчныя, силы являлись намъ, подъ воздѣйствіемъ Русскимъ, совсѣмъ не чужими, не враждебными, а своими и по истинѣ Русскими, сочетавшимися къ общимъ цѣлямъ Россіи и къ тѣмъ общимъ цѣлямъ, коимъ исторически работаетъ Россія для всего человѣчества. Личныя наши отношенія съ ними и память, уцѣлѣвшая о томъ доселѣ, служатъ вѣрнымъ залогомъ и на всегда упрочены открытымъ свидѣтельствомъ. Въ семъ родѣ и въ семъ духѣ мы дѣйствовали: и, хотя передъ нашими взорами смѣнилось нѣсколько системъ, мы убѣдились, что наша политика и государствен-

ность, какъ бы ни измѣнялась въ формахъ или въ сущности, не только, разумѣется, не враждебна такому способу и духу дѣятельности, отнюдь не политическому, но всегда готова, расположена и способна, изъ своей сферы, весьма отличной, всмотрѣться въ другую, ей разъясненную, оцѣнить здѣсь законное достоинство, примѣнимость, пользу, помогать и всячески по своему содѣйствовать. Положительно, на это нечего пѣнять Краю, ни всей Россіи, имъ заинтересованной, ни тогда, ни по нынѣ: единаго слова никогда не скажемъ мы въ семъ отношеніи ни противъ одного главнаго правителя, всесильнаго внутри и всевластнаго на военномъ положеніи, ни противъ послѣдняго полицейскаго служителя, угловатый пріемъ котораго, вызванный угловатымъ случаемъ жизни, не въ состояніи повредить общему ходу дѣлъ и часто, мы видѣли, безопаснѣе для Русскаго дѣла, чѣмъ тончайшая и мягчайшая фраза общественнаго русителя. Бездарность, тупость или непроходимое невѣжество того или другаго дѣятеля въ отдѣльности, вездѣ и всегда возможное, сколько не извиненіе ему самому, столько же не обвиненіе цѣлой политикѣ или цѣлому государству и вѣдомству, которыя въ себѣ его числятъ: скорѣе обвиненіе на общество, которое удѣляетъ такой контингентъ на службу, и на народъ, который выростилъ на себѣ наростомъ несообщительное или истощенное общество. — Къ сожалѣнію принципъ, мѣстно и особенно приложенный къ тому Краю, чтобы всякой, дѣйствующій тамъ, непремѣнно состоялъ на государственной службѣ, не выдерживаетъ счастливаго примѣненія на опытѣ: общественная и въ частности научная дѣятельность, будучи независима въ своихъ отправленіяхъ, всегда пользовалась бы расположеніемъ оффиціальной власти, которая имѣетъ возможность и быстро пресѣкать ее въ случаѣ злоупотребленій; но, затянутая въ извѣстное «вѣдомство» службы, она не можетъ имѣть потребной развязности; съ трудомъ подчиняется случайнымъ опредѣленіямъ вѣдомства въ тысячѣ его условныхъ формъ или знаковъ; зависитъ не отъ себя, не отъ сущности дѣла, а отъ лица, ближайше управляющаго вѣдомствомъ. Между тѣмъ, судите, какъ трудно дѣятельность въ родѣ выше очерченной, простертой на изученіе мѣстной исторіи, на собираніе памятниковъ, особенно народныхъ, на выборъ средствъ общаго образованія, на распространеніе знаній или умственное вліяніе, и тому подобное, какъ трудно ее облечь однообразнымъ мундиромъ, выразить оффиціальной буквой, даже многимъ растолковать на «дѣловомъ» языкѣ. И вотъ обстоятельства, въ силу которыхъ, рядомъ многообразныхъ дѣйствій и преимущественно бумагъ, устремленныхъ противъ означенной нашей дѣятельности, доказали намъ непримѣнимость ея къ нуждамъ Края, несоотвѣтственность видамъ начальства, безплодность и даже скорѣе вредоносность. Съ своей стороны, помня правило «служить бы радъ, прислуживаться тошно,» мы ни какъ не могли

согласиться, что нужно, для выгодъ личныхъ, угождать лично властительному лицу и, скрывая себя или дѣло, отдавать почетъ и успѣхъ въ оборотъ, въ коемъ росла бы чья либо извѣстность; занимаясь исторіей Края, мы не полагали ее въ описаніи текущихъ патріотическихъ празднествъ; заботясь о средствахъ образованія, общихъ для Края или частныхъ для цѣлаго ученаго учрежденія, даже для учебнаго заведенія, мы не считали, будто это одно и то же, что посѣщать неуклонно оживленные «педагогическіе вечера.» Изстари любя всякую Русскую и слѣдя на мѣстѣ Бѣлорусскую пѣсню, мы не усматривали побѣды Русской народности, если бы кто въ упоеніи садился по берегамъ Виліи въ широкій кружокъ и затягивалъ «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.» Торжество фразы не представлялось намъ торжествомъ Русскаго дѣла: «ксендзовство, шляхетство, польская интрига и пропаганда, злобныя козни враговъ, фанатизмъ, паразитство и торгашество Евреевъ, Западно-Русскій дѣятель и Русскій человѣкъ какъ герой и дѣятель Края,» —всѣ эти и подобныя выраженія не лились, какъ бы слѣдовало, потокомъ съ языка нашего. Политическое по нашему было не то же, что полицейское, государственное не то же, что чиновническое: арендъ, знаковъ отличія, выгодныхъ командировокъ и лестныхъ вниманій мы не домогались и ничѣмъ, самымъ даже простымъ и легкимъ, на службѣ нашей не купили. Уступая такую практику, а если подъ ней понимали всякую практику занимавшаго насъ дѣла, то уступая и всякую практику другимъ, мы думали остановиться по крайности на чистыхъ интересахъ науки. Для того, чтобы управлять и распоряжаться Краемъ къ пользѣ Россіи и къ общимъ цѣлямъ исторіи, необходимо, полагали мы, прежде всего узнать и знать самый Край, съ кѣмъ и съ чѣмъ имѣешь дѣло, въ былой исторіи и въ современномъ положеніи: если кто не могъ оцѣнить практическую пользу сего или воспользоваться практически симъ существеннымъ элементомъ вѣдѣнія для цѣлей высшихъ, то самый элементъ вѣдѣнія оставался несомнѣннымъ и обязательнымъ. Нашлись бы, хоть позднѣе, люди практики, кому это пригодилось бы: усумниться же въ первой потребности науки и знанія было не законно, и къ этому не могла принудить власть вѣдомства. Таково было, между прочимъ, принесенное нами въ Край, въ немъ восполненное, пріумноженное, оживленное и укрѣпившееся изученіе *Бѣлорусской народности,* въ ея исторіи и теперешнемъ видѣ, съ ея бытомъ и обычаемъ, обрядомъ, нарѣчіемъ, пѣснотворчествомъ. Струю эту неуклонно слѣдили мы на мѣстѣ, и по письменнымъ памятникамъ, и въ сокровищахъ печати, и изъ живыхъ устъ, и въ личномъ наблюденіи на каждомъ шагу, въ поѣздкахъ и ежедневныхъ сближеніяхъ съ народомъ. Многія лица радушно намъ содѣйствовали сообщеніями: старый товарищъ *А. И. Казановичъ,* отчасти тогдашній директоръ Молодечненской Учительской Семинаріи *А. И.*

Забѣлинъ, нѣсколько учителей и учениковъ, нами возбужденныхъ къ тому и заохоченныхъ, изъ которыхъ особенно благодарны мы г. *Турцевичу* и въ числѣ которыхъ были даже Нѣмцы, Евреи, Поляки. Собраніе наше, какъ и надѣялись мы, возрасло до громадныхъ размѣровъ: личное сближеніе съ Краемъ и простымъ народомъ придало прежнему знакомству заочному наглядность, живость и убѣдительность; многое прежнее мы провѣрили, давая приглашеннымъ крестьянамъ выслушивать, разъяснять, пополнять варіантами. Къ несчастію, при всѣхъ средствахъ, расточавшихся тогда на любую фразу о Русскомъ дѣлѣ, изданію этихъ матеріаловъ, не смотря на многократные наши хлопоты, ничего не досталось, а собственныя наши средства были къ сему слишкомъ скудны. Когда же первое и послѣднее наше дѣло, столь близкое сердцу, не нашло себѣ движенія впередъ, это рѣшило насъ воспользоваться неблагосклонностью извѣстныхъ лицъ вліятельныхъ: предваряя многихъ, съ легкой руки вскорѣ за нами послѣдовавшихъ, оставили мы Край къ концу 1866 года.—Этими замѣтками, необходимыми только для исторіи нашего изданія, конечно не вступаемъ мы ни въ какія личныя препирательства и объясненія, къ которымъ вовсе не чувствуемъ ни охоты, ни призванія: ликвидировать подобные счеты и дѣла остался послѣ насъ въ Краѣ дорогой другъ нашъ *М. Ө. Де-Пуле,* дѣлившій съ нами всю дѣятельность и особенно ея отношенія къ «вѣдомству,» а послѣ разсчитавшійся черезъ посредство издававшагося его трудомъ «Виленскаго Вѣстника» и Петербургскихъ газетъ.

И прежде того, а особенно на самомъ мѣстѣ въ Краѣ, ознакомились мы близко съ исторіей нашего задушевнаго дѣла *въ литературѣ.* Самосознаніе и сознаніе посредственное, отвлеченное, руководящее обыкновенно литературою, давно обратилось у Бѣлой Руси на ея собственную народность и творческую словесность *устную,* несравненно давнѣе, чѣмъ на прочія стороны Бѣлорусской исторіи: послѣдствіе и вмѣстѣ признакъ того, что народность давно начала страдать, пѣснотворчество слабѣть, цѣлый крупный отдѣлъ — Былевой — разлагаться. Уже сочинитель Слова о Полку Игоревѣ, уроженецъ, выходецъ или даже житель Бѣлорусской области, воспѣвшій главнаго ея героя—Всеслава, сочиняя первый нашъ литературно-народный памятникъ, творилъ «по Былинамъ его времени,» устнымъ и мѣстнымъ, то разлагая ихъ и исчерпывая своимъ литературнымъ пріемомъ, то пользуясь вставкою отдѣльныхъ цѣлыхъ стиховъ. Многія рукописи прозаическія, особенно «Житія,» уцѣлѣвшія по нашимъ книгохранилищамъ, касаясь Литовскихъ или, что то же, Бѣлорусскихъ князей-героевъ, Литовцевъ или Бѣлоруссовъ по племени, передаютъ легендарные разсказы, очевидно сложившіеся на основаніи народныхъ Былинъ, и именно Бѣлорусскихъ, ибо отъ сихъ послѣднихъ уцѣлѣли еще отрывки, перешедшіе въ Молодецкую или Безъ-

имяннную пѣсню, частію въ Былевые духовные Стихи, Литва же собственная, какъ племя, языкъ и народъ,—извѣстно знатокамъ,—вовсе не доросла ни до какого эпоса. Съ XVII вѣка идетъ уже рядъ рукописей, уцѣлѣвшихъ особенно въ нашемъ личномъ собраніи, гдѣ Пѣсни и Стихи Бѣлорусскіе изъ устъ народа намѣренно записаны, цѣликомъ или отчасти въ передѣлкѣ, не рѣдко на нотахъ, усвоенныхъ съ Европейскаго Запада: отражалась по мѣстамъ эта дѣятельность и въ печати. Тревожныя событія политики и колонизація Бѣлорусскихъ литераторовъ или ученыхъ, помянутыя выше, къ XVIII вѣку разнесли всюду, вплоть до Москвы, но, особенно съ половины его, подорвали начатую дѣятельность на мѣстѣ. Не будь такого перерыва, мы получили бы мѣстный рядъ письменныхъ и печатныхъ, такъ называемыхъ «Пѣсенниковъ,» коихъ доселѣ у Бѣлой Руси собственно нѣтъ, но которые послѣдовательнымъ путемъ составились и господствовали у насъ во всемъ XVIII вѣкѣ, обогативши и XIX-й *). Не имѣлось для сей цѣли и другаго, извѣстнаго у насъ, существеннаго условія, — процвѣтанія помѣщичьихъ усадьбъ въ народной обстановкѣ: началось крутое и быстрое ополяченіе мѣстныхъ пановъ и шляхтичей. Постепенно и руководство литературой, и сама литература съ наукою перешли въ Польскія руки, все равно—урожденныхъ ли Поляковъ, или ополяченныхъ Бѣлоруссовъ. Къ великой чести ихъ образованія и вкуса нужно сказать, что они сравнительно давно устремили вниманіе на мѣстную Русскую, то есть Бѣлорусскую, народную словесность: чтобы не возвращаться къ тому нѣсколько разъ, обрисуемъ вкратцѣ черты сей дѣятельности и главныхъ ея двигателей.—Если мы теперь, весьма поздно, спохватились называть и признавать Бѣлоруссію своею, нарѣчіе ея и пѣснотворчество своимъ, начинаемъ собирать и изучать памятники этого рода, азбуку же и правописаніе употребляемъ законно и соотвѣтственно въ томъ видѣ, какъ началъ Кириллъ и довершила письменность или печать Русская, руководясь, во всемъ этомъ, теперешнимъ сознаніемъ ближайшаго родства: если это было такъ, то мы никакъ не осмѣлимся упрекнуть литературу и науку другую, Польскую или Ополяченную, за то, что она также точно, и гораздо раньше насъ, считала и вела дѣло, о которомъ говоримъ, своимъ, собственнымъ и приснымъ, убѣждаясь къ тому и дѣйствительнымъ родствомъ, хотя подальше нашего, и родствомъ привычки давняго сожительства, и памятью о существѣ или корнѣ мѣстныхъ, позднѣе ополяченныхъ, формъ жизни. Очень естественно, что и на письмѣ, и въ печати употребляла она абецеду, даже цѣликомъ шрифтъ Польскій, то есть

*) См. статью нашу въ „Зорѣ“ 1870 г.

одежду, господствовавшую и привычную во всей мѣстной литературѣ, хотя конечно отъ того страдалъ и правильный выговоръ въ языкѣ, и соотвѣтственный характерѣ, даже смыслъ народнаго памятника. Дурно только, если въ дѣло это замѣшивалась политика, съ исключительностью Польской тенденціи: но это случалось въ настоящемъ вопросѣ лишь позднѣе, а мы должны вспомнить, что мы сами разсчитывали, по крайности недарно, сдѣлать изъ всего этого также орудіе политическое. Во всякомъ случаѣ другая сторона предварила насъ. Разумѣется, создавать практическія изданія, въ родѣ народныхъ Бѣлорусскихъ Пѣсенниковъ, не было ей никакого побужденія, ни разсчета: все народное, съ языкомъ и памятниками, входило какъ элементъ, какъ составная часть трудовъ по мѣстному, и разнообразному, описанію Края: Бѣлорусское стояло рядомъ съ Литовскимъ, Польскимъ и даже Еврейскимъ. Старшіе дѣятели, не обинуясь, называли языкъ и народъ съ его произведеніями прямо *Русскимъ*, и только позднѣе, подъ вліяніемъ политики, стали появляться и утвердились разныя хитросплетенныя названія, скрывавшія суть дѣла, не чуждыя, къ сожалѣнію, и нашему собственному невѣжеству. Изъ старшихъ за сей періодъ слѣдуетъ назвать почтеннаго Лукаша Голембёвскаго, который въ нѣсколькихъ извѣстныхъ сочиненіяхъ, устремленныхъ преимущественно къ народной жизни, особенно въ «Людѣ Польскомъ (Lud Polski, 1830),» записалъ и сообщилъ довольно чертъ Бѣлорусскихъ, чисто-народныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько пѣсенъ мѣстныхъ, подъ именемъ «Русскихъ,» въ ихъ подлинномъ нарѣчіи (хотя подъ абецедой) и даже отчасти съ музыкою ихъ на нотахъ. — Нѣсколько раньше еще другой, — мы именуемъ только главнѣйшихъ, — знаменитый Самуилъ Богумилъ Линде ввелъ многія народныя Бѣлорусскія выраженія, а подъ ними черты быта и творчества, въ свой монументальный «Словникъ языка Польскаго (конченный въ 1-мъ изданіи 1814 года при пособіи гр. Тышкевича):» въ семъ дѣлѣ явился онъ несравненно внимательнѣе, находчивѣе, обильнѣе, образованнѣе, научнѣе и даже безпристрастнѣе нашихъ собственныхъ, недавнихъ доморощеныхъ попытокъ.—Третій, ревностнѣйшій Зор. Яковлев. Долэнга (Долугъ)-Ходаковскій самъ исходилъ пѣшкомъ Край, въ особенности Восточную его часть, самъ записалъ очень много, между прочимъ пѣсней изъ устъ: сборникъ его разошелся по разнымъ рукамъ и часть Бѣлорусскаго досталась намъ въ бумагахъ К. Ѳ. Калайдовича *).—За тѣмъ, въ отрывкахъ болѣе или менѣе крупныхъ и въ чертахъ по необходимости бѣглыхъ, образцы Бѣлорусскаго языка и

*) Ср. нашъ біографическій очеркъ сего послѣдняго въ „Р. Бесѣдѣ“ и въ „Чтеніяхъ.“

пѣснотворчества, съ бытовыми образами и характеристиками, нашли себѣ мѣсто тамъ и сямъ въ разныхъ Польскихъ, отчасти въ мѣстныхъ изданіяхъ, преимущественно повременныхъ: если ихъ трудно собрать, за десятки лѣтъ, то тѣмъ тяжелѣе перечислять здѣсь въ подробности. — Мало по малу, изъ частныхъ статеекъ и замѣтокъ, начали концентрироваться особыя, отдѣльныя изданія въ этомъ родѣ, гдѣ прямо обозначалась уже цѣлая «область пѣсней.» Трудность справиться съ абецедою для выраженія Бѣлорусскаго говора заставляла или прямо вводить полный Польскій шрифтъ, примучивая къ нему рѣчь Бѣлой Руси, а когда и это сдѣлалось тяжело, и по видимому совѣстно, и явно не складно, обратились просто къ «переводамъ на Польскій языкъ,» такъ что при подобныхъ сборникахъ нужно быть очень осторожнымъ: то является намъ Польская пѣсня, которая однако въ основѣ оказывается скоро Бѣлорусскою, то страннымъ образомъ Бѣлорусская пѣсня поетъ на языкѣ Польскомъ. Очевидно, что эта работа назначалась собственно для ходячей литературы, интересовавшейся народною поэзіей, но совершенно уже отставшей отъ народнаго языка Бѣлой Руси, который былъ отданъ «хлопамъ» и чуждъ, болѣе чѣмъ Латынь: всего чаще это вызвано, практиковалось, потреблялось поэтами Польскими, столь блистательными съ 20-хъ годовъ столѣтія и конечно передовыми въ искусственной, литературной поэзіи Славянской. Вся Польская поэзія ихъ, въ высшей формѣ Польской художественности, зародилась въ это время, выросла и зацвѣла, какъ извѣстно, благодаря собственно кореннымъ сокамъ поэзіи народной, но отнюдь не одной Польской, даже всего менѣе Польской, истощившейся и истощенной, притомъ лишь недавно поднявшейся на видное подобающее мѣсто, при подъемѣ Польскаго крестьянства и при лучшемъ направленіи въ наукѣ: напротивъ, лучшіе Польскіе поэты сего періода обязаны всего больше устной поэзіи тѣхъ народностей, къ которымъ они сами принадлежали по происхожденію и изъ которыхъ литературно возросли въ Польскую форму. Стóитъ только назвать Мицкевича, Богдана Залѣсскаго, Кондратовича—Сырокомлю. Украйна, Бѣлая Русь и Литва дали Польшѣ богатый контингентъ собственною народною жизнію, и въ семъ-то случаѣ, въ сихъ видахъ и началахъ, помянутыя изданія служили переходными, переливая существенный матеріалъ изъ одного въ другой видъ жизни. Таковы, на примѣръ, упомянемъ бѣгло: «Пѣсни сельскія съ верховьевъ Нѣмна и Двины (въ нѣсколькихъ повтореніяхъ и развѣтвленіяхъ, Piosnki wieśniacze z nad Niemna, въ 2-хъ частяхъ одного тома; P. w. z nad Niemna i Dźwiny; P. w. z nad Dźwiny, книжечка 3-я; P. w. z nad Niemna i Dźwiny; Вильна, 1837 — 44);» тутъ, кромѣ переводовъ, попало и нѣсколько подлинныхъ пѣсней Бѣлорусскихъ съ особымъ именованіемъ, отселѣ вошедшимъ въ употребленіе, будто эти произведенія «въ нарѣчіи *Славяно-Кривическомъ* (а не просто Русскомъ

или Бѣлорусскомъ, хотя часть Бѣлой Руси и звалась нѣкогда въ нисшемъ слоѣ племени Кривичами: w mowie Sławiano-Krewickiéj).» Дальше «Пѣсни люда Надънѣменскаго изъ околицъ Алексоты,» съ этой границы «Царства,» откуда съ высокаго берега созерцаемъ внизу Ковну подъ ногами, Польскій переводъ съ Литовско-Жмудскаго и отчасти Бѣлорусскаго (Pieśni ludu Nadniemeńskiego z okolic Aleksoty, Kar. M. Br....i, Познань 1844). Гораздо важнѣе «Пѣсни простонародныя люда Пинскаго (Piosenki gminne ludu Pińskiego, Ковна 1851),» собранныя, напечатанныя кое-какъ абецедой и, увы, *преложенныя* на Польскій въ наглядномъ текстѣ рядомъ, съ ошибками и не всегда вѣрно, весьма почтеннымъ впрочемъ Ромуальдомъ Зенкевичемъ, мѣстнымъ учителемъ, доживавшимъ вѣкъ свой въ крайней бѣдности и слѣпотѣ: хоть совершенно напрасно онъ «прелагалъ,» однако много собралъ въ простотѣ своей и имѣлъ даже смѣлость рядомъ сопоставить подлинный текстъ Бѣлорусскій, съ переходомъ сего нарѣчія, по мѣстности, къ оттѣнкамъ нарѣчія Малорусскаго; къ сему послѣднему примыкаетъ и нѣсколько образцовъ изъ Полѣсья Волынскаго, съ Буга и околицъ Любомля. И т. д. Также точно почти, по крайности въ томъ же направленіи и духѣ, относительно Руси Малой и Бѣлой дѣйствовали прочіе, старшіе собиратели Польскихъ пѣсней, издававшіе цѣльные сборники «съ прибавкою» Русскихъ, во Львовѣ, Краковѣ и Варшавѣ, до трудолюбиваго Казим. Владисл. Войцицкаго въ его «*Пѣсняхъ люда* (Pieśni ludu, Варш. 1836, 2 части)» и въ Исторіи литературы Польской.—Конечно бывали исключительные случаи, когда сими средствами думала пользоваться такъ называемая «Польская пропаганда,» особенно за границей. Въ примѣръ ограничимся хоть однимъ указаніемъ на «Бялорусь,» изданную въ Парижѣ 1840 г. Александромъ Кыпинскимъ (Białoruś, Alex. Kypińskiego, 228 стран. въ 16°). Книжечка, съ нѣсколькими пѣснями и очерками народнаго быта Бѣлой Руси, въ то же время приподнимается на цыпочки, чтобы осыпать бранью Россію. Какъ это ни смѣшно, но, правду говоря, отнюдь не столько вредно и зло, сколько ненаучно, памфлетно, безтолково, а больше литературно. Вообще, это направленіе, связанное, говорили мы, съ воспитаніемъ и дѣломъ Польскихъ поэтовъ, повторилось по очереди заднимъ числомъ и у насъ: начиная съ прежняго «Современника,» Петербургскіе журналы и доселѣ, особенно за послѣдніе года, украшаются «переводами» Бѣлорусскихъ пѣсней, въ передѣлкѣ Петербургскихъ поэтовъ; ожидаемъ даже, что тамошній Славянскій Комитетъ издастъ что ни будь цѣльное въ этомъ родѣ, для ознакомленія литературы и поэтовъ со столь отдаленною вѣтвію Славянства, какъ Бѣлая и Малая Русь. Съ своей стороны, предоставляя это по праву поэтамъ Пальмиры, мы помнимъ, что нашъ Пушкинъ поступалъ не такъ,—или прямо обращался къ источнику, впивая и изучая его, или творилъ со-

вершенно свободно отъ него, какъ отъ матеріала, даря намъ высокія произведенія самобытнаго творчества личной поэзіи, въ народномъ духѣ, складѣ и характерѣ, но безъ рабства подражанія, безъ своеволія передѣлки, ибо та и другая область, народная и личная, устная и литературная, въ творчествѣ и искусствѣ различны по существу своему, происхожденію и исторіи. Мы на свою долю не беремъ конечно притязаній одной стороны и беззавѣтно держимся другой, коренной, подлиннаго творчества народнаго устнаго, «присутствуя» при немъ, вслушиваясь, собирая, изучая, издавая, пролагая пути и облегчая средства для всеобщаго пользованія.—Въ этомъ отношеніи у насъ первый, за предварившими Поляками, отчасти затронутый частнымъ примѣромъ Калайдовича, отчасти возбужденный подвигомъ Ходаковскаго, воздвигся на неизмѣримую по тому времени высоту тонкаго вкуса, меткаго постиженія, правильнаго такта, научнаго пріема и образованнаго взгляда—П. В. Кирѣевскій: превосходя большую часть Поляковъ означенными качествами въ примѣненіи къ Бѣлорусскому народному творчеству, онъ конечно превзошелъ ихъ больше еще тѣмъ, что относился къ Бѣлоруссіи какъ родной и во имя родства, для самой же Руси и для всей Руси, а это родство безъ сомнѣнія ближе, а эти права на успѣхъ обширнѣе, ибо простираютъ виды на далекое будущее. Но, до какой степени въ семъ положеніи оставался онъ на Руси одинокъ, достаточно двухъ примѣровъ. Съ одной стороны внимательнаго слушателя, вѣрнаго послѣдователя, ревностнаго преемника нашелъ онъ себѣ, изъ всей среды общества, только одного—въ насъ, на цѣлые десятки лѣтъ; съ другой стороны, стóитъ упомянуть, въ Петербургѣ такъ хорошо понимали это и такъ ясно пророчили подражателей поэтовъ, что уже въ 1853 году издали «Народныя Бѣлорусскія пѣсни,» *собранныя*, какъ сказано, «преимущественно въ Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи,» но переведенныя, подправленныя и передѣланнныя до неузнаваемости, съ курьознымъ замѣчаніемъ издательницы *Е. П.*: «Я.... не сохранила особенностей Бѣлорусскаго говора и приняла Русскій алфавитъ.» Если это не странно, то развѣ потому лишь, что опять заднимъ и позднимъ числомъ повторяетъ подобныя явленія у Поляковъ, которыхъ во всемъ привыкли мы обвинять такъ щедро.—Что касается до прочихъ нашихъ описателей народнаго быта и съ этою цѣлію тогдашнихъ собирателей всякимъ пѣснямъ, пословицамъ и поговоркамъ, большею частію черезъ чужія руки или въ выпискахъ, то изъ нихъ, слава Богу, у Сахарова не дошли до Бѣлоруссіи руки (иначе онъ все исказилъ бы своею подправкою), а старшій въ семъ родѣ, достоуважаемый И. М. Снегиревъ и младшій—добросовѣстный г. Терещенко имѣли возможность воспользоваться только немногими лишь отрывками. — Между тѣмъ въ самомъ Краю творился переворотъ, о которомъ стóитъ сказать нѣ-

сколько словъ. Пятидесятые года нашего столѣтія были счастливы: стороны, обреченныя вѣчно бороться и спорить, но вовсе ничѣмъ не обязанныя враждовать, ненавидѣть и ѣсть другъ друга, начали рѣшительно искать сближенія, какого ни будь modus vivendi, какой ни будь возможности жить и дѣйствовать вмѣстѣ. Политическое бытіе, нѣкогда сплотившее ихъ суровою силой и именемъ *Литвы,* отозвалось вновь: усильно стали всѣ принимать названіе Литвы, Литовцевъ, Литовскаго, и подъ этимъ названіемъ дѣйствовать, по возможности вмѣстѣ, сообща, не всегда къ одной, но по крайности къ нѣсколькимъ сходнымъ цѣлямъ. Недостойно было бы насъ, по обычаю другихъ, видѣть и здѣсь хитрое укрывательство Польщизны, или предлогъ затереть все Русское: не диво, если Полякъ, не имѣя возможности жить въ семъ качествѣ, преображался въ Литовца, а Русь одѣвалась Литвою чтобы отличить себя отъ извѣстнаго Руссизма; въ сей формѣ Полякъ все-таки давалъ отпоръ исключительности Польской, какъ давало нѣкогда Литовское Княжество, а Русь все-таки выводилась на сцену, хотя и подъ собирательнымъ, политическимъ нѣкогда, теперь же народнымъ именемъ Литвы. То была просто и естественно искомая формула хоть какого либо примиренія. Еще живъ былъ ветеранъ, великій Нарбутъ, родоначальникъ сего дѣла и направленія. Не говоря объ его печатныхъ сочиненіяхъ, его бумаги, которыя удалось намъ въ тревожное время спасти отъ погибели тотчасъ по его смерти и бережно перевезти на храненіе въ Виленскій Музей (и это мы считаемъ отраднѣйшимъ дѣломъ жизни), съ тысячами его очерковъ, соображеній, замѣтокъ, составляютъ для всего Края, въ томъ числѣ Бѣлой Руси, такое сокровище, какого еще не собирали для ней другіе Поляки и Русскіе. Въ связи съ нимъ, хотя ступенями ниже, мы готовы были бы назвать и «Образъ Литвы» Ярошевича (1844—45), и «Литву» Юцевича—Людвика съ Покіевья (1846) или Крашевскаго (1847).—Памятникамъ письменнымъ, въ дипломатическомъ и болѣе политическомъ смыслѣ, посчастливилось прежде: ихъ издавали—Русскою печатью — еще незабвенный О. Григоровичъ («Бѣлорусскій Архивъ» 1824) и другіе Русскіе издатели Минскихъ, Виленскихъ актовъ: нельзя забыть и большой сборникъ «Скарбецъ (Thesaurus, Сокровищница)» Игнатія Даниловича, изданный Я. Сидоровичемъ (Вильна 1860—62), хотя Польскимъ шрифтомъ и съ Польскимъ переложеніемъ, но простиравшійся на исторію той же, какъ сказано, «Литвы и Руси Литовской (Rusi Litewskiéj).» Вмѣстѣ съ однороднымъ трудомъ г. Круповича, эти изданія, въ какомъ бы то ни было видѣ, послужили серьозностью своей для входа въ то дѣло Археографической Коммиссіи, на которое и мы положили столько труда, особенно напряженнаго зрѣнія, и которое ведетъ нынче Я. Ө. Головацкій съ прочими Археологическими Коммиссіями. Нау-

ка вездѣ одна и та же наука, и выводы ея, хотя бы съ разныхъ сторонъ, роднятся. Малиновскій, жившій за это время въ Вильнѣ, ученый совсѣмъ инаго направленія, наукою своей и библіотекой много содѣйствовалъ общему дѣлу (жаль, что, при всѣхъ хлопотахъ, мы не успѣли послѣ него пріобрѣсти библіотеку въ Музей). Маститый прелатъ Мамертъ Гербуртъ, котораго мы счастливы были застать въ живыхъ, составилъ громадный трудъ для церковной исторіи, конечно главнымъ образомъ католической, но столько же обнимающій, по связямъ, всѣ вѣроисповѣданія Края и въ семъ случаѣ много пособившій извѣстной книгѣ Гр. Дм. А. Толстаго о «Католицизмѣ въ Россіи.» Старецъ работалъ и еще работаетъ уединенно, въ тиши, безъ надежды на изданіе, для котораго, стыдно сказать, ни откуда нѣтъ до сихъ поръ средствъ: но онъ же переводилъ и Греческихъ отцовъ церкви (не смотря на общее неудовольствіе людей исключительныхъ); и одинаково способствовалъ всему научному—Русскому; стóитъ сказать, что въ его школѣ воспитались тѣ люди, которые такъ радушно,—назовемъ хоть О. Жилинскаго, управляющаго нынѣ эпархіей,—помогли намъ въ первомъ опытѣ введенія Русскаго молитвеннаго языка въ Вильнѣ при Гимназіи и Конвиктѣ. Самъ бывшій Епископъ Красинскій, переводчикъ, комментаторъ и издатель Слова о Полку Игоревѣ, не для кого, какъ для цѣлаго Края, безъ различія его элементовъ, составлялъ библіотеку, учености которой и всестороннему знанію удивлялись мы при разборѣ послѣ его отъѣзда; въ его домѣ жилъ тогда (и лишь послѣ перебрался доживать въ Варшаву) патріархъ Польскихъ, скорѣе сказать—мѣстныхъ—поэтовъ, религіозный Одынецъ; въ его же домѣ собрана была эта замѣчательнѣйшая коллекція портретовъ всѣхъ «Владыкъ» Края. Коснувшись Владыкъ, кто забудетъ величавый образъ митрополита Сѣмашки, этого не Бѣлорусса, не Западно-русскаго человѣка, а величайшаго дѣятеля всей Россіи, воспитаннаго однако и возросшаго въ той же «Литовской» школѣ среди Вильны? Не говоря о прочемъ, его коллекція, столь неисключительная и разнообразная, вмѣстѣ съ архивомъ его бумагъ, замѣтокъ, переписки, осталась истинной сокровищницей для изученія и познанія цѣлаго Края, а вмѣстѣ для Бѣлорусскаго народнаго развитія: и лишь нужно дивиться наслѣдницѣ сего, Академіи Наукъ, какъ съумѣла она погребсти на долго свое наслѣдство. Послѣ обстоятельнаго обсужденія, она напечатала процессъ сего послѣдняго, съ окончательнымъ выводомъ того смысла, что важно и необходимо издать вполнѣ все до подробности, а потому нельзя издать и приступать теперь къ изданію. Но чтó говорить о всякихъ коллекціяхъ, которыми такъ богатъ весь Край и особенно богата Вильна, хотя бы отъ ея Обсерваторіи спуститься по лѣстницѣ до Музея! Когда мы дѣйствовали на семъ поприщѣ и въ сихъ вопросахъ, не можемъ не признаться, отстаивая до сихъ поръ необходимость нашего дѣйствія, что многое, подъ вліяніемъ роковыхъ политическихъ обсто-

ятельствъ, представлялось намъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ теперь, издали и при хладнокровномъ безпристрастіи: если вкрадывалась сюда какая либо ошибка, то именно та, что не всегда въ ту пору могли мы догадаться о значеніи помянутой формулы «Литовской;» казалось исключительнымъ то, чтó было переходнымъ и даже иногда сближающимъ. Во всякомъ случаѣ мы не могли же не видать здѣсь и громады того, чтó въ результатѣ оказалось собраннымъ и соединеннымъ именно для Бѣлой Руси. Да простятъ намъ тѣ лица, еще живыя, съ которыми въ этомъ дѣлѣ такъ долго и упорно мы боролись, отстаивая или завоевывая каждый шагъ: не лично, не полицейски, а научно и литературно. Заслуги ихъ, нами признанныя еще до отъѣзда изъ Края, могутъ сдѣлать одинъ лишь практическій и вѣскій упрекъ намъ: взятое изъ другихъ рукъ, дѣло это однако же разрушилось и пало послѣ нашего отъѣзда; не стóило переворачивать и поднимать предчувствуя, стóило дѣйствуя предвидѣть обычныя послѣдствія. — Именуя здѣсь Графа Е. П. Тышкевича, г. Круповича, А. К. Киркора и сотоварища ихъ, брата известному нашему поэту, старожила мѣстнаго П. В. Кукольника, спѣшимъ къ той дѣятельности ихъ, которая въ однородномъ направленіи устремлена была специально къ мѣстной народности съ ея пѣснотворчествомъ, чисто ли къ «Литовской» или, за одно съ нею, къ «Бѣлорусской.» Въ 1854 году, послѣдніе двое изъ сказанныхъ лицъ, отъ имени Статистическаго Комитета, отпечатали въ Вильнѣ «Черты изъ исторіи и жизни Литовскаго народа,» драгоцѣнныя во всѣхъ отношеніяхъ, и по матеріалу, и прекрасному изложенію, и даже изящно-простому изданію. Конечно здѣсь говорится въ собственномъ смыслѣ о «Литовцахъ:» но тѣмъ самымъ много разъяснено и для Бѣлой Руси. Главное, здѣсь Литва уже выдѣлена отъ Руси, а вмѣстѣ все изложено по Русски и печать Русская: это былъ не только важный поворотный шагъ, но даже подвигъ. Разумѣется, нельзя не улыбнуться, читая при изданіи замѣтку: «Въ будущемъ году мы представимъ читателямъ описаніе обрядовъ, повѣрьевъ, пѣсенъ и пр. *Славянскаго племени,* населяющаго бывшее В. Кн. Литовское.» Славянское племя означаетъ здѣсь не болѣе ни менѣе, какъ «Бѣлую Русь:» но, не гоняясь за симъ, серьозные люди должны вспомнить, что однако же никто тогда, ни сами Русскіе, къ этому «Славянскому племени» еще не обращались съ обширнымъ изученіемъ народности (кромѣ Кирѣевскаго и его послѣдователей, изучавшихъ, но еще не печатавшихъ). Обѣщаніе было сдержано. Еще прежде того (Вильна 1847 г.) гр. Тышкевичь, коему такъ обязана вся мѣстная археологія, издалъ «Описаніе Борисовскаго уѣзда,» Минской губерніи, съ указаніемъ образцовъ пѣснотворчества, но издалъ по Польски (Opisanie powiatu Borysowskiego etc.). Г. Киркоръ, первый, сколько известно, начавшій издавать «Виленскій Вѣстникъ» послѣ Польскаго языка на Русскомъ, постоянно помѣщалъ въ немъ, между прочимъ, подробности на-

родныя, а въ 1858 году, въ «Этнографическомъ сборникѣ» С.-Петербургскаго Географическаго Общества, концентрировалъ «Этнографическій взглядъ на Виленскую губернію,» трудъ счастливый и обстоятельнѣйшій, обращенный ко всѣмъ народностямъ Края, къ Бѣлорусской въ особенности. Племя сей послѣдней все еще является здѣсь *Славянскимъ* (каково оно и дѣйствительно по корню), нарѣчіе сего племени *Кривичанскимъ* (отъ древнихъ Кривичей; ср. выше попытки называть его «Кревскимъ»): но столько же, тамъ и сямъ, promiscue, встрѣчается племя и нарѣчіе *Бѣлорусское*. Какъ ни зови, только хлѣбомъ корми, говоритъ пословица: а здѣсь, и это главное, кромѣ уже обрядовъ, обычаевъ и другихъ чертъ народнаго быта, помѣщено много пѣсней, пословицъ и прочихъ народныхъ произведеній, притомъ въ *подлинномъ* Бѣлорусскомъ нарѣчіи и съ употребленіемъ *Русскаго* шрифта. Всякой оцѣнитъ, какой это огромный шагъ впередъ. Здѣсь уже прямо приложима строгая критика, и только съ ея точки зрѣнія мы можемъ замѣтить, что автору порою очевидно было трудно подмѣтить тонкости народнаго языка и потому въ самомъ выраженіи ихъ Русскимъ шрифтомъ много несообразнаго, неточнаго, научно незрѣлаго. Еслибы г. Киркоръ ничего больше не написалъ и не сдѣлалъ, и то было бы почетной заслугой для Россіи: самый терминъ «Славянскаго,» имъ водруженный прочно, былъ переходомъ пророческимъ къ тому поворотному пріему, которымъ замѣненъ «средній терминъ» прежней «Литвы» и которымъ также точно, знаменуя поворотъ, стали въ наши дни именовать себя и все Польское многіе лучшіе Поляки, ища въ средѣ «Славянской» звѣна для слiянія съ Русью. Послѣдующіе писатели, особенно изъ мѣстныхъ уроженцевъ, часто и во многомъ эксцерпировали г. Киркора: упомянемъ полнѣйшее описаніе «Виленской губерніи (въ «Матеріалахъ для географіи и статистики» СПБ. 1861)» трудомъ. *г. Коревы.* И нужно замѣтить, дальше не пошли, а порою попятились: не только повторялось «Кривичанское» племя и нарѣчіе, но даже Бѣлорусскія пѣсни являлись подъ именемъ «пѣсень *Славянъ*.». Объ остальныхъ не прибавляемъ, довольно и сказаннаго: довольно и того, что, къ сожалѣнію или нѣтъ, только этихъ и подобныхъ дѣятелей, нами очерченныхъ, уже нѣтъ на мѣстѣ, въ цѣломъ Краѣ, въ главныхъ его городахъ. За послѣднимъ погромомъ, ихъ будто чѣмъ-то смыло съ лица земли, словно снято и взято чьей-то рукою. Кто умеръ, кто выѣхалъ: осталась развѣ недвижимая старость—умирать. Центръ передвинулся больше всего въ Петербургъ: совмѣстно съ тѣмъ и дѣятельность появляется въ Петербургѣ, къ которому мы переходимъ, на почву чисто-Русскую и къ дѣятелямъ чисто-Русскимъ, по крайности если можемъ употреблять такое названіе, ибо на дѣлѣ встрѣчаемъ во первыхъ Петербургъ, во вторыхъ иногда продолженіе давняго незнанія и укоренившихся ошибокъ, въ третьихъ часто своего рода исключительность въ отношеніи къ Бѣлорус-

ei, то есть или особый классъ «Западно-Русскихъ людей,» или «Великоруссовъ,» въ самыхъ разсказахъ о Бѣлой Руси весьма мало имѣющихъ съ нею общаго.—Первые кое-что сдѣлали *для* своего роднаго Края по нашему главному вопросу: но политика, въ которой такъ часто упрекаютъ Польскую или мѣстную «Краёвую» ученость, помѣшала одинаково и здѣсь всмотрѣться въ главный корень жизни, народный. Такіе передовые писатели, какъ М. О. Кояловичъ, поглощены исторіей политической или церковной и, живя давно внѣ своего Края, не имѣютъ прямаго интереса къ живѣйшимъ вопросамъ мѣстной народности, поднятымъ особенно наукою современною; вотъ почему, между прочимъ, они никогда и ничѣмъ не оказали пособія нашему дѣлу, ни положительнаго, ни даже отрицательнаго — устранявшаго затрудненія, ни въ отвѣтъ на воззванія наши въ «Днѣ,» ни во время пребыванія нашего въ Краѣ, ни послѣ. Да и тѣ, кои сами дѣйствовали на одинаковомъ съ нами поприщѣ, подчинялись при семъ указаніямъ, редакціи и вообще разнымъ условіямъ Великорусскимъ, при томъ еще большею частію Петербургскимъ. Потому мы совершенно въ правѣ разсматривать эту область въ періодѣ новѣйшемъ не какъ область какую либо мѣстную, связанную тѣсно съ Краемъ и его особенностями, а какъ область *нашу*, одну изъ областей общей нашей литературы и науки. Естественно по этому мы должны быть теперь болѣе строги: не потому конечно, чтобы эта дѣятельность по плодамъ своимъ и направленію была чѣмъ ни будь хуже и ниже прежней мѣстной или Польской, а потому именно, что она свободна отъ стѣснительныхъ разныхъ условій, сопровождающихъ всюду дѣятеля мѣстнаго и многое въ немъ извиняющихъ, по крайности объясняющихъ и вызывающихъ снисхожденіе. Со *своими* мы можемъ быть откровеннѣе и даже рѣзче: и на томъ еще основаніи, что они продолжали дѣйствовать *послѣ* другихъ, проложившихъ дорогу, и критика сдѣлалась, говорили мы, требовательнѣе со времени трудовъ г. Киркора, который впервые вызвалъ ее на законный путь; во вторыхъ, кому больше или всё дано, съ того и взыщется въ такой же мѣрѣ; а въ третьихъ, нельзя скрыть и того, что слишкомъ уже много у насъ накричали, и другихъ поголовно пообвинили, и про себя протвердили въ родѣ—«Край нашъ, нашъ, Русскій, Русскій, Русскій (по три раза)»,—справедливо же по крайности спросить положительнаго отвѣта, на сколько этотъ Край дѣйствительно узнали, помогли знать и помогли своимъ знаніемъ. Однимъ словомъ, на сколько научно или практически выиграла здѣсь Бѣлая Русь своею народностью, обширнымъ своимъ нарѣчіемъ, сохраненіемъ и извѣстностью пѣснотворчества, возможностью сбереженія или подъема черезъ содѣйствіе печати и распространеніе вкуса, интереса. — Въ такомъ ряду дѣятелей, новѣйшемъ по времени, первое мѣсто занимаютъ, послѣ статьи г. Боричевскаго «О древнихъ Литовцахъ' (въ Журналѣ

Мин. Нар. Просв. 1844 г.):» профессоръ Литовской (Виленской) семинаріи г. Юркевичъ, маленькая статья «Остринскій приходъ, Вил. губ., Лидскаго уѣзда,» 1853 г. («Этнографическій сборникъ»); г г. Анимелле (Литвинъ), Сырохновъ, Родзевичъ, Пороменскій, Ивановскій, Клодницкій, о разныхъ мѣстностяхъ, большею частію Витебской губерніи, изъ чего составлена одна сводная статья «Бытъ Бѣлорусскихъ крестьянъ» въ «Этногр. Сборникѣ» 1854 г.; одновременно съ г. Киркоромъ, въ томъ же «Этн. Сборникѣ» 1858 г. «Замѣтки о Западной части Гродненской губерніи,» особенно о «Заблудовскомъ говорѣ,» и тому подобное, еще болѣе мелкое. Все это сосредоточено въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества. Вездѣ здѣсь приведены черты народныя, есть пѣсни, пословицы, образцы нарѣчія и т. д. Но, какъ это ни скудно матеріаломъ вообще и вмѣстѣ какъ ни дорого: объяснять ли причину со стороны писавшихъ, большею частію, какъ видите по самымъ фамиліямъ, уроженцевъ Края, или еще скорѣе зависѣло отъ редакціи, не достаточно знакомой съ дѣломъ и не умѣвшей ничего сообщить отъ себя, ни поправить закравшіяся ошибки,—только вездѣ здѣсь бросаются въ глаза рѣзкія странности, не обличающія ни практическаго знанія, ни успѣховъ науки сравнительно съ прошлымъ, ни пріемовъ или взглядовъ современнаго образованія. Ограничимся бѣглыми примѣрами. Такъ, въ первомъ очеркѣ (1853 г.) *Русская* редакція разсуждаетъ, Остринскій приходъ «населенъ ли Русскими, или въ немъ находятся и Литовцы;» прибѣгаетъ напрасно къ картѣ Кеппена, цитуетъ Шафарика, которому конечно было далеконько рѣшать недоумѣнія, и находитъ, что у него приходъ сей, да и весь Лидскій уѣздъ—Русскій, но въ сосѣдствѣ живетъ Литва; наконецъ заключаетъ: «Что Остринскій приходъ Русскій, видно впрочемъ и изъ самой статьи.» Въ статьѣ же самой такое знаніе мѣстнаго нарѣчія, что нарѣчіе *галаня* (наше «голомя») оказалось глаголомъ и «употребляется для означенія прошедшаго времени,» на примѣръ по вопросу «Чи давно поѣхавъ» отвѣчаютъ «Да уже галаня (да уже весьма, очень).» О правописаніи и соотвѣтственномъ выговорѣ скажемъ ниже за одно. — Вторая статья, сводная (1854 г.), отличается еще вящими курьозами. Открываютъ (въ Россіи!), «что по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Лепельскаго уѣзда, Бѣлорусскимъ нарѣчіемъ говорятъ крестьяне *не только* Витебской, *но и въ сосѣднихъ съ нею значительныхъ частяхъ* Могилевской, Минской, Виленской, а также *частью* (!) и въ Гродненской губерніи;» что «въ лицахъ здѣшнихъ крестьянъ Римско-католическаго исповѣданія выражается какбы нѣкоторая глуповатость;» что «языкъ поселянъ *православныхъ* и *католиковъ* въ нѣкорыхъ отношеніяхъ рознится одинъ отъ другаго и оба представляютъ *какую-то смѣсь Русскаго съ Польскимъ;»* что «крестьяне Сволны, Дризенскаго уѣзда, тѣлосложенія довольно хорошаго,

части тѣла имѣютъ между собою соразмѣрныя» и т. п.; ищутъ—и не находятъ конечно—Купальскихъ обрядовъ и пѣсней *наканунѣ 23-го Іюня,* и т. д. — Въ правописаніи и данныхъ выговора по обѣимъ статьямъ просто ужасъ: не бывалое у народнаго большинства Бѣлоруссовъ *дз* и *ц,* въ рѣзкости сей извѣстное только Полякамъ, и то позднѣе, и то благодаря ихнему употребленію Латиницы, а въ выговорѣ и у нихъ близкое къ мягкому *д* и *т;* смѣшеніе или отсутствіе звука и даже буквы *ѣ,* тогда какъ это играетъ у Бѣлорусса весьма важную роль; выговоръ массы не народной, на примѣръ «береза» и т. д. Послѣдняя статья, одновременная Киркоровской, очень важная во многихъ отношеніяхъ и особенно любопытная по даннымъ Заблудовскаго говора, въ правописаніи, къ несчастію, превзошла покойнаго Вука Караджича и вѣявшихъ на него Вѣнскихъ авторитетовъ: здѣсь, среди Кириллицы, и латинское h, и j, и ь передъ гласными для смягченія, и оборотное *э,* и *ѣ* въ значеніи мягкаго *е,* и Богъ знаетъ, какія чудеса. Не вѣрится, что это рядомъ съ г. Киркоромъ, которому многое было бы еще простительно. Впрочемъ, благодаря все-таки Географическое Общество за усердіе его къ дѣлу, мы не должны забывать, что въ этнографическомъ отношеніи ему доставался матеріалъ сырой: и не его опять вина, что для оцѣнки или обработки матеріала общество Русское не воспитало компетентныхъ дѣятелей спеціальныхъ. Если бы они существовали, учрежденіе конечно съ радостію воспользовалось бы ихъ трудами.

Русское Географическое Общество, по отношенію къ нашему вопросу, сдѣлало свое дѣло, сколько могло на свою долю: мы не разумѣемъ здѣсь ни данныхъ Этнографіи и Статистики, которыя большею частію держатся у него слишкомъ внѣшней стороны, ни матеріаловъ народнаго пѣснотворчества и языка, которые сообщались скудно и во всякомъ случаѣ не какъ главный, существенный или внутренній источникъ свѣдѣній о народности, а какъ прибавка, болѣе или менѣе сторонняя, хоть и любопытная, и курьозная. Напротивъ, всего важнѣе было *возбужденіе*, данное развитіемъ Общества: къ тому, чтобы обращаться съ предметомъ серьозно, матеріалы собирать полнѣе и всестороннѣе, собранное провѣрять, провѣрку дѣлать съ сознательнымъ отчетомъ себѣ, наукѣ и Русскому обществу. До какой степени прежде, и недавно еще, мы были слабы въ этомъ отношеніи, достаточно указать въ примѣръ на передоваго нашего ученаго по Географіи, Статистикѣ и Этнографіи, знаменитаго К. Арсеньева; въ своихъ «Статистическихъ очеркахъ Россіи» онъ, вмѣстѣ съ Виленской и Ковенской губерніей, прямо относилъ *къ Литвѣ* не только Гродненскую, но и Минскую, сопоставляя эту «Литву» съ *Бѣлоруссіей*: «Литва, т. е. губерніи Минская, Гродненская, Виленская и часть Ковенской, представляетъ, подобно Бѣлоруссіи» и т. д. (стр. 179). Дѣло въ томъ, ужасно представить и трудно

повѣрить, что мы тогда не вышли еще изъ политическихъ опредѣленій сгибшаго давно «*Литовскаго* Княжества,» ни изъ «*Бѣлоруссіи,*» очерченной для государства въ XVIII вѣкѣ областями Витебскою и Могилевскою. Другой, не менѣе извѣстный статистикъ, г. Егуновъ пояснялъ дальше выводы г. Арсеньева, усматривая причину плохаго хозяйства Минской губерніи, безпечности и безпромышленности крестьянъ, въ томъ, что это «опять-таки *Литовское племя* («Отеч. Зап.» 1852 г).» Тѣмъ несправедливѣе было бы ожидать какого либо правильнаго воззрѣнія въ литературѣ еще ранѣе предшествовавшей, гдѣ, въ ряду счастливыхъ исключеній, можемъ назвать только статью 1843 года, «Сѣверо-Западный край Имперіи («Журн. Мин. Внутр. Д.,» Февраль):» но и въ ней, на примѣръ, почтенный авторъ пропустилъ, между Бѣлоруссами и Черноруссами, цѣлую массу Пинчуковъ, Пинянъ.—Если же отъ періода литературы, насъ занимающаго, по другую его сторону, возмемъ ту полосу, которая ближе къ нашимъ днямъ, и ограничимъ здѣсь притязанія уже не глубокою наукою, не поверхностными журналами и газетами, не общественнымъ разговоромъ съ его невинными и весьма извинительными сужденіями, а литературою «педагогическою,» разумѣя всякія руководства и учебники, обязанные пользоваться добытымъ прежде матеріаломъ и прямо предназначенные служить проводникомъ свѣдѣній въ воспитаніе, въ школу, въ образованіе молодаго поколѣнія: мы встрѣтимъ по большей части самое глубокое невѣжество, самыя странныя умолчанія, самыя фальшивыя завѣренія, которыя стыдно было бы и выписывать; имъ неизвѣстны матеріалы, неинтересны выводы, до нихъ не дошли возбужденія и вліянія, практикованныя Русскимъ Географическимъ Обществомъ; имъ часто незнакомо самое имя, подлинное названіе предмета, который собственно встрѣчается на ихъ заглавномъ листѣ, а внутри не занимаетъ странички и строчки, между тѣмъ какъ занимаетъ такъ долго теперь насъ и обнимаетъ цѣлый Русскій Край съ десяткомъ вѣковъ, сотнею переворотовъ, тысячью крупныхъ явленій и событій, многими тысячами произведеній, милліонами Русскихъ жителей.—При такомъ положеніи дѣла, разумѣется, весьма важно было бы намъ открыть и указать область, въ которой помянутое возбужденіе здоровыхъ Русскихъ силъ, направленныхъ къ изученію собственной народности, въ ея главныхъ краяхъ, дѣйствительно осуществилось бы добропорядочными плодами: а эта область, и притомъ «цѣлая,» совершенно особая, по справедливости представляется намъ въ такъ называемыхъ «Матеріалахъ для географіи и статистики Россіи,» собранныхъ и издаваемыхъ постепенно по губерніямъ, отъ Генеральнаго Штаба, въ Петербургѣ. Намъ нѣтъ нужды слѣдить здѣсь, на сколько эти полнѣйшія описанія, обращаясь къ Бѣлорусскому краю, зависятъ отъ матеріаловъ Русскаго Географическаго

Общества: мы и не въ состояніи этого сдѣлать, ибо, извѣстно, матеріаловъ въ Петербургѣ централизуется громадное количество, средствъ пропасть для ихъ изданія, а рукъ сравнительно слишкомъ мало, такъ что иное гибнетъ или гніетъ въ архивахъ, другое достается одному лицу, когда бы достало на сотни, третье, въ силу готоваго богатаго вознагражденія за всякой трудъ, повторяется по нѣскольку разъ въ печати подъ разнымъ видомъ и именемъ. Довольно замѣтить, что многіе дѣятели на семъ поприщѣ изъ Штаба суть въ то же время члены Географическаго Общества, что они цитуютъ матеріалы сего послѣдняго и являются во всякомъ случаѣ позднѣе по годамъ, какъ преемники и продолжатели дѣла. Это огромные, и очень дешевые, то есть всѣмъ доступные, томы.—Въ нихъ нисколько насъ не привлекаютъ тончайшіе статистическіе выводы, по извѣстному условію собиранія ихъ въ Россіи: но географія мѣстная обработана очень хорошо (у насъ и отчетливыя карты принадлежатъ тому же «вѣдомству»).—Археологіи Края въ памятникахъ и наглядныхъ предметахъ они вовсе почти не знаютъ и, вынужденные обыкновенною программою указывать «достопримѣчательности,» не въ состояніи сказать ничего почти замѣчательнаго, особенно о результатахъ кладовъ и раскопокъ, которые прямо шли бы къ ихъ дѣлу: но у насъ, чтобы навести на дорогу и напомнить, нѣтъ Русскихъ указателей, дорожниковъ, путеводителей, памятныхъ книжекъ;—все это издавалось Губернскими Статистическими Комитетами, только рѣже Западными (исключая помянутыхъ трудовъ гг. Кукольника и Киркора), а за послѣднее время даже меньше и хуже, чѣмъ частными лицами въ началѣ вѣка и при Екатеринѣ. Общей справочной книги и порядочнаго, по возможности полнаго или даже законченнаго, Всеобщаго Словаря—Энциклопедическаго—у насъ также не существуетъ: отличная Польская «Encyklopedyja powszechna» до сихъ поръ совершенно не замѣнима для исторіи городовъ, мѣстечекъ, урочищь и памятниковъ древности Западной Россіи,—къ ней вы безпрестанно обращаетесь за справкою, но «Матеріалы» ею не пользуются.—Они посвящаютъ также довольно страницъ и соображеніямъ Историческимъ, цитуя, очень понятно, многихъ Польскихъ писателей, нѣсколькихъ Русскихъ, которыхъ, къ чести сказать, всѣхъ знаютъ на перечетъ, даже иностранныхъ и въ томъ числѣ Маколея: по счастію къ нимъ относятся довольно критически.—При такой обстановкѣ конечно всего менѣе остается на долю собственной Этнографіи или, лучше, она является намъ преимущественно съ самой внѣшней, не существенной, стороны: имъ, разумѣется, помогаетъ здѣсь то, что собиратели и составители суть иногда мѣстные уроженцы и во всякомъ случаѣ были, даже «по долгу» живали на мѣстѣ; но отсутсвіе близкаго знакомства съ народнымъ языкомъ и пѣснотворчествомъ, весьма у нихъ замѣтное, не представляетъ конечно выгоднаго условія для успѣховъ. Зна-

емъ, что нельзя знать всего или всѣмъ имѣть образованіе филологическое, по нѣсколькимъ языкамъ и нарѣчіямъ, да еще съ цѣлою областью народнаго творчества. Знаемъ, какъ трудно и приложеніе сихъ свѣдѣній къ дѣлу. Мы сами нѣкогда, раздѣляя подобные труды одного изъ близкихъ намъ дѣятелей Штаба, долго, почти десять лѣтъ и до сихъ поръ, не добились при Статистическомъ Комитетѣ изданія описаній въ этомъ родѣ—по Московской губерніи, да, по Московской губерніи: она еще не имѣетъ сколько ни будь удовлетворительной справочной книги въ семъ отношеніи, послѣ старинныхъ изданій, множества разбросанныхъ, но не сведенныхъ статей, громады данныхъ и матеріаловъ (ср. нашу «Рѣчь» въ Комитетѣ съ планомъ изданія, 1862 г.; музей и кабинетъ, спеціально для сей цѣли устроенный г. Бочаровымъ, разнесенъ по частямъ и исчезъ). Тѣмъ не менѣе, означенное условіе остается неизбѣжнымъ и кореннымъ. Вотъ почему, при его недостаткѣ, «Матеріалы» для объясненія данныхъ языка и пѣснотворчества, а съ тѣмъ вмѣстѣ для опредѣленія этнографическихъ признаковъ, а за симъ для истолкованія всякихъ чертъ народнаго быта, безпрестанно прибѣгаютъ къ таковымъ же даннымъ Польскимъ и особенно къ Польскому языку: и это, хоть было бы извинительно, но непріятно поражаетъ насъ, ибо въ большей части такихъ случаевъ существуютъ объясненія мѣстныя, прямыя, чисто-Русскія, напрашиваются, но—къ сожалѣнію—въ «Матеріалахъ» не встрѣчаются. Въ 50-хъ годахъ, въ изданіяхъ Географическаго Общества, такой пріемъ былъ еще простительнѣе: тамъ Бѣлорусское «здаетьсе,» наше «сдаётся,» переводилось «кажется» и объяснялось съ Польскаго zdaie się; «могилокъ» выводилось изъ Польскаго mogiłki, «треба» изъ Польскаго trzeba и т. д. («Этногр. сборн.» 1858 г.). Но въ 60-хъ годахъ это недозволительно уже «Матеріаламъ.» Вотъ отъ чего, при всемъ общеніи съ живымъ народомъ, они зависятъ, къ невыгодѣ своей, отъ литературы, и безъ сомнѣнія чаще Польской: такъ, на примѣръ, они вынуждены цитовать и даже разбирать мнѣнія географическаго Словаря, изданнаго Карпинскимъ въ 1766 году (!), гдѣ, «кромѣ Руси *Московской,*» указывается Русь *Литовская*, раздѣленная на Бѣлую, на Чорную и между прочимъ на *Русь Польскую* (!), «иначе *Червонную или Малую.*» Еще хуже, они стѣсняются иногда авторитетомъ столь извѣстнаго, многотомнаго Балинскаго, котораго «Древняя Польша (Starożytna Polska, въ содружествѣ съ г. Липинскимъ ч. I—III, т. 1—4, Варшава 1843—46)» конечно имѣетъ свою выгоду дробить Русскій Край до послѣдней возможности на мелкія народности, съ «особыми» языками, успѣшно сливавшимися въ одномъ только Польскомъ, вводить сюда, на примѣръ, дистриктъ «Запущанскій,» отчуждать Полѣсье отъ Бѣлоруссіи, а послѣднюю ограничивать областью Витебской, Мстиславской и «частью» Минской, и т. д. Правда, и Русскіе руководители въ этомъ

дѣлѣ, какъ мы видѣли отчасти, не совсѣмъ надежны: даже изъ мѣстныхъ уроженцевъ, г. Турчиновичъ въ своемъ «обозрѣніи Исторіи Бѣлоруссіи,» соглашаясь видѣть сію послѣднюю отъ старины между Двиною, Днѣпромъ и Друтью, разумѣетъ нынче «подъ общимъ названіемъ *Бѣлоруссіи*» двѣ губерніи, Могилевскую и Витебскую (за исключеніемъ трехъ Лифляндскихъ уѣздовъ), такъ что вся нынѣшняя Минская губернія, кромѣ только отдѣлявшагося прежде Борисовскаго повѣта, является страною *сосѣднею съ Бѣлоруссіей* (!). Но очевидно, что съ такими пособіями, хотя бы письменными и печатными, далеко не уйдешь, и всего больше потому, что они письменныя и печатныя, не живыя. Отсюда же это странное явленіе, господствующее вообще въ очерченной нами бѣгло литературѣ предмета, и въ матеріалахъ Географическаго Общества, и въ «Матеріалахъ» собственнаго имени: серьозно ставится вопросъ о существованіи «Бѣлой Руси,» ее покоряютъ другимъ или отвоевываютъ, ее стѣсняютъ или высвобождаютъ, ее *отыскиваютъ* и *открываютъ*. То совпадаетъ она съ Литвою, съ Польшей, съ Малой Русью, съ Чорной, съ Полѣсьемъ, съ Подлясьемъ: то выдѣляется изъ Литвы, враждуетъ и борется съ Польшей, не сходится съ Русью Малой, соперничаетъ съ Чорною, отграничивается отъ Полѣсья и Подлясья. Удивительнымъ образомъ, меньше всего совпадаетъ она просто съ Русью, меньше всего отмѣняется въ качествѣ Руси Бѣлой: участокъ и доля Руси всего меньше. Какая причина этой странности? Скажемъ нѣсколько словъ по этому поводу.

Причина простая: политическая исторія съ политическими границами; письменность, отсюда истекшая и симъ воспитанная; писатели, симъ настроенные, ихъ выводы, къ сему примѣненные. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Поляки идутъ съ Запада на Востокъ: встрѣчаютъ, выводятъ на сцену, именуютъ намъ «Литву,» а за нею Русь «Литовскую,» потомъ Русь уже «Польскую,» подъ Польской даже «Малую,» въ родствѣ съ сей послѣдней «Чорную,» въ промежуткахъ «Подлясье и Полѣсье,» *наконецъ* уже «Русь Бѣлую,» постепенно тѣсня ее, съуживая, сбивая, прижимая къ стѣнѣ, и, только у этой стѣны, весьма намъ знакомой, является Бѣлоруссія «*сверхъ* Руси Московской.» Совершенно обратно Русскіе идутъ съ Востока: встрѣчаютъ родную свою Русь въ двухъ великихъ отдѣлахъ—Малой и Бѣлой, но—ограничиваются сперва Бѣлоруссіей восточной окраины, двумя съ чѣмъ ни будь губерніями; еще шагъ—находятъ Бѣлоруссію въ Литвѣ; подвигаются съ нею къ Полякамъ и до собственной Польши; съ присоединеніемъ Бѣлостоцкой области заглядываютъ въ Подлясье, въ Запущье или Залѣсье, открываютъ Заблудовскій участокъ, спускаются до дробнаго племени и нарѣчія въ такъ называемой «Королёвщинѣ;» Бѣлую Русь, столь далеко распростершуюся на Западъ, съ изумленіемъ узнаютъ въ той Руси, которая именуется Чор-

ною; черезъ Чорную въ направленіи къ Югу, черезъ Полѣсье на межѣ Южной, сталкиваются лицомъ къ лицу съ Русью Малой и — убѣждаются, что здѣсь только и есть дѣйствительная граница Бѣлоруссіи, но граница не отчужденія, а Русскаго родства, въ постепенныхъ переливахъ родственности, въ уступахъ и колѣнахъ. Какъ же согласить эти Русскіе шаги съ Польскими, когда за Польскими шла Западная Европа и когда Польскимъ шагамъ явно уступали прежде сами Русскіе? И вотъ простая причина для хитрѣйшей путаницы. Между тѣмъ, есть причина еще простѣйшая, она издревле существовала и существуетъ подо всѣми политическими вліяніями, ихъ условливала собою изначала, ихъ же упраздняла по доброй волѣ и теперь ихъ измѣняетъ существенно: это—сила народная и простѣйшая, а теперь вмѣстѣ—простонародная, это народность на основѣ племенныхъ вѣтвей, со ступенями подрѣчій, общаго Краю нарѣчія Бѣлорусскаго и единаго во всякой Руси языка Русскаго, съ вѣнцомъ зданія въ творчествѣ и пѣснотворчествѣ, съ выражаемымъ здѣсь и отвѣчающимъ сему цѣлымъ народнымъ міромъ. Она, какъ уза и пута, связывала и путала издревле доселѣ всѣхъ тѣхъ, кто ея чуждался: она же, простая, прощаетъ связанныхъ, развязывая умъ и слово тѣмъ, кто довѣрчиво обращается къ ея цѣлости, ища въ ней цѣленія. Здѣсь-то, въ семъ мірѣ народномъ и съ сей точки зрѣнія, то, что теперь типически можемъ мы называть *Бѣлою Русью,* при первомъ появленіи своемъ на поприщѣ исторіи, при заявленіи первыхъ признаковъ своего положительнаго существованія, подъ именами наслѣдованными искони или пріобрѣтенными вновь, дѣлилось на двѣ половины: *Восточную* и *Западную,* съ господствующими *Кривичами* въ первой, *Дреговичами* во второй. У каждой былъ свой Сѣверъ, входившій въ Литву, и свой *Югъ,* гдѣ въ «деревѣхъ» сидѣли *Деревляне.* Деревлянамъ лѣтописнымъ, по мѣсту жительства и въ мѣстной рѣчи, съ Восточной стороны отвѣчало Полѣсье, съ его нынѣшними Полѣшуками; съ Западной стороны, о бокъ лѣсной пущи и въ мѣстномъ же нарѣчіи, но подъ вліяніемъ сосѣдей Польскихъ, именно Мазуровъ или Мазовши, которые занимаютъ и нынче крайнюю Западную границу относительно обѣихъ половинъ, это было Запущье (или Залѣсье), обыкновеннѣе Полясье или Подлясье (съ Западною отмѣною «лясъ» вм. «лѣсъ»), удержавшееся понынѣ на сѣверной своей оконечности. Тѣ и другіе, Полѣшуки или Подлѣшане, суть извѣстные «мужики Залѣшане,» которые подъ симъ именемъ появляются ко Владиміру въ нашемъ эпосѣ, прибываютъ въ Кіевъ, какъ прибывали туда къ единенію изо всѣхъ краевъ Русскихъ: позднѣе, по Былинамъ они становятся знакомы и области Новгородской. Наконецъ, Юговосточные и Югозападные граничники, или крашники, именовались еще по рѣкамъ: изъ нихъ главные *Пиняне-Пѣняне* и *Бужане* (по сю сторону Буга). Дѣленіе это совершенно домашнее, внутреннее, счетъ

членовъ единой родной семьи между собою, часто лишь по мѣсту, гдѣ кто сидѣлъ; сторонним не было до того и дѣла; отнеслось къ сему внимательно лишь первое историческое наше самосознаніе, сказала о томъ наша лѣтопись: но и для сей послѣдней, и для начавшагося политическаго бытія, а тѣмъ паче всегда для народнаго, это была одна и та же, единая *Русь*. Самыя границы и граничники, сейчасъ помянутые, отъ чего и отъ кого они граничили? Рѣзче, но далеко мягче нынѣшняго, дѣлились на крайнемъ Западѣ, отъ Поляковъ: на Югозападѣ и Югѣ граница велась одною природою внѣшнею, непроницаемою пущею «деревъ» съ болотами, да развѣ тѣми лишь дробными отмѣнами, которыя скорѣй дружили и общили, чѣмъ отчуждали двухъ главныхъ родичей единаго рода Русскаго, двухъ родныхъ племянниковъ Славянскаго племени съ двумя нарѣчіями языка Русскаго. Не столько народные признаки, основанные лишь на разнообразіи элементовъ и силъ, раздѣляли: раздѣляла практика силъ, которая впереди готовила Русь Великую; раздѣляло время текущей исторіи, при условіяхъ коего одинъ братъ началъ раньше бытіе свое политическое и рѣшительнѣе завершилъ его впослѣдствіи. Но и политическая жизнь первой эпохи несла съ собою объединеніе: походы князей Кіевскихъ на Литву, Ятвяговъ и Мазовшанъ одновременно, только отодвигали сихъ инородцевъ, только опрастывали мѣсто Дреговичамъ и Кривичамъ. А вѣра, а письменность при такой основѣ еще лучшія звѣнья единенія. Промежуточныя дерева конечно отъ того рѣдѣли, Полѣсье и Подлясье разчищалось, болота его высушивались, одинъ берегъ рѣки перекликался съ другимъ на родномъ языкѣ. Разнообразіе народной жизни и рѣчи, при самомъ различіи мѣста поселеній, никакъ нельзя брать твердыми гранями дѣленія за то время и переносить на карту нынѣшнюю, а тѣмъ менѣе искать здѣсь подставу для послѣдующей особенности, или политическимъ ножомъ эпохи позднѣйшей рѣзать по живому тѣлу народному. Тогдашнюю карту, если бы могли мы начертать нынѣ, въ другихъ мѣстахъ и другія были бы краски: тогдашнія дерева можетъ статься—нынче болота; нынѣшнія болота—тогдашняя путь-дорога. Мало того: при Бугѣ и Пѣнѣ, при той же рѣкѣ, что теперь, сидѣлъ предокъ одинаково и Бѣлорусса, и Великорусса, и послѣдующаго Новгородца или Москвича; Залѣшанинъ поселялся на вѣчное житье въ Кіевѣ и велъ тамъ свою исторію другаго имени; Несторъ выражался словомъ, знакомымъ нынче лишь въ Заблудовьѣ; уроженецъ Минскій воспѣвалъ Игоря и Всеволода, сочинитель Слова о полку Игоревѣ пѣлъ о Всеславѣ по Былинамъ Минскимъ и Полоцкимъ. Внутреннѣйшіе признаки, дѣлившіе ту жизнь на свои виды, всего болѣе даются намъ нынче въ устномъ языкѣ и пѣснотворчествѣ народномъ, отчасти въ подробностяхъ уцѣлѣвшаго быта, условленныхъ еще языческимъ міровоззрѣніемъ: какъ извлеченіе отсюда, отдѣливъ прежде плоды вѣковой исторіи, могли бы мы,

еслибъ съумѣли, перенести кое-что на полотно въ тогдашнюю раму; между линіями рѣкъ и дорогъ, въ группахъ горъ, лѣсовъ и полей, пришлось бы помѣстить не города и деревни, не имена и числа, а развѣ звуки, голоса, цвѣта и образы; оказалась бы не карта въ нынѣшнемъ смыслѣ, а картина, не живопись, а вмѣстѣ пластика и музыка. Куда же было тогдашней слабой письменности уловить эту народную физіономію во всей подвижности чертъ, а недавней еще исторіи подняться разомъ до творчества и разсчитаннаго искусства?—Но сильное братское племя и нарѣчіе схлынуло густыми массами со всего Запада, а частнѣе съ Юго-Запада нынѣшней Россіи, слилось съ другими однородными на Востокѣ и Сѣверѣ,—и немедленно же въ слѣдъ за симъ появляется на исторической сценѣ Русь *Великая:* Великая по «отношенію къ другимъ,» сама себѣ просто Русь и та же единая Русь, тѣмъ только для всѣхъ и Общая. Прежнее поприще ея исторіи заняли постояннымъ станомъ Восточные выходцы, иноплеменные, иноязычные, иновѣрные: въ Западной половинѣ нынѣшней Россіи оказалась одна, собственная представительница Руси, та же единственная Русь и по прежнему объединяющая,—но немедленно за симъ Русь *Бѣлая.* Вотъ вторая историческая эпоха, когда дѣйствительно и въ первый разъ окрѣпли грани дѣленія, когда въ нихъ должна была затвердѣть самая животрепещущая народность: нужно было отдѣлиться отъ чужихъ, потребно было обвестись межами, чтобы продолжать жить и дѣйствовать. Всякія грани, и политическія, имѣли теперь служить гранямъ народнымъ. Бѣлая Русь утвердила за собою это прозвище опять по отношенію къ другимъ и во всѣхъ смыслахъ сего слова, усвоеннаго издревле Славянами въ примѣненіи къ образамъ народнымъ: единственная на цѣломъ Западѣ, первостепенная и первообразная, безъ всякихъ частныхъ оттѣнковъ цвѣта, какъ бѣлый свѣтъ, свѣтъ Божій, какъ среда міра-народа Божьяго, въ которой одной жить Русскимъ можно; единственно-свободная, не сдвинутая со стараго жилища, не покоренная, не завоеванная, не отчуждашаяся отъ самой себя подъ чью либо другую руку; объединяющая, сплотившая землю свою и цѣлый край, даже до самыхъ внѣшнихъ предѣловъ государственныхъ; подъ властью прежнихъ Русскихъ своихъ князей и подъ властію князей новыхъ, отвѣчавшихъ потребностямъ суроваго времени, но свободно признанныхъ воителей Литовцевъ, но такихъ же свободныхъ и бѣлыхъ князей, какъ и прочіе родоначальники «царей бѣлыхъ;» свободно имъ преданная и, внутри границъ Литовскаго государства, свободная въ самомъ существенномъ,—въ своей народности по всѣмъ ея проявленіямъ. Наконецъ, это Русь Бѣлая до самыхъ внѣшнихъ отличій народности, по цвѣту совершенно реальному и наглядному, который всегда играетъ громадную роль въ образахъ народныхъ, а тутъ условливался и племеннымъ типомъ вѣтви, и древнимъ обычаемъ, истекавшимъ изъ язычес-

скаго обряда, и самыми средствами историческаго мѣстнаго быта: съ русыми и почти бѣлыми волосами, съ сѣрыми свѣтлыми глазами, въ сѣрой или бѣлой шерстяной одеждѣ, въ бѣлыхъ шапкахъ изъ мѣстной овечьей шерсти, съ бѣлыми рубашками косоворотками у мужчинъ, у женщинъ съ бѣлыми намётами на головѣ, висячими концами холстиннаго плата (то, что̀ вызвало на Западѣ народное имя женщинъ «Бѣлая голова,» Białogłowa), со своими «половыми,» сѣрыми волами, и т. д. (сравните эти черты по пѣснямъ въ нашемъ изданіи). Давно уже писатели разныхъ вѣковъ и народовъ остановились на этомъ цвѣтѣ, окрасившемъ или, лучше, убѣлившемъ все лицо народнаго Бѣлорусскаго быта: и это можетъ быть единственная «народная» черта, метко и вѣрно ими схваченная.—Между тѣмъ на поселища, занятыя, опустошенныя и снова покинутыя Восточниками, выбивая остатки их и грозя впереди ордамъ новымъ, придвинулась отъ Татръ, однородная съ Червонною Русью *), Русь *Малая:* Малою или, какъ еще звали ее въ XVII вѣкѣ, Меньшею явилась она и прозвана по отношенію къ Великой, какъ вторичная насельница, младшая на давнемъ поприщѣ Русской исторіи. По отношенію къ Бѣлоруссіи, и именно со стороны Бѣлорусской, на языкѣ ея и въ письменности, у народа и писателей, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія Бѣлоруссіи и Литовскаго Княжества, Малая Русь названа *Чорною:* какъ второстепенная, сравнительно съ Бѣлою и Общею первообразною; какъ позднѣйшая и нисшая (черный людъ, черные люди); даже нисшая по мѣсту населенія, ибо она приходила съ Юга, который всегда у Славянъ представляется низовьемъ, и двигалась къ Бѣлой Руси изъ за тѣхъ же «деревьевъ» и болотъ на расчищенный Сѣверъ; потомъ какъ подчиненная и подчиняемая, сейчасъ изъ подъ пяты Восточниковъ и сейчасъ же подъ руку Литовскаго Княжества, даже Поляковъ; наконецъ какъ чорная по наружному цвѣту—волосъ, глазъ, господствующихъ свитъ и чорныхъ шапокъ. Не даромъ многіе историки видѣли одну изъ родоначальныхъ вѣтвей Малорусскихъ въ извѣстномъ народцѣ—«Чорныхъ Клобукахъ,» которые играли такую роль относительно прежней Кіевской, первоначальной Южной Руси, и какъ разъ смѣнили сію послѣднюю козаками въ чорныхъ шапкахъ. Энергія народная, во всей первобытности, настороженная сперва на Восточниковъ и обнаруженная сей Чорной Русью при первомъ ея появленіи, при первомъ соприкосновеніи на межахъ съ Русью Бѣлой; оригинальность типа, весьма рѣзкая и мало прежде знакомая, отличавшаяся и отъ сосѣдей прежнихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ самой Бѣлой Руси; своеобразіе признаковъ наружныхъ, но столько же и существенныхъ,—въ нарѣчіи, въ выговорѣ, въ

*) Происхожденіе имени Червонной или Красной Руси не относится къ нашему вопросу.

голосѣ и въ напѣвѣ; козачество, все въ одномъ этомъ словѣ и образѣ совмѣщавшее и всюду Малую Русь сопровождавшее, а съ козачествомъ не только иной бытъ, но и старшій слой Малорусскаго пѣснотворчества — Козацкія былины или такъ называемыя Думы: все это, упразднивши Восточниковъ, постепенно и довольно скоро смѣнило, заслонило собою, почти заставило забыть на новой территоріи Малой Руси былое старшее населеніе, событія и явленія былой слагавшейся исторіи, даже такое крупное явленіе, какъ древній, водворившійся было языкъ, даже такое имя и пѣснотворчество, какъ Владиміръ съ его Былевымъ богатырскимъ кругомъ. Тѣмъ могущественнѣе должна была подѣйствовать новая сила, во всѣхъ «народныхъ» отношеніяхъ, на Бѣлую Русь: и дѣйствовала неотразимо. Двумя рукавами или скорѣе руками, съ Юга и съ Юго-Запада, какъ въ объятія, Русь Чорная, подаваясь впередъ однажды заданнымъ движеніемъ, охватила Русь Бѣлую: Юго-Западный рукавъ, полосой болѣе узкою, просунулся всего дальше къ Сѣверу, до Сѣверныхъ частей нынѣшней Гродненской губерніи и оттуда своимъ воздѣйствіемъ на право, даже до Новогрудка; собственно-Южная живая грань, подвигавшаяся массами болѣе сплошными и широкими, а потому медленнѣе, довела разрѣзъ дѣленія до Нарьвы, оттуда на Пружаны и Селецъ, по Яселду, и — загустѣла въ Полѣсьѣ, затонула въ Пинскихъ болотахъ (чѣмъ Восточнѣе, тѣмъ линія ниже къ Югу). Бужане втянулись въ новую стихію чуть не по шею, но дрогнули сильно и Дреговичи; старые Деревляне и мѣстные Полѣшуки или совсѣмъ почти поглощены, или, коегдѣ Сѣвернѣе, особенно въ Пинскихъ трущобахъ и зажорахъ, такъ сказать барахтались, ища берега. То было завоеваніе ужь конечно не политическое и не внѣшнимъ оружіемъ, напротивъ политически выражавшее скорѣе покорность и подобное завоеванію, которое сама Бѣлая Русь простирала на Литву: завоеваніе народности, столкновеніе и поочередная побѣда то на той, то на другой сторонѣ границъ народныхъ; лишь позднѣе Козачество внесло сюда политическіе элементы, или, лучше, тревоги и смуты, которыя ощутило Литовское и Польское государство отъ несогласной съ нимъ прибылой народности. Нарѣчіе Бѣлорусское коегдѣ совсѣмъ уступило Малорусскому, коегдѣ значительно или отчасти потерпѣло, иногда и обновилось нѣсколькими свѣжими притоками (потеря *ть* въ 3-мъ лицѣ глаголовъ при спряженіи, воспрянувшее чистое *э*, сообразно тому звуки согласные изъ прежней мягкости снова отвердѣвшіе, *ы* вм. *и*, *и* вм. *ѣ*, *о* удержавшееся безъ ударенія отъ перехода въ *а*, *у* и *л* съ рѣшительнымъ склоненіемъ къ *в* и т. п.; ср. ниже); судьбу эту раздѣлило и Бѣлорусское пѣснотворчество съ его видами, на примѣръ съ Молодецкими или даже чисто-Козацкими пѣснями, которыя отвѣчаютъ Малорусскимъ Думамъ и Думкамъ; нечего говорить уже о самой наружности лицъ, объ одеждѣ и

внѣшнемъ бытѣ съ передовымъ чорнымъ цвѣтомъ (бараньи шапки, хотя бы сѣрыя, совсѣмъ уже не то, что исконныя Бѣлорусскія). Образовалось нѣчто переходное, срединное, смѣшанное: и, когда опамятовались или, чтѣ то же въ данномъ случаѣ, когда явилось самосознаніе историческое и сознаніе болѣе или менѣе предметное, даже отвлеченное, когда сложилось и окрѣпло не воззрѣніе уже, а понятіе, когда сформировалось техническое названіе,—Чорная Русь отхватила чуть не треть Бѣлоруссіи, Чорная Русь явилась видоизмѣненіемъ сей послѣдней, какъ своя, родная, но тѣмъ не менѣе особо существующая. Именно Чорная, а не Малая: она загородила собой Малую, явилась сама представителемъ Малой. Могла политика, письменность, наука, отличать въ новомъ явленіи происхожденіе и корень: на лицо для народа и въ глазахъ его была Русь Чорная; Малая скрывалась за Чорною и позднѣйшія появленія ея въ собственномъ видѣ именовались у народа прямо Украйною, Ковачествомъ, Гайдамачиной и т. п. Другими словами: Бѣлая Русь увидала въ Чорной собственное видоизмѣненіе, отъ болѣе далекой Малой продолжала отличать себя рѣзкимъ типомъ. Бѣлоруссія, разумѣется, тѣмъ самымъ еще болѣе опредѣлилась въ сочетаніи своихъ существенныхъ, Бѣлорусскихъ народныхъ отличій: это интенсивно, а экстенсивно или внѣшнимъ образомъ границы народности потерпѣли. Съ другой стороны Малая, посредствомъ Чорной, посредствующей донынѣ, распространила свои вліянія: и однако въ Чорной Руси, глубже смотря, открываемъ ту же Бѣлую по основѣ и корню, иногда и по перевѣсу Бѣлорусскихъ отличій надъ Малорусскими. Въ фигураціи Руси Чорной Малая начала свои завоеванія, но не окончательно побѣдила и напротивъ во многомъ покорилась: Бѣлая уступила, но въ значительной степени себя выдержала. Точка зрѣнія на ихъ взаимныя границы есть одна и единственная — народная: какъ скоро, минуя или заслоняя это существенное, вы думаете искать опредѣленія сихъ границъ въ исторіи внѣшней, такъ называемой положительной или, еще пуще, политической, или, какъ ея проводникъ къ вамъ и выраженіе, вы берете воспитанную въ ней и съ ней связанную письменность, вы вторично, какъ прежде, попадаете въ нескончаемую путаницу противорѣчій. Исторія здѣсь сама нуждается въ разъясненіи болѣе существенномъ, письменность для своей вѣрности и точности цѣликомъ зависитъ отъ устъ народныхъ, отзыва народности. Вы безпрестанно должны здѣсь отличать время, когда что либо народное историзовалось, когда письменность слушалась голоса народнаго: въ другое время показанія имѣютъ уже часто другой смыслъ, ибо народность на другой уже ступени. Самая мѣстность территоріи здѣсь не ручательство въ точности границы народной: сію минуту подъ Новогрудкомъ встрѣчаете черты Малорусскія, условившія такъ называемую Чорную Русь, а въ глубинѣ Волыни и подъ Суражемъ цѣлыя оса-

ды чистѣйшаго Бѣлорусскаго быта, нарѣчія, пѣснотворчества. Черты Чорной Руси, а подъ ними Бѣлой или Малой, передвигались границами въ разное время, какъ передвигаются еще доселѣ. Сравните это хоть съ отношеніями между Русью Бѣлой и Великой: чего теперь, кажется, рѣзче ихъ внѣшняго различія? А подъ самымъ Можайскомъ мы знаемъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ отмѣны рѣчи чисто-Бѣлорусскія, да еще притомъ отзывъ Польскихъ носовыхъ звуковъ: эпохою Самозванцевъ и Французовъ этого не объясните, не объясните ни Палицынымъ, ни Гр. Л. Толстымъ. Тѣмъ не менѣе различіе все таки «существуетъ:» по типу народному, по границамъ народнымъ, въ области народной. Не ссылайтесь здѣсь въ вашихъ выводахъ на имя исторіи и самосознанія историческаго: народность имѣетъ *свою* исторію, часто независимую отъ всякой другой; есть самосознаніе *народное*, весьма отличное отъ всякого другаго, личнаго, общественнаго, церковнаго, государственнаго. Какое другое самосознаніе, если не народное, и не оно ли одно безъ всякихъ другихъ, наполняло, на примѣръ, тѣхъ Пинчуковъ, чуть не половину каждаго года отрѣзанныхъ отъ прочаго міра на своихъ островкахъ, или гдѣ ни будь на оазѣ среди пущи, которые, въ проѣздъ начальника и на вопросъ его, «кто они, давно ли и подъ кѣмъ тутъ живутъ,» отвѣчали, что они Русскіе, живутъ по своему испоконъ вѣку, подъ Государыней Катериной Алексѣвичной (разсказъ, ходившій въ бытность М. Н. Муравьева)?—Но теперь вопросъ практическій: Чорную Русь, нами обрисованную и дѣйствительно существующую по особымъ признакамъ, принимать ли какъ отдѣльную отъ Руси Бѣлой, или присоединять ее къ Малой, или какъ иначе? Къ отвѣту этому собственно мы не обязаны: мы разъясняли только, что нельзя искать Бѣлоруссіи, или дѣлить отъ нея Чорную Русь, или сопоставлять и вмѣстѣ ихъ отдѣлять отъ Малой, минуя существенную область—народную, относясь къ ней внѣшнимъ образомъ, трактуя ее прибавкою и черпая толкованія отъинуда. Данныя народности въ ея бытѣ, самосознаніе ея въ языкѣ и пѣснотворчествѣ: но и это самосознаніе получаетъ иную постановку, когда берется предметомъ изслѣдованія, когда служитъ показаніемъ для отвлеченнаго вывода. Данныя самого языка и пѣснотворчества могутъ подчиняться всякимъ вліяніямъ, и измѣняться по обстоятельствамъ, и вводить испытующаго въ заблужденіе: они имѣютъ свою исторію, нужно отличать ея эпохи, въ нихъ измѣняемость, подъ измѣненіями существо. Ниже объ этомъ встрѣтите еще нѣкоторыя подробности. Теперь же скажемъ, что и здѣсь мѣриломъ для возможной вѣрности должна быть наука: и наука своя, особая, устремленная къ изученію народности, главныхъ ея явленій и произведеній. Она-то рѣшаетъ насъ признать: что нужно вѣдать и слѣдить отличія такъ называемой Чорной Руси, но, пока она есть Чорная, не цѣликомъ Малая, дотолѣ она есть видоизмѣ-

ненная Русь Бѣлая. Иначе: Бѣлая Русь имѣетъ разныя отмѣны, между прочимъ самыя крупныя — подъ именемъ Чернорусскихъ; но это единая Бѣлая Русь, хотя бы съ отмѣнами, проникшими въ нее изъ Малой; Малая Русь сама въ себѣ напротивъ не имѣетъ отмѣнъ Бѣлорусскихъ. Русскій языкъ народный, выросшій изъ Славянства, одинъ; выросши въ одинъ языкъ, заявилъ особыя еще нарѣчія; нарѣчіе Великорусское, пройдя свой путь развитія, возрасло вновь въ цѣлый языкъ, готовый сдѣлаться Общимъ для всякой Руси и даже для Славянства, чрезъ письменность и новыя посредствующія ступени; нарѣчіе Бѣлорусское вмѣщаетъ въ себѣ подрѣчія, изъ коихъ на глазахъ исторіи образовалось между прочимъ такъ называемое Чернорусское, съ разными мѣстными именованіями и мѣстными еще говорами въ наличности; и въ Малорусскомъ можно отличать подрѣчія Червоно-Русское, Карпато-Русское. Вотъ положенія, которыя, при настоящихъ данныхъ и при настоящемъ положеніи науки, кажутся намъ единственно пока прочными: мы имъ слѣдуемъ, и раздѣляемъ только, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, Бѣлую Русь отъ Малой и Великой, но не видимъ при Бѣлой Руси какой ни будь особой и равноправной Чорной, ни дробимъ единой Бѣлой Руси по существу на какую ни будь другую, хотя и знаемъ частныя и мѣстныя «Бѣлорусскія» отмѣны. Эти положенія для насъ неизмѣнны, пока есть бытъ, языкъ, пѣснотворчество народа въ наличныхъ данныхъ. Явятся другія данныя, иначе ступитъ наука,—перемѣнимъ свой взглядъ, если доживемъ. Тѣмъ менѣе препятствуемъ всѣмъ другимъ разъясненіямъ, сверхъ существеннаго—изъ области народной: ждемъ ихъ съ какой угодно стороны и охотно принимаемъ, если наблюдена существенная. Такъ Подлясье, о которомъ поминали мы выше, сколь ни волнисты и переливны черты его или границы за равное время, все-таки, по нашему основанію, есть Бѣлая Русь, часть Бѣлоруссіи, хотя бы съ Заблудовскимъ говоромъ, хотя бы съ Королёвскимъ: но кто же конечно при этомъ забудетъ и древнее здѣсь поселеніе Ятвяговъ, и сосѣдство Мазуровъ, и недавнее присоединеніе Бѣлостоцкой Области къ Россіи, и давніе тиски Польскіе, Литовскіе, даже Малорусскіе, даже отчасти Бѣлорусскіе — со стороны письменности и печати съ ихъ пуризмомъ, и Хоткевичей, и даже нашего печатника Ивана Ѳедорова? Говоримъ—тиски, вынудившіе народность то рабски подчиняться, то упрямиться и ломаться, что́ такъ ярко отразилось въ самомъ подрѣчіи мѣстномъ и что́ мы извлекаемъ всего ближе *изъ самаго подрѣчія по его образцамъ и творческимъ произведеніямъ.*

Итакъ, нашъ очеркъ сводится къ тому: «Матеріалы,» при всей ихъ добросовѣстности и полнотѣ, но по самому пріему, способу и пути, какъ для собиранія данныхъ, такъ и для выводовъ, не могли достигать должныхъ цѣлей съ успѣхомъ. Сама ихъ географія, статистика, исторія и всего больше

этнографія несомнѣнно страдаетъ недостаткомъ внутреннѣйшимъ, существеннымъ. Въ силу указанной програмы является у нихъ сравнительно маленькій отдѣлъ: «Замѣтки о племенахъ;» «нравы и обычаи, народные праздники, мѣстныя повѣрья и предразсудки;» «частный бытъ, историческія свѣдѣнія, нравы и обычаи мѣстнаго населенія, народные и мѣстные праздники, народныя и мѣстныя повѣрья и предразсудки, жилища, одежда, пища, семейный бытъ,» «частный бытъ, нѣкоторые обычаи, повѣрья и предразсудки, пляски, обряды,» и т. д. Все это не по каждой губерніи является вмѣстѣ, а порознь, въ иной есть, въ другой нѣтъ, но все это и вмѣстѣ очевидно не обнимаетъ всего и пропускаетъ часто главное; самыя основанія дѣленій не вѣрны, отдѣлы совпадаютъ между собою, а языкъ и пѣснотворчество, если встрѣчаются, то не на своемъ мѣстѣ, подъ иной крышей, обличая или отсутствіе всякой науки сего рода, или дѣйствительное незнаніе, или обманчивое притязаніе на свѣдѣнія; одно уже безпрестанное и общее названіе «предразсудки» свидѣтельствуетъ о совершенно фальшивой точкѣ зрѣнія.—За этимъ прибавимъ, въ характеристику, нѣсколько словъ о каждомъ отдѣльномъ трудѣ по губерніи.—Описаніе Виленской губерніи, относительно вопросовъ области народной, сказали мы, близко послѣдуетъ г. Киркору и лишь немного портитъ: изображая «Литовцевъ» и «Литовскій народъ,» оно прибавляетъ «обряды *Славянскаго племени*» и даже «извлеченіе *изъ пѣсень Славянъ,*» напечатанныхъ почему-то безъ всякихъ почти знаковъ препинанія, какъ и подобаетъ безграмотному крестьянину Бѣлорусскому. Составитель г. Корева представляетъ переходъ отъ мѣстныхъ уроженцевъ къ дѣятельности исключительно С.-Петербургской. — Его сотоварищъ, г. Афанасьевъ (Аѳанасьевъ) въ томъ же 1861 г. издалъ Матеріалы губерніи Ковенской: судя по тому, что онъ цитуетъ г. Боричевскаго (см. выше), Киркора и Кукольника, рукописи и т. п., должно полагать, что лично на мѣстный народный бытъ онъ мало обращалъ вниманія; у него нѣтъ даже и пѣсней Литовскихъ. Какія есть народныя черты, онѣ сосредоточены на Литовцахъ; въ числѣ обитающихъ племенъ есть «*Славянское,*» къ нему отнесены «Великороссіяне, Бѣлоруссы, Малороссіяне, Поляки;» но о Бѣлоруссахъ, хотя бы особо въ Ново-Александровскомъ уѣздѣ, мы не находимъ ничего достопримѣчательнаго,—они какъ будто безслѣдны оригинальными Бѣлорусскими особенностями, нѣмы языкомъ и безгласны пѣснотворчествомъ. А между тѣмъ, по видимому, интересно было бы ихъ отличить по крайности отъ господствующей массы Литовцевъ.— Позднѣе другихъ своихъ сотоварищей, имѣя, стало быть, возможность пользоваться ихъ трудами и сообщить намъ болѣе, г. Зеленскій въ 1864 г. составилъ и напечаталъ Матеріалы по губерніи Минской: но въ 2-хъ томахъ его къ народной области въ принятомъ нами смыслѣ относятся

собственно только «Замѣтки о племенахъ» на нѣсколькихъ страницахъ. Усматривая въ коренномъ населеніи губерніи «Славяно-Руссовъ» и раздѣляя ихъ на «Бѣлоруссовъ, Черноруссовъ и Полѣсанъ,» онъ вовсе не счелъ нужнымъ прибавлять, какъ у другихъ, частный народный бытъ, нравы и обычаи, праздники, повѣрья и т. п. Такимъ образомъ, странно сказать, народности Бѣлорусской мы въ описаніи не видимъ цѣликомъ: должны какъ-то извлекать ее, подбирать ея крохи, встрѣчать нечаянно случайныя ея выраженія. Вотъ почему, въ отплату за невниманіе, у автора выставлены, на примѣръ, слѣдующія положенія: «Мѣстныя деревни, называемыя обыкновенно *вѣсками* или *віосками* («съ Польскаго wioski» —слова автора), строятся преимущественно въ одну линію, по обѣ стороны улицы (ч. 2, стр. 667).» Можно бы вспомнить при этомъ, не нуждаясь въ Польскомъ происхожденіи; старое Славянское и Русское *весь*, по крайности знать, что у Поляковъ-то именно и не строятся такъ ихнія деревни. Въ Минской губерніи, этомъ средоточіи всего типическаго Бѣлорусскаго доселѣ, собиратель не нашелъ достойныхъ образцовъ языка и пѣснотворчества!—Гораздо находчивѣе и обильнѣе въ семъ случаѣ Матеріалы по губерніи Смоленской, составленные г. Цебриковымъ (1862 г.): хоть и въ одномъ небольшомъ томѣ, но онъ удѣлилъ значительное мѣсто народнымъ обычаямъ, праздникамъ, обрядамъ, примѣрамъ рѣчи, пословицъ и пѣсней. Къ сожалѣнію, вызывая истинную благодарность за матеріалы сего рода, собиратель самъ чуждъ науки въ ихъ толкованіи и примѣненіи: такъ, на примѣръ, знакомое намъ Русское чувство заводитъ его столь далеко, что онъ усматриваетъ Русскихъ «Авдотьевъ» во всѣхъ крестьянкахъ, которыя весною прибываютъ въ Смоленскъ на богомолье и носятъ народное названіе «*Авдотокъ*.» Между тѣмъ «авдотки» эти суть ничто иное, по Бѣлорусскому выговору, какъ первые вѣстники установившейся весны, птицы «ўдодки,» породившія народную пословицу: «Коли вясной запоѐть ўдодъ, тогды сѣй бобъ.» Съ другой стороны, не слушая живой рѣчи, авторъ слишкомъ иногда довѣряется рукописнымъ матеріаламъ Петербургскихъ архивовъ; такъ онъ находитъ, что Вознесенье называется по Бѣлоруски *Умесцье* и по обычаю своихъ сотоварищей толкуетъ съ Польскаго языка: «Это слово происходитъ отъ Польскаго w miasto, которое означаетъ *въ мѣсто*, т. е. въ городъ (въ Смоленскъ, на богомолье).» Хотя мы думаемъ, что *място* не требуетъ перевода на Русское слово *мѣсто*, а самое *мѣсто* гораздо ближе къ слову *Умесцье*, чѣмъ *място*, откуда было бы скорѣй *Умясцье*: однако главное дѣло въ томъ, что авторъ, не разобравши письменной буквы, прочелъ *Умесцье* вмѣсто *Ушесцье*, то есть вмѣсто живаго устнаго «ўшестье,» восшествіе на небо, Вознесенье (иначе по мѣстамъ «вшестья»).—Обзоръ изданій сего рода слѣдуетъ заключить тѣмъ трудомъ, который съ самаго начала побу-

дилъ насъ выразиться о «Матеріалахъ,» что это дѣйствительно посреди Русской литературы цѣлая и обширная «область:» счастливо Русское Географическое Общество, если именно его вліянію и возбужденію обязаны такіе плоды. Примѣры, приведенные нами выше, не совсѣмъ удачны и не вполнѣ оправдываютъ сдѣланный нами отзывъ: но, мы разумѣли прямо трудъ г. П. Бобровскаго, изданный имъ, какъ подполковникомъ Штаба, въ 2-хъ томахъ огромнаго объема, 1863 года, Матеріалы по губерніи Гродненской. Для нашего дѣла преимущественно важны здѣсь, въ I-мъ томѣ: «Историческое введеніе, первобытныя племена» и т. д. (стр. 1—99);—«Народонаселеніе по племенамъ: историческій обзоръ происхожденія племенъ, преобладающій элементъ въ составѣ жителей между Припетью и Нѣманомъ; доказательства этнографическія; —Русскіе Бѣлорусскаго и Малоросійскаго происхожденія: Черноруссы, Полѣшуки или Пинчуки, Бужане (Русины) и Подлясяне; Бѣлорусское и Малороссійское нарѣчія; образчики пѣсень, сказокъ, пословицъ, повѣстей и разговоровъ, рѣчей, взятыхъ въ различныхъ частяхъ губерніи; подрѣчія: Заблудовское, Королевское, Русско-Мазовецкое и друг. въ западной полосѣ губерніи (стр. 614—652);»—«Народный бытъ: а) положеніе крестьянъ вообще, пища и одежда; б) домашній бытъ, суевѣрія, предразсудки поселянъ; в) общественныя увеселенія, свадьбы, похороны, поминовеніе объ умершихъ, дожинки, праздникъ Купалы (стр. 808—844).» Уже одно это оглавленіе сравнительно-малой части сочиненія показываетъ ясно прямую точку зрѣнія на предметъ, богатство собраннаго матеріала и умѣнье имъ пользоваться. Работа нѣсколькихъ лѣтъ исчерпала всѣ возможные источники и пособія, печатные и рукописные, оффиціальные и частные, изъ литературы Русской, Польской, отчасти Славянской, Нѣмецкой (именно Прусской по Бѣлостоцкой области) и вообще соприкасавшейся иностранной. Въ перечисленныхъ нами статьяхъ авторъ между прочимъ пользовался: первою печатною Статистикой Ляхницкаго (Statystyka, 1817); статистическимъ рукописнымъ описаніемъ Бѣлостоцкой области Безкорниловича (ср. о немъ еще ниже); «Сельско-хозяйственною статистикой» г. Парчевскаго, 1848 года, рукописью обширною и весьма обильною матеріалами по Бѣрорусской народности; данными изъ запаса Общества Географическаго; дополнительными бумагами покойнаго Ярошевича (ср. выше); изысканіями г. Куклинскаго въ области мѣстныхъ подрѣчій; сообщеніями православныхъ священниковъ губерніи, многое собравшихъ для автора изъ устъ народа, и т. п. Не знаешь, чему здѣсь отдать предпочтеніе: трудолюбію изслѣдованія, проницательной критикѣ, умному выбору или меткому выводу, съ которымъ часто не соглашаемся мы первые, но который полезенъ намъ и при этомъ случаѣ. Удивительное свойство: каждый шагъ автора насъ учитъ; нельзя найти чтенія болѣе поучительнаго. Это уже не

зависитъ отъ начитанности и обработки: авторъ много ѣздилъ и ходилъ по Краю, во всемъ присматривался къ народу, самъ записывалъ образцы его рѣчи и творческихъ произведеній. И не въ томъ еще задача: а кто и какъ ее исполнилъ. Мы не знаемъ лично г. Бобровскаго: тѣмъ свободнѣе въ оцѣнкѣ писателя. Образованность всесторонняя, умъ глубокій, и практическій, и научный, взглядъ простой и ясный, любовь — не къ предмету, а къ жизни—къ жизни народной—къ Бѣлой Руси—къ Русскому народу: только она можетъ дать такіе плоды и такъ передаваться душѣ другого. Какъ уловлены всѣ черты жизни, какъ раскрыты язвы и бѣды Бѣлой Руси, какъ ярко народное паденіе: но какимъ тёплымъ чувствомъ согрѣты эти рѣчи, какое дѣйственное желаніе добра народу, какъ близко отсюда до спасенія. Сознаніе пролито на всю жизнь крестьянства: и какъ будто она вросла въ это сознаніе, воскресла, поднимается, обѣщаетъ, дѣйствуетъ. Такихъ писателей и людей называютъ народными. «Русскій человѣкъ и писатель,» безъ фанатизма націи, безъ патріотизма лести и обмана, не обрушившійся ни на какую народность за то только, что она живетъ между нами, не прокричавшій обрусѣнія Краю, а сдѣлавшій для него все то, что могутъ Русскія силы человѣка: явленіе рѣдкое въ ту пору, названіе заслуженное по сущей справедливости. Куда ни брошенъ его взоръ,—а куда онъ не достигъ? — всякая мелочь подъ нимъ свѣтлѣетъ: охотно прослушиваете геодезію, заинтересованы медициной, противъ обычая вѣрите статистическимъ цифрамъ: многіе мѣстные вопросы рѣшены здѣсь окончательно, на сотни лѣтъ нечего ихъ больше и трогать. Это вовсе не одна Гродненская губернія, и менѣе прочаго «губернія:» тутъ концентрированы свѣдѣнія о цѣломъ Краѣ, тутъ вся Бѣлая Русь, которой не будемъ никогда знать внѣ сообщеній автора. Благодѣяніе для Бѣлоруссіи, великій даръ для всей Россіи. Польская литература будетъ постоянно завидовать такому изданію, Европейская у Западныхъ народовъ гордилась бы имъ, только Русская прешла его почти молчаніемъ при появленіи да по видимому не ознакомилась доселѣ съ этою красою своей и честію. «Дѣятели,» подобные г. Гильтебрандту съ товарищами, будутъ всегда черпать отсюда пригоршнями. Въ частности, при печатаніи образцовъ языка и пѣснотворчества, выдержана значительная вѣрность выговору, разставлены ударенія, употреблены цѣлесообразные знаки для оригинальныхъ мѣстныхъ звуковъ (на примѣръ ў): мы бы могли указать еще недосмотры и ошибки, но именно не укажемъ, какъ при другихъ случаяхъ, гдѣ оказывалось это единственнымъ требованіемъ при недостаткѣ чего либо высшаго. Здѣсь напротивъ это уже крохи и мелочи: какъ мы ни придирчивы къ нимъ, но онѣ теряются изъ виду при обиліи общаго матеріала, при массѣ свѣдѣній, которыя даже въ нихъ отражаются ярко.—Послѣ такого крупнаго явленія, составляющаго для нашихъ вопросовъ истинное событіе, мы, подобно какъ обошли

Польскія и мѣстныя «Краёвыя» статейки, не можемъ здѣсь итти по всѣмъ Русскимъ журналамъ, газетамъ и особенно Губернскимъ Вѣдомостямъ: скажемъ лишь кстати о цѣлой «книгѣ» помянутаго генералъ-маіора М. О. Безъ-Корниловича, самымъ именемъ столь противуположнаго многимъ «дѣятелямъ.» Это «Историческія свѣдѣнія о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи, съ присовокупленіемъ и другихъ свѣдѣній къ ней же относящихся (С. П. Б. 1855).» Она составлена большею частію на основаніи прежнихъ, Польскихъ и Русскихъ изданій, выводитъ еще на сцену «Кривичанскихъ» жителей и характеризуетъ бытъ въ родѣ слѣдующаго: «Бѣлорусскій крестьянинъ если сытъ, одѣтъ и не обремененъ работою — веселъ, добръ, разговорчивъ, трудолюбивъ (стр. 241).» Тѣмъ не менѣе, не смотря на свое раннее появленіе, по обстоятельности и полнотѣ изложенія она весьма полезна доселѣ и сообщаетъ кое-что даже о народныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, просто и безхитростно, но не безъинтересно.—За симъ сосредоточимся не на долго, гдѣ по настоящему должно бы сосредоточиться на долго, гдѣ по настоящему должно бы сосредоточиваться все это дѣло, «языка Русскаго и словесности:» на трудахъ Академіи Наукъ, именно II-го ея Отдѣленія. Общее, довольно извѣстное по опытамъ, нерасположеніе Отдѣленія ко всему народному, съ языка до пѣснотворчества, отчасти вѣроятно вслѣдствіе накопленія матеріаловъ, отъ коихъ нельзя отказаться и съ которыми еще труднѣе справиться за недосугомъ должностей Петербургскихъ, отчасти въ противодѣйствіе тѣмъ лицамъ, кои симъ усердно занимаются и успѣваютъ при недостаткѣ всякихъ внѣшнихъ средствъ, безъ жалованья, поощренія и премій,—это общее должно бы, кажется, въ настоящемъ случаѣ уступить мѣстнымъ интересамъ Края и той важности, которую имѣютъ вопросы его для всей Россіи. Случилось совсѣмъ напротивъ. Здѣсь нашли себѣ мѣсто только маленькіе сборники Бѣлорусскихъ «Пословицъ» гг. Шпилевскаго и Носовича, которыхъ мы не имѣемъ чести знать лично, но вѣроятно мѣстныхъ уроженцевъ. Указанія на выговоръ и само правописаніе остались здѣсь съ тѣми же недостатками и ошибками, кои помянуты выше при другихъ случаяхъ. Редакція ограничилась замѣткою, будто первый «держался правописанія не того, что г. Носовичъ, стараясь сохранить во всѣхъ мелочахъ выговоръ народный:» но ожиданной помощи здѣсь со стороны науки и авторитетовъ ея не оказалось, да не встрѣчается часто и рекомендованнаго народнаго выговора. Есть трудъ собирателей, которымъ спасибо, нѣтъ взгляда и присмотра ученыхъ издателей: не отличено твердое полугласное *л* и замѣняется прямо буквою *у*; послѣ шипящихъ твердыя гласныя—*шы, жъ,* и то же въ повелительномъ (*урѣжъ*); для мягкаго *е* кто-то примѣнилъ изъ рукописей іотированное древнее *є* (іе), тогда какъ у Бѣлоруссовъ типическое *е* мягко кромѣ мѣстныхъ исключеній

и, между гласными, тутъ же въ изданіи Академіи *е* простое, такое же мягкое; въ окончаніи глаголовъ (при *ся*) то *сься*, то *цца* (дзивицца), то *цса* (боицса), то *цьця* (брацьця) и т. д. И все это не по особенностямъ мѣстныхъ подрѣчій, а какъ попало. — Пѣсни, десятка съ два, да загадки, со словариками, помѣщены здѣсь Ст. П. Микуцкимъ. Старый и дорогой сотоварищъ нашъ по университету и занятіямъ, нынѣ извѣстный ревностный ученый по сравнительному языковѣдѣнію и лексической, словособирательной, части, удѣлилъ нѣкогда свой досугъ, кажется при содѣйствіи Академіи, на посѣщеніе Края (нынѣ онъ живетъ и дѣйствуетъ въ Варшавѣ); въ немъ видѣнъ уже вездѣ человѣкъ науки, хоть бы на примѣръ въ этомъ желаніи отличить звукъ, о которомъ не разъ поминали мы, переходный между твердымъ *л, в* и *у*, посредствомъ знака *ў* съ краткимъ (какъ у насъ въ печати сего выпуска): но у него же и ненужный *j*, и другія, отчасти старыя, неточности, съ коими нельзя симпатизировать и которыя ясно показываютъ, что дѣлано это *мимоходомъ*. Сообщенное имъ изъ *Витебской* губерніи очевидно есть малый отрывокъ собранныхъ по Бѣлой Руси матеріаловъ, которые цѣликомъ или не дошли до Академіи, можетъ быть по недостатку сочувствія, или же погребены въ ея архивѣ. Во всякомъ случаѣ очень жаль, что Академія не воспользовалась этимъ крупнымъдѣятелемъ какъ бы слѣдовало.—О прочихъ попыткахъ скажемъ еще ниже. Пока же вся дѣятельность этого рода, которую мы въ послѣднемъ періодѣ отличаемъ къ сожалѣнію названіемъ «Русской,» а болѣе слѣдовало бы именовать «Великорусскою» или «Петербургскою,» заключилась трудомъ г. Гильтебрандта, его «Сборникомъ памятниковъ народнаго творчества (терминъ, нѣкогда нами введенный) въ Сѣверо-западномъ Краѣ (какъ принято называть въ политикѣ):» печатался прежде при Виленскомъ Вѣстникѣ, потомъ особымъ «Выпускомъ первымъ (Вильна, 1866, въ малую восьмую).» Вызванный нами въ Край для серьознаго развитія молодыхъ силъ на благодарномъ поприщѣ и весьма скоро обособившійся, въ ряду тогдашнихъ Полонофаговъ и Жидоѣдовъ, издатель самъ не собиралъ пѣсней среди народа Бѣлой Руси и только отпечаталъ добытое другими собирателями. Изъ 300 набранныхъ такимъ образомъ, отчасти перепечатанныхъ, пѣсней, къ типическимъ Бѣлорусскимъ собственно относится менѣе половины: остальное къ Малорусскимъ или смѣшанымъ. Есть между ними и искусственныя, поддѣльныя, на примѣръ доставленныя г. Кояловичемъ *), гдѣ, нарѣчіемъ бурсацкимъ, одна семинарская канта съ риемами выводитъ какого-то «Чорнаго Бога,» котораго по-

*) Здѣсь есть какая-то странность: издатель искренно благодаритъ за сообщеніе этихъ „трехъ прекрасныхъ пѣсней“ М. О. Кояловича, а между тѣмъ онѣ раньше напечатаны,

билъ «Владиміръ нашъ святый;» другая, отъ чьего-то лица, тенденціозно, но весьма нескладно, желаетъ заднимъ числомъ объединенія Руси, дабы она

Одной силою
За одно была,

и молитъ, что бы въ Край «пришли Москали;» а третья баллада напоминаетъ наше стихотворство 20-хъ годовъ—

Въ лѣсѣ въ темномъ у Выслицы,
Среду(и) бору на Кислицы
Есть заклятый сухій сукъ,
На томъ суку сидитъ крукъ. И т. д.

Издатель не задалъ себѣ труда даже хотя бы слегка провѣрить полученное отъ другихъ внимательнымъ обращеніемъ къ самому народу, наблюденіемъ его быта и живаго нарѣчія. У него не собраны, а какія попадаются, не выдѣлены и не разъяснены характерныя черты мѣстнаго народнаго быта. Вмѣсто того, конечно, являются описанія въ родѣ слѣдующихъ: «Пѣсня православныхъ крестьянъ заканчивается слезами и молитвою предъ Св. Юріемъ;» «пѣсня объясняетъ отношенія здѣшняго жителя, *подъ видомъ* (а не въ собственномъ смыслѣ?) разговора сына съ матерью, къ Великоруссамъ;» «пѣсня воспѣваетъ одно, *вѣроятно*, изъ многихъ насилій, совершавшихся панами надъ молодыми крестьянками;» «пѣсня, помимо возмутительнаго содержанія, прекрасно характеризуетъ отношенія православнаго крестьянства къ Латинопольскому правительству (до тѣхъ поръ мы вовсе не знали, что правительство было между прочимъ Латинское).» Разумѣется, у издателя пѣсни «дышутъ особеннымъ озлобленіемъ и ненавистью» противу пановъ и всячески проклинаемыхъ Поляковъ, а когда пѣсня говоритъ: «Не дивуйтесь, добры люди, что мужикъ гуляетъ, у него есть достатокъ по милости Божьей, да и панъ хорошо его знаетъ, только бы не экономы (управляющіе), мужикъ самъ былъ бы паномъ *),»—это переводится издателемъ—«По милости Божьей и панской—*иронія*—у него всего довольно,» такъ что не знаешь, кѣмъ же тутъ сочинена иронія (стр. LXVII); гдѣ паны плохи, тамъ они оказываются Поляками и дѣлается курьозный выводъ: «что Польское дворянство было болѣе аристократіею богатою, *кутящею*, чѣмъ сословіемъ служилымъ, весьма хорошо характеризуетъ пѣсня, *У кого золото есть, тому ни на войну*

и лучше, и съ подробностями обстоятельствъ мѣстныхъ, въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ за Январь 1865 года, съ подписью *А. С.*

*) „Нэ дывуйтесь, добрыи людэ, Що мужикъ гуляе: Мае досыть зъ ласки Бога, Ще его и панъ добрэ знае, Жебъ нэ тыи окономы, То мужикъ бувъ паномъ.“

идти, ни служить не надо, у нашего пана есть золото» и проч. «Отъ полевыхъ обрядныхъ пѣсенъ,» говоритъ издатель, «перейдемъ къ пьянству и его дурнымъ послѣдствіямъ,» и дѣйствительно переходитъ, замѣчая, что жена крестьянина «даже позволяла себѣ гулять съ офицерами,» а «чтобы избавиться отъ нелюбой жены, мужъ не прибѣгаетъ къ яду, какъ къ средству болѣе тайному, онъ дѣйствуетъ спроста, открыто;» «помимо нелюбыхъ женъ, пѣсни представляютъ еще и капризныхъ;» «пѣсня имѣетъ характеръ, по преимуществу, поучительный, она не столько разсказываетъ, повѣствуетъ о были, фактѣ, сколько учитъ, и притомъ отрицательно, т. е. выставляя всю безнравственность предпочтенія богатства бѣдности;» «когда свекрови поссорить (сына съ невѣсткою) не удавалось, тогда она принимала мѣры рѣшительныя, чтобы избавиться отъ невѣстки,» то есть, по просту, оказывается, отравляла ядомъ, этимъ «средствомъ болѣе тайнымъ;» когда мать, занятая развратомъ, заставляетъ свою дочь караулить приходъ отца, издатель заключаетъ, что «быть можетъ эта пѣсня не болѣе какъ юморъ;» «въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ проглядываетъ великорусская удалость;» «въ любовныхъ пѣсняхъ есть указанія на злыхъ, вражьихъ людей;» «любовныя связи необходимо рождали и извѣстныя послѣдствія;» «помимо злыхъ или вражьихъ людей, сующихъ всюду носъ свой, любовныя пѣсни упоминаютъ еще и о трехъ бабахъ-чаровницахъ;» «въ пѣсняхъ находятся еще указанія и на кокетокъ, ставящихъ на первый планъ разсчетъ;» «встрѣчаются также пѣсни юмористическія;» «Бѣлоруссъ привязанъ къ мѣсту своей родины и не любитъ чужой стороны,» а изъ этого именно нерасположенія выводится вся грусть пѣсней рекрутскихъ, когда Бѣлоруссы, столь пламенно звавшіе Москалей (см. выше), «идутъ въ Русь, подъ самусенькую Москву;» впрочемъ, издатель хвалитъ солдатъ и прибавляетъ, что «нѣкоторыя рекрутскія пѣсни характера положительно веселаго.» Всего же любопытнѣе отношеніе издателя къ мѣстнымъ Евреямъ, которыхъ онъ глубоко ненавидитъ и которыхъ печать въ его время совѣтовала переселить въ степи, а порою загнать и въ море. Онъ признается, что въ пѣсняхъ «говорится о нихъ не много, всего кажется, раза два,» и только объясняетъ это скудостью своего сборника, выражая надежду, при дальнѣйшихъ выпускахъ «достичь другихъ результатовъ (стр. XXXVII—VIII).» Тѣмъ не менѣе въ скудномъ своемъ сборникѣ онъ посвящаетъ 23 страницы охотѣ на Евреевъ. Оказывается, уже внѣ характеристики пѣсней, что, «Евреи *находящіеся подъ особымъ покровительствомъ Поляковъ,»* сквернятъ муку на просфиры (?) и вино на Богослуженіе; что «значительное увеличеніе *количества еврейскихъ головъ»* истекаетъ изъ ихъ семейнаго цѣломудрія и ранней женидьбы, равно какъ изъ правила «не тратить денегъ на удовлетвореніе рождающейся страсти, которая у нихъ рано развивается,» вслѣдствіе

приправъ луку, перцу, шафрану, имбирю (прибавимъ, столь дорогихъ въ Краѣ, что это совершенно недоступно огромному большинству, которое пробавляется обычно кускомъ хлѣба, селедки или сыру). Съ XIV вѣка, говоритъ авторъ, «Евреи стали извѣстны какъ Евреи, какъ язва» и «посыпались въ здѣшній край какъ яблоки съ яблони;» «Вѣра и храмъ—*вещи священныя,* и всякій, прикасающійся къ нимъ, долженъ нести полный отвѣтъ,» а Евреи прикоснулись. Они «отплатили здѣшнему населенію поддѣлкою монетъ и кредитныхъ рублей, *энергически продолжающеюся и въ настоящее время;*» «по собраннымъ статистическимъ и полицейскимъ свѣдѣніямъ (?) оказалось, что банкротства (разумѣется, злостныя) между Еврейскими купцами чаще, нежели между христіанскими,» что они «ненавидятъ иновѣрцевъ, какъ всѣ полу-дикіе народы; относительное количество преступленій больше (гдѣ Евреевъ больше числомъ?), изъ коихъ главныя *подлоги и разбой.*» «Ихъ талмудическое суемудріе, дозволяя имъ только легкій трудъ, сдѣлало ихъ *лѣнтяями* и *тунеядцами,* и развило въ нихъ, на этомъ основаніи, *бездну пороковъ.*» Сочинитель останавливается въ грустномъ раздумьѣ на вопросѣ: «что́ дѣлать съ этой замкнутой религіозно-*политической* корпораціей, внутренній бытъ которой тщательно скрывается отъ постороннихъ глазъ и которая составляетъ своего рода *государство въ государствѣ?*» Внутренняго быта сего, по собственному признанію, онъ не вѣдаетъ, а пѣсни, подлежащія изданію, то же ничего почти не говорятъ объ Евреяхъ. Къ чему же распространяться? «Распространились мы объ Евреяхъ съ нѣкоторою подробностью для того, чтобы показать, что крестьяне *непремѣнно должны сохранить въ пѣсняхъ воспоминанія объ Еврейскомъ гнетѣ и насиліяхъ.*» Они обязаны исполнить сей приказъ издателя: «не можетъ же забыть крестьянинъ, что заря его свободы, открывшаяся въ знаменитое 19 февраля, *была смутно (!) встрѣчена Евреями.*» Дальше, какъ видите, итти съ обвиненіями уже некуда и авторъ самъ повѣствуетъ о процессѣ, какимъ онъ успокоился. Онъ было склонилъ слухъ къ «*такъ называемымъ* ученымъ Евреямъ,» но тѣ объясняли недостатки и несчастія народа своего исторически, средневѣковымъ варварствомъ и латино-польскими распорядками въ Краѣ: «такого наглаго сближенія и толкованія одного изъ замѣчательныхъ, хотя и грозныхъ историческихъ фактовъ (между прочимъ рѣзни Евреевъ въ гайдамачину), мы не ожидали отъ *ученыхъ* Евреевъ; но, вспомнивъ, что Еврей, во что бы онъ ни облекался, есть все тотъ же Еврей, на все способный... мы успокоились (стр. XLIII).» Разумѣется, сколько ни выражено здѣсь знаковъ благодарности тогдашнему Попечителю Округа, г. Корнилову, отъ подобнаго изданія не много выиграли Бѣлоруссія, разъясненіе ея народнаго быта и печатаніе «памятниковъ творчества:» даже этнографія, въ самомъ узкомъ смыслѣ, не найдетъ чѣмъ воспользоваться. Нѣтъ подробностей о столь

видныхъ въ Бѣлоруссіи обрядахъ народныхъ и обычаяхъ, нѣтъ сноснаго размѣщенія пѣсней по отдѣламъ, нѣтъ даже народныхъ именъ разрядамъ произведеній. Правописаніе, смѣшавшее всѣ способы, Польскіе, обще-Русскіе, мѣстные, Малорусскіе и такъ называемые Украинофильскіе, пестротою своею, вмѣсто того чтобы различить, спутало всѣ говоры: вы не можете уловить здѣсь ни общаго главнаго нарѣчія, ни мѣстнаго подрѣчія. Попробуйте выговорить хоть это сочетаніе: *оіеіой* (стр. 96)? Вся предшествовавшая литература, по крайности наглядными данными свидѣтельствовавшая о мѣстномъ нарѣчіи, прошла для ученаго издателя даромъ: онъ успѣлъ переписать изъ нея только нѣсколько строкъ о говорѣ «Заблудовскомъ.» Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы выдѣлиться ясно «Русскимъ Краемъ,» чего такъ желалъ издатель и могли отъ него ожидать, Бѣлая Русь является у него, подобно древней Польшѣ, какимъ-то «новымъ Вавилономъ» племенъ и нарѣчій. Безъ сомнѣнія не забыты при этомъ и мы: поставлена на видъ плачевная «участь сборника, составленнаго П. В. Кирѣевскимъ,» въ неумѣлыхъ рукахъ нашихъ. Съ своей стороны можемъ только пожалѣть, что молодые таланты вступаютъ на такой скользкій путь, естественно приманчивый лишь извѣстнаго рода старцамъ, которые усердно обработывали симъ способомъ Край изъ за своихъ разсчетовъ.—Таково послѣднее прискорбное впечатлѣніе, которымъ подарилъ насъ г. Гильтебрандтъ при нашемъ выѣздѣ изъ Края: даже и народному пѣснотворчеству, простѣйшей пѣснѣ простаго народа подобная жалкая участь!

Тѣ, которые въ 1866—67 годахъ возвращались сами изъ Края, убѣдившись, вѣрно или ошибочно, что по совѣсти и долгу невозможно было вести дѣло какъ слѣдуетъ, имѣли по большей части, особенно люди семейные, печальную картину передъ глазами въ близкомъ своемъ прошломъ и трудную перспективу для себя впереди: вызванные съ родныхъ мѣстъ, съ корня и отъ всѣхъ прочныхъ связей, покончивши здѣсь ликвидаціей всѣ дѣла свои, снова по переѣздѣ въ Край устроившись, опять по выѣздѣ оттуда все бросивши, въ третій разъ принуждены они были оріентироваться по возвратѣ на старое пепелище. А народъ нашъ говоритъ, что три раза такимъ образомъ переѣхать—все равно что разъ сгорѣть. Совсѣмъ напротивъ, обязательно «возвращенные» успѣвали и въ Краѣ оставить по себѣ прочную память въ долѣ «Русскаго» землевладѣнія, и увезти съ собою оттуда прибавку разныхъ «отличій,» и по возвратѣ пристроиться къ «мѣсту» болѣе видному, съ котораго удобно было давать печатные отчеты о совершенныхъ обширныхъ подвигахъ. Мы не имѣли даже сего послѣдняго утѣшенія: какъ ни много разнороднаго матеріала вывезли мы съ собою, личныхъ наблюденій на мѣстѣ, выводовъ, касавшихся давней исторіи и современнаго положенія церкви, цивилизаціи, образованности, народности Бѣло-

русской, Польской, Литовской, Еврейской, Нѣмецкой,—во всемъ этомъ мысль наша и наше слово не совпадали съ господствовавшими тогда возрѣніями періодической литературы; а отказаться отъ спокойнаго взгляда въ угоду крайностямъ, царившимъ значительно и въ Москвѣ, казалось для насъ неприличнымъ. Куда же тутъ было заговорить еще о какомъ-то «Бѣлорусскомъ народномъ пѣснотворчествѣ?» — Только къ концу 1868 года успѣли мы снова разобраться въ запасѣ матеріала, у насъ подготовленнаго. Не имѣя собственныхъ средствъ къ обнародыванію, а съ другой стороны зная хорошо по опыту, какъ нерасположено къ сему дѣлу вообще и къ нашимъ трудамъ въ особенности II-е Отдѣленіе Академіи Наукъ, которому вопросъ объ языкѣ и словесности, по видимому, былъ бы всего ближе: мы, въ качествѣ члена Русскаго Географическаго Общества, обратились къ сему послѣднему, представляя образцы начатаго уже нами изданія и прося принять его въ рядъ достоуважаемыхъ изданій Общества, на его иждивеніе. Планъ нашъ былъ довольно обширенъ: сюда вошли бы не только образцы устные и извлеченные изъ старыхъ рукописей, но и соотвѣтственныя черты Бѣлорусскаго быта, и историческій очеркъ сего нарѣчія, съ граматикой и краткимъ словаремъ, и указатели въ концѣ. Намъ казалось, что по крайности этнографія столь важнаго для Россіи Края отсюда выиграла бы весьма довольно. Общество, которому и прежде мы были одолжены лестнымъ вниманіемъ, признало, по предъявленнымъ образцамъ, основательность нашихъ надеждъ, но, будучи слишкомъ ограничено въ средствахъ, поспѣшило отвѣчать намъ отъ 20 января 1869 года: «Совѣтъ съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся къ предпринятому Вами изданію, которое, безъ сомнѣнія, прольетъ новый свѣтъ на этнографическія особенности Бѣлорусскаго племени. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ крайнему своему сожалѣнію, Совѣтъ долженъ былъ отказаться отъ оказанія Вамъ непосредственнаго содѣйствія въ означенномъ изданіи, такъ какъ средства Общества въ настоящее время слишкомъ ограничены.» Въ слѣдъ за тѣмъ, спустя нѣкоторое время, печать принесла намъ извѣстіе, что экспедиціи Западно-Русскаго отдѣла не удовлетворили ожиданіямъ и изъ Бѣлорусскаго Края ничего не принесли для этнографіи, да и теперь пока плодовъ сихъ не видимъ *). Между тѣмъ газеты нѣсколько разъ въ теченіе двухъ лѣтъ повторили, что г. Гильтебрандтъ издаетъ, на средства Географическаго Общества, богатѣйшее собраніе памятниковъ Бѣлорусскаго

*) Въ С.-Петерб. и Московскихъ Вѣдомостяхъ (№ 100) сего года сказано даже, будто „нѣсколько членовъ были посланы для описанія Западнаго Края Имперіи и выдано имъ на поѣздку 10,000 р., но ни одинъ изъ нихъ не исполнилъ „окончательно своей обязанности," почему будто бы ревизіонная коммиссія полагаетъ даже взыскать съ нихъ выданныя деньги.

народнаго творчества, составленное имъ въ количествѣ, кажется, до 2,000 образцевъ. Считая не менѣе того и у себя, мы крайне обрадовались и одушевились надеждою встрѣтиться скоро въ печати съ пополнѣвшимъ нашимъ сотоварищемъ: однако первая треть текущаго 1871 года все еще продолжаетъ томить насъ ожиданіемъ напраснымъ. Нельзя же было сидѣть такъ долго самимъ сложа руки. Полагая, что изданіе наше пригодно будетъ по крайности для Русской словесности и литературы, обратились мы къ присному Московскому Обществу Любителей Россійской Словесности. Какъ ни скудны его средства, чуждыя всякихъ казенныхъ субсидій, какъ ни ограниченны задачи и какъ ни много, при всемъ этомъ, ведется у него изданій, сосредоточенныхъ на пѣснотворчествѣ народномъ, и нашими, и другими членскими трудами, тѣмъ не менѣе оно охотно, какъ всегда, удѣлило намъ заимообразно часть средствъ своихъ для новаго, или, лучше, возобновленнаго, прежде уже удобреннаго имъ, предпріятія. Благодаря ему и при такихъ обстоятельствахъ появляется Первый нашъ Выпускъ.

Пока длилось его печатаніе, на которое отъ прочихъ занятій успѣли посвятить мы лишь отрѣзки досуга и, при трудности дѣла, медленно поступали впередъ въ теченіе двухъ лѣтъ, литература принесла намъ еще попытки въ томъ же родѣ.—Во первыхъ Вѣстникъ Западной Россіи помѣстилъ у себя нѣсколько народныхъ произведеній и любопытныхъ описаній быта, между которыми видное мѣсто занимаютъ особенно живые «Очерки Бѣлорусскаго Полѣсья.» — Во вторыхъ, почтенный другъ нашъ, М. Ѳ. Де-Пуле, оставшись въ Краѣ, успѣлъ отпечатать въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» довольно прекрасныхъ и прекрасно записанныхъ народныхъ пѣсней, трудъ ревностнаго собирателя, приходскаго учителя, г. Н. Руберовскаго.—За послѣднее же время, въ 1869 году, но такъ, что мы получили очень поздно и не успѣли воспользоваться, вышло въ Вильнѣ «Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ Сѣверо-Западнаго Края (въ типографіи Еврея г. Сыркина, въ 16-ю долю).» Изданіе сѣренькое, по мѣстамъ въ большой зависимости отъ прежнихъ, порою почти даже безграмотное, особенно въ вопросахъ правописанія: но за то и нѣтъ претензій, наивно, просто, искренне. Записанныя произведенія большею частію изъ Новогрудка, потомъ изъ Дисны. Издатель (не знаемъ, онъ ли и собиратель), членъ Географическаго Общества, лично намъ незнакомый и, предполагаемъ, вѣроятно одинъ изъ столь почтенныхъ мѣстныхъ учителей, уѣздныхъ или народныхъ училищъ, М. А. Дмитріевъ, отнеся къ дѣлу, по средствамъ своимъ, весьма прямо, не мудрствуя много или лукаво, съ видимою любовію. Дай Богъ побольше такихъ ревнителей и трудовъ: многаго и нельзя отсюда требовать, ошибки легко послѣ поправить, а матеріалъ народный, во всей простотѣ, всегда постоитъ за себя, всегда вызоветъ

благодарность самого народа и будущей литературы.—Другой трудъ, который также весьма мало далъ пособія нашему изданію, ибо онъ дошелъ до насъ только при послѣднихъ нашихъ листахъ, принадлежитъ помянутому, должно думать, мѣстному уроженцу, г. Носовичу: это «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія (С.П.Б. 1870, въ большую 4-ку).» Не смотря на то, что онъ имѣлъ передъ собою много матеріала въ предшествовавшихъ опытахъ, между прочимъ подобный же трудъ покойнаго о. Григоровича, остановившійся на десятомъ листѣ, и не смотря на добавки, припечатанныя въ концѣ, онъ всё таки пропустилъ множество замѣчательнѣйшихъ или употребительнѣйшихъ словъ, а подъ ними множество любопытныхъ чертъ народнаго быта и общеизвѣстныхъ предметовъ. Въ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ весьма часто превосходитъ его богатствомъ, какъ мы замѣтили, и Польскій Словникъ Линде, и Толковый Словарь ветерана нашего В. И. Даля, безъ коихъ, и при г. Носовичѣ, никакъ не обойдется доселѣ никто, если желаетъ ближе ознакомиться съ БѣлоюРусью. Опытъ, какъ опытъ, конечно весьма замѣчателенъ и достоинъ уваженія по трудолюбію составителя: если тутъ не видно обширнаго знанія и умѣнья воспользоваться тѣмъ самымъ матеріаломъ, какой былъ даже подъ руками, если недостатки замѣтны особенно на правописаніи, которое десятками лѣтъ не двинулось впередъ, повторяетъ прежніе несоотвѣтственные знаки, не доходитъ до лучшихъ новыхъ, напротивъ обличаетъ порою кабинетный пріемъ, не вѣдающій живаго выговора, или не можетъ различить простѣйшихъ звуковъ, на примѣръ ставитъ *о* безъ ударенія тамъ, гдѣ дѣйствуетъ коренное *а*,—во всемъ этомъ, нужно помнить, нисколько уже не вина самого г. Носовича. Онъ сдѣлалъ, что́ могъ: остальное въ немъ самомъ легко извиняется и еще легче объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что это есть изданіе и редакція, какъ прямо заявлено, Академіи Наукъ, именно II-го ея Отдѣленія, Русскаго языка и словесности. Нельзя же было не указать составителю и не подсказать того, что́ должно быть общеизвѣстно наукѣ, тѣмъ паче высшей: чрезмѣрное воздержаніе въ семъ отношеніи падаетъ на умолчавшихъ, и долго молчавшихъ, съ 1863 года, когда впервые представленъ былъ Словарь на премію, то есть въ теченіе семи лѣтъ изданія. Извѣстныя, громкія имена ученыхъ, на коихъ, говорятъ, «возложены были наблюденіе за печатаніемъ Словаря и его редакція,» не снимаютъ отвѣтственности, скорѣе увеличиваютъ отвѣтственность дѣла, когда оно совершено съ удивительной легкостью, равной только медленному исполненію предпріятія и богатству всякихъ матеріальныхъ подручныхъ средствъ. Легкость отношенія къ предмету, весьма естественная при общемъ нерасположеніи къ успѣхамъ народной словесности, бросается особенно въ глаза на первыхъ двухъ страницахъ предисловія, гдѣ редакція, совершенно понятно, но едва ли извинительно, про-

должаетъ на примѣръ утверждать, что Бѣлорусское нарѣчіе принадлежитъ тѣмъ мѣстностямъ, «которыя нѣкогда населяло *Кривичское племя* (а другимъ, а другое племя?).» Черезъ чуръ осторожно, до темноты, которая предполагаетъ мракъ незнанія, выражается редакція, что при помощи труда г. Носовича «*можно начать* подробныя изслѣдованія о *составѣ* Бѣлорусскаго нарѣчія (а прежде того и кромѣ состава?), и *между прочимъ—искать—оправдательныхъ* доказательствъ — *предположенію,* что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго и важнаго для исторіи Русскаго языка (какъ будто десятки тысячь Бѣлорусскихъ письменныхъ актовъ прежде не доказали того людямъ свѣдущимъ, а тысяча пѣсней, уже напечатанныхъ, не вела къ тому же).» Утверждаетъ, что составитель изъ мѣстныхъ говоровъ *слѣдовалъ Могилевскому,*—то есть подчинялъ ему остальные говоры: чего конечно не дѣлалъ г. Носовичъ, а если примѣнялъ *правописаніе* къ Могилевскому, то и это невѣрно, ибо тутъ множество совсѣмъ не Могилевскихъ отличій. Редакція думаетъ, что составитель употреблялъ «облеченный знакъ для выраженія *подъема* или *повышенія гласной* (буквы, а не звука?):» между тѣмъ, на языкѣ филологовъ, подъемъ и повышеніе гласнаго звука означаютъ его существенное «измѣненіе,» а вовсе не «удареніе,» которое видимо разумѣетъ редакція, ошибаясь и въ семъ разумѣніи, ибо г. Носовичъ очевидно хотѣлъ выразить «количество,» а не удареніе (иначе не ставилъ бы сего знака на двухъ слогахъ рядомъ въ одномъ словѣ). Издатели считаютъ, въ союзѣ съ нѣкоторыми бывшими Попечителями Виленскаго Учебнаго Округа, но въ разладѣ съ профессурою Славянскихъ нарѣчій, будто слова «*изъ Польскаго*» суть у Бѣлоруссовъ «слова, заимствованныя *изъ иностранныхъ языковъ:*» это противорѣчитъ и единству Славянскаго племени, и единству Русской страны, гдѣ живутъ Поляки. Редакція воображаетъ и ищетъ увѣрить, что трудъ составителя есть «первый *полный* словарь одного изъ мѣстныхъ нарѣчій Русскаго языка» и что прибавками на концѣ, на 24-хъ страницахъ, коихъ по настоящему должно бы прибавить еще по крайности тысячу, придано труду «важное достоинство *полноты.*» Все это умозрѣніе остается совершенно чистымъ, особенно въ проповѣди о «полнотѣ,» когда видимъ, что между матеріаломъ, который предлежалъ вниманію Словаря, а паче его редакторовъ, пропущена издателями и редакторами малость: груды памятниковъ письменныхъ, на каждомъ шагу валяющихся (sic) въ Краѣ, десятки тысячь поющихся пѣсней, Словарь Линде да Словарь Даля, не попавшій въ «источники и пособія,» ибо онъ съ самаго перваго выпуска снискалъ неблаговоленіе высшихъ ученыхъ учрежденій. Выразимъ надежду, что труды, подобные сему Словарю, издадутся когда ни будь безъ наблюдателей и редакторовъ, самими составителями, и пріобрѣтутъ ту глубокую признательность, какую самъ

по себѣ заслужилъ нынѣ по всѣмъ правамъ почтенный г. Носовичъ.—Заключимъ пріятнымъ извѣстіемъ, недавно полученнымъ, что ревностный собиратель. П. В. Шейнъ, пользуясь нынѣшнимъ мѣстомъ пребыванія въ Витебскѣ, пополняетъ свой сборникъ Великорусскихъ пѣсней многими Бѣлорусскими. Дай Богъ, чтобы онъ и выдалъ ихъ *самъ*.

*

Къ сожалѣнію, хотя совершенно по другимъ уже причинамъ, наше изданіе, примкнувъ къ изданіямъ Общества Словесности и ставши въ зависимость отъ заимообразныхъ средствъ, должно пока отказаться отъ прежняго обширнаго плана. Для насъ теперь главное, и всегда главное, но теперь единственно-главное, почти исключительно привлекающее весь интересъ,—само *произведеніе Бѣлорусскаго пѣснотворчества*.—Не льстимъ себя, какъ прежде, какими ни будь практическими послѣдствіями вблизи: для государственной и общественной практики, для историческихъ рѣшеній, для науки и образованія, для воспитанія пріемовъ и способовъ людей управляющихъ или изучающихъ, для ознакомленія ихъ съ Бѣлорусскимъ міромъ, для умѣнья жить съ народомъ и дѣйствовать ему на пользу, даже для пользъ самой народности. Всѣ эти былыя мечты разбились о дѣйствительность, которая очевидно вовсе ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается и ничего не признаетъ въ этомъ родѣ. *Творчество* какъ творчество, въ области *народной словесности*,—вотъ пока существенный предметъ вниманія, и, съ этой безобидной стороны, современному спокойствію самого Края, откуда бы ни проистекала его тишина и гладь, доступно будетъ пользованіе столь невиннымъ предметомъ. Въ другія эпохи скорѣе рванулись бы, и дошли бы до крайностей,—кто до Западно-Русскихъ людей, кто до Полонизма, кто до Еврейства, Литовства, Нѣмчизны: теперь проще взглянуть на само дѣло *Бѣлорусское*, можетъ быть холоднѣе, но и безпристрастнѣе. Не увлекаемся упованіями на прежнихъ «спасителей» и «дѣятелей;» не раздѣляемъ всѣхъ опасеній и за теперешнее положеніе Бѣлой Руси: оно не хуже прежняго. Было хорошо: да тогда не являлись ни изданія г. Дмитріева, ни г. Носовича, ни наши. Мы конечно опоздали къ «жгучимъ вопросамъ» и «политическимъ судьбамъ:» но опоздали передъ прошлымъ, не передъ будущимъ въ области народной.

Повторяемъ. Текстъ словеснаго, устнаго произведенія народнаго: вотъ, къ чему, *въ объясненіе*, направлены всѣ первыя наши *замѣчанія*, и мы не скупились на нихъ.

За самими произведеніями, *вторая* сторона—отражающійся въ нихъ *народный Бѣлорусскій бытъ*. Черты его подбирали мы по возможности всѣ, до послѣднихъ мелочей.

Третья сторона — языкъ или, въ данномъ случаѣ, *нарѣчіе* общаго языка Русскаго: языкъ какъ *нарѣчіе* племенной вѣтви, ея духовно-звуковой обликъ; а вмѣстѣ и *языкъ творческій*, послужившій для высшаго творческаго созданія.

Творческій языкъ, въ его образахъ, всюду, сколько могли, истолковали мы для читателей, и изъ него самого, и изъ сравненія съ другими однородными областями.

Языкъ какъ живое нарѣчіе племенной вѣтви пока не разъясненъ у насъ ни отдѣльнымъ *словаремъ*, ни *граматикой:* не позволили того ни мѣсто, ни время, ни средства печатанія.

Мѣстныхъ говоровъ или подрѣчій народной рѣчи не «указываемъ:» но они «соблюдены» въ предлагаемыхъ образцахъ до мельчайшей точности. Въ заключеніе изданія, перечисляя, откуда полученъ тотъ или другой образецъ, укажемъ его живое «мѣсто,» а съ тѣмъ вмѣстѣ и отмѣны мѣстныхъ говоровъ. Пока передъ вами—*общая народная рѣчь Бѣлой Руси,* нарѣчіе Бѣлорусское въ его *цѣльномъ единствѣ.*

Исторіи языка, съ сихъ сторонъ, не излагаемъ въ изданіи «настоящемъ:» касаться ея больше того, чѣмъ это сдѣлано нами по мелочамъ въ объясненіе пѣсней, значило бы слишкомъ пестрить книгу; а въ извѣстной непрерывной полнотѣ это требуетъ по крайности отдѣльнаго тома. Замѣтимъ здѣсь только вкратцѣ два-три положенія, которыя должны быть аксіомой для людей свѣдущихъ и руководствомъ для незнающихъ. — Передъ нами въ творческихъ образцахъ прежде всего *языкъ творческій:* не обиходный, не вседневный, употребляемый для нуждъ обыденной жизни, а поднятый къ творческому созданію, настроенный болѣе или менѣе высоко, во всякомъ случаѣ на опредѣленный ладъ, съ размѣромъ и складомъ, въ соотвѣтствіи съ голосомъ и музыкой. Особенно изъ удареній весьма многія не совпадаютъ съ употребительными въ дѣйствительности прозаической; есть и словосочетанія, и обороты, и согласованія иного склада, отличнаго отъ ходячей простоты; многія слова и названія, встрѣчныя въ пѣсняхъ, неизвѣстны теперешнему быту. Когда мы записанное прежде повѣряли впослѣдствіи снова, на мѣстѣ читая или пересказывая крестьянамъ, дабы вызвать воспоминанія, дальнѣйшія разнорѣчія (варіанты), дополненія и объясненія, крестьяне нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ изъ пѣсни сами не понимали, объяснить отказывались или толковали съ видимой неувѣренностью. Стало быть, это повторяется въ пѣснѣ лишь по привычкѣ, по возпроизведенію прошлаго, по требованію и вызову условнаго творческаго склада, отчасти иногда по воспоминанію (послѣднее, впрочемъ, всего менѣе играетъ здѣсь роль, ибо творчество *не воспоминается,* а *воспроизводится* въ духѣ и словѣ, и то, что̀ не воспроизводится, скоро перестаетъ существовать вовсе). Слѣдовательно,

убѣждаемся далѣе, все это, воспроизводимое доселѣ, но даже часто не понимаемое понятіемъ отвлеченнымъ, принадлежитъ древности: она, а не современность, первотворила; это плодъ творчества древняго, это его процессъ и исторія предъ нашими глазами; это даръ старины, воспроизводимый, какъ изъ родной сокровищницы, въ нынѣшній оборотъ пѣснотворчества силами народнаго дарованія. И дѣйствительно, содержаніе Бѣлорусской пѣсни, особенно обрядъ, одушевлявшій ее и вдохнувшій первую творческую силу, а вмѣстѣ самъ получившій душу отъ представленій и силъ древнѣйшихъ, каждому, даже неопытному, взгляду указываетъ часто на древность сѣдую, во многихъ случаяхъ языческую, по времени и мѣсту отдаленнѣйшую, при-Дунайскую, за-Дунайскую и даже еще Мало-Азіатскую (въ глубь Азіи, до прародины Индійской и Гималая рѣдко можемъ мы прямо, безъ посредственныхъ выводовъ, дойти съ нашими Русскими пѣснями). Бѣлорусская пѣсня, преимущественно Обрядная, весьма богата такими образцами: всякой это усмотритъ; иногда въ семъ отношеніи превосходитъ она даже насъ, Великоруссовъ, даже Южныхъ Славянъ, а тѣмъ болѣе Малоруссовъ и Славянъ Западныхъ.—Естественно при такомъ условіи, пѣсня и творческій языкъ ея *гораздо старше Бѣлорусской письменности,* извѣстной по лѣтописямъ, а всего болѣе по многимъ тысячамъ актовъ, позднѣе же по сочиненіямъ отдѣльныхъ писателей и остальной литературѣ. *Письменный языкъ* Бѣлой Руси, не говоря уже о «писателяхъ втораго періода,» которые совсѣмъ почти сюда не идутъ, даже въ старшихъ письменныхъ актахъ имѣетъ *свою,* глубоко отличную отъ устнаго языка исторію, и связывается въ этомъ отношеніи гораздо ближе съ общими судьбами всей Русской письменности и съ письменностью Церковно-Славянской, которая исторически и преемственно сообщила намъ свой типъ и своего рода искусственность, неизбѣжную въ литературѣ отъ азбуки до граматики и словаря, при руководствѣ намѣренно составленныхъ и властительски управляющихъ правилъ. Тѣмъ не менѣе, письменный языкъ Бѣлорусскій отличается съ самаго начала и отъ древнѣйшаго нашего: понятно, ибо не будь сихъ отличій, не было бы «Бѣлоруссіи» съ ея рѣчью, бытомъ, мѣстомъ жительства, исторіей, и на оборотъ. Отличія сіи съ теченіемъ времени мало по малу разрастаются, вѣтви развѣтвляются все больше и больше: письменные памятники младшіе, на примѣръ XVI вѣка, отошли отъ нашихъ уже очень далеко. Но, повторяемъ, еще больше здѣсь отличій отъ языка, какой встрѣчаемъ по образцамъ древняго и современнаго Бѣлорусскаго творчества: и въ коренномъ словарѣ, и въ словоупотребленіи, и въ граматикѣ; особенно же наглядно это въ выговорѣ и произношеніи, на сколько можемъ судить изъ письменныхъ знаковъ. Такъ, на примѣръ, подъ вліяніемъ исконнаго звукостроя Церковно-Славянскаго и вообще въ силу «правилъ» письменности,

которая вездѣ любитъ поддерживать такъ называемый порядокъ, преемственный и болѣе-менѣе однообразный, усвояемый вмѣстѣ съ обученіемъ письму и съ чтеніемъ по письму, а съ другой стороны и въ отпоръ разнообразію текущей живой рѣчи, съ которою литература обыкновенно заводитъ споръ съ перваго же своего шага,—по всѣмъ этимъ причинамъ въ старомъ письменномъ языкѣ Бѣлорусскомъ гораздо больше внѣшней *опредѣленности* и звуковой *твердости*, чѣмъ въ творческомъ, до насъ дошедшемъ, и въ современномъ народномъ говорѣ. Почти никогда, кромѣ самыхъ позднихъ случаевъ, не смягчается въ письменности *т* и *д* до нынѣшней мягкости, близкой къ *ц* и *дз;* гораздо чаще встрѣчается твердое *г*, отличавшееся на письмѣ двумя буквами *кг;* обыкновеннѣе сочетанія *ра, рэ, ры, ро, ру,* вмѣсто нынѣшняго простонароднаго и почти общаго *ря, ре* (мягкое), *ри, рё, рю,* и въ этомъ, по одну стöрону, письменный языкъ примыкалъ къ сосѣднему Польскому, представляя къ нему посредствующій переходъ, ибо въ Польскомъ, извѣстно, или господствуютъ издревле помянутыя «твердыя» сочетанія, или уже *ржа, рже, ржи, ржо, ржу,* позднѣе совсѣмъ обратившіяся въ *жа, же, жи* или *жы, жо, жу* (rza, rze, rzy, rzo, rzu); но послѣдняго рода мягкость, столь уже односторонняя въ устахъ Польскихъ и посягнувшая на претвореніе *р* какъ звука согласнаго, одинаково не извѣстна и старой письменности, и нынѣшней живой рѣчи Бѣлорусской; далѣе въ письменности употреблялось и твердое *л* безъ перемѣны, порою съ претвореніемъ въ *в*, какъ нынче, но крайне рѣдко съ переходомъ въ простонародное живое *ў*, то есть краткое *у* или картавое глухое *л*, и т. д.; разумѣется, этому отвѣчала и сравнительно-бо́льшая твердость *всей гласности* звуковъ (*э; ѣ* безъ учащеннаго перелива въ *я* и въ *и; ы, у* и т. п.). Кромѣ того нельзя не замѣтить, что въ семъ случаѣ, при твердости гласныхъ и нѣкоторыхъ согласныхъ, на письменность вліяли иногда силы основнаго и въ древности единаго корня Обще-Русскаго, отличавшагося тѣми же качествами: такимъ образомъ она порою сознательно и по всѣмъ правамъ древности за собою выставляла преграду разливавшемуся вокругъ смягченію мѣстныхъ говоровъ. Условныя формы, принудительно налагаемыя и состоявшія въ рукахъ письменности, доставляли къ тому самое удобное средство. И однакоже мы ошиблись бы, предположивши, что эта твердость характера, болѣе искусственная и внѣшняя, свободна была отъ *стороннихъ вліяній:* напротивъ, она-то и допускала ихъ всего скорѣе, подчиняясь воздѣйствію то Великорусскаго типа, какъ прямаго наслѣдника Руси Общей и вѣрнѣйшаго послѣдователя правиламъ Церковно-Славянскимъ, то покоряясь вліянію сосѣдей и мѣстныхъ жителей Поляковъ (у Великоруссовъ то же твердое *г* и *л, ѣ, у* и не слишкомъ мягко *т, д;* у Поляковъ твердое *г* и *л, э, у* и т. п.). Часто письменность даже колеблется, эклектиче-

ски выбирая себѣ то съ одной, то съ другой стороны, и видимо стараясь добиться особаго типа, средняго между влiятельными крайностями. Дѣйствовалъ на нее конечно и языкъ Литовскiй съ его суровостью и первообразностью почти Санскритской, тѣмъ больше, что первоначальная письменность посвящена была по преимуществу государству, гражданству, строю политическому и военному, а здѣсь нѣкоторое время первенствовали Литовцы. Съ этой точки зрѣнiя нѣтъ ничего смѣшнѣе увѣренiя, что устная рѣчь Бѣлорусская, а тѣмъ паче творческая, образовалась въ своихъ отличiяхъ по причинѣ разностороннихъ влiянiй Великорусскихъ и Польскихъ: она-то напротивъ и свободнѣе всего въ этомъ отношенiи. — Но, если она несомнѣнно и во многомъ старше языка письменнаго, то вопросъ: какъ и въ какой мѣрѣ воспользовался ею языкъ письменный? Взялъ ли *цѣликомъ* и обработалъ *по своему,* вполнѣ ее *замѣнивши*? На оборотъ, не трудно подмѣтить, что въ письменность затянуто и поднято *не общее* живое нарѣчiе народа, а *одно изъ областныхъ тогдашнихъ подрѣчiй*, преимущество *Сѣверо-Западное* по отношенiю къ другимъ частнымъ говорамъ Бѣлорусскаго племени: основы, видите часто, совпадаютъ и съ южными, и съ восточными говорами, даже позднѣе приближаются къ нарѣчiю Малорусскому, а типъ, создавшiй особенности «Бѣлорусской письменности,» держится больше Сѣвера и Запада, гдѣ занялъ мѣстное областное отличiе, нынѣ почти уже также сгладившееся, въ подставу своихъ письменныхъ произведенiй.—Во всякомъ случаѣ, этотъ письменный Бѣлорусскiй языкъ не то, что пѣснотворческiй, намъ предлежащiй въ образцахъ, особенно въ старшихъ: но они однако жили вмѣстѣ, рядомъ, и жили долго. Отъ того, при всѣхъ особенностяхъ, иное въ языкѣ пѣснотворческомъ никакъ не совпадаетъ съ созременностью, напротивъ находитъ себѣ поясненiе только въ словарѣ и граматикѣ языка письменнаго: видно, что оба существовали рядомъ и одновременно, другъ отъ друга заимствуясь, не сливаясь, но и не чуждаясь, какъ струи двухъ рѣкъ, совпавшихъ въ одномъ руслѣ. Теперь мы можемъ и должны пополнять ихъ взаимно: отъ того-то такъ важно помянутое нами изученiе мѣстныхъ письменныхъ памятниковъ, которые, на значительную долю, пользуютъ и для изученiя народности въ ея устномъ пѣснотворческомъ языкѣ. Стóитъ только припомнить, что въ ту пору, о которой говоримъ, и долгое время, на всемъ обширномъ Западномъ пространствѣ отъ Двины и Днѣпра въ глубь чужихъ странъ, письменный языкъ Бѣлорусскiй былъ единственный, единственный живой или родной народу, совпадавшiй сколько бы то ни было съ устной рѣчью и по крайности на ней основанный. У Поляковъ царствовала Латынь, сперва заслонившая непроницаемо, а потомъ и подавившая старшiе слои пѣснотворческаго развитiя народнаго; Великоруссы съ Запада схлынули; Малоруссы только что придвинулись къ Сѣверу и Востоку, въ нынѣшнiя мѣста

жительства, а самобытная литература ихъ едва начиналась съ XVI вѣка, одновременно съ Польскою. Основное народное пѣснотворчество могло дружиться въ языкѣ только съ *письменностью Бѣлорусской*, только при ней достаточно уцѣлѣло, только въ ней сквозитъ доселѣ подставою, только изъ себя да изъ нея даетъ подлинныя *Бѣлорусскія* данныя. — Съ другой стороны, въ образцахъ, до насъ дошедшихъ, разумѣется, пѣснотворчество убереглось съ его языкомъ не цѣликомъ, не въ первобытномъ своемъ видѣ, даже не въ древнѣйшемъ касательно подробностей: на него, сквозь призму истекшихъ вѣковъ, дѣйствовали разныя эпохи съ видовыми ихъ отличіями, съ постепенностью видоизмѣненій; каждый шагъ на длинномъ пути, по мѣрѣ приближенія къ намъ, истощалъ коренныя силы; чѣмъ моложе происхожденіе, тѣмъ слабѣе и скуднѣе народное произведеніе; самый процессъ воспроизведенія или преемственнаго повторенія, хотя бы стремилось оно выдержать вполнѣ характеръ древности, конечно подчиняется нынче вторженіямъ новизны, отрицательному дѣйствію слабости и безпамятства, и невольному пропуску, и условному пополненію, во всякомъ случаѣ текущему, современному виду жизни; даже, чѣмъ сильнѣе вожделѣніе старины, чѣмъ намѣреннѣе и старательнѣе, тѣмъ порою искусственнѣе; а свергнуты ли узы преданія, тѣмъ больше простора произволу; произволъ же граничитъ здѣсь съ неволею, съ необходимостью подчиниться нынѣшнему воззрѣнію, складу, обороту, словосыраженію, выговору. Такимъ образомъ творчество наличное во многихъ образцахъ своихъ моложе, ниже и слабѣе тѣхъ проблесковъ и оттѣнковъ, кои врывались нѣкогда изъ народа въ самую письменность, коимъ поддавались невольно, коими естественно увлекались или одушевлялись сами пишущіе. Эпизоды, образы, выраженія и слова, явно Бѣлорусскіе, проникшіе въ письменное Слово о Полку Игоревѣ, безъ сомнѣнія старше, типичнѣе и достойнѣе тысячи нынѣшнихъ пѣсней: но и прочіе, дѣловые акты письменности поспорятъ еще иногда своимъ творческимъ цвѣтомъ съ теперешними устными образцами. При постепенномъ истощеніи пѣснотворчества до его нынѣшней эпохи, самый творческій языкъ утрачивался постепенно въ своемъ качествѣ и теряетъ передъ нами право на собственное свое имя: со ступени творческой, высоко поставленной, спускается онъ до ходячаго, обиходнаго, племеннаго *нарѣчія*. Это возвратъ къ основнымъ стихіямъ, но уже не въ первобытномъ ихъ видѣ, а къ тѣмъ формамъ, кои дала имъ реальная дѣйствительность, проза и часто пошлость жизни; хорошо еще, если жизнь современная не утратила вовсе памятниковъ первообраза, въ него глядится, съ нимъ соображается. — И такъ, въ образцахъ предлежащихъ мы имѣемъ на половину языкъ творческій, а на другую половину, иногда и больше чѣмъ на половину, образцы *современнаго Бѣлорусскаго нарѣчія*, во всей простотѣ нынѣшняго употребленія. Здѣсь дѣйствуютъ на сце-

нѣ всѣ наличные *говоры* или *подрѣчія* Бѣлоруссіи, со всѣми ихъ особенностями и разнообразіемъ. Вы изучаете здѣсь Бѣлорусскую живую современность, какъ она есть въ настоящую минуту: записанныя пѣсни не восходятъ почти срокомъ, когда вылетѣли изъ устъ и захвачены къ письму, выше начала нашего вѣка, а многія у насъ записаны чуть не вчера. Тѣмъ и единственно народное пѣснотворчество: одинаково въ своихъ памятникахъ соприкасается оно и съ глубиною вѣковъ отдаленнѣйшихъ, и съ текущею передъ нами минутою.—Просимъ положиться на нашу точность и опытность, въ томъ отношеніи, что мы передаемъ печати все, какъ *есть* или по крайности какъ *приняли сами изъ устъ,* относясь критически и къ тому, что́ прежде попало въ печать, и постоянно это *повѣряя наличностью современной.* Свести въ группы и мѣстныя единицы разнообразіе подрѣчій мы предоставляемъ себѣ подъ конецъ: но пока данныя для того всѣ намѣчены и строго нами выдержаны. Потому да не соблазнятся, встрѣчая разнообразіе звуковое и даже какъ будто граматическое противорѣчіе: на примѣръ господствующее окончаніе *ого,* по большей части выдержанное и въ старой письменности, а въ нѣсколькихъ образцахъ *аго* *); старшее завершеніе опредѣленныхъ прилагательныхъ на *ыи, ый, іи, ій,* а рядомъ сокращенное или стянувшееся *ы, и*; то *ѣ,* то *я* или *и* въ одномъ и томъ же корнѣ слова; то *л,* то *в,* то *ў,* то *у* въ одинаковомъ случаѣ, и т. п. Все это принадлежность мѣстныхъ говоровъ, иногда времени сравнительно старшаго или младшаго, породившаго пѣсню, иногда словоупотребленія, иногда какого либо другаго условія въ словопослѣдованіи, напѣвѣ и т. д.—Повторяемъ, передъ нами, стало быть, *Общее современное нарѣчіе,* проникнутое творческимъ языкомъ или его въ себѣ разложившее по воспринятіи, но во всякомъ случаѣ *Бѣлорусское, живое,* совершенно *устное, простонародное* и притомъ распадающееся на многія *частныя отмѣны.* Его отчасти можно разсматривать какъ *племенное,* какъ представителя основныхъ стихій до исторіи и даже до эпохи творческой, *если мы съумѣемъ* отличить эти стихіи на неизмѣримой глубинѣ ихъ: но никогда не должны мы забывать, что оно въ дан-

---

*) Собственно для Бѣлорусскаго нарѣчія вообще это одно и то же, ибо всякое *ого* безъ ударенія будетъ произноситься *аго*: при этомъ, чтобы отличить случаи дѣйствительнаго *ого,* мы ставили надъ *о* удареніе и считали это излишнимъ только въ тѣхъ случаяхъ, которые одинаковы съ языкомъ Великорусскимъ и непремѣнны (на примѣръ *иного, молодого*: въ противномъ случаѣ было бы „йнваго, мла́даго“). Но часть Минскаго, сопредѣльная Могилевскому подрѣчію, и особенно это послѣднее имѣетъ еще *аго* съ долгимъ *а,* однородное съ Церковно-Славянскимъ и основнымъ Чешскимъ, зависящее отъ именительнаго съ долгимъ или удвоеннымъ *ыи, іи,* куда нынче переносится порою и удареніе („вороный, молодый;“ „тугій, другій;“ въ послѣднихъ двухъ случаяхъ удареніе отличается отъ долготы на концѣ): въ такихъ пѣсняхъ мы ставимъ *аго* и въ нихъ *ого* значитъ уже *о* съ удареніемъ.

номъ видѣ прошло уже сквозь эпоху *творческую* и въ самой простѣйшей дѣйствительности есть плодъ *многовѣковой исторіи.* Частность подрѣчій не мѣшаетъ здѣсь основному единому типу, отличному вездѣ не только отъ Польскаго, но и отъ современнаго Великорусскаго языка, и отъ Малорусскаго нарѣчія: единство общаго нарѣчія не даетъ перевѣса и права исключительнаго какой ни будь одной частности или особенности, но одинаково ихъ всѣхъ допускаетъ къ жизни. — Было ли такъ въ старину, а тѣмъ болѣе въ отдаленную древность? Законъ, управляющій всѣми въ мірѣ языками, убѣждаетъ: чѣмъ выше, тѣмъ подрѣчій было меньше, признаки ихъ малочисленнѣе, отличія сливались тѣснѣе въ общее единство, господствовалъ родъ, а не виды, пока дойдемъ постепенно до той грани, когда предположительно цѣлое Бѣлорусское нарѣчіе было лишь мелкимъ оттѣнкомъ и только что начало обособляться отъ единой вѣтви Русской и отъ общей семьи Славянской. *Когда* это случилось, рѣшить невозможно при наличныхъ нашихъ данныхъ: выигрываемъ только то, что мы предупреждаемъ симъ напрасныя попытки и исканія, готовыя, пожалуй, пуститься въ соображенія исторіи *внѣшней.* Во всякомъ случаѣ, совершилось это *очень давно* и никакъ не на глазахъ положительной, тѣмъ менѣе политической, Русской исторіи. Событіе лежитъ по ту сторону исторіи внѣшней, въ томъ времени, которое называется *доисторическимъ* (хотя и оно, относительно себя самого, имѣло также свою *внутреннюю исторію):* когда творился самъ народъ Русскій изъ племени Обще-Славянскаго, народъ или — что то же — языкъ; а единственной устной повѣстью сей эпохи творчества есть само народное пѣснотворчество. Нѣкоторые образцы его, дошедшіе до насъ уже со всѣми главными и родовыми признаками Бѣлорусскаго нарѣчія, восходятъ очевиднымъ происхожденіемъ своимъ по крайности тысячи за двѣ лѣтъ: они старше многихъ Малорусскихъ и даже Великорусскихъ, они единственны въ Общемъ Русскомъ мірѣ; они совпадаютъ съ древнѣйшими Обще-Славянскими, параллельны Греко-Латинскимъ; самыя имена и названія, въ нихъ встрѣчающіяся, ведутъ насъ къ Дунаю, къ морю Черному или Русскому, къ Ѳракіи и даже по ту сторону отдѣлявшаго пролива — къ Малой Азіи. Нарѣчіе ихъ есть нарѣчіе народа живаго, не только поздняго, но и современнаго намъ: однако и здѣсь многими существенными признаками побѣждаются цѣлые ряды столѣтій. Такъ, дѣйствующая доселѣ, Бѣлорусская гласность *а* или, иначе, господствующая *а-гласность* очевидно есть поздняя и производная, моложе извѣстной, хотя столь же производной, *а*-гласности Сербской, тѣмъ болѣе, что зависитъ уже много отъ выговора и скрывается тотчасъ при появленіи удареній, кои поддерживаютъ *о* или *е,* то есть старшее *ъ* и *ь*: а между тѣмъ, съ помощію сей же самой *а*-гласности мы получаемъ такія формы, какъ на примѣръ *фарасйна* (см. ниже въ нашемъ изданіи),

которыя, не имѣя себѣ однолѣтка товарища въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ (кромѣ Великорусскаго по Московскому выговору *хваросъ*), совпадаютъ съ Греческимъ, притомъ Малоазіатскимъ, *фаросъ*, *φαρος*; *ф*, опять утраченное прочими Славянами и на глазахъ исторіи ихъ изгоняемое отовсюду, удержано здѣсь Бѣлоруссами за одно съ народами античными. Безпрерывный переливъ кореннаго *у* въ *в* и *в* въ *у*, извѣстный Малоруссамъ въ видѣ болѣе грубомъ и рѣзкомъ, а въ устахъ Бѣлорусскихъ столь живой и легкій, какъ постоянная импровизація, совпадаетъ съ такимъ же точно явленіемъ Латинскимъ и Греческимъ. Твердое *л*, своимъ переходомъ въ согласный звукъ *в*, есть такое же позднее явленіе, какъ у Малоруссовъ; оно кристаллизуется и въ Бѣлорусской письменности: но въ устномъ нарѣчіи оно является еще краткимъ *ў*, въ семъ случаѣ параллельно Сербскому *о* («био, знао»), въ сочетаніяхъ *ау* и *оу* старше Сербскаго стянутаго *у* («вълкъ,» Серб. «вук»), порою первообразнѣе Великорусскаго и даже общаго Славянамъ, давно кристаллизованнаго *у* («тоўстъ:» толстъ, толща, туча), во всякомъ же случаѣ отводитъ не рѣдко къ той древнѣйшей гласности звука *л*, которая извѣстна, на примѣръ, въ старо-Чешскомъ (plk), а въ Церковно-Славянскомъ требуетъ уже себѣ поддержки звука *ъ*. Гласность звука *р* въ Бѣлорусскомъ устояла отъ матеріализаціи Польской, спустившейся до шипящаго звука. Бѣлорусское мягкое *д* и *т*, не спустившись до сравнительно-поздняго Польскаго *дз* и *ц*, ближе къ Сербскому, извѣстному съ отдаленной древности, параллельно Латинскому (въ мягкомъ *t*) и на нѣкоторую долю чуть ли не старше Греческаго (въ *дз*, *ζ*). Другое Бѣлорусское *ц* и *з* (изъ *к* чрезъ *ч*, изъ *д* и *г* чрезъ *ж*) ограничилось болѣе рѣдкими случаями сего претворенія, чѣмъ въ нашемъ Новгородскомъ нарѣчіи и чѣмъ въ языкѣ Латинскомъ. Подобныя черты простираются до подробностей, и однако очень крупныхъ, какъ скоро онѣ связуются съ пѣснотворчествомъ, съ душею его — обрядомъ, съ именами существъ миѳологическихъ. Такъ, на примѣръ, если нашъ *Иванъ* сказочный (то есть Придунайскій Черноморскій) отвѣчаетъ Ѳракійскому *Эвану*, то при Купалѣ, до сихъ поръ столь сильной у Бѣлоруссовъ, ихній *Янъ* дружится съ Латинскимъ Яномъ, Janus (см. въ нашемъ изданіи). Не говоримъ уже здѣсь о цѣломъ мірѣ *Купальскихъ* воззрѣній, который весь извлекается теперь нами изъ данныхъ Бѣлорусскаго нарѣчія, воплощается въ сихъ послѣднихъ и выражается силою древняго творчества, а въ то же время разъясняетъ намъ Малоазіатскую «Кубелу,» дополняя значительно показанія классической Греціи и подавно литературнаго Рима. Вотъ нѣсколько бѣглыхъ образцовъ, и однако совершенно достаточныхъ, чтобы происхожденіе общаго Бѣлорусскаго нарѣчія не объяснять ни коимъ образомъ изъ случайныхъ явленій и условныхъ обстоятельствъ, извѣстныхъ исторически, такихъ на

примѣръ, какъ нынѣшнее мѣсто жительства, поселеніе между Литовцами, Поляками, Великоруссами и Малоруссами, обособленіе политическое, даже введеніе христіанской вѣры или начало письменности. Для того, чтобы допустить каузальное значеніе помянутыхъ сей часъ явленій, нужно бы, на примѣръ, предположить, что Поляки и Великоруссы обособились отличіями своими прежде, а отъ нихъ уже, ища промежуточной середины, пошло обособленіе Бѣлоруссіи съ ея нарѣчіемъ: но это смѣшно, ибо элементы обособленія являются намъ съ признаками доисторическими, когда творился самый языкъ и при его посредствѣ творилась пѣсня. Обособленіе въ сихъ коренныхъ отношеніяхъ является уже подготовленнымъ для самыхъ первыхъ шаговъ внѣшней исторіи, а на глазахъ ея, въ исторической мѣстности, на опредѣленномъ поселеніи, при началѣ государства, при введеніи христіанства и письменности, совершалось для всѣхъ одновременно, такъ что ни Поляки, ни Великоруссы ни чѣмъ здѣсь не старше. Вліяніе конечно было: только не на происхожденіе, а на постепенность дальнѣйшаго развитія; историческія явленія мѣстныя заявили свою особенность потому лишь, что она подготовлена была побужденіями до-историческими.—Что касается до Руси Малой, то она своими нынѣшними отличіями въ сосѣдствѣ съ Русью Бѣлой обособилась гораздо позднѣе сей послѣдней: послѣ того какъ Обще-Русское, позднѣе Великорусское, населеніе передвинулось изъ старшей южной государственной области; послѣ того какъ здѣсь, на пепелищахъ древнѣйшей Руси, господствовали Восточники; и, уже по удаленіи сихъ послѣднихъ, постепенно придвинулись массы, однородныя съ Русью Галицкой и Карпатской.—Вообще, если опредѣлять обособленіе Бѣлой Руси какими либо историческими моментами, то развѣ тѣмъ старшимъ моментомъ для Славянъ, не моложе, какъ извѣстное въ Европѣ «переселеніе народовъ:» этою именно эпохою объясняется, можетъ быть, замѣченная лучшими этнографами и языковѣдами Славянскими, значительно подтверждаемая и нами, въ языкѣ, пѣснотворчествѣ, обрядѣ, бытѣ и народныхъ прозвищахъ, близость Бѣлоруссовъ съ Сербами, частнѣе съ Сербами и Хорватами, доказывающая, какъ нынче ни раздѣлены они, что когда-то вмѣстѣ и въ сожительствѣ прошли они одну полосу доисторическаго развитія. А если они раздѣлились въ данное время, то не такъ, какъ думалъ Шафарикъ, одни спустились къ Югу, другіе поднялись къ Сѣверу (отъ Карпатъ), напротивъ одни двигались постоянно по Южнымъ оконечностямъ Европы къ Западу, другіе съ Юга, отъ Дуная, по Юго-Западу нынѣшней Россіи на ея Сѣверо-Западъ. Здѣсь-то, послѣ переселенія, на нынѣшней территоріи, *снова* сошлись Бѣлоруссы въ сосѣдство съ общею вѣтвію Русскою и съ обособленными Великоруссами, съ коими ближе были по коренной племенной вѣтви: и однако же, при самомъ сближеніи, Бѣлоруссы сохранили у себя

тѣ черты, кои роднятъ ихъ во многомъ съ Сербами и чужды Великоруссамъ, тогда какъ послѣдніе, судя по всему, ближе къ Болгарамъ. Съ той же исторической поры началась рѣшительная взаимность Бѣлорусской жизни и съ Литовцами, и съ Поляками, а еще новѣе съ нынѣшними Малоруссами. Тѣмъ менѣе дозволительно выводить въ частности происхожденіе Бѣлорусской народной рѣчи отъ Бѣлорусской исторической письменности, уже по тѣмъ чертамъ, коими бѣгло мы характиризовали ту и другую выше. Письменность зачалась съ перваго раза условными правилами языка, древле-Болгарскаго, Церковно-Славянскаго, книжнаго Обще-Рускаго, и подверглась даже примѣру вліятельнаго Великорусскаго (изъ Кіева, Пскова и Новгорода), чего не замѣтно ни въ звукахъ, ни въ словообразованіи, ни въ словосочиненіи устной рѣчи народной, развѣ только въ наслѣдствѣ словаря и словоупотребленія, и то сравнительно весьма не много. Родство той и другой объясняется взаимностью: сколько воздѣйствіемъ на устную рѣчь, столько же, и болѣе, воздѣйствіемъ живой рѣчи на письменную. Письменность, говорили мы, колебалась между замѣтными вліяніями то Польши, то Руси Великой, такими, изъ которыхъ бо́льшая часть доселѣ не привилась къ рѣчи устной, а между тѣмъ привились къ сей послѣдней вліянія Польскія и Великорусскія, даже позднѣйшія Малорусскія, совсѣмъ съ другихъ сторонъ и въ другихъ случаяхъ. Устное нарѣчіе утратило смыслъ многихъ словъ, вскрываемый нами по актамъ; но, при всей своей современности и цвѣтущей молодости, до сихъ поръ хранитъ въ себѣ отличія древнія и своеобразныя, какихъ напрасно будемъ искать въ господствовавшемъ оборотѣ стараго языка письменнаго: довольно указать хоть это, властвующее въ письменности, «на рокохъ,» чему отвѣтятъ Бѣлорусскія уста «на роцѣхъ.» Письменность не вобрала въ себя даже цѣлаго Бѣлорусскаго нарѣчія въ его общемъ единствѣ и подняла къ строю книжному лишь одно мѣстное подрѣчіе, съ Сѣверо-Западной оконечности Края: а между тѣмъ, смотря по мѣсту писанныхъ актовъ, кое-гдѣ вторгаются издревле особенности другихъ, именно теперешнихъ мѣстныхъ подрѣчій и говоровъ. Письменность по возможности нивелировала своей гладью: сквозь нея рѣзко продираются мѣстные сучки и задоринки (ср. акты Виленскіе и Ковенскіе, Гродненскіе, Берестейскіе, Минскіе и т. д.). Письменность Бѣлорусская постепенно исчезла изъ практики: устное нарѣчіе съ его подрѣчіями живетъ во всей еще силѣ. Первою доселѣ проникнута *рѣчь Разговорная,* такъ сказать образованная и общественная, у горожанъ, духовенства, мѣстныхъ уроженцевъ помѣщиковъ или чиновниковъ, управителей, зажиточныхъ людей и такъ далѣе: рѣчь крестьянъ, какъ рѣчь «народная,» отличается рѣзко, а выговоръ и подавно весьма мало имѣетъ общаго. Та, одинаково по всѣмъ мѣстамъ, держится заданнаго изстари однообразія, но, шагъ за шагомъ во времени, постепенно теряетъ

связи со старою письменностью и, утрачивая былое ея единство, ищетъ въ разговорѣ единства новаго: недавно хваталась она за рѣчь Польскую, нынѣ берется прямо за Великорусскую, удерживая только свои мѣстныя привычки —мягкое *г*, сочетанія *ра-рэ-ры-ро-ру* (вмѣсто *ря-ре-ри-рё-рю)*, энклитическія частицы *то-то*, ударенія полонизованныя, да формы въ родѣ «слыха́ть, вида́ть (слышно, видно)» и т. п. Устная же рѣчь у крестьянъ цвѣтетъ доселѣ всѣмъ разнообразіемъ подрѣчій и руководится другими, общими для ней, завѣтными чертами—переливами однородныхъ гласныхъ *(ау, оу* и *уо; ѣ, я* и *и)*, твердымъ *л* съ переходомъ по одну сторону въ *в*, по другую въ ў, мягкимъ *т* и *д*, величайшею подвижностію удареній, невообразимой скороговоркою и т. д.—Письменность Бѣлорусская имѣетъ одно прошлое: за устною рѣчью народной вся будущность. Но будущность опять чисто-народная: сосудъ преданій и всѣхъ силъ древней жизни въ наслѣдство потомкамъ, родникъ постоянныхъ притоковъ къ жизни новой; способность творчества, разнообразіе памятниковъ, проявленій, выраженій и произведеній духа; единственная среда, гдѣ легко дышется народу, гдѣ носится и обмѣнивается его воззрѣніе, чувство, мысль; подъемъ и энергія къ дѣятельности, задатокъ самобытнаго развитія; одушевленіе и осмысленіе всѣхъ явленій звуками, голосомъ, складомъ, мѣрою, образомъ. Съ подъемомъ крестьянства эта рѣчь обѣщаетъ еще рости и развиваться существенно, внутренно: а внѣшнимъ для себя способомъ проникать въ города, въ жизнь гражданскую, общественную и церковную, пробуждать литературу, обогащать науку, оплодотворять искусство. Больше еще,—осмыслять власть государственную: у кого въ рукахъ слово народа, у того мысль и жизнь народа, у того «рука властная» и зовется она уже не кулакомъ, а правящею десницей. Не мало воспользовались симъ Поляки: увидимъ, воспользуются ли Русскіе. Но какъ скоро доходитъ рѣчь устная до порога письменности, литературы, книжнаго образованнаго языка,—здѣсь рѣшительный ея предѣлъ, и, хоть далеко не конецъ, а nec plus ultra: Бѣлорусская устная народная рѣчь никогда не будетъ языкомъ литературнымъ, письменнымъ и книжнымъ; не способна, не въ силахъ создать его нынѣ, изъ собственныхъ элементовъ и подъ собственнымъ именемъ; потеряла то время, когда могла создавать, не оказала примѣровъ созданія всесторонняго, полнаго, послѣдовательнаго и живучаго. Предъявители Сепаратизма должны отчаяться, враги его могутъ успокоиться: въ Бѣлоруссіи была *Польская* литература, питавшаяся мѣстными соками, потому что она была чужая и только эксплоатировала; *Бѣлорусской*, хотя бы такъ называли ее, не было въ собственномъ значеніи и цѣломъ объемѣ, Бѣлорусская невозможна ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ; ожидается литература лишь одна—*Русская* или, лучше, *Обще-Русская*. Крестьянинъ, когда возмется за перо и будетъ писать, онъ съ той минуты будетъ пи-

сать не по Бѣлорусски, а по Русски: если только не ограничится здѣсь домашними счетами, родственною перепиской и народнымъ обиходомъ. Хотя бы онъ дѣйствовалъ подъ неизмѣннымъ вліяніемъ народнаго творчества, хотя бы только записывалъ его на бумагѣ, нужно, чтобы онъ имѣлъ къ сему сознательный интересъ и побужденіе къ видному будущему, чтобы вызываемъ былъ итти дальше, во имя личнаго искусства, въ цѣляхъ развивающейся науки, для образованной жизни, для удѣла въ гражданской, общественной, церковной и даже государственной, по крайности земской дѣятельности: тогда онъ будетъ дѣйствовать литературно, въ литературѣ и для литературы, а литература эта будетъ Русская, обогащенная всѣмъ, что̀ есть живаго въ народности Бѣлорусской. Ибо,—важное условіе,—и тогда, и при такой литературѣ, будетъ еще жить и продолжаться творчество устное, народное. Дай Богъ такого исхода. Съ другой точки зрѣнія, если готовая литература принесется въ Край сверху или со стороны, она не вызоветъ и не оплодотворитъ литературной дѣятельности мѣстной изъ среды такъ называемыхъ образованныхъ классовъ, которые въ языкѣ своемъ, вкусѣ, понятіяхъ, выраженіяхъ и пріемахъ воспитались и выросли на преданіяхъ былой письменности мѣстной: примѣровъ такихъ, чтобы мѣстные уроженцы литераторы продолжали дѣйствовать на мѣстѣ и въ мѣстныхъ интересахъ, пока нѣтъ еще, по крайности видныхъ и крупныхъ; возможенъ еще возвратъ ихъ къ литературѣ Польской, а пожалуй и къ новой Нѣмецкой. Хотя бы заносная литература именовала себя «Русскою,» хотя бы стремилась поддѣлываться подъ «Бѣлорусскую» или, совершенно напрасно, маскировалась бы Бѣлой Русью, Западно-Русскою жизнію и формою, она останется для мѣстной жизни всегда чуждою маскою и по меньшей мѣрѣ *Великорусскою,* можетъ быть *Московскою,* какъ нѣкогда и звали ее, отчасти и зовутъ понынѣ. Она не съиграетъ роли даже былой письменности Бѣлорусской, даже въ узкомъ ея значеніи, и умретъ скорѣе, оставивши на мѣстѣ гораздо меньше вліянія, чѣмъ та. Это будетъ принесенная книга, листъ, бумага, бланка, не жизнедѣятельность. Крестьянству подавно она будетъ чужда, какъ съ перваго раза и не понятна; она не подыметъ его къ дѣятельности обновленной, дальнѣйшей, лучшей: если онъ пустится въ нее по какой либо приманкѣ внѣшней, то будетъ писакой или извѣстнымъ жалкимъ типомъ «крестьянина-стихотворца,» но, во всякомъ случаѣ, съ перваго же шага здѣсь перестанетъ самъ быть представителемъ народа и утратитъ — не то что собственную — всякую народность, не удержавши и прошлой. Натурализація, извѣстная въ политическомъ смыслѣ, здѣсь не мыслима. А между тѣмъ дѣйствительная натура, природное устное творчество пострадаетъ. Необходимо, чтобы Русская литература возникла здѣсь же, на мѣстныхъ началахъ, мѣстными побужденіями, интересами, образами, силами мѣст-

ныхъ уроженцевъ и дѣятелей, изъ жизни мѣстной, единственно основной и живой, — а такова только жизнь народная; чтобы первое слово Русской литературы началось здѣсь съ послѣдняго слова Бѣлорусскаго, вылетѣвшаго изъ устъ, раздавшагося въ слухѣ; чтобы это послѣднее слово, гранича съ самымъ первымъ литературнымъ, принадлежало мѣстному нарѣчію и народному пѣснотворчеству. Воспитаніе въ семъ направленіи для крестьянства, шагомъ выше обученіе въ народномъ училищѣ, для другихъ классовъ—внѣ крестьянства—школа и наука, библіотека и музей, общества, учрежденія и центры литературные, научные, художественные, урокъ, примѣръ, образецъ образованности, и все въ томъ же единомъ направленіи: вотъ что необходимо, ибо единственно можетъ быть плодотворно. Тогда явится мѣстный поэтъ, писатель, ученый, художникъ, для Края и всей Россіи: какъ Гоголь—Малоруссъ Русскій, какъ Мицкевичь—Залѣсскій—Сырокомля, Литвинъ—Малоруссъ—Бѣлоруссъ Польскій. А тѣ, кои судьбою исторической и политической берутъ на себя этотъ вызовъ перваго слова, воспитаніе, училище, школу для Края, для Бѣлоруссіи и съ тѣмъ для всей Россіи: понятно, какова должна быть ихъ собственная литература, если она не хочетъ быть чужою и заносною, если хочетъ мѣстнаго примѣненія и оплодотворенія. Она прежде всего сама и на себѣ самой должна показать примѣръ: ей нельзя безнаказанно отвращаться отъ мѣстныхъ Бѣлорусскихъ интересовъ, современныхъ и историческихъ; нельзя же ей не знать мѣстной устной рѣчи или вѣковаго развитія рѣчи мѣстной письменной; творить безъ матеріала, изъ ничего, едва ли выгодно и привлекательно, а въ творчествѣ ни какомъ, даже государственномъ, не обойтись безъ творчества народнаго. Далеко не всѣмъ нужно знать спеціально пѣсню или звуки народнаго нарѣчія: но всѣ посредствующіе пути и переходы, къ самому высшему, должны начинаться отсюда, какъ начинаются всегда и вездѣ въ жизни историческихъ народовъ.— Въ этихъ-то цѣляхъ воротимся еще разъ назадъ и спросимъ: если устное Бѣлорусское нарѣчіе безъ сомнѣнія существовало гораздо раньше письменности, возникшей на историческомъ мѣстожительствѣ, то въ теченіе періода письменнаго продолжалось ли? Конечно, и съ особой силою, ибо тутъ-то и началось одновременно рѣзкое дѣленіе подрѣчій, разнообразіе говоровъ. Никогда такъ рѣшительно не выражается особенность рѣчи народной, какъ въ то время, когда среди ней зачинается, надъ ней подымается и ищетъ покорить ее рѣчь письменная: тутъ-то, въ естественный и отчасти сознательный отпоръ, обособляется виднымъ образомъ рѣчь устная съ ея творчествомъ; до тѣхъ поръ она одна, нѣтъ ни сравненія, ни соревнованія, и пѣснотворчеству народному не грозитъ еще вѣчный соперникъ его, а потомъ счастливый намѣстникъ,—языкъ книжный съ литературою. Все дѣло послѣ лишь въ томъ, на какихъ условіяхъ они сойдутся и помирятся между собою: первоначаль-

ная письменность Бѣлорусская не съумѣла уладить полнаго мира, ни прію-тить къ себѣ цѣлое нарѣчіе, а всего менѣе замѣнить собою пѣснотворчество народное, хотя бы въ попыткахъ искусства изящнаго и личнаго,—и вотъ главная причина ея недолговѣчности, ранней смерти на глазахъ исторіи; вотъ урокъ для литературъ другихъ, особенно дѣйствующихъ не на корню, заносныхъ. Устное нарѣчіе, вмѣстѣ съ самимъ народомъ, отсторонилось, продолжало жить само собою и, какъ прежде, въ своемъ цѣломъ, было не больше какъ подрѣчіе единой рѣчи Русской, такъ теперь, по опредѣленномъ обособленіи, какъ единица sui juris et generis, само раздробилось на многія частныя подрѣчія, мѣстные говоры, смотря потому, кто въ какомъ уголкѣ спасался, а иногда грубѣлъ или дичалъ, дальше или ближе отъ центровъ письменности, церкви, образованности, государства, сосѣдей—Литвы, Нѣмцевъ, Поляковъ, Великоруссовъ, Малоруссовъ. Изъ нихъ Подлясскій, такъ называемый «Заблудовскій,» говоръ, въ водоворотѣ встрѣчныхъ вліяній и въ отпорѣ имъ, всего болѣе пострадалъ, а съ другой стороны, такъ сказать заупрямившись, выдержалъ болѣе угловатости въ характерѣ (оригинальные переливы гласныхъ въ родѣ *уо*). Подрѣчіе Могилевское и особенно Минское съ частью Полѣсья всего первообразнѣе, чище, мягче, какбы отдѣланнѣе и изящнѣе во вкусѣ «Бѣлорусскомъ:» это подлинный представитель Бѣлоруссіи и нѣтъ сомнѣнія, что онъ во все теченіе письменности существовалъ уже таковымъ, а доселѣ существуетъ еще почти безъ всякихъ измѣненій противу старины; это скорѣе цѣлое, *само* Бѣлорусское нарѣчіе, чѣмъ мѣстный говоръ. Изъ прочихъ, Сѣверо-Западныя пошли на подставу языка письменнаго, стерлись въ немъ, отчасти смѣшались во взаимныхъ вліяніяхъ съ языкомъ Литвы. По Восточной границѣ то приливы, то отливы въ обмѣнѣ съ нарѣчіемъ Великорусскимъ. Отъ Гродна и Новогрудка тотчасъ на Югъ, а потомъ, чѣмъ Восточнѣе, тѣмъ ниже къ Югу спускается межа, гдѣ дружились, соперничали и другъ друга передѣлывали нарѣчіе Бѣлорусское съ Малорусскимъ: первое все-таки сберегаетъ за собою старшинство типа, хотя бы въ этомъ окончаніи глаголовъ 3-го лица на *ть*, которое коренная рѣчь удержала, не смотря на былую близость Бѣлой Руси съ Сербами, и этимъ превосходитъ сихъ послѣднихъ. За то подрѣчіе, возникши на помянутой межѣ, такъ называемое Черно-Русское или подъ другими мѣстными именами, въ подобіе Малоруссамъ, значительно утратило природную мягкость, возсоздало твердость звука *э* и нѣкоторыхъ другихъ гласныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ согласныхъ, особенно *д* и *т*, удержалось отъ перевода *о* безъ ударенія въ обычное *а*, спустило *ѣ* до *и*, грубѣе замѣнило звукомъ *в* оригинальное свое *л*, и т. п. (ср. выше нашъ очеркъ межей племени и народности). Явленіе это, хоть и похоже иногда на древность, сравнительно самое позднее и не раньше разгара козачества, которое больше всего здѣсь подѣйствовало.—Тѣмъ же почти путямъ, какъ языкъ,

слѣдовало и само народное пѣснотворчество, и относительно самостоятельности, и понесенныхъ или простертыхъ вліяній. Яркая особенность здѣсь одна. Историческая письменность, въ связи съ нѣкоторыми обстоятельствами, подавила собою Былевый или Историческій слой пѣсни, народный Эпосъ, которому или вовсе не дала подняться, или скоро его разложила: аналогія съ Литовцами, коимъ въ семъ случаѣ тяжела была письменность и цивилизація Бѣлорусская, по племенной вѣтви чужая, а особенно съ Поляками, у которыхъ письменность старшая была еще искусственнѣе, Латынью своей еще губительнѣе. Остатки Бѣлорусскаго Эпоса, въ видѣ пѣсней Безъимянныхъ или Молодецкихъ, состоятъ въ ближайшей связи съ Малорусскимъ козачествомъ, съ его Думами и Думками, съ его эпохами, на его украйнахъ. Духовные Стихи Былевые также рано угасли или не развились широко, по преимуществу вслѣдствіе ранней борьбы и взаимнодѣйствія нѣсколькихъ вѣроисповѣданій: они воспрянули только во второй періодъ, отчасти съ другимъ, не-Былевымъ складомъ, и въ видѣ уже искусственномъ, постепенно и совсѣмъ книжномъ, за одно съ Малорусскими. Изъ остальныхъ отдѣловъ процвѣли и доселѣ удержались, крѣпче многихъ Великорусскихъ, Малорусскихъ и особенно Польскихъ, пѣсни во первыхъ Обрядныя во всѣхъ ихнихъ подраздѣленіяхъ и переходахъ, за тѣмъ Плясовыя, Бытовыя и т. д.*).— Что касается до письменнаго періода Втораго, то, какъ сказали мы выше, онъ имѣетъ весьма мало прямыхъ отношеній къ народности, и, хоть возникъ плодомъ ея, но совершенно отдѣлился, перераждаясь въ особый видъ—національный: языкъ его покорилъ отчасти и Малоруссовъ, но тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе имѣлъ въ себѣ элементовъ Малорусскихъ, а всего менѣе устныхъ Бѣлорусскихъ.—За тѣмъ уже въ XVIII вѣкѣ начала ширить- ся рѣчь Польская, а подъ конецъ нынче Великорусская: народная устная рѣчь весьма мало отъ этого потерпѣла и столь же мало выиграла; она заимствовалась преимущественно лексически, въ области словаря, всего ближе черезъ передѣлку книжныхъ произведеній Польскихъ или плохихъ пѣсней и сказокъ Великорусскихъ.

Вотъ вкратцѣ главныя судьбы нашего дѣла.—Въ соотвѣтствіе имъ, изданіе наше преимущественно выставляетъ впередъ произведенія Бѣлоруссіи *типической,* центральной и единой по своимъ главнымъ отличіямъ, или,

---

*) Такимъ образомъ *Эпическаго языка,* т. е. языка Былинъ, который по частямъ перешелъ бы послѣ въ другія пѣсни и произведенія, у Бѣлоруссовъ собственно нѣтъ: а есть однако еще старшій, усвоенный пѣснямъ Обряднымъ, которыя во всякомъ случаѣ древнѣе Эпоса и вліяли прямо на остальное пѣснотворчество. Тѣ ученые, которые подъ „Эпическимъ" языкомъ, неправильно примѣняя это названіе, разумѣли вообще „древнѣйшій творческій," получаютъ теперь случай поправить свою ошибку.

иначе, тѣ, кои суть *прямо Бѣлорусскія въ собственномъ смыслѣ.* Пѣсни «Черноруcской, Заблудовской, Новогрудской, Пинской, Полѣсской» и тому подобной у насъ не встрѣтите вовсе съ таковымъ заглавіемъ, хотя въ *Бѣлорусской* и найдете оттѣнки означенныхъ мѣстностей или подрѣчій. — За симъ, трудъ нашъ постоянно *сравниваетъ* образцы *Бѣлорусскаго* нарѣчія и пѣснотворчества, во всей ихъ народной обстановкѣ, 1) съ *Малорусскими:* оба они вмѣстѣ относятся одинаково какъ нарѣчія къ Общему *Русскому* языку, какъ ближайшіе виды къ общему роду Русскаго пѣснотворчества, съ тѣмъ однако, что Бѣлая Русь во всякомъ случаѣ старше Малой.— Далѣе, изъ двухъ главныхъ сторонъ, развитыхъ языковъ и обширныхъ пѣснотворчествъ, между коими является Бѣлоруссія, мы сравниваемъ ее 2) со стороною *Польскою,* какъ наиболѣе пострадавшею съ нашей точки зрѣнія, истощенною и въ значительной мѣрѣ искусственною: нынѣшнее пѣснотворчество ея во многомъ уступаетъ Бѣлорусскому, а утраченное народное восполняется искусствомъ личнымъ, между прочимъ съ помощію соковъ Бѣлорусскихъ и Малорусскихъ.—За тѣмъ 3) обращаемся для сравненія къ сторонѣ главной, языку и пѣснотворчеству *Великорусскому;* здѣсь мы сдержали слово, данное съ самаго начала нашего предпріятія и вытекавшее изъ самой сущности дѣла: изъ предлежащихъ наглядныхъ образцовъ, приведенныхъ нами для сравненія, убѣдится всякой, что Бѣлая Русь дѣйствительно плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. Просимъ только замѣтить, что при этомъ Великорусское не совпадаетъ у насъ съ Обще-Русскимъ, какъ было бы въ другихъ случаяхъ и съ другихъ точекъ зрѣнія: Великорусское только могущественнѣе или шире силами и развитіемъ, но «Общее» мы называемъ просто «Русскимъ,» а это послѣднее—и первое—совмѣщаетъ въ себѣ одинаково и Бѣлорусское, и Малорусское.—Наконецъ 4) на крайнемъ планѣ идетъ у насъ сравненіе со всѣмъ *Славянскимъ,* ибо Бѣлая Русь изъ до-историческаго времени унесла съ собою еще много общаго семьѣ Славянской, прежде обособленія какой бы то ни было Руси; всего же чаще у насъ встрѣтите сравненія съ *Сербскимъ* и *Болгарскимъ,* ибо а) первое ближе къ Бѣлорусскому, другое къ Великорусскому, б) все это вѣтви одной изъ главнѣйшихъ половинъ Славянства, Славянства Восточнаго, одинаково на Сѣверѣ его и на Югѣ, в) всѣ онѣ Православны, а это весьма важное условіе для дѣла народнаго (ср. о томъ многія наши замѣтки къ прежнимъ изданіямъ и къ нынѣшнему).

Правописаніе, долгимъ нашимъ опытомъ выработанное и въ настоящемъ изданіи примѣненное, имѣетъ задачею: а) вѣрно передать своеобразныя черты пѣснотворчества (въ раздѣленіи словъ, стиховъ и всего склада), а особенно нарѣчія и выговора народнаго; б) всячески содѣйствовать нашей литературѣ и наукѣ къ доступному чтенію, легкому усвоенію и возможно-

правильному произношенію, такъ какъ письмо и печать суть уже шагъ словесности устной въ литературу и науку. *Для* той и другой цѣли одинаково, разумѣется, взяли мы азбуку и письмо *Кириловскія* (даже замѣнили ею абецеду и латинскіе знаки, употреблявшіеся другими собирателями): самыя пригодныя всему Славянству, необходимыя православному, единственно возможныя и естественныя Русскому, благопріятнѣйшія народному.—Далѣе, и въ первый разъ между издателями (за исключеніемъ г. Бобровскаго), мы почти всюду выставили *ударенія*, гдѣ сколько ни будь условливается ими особенность словесной формы и выговора, или гдѣ они отходятъ отъ нашего общепринятаго Русскаго произношенія, такъ называемаго образованнаго и литературнаго: дѣло весьма полезное *для* незнакомыхъ близко съ Бѣлою Русью и подсильное только тому, кто хорошо изучилъ живое нарѣчіе изъ устъ.—Въ передачѣ знаками звуковъ, мы не допускали никакого искусственнаго *однообразія*, свойственнаго языку письменному: хотя бы на письмѣ и подъ печатью, это все-таки языкъ живой, народный. Потому да не соблазнятся иные, встрѣчая разныя буквы въ одномъ и томъ же по видимому случаѣ, или одну букву въ случаяхъ какъ будто разныхъ: это сдѣлано *для* вѣрности подлинному звуку при выговорѣ смотря по теченію словъ одного за другимъ, по требованію предъидущаго или послѣдующаго (контекста), по отличію какого либо частнаго мѣстнаго говора, и т. п. Такъ, на примѣръ, *для* одного кореннаго *звука ѣ* мы ставимъ разную *букву: ѣ*, гдѣ выговаривается какъ наше мягкое *е*, только иногда протяжнѣе или двоегласнѣе; *я*, гдѣ *ѣ* переходитъ въ сей звукъ подобно Новоболгарскому; *и*, гдѣ оно съуживается подобно Малорусскому. Также точно единый по корню звукъ является у насъ, смотря по мѣсту и выговору, въ буквахъ *у*, *ў* и *в*; предлогъ—*пере*, *перя*, *пиря*, *пяря* и т. д. При всемъ томъ единый типъ *общаго* Бѣлорусскаго нарѣчія у насъ очень твердо выдержанъ на письмѣ.—Частнѣе, *для* вѣрности произношенію, употребили мы условные знаки: *у* краткое, *ў*; *д* и *т* самыя мягкія, съ черточками на верху, д̇ и т̇ (только иногда, за неимѣніемъ мелкаго шрифта, въ томъ же значеніи *д* или *т* съ ковычкою, д' и т', или даже, по преимуществу изъ другихъ изданій, *дз* и *ц*). Надѣемся, что это условное, весьма ограниченное случаями и опредѣленное, при томъ со знаками, нерѣдко употреблявшимися въ Кириллицѣ и прежде, не значительно пестритъ письмо и печать *для* взгляда литературнаго. Излишней пестроты мы счастливо избѣгли, къ выгодѣ читающихъ и красотѣ шрифта: это далеко не то, что употреблявшіеся прежде у другихъ гласныя съ облеченными знаками, съ кружочками или точками на верху, латинское *j*, *h* и т. п.

Правила, отсюда истекающія *для* людей незнакомыхъ близко съ живымъ нарѣчіемъ, при *чтеніи* и *выговорѣ* слѣдующія.—Первое и главное: читай-

те и произносите въ точности какъ напечатано у насъ, ибо здѣсь буквы по возможности вѣрны звукамъ. — Но при этомъ наблюдайте только: *е* вездѣ совершенно мягко (не *э*); въ случаяхъ твердости или чистоты предшествуетъ иногда придыханіе *г* (*гето*), или стоитъ у насъ прямо *э;* звукъ и буква *ё* намъ хорошо извѣстны: въ началѣ словъ иногда, за неимѣніемъ шрифта, въ томъ же значеніи *Іо*. — Труднѣе всего для литературнаго человѣка своеобразный видъ Бѣлорусскаго твердаго *л*: но, гдѣ у насъ эта буква, особенно передъ твердыми гласными, произносите просто *ла, ло, лу* и т. п.; гдѣ *в* (вмѣсто *л*), тамъ не колеблясь такъ и читайте; гдѣ *у,* то же самое, только послѣ гласныхъ *а* и *о* нѣсколько сокращая его и протягивая дальше гласную первую, чтобы выходилъ *одинъ* звукъ, *сложный* (подобно Нѣмецкому и Чешскому, кто знаетъ, *аи—ои*); гдѣ же ў, постоянное или въ чередованіи съ *л* и *в*, тамъ вспомните совершенно подобные и извѣстные у насъ случаи произношенія, которое мы у себя называемъ «картавымъ,» отступающимъ отъ общаго закона, а у Бѣлоруссовъ это и есть самъ законъ: произносите какъ среднее между нашимъ *у*, твердымъ *л* и *в*, глухо, чтобы отзвукъ въ полости рта ударялъ въ нёбо (какъ иные выговариваютъ у насъ «поўкъ, воўкъ, паўка, биваў» и т. п. вмѣсто «полкъ, волкъ, палка, бывалъ»). Дѣйствительно это есть «самое краткое» *у*; если случится оно послѣ *о,* то сто́итъ лишь протянуть самое *о* и нѣсколько понизить звукъ; у Сербовъ это же самое выговаривается и пишется какъ *о*: *био, знао,* былъ, зналъ; только у нихъ это рѣже встрѣчается и выговаривается тверже, грубѣе, чѣмъ у Бѣлоруссовъ.—Дальше, *о* безъ ударенія выговаривайте всегда какъ *а* (кромѣ помянутыхъ выше случаевъ родительнаго на *ого*): *а* у Бѣлоруссовъ господствуетъ (гдѣ въ него переходятъ другіе звуки, тамъ у насъ прямо *а*, вмѣсто *е* или *ѣ* и т. п.).—Мягкое т и д смягчайте до послѣдней возможности: но берегитесь здѣсь именно грубаго *ц* и *дз,* отвердѣвшаго нынѣ во многихъ Польскихъ устахъ, особенно у мужчинъ; *переходите* къ нему, но *не доходите* до конца и не смѣшивайте; у Поляковъ слышно въ *дз* почти уже *два* звука, а у Бѣлоруссовъ одинъ, безъ всякого скрипѣнья и свиста; это среднее между Польскимъ и Сербскимъ, но уже никоимъ образомъ нельзя тутъ писать двухъ буквъ или грубаго *ц*.—Довольно трудно намъ выговорить такія сочетанія, какъ *вѣтця, на калиночца, на вѣточца:* но тутъ мы уже пособить не можемъ, это пишется вѣрно.—Чисто-Бѣлорусское *г*, какъ извѣстно, мягко (*h*, а не *g*).—Наконецъ у Бѣлоруссовъ звучные *б, г, д, ж, з,* въ концѣ словъ, не переходятъ такъ рѣшительно, какъ у Великоруссовъ, въ *п, к* и *х, т, ш, с* (бопъ, стокъ, Бохъ, рятъ, ношь, восъ) и сохраняютъ гораздо тве́рже звучную свою упруго ть.—Вотъ и все важнѣйшее: остальное принадлежитъ больше граматикѣ, которой пока нѣтъ у насъ мѣста.

Тѣмъ не менѣе считаемъ нужнымъ предостеречь: какъ ни усвойте и ни выдержите эти правила, даже если вы «немного» слышали Бѣлорусскую рѣчь изъ устъ самого народа, но не совершенно сжились съ нимъ, не льститесь, что вы вполнѣ вѣрно произносите и въ точности говорите какъ самъ народъ. Въ особенности никогда не передадите, по крайности не будете знать, гдѣ слѣдуетъ примѣнить всѣ тончайшіе *переливы* такихъ звуковъ въ устахъ Бѣлорусскихъ, какъ *у, ў, л* и *в,* въ ихъ чередованіи; какъ *ѣ, я,* и *и* (къ послѣднему изъ Славянъ способны еще только нынѣшніе Восточные Болгаре); какъ *ау, оу, у* долгое, ў короткое и *в,* или въ сочетаніяхъ *ув* (*у-въ-окнѣ:* въ семъ случаѣ *у* и *в* совсѣмъ отлично отъ картаваго *л*); какъ предлоги *изъ, зъ* и *съ,* и т. п. Никогда не выразите тончайшаго различія и вмѣстѣ близкаго сродства, извѣстнаго лишь устамъ Бѣлорусскимъ, въ произнесеніи прошедшаго (причастія) и повелительнаго нѣкоторыхъ глаголовъ: мы вынуждены писать это одинаково, на примѣръ «пристаў,» но это значитъ одинаково и «присталъ,» и «приставь;» Бѣлоруссъ это сопоставитъ и съумѣетъ отличить, а мы всегда или грубо разрознимъ, или ошибочно смѣшаемъ. Впрочемъ подобные переливы у самихъ Бѣлоруссовъ доходятъ иногда до того, что нѣкоторыя выраженія пѣсней, особенно древнихъ, утратившихъ современное примѣненіе, понимаютъ они сами и толкуютъ розно, а иногда даже вовсе не понимаютъ или отказываются разъяснить, какъ это испытали мы не одинъ разъ (таковъ въ настоящемъ выпускѣ случай на стр. 145, гдѣ «укоритца» понимаютъ и толкуютъ одни—«укориться, покориться (неокончательное),» другіе «укорится, покорится (онъ),» третьи какъ существительное съ предлогомъ—«у коритца,» въ корытцо; или же «сваритца»—ссориться и свариться въ щолокѣ). Мы еще не беремъ здѣсь такого исключительнаго говора, какъ Подляссkій или именуемый Заблудовскій, Королёвскій, Малешевскій и т. п., гдѣ становится иногда въ тупикъ самое ученое правописаніе (оно въ изданіи нашемъ позднѣе) и гдѣ для вѣрности народному произношенію намъ оставалось бы изломать свой языкъ или самимъ такъ изломаться въ жизни, какъ изломалась эта маленькая вѣтвь племени, то переламывая себя по неволѣ, то съ упорствомъ ломаясь и не подчиняясь кружившемуся вокругъ водовороту всевозможныхъ языковъ (многое хотѣла переломить и вмѣсто того сама ломалась). Изъ Славянскихъ нарѣчій здѣсь ближайшая аналогія съ Лужицкимъ и отчасти Словенскимъ.—Преимущественно же, ни мы, ни мѣстные уроженцы Края внѣ простаго народа, не достигнемъ никогда, какъ бы ни желали изъ подражанія, той *быстроты рѣчи* и *скороговорки,* которая отличаетъ чистаго и кореннаго Бѣлорусса въ народѣ, особенно женщинъ. Поляковъ въ семъ отношеніи по справедливости сличаютъ съ Французами, какъ сходны они и въ другихъ многихъ случаяхъ: но у Поляковъ это очень естественно и понят-

но, за совершенною почти утратою различія между долготою и краткостью ихъ гласныхъ, столь еще яркою у многихъ другихъ Славянъ, особенно у Чеховъ, Сербовъ и въ нашемъ простонародномъ говорѣ «на распѣвъ;» распѣвъ рѣчи и условливаетъ, и выражаетъ чередованіе долготы съ краткостью, служа основаніемъ для «голоса» пѣсни и «напѣва.» Напротивъ Бѣлоруссы знаютъ весьма и краткіе, и долгіе гласные звуки, умѣютъ «относительно» наблюдать и разнообразить ихъ переходы, а между тѣмъ въ «общемъ» теченіи рѣчи движутся такъ быстро, что будто не бѣгутъ уже, а летятъ. Превосходя въ этомъ Поляковъ и самихъ Полекъ, Бѣлоруссы по аналогіи собственно ближе ихъ къ Французамъ, ибо у Французовъ при быстротѣ есть также подобная частная долгота звука и интонація распѣва; къ Полякамъ напротивъ подходятъ изъ Славянъ нынѣшніе, именно Восточные, Болгаре, у которыхъ не только исчезла долгота и краткость, но усѣчены и граматическія формы, замѣненныя, подобно нѣкоторымъ Европейскимъ языкамъ, сотнями мелкихъ членовъ и частицъ, этою рубленою соломой для пересыпки (отъ того ихъ разговорная рѣчь какъ-то крошится, сѣчется, стучитъ и щелкаетъ: Поляки смягчаютъ это обиліемъ шипящихъ или интонируютъ отзвукомъ носовымъ). Когда Бѣлоруссъ говоритъ съ одушевленіемъ, горячится, споритъ съ другими или касается любимаго, задушевнаго предмета, бѣдности своей и заѣдающаго горя: какъ бы вы ни знали хорошо языкъ, какъ бы ни привыкли къ народной рѣчи, вы часто измучаетесь усиливаясь слѣдить, а еще чаще внятно разслышете и поймете одну десятую, порою же не поймете и вовсе. Рѣчь въ согласныхъ звукахъ такою мелкою дробится дробью, гласные звуки въ переливахъ своихъ такъ хлещутъ другъ на друга мелкими волнами и разсыпаются рябою зыбью, что передъ вами уже не понятія, не слова, не образы, не формы, а какія-то стихіи. Пѣснотворчество подпадаетъ нерѣдко сему же вліянію и той же участи, переходя отъ пѣсни въ скороговорку: именно это самое обстоятельство, въ связи съ утратою инструментовъ народныхъ, особенно звукораздѣльныхъ и размѣренныхъ струнныхъ, отвѣчающихъ эпосу, при господствѣ уцѣлѣвшихъ духовыхъ, подорвало всего болѣе Бѣлорусскій напѣвъ въ его развитіи, а вмѣстѣ иногда складъ и строй пѣсни. Любимая волынка то тянетъ безконечно свой неопредѣленный, глухой и тягучій звукъ, то вдругъ сыплется мельчайшею трелью, переборомъ; голосъ напѣва то завываетъ безпредѣльно, безмѣрно, въ какую-то туманную даль (и въ этомъ опять сходство съ Южными Славянами, особенно съ Сербами), то внезапно осѣкается и мельчаетъ; медленный, но однообразный и нефигурный, выступъ пляски смѣняется невзначай—но не присядкою нашею, не лихимъ трепакомъ, а ситною—дробною—мелкою припляской, которая будто толчется на мѣстѣ, оборачиваясь на оси маленькимъ колесомъ, такъ что всякому непривычному

взгляду, тѣмъ болѣе Великорусскому, просто смѣшно. Въ результатѣ: длиннаго мѣрнаго эпоса и не было; пѣсни и сначала—по типу старшему—были коротки, а теперь чрезвычайно раздробились, стихи же дробиться продолжаютъ; мѣрность, протяжность и непрерывность образца одиночнаго замѣняется нанизаннымъ наборомъ и нацѣпкою нѣсколькихъ, многихъ. Не говоримъ здѣсь о частностяхъ или исключеніяхъ: но таково общее, господствующее. Скоморохъ, музыка, пыхтитъ, надуетъ свою волынку, затянетъ: а потомъ дрожитъ, подбрасываетъ осколки пѣсенъ, сѣетъ какъ въ сито, трусить ногами, коротенькими Бѣлорусскими ножками; только по движенію ноздрей крупнаго типическаго носа да по бѣганью маленькихъ глазъ угадываешь на половину общее одушевленіе его пѣсни, въ отрывочныхъ припрыжкахъ. Но это еще ничего: баба, молодуха, какъ заведетъ свою «Скакуху,» какъ зачнетъ набирать свои пѣсни-коротышки тысячью зёренъ, какъ закидаетъ ими въ право, въ лѣво, вокругъ, замечетъ звуками и огоньками взоровъ, замашетъ «хусткой,» засѣменитъ «чарявичками,» завертится юлою,—это вьетъ вихорь на перекрёсткѣ. Подобное кое-гдѣ у нашихъ Великорусскихъ женщинъ, въ приговорахъ и прибауткахъ: но имъ далеко до Бѣлорусскихъ; развѣ, изо всей Россіи, знаю я только такихъ бабъ съ пѣснями Старицкихъ да Зубцовскихъ.—Вотъ еще новыя условія, по которымъ Бѣлорусскому нарѣчію и пѣснотворчеству никогда не создать изъ себя Бѣлорусской литературы, ни въ письмѣ, ни въ чтеніи и декламаціи, хотя бы и собирали мы народное, клали на письмо и ноты, печатали и тысячу разъ издавали.

Какъ во всякомъ дѣлѣ науки, такъ особенно въ нашемъ, которое прямо идетъ о жизни народа, преимущественно о жизни его духа и высшей жизни духа—творчествѣ, непремѣнно существуютъ въ виду цѣли жизненныя, практическія: онѣ обильны, онѣ давно одушевляли насъ и теперь еще не совсѣмъ потерялись. Но это не значитъ, что онѣ будутъ достигнуты или по крайности достигнутся скоро: судя по состоянію нашей науки, интересамъ текущей литературы и по степени образованія общественнаго, должно полагать, что къ изданію нашему подойдетъ вниманіе не ближе, какъ лѣтъ черезъ пятьдесятъ. А тамъ еще нужно будетъ учиться первой азбукѣ дѣла, усвоить себѣ матеріалъ и выводы, воспользоваться симъ въ литературѣ, черезъ нее затронуть любопытство массъ и интересъ людей сильныхъ, убѣдить ихъ и убѣдиться самимъ въ пользѣ дѣла, проложить посредствующіе пути къ пользованію, ввести элементы въ воспитаніе, обученіе и образованіе, получить въ результатѣ народныхъ писателей, художниковъ, всякого рода дѣятелей, а наконецъ плодъ ихъ дѣятельности.... Это путь не совсѣмъ легкій и не быстрый: можно лѣтъ въ полтораста или двѣсти отъ подобныхъ путей отстать и извратиться, а возвращаться на нихъ снова не такъ удобно и скоро. Нашъ шагъ одинъ изъ первыхъ: десятыхъ и двад-

цатыхъ мы не можемъ размѣривать, не хотимъ и не призваны. Считаемъ обязанностью сосредоточиваться на главномъ и нашемъ спеціальномъ: на собираніи, изданіи, истолкованіи, первостепенныхъ выводахъ. Вотъ, на первую половину, вся наша практика: и вмѣстѣ, не забываемъ никакъ, наука, которую трудами своими отчасти уже пособили мы ввести въ рядъ и оборотъ другихъ наукъ на отечественномъ нашемъ поприщѣ. Къ ней всего больше пока обращаемся мы съ довѣріемъ: чѣмъ серьознѣе она и строже, тѣмъ привлекательнѣе для нашихъ занятій, ибо на это, кромѣ насъ, не видимъ вокругъ большаго количества ревнителей. Потому отъ простонароднаго и простѣйшаго матеріала, обставивши его простѣйшими объясненіями, вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственно переходимъ мы часто къ разслѣдованіямъ филологіи, миѳологіи, вообще тѣхъ ближайшихъ наукъ, которыя столь мало еще у насъ развиты, а между тѣмъ прямо касаются такъ называемой области «до-исторической,» когда творится языкъ и народъ, оставляя памятникъ тому въ произведеніяхъ пѣснотворчества. Такимъ образомъ изданіе наше на вторую половину назначается для такъ называемыхъ «ученыхъ,» какіе есть и найдутся *): пусть найдутся и другіе дѣятели, чтобы на основаніи его вести дѣло дальше, по путямъ литературнымъ и самымъ практическимъ изъ практическихъ. Мы, разумѣется, искренно того желаемъ и всѣхъ больше тому порадуемся. Но, во всякомъ случаѣ, прямой плодъ труда нашего таковъ, что его нельзя, по Русскому обычаю съ перваго раза, купивши положить на примѣръ въ ротъ и съѣсть. Онъ съ перваго же раза вызываетъ собою новый серьозный трудъ и внимательную работу: довольно, если мы облегчили своимъ первымъ шагомъ второй.

Съ такими цѣлями и въ такомъ видѣ изданіе обходится дорого: и матеріальными средствами, и трудомъ, и временемъ. Располагая свободнѣе только вторымъ изъ сихъ условій, мы напомнимъ, что печатаніе подобнаго рода, съ разными шрифтами и съ кропотливой точностью при каждой буквѣ, при каждомъ знакѣ, вдвое дороже обыкновеннаго: а времени, на одинъ первый выпускъ, при другихъ занятіяхъ, положено нами два года. Въ иныхъ столицахъ каждая страничка такого труда пользуется на казенный, обще-

*) Не ожидая въ числѣ ихъ встрѣтить г. Стасова, со страхомъ предполагаемъ увидать въ печати г. О. Миллера: заподозривая труды наши и не терпя нашихъ выводовъ, онъ однако такъ ревностно послѣдуетъ за нами по пятамъ, что держится самаго словоупотребленія, технически введеннаго нами, и до такихъ мелочей, что шрифтъ, форматъ, обертка его собственныхъ изданій порою повторяетъ собою наши предшествующія. Съ намѣреніемъ, въ виду сего, нарочно измѣняемъ теперь нѣкоторые пріемы изданія, термины и даже склоненія употребительныхъ именъ (выбирая не тѣ формы, которыхъ прежде держались); съ радостію видимъ, что теперь у насъ печатаются уже не Былины, самый способъ печатанія и шрифтъ иной.

ственный или народный счетъ хорошею наградой и такъ называемымъ приличнымъ вознагражденіемъ: мы можемъ говорить только о сбытѣ съ рукъ; а сбытъ уже заранѣе намъ извѣстенъ въ книжной торговлѣ; и это снова увеличиваетъ продажную цѣну экземпляра. Мы могли изготовить только самое ограниченное число экземпляровъ: цѣна каждаго порознь отъ этого еще возвысилась. Замѣчанія свои, не давая имъ первостепеннаго вѣса сравнительно съ текстомъ и не жалѣя собственныхъ глазъ, пустили мы шрифтомъ самымъ мелкимъ; по разсчетамъ это сократило расходы весьма немного. Мы удовольствовались, сравнительно съ прошлымъ, посредственною бумагою, имѣя въ виду послѣ употребить еще болѣе дешевую: а она быстро нынче дорожаетъ и посредственная нынѣшняя равняется очень хорошей за три, за четыре года. Такъ въ концѣ концовъ, обратнымъ путемъ, поднявшійся въ другія области центръ тяготѣнія возвращается тяжестью на скромную науку, если она занята народнымъ творчествомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ на лучшее народное дѣло и на самый народъ. Мы здѣсь уже не виноваты.

Желали бы выдать свой сборникъ цѣликомъ, по крайности объемными томами: вынуждены пока ограничиться *Первымъ Выпускомъ*. Начинаемъ здѣсь съ Пѣсней *Обрядныхъ:* самыхъ древнихъ у всякого народа, самыхъ важныхъ и обыкновенно всего менѣе сохраняющихся, а у Бѣлой Руси извѣстныхъ, по особенному счастію, больше чѣмъ у многихъ другихъ. Но тѣмъ самымъ онѣ требуютъ больше вниманія и подробнѣйшихъ разъясненій: приходится здѣсь входить въ духъ и положеніе народа за тысячу лѣтъ, а вмѣстѣ свести этотъ промежутокъ до уровня воззрѣній настоящей минуты. По мѣрѣ освобожденія отъ такихъ трудностей въ выпускахъ дальнѣйшихъ, перейдемъ, если позволятъ средства, къ болѣе легкимъ для насъ и подготовленнымъ уже работамъ на концѣ: *Граматикѣ* современнаго Бѣлорусскаго нарѣчія съ очеркомъ предшествовавшей исторіи языка, къ *Словарю* и *Указателямъ*.

П. Безсоновъ.

Москва, 1871, Май.

Погрѣшности печатанія и пополненія изданія.

Напечатано:			Слѣдуетъ измѣнить или пополнить:
Стран. XI,	*строка*	5 *снизу:* быко.	было
— XLVI,	—	9 — Бѣрорусской. . . .	Бѣлорусской
— 2,	—	15: садивъ	садиў
— 3,	—	6: Кудинцы	Кудинцы
— 4,	—	1 *примѣч.*: 2) Пособника.	2) Пособника; собесѣдника; угодника (женскаго).—
— 11,	—	21, 22, 29: крылцу, Крыльцами	крыўцу, Крыўцами
— 20,	—	22: (1-го Марта)	(съ Марта)
— 21,	—	3 *примѣч:* 5) Развѣсистый.	5) Развѣсистый, который деретъ въ розь сучья (откуда, въ среднемъ родѣ, «дерево»).—
— 22,	—	8: таршіе	Старшіе
— 26,	—	1 *прим:* 1) Чечевица, горошекъ.—	1) Осока, осоченька.—
— 30,	—	1 *прим.:* образы ниже	образы ниже.—Во всей пѣснѣ слѣдуетъ *при* вм. *пры.*
— —,	—	3 *прим.:* чолнъ.—	чолнъ; вторичное смягченіе вмѣсто «теша,» тешетъ.—
— 38,	—	12: да ў	даў
— 45,	—	2 *снизу прим.:* прознос.	произнос.
— 50,	—	3 *прим.:* хвостъ кота	хвостъ кота; котячій, обложенный котикомъ;

— 53,	—	4 *прим.:* далъ...»	далъ...»—Въ пѣснѣ слѣдуетъ, думаемъ, читать *рѣ* и *ри* вм. *ро* и *ры.*
— 61,	—	4 *снизу:* упирается въ Русь Черную, массу Польскую или Русь Малую;	упирается чрезъ Русь Чорную въ массу Польскую или Русь Малую;
— 70,	—	5: въ сосѣдствѣ	совмѣстно
— 73,	—	3 *прим.:* верен.	верен; здѣсь—развилины, разсоха.
— —,	—	5 *прим.:* 5) Полки.	5) Полки; здѣсь лопатки у сохъ.
— 77,	—	1 *прим. снизу:* зелій	зелій, особенно изъ свекольника
— 79,	—	2 *прим:* Ноженьки.	Ноженьки: не двѣ ноги, разомъ убѣжала отъ дѣда.
— 82,	—	2 *прим.:* сукъ орѣховый.—	сукъ орѣховый; мѣсто, гдѣ лущатъ, щелкаютъ орѣхи.—
— 86,	—	3 *прим.* у Болгаръ,	у Сербовъ и Болгаръ,
— 87,	—	6 *снизу:* зкука	звука
— —,	—	1 *прим.:* золой.—	золой; а можетъ быть испорчено вмѣсто *жерствицею,* дресвой, изъ сосуда съ дресвой.—
— 100,	—	15 и 16 *снизу:* другіе — Сербы къ Малоруссамъ, и даже вышли на свой Югъ изъ Бѣлорусскихъ и Малорусскихъ странъ).	другіе Сербы къ Бѣлоруссамъ или Малоруссамъ, и даже вышли на свой нынѣшній Югъ изъ однихъ странъ съ Бѣлоруссами и Малоруссами).
— 135,	—	3 *снизу:* *Масляница,*	*Масленица,*

— —,	—	2 *снизу:* «заговѣнья.» —	«заговѣнья.» — Въ понедѣльникъ, подобно Малоруссамъ (ср. выше), кое-гдѣ, особенно въ области Смоленской, бабы также *волочать колодку:* кушакомъ, къ ней привязаннымъ, захватываютъ ногу парня или дѣвушки, въ наказаніе за пропускъ свадебнаго времени, и виновные должны откупиться.—
— 145,	—	7: у кори́тца	укори́тца
— 163,	—	4 *снизу:* Нель зядѣу́ки	Нельзя дѣу́ки
— —,	—	3 *прим:* чередъ и жребій.—	чередъ и жребій.—А вмѣстѣ это клятва мѣсяцемъ и солнцемъ, какою прежде клялись взаимно молодецъ и дѣвушка, чтобъ не измѣнять другъ другу (но, сказано ниже, мѣсяцъ и солнце измѣнили, измѣнили и любовники).
— 169,	—	11 *снизу:* Бабы.—	Бабы).—
— 175,	—	6 *снизу:* Украинкамъ,	Украинкамъ и Бѣлороссіянкамъ,

---

ЧАСТЬ I.

ВЫПУСКЪ I.

I.

Пѣсни Обрядныя,

праздничныя, на всемъ народѣ, обществомъ, черезъ весь годъ, по срокамъ или числамъ.

*

Пѣсни а) на Великъ день. Волочобныя. — в) Великодныя. — в) На Юрья. — г) Кустовыя. — д) На Святого Миколу. — в) На Петровку, Петровочка. — ж) Купала-Янъ, Купальнички, Пѣсни Купальны. — з) Колядки, Пѣсни Колядны. — и) Пѣсни на Масляницу. — Народные обряды и обычаи въ промежуткѣ пѣсней. — Коляда и Масляница на Руси Великой, Малой, Бѣлой, у Славянъ Южныхъ.

Вопреки склонности нѣкоторыхъ издателей жить чужими трудами и въ этомъ ссылаться на извѣстныя «правила» дѣятельности, повторяемъ прежнюю покорнѣйшую просьбу: пользоваться симъ изданіемъ какъ можно свободнѣе и вести его дѣло дальше по всевозможнымъ путямъ литературы, но не перепечатывать цѣликомъ образцовъ или памятниковъ народной словесности въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые, ибо сей способъ, общественно недозволительный, нарушаетъ какъ собственность Собирателей, такъ права и труды первыхъ Издателей, не давая имъ возможности возвращать значительные расходы и лишая ихъ средствъ на продолженіе дѣла, при распродажѣ и безъ того скудной (ср. изданіе 8-го выпуска «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ»).

I.

ПѢСНИ

А)

На Вяликъ-день. Волочобныя.

(Вяли́къ-день).

1.

А на перши день, да на Вяли́къ-день,
А збералися удалыя моло́йцы,
Собравшися раховалися [1],
Собравшися, зраховавшися,
Пошли яны усё дорожкою,
Усё дорожкою, усё широкою,
Усё мураўкою, усё зялёною.
Сустрѣли яны Господа Бога,
Съ усими святыми и зъ Прячистою:
Господу Богу покорилися,
Покорилися и поклонилися,
Слаўнаго сяла да пыталися.
Слаўнаго сяла Пятровскаго,
Слаўнѣйшаго Паўловскаго,
А у томъ сялѣ славнаго мужа,
Пана Степана Ѳёдорыча.
А чимъ жа ёнъ уславився,
Ци своимъ гумномъ, ци своимъ добромъ,
Ци своей жаной, ци своими дѣтьми?
Ни своимъ гумномъ, ни своимъ добромъ,
Ни свое́й жаной, ни своими дѣтьми:
Ой тымъ жа ёнъ уславився,
Што ў яго на дворѣ огни горять,
Огни горять усё ти́хонькія,
А дымять дымы усё синянькія,
А висять котлы усё мядяныя,
А варять пиво усё пшаничноя,
А гонять горѣлку акави́точку [2],
А къ сяму, къ тому, къ святому Вяли́чку [3].
Іонъ къ собѣ гостей сподяваятца [4]:
А якихъ гостей? Волочобничкоў,
Волочобничкоў зъ Господомъ Богомъ,
Господа Бога съ усими святыми,
Съ усими святыми и зъ Прячистою.

---

[1]) Считалися.— [2]) *Акави́та, акавитка, акавиточка,* aqua vitae, водка.— [3]) Вялику-дню.— [4]) Надѣется, поджидаетъ.

Ци ўсѣ святцы́ позбиралися?
Одного нѣту—святого Илли.
Кого обобрать [1]), по Иллю послать?
Пятра обобрать, по Иллю послать.
Тольки жъ Пётра да на коника,
Да на коника, за воро́тячки,—
Ажъ святы́й Илля и самъ иде,
Уросившися, умочившися.
«Гдѣ жъ ты, Илля, призабавився [2])?»
—По мяжахъ ходиў, жито рядиў [3]),
—По борў ходиў, пщолки садивъ.—
Роди, Божа, жито, жито и пшаницу,
Жито и пшаницу, усякаю пашницу [4]),
Колосо́мъ колоси́сто, ядромъ ядристо,
Снопъ одъ снопа на двѣ стопы,
Копа одъ копы на чатыри стопы,
Съ одного ко́лоса бочка жита,
Зъ другого другая, съ третяго третяя:
Одноѐй бочкой засявати,
А третяя—дѣтки годовати [5]).
Сади, Божа, пщолки у воли, у сосёнки,
И росистыя, и мядистыя.

Ото жъ [6]) тобѣ, пане господа́рю, пѣсня спѣта,
Пѣсня спѣта прыти [7]) нова лѣта,
Прыти новаго лѣта и вясёлаго,
Якъ соловейка на калиночца!
Коли любишь гостей, то зови у хату,
А ня любишь гостей, кажи даръ дати.
А наши дары ня вяликія:
У двери ня лѣзуть, у вокно якъ шіють [8]);
Починальничку [9]) червонъ злоты,
А моимъ пяўцомъ [10]) пядясятничку,
А музычина [9]) горкая доля,—
Кварта горѣлки дяля [11]) посядѣлки,
Сыръ на тарелку дяля закуски,
Житни пирогъ дяля го́лосу.
Пшонны пирогъ дяля голосу.

Благодарятъ:

А нутя, братцы, ня лянитяся,
Господу Богу покоритяся,
Пану господарю поклонитяся,
За яго столы ўсё тисовыя,
Столы ўсё тисовыя, обрусы шоўко́выя,
За яго хлябы пытляваныя [12]),
За яго лыжки [13]) посрибряныя,
За яго талерки фарфуро́выя,
За яго келишки [14]) криштало́выя. *

(№ 18.—Поется хозяевамъ, женатымъ. Припѣвъ за каждымъ стихомъ: „Христосъ воскрёсъ, Сынъ Божи,“ или „Христосъ воскрёсъ на у-весь свѣтъ,“ воскресъ—на свѣтъ у-весь).

---

[1]) Выбрать.—[2]) Замедлилъ.—[3]) Рядилъ, приводилъ въ порядокъ.—[4]) Все, что напахано и насѣяно.—[5]) Воспитывать; потчивать.—[6]) Вотъ же.—[7]) Противъ, предъ.—[8]) Какъ шьютъ: бросаются, летятъ какъ стрѣлы или иглы.—[9]) О сихъ названіяхъ Волочобниковъ см. ниже.—[10]) Пѣвцамъ.—[11]) 50 копѣекъ.—[12]) Дѣля, для, ради.—[13]) Паклеванные.—[14]) Ложки.—[15]) Стаканчики.

* Къ стихамъ 65—71 разнорѣчіе въ № 44: „Мѣхоношаго горькая доля: Червònъ золоты́й у паперочку (въ бумажку), Да сыръ молоды́й на тарелочку; Починальничку червонъ злòты, Да червонъ злоты на чорныя боты... А хто не дастъ кока, Штобъ вылѣзло воко!“

2.

Изъ подъ лѣсу-лѣсу тёмнаго
Ишла тучка Волочобная:
А не туча то шла, — Волочобнички,
Волочобнички, бѣлы молойцы,
Бѣлы молойцы, а ўсё Кудинцы [1]).
Вобралися братъ за брата,
Братъ за брата, другъ за друга [2]).
Ишли яны дорогою,
Дорогою широкою,
Широкою, торненькою,
Траўкой-мураўкой зялёненькою.
Сустрѣли яны Господа Бога,
Сняли шапочки, поклонилися,
Пыталися ў Господа Бога:
«Покажи намъ, Божа, во куды дорожка?»
—А гета дорожка и туды, и сюды,
—И туды, и сюды, въ три городочки,
—Въ три городочки, къ славному пану,
—Къ славному пану Лексѣю Иларичу. —
Ни по томъ, ни по сёмъ не ўзнаешь
Славнаго пана Лексѣя Иларича:
Только ўзнаешь по надворьику.
Вотъ яго дворъ на пагурочку [3]),
На пагурочку, тристьёмъ трищёнъ),
Тристьёмъ трищёнъ, воро́ты золо́ты,
Вороты золоты, дороги-то́чены,
Подворотничка — рыбья косточка [5]).
Коло [6]) того тристья ульи стоять,
Ульи стоять, пчолки гудять,
Пчолки гудять, въ полётъ хотять;
Потомъ того, славны пане,
Славный пане, Лексѣй Иларичь,
Даў же ты имъ посадъ добры,—
Дай же ты имъ полётъ доўгій:
«Пчолки мои, вы роистыя,
«Лятите же вы за бродъ по мёдъ,
«Въ щирые [7]) боры по жоўты воскъ,
«На липочку во посылочку!»
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Лексѣй Иларичь,
Солодкаго мёду кануны [8]) будуть,
Жоўтаго воску свѣчи будуть,
Божаю свѣчу насукать [9]) будуть,
Насукать будуть, повышать [10]) будуть,
Солодки кануны снѣдать будуть,
Славнаго пана величать будуть,
Славнаго пана, Лексѣя Иларича.
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Лексѣй Иларичь;
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта,
Пѣсня спѣта противъ лѣта,
Противъ лѣта — лѣта тёплаго,
Противъ году — году новаго,
Противъ вясны — вясны красныя,
Въ доброй ласцѣ [11]), въ доброй сгодѣ [12]),
Въ доброй сгодѣ намъ пѣть годѣ [13]).

(№ 30.—Тоже).

---

[1]) По селу.—[2]) Отобрались на подборъ.—[3]) Пригорокъ.—[4]) Плетнемъ оплетенъ (тростьемъ).—[5]) Въ старшихъ Великорусскихъ пѣсняхъ—„дорогъ рыбій зубъ."—[6]) Около.—[7]) Чистые, ястые: обычное прозвище.—[8]) Кутья съ медомъ наканунѣ праздника: иногда самый мёдъ и пиво.—[9]) Сучить.—[10]) Ставить (празднику).—[11]) Любви.—[12]) Согласія.—[13]) Гоже, пригодно;—довольно, будетъ.

3.

А на улицѣ на широкой
И на муравѣ на зялёной
Били пали [1]) золотыя,
Мостили мосты ўсё сярéбряныя.
Тудымъ ѣхала Прячистая,
Она ѣхала шестьма конями,
Шестьма конями ўсё булаными,
Каретами малёваными,
Катóчками ўсё коваными:
Святой Юрій за повозничка,
Святая Микола за лагодничка [2]),
А Святой Илья ведеть коня.
Святой Илья, вярни жъ коня,
Вярни коня къ славному пану,
Къ славному пану Пятру Алексѣичу.
У славнаго пана Пятра Алексѣича
Есть клѣточки и повѣточки,
Короваточка тесовая.
На той кровати сама Спожа [3]),
Сама Спожа положилася [4]),
Положилася, обродилася,
Честную паню за куму брала,
Честную паню, Дарью Миколаевну:
«Ты кума моя, ты душа моя,
«Возьми жа моё дитяточко,
«Возьми яго, of спов' яго,
«Сповей яго въ пелюшечки,
«Въ пелюшечки въ бѣлёвыя,
«Въ поясочки шеўкóвыя,
«Да няси жъ яго до церкоўки,
«До церкоўки до Божія,
«До Божія, до духовныя,
«Положи яго на престолѣ,
«А сама стань для [5]) престола.»
Собиралися попы-дяки,
Попы-дяки, чернокнижники [6]),
Якъ стали яны читать-писать,
Читать-писать, думать-гадать,
Што дитяти за имя дати:
««А дадимъ имя Исусъ Христосъ!»»
Хвала тобѣ, Пане Боже,
Што Исусъ Христосъ народиўся,
На гетотъ свѣтъ явиўся!
Потомъ того, честный пане,
Честный пане, Пётръ Алексѣичь,
Святóго Благовѣщеня дожидаючи:
Святого Благовѣщеня [7]) яровыя пчоўки.
Святого Благовѣщеня провождаючи,
Святого Вяличка дожидаючи:
Святоя Вяличко съ краснымъ яичкомъ.
Святого Вяличка провождаючи,
Юрья-Ягорья дожидаючи:
Святой Юрій съ росицею.
Святого Юрья провождаючи,
Святыя Миколы дожидаючи:
Святая Микола по межахъ ходить,
По межахъ ходить, жито родить.
Святую Миколу провождаючи,
Святого Вшестья [8]) дожидаючи:
Святоя Вшестья со кирмашами [9]).
Святоя Вшестья провождаючи,
И Духа съ Тройцой дожидаючи:
Святой же Духъ съ зяленымъ Маемъ.

[1]) Колья, сваи.—[2]) Пособника.—[3]) Госпожа, Пречистая.—[4]) Легла въ пологѣ, готовится родить.—[5]) Возлѣ.—[6]) Здѣсь въ первомъ, простѣйшемъ значеніи: „бѣлая книга, черное слово;“ таинственное, волшебное значеніе чернокнижія позднѣе, какъ вторичное.—[7]) Т. е. о Благовѣщеньѣ.—[8]) Восшествія, Вознесенья.— [9]) Кирмашь—Kirchmesse: храмовой праздникъ, сходка къ нему, ярмарка.

Святого Духа провождаючи,
Святыя Ильи дожидаючи:
Святая Илья съ новымъ хлѣбомъ.
Святого Илью провождаючи,
Святого Спаса дожидаючи:
Святой же Спасъ, помилуй насъ,
Святой же Спасъ съ виноградомъ [1]).
Святого Спаса провождаючи,
Святая Пречистыя [2]) дожидаючи:
Святая Прячистая со канунами,
Со канунами, со проскурами [3]).
Святую Прячистую провождаючи,
А другія [4]) дожидаючи:
Святая Прячистая со присѣўками,
Со присѣуками со осенскими,
Со осенскими со оржа́ными.
Святую Прячистую провождаючи,
Святого Покрова дожидаючи:
Святой Покровъ со ўсѣмъ добромъ.
«Святой Покровъ, покрой мяне,
«Покрой мою й головочку,
«И головочку, и домовочку,
«И семеечку, и пашоночку!»
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Пётръ Алексѣичь,
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта.

(Окончаніе какъ въ предыдущей.—Оттуда же и то же).

4.

Добры вечеръ, честный пане,
Честный пане, Аркади Митревичь!
Чи позволишь пѣсню спѣти?

Во недѣльку [5]) поранюсенько
Взышло соўнца веселюсенько,
Взышло яно, обўтрѣло,
Освѣтило луги, боры́,
Луги, боры, чистоя поля,
Чистоя поля, жито ядряно́я.
Во [6]) што въ полѣ рано погука́еть [7])?
Во чи лебеди, во чи соколы?
Во не лебеди, во не соколы,
Ядряное жито господаря кличе.
Потомъ того, славны пане,
Славны пане Аркади Митревичь
Посѣяў жито, въ полѣ не быў,
Въ полѣ не быў, не отвѣдываў;
Не отвѣдаў въ корени, отвѣдай хоть въ ко́лосѣ:
А въ корени коренастенько, а въ колосѣ колосистенько.
Потомъ того, славны пане,
Славны пане Аркади Митревичь,
А пошоў жа ёнъ въ чистоя поля,
Поля полявати, жито оглядати;
Пѣшкомъ пошоў, ёнъ не обошоў,
На кони́ поѣхаў, ёнъ не объѣхаў,
Соколо́мъ летѣў, жито глядѣў:
«Хвала, Боже, хорошо жито!
«Колосокъ гнеться, объ землю бьеться,
«Ядряное жито высыпаеться,
«Колосъ къ колосу голову клонить.»

[1]) Воспоминаніе о южной прародинѣ Славянъ; въ другомъ стихѣ оно замѣнено уже современнымъ „помилуй насъ.“ —[2]) Успенья —[3]) Просфорами.—[4]) Пречистыя: Рождество Богородицы.
[5]) Воскресенье.—[6]) Вотъ.—[7]) Даетъ голосъ, кликъ

Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Аркади Митревичь,
Ой ѣдь жа ты до до́моньку,
До домоньку, до новаго,
До новаго, до ойцовскаго,
До ойцовскаго, до бозькаго [1]),
Короваточки до тясовыя,
До своей жаны до вѣрныя:
«Ты жана моя, ты душа моя,
«Охъ быў жа я во чистомъ полѣ,
«Поля полявати, жито оглядати;
«Хвала́ Богу, хорошо жито!»
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Аркади Митревичь,
Войди жа ты до стаенки [2]),
До новыя, до отцовскія,
Возьми коня воронѣйшаго,
Воронѣйшаго, што найлѣпшаго,
Поѣзжай жа ты до города,
До города до Могилева,
А стань жа ты на рыночку,
На рыночку, при крамочку [3]):
Покупляй сярпы ўсё стали́стыя,
Подержаночки [4]) позлатистыя.
Пріѣхаў жа ёнъ изъ города,
Изъ города изъ Могилева,
Честная пани догадлива,
Собрала жнеёкъ да поло́нъ дворо́къ,
Сорокъ сярповъ жито жать,
Сорокъ хлопцо́въ снопья носить,
Сорокъ мужчинъ копы класть.
«Ты жана моя, ты душа моя,
«Зови жнеёкъ въ хаточку,
«Запали свѣчи тройчастыя,
«Сажай жнеёкъ за столичекъ,
«За столичекъ за тясовенькій,
«За тясовенькій, за кленовенькій,
«За скатерки бирча́стыя [5]),
«За тарелочки двойчастыя,
«За ложечки серябрястыя,
«За хлѣбцы за ситовые,
«За стравицу [6]) за сахарную,
«Побій [7]) жа ты ихъ хлѣбомъ-солью.»
Тяперь вы, жнейки, не пышитеся [8]),
Господу Богу помолитеся,
Славному пану поклонитеся.
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Аркади Митревичь,
Отправляй жнеёкъ въ чистоя поля,
Честную жену во по переду,
Зъ бѣлымъ сыромъ, зъ малымъ сыномъ:
Што разъ рѣзнеть, то снопъ нажнеть,
На ступень [9]) прожнеть,—копу кладеть.
Часты-густы въ небѣ звѣзды,
Частѣй-густѣй въ полѣ копы
Славнаго пана, Аркади Митревича.
Вяликъ-широкъ въ небѣ мѣсяцъ,
Шире-выше въ гумнѣ стоги
Славнаго пана Аркади Митревича.
Переняси, Божа, во [10]) гету пашенку,
Во гету пашенку церязъ осѣтку [11]),
Вотъ дай, Божа, умоло́тисто,
А въ закромѣ во насыписто,
А зъ закрому невыбористо,
Въ мельницѣ намелисто,
Въ дежѣ [12]) подыходисто,
Въ печи набухонисто,
Въ столичку укроисто,

[1]) Божьяго.—[2]) *Стайня*—стойло, конюшня.—[3]) Лавкѣ.—[4]) Держалки, рукоятки.—[5]) Берчатыя, браныя.—[6]) Яство, кушанье.—[7]) Постели, уставь.—[8]) Не гордитесь.—[9]) Одинъ разъ ступивши.—[10]) Вотъ.—[11]) Овинъ съ печкой, гдѣ и сушатъ хлѣбъ, и молотятъ (отъ сѣва, осѣвки).—[12]) Въ опарѣ, въ квашнѣ.

Въ семействѣ—мировая сыть [1]).
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Аркади Митревичь,
Да ўжó жъ гости давно поють,
Славному пану вѣсти дають.
Ахъ, мы гости не докучныя,
Не докучныя, не бывалыя,
Годъ въ годъ разъ побываемъ,
Вашего здоровья отпытаемъ,
Вотъ въ той день, во Вялигъдень.
Ой чимъ жа насъ дарить будешь,
Чи золотомъ, чи серябромъ,
Чи красными яичками,
Чи хорошими словечками?
Наши дары не великія,
Не великія и не малыя:
Починальничку [2]) чирвонъ злоты;
Подхватничку [2]) полъ-золотаго;
Освистому [2]) хоть не много,
Хоть не много, коня вороного,
Коня вороного—гули [3]) возити;
Скрипцѣ нашей мѣрка житца;
Нашъ мѣхоношъ [2]) кошель носить,
Кошель носить, сала просить,
Поўсть [4]) слонины, съ самой серядины;
А на нашу братью по копѣ яицъ,
По копѣ яицъ негдѣ взяти,
По дясяточку можно дати;
А музыкова [2]) горьная доля,
Горькая доля—кварта горѣўки,
Кварта горѣўки, сыръ на тареўкѣ,
Пирогъ мяхкій на зáкуску;
Кварта горѣўки для смѣлости,
Пирогъ мяхкій для крѣпости,
Сыръ бѣленькій для голосу;
А што не выпьеть, мы допоможемъ;
Якъ упьеться, спатьки положимъ;
Якъ проспиться, протверезиться,
Пойдеть зъ нами, развеселиться.
Потомъ того, славны пане,
Славны пане, Аркади Митревичь,
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта,
Пѣсня спѣта противъ лѣта,
Противъ лѣта, лѣта краснаго,
Въ доброй ласцѣ, въ доброй сгодѣ,
Въ доброй сгодѣ, намъ пѣть годѣ.

(Оттуда же; то же).

5.

А на улицѣ да на широкой,
А на муравѣ да на зялёной,
Лежить брусья да тясовоя,
А на тымъ брусьи да мужи сидять,
Да мужи сидять, мужи честные,
Да радють радý [5]), раду добрую,
Раду добрую, Волочобную:
«Да кого жъ будемъ обирать войтомъ [6])?
«Обярёмъ войтомъ славнаго пана,
«Славнаго пана Василья Борисьича:
«Іонъ жа умѣеть да суды судить,
«А суды судить, судовоя [7]) брать.
«Самому жъ пану коня вороного,

[1]) Въ сытость, на кормъ міру, всѣмъ.—[2]) См. ниже.—[3]) Гулянки, забавы, шутки; частѣе обжерство, обглодки и объѣдки.—[4]) Полость, звѣно.
[5]) Совѣтують совѣтъ: сходка и приговоръ.—[6]) Старостой, Vogt.—[7]) Пошлину за судъ.

«А жанѣ жъ яго жоўтыя лисы,
«На дятей яго чорныя бобры́,
«Чорныя бобры, штобъ расли добры.»
Потомъ того, славны пане,
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта.

Благодарятъ:

А спасибо славному пану,
Славному пану Василью Борисьичу,
За яго хлѣбы за ситовыя,
За яго стравки за сахарныя,
За яго словцы за покорныя [1]),
А потомъ того да и жанѣ жъ яго,
А потомъ того да и дѣтямъ яго,
А потомъ того да и всей семьѣ.
Да живи здоровъ, да и будь богатъ,
Да не самъ [2]) собой, да и зъ своимъ дворомъ,
Да зъ своими зъ любодѣтками [3]),
Да зъ сусѣдьми и со ближними,
И со ближними, и со дальними,
Съ покревными [4]) да прiятелями.

(Оттуда же; то же).

6.

А ци до́ма, дома пане господарю?
А нимашь [5]) дома, да ў го́родя,
У городя суды судить,
А суды судить, пярясудъ [6]) баре,
Пярясудъ баре, до жаны шле.
А яна до яго листы [7]) пиша:
«А поверняшься до свойго дому,
«А гледь жа ты у своёмъ дому,
«Што у твоёмъ дому добра дѣятца,—
«Чатыри короўки отялилося,
«Чатыри кобылы жарябилося,
«А твоя жана обродилася.»
—Ня вярнуся я до дому,
—Пришлю тобѣ́ подару́ночакъ:
—А коли́ сына,—коня вороного,
—А коли дочка́, то катаночку [8]).—

(№ 18; то же).

7.

Чи не ластоўка въ окно бьёться,
Чи не господаря побужаеть:
«Устань, устань, пане господарю,
«Устань, устань ранюсенько,
«И умыйся бялюсенько,
«А выйди, выйди въ конюшню;
«Восимъ кобылъ ожерябилося,
«Восимъ жаребятъ народилося.»

Чи не ластоўка въ окно бьёться,
Чи не господыньку побужаеть:
«Устань, устань, пани господынька,
«Выйди, выйди на короўничекъ:
«Восимъ короў отялилося,
«Восимъ тялятъ народилося.»

(№ 16; то же).

---

[1]) Обыкновенное „прозвище“ слова.—[2]) Не одинъ.—[3]) Любезными дѣтьми.—[4]) Съ кровными.
[5]) Нѣмашь, не имѣешь, нѣтъ.—[6]) Пересудъ, то же „судовое (см. выше),“ но разумѣется—за вторичный судъ; „суды и пересуды“ или „судовое и пересудъ.“—[7]) Письма.—[8]) Кафтанчикъ, короткій.

8.

А у Симонка да на дворѣ три свирёночки [1]):
А у першимъ свирёнку жито и пшаница,
У другимъ свирёнку дорогія сукни [2]),
У третимъ свирёнку злото и срébро;
Жито и пшаницу поживать [3]) будя,
Дорогія сукни носить будя,
Срéбромъ-злотомъ шафовать [4]) будя,
И зъ своей жаной пановать будя,
Своими дѣтками посылать будя.
А ў яго на дворѣ а стоить сосна [5]):
«Яровыя пчолки, што вы думаятя?»
—О, мы думаямъ полятѣти
—У щиры борý на жоўтыя цвяты,
—А принясёмъ сто пудоў мёду,
—Нашаму господарю на ўспомогу.—
«Яровыя пчолки, што вы думаятя?»
—А мы думаямъ полятѣти,
—Полятимъ мы у щирыя боры,
—А принясёмъ сто пудоў воску,
—Нашаму Симонку на ўспомогу.—
У яго на дворѣ а зялёнъ яворъ,
На томъ явори ясянъ сокóлъ
Зъ яснымъ соколóмъ разговаривая:
«Ясянъ соколъ, што ты думаяшь?»
—А я думаю полятѣти,
—Я полячу у Шведьскаю зямлю́ [6]),
—А пригоню я стадо быдла [7]),
—Нашаму Симонку на ўспомогу.—
«А ясянъ соколъ, што ты думаяшь?»
—А я думаю полятѣти,
—А полячу я у Турецкаю зямлю,
—А пригоню я табунъ кóняй,
—Нашаму Симонку на ўспомогу.—

(№ 18; то же).

9.

Стояла верба виловатая,
Славная пани череватая,
Славная пани Дарья Миколаевна,
Зачерилась [8]) на трёхъ сыновъ,
На трёхъ сыновъ, якъ соколовъ.
Первы сынокъ — той пáшничекъ,
А другой сынокъ — той конюшокъ,
Третій сынокъ — молодой земчикъ [9]).
Пашничекъ Бога просить:
«Зароди жъ, Божа, моё жито,
«Да моё жито въ чистомъ полѣ.»
Конюшокъ Бога просить:

---

[1]) Амбаръ, иначе *клѣть*.—[2]) *Сукня*—суконная, потомъ просто одежа.—[3]) Употреблять (на жизнь), жить этимъ.—[4]) Schaffen, вести дѣла и обороты.—[5]) То есть съ бортью для пчелъ.—[6]) Признакъ древности пѣсни.—[7]) Скота.

[8]) Понесла во чревѣ.—[9]) Остатокъ древняго „землянинъ,“ землевладѣлецъ, потомъ дворянинъ—однодворецъ; онъ, какъ панъ уже, не идетъ на работы, не ходитъ за конями (для службы), а въ саду своемъ разводитъ пчелъ.

«Паси жъ, Божа, моихъ кони,
«Моихъ кони въ чистомъ полѣ,
«Въ чистомъ полѣ, въ Юрьевыхъ росахъ,
«Въ Юрьевыхъ росахъ, въ Микольскихъ травахъ.»
Земчикъ въ садѣ Бога просить:
«А рой жъ, Божа, мои пчолки,
«Да мои пчолки въ вишневомъ садѣ.»
Потомъ того, славная пани,
Славная пани, Дарья Миколаевна,
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта...
и прочее.

(№ 30; поется хозяйкѣ).

10.

А въ сѣнячкахъ голубокъ гудеть,
Въ святёлочку голосокъ несеть:
«Чаму наши сѣни не мéтены,
«Чаму наша пани не вéсела?»
У нашія пани кравцы [1]) были,
Кравцы были молоденькіе,
Шили шубочки дороженькія,
Шили яны да подбўжили [2]),
Нашей пани не ўнорóвили.
Наша пани по двору ходить,
По двору ходить, слѣдъ заметаеть,
Слѣдъ замѣтаеть, слугъ побужаеть:
—Вставайтя, слуги, обувайтяся,
—Идитя на Дунай — умывайтяся,
—Шоўковой хустой [3]) утирайтяся;
—А идитя жъ вы, поглядитя жъ вы,
—Во конюшничкѣ Божая яво [4]),
—Божая яво пріявилося:
—Сорокъ кобылокъ ожерябилося
—Яще столько назначилося [5]);
—Сорокъ коровокъ отялилося,
—Яще столько назначилося;
—Сорокъ овечакъ окотилося,
—Яще столько назначилося.—
Потомъ того, славная пани,
Славная пани, ЛюбовьѲёдоровна,
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта,
Пѣсня спѣта противъ лѣта..
и прочее.

(Оттуда же; то же).

11.

Лятѣла сова съ чистаго поля,
Нясла жолудь на крылочку,
Кинула жолудь на богаты дворъ,
На богаты дворъ, на солодкій мёдъ,
На солодкій мёдъ, на жалѣзны тынъ [6]);
А съ того жолудя выросъ дубокъ,
Выросъ дубокъ тонокъ-высокъ,
Тонокъ-высокъ, подгалисты [7]);

---

[1]) Портные. [2]) Удлиннили. - [3]) Платкомъ.— [4]) Диво, явленное чудо. - [5]) Обозначилось впередъ.
[6]) Слѣдъ древности. –[7]) Снизу оголеный, съ чистымъ стволомъ.

А на томъ дубу чорянъ орёлъ,
Чорянъ орёлъ гнѣздечко вьетъ,
Гнѣздечко вьетъ, яички нясетъ.
Тудымъ ишоў сличны [1]) паничу,
Сличны паничу, Сяргѣй Пятровичь;
Цѣлить-мѣтить, забить хочеть,
Тўгій лучёкъ натягиваеть,
Золотую стрѣўку направляеть,
А чярéнъ орёлъ отказываеть:
«А ня бей мяне, пе губи мяне,
«Сличны паничу, Сяргѣй Пятровичь!
«Ахъ, я жъ тобѣ знадоблюся:
«Якъ и будешь ты да жанитися,
«Ахъ и будешь ты собѣ дѣўку брать,
«За рѣками, во за быстрыми,
«Да не будеть тобѣ ани пеpяходу,
«Ани пеpяходу, ани перяѣзду,
«Охъ и я тогда перявязу тябе,
«Посажу тябе посеряди сябе,
«А жану твою подлѣ тябе,
«Маршалочекъ на крылочку,
«Музычинекъ на хвостику,
«Кони́ твоихъ въ плынъ [2]) пущу,
«Въ плынъ пущу, я перясвищу [3]).»
Да ўжо жъ тобѣ пѣсня спѣта...

(Оттуда же; поётся неженатому, паничу, сыну хозяина).

12.

А на мори-мори а на синянькимъ,
А тамъ ляжаў а бѣлы камянь,
А на камяни сокóлъ сядить.
А гдѣ ўзяўся [4]) сличны паничикъ,
Хóча того сокола́ застрѣлити.
Іонъ жа ў яго да просиўся:
«Не бій мяне, не стряляй мяне,
«Буду я тобѣ у вяликой отходя [5]);
«Будяшь брати собѣ панну за морямъ,
«А за морями, за водами,—
«Я жъ твое кони оўсомъ пяряманю,
«Я твое соколы́ свистомъ пярясвищу,
«Тябе молодого на правымъ крылцу,
«Твою панну на лѣвымъ,—васъ обойхъ пярянясу,
«А на твоё да на подворья;
«А твой батюшка разгнѣваўся,—
«Буду яго сличнѣ я просити,
«Крыльцами подворья замята́ти,
«Вочками [6]) святёлку освятити,
«Голосочкомъ батюшку развясялю.»

(№ 18; то же).

---

[1]) Красивый.—[2]) Въ плавь.— [3]) Коней, плывущихъ, пересвищу, свистомъ перезову на берегъ.—Образъ переносящего орла—самый древній.

([4] А гдѣ не взялся.—[5]) Подмогою въ великой потребности, нуждѣ.— [6]) Очами, глазками.

13.

Сличны паничь, панъ Василька,
Устань рано, умыйся бѣло,
Почаши голоўку гладюсенько,
Надѣнь кошульку[1]) бялюсеньку,
Надѣнь штоники гарнатовые [2]),
Панчёшачки [3]) бялёвые,
А ботики козловае,
Надѣнь сукню саятовую [4]),
Подпояши поясъ золочаны,
Надѣнь шапку парловую [5]),
Возьми ключи сталёвые,
Иди ў стайню у муруваную [6]),
Выбирь собѣ ой коника,
Ой коника найлучшаго,
Найлучшаго, вороного,
А сядѣльца золотоя,
А уздечачку сярéбрянаю,
А подпружачку саятоваю,
Возьми хортоў [7]) бялюсенькихъ,
Возьми стряльбу мичавую [8]),
Возьми шаблю сталёваю,
Сличны паничь, панъ Василька,
А ѣдь жа у чисто поля,
У чисто поля полявати,
Полявати, доли шукати [9]).
У чисто поля чистюсенько
Лятить соколъ яснюсенькій:
Сличны паничь, панъ Василька,
Хортоў пусти—не допусти,
Шабляй махни—не домахни [10]).
«Сличны паничь, панъ Василька!
«Ня бій жъ мяне, а я жъ тобѣ—
«А яжъ тобѣ пригоджуся:
«Ой къ рѣченьцѣ ой къ быстрянькей [11]),—
«А яжъ тябе пераплаўлю,
«Твоихъ сватоў перяведу
«Черязъ тую черязъ рѣчку,
«А у чоўночку малеваненькимъ [12]),
«А вясельцы позлочаные.
«Ой тамъ жа, за рѣками за быстрыми,
«Слична панéнка, крулёва найяснѣйшая:
«Сличны паничь, панъ Василька,
«Панъ Василька—круль [13]) найяснѣйшій.
«Ой тамъ жа вы постояли,
«За рученьки подержали,
«Золоты персни поминяли.»
Сличны паничь, панъ Василька,
Живи здороў дый [14]) будь богатъ,
И съ татулькой, и съ матулькой!

(№ 40; то же).

14.

Въ чистомъ полѣ, чистюсенькомъ,
Ляжить камень бѣлюсенькій,
Подъ тѣмъ камянемъ люта гадина [15]).
Тудымъ ишоў славны паничь,
Славны паничь Пётра Пятровичь,
Цѣлить-мѣтить, забить хочеть,

---

1) Сорочку (съ прямымъ воротомъ).—2) Гарнитуровые.—3) Bundschuh, чулочки.—4) *Соя* или *Сая*, тонкая Итальянская матерія (древняя шелковая).— 5) Перловую, съ жемчугомъ: древняя мурманка, убиравшаяся жемчугомъ.—6) Съ каменными стѣнами.—7) Гончихъ собакъ.—8) Мечевую: слѣдъ древняго употребленія меча.—9) Искать.—10) За симъ слова сокола.—11) Когда подъѣдешь.—12) Въ челночкѣ расписанномъ.—13) То же, что княжна и князь—невѣста и женихъ: но въ варіантахъ этой пѣсни упоминается дочь *царя*.—14) Да.
15) Змѣя.

Ту́гій лучокъ натягиваеть,
Золотую стрѣлку направляеть;
Люта гадина отмовляеть [1]):
«Охъ не бей мяне, не губи мяне,
«Не губи мяне, сличны паничу,
«Сличны паничу, Пётра Пятровичь!
«Вотъ скажу я тобѣ три радости,
«Три радости, три вясёлости:
«Первая радость—тябе Богъ зоветь,
«Тябе Богъ зоветь, долю даеть;
«Другая радость — тябе панъ зоветь,
«Тябе панъ зоветь, землю отдаеть;
«Третья радость — тябе царь зоветь,
«Тябе царь зоветь, дочку отдаеть.
«Потомъ того, славны паничу,
«Славны паничу, молодъ Пятрунька,
«Ты съ долею счастливъ будешь,
«Со землёю богатъ будешь,
«Со царевною во ты жить будешь,
«Во ты жить будешь, вѣковать будешь,
«Вѣковать будешь, пановать будешь,
«Златомъ-серябромъ купцовать будешь.»
Потомъ того, славны паничу,
Славны паничу, Пётра Пятровичь,
Да ў́жо жъ вамъ пѣсня спѣта...

(№ 30; то же).

15.

А у лѣся, у лѣся да на веряся [2]),
Тамъ ходило стадо коняй,
Мижъ тыхъ коняй вороны́й коникъ;
Нихто того коня ни споймая,
Ни споймая, ани осядлая;
Обобраўся [3]) сличны паничь,
Сличны паничь, молоды́й Микоўка:
Іонъ того коня и споймая,
И споймая, и осядлая,
Осядлаўши да й поѣдя;
Іонъ поѣдя зъ горы́ подъ гору́,
Напротивъ Турка [4]) вояватися.
А вывяў [5]) Турокъ вороного коня́;
Іонъ на того коня ани ўзгляня,
Ани ўзгляня, и вочей ни подо́йма:
«Ня хочу зъ Туркомъ да годитися [6]),
«А кажу зъ Туркомъ вояватися.»
А вынясъ Турокъ полми́сакъ [7]) злота;
Іонъ на тоя злото ани ўзгляня,
Ани ўзгляня и очей ни подойма:
«Ня хочу зъ Туркомъ погодитися,
«А кажу зъ Туркомъ вояватися.»
А вывяў Турокъ сличнаю панну;
Іонъ на тую панну якъ соко́лъ глядить,
Якъ соколъ глядить и за ручку дяржить:
«Ня кажу зъ Туркомъ вояватися,
«А кажу зъ Туркомъ погодитися.»

(№ 18; то же)

---

[1]) Отговариваетъ, отвѣчаетъ.

[2]) На *верьсѣ*, на пригоркѣ.—[3]) Выбрался, откуда не взялся.—[4]) Слѣдъ древности.—[5]) Вывелъ.—[6]) Мириться.—[7]) Полмиску, полмису.

16.

Волочоўнички
Ня докушнички,
Волочилися
Да й помочилися.
Надѣвай шапку
Соболиную,
Надѣвай боты
Нямецкой работы,
Надѣвай сукню
Атласовую,
Надѣвай ботики
Козловыя.
Ня хочешь дарить,—
Ходи зъ нами.

(№ 27; то же.—Отрывокъ).

17.

Лятѣла пава размашистая,
Посыпáла перья позлатистоя:
Кто жъ тоé перья собирать будеть?
Слична паненка собирать будеть.
Яна тое перья подобрала,
Понесла жъ яна до злотниковъ [1]):
«Вы злотнички, вы работнички,
«Да скуйтя жъ мнѣ четыри угодьи:
«Первоя угодья—перловы вѣнчикъ,
«А дру́гоя угодья — мѣдяны кубокъ,
«Третья угодья — золóтъ перстень,
«Четьвёртоя угодья—да кованъ поясъ.
«Перловы вѣнчикъ на вѣнчаньико,
«Мѣдяны кубокъ на витаньико [2]),
«А золóтъ перстень на мѣняньико,
«А кованъ поясъ да сама сношу.»
Потомъ того, слична паненка,
Слична паненка, Дарья Пятроўна,
Да ўжо жъ вамъ пѣсня спѣта...

(№ 30; поётся дѣвушкѣ, дочери хозяина, невѣстѣ).

18.

Лятѣла пава,
Перья роняла,
Слична паненка
Да й подбирала (дважды),
У рукавóкъ клала;
Зъ рукавкá берú,
Вяночикъ вила,
Звивши вяночикъ,
Нимъ подарила,
Да й подарила,
Кого любила.

(№ 44; то же).

---

[1]) Золотыхъ дѣлъ мастеровъ.—[2]) На поздравленіе: заздравный кубокъ.

19.

У горо́дѣ [1]) да на пряходѣ
Стоить вярба́ тарчистая [2]),
На ней роса золотистая.
Прилятѣло сямсотъ воробьёў,
Тую росу обтрусили:
Вышла, вышла молода паненка,
Тую росу подобрала,
Да ў сундучокъ поховала [3]).
Чарвенъ злоты намъ на боты,
Таляръ биты на подкоўки,
Сорокъ якекъ на пулмисекъ,
Водки хоть килишекъ
На здоровья нашихъ кишекъ,
Мы гостики ня докучны,
У годочку одну ночку.

(№ 32; то же).

20.

А у горо́дчику, на трясочничку [4]),
А не макъ-рожа зацвитала;
Тамъ ходила слична паненка,
Слична паненка Наталья Пятроўна,
Яна тую рожу защипала,
До свойго́ лица раўновала [5]):
«Кабъ моё лицо гетаково было,
«Не пошла жъ бы я ни за дворянина,
«Ни за дворянина, ни за мящанина,
«Пошла жъ бы я за такого пана,
«Што съ коника ни зсядае,
«Зо стримёнъ ножакъ ни вылмая [6]),
«Съ королёмъ разомъ [7]) обѣдъ мая [8]).»

(№ 18; то же).

21.

За клѣткою [9]) за новою
Росла рожа зялёная.
Вышла панёнка,
Тонка-бялёнька,
Тую рожу защипала,
Къ свойму лицу раўновала:
«Кабъ лицо такое стало,
«Не пошла бъ я ни за кого,
«Ни за дворянина,
«Ни за мящанина,
«Да пошла бъ я за такого пана,
«Што въ Варшавѣ прябываеть,
«Суды судить, перясудъ бяреть.»
Туды лятѣли два голубочка,
Выкинули яны по жолудочку,
На тыхъ жолудочкахъ ростёть по дубочку.
Золотыя листя, сребная роса́.
А кто жъ тые листя зломить,
А кто жъ тую росу́ струсить?

---

[1]) Въ огородѣ, въ саду, у плетня.—[2]) Щиткомъ, развѣсистая, тѣнистая.—[3]) Попрятала.

[4]) На трясинникѣ, рыхлой землѣ.— [5]) Сравнивала, сличала.— [6]) Не вымаетъ, не вынимаетъ.—[7]) Вмѣстѣ.—[8]) Имѣетъ.

[9]) За клѣтью.

Молодая паненка росу струсить,
Росу струсить и листя зломить

Молодая паненка, даруй гостей,
Даруй гостей, не бавь бардзѣй [1]):
Гетыя гости не часто ходять,
Не часто ходять, не по много просять:
Червéнь злоты на талерку,
Жалоўникамъ [2]) на горѣўку,
Червéнь злоты—намъ на боты,
Гарнецъ пива—намъ на диво,
Гарнецъ мёду—на выгоду.

Красна панна, даруй гостей!
А не хочешь даровати,
Ходи зъ нами вандровати [3]).

Даўши дары, будь здорóва,
Будь весела, будь богата,
А на лѣто—сама-пята;
Будь такъ красна,
Якъ бы вясна;
Осени не жди,
За мужь иди.

(№ 28; то же; послѣ каждаго стиха повторяется припѣвъ: „Да лалымъ, лалымъ, гей лалымъ!“).

22.

Да на сяножати, да на поплавѣ [4]),
Тамъ ходило куропатъ стадо,
Мижи тыхъ куропатъ чорна галочка.
Дѣ ўзяўся вóронъ чорянъ,
Куропатъ стадо поразгоняў,
Чорну галочку да до сябе ўзяў.
Чи ўзяў, чи ня ўзяў, тольки назначиў:
«Хоть дѣ будешь, то моя будешь,
«Ўзяў тябе у перяйку,
«Пущу тябе у поневяйку [5]).»

Да у пана, пана, у пана подворьи,
Тамъ гуляў танокъ [6]) паненокъ,
Мижи тыхъ паненокъ сличны паничекъ,
Танокъ паненокъ поразгоняў,
Добру паненку да до сябе ўзяў.
Чи ўзяў, чи ня ўзяў, тольки назначиў:
«Хоть дѣ будешь, то моя будешь,
«Ўзяў тябе у вѣнчику [7]),
«Пущу тябе у чепчику.»

(Оттуда же, такъ же поется дѣвушкѣ).

23.

А на сяножати, да на поплавя,
Тамъ ходило куропатъ стадо,
Мижъ тыхъ куропатъ сива зязюлька [8]).

---

1) Не держи, не медли, скорѣй.—2) См. ниже.—3) Wandern, бродить, странствовать.

4) На сѣнокосѣ, на лугу заливномъ, поплавномъ.—5) Въ повязкѣ, повоѣ (тоже и о платьѣ—*понёва*).—6) Собственно танецъ: и играющая, и поющая гурьба, хороводъ, коего однако въ нашемъ смыслѣ почти не осталось.—7) Вѣнецъ, неотъемлемый признакъ дѣвушекъ, также исчезъ, замѣняется же иногда плетенымъ изъ цвѣтовъ или приводится какъ одно воспоминаніе, символъ.

8) Кукушка.

А гдѣ ўзяўся сивы сялязенька [1]),
Іонъ тыя куропаты ўсѣ разогнаў,
Сиваю зязюльку до сябе ўзяў.
Яна ў яго просилася:
«Пусти мяне на полятаня?»
—Ой хоть пущу, то назначу,
—Зъ праваго крылца пяринцо [2]) вырву.—

У господáря на дворѣ да дѣвокъ танокъ,
Мижъ тыхъ дѣвочакъ сличная панна,
Сличная панна, молода Дарья.
А гдѣ ўзяўся сличны паничикъ,
Сличны паничикъ мóлодъ Володимірка,
Іонъ тыя дѣўки ўсѣ разогнаў,
Молодую панну за сябе ўзяў.
Яна ў яго просилася:
«Пусти жъ мяне къ гетымъ дѣўкамъ погуляти?»
—Ой хоть пущу, то назначу,
—Рутвяны [3]) вѣньчикъ зъ головы зниму,
—Шоўкóвы чепчикъ на голоўку ўзложу.—

(№ 18; то же).

24.

Да на улицы да на широ́кой,
А на муравѣ да на зялёной,
Тамъ ходило куропатъ стадо,
Межъ тыхъ куропатъ шѣра [4]) вуточка.
А дѣ ўзяўся сиў [5]) селязеньчикъ,
Іонъ тыхъ куропатъ поразгоняў,
Шѣру вуточку до сябе ўзяў.
Ў яго вуточка просилася:
«Ой пусти, пусти, сиў селязенька?»
Ой на улицы да на широкой,
Тамъ гуляло да дѣвокъ танокъ,
Межъ тыхъ дѣвокъ красна дѣвочка.
А дѣ ўзяўся красный дятюкъ [6]),
Іонъ тыхъ дѣвочакъ разогнаў,
А красну дѣвочку ўзяў.
Ў яго дѣвочка просилася:
«Пусти, пусти, да мóлодъ, мяне?»
—Ой хоть пущу, да назначу:
—Красный вѣнчикъ сорву,
—Шоўкóў чепчикъ ўзложу.—

(№ 17; то же).

Слѣдующія пѣсни, хотя и употребляются Волочобниками, но переходятъ уже въ „Вяликóдныя“ и Весеннія (кои см. ниже):

25.

А ты вуточка, а ты лугова́я,
Ци ўсѣ лужки облятала?
А ўсѣ не ўсѣ облятала,
А въ одномъ лужку да не бывала:
А у тымъ лужку да тяче рѣчка,
А на тоѣй рѣчьца гибка клѣтка [7]).

---

1) Селезень.— 2) Пѣрушко.— 3) Изъ руты: принадлежность дѣвушекъ.
4) Сѣра.— 5) Сивъ.— 6) Дѣтина.
7) Плотикъ, козлы, сходень.

Ой тамъ панна бѣль бялила,
Хусты [1]) бялила, перьстянь ўронила.
Тудымъ ишлó а три рыболовы:
«Милыя моé три рыболовы,
«Киньте-закиньте шоўкóў неводъ,
«А ўловитя золотый перьстянь!»
—Што жъ намъ, дѣўка, а за даръ дасй?—
«А пéрвому шоўкóваю хусту,
«А другóму злóты перьстянь,
«А третяму сама молодéнька:
«Шоукóваю хусту—ўтиратися,
«Злоты перьстянь—вянчатися,
«Сама молоденька—ўтяшатися.»

(№ 18; то же, дѣвушкѣ).

26.

Во на рѣченькѣ, во на быстренькой,
Во—дощечкѣ во на гибенькой,
Тамъ Марутка бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, вѣнчикъ уронила,
Сильно плачеть, руки ломаеть.
Тудымъ ѣхало три молойчики,
Три молойчики-рыболойчики:
«Вы молойчики-рыболойчики,
«Чи не бачили [2]) парловаго вѣнка?»
Одинъ кажеть:—Я не бачиў;—
Другой кажеть:—Я не видѣў;—
Третій кажеть:—Я ишоў-ишоў,
—Я ишоў коло. [3]) рѣченьки,
—Плывёть - плывёть парловы вѣнчикъ,
—Я въ чеўнóчекъ, да за вѣночекъ,
—За вѣночекъ, на бережочекъ:
—Што жъ, паненка, переймá [4]) дасй?—
«Охъ одному да золóтъ перстень,
«А другому шóўковую хусту,
«За третяго я сама пойду.»
Пошли братцы въ новы сѣнячки,
Стали яны радовáтися,
Одинъ другому наругáтися:
—Золоть перстень скоро зломиться,
—Шоўкова хуста то же зноситься,
—А съ паненкой во я жить буду,
—А я жить буду, вѣковать буду,
—Златомъ-серебромъ купцовать буду.—

(№ 30; то же).

27.

Ай рано, рано,
Пава летала,
Перья роняла;
Спѣвайте, молодцы, спѣвайте [5])!
Красна Маланька
Перья збирала,
Въ рукавокъ клала;
Съ рукаўка бралá,
Вѣночекъ плелá;
Свивши вѣночекъ,
Да на голоўку,
Пошла на вулку
Похвалиться:
«Нихто мойго

[1]) Платки.
[2]) Не видали.—[3]) Около.—[4]) Выкупа („А мы коней переймемъ).
[5]) Повторяется нѣсколько разъ въ пѣсни.

«Вѣнка не сниметь,
«Ни буйны вѣтры,
«Ни дробны дожжи!»
Откуль взяўся
Буйны дожжыкъ,
Понесъ ёнъ вѣночекъ
Перловенькій,
У чисто поле,
На сине море.
Пошла Маланька,
Пла́ча и ту́жа,
Рученьки ло́мя;
Послала она
Свою мамухну,
Вѣнка искать
Перловаго;
Мамухна пришла,
Вѣнка не нашла;
Послала она
Свойго татухну,
Вѣнка искать
Перловаго;
Татухна пришоў,
Вѣнка не нашоў.
Пошла Маланька
Вѣнка искать,
На встрѣчу ей
Три рыболова:
«Вы рыболовы,
«Милыя мои!
«Чи не чули вы,
«Чи не видѣли
«Мойго вѣнка
«Перловаго?»
Одинъ кажить:
—Я чуў-видѣў;—
Другой кажить:
—Я ў рукахъ держаў;—
Третій кажить:
—А вось ў мяне!
—Красна Маланька,
—Чимъ будешь дарить?—
«Одному я дамъ
«Шоўкову хустку;
«Другому я дамъ
«Золо́тъ перстень;
«За третяго
«Сама пойду.»

(№ 27; то же).

28.

За горою, за горою
громъ загримѣў,
За другою за горою
дожжикъ пошоў;
Ой тамъ матка доньку [1]) била,
Ой тамъ била, научала:
«Да гдѣ, донька, вѣнчикъ дѣла?»
—Да ишоў, матка,
—Да ишоў, матка,
— ..... дятюкъ [2]),
—Зняў [2]) жа мой,
—Зняў жа мой
—пярлоў вѣнчикъ,
—Да понёсъ, да понёсъ
— ..... дѣўкамъ.—

*

За горою, за горою
громъ загримѣў,
За другою за горою
дожжикъ пошоў;
Ой тамъ матка доньку била,
Яна била, научала:
«Да гдѣ, донька, вѣнчикъ дѣла?»
—Да ишоў, матка,
—Да ишоў, матка,
—красны дятюкъ:
—Сорваў вѣнчикъ,
—Сорваў вѣнчикъ,
—краснымъ дѣўкамъ понёсъ.—

*

Придуть къ намъ, придуть
да Зарѣцкія дѣвочки:
Зашумять, зашумять
да мочальныя истужки [3]);
Заскрипять, заскрипять
да вязовыя лаптищи;
Зазвинять, зазвинять
да оловянныя перстёнки;
Да засьяють, засьяють
да соломянныя вѣночки.

*

[1]) Дочку.—[2]) Дѣтина.—[3]) Стужки, стяжки: тесьмы, ленты.

Придуть къ намъ, придуть
да боярскія дѣвочки;
Зашумять, зашумять
шоўковыя истужки;
Заскрипять, заскрипять
козловыя чарявички;
Зазвинять, зазвинять
золотыя перстёнки;
Засіяють, засіяють
сярéбренныя вяночки.
*

Пришли къ намъ, пришли
да Зарѣцкія дятюки,
Стрѣлили да забили
да девять свярчкоў,
да сподъ горшкоў,
Дясятую курку на водѣ.
*

Придуть къ намъ, придуть
да боярскія дятюки.....

(№ 17; складъ подъ музыку, да и самый смыслъ, близки уже къ Скоморошьимъ).

Праздникъ Свѣтлаго Воскресенія, у Славянъ католиковъ, а отсюда и протестантовъ, именуемый „Великой ночью,“ польское wielka noc, на оборотъ у православныхъ называется „Великъ-день,“ а у Бѣлоруссовъ, по древности православія, одинаково и у православныхъ крестьянъ, и у католиковъ, говорящихъ по Русски,—„Великъ-день.“ Вечеромъ же, въ 1-й день сего праздника, собираются славить его такъ называемые *Волочобники*, „Волочоўники,“ *Волочобные, Волочебные*, сокращенно „волоўники,“ по происхожденію и именованію („волочиться“) то же, что Калѣки *Перехожіе, Вродячіе* странники: большею частью молодые парни (женщины не ходятъ) и бѣдные, иногда съ подголосками мальчиками, рѣже— именно при пѣсняхъ—съ музыкою, волынкою, дудою, скрипкою. Ходятъ изъ двора во дворъ, по господскимъ усадьбамъ и крестьянамъ; по городамъ, и малымъ, почти вывелись; за славленье выпрашиваютъ и получаютъ подарки, яица, пироги, водку, иногда цѣлое угощенье. Гдѣ православіе сплошнѣе, на примѣръ въ Смоленской области, тамъ поются, какъ слѣдуетъ, народные *Стихи*, духовные: они, съ прочими подробностями, приведены въ 6-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ,“ 1864, стр. 36 и далѣе; по мѣрѣ, гдѣ сильнѣе латинство, Стихи эти исчезаютъ, а по близости къ Польшѣ, и въ ней самой, замѣняются „ораціями,“ рацеями, древняго или новаго книжнаго происхожденія, достояніемъ уже однихъ учениковъ, мальчиковъ, «жаковъ,» студентовъ. Но праздникъ сей совпадаетъ и съ началомъ весны, пашни, и съ началомъ древняго года (1-го Марта): отъ того, когда борьба вѣроисповѣдная стерла остатки творчества «духовнаго,» за ними все-таки уцѣлѣли *пѣсни*, хотя и съ духовными припѣвами, приведенными выше; пѣсни, очевидно, самаго древняго, дохристіанскаго происхожденія. Здѣсь поютъ „противъ новаго лѣта,“ „противъ году новаго,“ „противъ весны красныя,“ то есть поздравляютъ съ симъ началомъ; тогда же въ старь выдавалась плата старостѣ за пашню, за бороньбу (włocznia, włoczek, włocznik и т. д.). Величаютъ, съ соотвѣтственными пожеланіями, хозяевъ, холостаго, дѣвицу, всѣхъ членовъ семейства: на успѣхъ цѣлаго года, работъ, хозяйства, грядущаго замужества, женитьбы и прочаго. Дѣйствующія лица гурьбы: *починальникъ, начинальникъ, починальничекъ*, запѣвало; *пѣвцы*, ему отвѣчающіе, подхватывающіе, иногда одинъ лишь припѣвъ, *помагальники, подхватнички; музычинъ, музычина, скрипка*, когда есть музыка; *мѣхоноша, мѣхоношь (ній)*, съ огромнымъ мѣшкомъ, какъ у Перехожихъ Калѣкъ или древнихъ Скомороховъ, гдѣ подачки, куски сала, обглодки, иногда съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ, а на немъ также кусокъ или куски сала. Такъ какъ они бѣднѣе хозяевъ и ихъ „жалуютъ,“ выдаютъ „жалованье,“ то всѣхъ ихъ также именуютъ иногда „жалоўники.“ Вообще они соотвѣтствуютъ, въ другой порѣ года, Колядовщикамъ, на Рождествѣ. Ходятъ они день первый, два-три дня, иногда всю недѣлю (празднуемую нынѣ по городамъ, въ деревняхъ же изстари празднуются собственно лишь три дня). По мѣрѣ освобожденія отъ склада Стиховъ, пѣсни, исходящія изъ древности дохристіанской, теряютъ свой „духовный“ припѣвъ и вторятся словами «спѣвайте,» „лалымъ («леля, ладо»)“ и т. п., а по содержанію переходятъ не только въ шутливыя, но даже и въ скоморошьи, какъ у насъ приведенъ послѣдній №, сложенный весь подъ замѣтный складъ удалой музыки. Въ сихъ послѣднихъ случаяхъ дѣйствуетъ и *Освистый*, подсвистывающій, острякъ, шутникъ. Все это однако лица, Стихи и пѣсни *Волочобныя*, пока продолжаются въ «Великъ-день,» 1-й и первыхъ три дня, иногда пасхальную недѣлю; пока поютъ мужчины, гурьбою; пока есть извѣстный характеристическій припѣвъ.

Но уже и „Волочобныя“ пѣсни, воспѣвая начало года, весны и работъ, переходятъ въ прочія обычныя „Весеннія,“ а тѣ, кои поются дѣвушкамъ, о вѣнкѣ и потерѣ его, явно начинаютъ собою рядъ пѣсенъ „Троицкихъ,“ „Сейминковыхъ.“ Съ другой стороны, какъ у православныхъ праздникъ идетъ всю недѣлю, потомъ у всѣхъ изстари „поновляется“ по всѣмъ слѣдующимъ воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ до Егорья, Вознесенья и Троицы, вмѣстѣ съ катаньемъ яицъ и качелями, то Волочобниковъ, съ пѣснями близко подходящими, съ первыхъ же дней Святой недѣли, смѣняютъ уже *женщины, дома и въ полѣ,* гурьбой и *по одиночкѣ, безъ припѣвовъ.* Таковы, тѣсно связанныя, пѣсни:

в)

Вялиководныя.

(Вялико́дныя).

29.

А ў лѣся-лѣся, да на веряся,
Тамъ Игнатка да волы пасе,
Яму дѣвочка да обѣдъ нясе:
«Сядьмо, Игнатка, пообѣдаймо,
«Пообѣдаўши да поговоримъ.»
—Скажу тобѣ, дѣўка, дивноя диво:
—На святоё Роствó [1]) да рожа [2]) цвила.—
«Я сама тамъ была и рожу щипала,
«Я рожу щипала и вяночки звивала.
«Скажу жъ тобѣ диво дивнѣйшая:
«На святого Пятра а Дунай замёрзъ.»
—Я самъ тамъ быў, а коня поиў,
—И коня поиў, копытомъ лёдъ биў [3]).—

(№ 18).

30.

Іость у лóзи криниченька [4]) холодна,
А у козáка дяўчи́ница одна;
Іость у лѣси клёнъ дёрявый рóзно [5]),
Ходить козакъ до дяўчины позно:
«Дяўчиница, сухóтонька моя,
«Прошу тябе, не ходи ко мнѣ,
«Будеть слава на тябе и на мяне.»
—Я тыé славы не боюся,
—Якъ любила, такъ люблюся.—
«Дѣвонька сухотонька моя,
«Ци будешь ты по мнѣ тужить,
«Якъ я пойду у войско служить?»
—Мнѣ бачицца [6]), што я не плачу,
—За слезами свѣта я не бачу;
—Мнѣ бачицца, што я не тужуся,
—Отъ вѣтру я молодá валюся [7]).—

(№ 40).

---

[1]) Рождество.—[2]) Роза.—[3]) Эта древнѣйшая пѣсня, съ загадками и отгадками, встрѣчается часто и въ прочихъ Русскихъ пѣсняхъ.

[4]) Ключь, источникъ.—[5]) Развѣсистый.—[6]) Видится, кажется.—[7]) Такихъ пѣсенъ особенно много Малорусскихъ.

31

На двóряйка нахмурилося,
Кума съ кумомъ посварилася [1]):
Ци за яблычки сажоныя,
Ци за дѣтки хрещоныя?
Ни за яблычки сажоныя,
Ни за дѣточки хрещоныя....

(№ 17).

И другія. см. ниже, особенно „Весеннія."

Юрьевъ день Бѣлоруссы католики нынѣ совсѣмъ не празднуютъ, православные знаютъ и Осеннiй, но празднуютъ только Весеннiй, 23 Апрѣля. У сихъ послѣднихъ сохранились отчасти и Стихи объ Егорьѣ, таршіе и младшіе, съ примѣненіемъ къ веснѣ, началу лѣта: см. ихъ у насъ въ изданіи „Калѣки Перехожіе," вып. 2 и 3-й. Однако же тѣ и другіе крестьяне, въ пѣсняхъ „Весеннихъ," и дома, и при первыхъ работахъ въ полѣ, часто упоминаютъ имя Святаго: онъ здѣсь является по преимуществу начальникомъ весны, выпускающимъ ее на землю, вмѣстѣ съ росою, съ пастбищемъ для скота, и т. п. Въ сихъ пѣсняхъ, происхожденія дохристіанскаго, остался впрочемъ по мѣстамъ особый „духовный" *припѣвъ*, указывающій именно на „праздникъ." Празднующіе по нынѣ соблюли обрядъ—выгонять скотъ освященною вербою. Это торжество по преимуществу пастуховъ: они раскладываютъ въ полѣ огонь, варятъ любимыя кушанья, особенно яичницу съ саломъ, которую въ этотъ день всѣ ѣдятъ за обѣдомъ. Поютъ и они, и дѣвушки, въ полѣ и дома. Таковы, на примѣръ, пѣсни:

в)

На Юрья, Юрьявъ день.

(Юрьявъ день).

32.

А Юрьява мати.
Божа милы [2]),
По небя ходила,
Зъ Юрьямъ говорила:
«А Юрью мой, Юрью,
«Подай Пятру ключи [3]),
«Зямлю одомкнути,
«Траву выпустити.
«Статокъ [4]) накормити,
«Людямъ на здоровья,
«Лиху бязголовья [5]).»
А нашаму пану
На доброя слово.

(№ 18).

33.

А Юрьява мати,
Божа милы,
По небя ходила,
Дѣвочакъ будила:
«Уставайтя, дѣвочки,
«Голоўки чашитя,
«Богу ся молитя,
«Богу до дóлу,
«Марьи у колѣна.»

(Оттуда же).

Двѣ эти пѣсни поются и по другимъ днямъ: см. ниже.

---

[1]) Поссорилась.

[2]) Повторяется.—[3]) Такъ какъ онъ всегда съ ключами.—[4]) Скотину.—[5]) Лиху на бѣду: по воспоминаніе и о пораженіи Юрьемъ змѣя, дракона, чудища.

34

Юрья, Юрья,
Божа мой,
Подай ключи,
Зямлю одмыкать,
Бычка напасать!
На Юрьеву росу
Бычка напасу:
«Бычокъ тряттячокъ,
«Ци пóвенъ [1]) бочокъ?»
—Яще ня пóвенъ,
—Зъ лѣвымъ ня ровенъ.—

(№ 32).

35.

На горѣ новы дворъ,
Разыграуся Юрьявъ конь,
Разбиу камень копытомъ:
Якъ у камени ядра нѣтъ,
Такъ у дяучатъ прауды нѣтъ.
На горѣ новы дворъ,
Разыграуся Юрьявъ конь,
Разбиу горѣхъ копытомъ:
Якъ у горѣсѣ ядро ёсть,
Такъ у дятюкоу прауда ёсть [2]).

(Оттуда же).

36.

Юрьи, Юрьи,
Оба два дурни:
Одно холодное,
Другое голодное [3])!

(Оттуда же).

37.

У чистомъ поли стодóланька [4]),
А зялёны садъ, вяшнёвы,
У стодолыньцы корчоманька,
У корчоманьцѣ кроватунька,
На кровати слична паненка,
Слична паненка, панна Ганна,
У ее стоить три молойцы,
(Три молойцы) Уси три молодые:
Первый молодецъ панъ Симóнька,
Другой молодецъ панъ Халимонька [5]),
Третій молодецъ панъ Мильлянька [6]).
Симонька стоитъ проти ручакъ,
Халимонька стоитъ проти голоуки,
Мильлянька стоить проти пожакъ.
Симонька стоитъ зъ зяляны́мъ виномъ,
Халимонька стоитъ съ пшоннымъ пирогомъ,
Мильлянька стоитъ зъ горкой горѣлкой.
Симонька кажеть: «Ганýлька,
«Скушай мойго зеленá вина.»
Халимонька кажеть: «Скушай мойго пшоннаго пирога.»

---

[1]) Полонъ: наѣлся новой травы.—[2]) Ср. выше пѣсню съ загадками молодца и дѣвицы.
[3]) Весенній и Осенній.—[4]) Житница и овинъ безъ печки.—[5]) Филимонъ.—[6]) Емельянъ.

Мильлянька кажеть: «Скушай
моей горкой горѣлки.»
Ина́ кажеть:—Отъ усихъ пити,
пьяной быти:
—Усихъ любити, не живей быти;
—Пить ня пить зелена вина,
—Любить ня любить—молодого
Симоньки!—

(№ 40).

И подобныя. См. ниже Масляничныя, Весеннія и при полевыхъ работахъ.

Тройцынъ день (и Духовъ) празднуется у Бѣлоруссовъ православныхъ три или четыре дня; у католиковъ то будетъ слѣдующее Воскресенье послѣ православнаго (то, что у православныхъ Всесвятское) и празднуется два дни. Славянскій дохристіанскій праздникъ, совершавшійся около сего времени (а нынѣ у насъ въ четвергъ предъ Воскресеньемъ) былъ, какъ извѣстно, *Сеймикъ* или *Семикъ*: собственно *первый* Весенній праздникъ, первый „сборъ,“ сходка на игрище, выходъ въ поле и лѣсъ, заламанье—завиванье деревьевъ, свиванье вѣнковъ, загадки ими, „кумованье“ съ излюбленными кумами, а въ „сборахъ“ или сходкахъ первый весною торгъ или ярмарка, первая общинная бесѣда, обсужденіе дѣлъ хозяйственныхъ, о скотоводствѣ и земледѣліи. Всѣ сіи особенности раздѣлились, послѣ язычества, по праздникамъ Христіанскимъ, къ коимъ примѣнены черты дохристіанскія: къ Великому дню, къ Егорью, къ Миколѣ, но всего болѣе къ Троицѣ, по ближайшему совпаденію времени, такъ, что Русская пѣсня соединяетъ вмѣстѣ—„Іо, Семикъ-Троица.“ Христіанское, духовное значеніе какъ Святыхъ, такъ и Праздниковъ, принадлежащихъ веснѣ, развито и поддерживалось въ народѣ, особенно православномъ, Стихами, духовными: но гдѣ, какъ на Руси Бѣлой, Стихи сіи исчезли или едва держатся, тамъ они, за своимъ отсутствіемъ, оставили мѣсто во первыхъ *обряду*, во вторыхъ мірской *пѣснѣ*. Обрядъ церковный, какъ онъ ни великолѣпенъ у католиковъ при Троицкихъ празднествахъ, не имѣетъ отношенія къ *творчеству народному*; въ *народномъ* смыслѣ уцѣлѣло остаткомъ лишь нѣсколько обрядовъ отъ времени дохристіанскаго: таковъ видѣли мы выше обрядъ *Волочобный*, Великодный, или Юрьевскій *выгонъ скота*. Къ Троицыну дню, отъ Сеймика, перешли: украшеніе домовъ, дорожекъ, улицъ, роговъ скотины зеленью разнаго рода, откуда и самое названіе праздника „Зялёныя святки,“ „Zielone swiątki;“ подъ Троицу, ночью первый выѣздъ въ поле „ночлежниковъ,“ съ лошадьми „на ночное“, при чемъ разводятъ огнище (какъ въ Купалу), дѣлаютъ яишницу, пируютъ и пляшутъ (въ другихъ мѣстахъ, хотя рѣже, то же самое совершается въ день „Миколы“); такой же сборъ молодежи на лугъ изо всей деревни ночью подъ Духовъ день, съ праздникомъ для пастуховъ и пастухъ (пастушекъ), подобно Егорьевскому; въ день Всѣхъ Святыхъ,—въ католическую Троицу,—выходъ послѣ обѣдни въ поле, обѣдъ тамъ и пиръ, осмотръ посѣвовъ, обсужденіе предстоящихъ работъ къ жатвѣ. Древніе „Четверги,“ слѣдовавшіе послѣ первой весны, потеряны въ народныхъ обрядахъ, такъ что не празднуется въ четвергъ и Сеймикъ: у католиковъ и бывшихъ уніатовъ они обращены въ празднованія церковныя, какъ-то „Тѣла,“ Вовсоединенія („дявятникъ,“ девятый); а у православныхъ „пятницы,“ считаемыя уже отъ Святой, наблюдаются также (особенно девятая, „дявятникъ,“ и Ильинская) безъ Стиховъ и обрядовъ, съ прекращеніемъ лишь трудныхъ работъ въ полѣ и пряжи дома (отрывки примыкающихъ сюда Бѣлорусскихъ Стиховъ см. въ 6-мъ выпускѣ „Калѣкъ Перехожихъ“).—Во вторыхъ, кромѣ обрядовъ и гораздо болѣе ихъ, на всѣ означенные весенніе праздники остались *пѣсни*, смѣнившія собою Стихи, а потому устранившія содержаніе „духовное,“ христіанскаго времени, напротивъ сохранившія древность дохристіанскую или къ ней воспрянувшія. Отъ Святцевъ и Святыхъ, Велика-дня, Юрья, какъ мы видѣли, Миколы и Петра, какъ сейчасъ увидимъ, остались въ пѣсняхъ лишь *имена*, и то въ примѣненіи древнѣйшемъ, къ срокамъ и покровителямъ жизни древняго Славянскаго язычества, къ явленіямъ и существамъ совсѣмъ не тѣмъ, кои послужили содержаніемъ или предметовъ Стиховъ; а „Тройцына“ и „Духова“ нѣтъ даже здѣсь и имени. Христіанскій церковный обрядъ подавно не имѣетъ здѣсь отзыва: за исключеніемъ приведеннаго обряда Волочобнаго. Бѣлорусская пѣсня весьма мало соображается и съ древнѣйшимъ обрядомъ народнымъ, съ выгономъ скота, пастушествомъ, ночлежниками, игрищами. Это всего виднѣе на пѣсняхъ Троицкихъ или Сеймиковыхъ: Сеймикъ вовсе не отправляется на Бѣлой Руси съ извѣстными для Великоруссовъ обрядами, не со-

вершается завивки и развивки, нѣтъ вѣнковъ, нѣтъ кумованья; все это лишь *упоминается* въ пѣсни, *называется*, какъ слѣдъ былой старины, но при пѣснѣ *не продѣлывается* въ жизни и въ явѣ. Иначе, пѣсня совершенно отъ сего высвободилась, и даже, называя старину утраченную, не сожалѣетъ объ ея утратѣ: это *голая* пѣсня. Потому сіи пѣсни разрѣшились въ общія *Весеннія*, и мы тамъ ихъ съ подробностію увидимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ поются *о Троицыномъ днѣ*, но не примѣняются къ его частностямъ; другія, и гораздо больше, поются *всей весною*, даже лѣтомъ, хотя и упоминаются въ нихъ вѣнки, загадки, кумованья.—Всё это по преимуществу поглощено *Купалою*.

Единственное исключеніе, примѣненное *именно* къ Троицѣ или Сёмику, сопровождаемое потому извѣстнымъ *обрядомъ*, представляетъ Пиньщина, тамъ, гдѣ Бѣлорусскія особенности смѣшиваются уже съ Малорусскими. Это обрядъ *Куста*. На другой день „Залёныхъ святокъ" убираютъ дѣвушку зелеными вѣтвями и листьями, отъ вѣнка на головѣ до ногъ, такъ что она имѣетъ видъ и получаетъ имя „Куста." Она впереди, за ней парами женщины, старшія дѣвицы, младшія и наконецъ дѣвочки. Толпа въ семъ порядкѣ обходитъ дома съ пѣснями, собираетъ подачки, сноситъ ихъ въ одинъ домъ для угощенья, тамъ ѣдятъ и пьютъ, пляшутъ и играютъ, иногда цѣлую ночь до свѣта. Вотъ наиболѣе примѣненныя къ обряду пѣсни сего рода:

г)

Кустовыя.

38.

Да черезъ село Богдановскее
Шло войско [1]) все жъ дѣвоцькое.
Да Каменьчане [2]) не здивилися,
Що въ Богдановцѣ порядилися [3]).
«Богъ вамъ давъ, Богдановочки,
«Що у васъ Кусты всё клёновые,
«А вѣночки все жъ перловые;
«А у насъ Кусты все лозовые,
«А вѣночки все жъ берёзовые.»

(№ 35).

39.

Да не сѣчите да зелёного гаю [4]),
Да не робите [5]) да чистенького поля:
Въ чистомъ поли да рута и васильки,
А въ Богдановцѣ дѣвки чарнобривки;
Да руту-васильки въ вѣночку завяну,
Зъ чарнобривкою свой вѣкъ скоротаю.

(Оттуда же).

[1]) Толпа представляется войскомъ, съ знаменами, какъ у Сербовъ — см. ниже. — [2]) Изъ Камня, по сосѣдству съ Богдановкою, имѣньемъ кн. Друцкихъ-Любецкихъ. — [3]) Не могли надивиться, какъ разрядились Богдановскія.

[4]) Слѣдъ заламыванья лѣсу и свиванья вѣнковъ. — [5]) Не дѣлайте.

40

Дѣвушкѣ:

Да коло Куста сочевиченька [1]) густа,
А коло дуба диброва зелёна,
Да по той дубровѣ да Огапка ходила.
На ей сукня въ друбненькіе хваўды [2]),
Да любили ее не нарокомъ, по правды;
На ей сукня въ дорогіе посаманы [3]),
Да любили ее да богатые паны.

(Оттуда же).

41.

Паничу:

Да коло Куста сочевиченька густа;
Кто жъ тую сочевиченьку порве,
Той соби красную панну возьме.
Нашь Семенко сочевиченьку порве,
Онъ соби красную панну возьме.

(Оттуда же).

42.

Ой пойду я, гдѣ мнѣ весёленько,
Що лито—зима [4]) дерево зелёненько:
Мого батюхна подворце [5]) весёленько;
Пойду я, гдѣ мнѣ не весёло,
Що лито—зима дерево не зелёно:
Мого свекратка подворце не весёло.

(Оттуда же).

43.

Входя въ послѣднюю хату на пиръ:

Отъ тутъ Кусту да пити-ѣсти дати,
Отъ тутъ Кусту да на станцевъ стати!

(Оттуда же).

---

[1]) Чечевица, горошекъ. — [2]) Маленькими фалдами, сборками. — [3]) Позументы; басаны.
[4]) Каждыя зиму и лѣто. — [5]) Подворьице.

По времени сего обряда, составу толпы и пѣснямъ, это совершенно то же, что у Сербовъ *Кралицы*; по убранству Куста еще ближе сербскія *Додолы*, хотя онѣ ходятъ уже не о Троицынъ днѣ, а всѣмъ лѣтомъ, вымаливая дождь.

Другія пѣсни, изъ разряда Кустовыхъ, увидимъ ниже, какъ общія Весеннія.

Того же рода, изъ общихъ Весеннихъ, приведемъ въ примѣръ Бѣлорусскую пѣсню—

д)

На Святого Миколу.

44.

Што то за молойцы—войны бояться?
Я, сличная панна, войны ня боюся;
Семь миль боромъ иду и коня ў рукахъ вяду,
И ягодоньки [1]) бяру, да ня вѣдаю кому:
Іость у мяне свякорка, да ня родны татулька,
Ягодки любить и мяне ня жалуеть,
И ягодки примае, и мяне проклинае.

(№ 16).

Другія подобныя см. ниже.

Петровъ день **(„Пятроў день", „Пѣтра") также точно празднуется въ церковномъ отношеніи и у православныхъ, и у католиковъ очень оживленно, и съ ярмонками при храмовыхъ праздникахъ, и съ качелями, игрищами; но народныя пѣсни, хотя и отдаютъ Петру, какъ Егорью, ключи отъ весны (см. выше), однако собственно знаютъ только „Петровки", и то по нестерпимымъ жарамъ, изнуряющимъ рабочихъ, на примѣръ:**

е)

На Пятровку

(на Пятроўку),

Пятровочка, Пятровица,

45.

У горо́дѣ гордо́вица [2]):
Тяжка хлопцамъ Пятровица;

---

[1]) Землянику.

[2]) *Горда, орда. гордовица, гордовочка, радовочка*: гибкое, тростниковое растеніе, которое идетъ на чубуки, Mehlbaum, Faulbaum; калина

Лёхко дѣўкамъ горду рвать:
Тяжко хлопцамъ Пятра ждать.
Ой лихо лихо́я!
Погонитя собаки у по́ля:
Яны жъ донимали [1]), што суч-
ка рябая,
Ажно ихъ паненка молодая [2])!

(№ 8).

46.

Да ў горо́дя радо́вочка:
Тяжка робяткамъ Пятровочка;
Пошли дѣвочки орды йрвать:
Тяжко робяткамъ Пятра ждать;
Дѣвочки орды нарвали:
Хлопчики Пятра прождали.

(№ 18).

Другія пѣсни Петровокъ относятся или къ простымъ „Лѣтнимъ (гдѣ и см. ихъ),“ или же переходятъ въ „Купальскія.“

*

Какъ Весеннія пѣсни сосредоточиваются около нѣсколькихъ обрядовъ и именъ, выше означенныхъ, такъ *Купала* сосредоточиваетъ при себѣ всѣ торжества, обряды и пѣсни *Лѣтнія*. Правда, и тутъ поются иныя, встрѣчаемыя раньше и позже, въ Весеннихъ и Лѣтнихъ, а на оборотъ черты, относящіяся къ Купалѣ, разсыпаны по нѣкоторымъ пѣснямъ иного разряда: но все-таки Купала имѣетъ *свои* обряды, *свои* характерныя торжества и игры, а вмѣстѣ *свой собственный*, преимущественный кругъ пѣсень.

Здѣсь собрано все, что̀ только есть для Бѣлорусскихъ крестьянъ самаго праздничнаго, таинственнаго, увлекательнаго, ликующаго и игриваго въ теченіе цѣлаго лѣта, которое остальную пору отдано нераздѣльно безвыходнымъ тяжкимъ работамъ подъ палящимъ среди песковъ и болотъ солнцемъ.

Правда, бѣдность или дикость природы, въ мѣстѣ жительства Бѣлой Руси, лишаютъ торжество это тѣхъ восхитительныхъ красокъ, коими богата Польша, Русь Червонная, въ Татрахъ, и особенно Русь Малая, при ея раскошной растительности, и дивныхъ ночахъ, и благорастворении воздуха: но за то при суровости, дикости или бѣдности, Бѣлая Русь сохранила и въ обрядѣ торжества, и въ пѣсняхъ, его сопровождающихъ, отголоски самой сѣдой древности, какъ нигдѣ у Славянъ. Этимъ болѣе всего она можетъ гордиться и славиться передъ прочими своими соплеменниками: *только* у Бѣлой Руси древняя *Купала* находитъ свое подлинное разъясненіе; ему посвящена *особая статья*, которую читатели найдутъ въ концѣ сего изданія, съ большими подробностями.

Здѣсь же предлагаются, по степени важности, исторической древности, значенія и употребленія—

---

[1]) Полагали, думали. — [2]) Эта черта ужаса жаровъ и бѣшенства собакъ, равно какъ образъ разорваннаго ими существа, принятаго за чужое, — отдаленнѣйшей древности и восходитъ прямо къ Греческимъ, извѣстнымъ элегическимъ пѣснопѣніямъ и преданіямъ.

ж)

Купала, Купальничекъ, Купальнички, пѣсни Купальскія, Купальныя, Купальхы.

47.

Почитаніе древней Купалы въ особомъ святилищѣ; столбъ ея и огнище; мольбы къ ней отъ молодыхъ людей; разочарованіе поклонниковъ, а вмѣстѣ гнѣвъ богини.

Сярёдъ сяла Воўчковскаго,
То то [1])!
Туту стояла лазня [2]) дубовая:
Ту, ту, ту [3])!
А ходили дѣтюшки [4]) богу помолиться,
Стоўбъ обнимали, печь цаловали,
Перядъ Сопухой [5]) крыжомъ ляжали [6]).
Яны думали: Прячистая,
Аножъ [7]) Сопуха—Нячистая!

(№ 9).

48.

Изображеніе Купалы, какъ представлялась она въ древности и какова нынѣ: покровительница ночнаго, веселаго праздника, съ музыкою, играми, пѣснями молодокъ, гульбой дѣвушекъ.

Да сядить Купала на плотя [8]),
У яе голоўка ўся ў злотя.
Да просить у Бога погоды:
«И дай жа, Боже, погоды
«Да на ту ночку вясёлу!
«Да будуть музыки играти,
«Да будуть молодки спявати,
«Да будуть дѣвочки гуляти.»

(Оттуда же).

49.

Пребываніе Купалы зимою въ пуховикахъ; появленіе лѣтомъ въ зелени, среди травъ и вѣтвей. Разговоръ ея съ поклонниками.

Купало, Купало [9]),
Гдѣ жъ ты зиму зимовало,
Гдѣ жъ ты лито лѣтовало?
«Зимовало у пирейку [10]),
«А литовало у зилейку [11]).»

(№ 35).

---

[1]) Припѣвъ съ пристукиваньемъ и топотомъ.— [2]) Купальна, холодная или горячая, баня; собственно — входъ, сѣни съ навѣсомъ, открытая часовня или каплица, куда „лазять,“ вступаютъ. — [3]) Припѣвъ со стукомъ, послѣ каждаго слѣдующаго стиха. — [4]) Дѣтинки, молодые парни.—[5]) Имя Купалы (см. особую статью): которая сопитъ и ворчитъ; насупленная, по польски twarz sapowata, gniewliwa, opryskliwa; *сапы*—ворчанье, расходившійся гнѣвъ, Schnauben, Toben, Brausen vor Zorn.—[6]) Лежали крестомъ, обычный западный и западно-русскій способъ молиться, униженно простираясь по землѣ. — [7]) Анъ.

[8]) На тынѣ, частоколѣ, заборѣ, оградѣ; въ заповѣдномъ, недоступномъ, огороженномъ мѣстѣ.

[9]) Звательный падежъ, съ коимъ согласованъ ниже и средній родъ, какъ это обычно у Славянъ, особенно Сербовъ; рядомъ, въ пѣсняхъ, тамъ же записанныхъ, именительный падежъ „Купала.“ — [10]) Въ перинахъ: скрывалась, спала. — [11]) Въ зельѣ, зелени.

50.

Купала разъѣзжаетъ по селамъ. Прiѣздъ ея, прiемъ со стороны дѣвушекъ, угощенiе виномъ, пивомъ и сыромъ. Образъ дѣвушки, жертвующей ради Купалы всѣмъ, самымъ дорогимъ: размыкается золотой замокъ или вѣнецъ, отдергиваются покровы.

Прыѣхала Купáльночка у село,
Да пытаетьце [1]) объ тыхъ ворóтейкахъ:
«Чему то золотымъ замкомъ замкнёны
«Да китайкою завѣшóны?»
Одказала [2]) ёй Марыська красная:
—Я то для Купальночки прыбрала;
—Золотый замочокъ одчиню [3]),
—Дорогую китайку одхилю [4]),
—Да тебе, Купáльночка, ўпущу,
—Зелёнымъ виномъ и прыйму,
—Пшеничнымъ пивомъ упою,
—А бѣлымъ сыромъ накормлю.—

(№ 36).

51.

Разговоръ Купалы съ Иваномъ или Яномъ. Купала—покровительница дѣвушекъ, но вьетъ имъ вѣнки, изъ саду Ивана, чтобы шли за мужъ.

«Дѣ жъ ты была, Купáлочка?»
—У твоимъ садкý, Ивáничка:
—Крáсочки [5]) рвáла, Иваничка.—
«На што тобѣ красочки, Купалочка?»
—Вянки вити, Иваничка,
—Вяжиськимъ [6]) дѣўкамъ, Иваничка:
—Яны зá мужь пóйдуть, Иваничка.—

(№ 40).

52.

Иванъ—болванъ, истуканъ, божокъ. Онъ готовитъ челнъ и весла ѣхать за вдовою: легко она дается, да тяжело съ ней жить; ѣхать ему за дѣвушкою: тяжело достать ее, легко и прiятно жить.

Иванъ балванъ
Човянъ чеша [7]),
Вясло́ стружа [8]),
Тольки узсѣсти,
Да поѣхати,
Да за гóрочку
По удóвочку:
Лёхко брати,
Да тяжко жити.
Да Иванъ балванъ
Човянъ чеша,
Вясло стружа,

---

[1]) Спрашиваетъ. — [2]) Отвѣчала. — [3]) Отомкну. — [4]) Распахну. — Ср. эти образы ниже
[5]) Цвѣточки. — [6]) Мѣстность, гдѣ поютъ.
[7]) Вытесываетъ челнъ. — [8]) Строгаетъ.

Тольки узсѣсти
Да поѣхати,
Да за рѣчачку,
А по дѣвочку:
Тяжко брати,
Да лёхко жити.

(№ 18).

53.

Купала накавунѣ Ивана.—У Ивана готовы кони, ѣхать за вдовою, за горою: ѣо вдовою,—кони ржуть, дѣти плачуть, ѣсть хотять; поѣхать по дѣвушку, за рѣченьку. — съ дѣвушкой игры, музыка.

Купала на Ивана [1])!

А ў Ивана на ворóтинкахъ
Стоять кони вороные,
Вороные, сѣдланые,
Только усѣсти да поѣхати,
За гóроньку, по ўдóвоньку:
Удовў вязуть,—кони иржуть,
Кони иржуть, дѣти плачуть,
Дѣти плачуть, ѣсти хочуть.

Купала на Ивана!

А ў Ивана на воротинкахъ
Стоять кони вороные,
Вороные, сѣдланые,
Только усѣсти да поѣхати,
За рѣчаньку да по дѣвоньку:
Дѣўку вязуть, гусли йграють.

(№ 16).

54.

Яночка-Иванючка служитель царскаго двора, выслужилъ тамъ одежду до земли, сѣдлаетъ коня при огнѣ, ѣдетъ ночью къ дѣвушкѣ: она не спитъ, шьетъ, жалостно плачетъ. Какъ свой, является Яночка похитить ее.

У бóру при двóру [2])
Служиў Яночка при крóлю,
Выслужиў сўкеньки до дóлу,
Сядлаў коника при свячй,
Ѣздиў до дѣвочки у ночй,
Застаў дѣўку не сплючй,
Тонку кошулю [3]) шіючй,
Сильненько-жалосно плачучй:
«Не плачь, Ганулька, не тужи,
«Я твой Яночка, не чужій!»

(№ 8).

55.

Яночка, какъ и дѣвушка въ предыдущей пѣсни, шьетъ надъ рѣкою обувь и плачетъ, завидуя долѣ того, кто можетъ жениться.

Ой надъ рякою, на Кракá-
вицы,
Ту ту ту [4])!
Шія Яночка ногавицы [5]),

---

[1]) Припѣвъ празднующихъ. Праздникъ Купалы на канунѣ, подъ праздникъ Ивана.

[2]) Пѣсня явнаго и разительнаго музыкальнаго склада, подъ мелодію извѣстнаго музыкальнаго орудія. – [3]) Сорочку.

[4]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха, со стукомъ и боемъ.– [5]) Ножную обувь; кожаную; сапоги.

Шія ниткою, трясе ниткою [1]),
Шія вбросомъ [2]), плача голосомъ:
«Богъ тому дая, хто жану мая [3]),
«Богъ тому дая, хто дѣтки мая,
«Іонъ и-зъ жаною якъ и-зъ зарёю,
«Іонъ и-зъ дѣтками якъ зъ квѣтками [4])!»
Ту ту ту!

(№ 9).

56.

Похороны Янка-Ивана, везутъ среди дыму (отъ костра Купальнаго), голова его на мечѣ, сановники въ проводахъ, Мать плачетъ и причитаетъ. Содержаніе Плача по Янѣ: сложилъ онъ голову за дѣвушку.

Ой дымно за дворомъ,
Ѣдуть бояре ўсѣ рядомъ,
Вязуть Янку на конику,—
Да яго голоўка на мячи,
Да за имъ Маточка плачучи:
«Ой, сынокъ Янка,
«За кого голоўку положиў?
«Чи за пана-ойца старого,
«Чи за Матку родную,
«Чи за братійка молодого,
«Чи за сястрицу малую?»

Да ни за пана-ойца старого,
Да ни за Маточку родную,
Да ни за братійка молодого,
Да ни за сястрицу малую:
Положиў голоўку за дѣўку,
За яе тихіе походы [5]),
За яе низкіе поклоны.

(Оттуда же).

57.

Изображеніе Купалы и Ивана, какъ демоновъ, Вѣдьмы и Бѣса, въ ссорѣ и дракѣ между собою.

Теперь Купала, завтра Иванъ!

Кидавъ Бисъ Видьму черезъ парканъ [6]):
Купальное ночи [7])
Выдравъ Бисъ Вѣдьмѣ очи.

(№ 35).

58.

Иступленіе Яночки-Иванички, на дѣвушекъ. Лѣзетъ на дубъ, на березу, на ель.

То то [8])!
Хто у насъ на дѣўки ласъ [9])?
То то!
Да у насъ Яночка на дѣўки ласъ:

---

[1]) Очевидно другое, созвучное имя.— [2]) Веревкою варовою, осмоленною варомъ.— [3]) Имѣетъ.
[4]) Ср. въ особой статьѣ классическіе образы и преданія о Гомсипѣ.
[5]) Поступь, выступы.
[6]) Загородка у парка, огорода: то же, что выше „плотъ.“ — 7) Т. е. во время ночи.
[8]) Ср. выше, припѣвъ со стукомъ, ударами. — [9]) Лакомъ, алченъ.

То то!
Да пошоў у лѣсъ,—на кобылу ўзлѣзъ;
То то!
Да пошоў къ дубу: «Да яще буду [1])!»
То то!
Да пошоў къ бярёзѣ,—яще не годѣ [2]);
То то!
Да пошоў къ ели,—да ўжо додѣли [3])!

(№ 17).

59.

Бѣшенство собакъ въ жаркое время. Соотвѣтственное изступленіе женщинъ. Одну изъ нихъ хватаютъ и разрываютъ „на мясо.“ Дѣвушка достается молодцамъ.

Сягоня [4]) Купала, заўтра Янъ!
Будя, дятюки, ли́хо [5]) вамъ:
Якоя лихо? Лихо́я:
Погонитя сучки у по́ля!
Которая ня йде́, декъ вяде́ [6]),
Которая бяжить, дяржи́ть [7]).
Одна сучечка подла́са [8]):
То для дятюшкоў на мясо!

(№ 6).

Ср. выше подъ № 45 такую же пѣсню въ Петровскіе жары, о погибели дѣвушки, принятой за бѣшеную собаку.

60.

Гибель служительницъ Купалы, Русалокъ: лѣзутъ на дубъ, грызутъ кору, падаютъ и гибнутъ.

Руса́лочки, земля́ночки [9]),
На дубъ лѣзли, кору́ грызли:
Звалилися, забилися.

(№ 46).

61.

Дѣвушки въ изступленіи, подъ наитіемъ Бѣса—Ивана: пьютъ смолу (горящую). За молодцами перевѣсъ.

Ишли дѣвчатка межею,
Да пили смолу дежею [10]):
Ишли хлопчики границею,
Да пили медъ шкляницею.
Ишли хлопчики боромъ,
Да говорили зъ Богомъ:
Ишли дѣвчатка лѣсомъ [11]),
Да говорили зъ Бисомъ.

(№ 35).

---

[1]) Все еще мало съ него. — [2]) Еще не будетъ, не довольно. — [3]) Надоѣло, буде́тъ: тутъ ему и конецъ.

[4]) Сегодня. — [5]) Плохо, трудно.—[6]) Такъ ее ведутъ. — [7]) Повелительн. 2-го лица множ., какъ у Малой Руси. — [8]) Лакома, алчна.

[9]) Дворяночки, служаночки.

[10]) Квашнею. — [11]) Читай „лисомъ.“

62.

Изступленная, вакханствующая въ праздникъ дѣвушка.

Ой то, наша дѣвочка ма́ла,
Яна свинью ссала [1]):
То то!
«Свинья лыса [2]), одмянися [3]),
То то!
«Ко мнѣ брюхомъ,
То то!
«Къ зямли ухомъ,
То то!
«Къ зямли очима,
То то!
«Ко мнѣ плячима [4])!»
То то!

(№ 17).

63.

Каковы женщины въ Купалу и въ связанные лѣтніе праздники.

А на Яна
Баба пьяна;
На Бориса
Баба лыса [5]);
А на Юрья
Баба ду́рна [6])!

Поютъ мальчики въ самый день Яна.

(№ 43).

64.

Дѣвушка—соперница женщины (бабы): сравниваетъ себя съ нею. Милый идетъ съ женщиной (ср. выше выборъ между вдовой и дѣвушкой). Дѣвушка „перекрываетъ мѣсяцъ," чтобы не свѣтилъ никому, кромѣ милаго (когда онъ пойдетъ къ ней, похитить ее; ср. выше похищеніе ночью, при огнѣ).

Ясенъ мѣсяцъ перякро́ю:
Ни святи́ никому,
Только святи миленькому!

Якъ будя исти [7]) зъ чужою жаною:
Што чужая жонка вельмя красна,
А моя доля нещастна;
Чужая жонка вельмя удала́я,
А моя доля благая [8])!

Пойду я зъ ту́ги [9])
У тёмные лу́ги [10]),
У зялёнаю дубровочку;
Я волики пасу,
Лящину [11]) трясу,
На дорожку позираю:
Мой милы иде
И другую вяде,
Да за бѣлаю ручку.
Боже мой, Боже,
Чи я не такая,

[1]) Доила.—[2]) См. въ особой статьѣ значеніе этого.—[3]) Перевернися, какъ оборотень.—[4]) Плечами.

[5]) См. въ особой статьѣ; то же, что вѣдьма, а эта по образу демонической Купалы. — На канунѣ Бориса и Глѣба, ровно черезъ мѣсяцъ, 24-го Іюля.—[6]) Шальная.

[7]) Итти.—[8]) Плохая, злая.—[9]) Съ горя.—[10]) Лѣса.—[11]) Орѣшину.

Якъ тая другая!
Коли моя доля злая,
Моё тѣло якъ паперъ [1]) бѣло.
Коли моя доля злая,
Коли не удалая,
Моé ручки якъ папéрачки.
Коли доля злая,
Коли не удалая!

(№ 17).

65.

Отношенія дѣвушки къ женщинѣ, какъ Дочери къ Матери. Мать—Купала, дѣвушка—дочь Купалы. Дѣвушка гуляетъ въ саду, рветъ цвѣты, плететъ вѣнокъ.—Купала—въ ночь праздника.

«Купаленька, тёмная ночка,
«Игдѣ твоя дочка?»
—Моя дочка у горóдѣ [2]):
—Рожу [3]) рветь,
—Вѣночки вьеть.—

Ср. выше, гдѣ это разговоръ Ивана съ Купалой.

(№ 27).

66.

Дѣвушка послана въ поле, работать подъ палящимъ солнцемъ. Предвидя, что покинетъ родительскій домъ, она откидываетъ куколь для родителей, чтобъ имъ остался, а отборную пшеницу готовитъ унести съ собою.

Ой, кругомъ сонца играя,
А сярядъ поля яно стало:
Тамъ дѣвочка пшаницу пóля [4]),
Ой, поля, поля, перябирая;
Куколь-мятлицу [5]) вонъ выкидая:
«Да куколь-мятлица, останися батьку,
«А перяборъ-пшаница йди за мною!»

(№ 17).

67.

Дѣвушка, дочь Купалъ-ночки, въ саду, рветъ цвѣтки, вьетъ вѣнки, даритъ дѣвушкамъ; но самой ей вѣнка не стало: ей предстоитъ чепецъ, она будетъ увезена, къ мужу. Первый образъ потери дѣвства.

Ту ту ту!
«Купáлъ-ночкá,
Ту ту ту!
«Гдѣ твоя дочкá?»
Ту ту ту!
—У горóдѣ крáсочки [6]) рве,
Ту ту ту!
—Крáсочки рве, вяночки вье,
Ту ту ту!
—Дѣвочкамъ дае,
Ту ту ту!
—Сяéй-тоéй [7]) по вяночку.—
Ту ту ту!

---

[1]) Бумага: см. особую статью.
[2]) За плотомъ (ср. выше), въ заградѣ, въ саду.—[3]) Розу, ружу.
[4]) Пблетъ.—[5]) То, что потомъ отметается, обсѣвки, плевелы.
[6]) Цвѣтки.—[7]) Той-другой.

Нашай Ганульца [1])
Не стало вянца:
Іой треба чапца!
Ту ту ту!

(№ 9).

68.

Сравненіе самой дѣвушки съ цвѣткомъ Василькомъ: ему также опасно за селомъ, тамъ молодцы срѣжутъ его и стопчутъ.

Василь-василёчикъ,
Не сялися близко сяла Воўчковскаго:
Ой, тамъ дятищи пярослѣйши [2]),
Ту ту ту!
Стопчуть тябе лаптищами,
Ту ту ту!
Собьють тябе андарачищами [3])!
Ту ту ту!

(Оттуда же).

Въ такомъ же положеніи представляется, въ Малорусской пѣсни, верба: Купальское дерево горитъ верхушкою, сохнутъ листья его, а внизу ждетъ вода, погруженіе въ воду. Опасно здѣсь стоять вербѣ: ее подмываетъ Дунай, готовъ унести; такъ, ср. ниже, сохнетъ дѣвушка, ее подмываетъ и похищаетъ Дунай. Ей безопаснѣе въ зелени, когда она въ цвѣтахъ и вѣнкѣ ея дѣвства (ср. ниже пѣсню объ Ивушкѣ):

Ой, не стій, вербо, надъ водою,
Та не пускай зилья (зелья, вѣтви) по Дунаю:
Ой, Дунай-море разливае,
И день, и ничь прибувае,
Въ верби корень пидмывае,
А сверху вершокъ усыхае,
Коло верби листья опадае!
Стань соби, вербо, на рыночку,
У крищатому (расписанномъ) барвиночку,
У запашнимъ (пахучемъ) васильку.

(№ 49; Харьк. губ.).

69.

Мать представляется злою—какъ свекровь: задаетъ тяжелые уроки, платье мыть, золить, на морѣ полоскать, на лѣсѣ сушить, *по небу качать, въ ульяхъ прятать*. Бѣдная предвидитъ трудность сего и бѣды.

Ой, то то!
Была у мяне свякроў лихая,
То то!
Загадала мнѣ семь дѣлъ робить,
То то!
Платья помочить,
То то!
А ў нядѣлю злукцить [4]),
То то!
На мори бялить,
То то!
По верхъ лѣсу сушить,

---

1) Аннушкѣ.
2) Взрослые, болѣе взрослые и высокіе.—3) Ханджарами, кинжалами.
4) Золить; зола, то, что остается послѣ лугу, „зъ лугу," Ausgelaugte Asche.

То то!
По небѣ качать,
То то!
У бортяхъ [1]) ховати [2]).
То то!
Чи я Жидоўка — у суботу [3]) мочить?
То то!
Чи я Татарка — у нядѣлю [4]) злукцить?
То то!
Чи я лябёдка—на мори бялить?
То то!
Чи я збрячка—по небѣ качать?
То то!
Чи я пщолка—по бортяхъ ховать [5])?
То то!

(№ 17).

Ср. въ нашихъ Стихахъ великій грѣхъ и запрещеніе мыть—волить—полоскать въ праздникъ, особенно въ пятницу на субботу („Калѣки Перехожіе," вып. 5, 6, 7, 8).

70.

То же. Загадки или задачи трудныя, но неизбѣжныя, и свекровь на оборотъ является какъ Мать, добрая, любая.

Ой, моя добрая свякроўка, любая,
Загадала мнѣ три дѣлы робить:
У суботу плáтяйко мочить,
У нядѣлю на мори бялить,
5 Верхъ лѣсу сушить,
По нéбя качать
И у бóртачки складать.
Ци я Жидоўка — у суботу мочить?
Ци я Татарка—у нядѣлю злукцить?
10 Ци я вýточка—по мóри бялить [6])?
Ци я пчóлочка—верхъ лѣсу сушить?
Ци я сóўняйко—по небя качать,
Ци я пчолочка—у бóртяйко складать?

(№ 18).

71.

Разные пути или образы гибели дѣвушки, дочери Купалы. Путь второй. Теряетъ дѣвство, родитъ дитя, топитъ въ Дунаѣ, по винѣ отца, старосты, по скупости выдать за мужь въ молодыхъ лѣтахъ, по соблазну отъ него,—посылалъ часто дочь за виномъ.

Ой, судять, судять, говорять:
Войтовна [7]) сына повила,
Да на тихи [8]) *Дунай* кинула.
Да ня виновáть [9]) войтовны,

---

[1]) Висячихъ на деревѣ ульяхъ.—[2]) Прятать, хранить. Хотя по нынѣшнему, бытовому воззрѣнію пѣсни, здѣсь представляется качать (провѣтривать, выравнивать, катать) и складывать платье, бѣлье, но основные образы несравненно древнѣе: 1) извѣстно у насъ сказаніе, какъ бабы катаютъ бѣлье на склонѣ неба; 2) это все—образъ дѣйствія русалокъ, а главное — 3) здѣсь разумѣется *дитя*, забота дѣвушки-дочери и молодой невѣстки: качанье его и воспитаніе (хованье) тайкомъ, медомъ изъ ульевъ.—[3]) Здѣсь то же, что въ Суботку-Купалу.—[4]) Воскресенье.—[5]) Смыслъ сего см. въ особой статьѣ.

[6]) Стихъ испорченъ.

[7]) Дочь старосты, старшаго въ селѣ.—[8]) Старое прозвище Дуная, постоянное доселѣ у Болгаръ и Сербовъ.—[9]) Не обвинять, нельзя винить.

Да виноватять [1]) яе пана ойца,
Што молодой за мужь не отдаваў,
Вяликаго скарбу жалонаў [2]),
Дорогихъ суканякъ не справўляў,
Часто у пивницу [3]) посылаў,
Да зъ дорогими ключами,
Да зъ молодыми паничами.

(№ 9).

72.

Рано на Яна, Цихоня гуляетъ: гульбу ея выдалъ Матери, Купалѣ, меньшой братъ. Строгость Матери приводитъ дочь къ Дунаю и она тонетъ. Вѣсть даетъ Старой Матери бо́льшій братъ: громкій Плачь Матери къ зятю Дунаю, похитившему дочь, и причитанья по ней.

Ой, рано, на Яна,
Пошла *Цихоня* [4]) на кирмашъ [5]),
Пошла Цихоня танцовать.
Обачиў [6]) то́я ме́ньшій братко,
Пришоў да Матки даў знать,
Што «наша Цихоня гуляе.»
Пришла Цихоня до до́му,
Стала Мати карати [7]):
«Любо ты, Цихоня, ўтопися,
«Любо ты, Цихоня, гдѣ дѣнься!»

Пошла Цихоня за дьверцы,
Побрала свое вядерцы,
И пошла Цихоня по водў.
Поставила вядерцы на бруску [8]),
Поклала сукни на пяску,
Повѣшала истужки [9]) на кустку,
Понизала пярстёнки на дубцы [10]),
Сама стала тонути,
Ой я [11]) сама стала—ўтонула.

Да обачиў то́я бо́льшій братко,
Пришоў да Матки даў знати:
— Ой, Матка, *Матка старая*
— На што Цихоню карала!
— Да наша Цихоня ўтонула!—

У нядѣли ране́нько
Цихонина Матка плакала:
«Ой, зятю, зятю *Дунаю*!
«Да по воли [12]) йди, не гуди,
«Мойго́ дитяти не томи [13])!

«Да истужачки чирвоныя,
«Чи кусты вами ўбирати?
«Пярстёночки золоты́я,
«Чи бочки вами набивати?
«Да суке́нки мое́ дорогія,
«Чи пнёвья вами ўбирати?
«Полотенцы мое бѣлыя,

---

[1]) Обвиняютъ.—[2]) Жалѣлъ казны.—[3]) Погребъ съ пивомъ и виномъ.

[4]) О семъ имени см. особую статью.—[5]) Здѣсь — корчма, *саиропа, купона*: см. особую статью.—[6]) Увидалъ.—[7]) Журить, бранить.—[8]) На „плоту (ср. выше „плотъ").“—[9]) Ленты стяжки, банты; кисти.—[10]) На дубочкѣ.—[11]) То же, что *а*.—[12]) Тихо, медленно, не спѣша.—[13]) Ср. Плачь Ярославны къ Днѣпру въ Словѣ о П. Игор.

«Чи горы вами устилати?
«Ручнички мое шоўкóвые,
«Чи старвў [1]) вами дарити?
«Не видать мойго дитяти во-
лоскá,
«Не почую я яе голоскá [2])!»

(№ 9).

73.

Третій путь гибели дѣвушки. Всѣ вооружены. впереди войска дѣвушка, как̃ъ „Поляница удалая“ или Амазонка поражаетъ враговъ, наводя на нихъ уныніе и сонъ. Встрѣча ея съ царевичемъ-королевичемъ (въ пѣсняхъ выше таковъ Янъ), сборы за мужъ: не послушавшись отца, ѣдетъ къ жениху впереди войска и, переплывая синее море, гибнетъ въ немъ.

Ой, загадали на войну
Нашаму сялу ўсяму,
Нашаму войту самому.
У нашаго войта сыноў нѣтъ,
Одна дочўшка на родў,
И тоя ѣхати [3]) на войну:
«Да справь жа мнѣ, батька,
востры мечь,
«Кабъ [4]) дóбро было войско сѣчь.»

Скоро [5]) войтовна ўступила [6]),
Половина войска уныла;
Скоро войтовна махнула,
Дакъ [7]) моё [8]) войско уснуло.

Одозваўся королевичь [9]):
—Ой, кабъ я вѣдаў, чій то сынъ
—Отдаў бы я дочку королеўноч-
ку!—
«Ой, не пытай, королевичь, чій
то сынъ:
«Я сама панна войтовна!»
—Коли жъ ты есть войтовна,
—Я жь тябе за сына возьму,

---

[1]) Мертвечину, трупъ, мертвеца.—[2]) О значеніи всѣхъ собранныхъ здѣсь предметовъ, *бруска* или *плота*, *куста*, *перстня*, *дуба*, *бочекъ*, *горъ*, *волоса*, *голоса* и т. п. см. въ особой статьѣ.—Таковъ же въ нашихъ Былинахъ Плачь Ксеніи, когда она теряетъ родителей и ожидаетъ потери дѣвичества:

Сплачетца мала птичка,
Бѣлая пелепелка:
«Охте мнѣ, молоды, горевати:
«Хотятъ сырой дубъ зажигати,
«Мое гнѣздышко разорити,
«Мои малыи дѣти побити,
«Меня пелепелку поимати!»
Сплачетца на Москвѣ царевна:..
«Ино, Боже, Спасъ милосердой!
«За что наше царство загибло?
«За батюшково ли согрѣшенье,
«За матюшкино ли немоленье?...
«А свѣты, браныи убрусы,
«Береза ли вами крутити?
«А свѣты, золоты ширинки,
«Лѣсы ли вами дарити?
«А свѣты, яхонты-сережки,
«На сучье ли васъ задѣвати?»

[3]) Неокончательное съ именительнымъ,—нерѣдкій примѣръ у Бѣлой Руси (то же и у нашей общей — древней): она за тѣмъ, чтобы ѣхать; слѣдуетъ, приходится ей ѣхать. — [4]) Кабы, дабы.—[5]) Какъ скоро.—[6]) Вступила—въ бой.—[7]) Такъ.—[8]) Словоупотребленіе эпическаго разсказа, то же, что *ми*, *ти*, *си*, *себѣ*.—[9]) Слѣдовало бы (какъ и есть въ другихъ пѣсняхъ того же происхожденія), чтобы королевичь самъ женился, но здѣсь это король царь, отецъ; и нерѣдко у Бѣлой Руси *королевичь*—царь, *королевна*—царица, или же—князь, княгиня.

—Я жь тобѣ половина-королеўства [1]) опишу [2])!—

Ой войтовну батька выправляў,
Войтовня [3]) батька приказываў:
—Да ня ѣдь, войтовначка, наперядѣ!—
Войтовна батьки ня слухала,
Наперядъ войска поѣхала.
Пріѣхала къ синяму морю,
Треба тому войску у плаў плысти [4]):
Скоро войтовна поплынула,
Посярёдъ моря ўтонула.

Усѣ козáки зъ войны́ ѣдуть,
Войтовны коня́ у рукахъ вядуть [5]):
Войтовна батьки ня слухала,
Да ў низъ голоўку положи́ла [6]).

(№ 17).

74.

Четвертый способъ гибели. Братовая (жена) предаетъ заловку, дѣвушку: зоветъ къ себѣ на ночь, обѣщаетъ тѣ же покровы и запоры, кои изображены въ пѣсняхъ выше и за коими сберегается дѣвическая доблесть. Ночью, въ полночь (см. выше былевыя черты похищенія и паитіе Купальной ночи), наѣзжаютъ знатные удальцы: похититель лишаетъ дѣвушку вѣнца и дѣвичьяго „престола." Только Небо да Земля слышали, только чужая сторона видѣла предательское похищеніе.

Братовáя золвы́ нá ночь просить:
Ту ту ту!
—Моя золви́ца, моя сястрица,
Ту ту ту!
—Приди ко мнѣ ночь ночавати:
Ту ту ту!
—Да тябе у мяне нихто не ўкраде [7]),
Ту ту ту [8])!
—Да ў мяне клѣтка зъ пяреклятками [9]),
—У мяне завѣсы шоўкóвыя,
—У мяне подушачки пуховыя,
—У мяне постелька мякка-бяленька [10]).—

Сяéй [11]) нóчи о пóўночи,
Да пріѣзжають три дворянины [12]),
Три дворянины не жанатые:
Одинъ дворянинъ клѣтку одчиниў [13]),
Другій завѣсы подня́ў,
«Трети дворянинъ мне молоду́ ўзяў.»
Нихто тогó ни чоў [14]), ни бачиў,
Тольки чу́ло Небо да Земля [15]),

---

[1]) Какъ одно слово: полъ-царства, полъ-царству.—[2]) Отпишу, запишу въ наслѣдство. —[3]) Войтовнѣ.—[4]) Въ плавь плыть.—[5]) Эти два стиха, обычный и частый конецъ козацкихъ пѣсень,—прибавка позднѣйшая.—[6]) Сложила, долу.

[7]) Очевидно, измѣна была уже задумана и ожидалась.—[8]) И такъ далѣе послѣ каждаго стиха.—[9]) Съ переклѣтками, перегородками.—[10]) Ср. выше, какъ Купала зимою хоронится въ перинахъ; лѣтомъ же, въ зельяхъ, теряется вѣнокъ.—[11]) Сей.—[12]) Знатные, но служители, кои „дворятъ:" ср. выше русалочекъ-земляночекъ и службу Яна при дворѣ.—[13]) Отомкнулъ: ср. выше № 50.—[14]) То же, что „не чулъ."—О значеніи сей фразы см. въ особой статьѣ.—[15]) По Бѣлорусскому произношенію въ одномъ женскомъ родѣ: „чула Неба да Земля."

Тольки бачила чужа сторона.
«Ня ёсть моя́ братова́я,
«Да ёсть моя здрадница [1]):
«Здрадила мяне молоде́нькую,
«Зъ рутьвяно́го [2]) вянца,
«Зъ дяво́цькаго стоўца [3])!»

(№ 9).

75.

То же. Братовая измѣною подводитъ жениха, который разрушаетъ препоны дѣвства.

Купала на Ивана!

Бра́това золву́ на́ ночь зва́ла:
—Да ў мяне клѣтка новая,
—А корова́ть тисо́вая.—

Стукъ-грукъ [4]) коло-клѣти [5])!
Золва́ кажа: «Злődяй [6]) хо́дить;»
Братова кажа: — Жанихи хо́дять.—

Да у си́няньким клѣтку одобиў,
У зялёняньким положку ўзяў,
А ў чирво́няньким золву ўзяў [7]).

(№ 18).

---

1) Измѣнница, предательница. — 2) Рутвяный, изъ руты, обычный вѣнокъ дѣвушекъ. — 3) „Съ дѣвическаго престола (столца):“ ср. ниже особую статью.—У Бѣлой Руси и во всей древности, по письменнымъ памятникамъ, употребительны „столецъ малженски“ — супружескій (еще „ставъ,“ состояніе), „вдовій“ и т. п., но особенно дѣвичій.

4) Стукъ-брякъ: послышался вдругъ.—5) Какъ одно слово: вокругъ клѣти (*коло* безъ ударенія, произносится *кала*).—6) Разбойникъ, воръ.—7) Который въ синемъ—разбилъ клѣть, въ зеленомъ—отдернулъ пологъ, въ красномъ—какъ женихъ—взялъ дѣвушку: таково ближайшее представленіе. Но тѣмъ же самымъ объясняется, почему похитителей, вмѣсто одного (какъ слѣдуетъ), явилось трое (выше—дворяне): предстояло разрушить три препоны. Ср. выше, чѣмъ дѣвушка жертвуетъ ради Купалы: 1) разбивается синяя, желѣзная клѣтка, съ замками и сама какъ за́мокъ; 2) раздергивается зеленая завѣса кровати; 3) берется дѣвушка „въ краснѣ.“ Съ тѣмъ вмѣстѣ образы, и самыя выраженія, восходятъ до отдаленнѣйшей древности: 1) Похититель дѣйствуетъ „въ синемъ,“ черезъ желѣзо, сталь, оружіемъ и разбоемъ (ср. нашу пословицу древнѣйшую: „врагъ силенъ —завелъ и *въ синемъ*,“ до желѣза, до разбоя, хотя также точно нынѣ здѣсь разумѣется просто „синій кафтанъ,“ признакъ зажиточнаго крестьянина); 2) беретъ „въ зеленомъ,“ зеленую, молодую, и снимаетъ зеленый вѣнокъ ея дѣвства; 3) беретъ ее „въ краснѣ,“ красную дѣвушку, съ золотаго стольца или престола, съ золотымъ кольцомъ (красна золота).— Ср. загадку Ставра его женѣ (въ былинахъ), о свайкѣ, гвоздѣ и кольцѣ, коими играли. То же самое въ Словѣ о П. И., гдѣ Всеславъ беретъ укрѣпленный городъ или за́мокъ съ боя какъ дѣвицу „себѣ любу,“ суженую, по жеребью: 1) напрягшись, подскакалъ и вскочилъ къ городу (стѣнамъ), ударилъ копьемъ, коснулся золотаго стола, и 2) то же самое, какъ повтореніе и объясненіе, „скочи въ плъночи,“ „обѣсися синѣ мьглѣ,“ вонзилъ стрикусы, отворилъ ворота, расшибъ славу.—Очевидно, что мѣсто, откуда мы приводимъ обѣ пѣсни, Минская мѣстность и ея Нѣмиза, отчина потомковъ Всеслава, близко съ роду той же мѣстности, описанной въ Словѣ о П. И., а всего болѣе роднится образами, одинакими черезъ семь вѣковъ.

76.

Образъ такого же семейнаго раздора, подъ наитіемъ Купалы. Въ Купалу, въ ея ночь и въ купаньѣ, молятся *Богу* (благому) и *Ня-богу*: первый изъ розни сводитъ въ одну семью, другой изъ одной семьи выводитъ дѣвушекъ порозгь, на чужія стороны (ср. выше участь дѣвушки).

У насъ сягбня Купалайка!
Ту ту ту!
Купалися дьвѣ ятрбвачки [1],
Ту ту ту [2]!
Купалися, говорили:
«Ой, *Богъ* намъ даў [3],
«Дьвёмъ ятрбвачкамъ,
«Порознь урослі́,—
«У мѣстячко [4]) пришли,
«Короўки наши
«У мѣсто сведяны́,
«Кубелцы [5]) наши
«У мѣстячко свезяны́!»
*
У насъ сягоня Купалійка [6])!
Ту ту ту!
Купалися дьвѣ сястрицы,
Купалися, говорили:
«Ой *Ня-богъ* намъ даў [7]),
«Дьвёмъ сястрицамъ,—
«Ра́зомъ рослі́,
«Пбрознь разышлі́,
«Короўки наши разведяны,
«Кубелцы наши развезяны!»
Ту ту ту!

(№ 9).

77.

То же, съ перестановкою двухъ половинъ пѣсни.

Купала́ на Ивана!

Да купалися дьвѣ сястрицы,
Купаючися говорили:
«Да Ня-богъ намъ даў,—
«Дьвѣ сястрицы у мѣстѣ рослі́,
«И по тымъ рбзно пошлі́!»
*

---

1) Жоны родныхъ братьевъ.—2) Послѣ каждаго стиха.—3) Извѣстное всѣмъ Славянамъ (особенно Сербамъ) прошедшее (причастное) вмѣсто будущаго, какъ желательное, при молитвахъ, заклятіяхъ, проклятіяхъ, пророчествахъ:—„дай намъ, Боже!“ Въ этой первой половинѣ пѣсни могло еще быть собственное прошедшее, какъ совершившееся сочетаніе двухъ женщинъ въ одну семью: но во второй очевидно желаніе и моленіе. Смыслъ таковъ: ятровьи, хотя и сведены, молятся о водвореніи согласія единой семьи,—„что бы мы, порознь выросли, а вмѣстѣ сошлися!“—4) Въ мѣсто, вмѣстѣ.—5) *Кубель* и *кубло*: чанъ, ушатъ съ крышкой, ведро; отдаленнѣе—гнѣздо (у Бѣлоруссовъ вёдра очень похожи на гнѣздо, продолговатыя, глубокія, ко дну уже); символъ жизни *домомъ*. Ср. особую нашу статью.—6) Такъ.—7) Простѣйшій, нынѣ доступный поющимъ смыслъ: „не дай намъ Богъ, чтобы росли вмѣстѣ, а разошлись розно,“ и прочее. Но изъ сравненія съ первой половиной пѣсни, оказывается старшее и основное представленіе: тамъ молятся ятрови, чтобы соединиться, здѣсь дѣвушки, ищущія жениховъ, чтобы разойтиться; тамъ Богъ, здѣсь Ня-Богъ. Въ Купалу всего болѣе грозитъ опасность семейному согласію ятровей; въ Купалу же первые шаги соблазна дѣвушкамъ. И боятся, и желаютъ, и молятъ, совершая обрядъ купанья въ честь Купалы. Не Богъ намъ это дастъ, а *Ня-богъ* (то же, что чернобогъ при бѣлбогѣ, другая, обратная или отрицательная сторона божества), сила неотвратимая, бѣдовая, источникъ утратъ, *небожества*, убожества (*нябога* — бѣдственная, несчастная; *нябого*, *нябоже* — звательный).

Купала на Ивана!
Да купалися дьвѣ ятроўки,
Да купаючися говорили:
«Ой, Богъ намъ даў,—
«Розно росли,
«У мѣстѣ пришли!»

(№ 17).

78.

Иваночка, похититель дѣвической красы, изображается какъ братъ, покушающійся на погибель сестры дѣвушки въ Субботу—Купалу. Если уже суждена гибель и ждетъ проклятіе виновника, погибающая молитъ избрать другой день (болѣе торжественный) и поставить памятникъ, который напоминалъ бы о событіи всѣмъ потомкамъ, когда пойдутъ они къ священнодѣйствію праздника.—Пятый образъ гибели.

Купала на Ивана!

Да шумить, шумить по дубрóвя,
А звинить, звинить по дорозя [1]):
Да братъ сястрý хóча забить.
А яна ў яго просилася:
«Да Ивáночка, брáточка, ня бій мяне,
«Ня бій мяне у Суббóточку [2]),
«Да забій мяне у нядѣлячку!
«Обсѣй мяне василёчками [3]),
«Обсади мяне стрѣлочками [4]):
«А будуть дѣўки къ цéркоўца йтѝ,—
«А будуть яны василёчки йрватѝ,
«Да вити вяночки будуть;
«А хлопчики унимать стрѣлочки [5]) будуть,—
«А мяне молодéнькаю будуть ўспоминáть,
«А тябе, мой браточка, проклинать [6]).»

(№ 18).

То же повторяется въ пѣсни Малорусской, Галицкой [7]):

Порохъ, порохъ по дорози,
Що за гоминъ [8]) по дуброви?
Купала на Ивана [9])!
Ой братъ сестру вбыватъ хоче.
Сестра въ брата прохалася:
«Мій братчыку, голубчыку!
«Не вбывай мене у лисочку,
«Убій мене въ чыстимъ поли,
«Ой, якъ убіешь, поховай мене,
«Обсады мене трема зильямы:

---

1) Шумъ и звонъ—безотлучный признакъ всѣхъ событій Купальскихъ и самого праздника; это то же, что выражается припѣвомъ „Ту ту ту“ или „То то.“ Ср. особую статью. — 2) То же, что въ Купалу: см. ниже. — 3) Священный цвѣтокъ Купальскаго праздника. — 4) Памятникъ будетъ выражать ту же быль дѣвушки, что въ предыдущихъ пѣсняхъ: зелень, васильки—молодость и дѣвство; стрѣлы вокругъ (онѣ же растеніе)—тынъ и знакомый намъ „плотъ,“ ограду и замокъ дѣвицы.—5) Вынимать.—6) Т. е. памятникъ послужитъ разсказомъ о были, бывшей основою Купальскаго праздника, и снова источникомъ тѣхъ же Купальскихъ явленій: свиванья вѣнка для дѣвушекъ; изготовленія стрѣлъ, оружія для подвиговъ мужчинъ, молодцовъ; воспѣванія Иваночки, эпоса о Купалѣ и Иванѣ.

7) Жегота Паули, 1839.—8) Гомонъ, шумъ.—9) Послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

«Першымъ зильемъ—гвоздычкамы [1]),
«Другымъ зильемъ—васылькамы,
«Третимъ зильемъ—стрилочкамы.
«Дивочки идуть,—гвоздычкы рвуть
«И мене спомянуть;
«Молодычки идуть,—васылечкы рвуть
«И мене спомянуть.»

*

Всѣ приведенныя предъ симъ пѣсни даютъ намъ „былевыя,“ эпическія черты событій общечеловѣческаго, Славянскаго и частнѣе—Русскаго, Западно-Русскаго міра, послужившихъ причиною, основою, источникомъ, вывовомъ и побужденіемъ извѣстнаго народнаго праздника, съ извѣстными обрядами: то разсказъ объ извѣстномъ періодѣ изъ жизни языческаго богопочитанія, или, иначе, *миѳъ* Купалы, вызвавшій *пѣсни* Купалы, вдохнувшій жизнь въ *праздникъ* и *обряды* Купалы.—За симъ теперь, на оборотъ, помѣщается нѣсколько пѣсень, излагающихъ особенности *самихъ обрядовъ* Купальскихъ, хотя конечно и здѣсь проглядываютъ опять черты былевыя, къ коимъ возводится праздникъ по своему значенію.—То, что есть въ *были*, повторяется, какъ сейчасъ увидимъ, въ самомъ *обрядѣ*, а совершающееся въ обрядѣ воспѣваетъ *пѣсня*, неизмѣнное его зеркало.

79.

Какъ сама Купала Мать или Дочь ея, дѣвушка въ праздникъ сбираетъ зелье, травы: но не вѣдаетъ ихъ силы и значенія. Она шлетъ ихъ какъ жертву и возвращаетъ какъ собственность высшему существу, Царицѣ или Царевнѣ, Купалѣ Матери или Дочери: та только вѣдаетъ, сказываетъ, открываетъ, передаетъ силу, употребленіе и примѣненіе травъ, во власть всѣхъ дѣвушекъ.

На Купалѣ, на Яна [2]),
Дѣвочка зелье зберала:
Яна зберала, ня знала;
Да до Королеўны [3]) послала;
Королеўна зелье познала,
Да ўсѣмъ дѣвочкамъ сказала:
«Гето дѣвóцькая красотá,
«А дятюшкóвая [4]) сухотá;
«Гето дѣвóцькая умыванья,
«А дятюшкóвоя ўздыханья [5]).»

(№ 6).

---

[1]) Еще новое примѣненіе цвѣтковъ: ими огораживается дѣвушка, гвоздями, какъ въ другихъ пѣсняхъ клѣтью, замкóмъ, зáмкомъ.

[2]) Въ праздникъ Купалы, подъ праздникъ Яна.—[3]) Какъ Купала сама изображается, мы видѣли, то Матерью, то дѣвушкой Дочерью, и одна повторяетъ другую, такъ имя „королевны“ значитъ и Мать—тогда собираетъ травы Дочь, и Дочь—тогда собираетъ травы простая дѣвушка, обращающаяся къ королевнѣ какъ высшему существу. Это выражается въ самомъ словѣ: такъ „королевна,“ имя собственно дочернино, значитъ иногда, видимъ, „королеву,“ „крулёву;“ такъ, выше, „королевичь,“ собственно сынъ неженатый, женихъ, является однако же отцомъ, самимъ «королемъ;» Иванъ—и самъ король, и королевичь, и служитъ королю.—[4])—Дѣтинамъ, парнямъ.—[5]) И такъ, значитъ, сила травъ, сила, которая даетъ значенье травамъ, есть *красота* дѣвицы и *вожделѣніе*, *горячность*, *пламень* молодца, отъ коего онъ горитъ и сохнетъ; потому травы, въ дальнѣйшемъ примѣненіи или употребленія, даютъ красоту дѣвушкамъ, горячатъ и сушатъ молодцовъ; дѣвушкамъ это вѣнокъ, гордость (серб. *кита*), слава, побѣда: молодцамъ вызовъ, влеченіе на подвигъ и побѣду, надъ самой дѣвушкой (ср. выше—зеленый пологъ дѣвушки,—и червонное золото, перстень жениха: у Славянъ всѣхъ „золото *сухое*“); дѣвушкамъ полосканье, бѣлила, румяна, молодцамъ вздохъ, подъемъ, возбужденіе духа (ср. выше мытье, бѣленье платья, и его просушку, провѣтриванье, катанье, укладку; образы плещущихся русалокъ—и ихъ соглядатая; сорочки ихъ—и похититель, и т. д).

На сихъ же воззрѣніяхъ основанъ обрядъ сербскихъ *Кралицъ*: дѣвушекъ, выбирающихъ изъ среды себя *Кралицу*, по и самихъ называемыхъ *Кралицами*. Еще ближе сербскія *Додолы*, имя коихъ произошло отъ припѣв послѣ каждаго стиха—*До до* или *До до ле*, то же, что у Бѣлой Руси *то то* или *ту ту*. Одна изъ нихъ, главная (какъ Кралица), укутана зеленью и цвѣтами. Онѣ въ пѣсняхъ молятъ о лучшей погодѣ, о вёдрѣ (ср. выше образъ *ведеръ*), въ смыслѣ дождя, и противъ суши; то же самое онѣ приносятъ людямъ собственнымъ своимъ появленіемъ и пѣснями, а въ ознаменованіе того на нихъ выливаютъ *котелъ* или *кабалъ* съ водою (см. особую статью).

Наконецъ таково же въ основѣ значеніе помянутаго Бѣлорусскаго обряда *Куста* или *Кустовъ*, съ сотвѣтствующими пѣснями. Все это разные виды появляющейся къ людямъ Купалы и ея дѣйствій на природу.

80.

Какъ Купала сама вся въ золотѣ, на золотомъ престолѣ, такъ и у ней просятъ того же: она подаетъ въ свою, Купальскую, ночь, черезъ силу травъ, зелья; зелья такого ищутъ, чрезъ него добываютъ богатство всего свѣта, дѣлаются господами, пануютъ свѣтомъ и покоятся, подобно самой Купалѣ.

Купала наша, Купала!
Дай намъ котлы [1]) золота!

Вотъ солóдушка [2]) цвѣтеть;
Я ўсяду при ней,
Проночую при ней,
Подстерегу крáсочку,
Сорву пáпыротку.
Буду богачь-богатырь [3]):
Закуплю я весь свѣтъ,
Ня пойду я на пригóнъ [4]),
И буду спать у клѣти,
Лѣпши [5]) мойгó пана!

(№ 20).

Изо всей искомой ночью зелени особенно желается и славится *папоротникъ*; и притомъ когда цвѣтетъ, въ цвѣтѣ, какъ „красочка,“ или во тьмѣ горитъ свѣчею, огнемъ: онъ отмыкаетъ всякое желѣзо, замки, ларцы, даетъ силу оружію, богатырство, золото и т. д. Ср. особую статью.

81.

Какъ Купала сама изображалась столбомъ, а голова у ней въ золотѣ, или же вся она въ зелени, такъ, по образу ея, въ обрядѣ, дѣлается колъ, втыкается въ землю, обвивается соломой, вымолоченными колосьями, конопляникомъ, а на верху пукъ соломы, который и называется Купалой, и который зажигаютъ въ Купальскую ночь. На этотъ знакъ сбѣгается народъ, разгорается извѣстный Купальскій костеръ, вокругъ него три раза обѣгаютъ, прыгаютъ черезъ огонь, подбрасываютъ березовые сучья, и прочее. Столько же обѣщается плодородія, особенно льну, — этому важнѣйшему промыслу Бѣлой Руси, и вообще столько достатка, сколь великъ и высокъ костёръ. Это между прочимъ выражается крикомъ или припѣвомъ:

Кобъ [6]) мой лёнъ
Такъ велики бувъ,
Якъ гетая форосúна [7])!

(№ 47; Могил. губ. у. Чериковск.).

---

[1]) И музыкальный инструментъ Купальскій, и котлы съ золотомъ въ кладахъ, и купели, чаны: см. особую статью.—[2]) Одинъ изъ видовъ и одно изъ названій папоротника.—[3]) И богатый, и сильный: богачь, какъ и здѣсь, въ народѣ часто зовется богатыремъ (напр. о Лазарѣ); ср. *богачь*--огонь.—[4]) На работу барскую, панщизну.—[5]) Лучше.

[6]) Кабъ, кабы, еслибы.—[7]) Отъ корня, являющагося въ формѣ *хво-я*, *хво-й*, другая форма *хво-р-*, откуда ближайшая Бѣлорусская *хвор-ос-ина*, *форосина* (произнос. *фарасúна*), то же что *хвор-ос-ть*, *хворостина*: ср. особую статью.

Въ другихъ мѣстахъ это начало, этотъ первообразъ костра прямо есть Чучела, особенно изъ соломы, называемая также *Купалою*, наша *Кострома*, тождественная съ именемъ костра, у другихъ, „Морена,“ „Морана,“ „Моряна“ и прямо „Смерть,“ вьющаяся по „плоту,“ ищущая „клопоту (ср. выше Купалу на плоту),“ всякихъ бѣдъ, шуму, возни и хлопотъ [1]): ее сожигаютъ, топятъ и тушатъ въ водѣ (ср. выше гибель Купалы или ея Дочери).—Простой костеръ, зажигаемый въ большинствѣ случаевъ при обрядахъ, безъ всякой чучелы, есть повтореніе ея и простѣйшее выраженіе, какъ сама чучела есть образъ еще высшаго существа.—Костеръ также называютъ *Купалой*.

82.

Жизнь высшаго существа Купалы, какъ представлялась она языческому древнему вѣрованію, существа горящаго и сгарающаго огнемъ (любви, ревности и прочихъ страстей на человѣческомъ языкѣ), а въ слѣдъ за тѣмъ потопляющаго огонь во влагѣ, купающагося или даже тонущаго въ водѣ, гдѣ или тѣшится, утихаетъ, или тушится [2]) пламень, всего яснѣе изображена въ слѣдующей пѣсни, гдѣ и само существо, и его образъ въ видѣ огражденнаго двора, дерева по серединѣ, огня на вершинѣ, падающей капли, цѣлаго озера и купанья:

У пана Ивана [3]),
Посередь двора́,
Стояла верба,
На верби горили свичи,
5 Съ той вербы
Капля упала,
Озеро стало.

Въ озерѣ самъ богъ купаўся,
Съ дитками, су дитками.

(№ 48; Могил. губ., въ Гомелѣ).

А что этотъ богъ—Иванъ, или Иванъ-Купала, указываетъ такая же Малорусская пѣсня [4]):

Купала на Ивана!
Та купався Иванъ,
Та у воду упавъ.
Купала на Ивана! и друг. подоби.

Ср. выше, какъ Дочь тонетъ, прежде развѣсивъ перстни и одежду на кусту и дубу; плачь ея Матери, куда дѣвать ея одежду и перстни; русалокъ, какъ лѣзутъ на дерево, сваливаются и гибнутъ, и т. п. Слѣдующая Малорусская пѣсня соединяетъ въ себѣ всѣ главныя Купальскія черты: дерево *Марену*; вокругъ него водитъ хороводъ *Купала*, во главѣ дѣвушекъ, и тутъ же, въ обрядѣ, изображается соломенною куклою, въ женской сорочкѣ и головномъ уборѣ; подъ утро, на Ивана, играетъ солнце, а самъ онъ, когда всѣ купаются, подъ конецъ купанья падаетъ въ воду:

Ходыли дивочки коло Маренѐчки,
Коло моё (тое?) водыла Купала.
Граты-ма (какъ будетъ играть) сонечко на Йвана:
Накупався Ӥванъ, та въ воду впавъ.
Купало пидъ Ивана!

(№ 49).

83.

Переходомъ отсюда служитъ пѣсня, гдѣ купается и мужчина, и женщина или дѣвушка, и Иванъ, и Купала, или Иванъ-Купала, Купала-Иванъ. Первому—буря, волны, второй—травы, зелень. Но изъ Ивана-Ку-

---

[1]) Древнѣйшее польское: Śmierć się wije po płotu, Szukający kłopotu. Ср. особую статью.
[2]) Выраженія однозначущія по корню слова. — [3]) Иванъ — двойникъ Купалы. — [4]) Въ Галиціи: Жегота Паули.

палы является уже *Иванъ да Марья*, а съ тѣмъ вмѣстѣ извѣстный двойной, волшебный цвѣтокъ, посвященный Купалѣ и также искомый въ ея ночь:

Иванъ да Марья
На горѣ [1]) купалися:
Гдѣ Иванъ купаўся,
Берегъ [2]) колыхаўся [3]),
Гдѣ Марья купалась,
Трава растилалась.

(№ 48; Витебск. губ.).

Двуцвѣтная трава, двойной цвѣтокъ: *синій*—мужчины, *желтый*, цвѣтъ золота,—дѣвушки. Съ тѣмъ вмѣстѣ, народное творчество перешло уже въ область чисто-человѣческую и человѣческихъ страстей; въ немъ зародилось извѣстное сказаніе, повторившее однако всю исторію Купалы и отразившееся въ знаменитыхъ, древнѣйшихъ пѣсняхъ, особенно Малорусскихъ („У Кіевѣ на рынку"): преступная страсть двухъ существъ, брата и сестры, примирена и потушена лишь ихъ смертью и обращеніемъ въ цвѣтокъ: кто рветъ цвѣтки, вынимаетъ грѣхъ за грѣхомъ изъ памяти несчастныхъ погибшихъ, изъ душъ ихъ, и тѣмъ очищаетъ память ихъ. Ср. выше о сестрѣ и о братѣ, ее погубившемъ.

Какъ палимые ночью Купальскою костры, такъ и совершаемое по нихъ купанье, даже безъ представленія о высшемъ ихъ смыслѣ, остаются, при всей простотѣ употребленія, *обрядомъ*: совершаются по неволѣ, ибо безсознательно, и притомъ доселѣ обязательно, принудительно для всѣхъ, кто не хочетъ отстать отъ народа.—Въ самомъ простомъ, обиходномъ употребленіи, при сихъ кострахъ и при сей водѣ молодые парни обыкновенно въ эту сладострастную лѣтнюю ночь тушатъ огонь своей страсти, дѣвушки гибнутъ; подъ утро, дождавшись солнца, тѣ и другія купаются. Но и это совершается *не даромъ*: ибо не только по неволѣ, но даже обрядно и подъ вліяніемъ принудительной силы преданія. Въ другое всякое время, какъ Малоруссы, такъ и Бѣлоруссы въ особенности, крайне цѣломудренны.—Но кромѣ того, и здѣсь, гдѣ пѣсни рисуютъ эти знакомыя отношенія любви, нигдѣ не чуждо вліяніе образовъ высшихъ, управляющихъ въ сію ночь движеніями человѣческими. Такъ—

84.

На Купалу обязаны собираться всѣ: зовутъ къ тому заклятіями и непослушнымъ угрожаютъ лихою судьбою.

Кто ня йдеть на траўку на зялёную,
На вулицу на широкую,
Нихай [4]) ляжить колóдою дубóвою [5]),
А дѣтки яго корчéвьимъ [6]) нихай лижать.

(№ 40).

85.

Молодцы сами не справятся съ огнемъ, не затушатъ костра: потушить должны дѣвушки, влагою, волей или неволей. Молодцы обманываютъ, носятъ воду рѣшетами,—нѣтъ въ нихъ правды (правы тогда дѣвушки): есть правда въ дѣвушкахъ, носятъ онѣ воду *кубочками*, котлами и вёдрами, или кубками.

На горѣ дубьё погорѣло [7]),—
На улицы дѣтюкоў поголѣло [8]):
«Идите, дѣтюки, дубьё тушить,
«Да ряшóтами воду́ носить!»

---

[1]) Тамъ же, гдѣ совершаются Соботки и палятъ костры. — [2]) То же, что гора, Berg.— [3]) Ср. выше развѣшенное по вѣтру платье или колыханье дитяти въ колыбели.—Вся гора дрожала, дрожали берега, стоялъ стонъ и плескъ: ср. мольбу Матери къ зятю Дунаю, чтобы не гудѣлъ, не ревѣлъ, и катился тише.

[4]) Нехай, пусть.—[5]) Какъ костеръ, обреченный на сожженіе, или какъ Купальскій *кладъ* въ землѣ. — [6]) Кривые сучья и отростки пня, корни, изогнутые коренья; въ корчахъ, въ лихой немочи.

[7]) Купальскій костеръ на горѣ: онъ догараетъ самъ собой, теперь пора бы его загасить водою.—[8]) Молодцовъ стало меньше, рѣже, —имъ нужно итти за водою.

Да ў ряшата́хъ воды нѣтъ, воды нѣтъ:
У дѣтюковъ праўды нѣтъ, праўды нѣтъ.

*

Да на горѣ дубьё зеляне́нько[1]),
А на улицы дѣвочакъ поўне́нько:
«Идите, дѣвочки, дубьё гасить,
«У ку́бочкахъ[2]) воду́ носить!»
Да у кубочкахъ вода есть, вода есть:
Да у дѣвочакъ праўда есть, праўда есть.

(№ 9).

На семъ основаніи загадки и разгадки, кои увидимъ ниже, о томъ, въ комъ правда, кто правѣе и правотой имѣетъ перевѣсъ, молодцы или дѣвушки: по зерну разгрызеннаго орѣха, сочно ли оно, по сѣмени и т. п.

86.

Молодцы весь годъ имѣютъ перевѣсъ надъ дѣвушками и посмѣваются имъ; за то, разъ въ году, въ Купалу, отплачиваютъ дѣвушки, отплачиваютъ Купальскою пѣснею, *Купальничкомъ*. Купальничекъ, какъ все Купальское, имѣетъ чародѣйскую силу: когда его споютъ молодцу, да молодецъ не любитъ дѣвушки, обманываетъ, избѣгаетъ женитьбы, то ему послѣ пѣсни не дождаться другаго года.— Для того просится у отца дѣвушка на Купалу, гуляетъ всю ночь, возвращается домой послѣ уже купанья (подъ утро) и послѣ солнца, коего дожидаются Купальники; она сдѣлала свое дѣло: сила, которая очаровала молодца, подобно силѣ пѣсни, сила, которая приведетъ его въ домъ къ дѣвушкѣ,—есть ея краса.

Просила се Горислаўка у ойченьки,
На Купалейко,
На дѣвоцькое погулянейко:
«Ой, мой ойченько, родненьки!
«Пусти жь мене погулять,
«Да й дѣтюкомъ Купальничка заспѣвать:
«Ены́ же зъ насъ смѣюцце цѣлы годъ,
«А мы жь же имъ заспѣваемъ усю ночь,
«Заспѣваемъ Купальничка такого,
«Кабъ ены не дочекали[3]) году другого,
«Коли́ ены женитисе не хочуть
«Да насъ молоде́ньких любить не будуть.»

Ой, гуляла Горислаўка усю ночь,
Нѣмашь[4]) же ее у ойченьки на обѣдъ;
Низко сонца, низко подъ полўдень,—
Горислаўка съ Купальничка йде,
А ойченько ее сустрѣчае,
У воро́тейкахъ праўденьки пытае:
—Донька[5]) моя родне́нькая, скажи мнѣ,
—Кого любишь вѣрнѣ у селѣ:
—Тому пошлю золоты́й поесъ у дары́,

1) Въ уборѣ зеленомъ, еще не сгорѣвшее совсѣмъ.—2) То же, что *кубель* и *кубло*, ведро, чанъ, котелъ,—кубокъ, чаша, купа; ср. особую статью.—Это то же, что послѣдующее за костромъ *купанье*.

3) Не дождались.—4) Нѣтъ.—5) Дочка.

—Штобъ ёнъ познаў Горислаўку молодый.—
«Не посылай, мой ойченька, поеса́
«Ой приведе мнѣ молойца́ моя краса́!»

№ 36).

87.

Иногда бываютъ и помѣхи гулянью, тѣ же, что означены въ пѣсняхъ выше: суровость бдительной свекрови, задачи или „загадки," которыя задаётъ она, между прочимъ *качать дитя малое.*

««Молодая молодицо,
««Выйди до насъ на улицу,
««Разложи Купальницу [1])!»»
—Николи́ [2]) мени выходити,
—Бо дѣтя милое,
—Свекоръ лежить—не колыше,
—А свекруха сидитъ—не трымае [3]).—

(№ 47; губ. Могил., у. Черик.).

88.

Для дѣвушки меньше помѣхъ: если и насѣять лекъ, чтобъ она полола, бросить она и уйдетъ къ жениху какъ выше, бросаетъ мякину, а верна беретъ съ собою къ жениху, или бросаетъ свои дѣвическія украшенія и идетъ къ Дунаю, зятю ея Матери;) тамъ она будетъ работать на свекровь.

Ой, я тобѣ, тату́лька, зъ вясны говорила·
«Ни дяри бурку́ [4]), ня сѣй лянку,
«Да не́кому полоть будя!»
Ой, я тобѣ, свёкратка, зъ вясны говорила:
«Надяри бурку, насѣй лянку,
«Я къ тобѣ прясти приду!»

(№ 17).

89.

Занятія дѣвушки въ Купальскую ночь, ея чары, коими путаетъ она молодца, въ родѣ помянутой пѣсни или красоты, представляются еще какъ *скуры,* кои плететъ она или сучить, чтобы опутать (ср. выше перстни, уворочья, коими крутитъ она кустъ дубъ, и т. п.).

То то!
Пятрова ночка [5]) ня величка,
То то то [6])!
Наша дѣвочка ня выспалася,
Усю но́чачку ня спала,
Шнуры сукала [7]),
Сукала шнуры шоўко́выя,
Тому и сяму запродавала,
Свойму милому даромъ давала.

(№ 18).

Такія пѣсни есть на Малой и Великой Руси, хотя уже безъ рѣзкихъ Купальскихъ признаковъ.

---

[1]) Купальскій костеръ.—[2]) Николи, некогда.—[3]) Не держитъ—дитя, у другихъ „не дримае," не дремлетъ.—Языкъ пѣсень сего рода нѣсколько измѣненъ (не умѣли записать).

[4]) Не вспахивай, не подымай коры земляной.

[5]) Купала во время Петрова поста, отчего пѣсни ея и Петровокъ иногда перемѣшиваются.—[6]) Послѣ каждаго стиха. —[7]) Сучила.

90.

Дѣвушка готовитъ путы для коней, на коихъ прiѣзжаетъ за ней молодецъ; гульба ея разрѣшилась слезами; слезы о паденiи и униженное положенiе.

Малая ночка —
Купалъ-ночка:
Не выспалася Гануля,
Змочила хустоньку [1]),
Слёзы утераючи.
Сукала [2]) шнуры едвабны [3]),
Путала кони вороны.

*

Малая ночка —
Купалъ-ночка:
Не выспалася Парася,
Погнала волы хлипаючи [4]),
Змочила огонъ котячи [5]),
Слёзы утераючи.
Сукала шнуры волóве [6]),
Путала щуры полёвẹ [7]).

(№ 47; губ. Могил., у. Чериковск.).

Здѣсь являются уже слезы: такое же гасло для огня страсти, какъ выше вода, рѣка, купанье. Онѣ гушатъ пожаръ: но вмѣстѣ выражаютъ горе о потери дорогаго достоянiя дѣвушки и возводятся, по происхожденiю, къ трагической были о самой Купалѣ.

91.

Какъ Иванъ — виною слезъ Купалы, такъ, выше изображено, на Купалу Бѣсъ выдралъ Вѣдьмѣ очи. То же повторяется на людяхъ: слёзы. Молодцамъ на Купалу вылѣзли очи: спасаютъ дѣвушки припаркою изъ *мокрицы*.

Да Купальные ночи [8])
Повылазили дѣтюкóмъ очи;
Кабъ жа ня дѣвочки,
Повылазили бъ и зрѣночки [9]):
«Да дѣвочки, сястрицы,
«Да напарте мокрицы [10]),
«Приложите къ очи́цы!»

(№ 9).

Слѣнота очей—одинъ изъ характерическихъ явленiй Купалы. Но ее лѣчатъ Купальскiими же травами.— Соотвѣтственная Малорусская пѣсня, въ коей дѣвушка, при ослѣпленiи страсти, наткнулась и повыколола себѣ глаза:

Ой, мала ничка Петривочка:
Не выспалась наша дивочка,
Не выспалась, не наигралась,
Съ козаченькомъ не настоялась,

---

[1]) Платочекъ.—[2]) Въ подлинникѣ ошибка: *шукала*, искала; вообще не хорошо записано.— [3]) Шелковыя.—[4]) Всхлипывая, рыдая. Возвратившись утромъ домой, дѣвушка все же должна была выгонять скотину въ стадо.—[5]) Смочила хвостъ кота (слово *огонь* сопоставляется со словомъ *огонь*), хвостъ, который деретъ къ верху: поджала хвостикъ.—[6]) Изъ воловья волоса, волосяные, шерстяные: насмѣшка.—[7]) Не коней уже путала, а крысъ (ящуровъ, ящерицъ) полевыхъ. Пошла съ мокрымъ хвостомъ, нѐкого уже было ловить и путать, развѣ крысъ.

[8]) Въ Купальскую ночь.—[9]) Зрѣницы, зрачки.—[10]) Припарка изъ смоченныхъ травъ; моча, sensu obscoeno.

Къ чреди [1]) шла,—задремала.
На пеньки ноги позбивала,
На шпички [2]) очи повыймала.
А вже корови у дуброви,
А вже телята пасуть хлопьята,
А вже вивцы [3]) на крутій гирцы [4]).

(№ 49).

92.

Слѣпота переходитъ и на коней жениха.

Ня тряпачися, лящиночка [5]),
Да у тихимъ лузя стоячи:
Ня гóряй [6]) тобѣ, нижь [7]) мнѣ,
У чужого батюшки живучи,
Чужому батюшку годячи [8]).
Постéлю постялю,—ня ляжа,
Пытаются дѣла,—ня кажа,
Подаю пить,—ня баре,
Да у голóвочку задае [9]).
Кабъ ты, свякратка, ня вѣдаў бить,
Якъ мнѣ, молодѣ, няўнаровить [10])!

*

Да ѣдуть люди дивитися [11]),
Ѣдя суженка жанитися,
Чатыри конú на пóводя,
А пяты коникъ скокомъ-бокомъ,
Да на пень вокомъ!

(№ 18).

Ср. Галицкую Соботку (Голов., Бод., „Чтен.") объ угощеніи, кушаньѣ въ Купалу:

Долѣшняне, Горѣшняне,
Сходьте ся до насъ на Соботку:
Спечеме вамъ слѣпу котку!

93.

Кушанья, употребляемыя обрядно въ праздникъ, соотвѣтствуютъ также кушаньямъ, которыя ѣстъ сама Купала ночью въ гостяхъ у Ивана.

Купала на Ивана!

Гдѣ, Купала, ночавала?
Купала на Ивана (дважды)!
—Ночавала у Ивана.—
Купала на Ивана!
Што ў Ивана ужывала [12])?
Купала на Ивана!
—Уживала варенище ў олеище [13]),—
Купала на Ивана!
—Рыбку зъ перцемъ, чёснокъ зъ олейцемъ...—
и т. д.

(№ 47; губ. Могил., у. Черик.).

---

[1]) Къ стаду.—[2]) На сучья, спицы, шпиньки.—[3]) Волки.—[4]) Волки на крутой горкѣ, захватили коровъ, пасутъ ихъ (пользуются ими), какъ молодцы дѣвушекъ, на Купальской горѣ.

[5]) Орѣшина.—[6]) Не горше, не хуже.—[7]) Нежели.—[8]) Угождая.—[9]) Задаетъ, бьетъ.—[10]) Эта первая половина пѣсни одинакова съ выше помѣщенными, изображая суровость обхожденія съ молодой.—[11]) Смотрѣть.

[12]) Употребляла, ѣла (питала жизнь).—[13]) Вареники въ маслѣ.

Угощенья Купальскія совершенно особыя: изъ того, что ѣстъ сама Купала; изъ того, чѣмъ ее угощаютъ принимая въ домѣ (см. выше); изъ Купальскихъ травъ; изъ того, что фигурою напоминаетъ Купальскія явленія—яица, сыръ, творогъ, и т. п.

94.

Дядина, т. е. тетка, до смерти хочетъ Купальскаго кушанья: принесли, готовятъ, — не дождалась, умерла; она же Дѣдина, бабушка, вѣдьма, въ которую обратилась древняя свѣтлая Купала: ее отсадятъ и морятъ Купальскимъ зельемъ, кушаньемъ.

Дядина [1]) лежала,
Дяголю [2]) божáла [3]):
Дяголю принесли,
А Дядину понесли [4]),
Дяголю у горшокъ,
Дядину у пясокъ,
Дяголю у горшку,
Дядина у пяску!

(№ 27).

Вся природа извѣстное время живетъ жизнію Купалы и повторяетъ въ себѣ Купальскія явленія: какъ растенія, такъ животныя, и особенно птицы. Извѣстныя птицы имѣютъ сказаніе о своемъ происхожденіи, одинаковое со сказаніемъ или былью о Купалѣ; потому же, какъ Купала, онѣ задаютъ загадки, выражаютъ загадки или разрѣшаютъ, пророчествуютъ; ихъ голосъ слушаютъ люди, спрашиваютъ у нихъ рѣшенія судьбы, и т. д. Всѣ народныя загадки сего рода, если онѣ *лѣтнія*, принадлежатъ Купалѣ и съ нею связаны.

95.

Перепелка, какъ Купала, лѣтомъ въ зельѣ, зимою въ водѣ, — но въ теплѣ, подо льдомъ, какъ въ перинахъ (ср. выше Купалу въ перинахъ, дѣвушку за пологомъ на перинѣ). Такова же жизнь дѣвушки у матери, потомъ ей холодно у свекрови.

Лѣтьняя пряпёлочка,
Дѣ лѣто лѣтовала,
Дѣ зимушку зимовать будешь?
—Лѣтовала у пшаницы,
—Зимовала у криницы.—
Дѣ тобѣ лѣпяй было?
—Лѣпяй было у криницы,
—Якъ у холодной водицы [5]).—

*

Молодая дѣвушка,
Дѣ тобѣ лѣпяй было?
—Лѣпяй было у матульки,
—Якъ у свякроўки.—

(№ 32).

Ср. подобныя пѣсни ниже.—Въ Малорусской, Галицкой пѣсни (сборн. Я. Ѳ. Головацкаго, изд. О. М. Бодянскаго, „Чтен.“) этотъ образъ возводится къ Вѣдьмѣ и Вѣдуну, Смерти (ср. выше) и Морову. Пѣсня Купальская, Соботка:

---

[1]) Она же „дѣдина,“ вѣдьма, [какъ дѣдъ—вѣдунъ; она же купальское зелье: лопухъ; чертополохъ; бодякъ.—[2]) Дягилю, дягильнику: растеніе.—[3]) Ради Бога молила, до смерти желала, вымаливала. —[4]) Изъ дому, въ могилу.

[5]) По вѣрованію Бѣлой Руси, перепелка зиму живетъ въ криницѣ, ключѣ или кладязѣ—подо льдомъ, гдѣ ей теплѣе, чѣмъ въ остальной водѣ холодной.

Смерти, Смерти, йди на лѣсы [1]),
Йди на безвѣсть, йди за море!
И ты, Морозе, великій а лысый [2]),
Не приходь до насъ изъ своей коморы [3])!

Смерть зъ Морозомъ танцювала,
Танцювала и спивала
И за море десь погнала [4]).

96.

Какъ выше сама Купала „на плотѣ,“ такъ „на огородѣ,“ садовомъ плетнѣ или въ саду, сидитъ на калинѣ кукушка: сказываетъ правду, о тѣхъ семейныхъ дѣлахъ, и особенно раздорахъ, коя извѣстны по другимъ Купальскимъ пѣснямъ.

А ў горо́ди калина,
На калини зязюля,
Ни кукуить, праўду кажить:
«Ой, Богъ тей даў нявѣстуньцы [5]),
«У которой диваро́ў много, —
«Диваря ѣдуть играючи,
«Нявѣстка ѣдить гуляючи.»

*

А ў городи калина,
На калини зязюля,
Ни кукуить, праўду кажить:
«У которой нявѣстки золо́вокъ много,
«Золоўки ѣдуть гуляючи,
«Нявѣстка ѣдить рыдаючи.»

(№ 40).

Какъ это сходно съ пѣснею выше, о сестрицахъ и ятровьяхъ, такъ слѣдующая Галицкая „Соботка“ совершенно возстановляетъ тѣ же черты, соединенія въ семью съ разныхъ концовъ, но уже какъ пророчество отъ голубей (Голов., Бод., „Чтен.“):

На ростоцѣ, на потоцѣ,
Два голуби воду пили [6]),
Пили, пили, скалмутили [7]),
И взялися—полетѣли,
Полетѣли въ дубровойку,
На зелену лѣщинойку,
И зачали говорити,
Кому мають поручити:

«Есть тамъ Андрій у дворѣ
«И Яцькова Марисейка;
«Треба бы то разлучити
«И на Бога поручити,
«И на Бога и на людей,
«Жебы Андрусейко
«Марисю любивъ [8]).»

Потому все, что у Литвы, Русскихъ и разныхъ Славянъ относится къ Кукушкѣ, сказанія, игры, гаданья и обряды, все это столько же относится къ Купалѣ или съ нею связано. Потому, на примѣръ,

---

[1]) Въ зелень и зелье.—[2]) Вѣдунъ, лысый какъ вѣдьмы на Лысой горѣ: ср. особую статью.—[3]) Ледяной, лысой.—[4]) Куда-то пустилась.

[5]) Богъ далъ той невѣстушкѣ: то же, что „дай Боже, дабы у невѣстки было...“ Ниже предполагается то же, что видѣли мы о сестрицахъ и ятровьяхъ: „Ня-богъ далъ...“

[6]) То же, что въ другихъ пѣсняхъ—купались.—[7]) Возмутили.—[8]) Нужно бы это такъ устроить, съ помощію Бога и людей, чтобы вывести ихъ съ разныхъ дворовъ и свести въ одну семью, въ одну любовь.

въ Литвѣ Кукушка также, какъ въ приведенныхъ выше пѣсняхъ Купальская дѣвушка, принимаетъ *коней* и *сучитъ снуры шелковые*:

Сестрица дорогая,
Кукушка пестрая!
Ты кормишь
Братнихъ коней,
Ты мотаешь
Нити шелковыя:
Скажи, кукушка,
Скоро ли мнѣ за мужъ?

(№ 48).

97.

Ракъ женится на лягушкѣ, но ссорится съ ней.

Задумавъ рачёкъ женитися [1]),
Пошовъ до жабки журитися [2]):
«А у тебе, жабо, черево рябо!»
—А у тебе, раче, очи у тылѣ!—

(№ 35).

Въ слѣдующей Малорусской Купальской пѣсни явленія подобнаго рода разсказываются, сообщаются Купалою, а сама она въ видѣ Русалки; между прочимъ ракъ сучитъ нити:

Ой, Купалочка купалася,
Та на бережку сушилася,
Тай тому люди дивовались.
«Ой, не дивуйтесь симу, люди,
«Бо я бачила [3]) дивнійшое:
«Щука-рыба красно [4]) ткала;
«А ракъ на буйракъ [5]) цивки [6]) сучитъ;
«А муха-горюха дяжу [7]) мисить,
«Комаръ пищитъ—водицю [8]) несетъ [9]).

(№ 49; Харьк. губ.).

Сообразно тому, всѣ извѣстныя пѣсни (см. ихъ между прочимъ и ниже) о свадьбахъ, играхъ, дѣяніяхъ животныхъ, по подобію людей, или, вѣрнѣе, Купалы, относятся по происхожденію къ Купальскимъ, ибо самыя эти явленія, *разъ только въ году*, имѣютъ настоящее мѣсто и представляются *дѣйствительностью* въ шабашѣ вѣдьмъ, на Лысой горѣ, т. е. въ Купальскій праздникъ.

Древнѣйшія и лучшія Купальскія пѣсни на Бѣлой Руси сопровождаются припѣвомъ „То то" или „Ту ту ту (см. о семъ особую статью):" по этому признаку можно всегда ихъ узнать. Другія, связанныя съ *обрядомъ*, сохраняютъ въ себѣ указанія на него или черты его, вообще тѣ особенности, кои намѣчены выше. Но гдѣ самый обрядъ слабѣетъ и, по мѣрѣ того, какъ порывается съ нимъ связь, пѣсня переходитъ въ разрядъ *обыкновенныхъ житейскихъ* и рисуетъ обиходныя явленія человѣческой жизни, хотя

---

1) Замѣчательно, что Купальское празднество имѣетъ мѣсто, когда солнце въ знакѣ рака, откуда начало знаменитаго описанія Купалы у Кохановскаго:

Gdy słońce Raka zagrzewa...

2) Жаловаться, пенять.

3) Видѣла.—4) Холстъ.—5) Borrago, боярыкъ, боярышникъ; бураки, свекла; лыковое ведерцо на бураки.—Въ подлинникѣ *буеракъ*.—6) Жилки; сѣть; лычки.—Здѣсь разумѣются и его клешни.—7) Квашню.—8) Въ подлинникѣ *водичу*.—9) Пѣсня, если не записана, то напечатана плохо; тащитъ.

и не лишонныя иногда общаго оттѣнка Купальскихъ. Таковы слѣдующія, потому *Купальскія,* что доселѣ употребляются въ *день Купалы:* не знай этого употребленія, мы не догадались бы о разрядѣ ихъ и отнесли бы ихъ къ прочимъ житейскимъ.

98.

«Ой, Сямёня, Сямёня,
«Ходи, сéрца, до мяне,
«Таки, серца, ходи,
«Таки вѣрно люби, сéрдонько!»
—Якъ до тябе ходить,
—Тябе вѣрно любить?
—У тябе батька лихъ,—
«Батьки дома не маю,
«У корчóмца гуляя:
«Таки серца, ходи,
«Таки вѣрно люби.»
—Якъ до тябе ходити,
—Тябе вѣрно любити?
—У тябе матка лихая.—
«Матки дома не маю,
«У корчомца батьки шукая [1]:
«Таки, серца, ходи,
«Таки вѣрно люби [2].»
—У тябе братъ лúхій.—
«Ой, я брату догоджý [3]),
«Бѣлу постéль постялю.»
—У тябе сястрá лихая.—
«Я й сястрѣ догоджу,
«Русу кóсу расчашу.»
— Колú ў тябе ворóта скрипять?—
«Я ворота загоджу [4]),
«Кусокъ сала подложу.»
—У тябе собаки лихія.—
«Я собакамъ догоджу,
«Цѣлу оўцý заряжý [5]).»
—Коли ў тябе куры лихія?—
«Коли ты курей боисься,
«На ворóтахъ ты повѣсься,
«А ты ко мнѣ не ходи,
«И ты мяне не люби,
«И чортъ тябе забери!»

(№ 17).

Эта пѣсня въ разныхъ видахъ извѣстна почти всѣмъ: у насъ на примѣръ, „Куманечекъ, побывай у меня.“ Подобныя пѣсни, какъ и у насъ, нынѣ уже просто житейскія, безъ отношенія къ обрядамъ и извѣстному празднику: но всѣ онѣ, однако, по происхожденію, связаны съ Купалою, именно съ *кумовствомъ названымъ. Кумиться* съ извѣстнымъ обрядомъ—дѣло Купальское. Но, когда разрушился древній великій праздникъ Купалы и торжество ея, вмѣстѣ съ обрядами, раздѣлилось на нѣсколько отдѣльныхъ праздниковъ, связанныхъ нынѣ уже съ христіанскими, тогда все дѣло *кумовства* или *кумованья* получило такой видъ въ своемъ распредѣленіи: 1) первый шагъ, то есть самое кумовство, вмѣстѣ съ завивкою зелени и вѣтвей, съ завиваньемъ вѣнковъ, съ поцѣлуями сквозь вѣнки и съ пусканьемъ вѣнковъ на воду *для гаданья,* все это перешло въ заключительный праздникъ *весенній,* именно *Троицкій,* и оглашено пѣснями *Троицкими* (или собственно *Сеймиковыми,* съ чѣмъ нынѣ связаны и *Русальи*); сюда, на примѣръ, относятся многочисленныя Великорусскія пѣсни, связанныя еще съ обрядомъ, „Во полѣ берёзынька стояла,“ „Туманъ, туманъ при долинѣ,“ „Вы кумушки, голубушки, Кумитеся, любитеся (цѣлуйтесь, сквозь вѣнки)“ и т. п. (на Бѣлой Руси онѣ большею частію уже потеряли связь съ обрядомъ и обратились въ житейскія, кои увидимъ ниже);—2) Въ другихъ мѣстахъ, у Малой и особенно Великой Руси, то же самое связалось съ обрядомъ или пѣснями „Кукушки (см. ее выше какъ спутницу Купалы),“ также въ весеннюю или Троицкую пору, какова, на примѣръ, наша пѣсня—

---

[1]) Батьки ищетъ.—[2]) И такъ далѣе.—[3]) Угожу, удовлетворю.—[4]) Задержу, не дамъ имъ.—[5]) Зарѣжу, приготовлю въ кушанье.

Ты кукушка ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка:
Будемъ кумиться,—
Не будемъ браниться.—И т. д.

При Купалѣ, гдѣ она нынѣ соблюдается, „Кукушка“ осталась лишь для вѣщаго дѣла, гаданья и прорицанья. Зелья же и вѣнки остались большею частію для особаго употребленія (хотя *въ пѣсняхъ* Купальскихъ, какъ мы видѣли, вѣнки еще и на первомъ мѣстѣ):—именно 3) свитые вѣнки, заплетеные сучья, пригнутыя тонкія деревья, — все это предполагаетъ далѣе — расплетеніе, развитіе, разгадку, разоблаченіе голой истины. Эти заключительныя, неизбѣжныя явленія упоминаются и въ Троицкихъ пѣсняхъ, какъ на примѣръ потеря вѣнка, когда тонетъ онъ, и т. п.: но *на самомъ дѣлѣ* это совершается, при многихъ обрядахъ, *передъ Купалой*, а чаще *въ самую Купалу*. Зелья, травы и цвѣты уже *собираются* или *употребляются*, на что бы то ни было: ихъ даже ѣдятъ или жгутъ; заломы, заплетанья обращаются со зло, становятся дѣломъ вѣдьмъ, и ихъ непремѣнно нужно расплесть, уничтожить; особо, намѣренно, съ обрядомъ, расплетаются или уничтожаются прежніе Троицкіе заплеты, заломы и завиванья; въ примѣненіи къ самой жизни, на дѣлѣ гибнутъ и тонутъ дѣвичьи вѣнки, дѣвичьи красы, расплетаются косы, развиваются — по нашему понятію — сами дѣвушки въ необычную гульбу; обнажаются, купаются, разоблачается голая истина, узнается, „есть ли правда въ дѣвушкахъ,“ восклоняются онѣ изъ прежняго гнета, выходятъ изъ послушанія; наступаетъ часто, хотя временное, хотя невольное, подъ наитіемъ обряда и древнихъ воззрѣній, нарушеніе всѣхъ семейныхъ связей. Понятно, что, съ развитіемъ вѣнка, сквозь который цѣловались и дѣлались кумовья или кумушки, нарушается ихъ кумовство: противусвященное нарушеніе самаго священнаго Славянскаго обычая, „названнаго кумовства,“ нѣкоторымъ образомъ даже освящается требованіемъ Купальскаго обряда, наитіемъ пѣсни Купальничка (ср. выше). Это,—что́ извѣстно въ обрядахъ и пѣсняхъ:

раскумимся, кумушка,
Раскумимся, голубушка!

Такимъ образомъ нынѣ дѣло Купальское есть собственно — *нарушеніе и разрушеніе кумовства*: таковъ разгулъ приведенной нами пѣсни; таковы многія Малорусскія пѣсни, и оплакивающія, и юморомъ оправдывающія грѣхи кума и кумы; таковы и многія другія Бѣлорусскія, коя увидимъ ниже, даже въ отдѣлахъ совсѣмъ иныхъ, внѣ обрядовъ праздничныхъ.

99.

«Да по вулицы туманъ ходить [1]),
«Ажь мой нялюбы танокъ водить [2]).»
А жана любая по пляцу [3]) ходить:
«Да до дому, нялюбы, до дому,
«Ня заляцайся [4]) никому!»
—Ня много милы заляцаўся·
—Троя чаравичакъ обяцаўся [5]),
—А троя панчошакъ бялёвяньких [6]),
—Подвязочакъ шоўко́ваньких [7]).—

(№ 18).

Здѣсь хотя подобные же образы ревности между женщиной и дѣвушкой, какъ выше, но уже ближе къ обыденной, обыкновенной жизни.

---

[1]) Почти всѣ пѣсни (лиричечкія) съ такимъ началомъ, о туманѣ, куревѣ, дымѣ, принадлежатъ, покрайности въ происхожденіе, къ Купальскимъ.—[2]) Это слова женщины, жены бабы.—[3]) Platz: по площади, по торгу, гдѣ танокъ.—[4]) Не поручай себя, не задавайся (ср. выше разговоръ голубей), не выставляйся, не хвались и въ похвальбѣ не связывайся обѣтомъ; не волочись, не дѣлай куръ.—[5]) Обѣщался.—[6]) Бѣлевыхъ.—[7]) Это слова дѣвушки, которая переманиваетъ молодца отъ женщины.

Такъ и слѣдующая пѣсня, хотя съ Купальскимъ притопываньемъ, можетъ итти ко всякому времени и сама по себѣ — отрывокъ, котораго смыслъ, щегольство дѣвушекъ передъ молодцами, возстановляется въ цѣльномъ образѣ лишь по другимъ Купальскимъ пѣснямъ, обрядамъ и преданіямъ (ср. особую статью).

100.

Ой, на горѣ волы́ ў ярмѣ [1]):
Ту ту ту!
Нашимъ дятючко́мъ дѣвочки на умѣ.
Хоть вы дѣтючки́ назови́тяся,
Нашимъ дѣвочкамъ ня шлитяся [2]);
Хоть вы дѣтючки рязсясти́ся,
Къ нашимъ дѣвочкамъ не квaптися [3])!
Ту ту ту!

(№ 9).

101.

Ой, пья́на я, пьяна,
На порозѣ ўпала:
«Ой, одчиняй [4]), мужу,
«Бо я пьяна дўжу [5]).»
Милы одчиняя,
У ми́лой пытая:
—Гдѣ жь ты, мила, бы́ла,
—Што на до́мъ [6]) забыла?—
«Была на рынку,
«Пила горѣўку,
Да и-зъ ро́домъ сышлася [7]),
«И на домъ забыла́ся.»
Ой, штобъ быў мужь добры,
Да ўзяў батогъ добры,
Да ўзяў милу бити:
—Ня йди ў корчму́ пити!
—Возми кватѐрочку [8]),
—А збяри роди́ночку [9]),
—Да ў дому напiйся,
—А не волочися!—

(№ 17).

См. многія подобныя разгульныя ниже, въ обычныхъ житейскихъ.

102.

Да пропиў чумакъ жито,
А жонка овёсъ и пшаницу:
«Ой, мужу, да ня пiй дужу!
«Да пока́ймыся,
«Да хо́дѣмъ [10]) до до́му,
«Да пора́димся [11]),
«За што [12]) будемъ пить.»
Да пропиў чумакъ коня́,
Жонка кобылу и жярябя:

---

1) Сравненіе: такъ молодцы подъ властію дѣвушекъ, увлечены, завлечены ими.—2) Не подсылайте, не подступайте.—3) Помянутый уже именительный съ неокончательнымъ: хоть вамъ, молодцамъ, разсѣсться, надсадиться, лопнуть, а къ нашимъ дѣвушкамъ не поспѣть, у нихъ не успѣть.

4) Отворяй.—5) Дюже, сильно.—6) Объ домѣ.—7) Сошлась съ родными: обыкновенныя свиданія на кирмашахъ и въ корчмахъ, породившія особый разрядъ пѣсень.—8) Кварту.—9) Родныхъ.

10) *Покаймыся, ходѣмъ*—повелительное 1-го лица.—11) Посовѣтуемся.—12) На что, на какія средства.

«Эй, мужу, да ня пій дужу!
«Да ходѣмъ до дому,
«Да покаймыся,
«Да порадимся,
«За што будемъ пить [1]).»

Да пропиў чумакъ вола́,
Жонка корову и тяля́.

Да пропиў чумакъ кабана́ [2]),
Жонка свинью и порося́.

Да пропиў чумакъ барана́,
Жонка овцу́ и ягня́.

Да пропиў чумакъ гусака,
Жонка гуску и гуся́ня̀.

Да пропиў чумакъ пѣтуха,
Жонка курицу и курня̀ [3]).

Да пропиў чумаки хату,
А жонка дяжу [4]) и лопату.

Да пропиў чумакъ свитку,
Жонка каптуръ [5]) и сподни́чку [6]).

Да пропиў чумакъ усяго́,
Што ўжо нѣту ничаго.
«Гей мужу, да ня пій дужу!
«Да пока́ямься [7]),
«Да ходѣмъ у по́ля, пошукаемъ [8])
«Болѣ чаго,
«За што будемъ пить.»

(Оттуда же).

Эта разгульная пѣсня, изъ числа Чумацкихъ, довольно рѣдкихъ на Бѣлой Руси, имѣетъ множество подобныхъ, и первообразовъ, на Руси Малой.

103.

«Іолушка, ёлушка, што не зѐлено стоишь?
«Дѣвочка, дѣвочка, што не ве́село сядишь?
—Якъ жа мнѣ, дѣвонцѣ, вясёлой быть,
—Коли мой батька не по праўдѣ живе,
—Ме́ньшаю дочку́ поперя́дъ за мужь отдае?
— Ме́ньшая дочка́ ничего ня ўмѣя,
—Ни ткать, ни прясти́, ни почи́нкоў [9]) мотати.—

Злая годи́на [10]) по воду́ ходити,
По воду ходить, зъ горы́ вёдра катить.
—Катитяся, вёдра, зъ горы́ подъ гору́,
—Зъ горы подъ гору къ паньскому двору́!—

На па́ньскимъ дворѣ стоить конь вороны́й,
На тымъ коню́ сядить паничь молоды́й,
На нимъ кунтушь и жупанъ,
Люди кажуть, што ёнъ панъ.
А ў рукахъ хустка, а ў кишени [11]) пустка,

---

[1]) И такъ далѣе повторяется. — [2]) Борова. — [3]) Цыпленка. — [4]) Квашню.—[5]) Капишонъ, шапка, чепецъ.—[6]) Исподницу.—[7]) Уже не повелительное, а 1-е лице изъявительнаго.— [8]) Поищемъ.

[9]) Наше—початковъ (льну).—[10]) Доля, судьба.—[11]) Въ карманѣ.

А при бо́ку сабли, а ў кишени дябла [1]),
А у зубахъ пипка и цыбукъ [2]),
А самъ сядить якъ кадукъ [3])!

(Оттуда же).

Пѣсня эта весьма извѣстная, по многимъ разнорѣчіямъ, между прочимъ наша „Ивушка, ивушка," того же Купальскаго происхожденія. Черты всѣ—совершенно житейскія и въ то же время всѣ—чисто Купальскія (ср. выше): плакучая ива и дѣвушка; суровость надъ ней въ дому и предательство; уходъ съ ведрами, подъ гору, къ жениху на конѣ (Дунай); черты жениха какъ Ивана, въ фантастическомъ и на конецъ даже дьявольскомъ видѣ.—Ср. выше вербу, которую подмываетъ и увлекаетъ Дунай.

104.

«Зялёная дубро́ванька, чаму́ ни шумѣла,
«Ни шумѣла, ни зилянѣла?»
—Якъ жа мнѣ ни шумѣть, ни зилянѣть?
—Былѝ вѣтры ня тихіи, были дождьі́ ня дро́бныи.—
«Ходо́сочка [4]), чаму жь ты ни плакала?»
—А якъ жа мнѣ ни плакать [5])?
—Были святы́ далёкіи, низнакомыи,
—Мой таты́лька ни отказываў,
—Ни отказываў, ды [6]) приказываў:
—«Приди, сва́тку, у субо́тку [7]),
—«У субо́тку зъ горѣлочкой,
—«А ў нядѣльку по дѣвочку!»—

(№ 40).

Эта Купальская пѣсня, по близости къ житейскимъ дѣламъ, переходитъ во многія подобныя Свадебныя.

105.

Купала на Йвана [8])!

Да у горо́дя, да на пяряхо́дя,
Тамъ стояла чирво́ная рожа [9]).
Нихто тей рожи не защи́кня [10]):
Вышла-вытёкла красная Юлька,
Яна тую рожу щипала,
Къ своиму лицу раўновала:
«Кабъ моё лицо ге́ткоя [11]) было,

---

[1]) Дьяволъ.—Родительный: „ёсть, има дябла."—[2]) Трубка и чубукъ.—[3]) Во всѣхъ прадревнихъ, тѣсно связанныхъ значеніяхъ, извѣстныхъ одинаково Бѣлой Руси: кадь, кадка, cadus (пустая); выморочное имѣнье (пустое) caduca; злая немочь, падучая болѣзнь, *пу́сто*, caducus morbus, cado; нечистая сила.

[4]) Θедосья.—[5]) Весь оборотъ рѣчи—извѣстное отрицательное сравненіе, съ необычнымъ однакоже вопросомъ. „Не дубровушка шумѣла, зеленѣла, не Θедосьюшка плакала; шумѣла, зеленѣла дубровушка, плакала Θедосьюшка; какъ не шумѣть, не зелѣнѣть дубровушкѣ, когда были вѣтры буйные, дожди проливные? какъ не плакать Θедосьюшкѣ, когда налетѣли сваты?..." Ср. наше: „Дунули вѣтры по полю, канули слёзы Маланьины."—[6]) Да, да еще.—[7]) Здѣсь это сопоставлено съ Соботкой—Купалой.

[8]) Послѣ каждаго стиха.—[9]) Роза.—[10]) Не защиплетъ („Нѣкому кудряву защипати.").—[11]) Этаково.

«Да ни пошла бъ я за никого,
«Ни пошла бы я за ора́таго [1]),
«Пошла бъ я за сана́тора [2]),
«Што по рыночку прояжжая,
«Зо стреме́нъ но́жакъ не выняя
«И королю шапки ни знимая.»
Купала на Йвана!

(№ 17).

Эта пѣсня, по простотѣ житейскихъ образовъ, перешла уже въ Волочебныя: см. выше.

106.

Ахъ, умѣла мяне мати
Родити и годова́ти [3]):
Ня умѣла мяне мати
Хорошо за мужъ отдати.
Я хотѣла за маёра, за поўко́ўника:
Ажь мяне мати отдала за разбойника.

Зъ ве́чара разбойники собераються,
А зъ по́ўночи разбойники у разбой ѣдуть,
Подъ бѣлы день разбойники зъ разбою ѣдуть,
Де́вятеро ко́ни вядуть;
На десятымъ кони́ мой милы молоды́й,
И стучить, и кричить своимъ громкимъ голосо́мъ:
«Ахъ, выди, жана, выди, барыня моя,
«Одчини ворота́ и придво́рчиньку [4]),
«И побяри гето платья ўсё скрова́вденоя,
«Да няси на Дунай—ни развёртывай!»

А я йшла молода́—не тярплива была,
Развяртѣла, поглядѣла:
Ажь мойго́ брата камизо́ўка [5]).
—Ахъ ты мужь, ахъ ты мужь,
—Загубитяль ты мой!
Загубиў мойго брата пярясудже́наго [6]).
—Свойго́ швагратку [7]) присудже́наго [6])!—
«Моя милая жана, не я яго биў,
«Да ўбила тёмная ночь!
«Шляпой махаў:—Вярнися, вярнися.
«—Шуринъ молодой, нежонаты холостой!—
«А мой шуринъ не зварну́ўся,
«А мечь голову́ [8]) уткну́ўся!»

(Оттуда же).

Подобныхъ пѣсень много среди Молодецкихъ, Безымянныхъ, хотя и Купальскаго происхожденія; между прочимъ у Великой Руси начало точь въ точь.—Такова пѣсня у Скоморохов, этихъ древнихъ служителей Купалы: ср. ниже особую статью и приложенія къ ней.

---

[1]) Оратая, пахаря.—[2]) Сенатора.

[3]) Подчивать, угощать; воспитывать.—[4]) Притворенька, засовъ, приворотенька.—[5]) Камзоль.—[6]) Присуженаго, суженаго, судьбою даннаго.—[7]) Schwager, зять.—[8]) Въ голову; ср. выше голову Ивана на мечѣ.

107.

Разгулъ воспоминаетъ и барщину, полевыя работы.

Коли жь тая серида́ прошла́,
Якъ ня ѣвши на пригонъ [1]) пошла,
Весь день жала—ня ляниласся,
Злому войту поклониласся;
А тяперь жа ни о чемъ тужи́ть,
А войтъ пьяны у корчмѣ ляжить!

(№ 48; Витобск. губ.)

За симъ у Бѣлой Руси слѣдуютъ уже пѣсни, *такія же*, какъ приведены нами, но которыя *въ другихъ* мѣстностяхъ не поются *въ Купалу*, а распущены по иньмъ праздникамъ или въ простой житейскій обиходъ; см. ихъ ниже въ своемъ мѣстѣ.

Наконецъ такія пѣсни, которыя *нынѣ уже нигдѣ на Бѣлой Руси не поются при Купалѣ*, а между тѣмъ очевидно носятъ слѣды того же происхожденія: онѣ также будутъ отмѣчены нами ниже, въ своемъ мѣстѣ, и родство ихъ съ Купальскими будетъ указано.

Что касается до тѣхъ Купальскихъ пѣсень, Великорусскихъ, Малорусскихъ, Словацкихъ, Сербскихъ, и прочихъ Славянскихъ, кои дополняютъ собою Бѣлорусскія, то онѣ отдѣльно собраны у насъ и отпечатаны какъ Приложеніе къ особой статьѣ о Купалѣ, гдѣ и можно ихъ видѣть для сличенія.

*

Многія части праздника и обрядовъ, равно какъ многія пѣсни Купалы, разошлись нынѣ на Бѣлой Руси къ Великому Дню, въ Волочобныя, къ Сѣмиковымъ или Троицкимъ съ Русальными, а равно черезъ полгода къ Колядѣ; Купальскія пѣсни кромѣ того разложилисъ на простыя Весеннія или Лѣтнія, на обычныя житейскія прочихъ разрядовъ, бытовыя и былевыя. То, что за симъ сосредоточено нынѣ къ Купалѣ, имѣетъ мѣсто съ вечера 23-го Іюня, во всю Купальскую ночь, наканунѣ Иванова дня, подъ утро дня—24-го Іюня.

Главное существо, которое влагаетъ душу во весь праздникъ и даетъ ему имя, кому совершаются всѣ обряды и о комъ поютъ пѣсни, кому принадлежитъ названіе самаго обряда, дня его или, лучше, ночи равно какъ заголовокъ пѣсни, — это *Купала*: мать, женщина или баба, вдова; не рѣдко она же и дочь, и въ семъ случаѣ двоится, дѣлится. — Но Купала *на Ивана*: *Иванъ* или *Янъ* есть утро послѣ кануна, день послѣ ночи, будущій или наступающій; черты его сохранены въ пѣсняхъ и обрядахъ, но лишь по отношенію къ Купалѣ, матери и дочери. Настоящей или дѣйствительный долженъ бы онъ праздноваться днемъ послѣ ночи: но праздникъ его совершенно поглощенъ церковнымъ, и народное потеряло свои древнія отличія въ церковномъ-христіанскомъ.

Связь Купалы и Ивана образуетъ иногда двойное имя, существо и торжество,—*Иванъ-Купала*: но таково оно особенно у Руси Великой, не Бѣлой.

Купала Бѣлорусская, съ ея особенностями, какія есть, обводится въ торжествѣ, обрядахъ и пѣсняхъ, тою же чертою существованія и мѣстожительства, какъ Бѣлорусское племя и нарѣчіе,—средоточіемъ области Виленской, частію Смоленской и Витебской, откуда, сосѣдя съ Русью Великой, входитъ и въ Псковскую, и въ Новгородскую, и въ поселенія Нѣмецкія то есть собственно Чудскія и Латышскія: въ области преимущественно Ковенской сливается съ Литвою, гдѣ примѣняется въ самостоятельной и не меньшей силѣ; на Западѣ и Юго-Западѣ упирается въ Русь Черную, массу Польскую или Русь Малую: на Юго-западѣ же и Югѣ врѣзывается въ Русь Малую областью Гродненскою, Минскою и Могилевскою.—Съ Сѣверо-востокомъ, то есть съ Русью Великой, судя по памятникамъ, въ старину была ближайшая связь: нынѣ же тамъ обрядъ почти вовсе исчезъ, пѣсни разошлись по другимъ отдѣламъ, и сходство ослабѣло. — На-

[1]) На барщину.

противъ, съ Малой Русью, далѣе съ Червонной и Карпатской, Бѣлорусская Купала дѣлитъ многіе обряды и пѣсни, близко сходные и даже одинакіе; та же Купала, но уже меньше или какъ одинъ слабый остатокъ древности, отзывается и у прочихъ Славянъ.—За то, чѣмъ западнѣе они, въ особенности Поляки и Словаки, тѣмъ прямѣе Купалѣ соотвѣтствуетъ тамъ *Соботка*, *Собутка* или *Суботка*, извѣстная отчасти и у Малой Руси, по мѣрѣ близости ея къ западу: это тотъ же праздникъ и обрядъ, та же пѣсня, но съ нѣкоторымъ особеннымъ примѣненіемъ и далѣе развившимися чертами; здѣсь въ обрядѣ и пѣсни, виднѣе Иванъ, чѣмъ Купала, а изъ Купальскаго образа виднѣе дочь-дѣвушка, чѣмъ мать; болѣе само дерево, въ зелени и цвѣтѣ, чѣмъ костеръ изъ деревьевъ; болѣе вино, чѣмъ вода, если же и вода, то цѣлая рѣка, на которую пускается костеръ; а главное—гора, получившая то же имя Суботки, съ субботою или шабашемъ на ней вѣдьмъ, вѣдуновъ, всѣхъ Купальскихъ чудищь.—Наконецъ, въ крайнемъ развитіи, на обратномъ концѣ, у нѣкоторыхъ Славянъ, вмѣстѣ съ Западно-европейскими народами, вниманіе народное цѣликомъ поглощено самимъ *Иваномъ* и *день* носитъ *его* имя. Такая крайность совершенно неизвѣстна Бѣлоруссамъ въ народномъ смыслѣ: она у Бѣлой Руси имѣетъ мѣсто на другомъ, обратномъ предѣлѣ года, черезъ полгода, когда образъ и обрядъ Ивана отчасти оживаетъ въ Колядѣ.

Бѣлая Русь оказывается и есть между Славянъ срединнымъ, исходнымъ и главнымъ мѣстомъ древнѣйшаго торжества *Купалы*, въ тѣсномъ, опредѣленномъ и своеобразномъ смыслѣ сей послѣдней.

Здѣсь, при *пѣсняхъ*, достаточно уже приведенныхъ и объясненныхъ, *обрядъ* имѣетъ слѣдующія, главныя и непремѣнныя черты:

Вечеромъ 23-го Іюня, *совокупленіе* по возможности *всѣхъ* жителей изъ хатъ и деревень, кои остаются за симъ почти пусты, въ поле, на горку, къ ручью, къ рѣкѣ и большой рѣкѣ, а гдѣ все это есть,—соединеніе всего вмѣстѣ.

Главную роль играютъ *дѣвушки*: рядомъ неженатые *молодцы*, въ соотвѣтствующихъ парахъ и рядахъ; изъ нихъ вмѣстѣ—*танокъ*; за тѣмъ—замужнія молодыя *женщины*, бабы, вдовы; слабѣйшая роль остальныхъ; общій перевѣсъ на сторонѣ *женской*.—Старики и старухи не столько дѣйствуютъ, сколько *участвуютъ*, именно пируютъ; часть ихъ, равно какъ дѣвочки, — дома, стеречь хату и дѣтей; но мальчики имѣютъ *свои* кружки, пляски и даже пѣсни.

Главный разгаръ праздника, гулянья, пѣсень — *ночью*, на Ивана.

Дѣлаютъ и убираютъ *куклу*, *чучелу—женскую*: носятъ ее, пляшутъ вокругъ, зажигаютъ, позже—топятъ въ водѣ. Оттѣнки мужскаго образа здѣсь едва замѣтны, и то лишь въ пѣсняхъ, или въ двойствѣ съ Купалой, въ существѣ полумужскомъ, полуженскомъ. Матерьялъ куклы—оставъ *столбомъ* или *коломъ*, потомъ *солома*, *лыки*, *коноплель—верьва*, *хворостъ*, *березки*.

Гораздо общеупотребительнѣе и непремѣненъ повсюду, какъ исключительная особенность, безъ коей нѣтъ Купалы,—*костеръ*, зажигаемый, сгорающій, иногда заливаемый водою: преимущественно *дубъ*, *солома*, *конопля*, но и береза, сосна, и прочее подъ рукою. Огонь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводится треніемъ *досокъ* или изъ *досокъ*, доски изъ разбитыхъ *бочекъ*, *чановъ*, *кубла*, *ведеръ*, домашней деревянной посуды; прибавка старыхъ *лаптей*, *онучь*, *лыковъ*, *бураковъ*.

Черезъ костеръ или огонь *прыгаютъ*, но меньше, чѣмъ въ Малороссіи и другихъ краяхъ. Болѣе пляшутъ вокругъ, гуляютъ, обходятъ, пируютъ.

Вмѣсто костра или при немъ горитъ иногда *бочка*, гдѣ есть—*смоляная*, гдѣ позволяетъ мѣстность—на пригоркѣ или крутой горѣ.

Заливаютъ огонь *кублами* (чанъ, ушатъ съ крышей) и *вёдрами*: рѣже пускаютъ его горѣть *на водѣ* или на *плоту*: это принадлежность болѣе западной Соботки; еще рѣже нынѣ *купаются подъ утро*: съ забвеніемъ старины, очищеніемъ понятій и укрѣпленіемъ Христіанства, вмѣстѣ съ тѣмъ ночью бываетъ и менѣе грѣховъ; по нѣкоторымъ мѣстамъ, въ замѣнъ того, употребительнѣе *лазня*, баня, и то уже какъ приготовленіе къ празднику или очищеніе послѣ Купалы.

Независимо отъ костровъ, хотя въ тѣсной связи съ ними и вблизи, для празднующихъ устраиваются въ полѣ *сѣни*, *кусты*, *кущи*, шатры изъ зелени, хворосту, сучьевъ.

Самое мѣсто, гдѣ собираются, обгораживается, обсаживается *зелеными деревцами*, чаще *березками*, колышками, въ родѣ зеленаго тына, плетня. Это характеръ мѣста священнаго, *заповѣднаго*. Вообще изстари, и по раннему развитію частнаго землевладѣнія, на Бѣлой Руси нивы и луга обгораживаются: какъ священная собственность, они огорожены и прадревнимъ священнымъ уваженіемъ, именемъ *заповѣдниковъ*,

именемъ *царинъ*, столь извѣстныхъ въ Малой, Червонной Руси, и въ средней Болгаріи, то есть въ нынѣшнихъ Дунайскихъ Княжествахъ. Мѣсто празднованія Купалы устраивается и понимается именно какъ эта царина, заповѣдная, притомъ уже не частная, а для всѣхъ собравшихся, общинная.

Къ обряду же относится сопровожденіе пѣсень усиленныхъ и намѣренныхъ *притопываньемъ, стукомъ*; если можно, во что нибудь *бьютъ*, хоть въ *кубло* или *ведро*: это и отзывается въ припѣвѣ самихъ пѣсень. Гдѣ только уцѣлѣла *волынка* или можно ее достать,—тамъ она непремѣнная принадлежность, при ней и дударь, скоморохъ съ подплясскою, за неимѣніемъ—хоть *скрипка*.

Въ убранствѣ празднующихъ главное вниманіе обращенно на женскую голову и обувь: къ обыкновеннымъ *сорокамъ* или (у замужнихъ католичекъ) *чапцамъ* (побогаче—съ цвѣтами и лентами) на восточной окраинѣ Бѣлой Руси прибавляютъ для этого праздника—дѣвушки *войникъ*, родъ полуповойника изъ голубой матеріи съ бисеромъ и узорочьемъ, этого извѣстнаго остатка отъ древняго металлическаго вѣнца, а вмѣстѣ (вторичный, какой можно имѣть нынѣ) *вѣнокъ* изъ травъ и цвѣтовъ; замужнія — *поневяйко*, глухой (съ дномъ) повойникъ, столь же разукрашенный.—*Лапоть* играетъ большую роль во всѣмъ обрядѣ, пѣсняхъ и сказаціяхъ Купалы: но какъ его, и мужскихъ сапоговъ, нечѣмъ нынѣ разукрасить, то для праздника женскій полъ щеголяетъ по крайности чулками и подвязками.

Угощенье, приносимое со всѣхъ зажиточныхъ домовъ, употребляемое и врозь, кружками, и въ складчину сообща, состоитъ изъ *сыру*, *творога*, прѣсныхъ лепешекъ—*бабокъ*, съ толченымъ *конопляннымъ* сѣмянемъ, *лукомъ*, *чеснокомъ*, пряными *зельями*, *холодника-квасу*, *яишницы*, *верещаги*, въ которой употребляется сало и мясо (единственное исключеніе изъ остальнаго, болѣе растительнаго кушанья въ сей праздникъ), и т. п. Сообразно характеру Соботокъ, и по мѣстности, тому благопріятствующей, западнѣе и югозападнѣе, при этомъ въ ходу *вино* виноградное: но и тамъ, а въ Бѣлой Руси исключительно, *водка*, въ возможномъ обиліи. Обычно трезвые, развѣ только въ этотъ праздникъ допускаютъ Бѣлоруссы и Литовцы нѣкоторое исключеніе. А такъ какъ собираются кучи народа, то конечно потребляются цѣлыя *бочки* и *боченки*: ихъ-то разбитые остатки и идутъ въ пополненіе костровъ.

Извѣстная сравнительной чистотою и цѣломудріемъ семейная жизнь Бѣлой Руси, если когда допускаетъ пробѣлы или пятна, съ непріятными послѣдствіями, то именно и по преимуществу въ Купалу. Впрочемъ развитіе Христіанскихъ воззрѣній и усиліе церкви, особенно католической, вмѣстѣ съ постепеннымъ ослабленіемъ стараго языческаго обряда, все больше и больше полагаетъ тому предѣлъ.

Вѣдьмы или *Чаровницы*, повторяющія въ себѣ древнюю свѣтлую, нынѣ уже озлобленную и демоническую Купалу, играютъ въ ея ночь значительную роль. Правда, какъ разгаръ страстей и большія къ тому средства перешли на далекія отъ Бѣлой Руси или сосѣднія Соботки, а потому Чаровницы, по народнымъ представленіямъ, отправляются въ эту ночь изъ Бѣлой Руси въ Малую, вообще на югъ и западъ, за тамошнія Лысыя горы или горы Соботки: но однако дѣяніямъ ихъ, по крайней мѣрѣ слѣдамъ и способамъ дѣяній, всѣмъ этимъ „страстямъ и ужастямъ“ остается довольно мѣста и на родинѣ. Такъ, отправляясь, на Гору онѣ для того 1) сѣдлаютъ себѣ и замучиваютъ ѣздою *лошадей*, что у насъ дѣлается Вѣдуномъ или Домовымъ, и противъ чего употребляютъ Бѣлорусcы мѣры, развѣшивая *вѣнки* изъ травъ или *освященныя зелья* въ конюшняхъ, крѣпко запирая и сторожа сіи послѣднія, не отпуская коней на ночлегъ въ поле, и т. п. И все-таки на другое утро многія лошади измучены такъ, что валитъ паръ или спутанъ волосъ (ср. выше поѣздъ Ивана ночью за дѣвушкой); 2) вѣдьма для себя и прочихъ товарищей въ эту ночь выдаиваетъ у коровъ *молоко*, предварительно напаивая ихъ *росою* изъ огородовъ, выцѣживаетъ или выпиваетъ его изъ посудинъ въ погребѣ, съѣдаетъ *сыръ* и все *молочное* (ср. выше угощенье Купалы, въ ея пріемѣ, и угощеніе самихъ крестьянъ на праздникѣ): противъ этого опять убираютъ рога скотинѣ *вѣнками* и *святоянскимъ зельемъ*, втыкаютъ травы по угламъ хлѣвовъ, особенно *ластовицу*, *ласточникъ*, вѣшаютъ надъ дверями убитую *сороку*, крестъ на крестъ лучину (какъ въ Богоявленье), болѣе же ставятъ *восковую свѣчу*, освященную въ Срѣтеніе, и, какъ самый этотъ праздникъ, называемую *Громницею* (свѣчъ боятся чаровницы и чаровники: ср. выше подвиги Яна ночью; если жь была у него свѣча, какъ употребляется и костеръ, то это освящается Громницею). Но есть еще дѣйствительнѣйшее средство, и признать, и отогнать чаровницу: она, принимая видъ добрый, видъ свѣтлой Купалы, посѣщаетъ также хаты, какъ нѣкогда и Купала. Хозяйка беретъ молочную „цѣдилку“ и зaритъ ее въ горшкѣ съ освященнымъ зельемъ: какъ бы почуявъ готовое кушаніе (ср. выше изображеніе „Дадиной,“ алчно желающей варева изъ зелья), вѣдьма приходитъ въ хату и обыкновенно проситъ въ

займы ведра, ушата, рѣшета (ср. выше употребленіе этой посуды;) ее уже стерегутъ, и, если чего нибудь, хоть песчинки, не успѣетъ унести она, то непремѣнно начнетъ сохнуть, хворать, и даже умираетъ (ср. смерть „Дядиной"). Легко узнать ея продѣлки и на другой день послѣ ночнаго шабаша: лежитъ она въ хатѣ чуть живехонька, ни шевельнуться, ни поворотить языкомъ. А главная цѣль ея прихода въ хату объ эту пору,—украсть ребенка. Именно, 3) мы видѣли выше слабое, чуть замѣтное упоминаніе дитяти, новорожденнаго отъ Купалы, отъ дочери ея или просто дѣвушки: его праздникъ собственно черезъ полгода ровно, 24-го Декабря, когда празднуется *Божичь*. Но въ Купалу онъ страждетъ (ср. выше, какъ дѣвушка его топитъ въ Дунаѣ): это же любимое блюдо и на шабашѣ, если только успѣютъ достать новорожденнаго и не окрещеннаго. Для того вѣдьма, какъ древняя *Рожаница*, прикидывается повивальной бабушкой и пробирается, около времени Купалы, къ готовымъ или недавнимъ родильницамъ. Разъ въ Гродненской губерніи *), она забралась къ родильницѣ въ видѣ *лягушки* (ср. выше бракъ лягушки или жабы на шабашѣ): мужъ, замѣтивъ ее, хватилъ топоромъ и отсѣкъ ей правую лапку, покушавшуюся на младенца. Что же? На другой день пришелъ онъ къ бабкѣ, звать ее на крестины: она-то и была вѣдьмой,— лежитъ и охаетъ, а правая рука у ней отсѣчена.— Въ семъ качествѣ чаровница является особымъ существомъ—*Стрига* (подробности см. въ особой нашей статьѣ): это женщина огромнаго роста, съ *распущенными волосами*, впалыми щеками и зелеными кошачьими глазами. Она иногда показывается, куда поселяться. „Встрѣтившись съ нею, беременная женщина обѣщается ей, и за себя, и за домашнихъ, ничѣмъ не безпокоить ее, во все время пребыванія у нихъ въ домѣ. И дѣйствительно, беременная женщина извѣщаетъ домашнихъ о появленіи Стриги и, чуть не со слезами, умоляетъ ихъ не сердить непрошеную гостью: и домашніе словечкомъ дурнымъ боятся помянуть ее, напротивъ относятся къ ней съ уваженіемъ Прогнѣвавшаяся Стрига можетъ натворить много лиха: она можетъ подмѣнить красиваго ребенка на урода можетъ изувѣчить и даже совсѣмъ убить. Сильно озлобленная Стрига схватываетъ ребенка и въ глазахъ матери размазживаетъ ему голову о камень. Почти ничѣмъ нельзя отдѣлаться отъ Стриги, даже и святая вода не помогаетъ. Для сохраненія отъ нея ребенка, есть одно только средство: его *купаютъ* каждое утро кромѣ *пятницы, до захожденія солнца*, и воду выливаютъ также до захожденія солнца (ср. выше въ Купалу купанье до солнца: солнце, всходя, играетъ, и его должно встрѣчать уже послѣ купанья и Купалы). Послѣ захожденія солнца воду уже нельзя выливать. Купать же ребенка въ пятницу отъ того нельзя, что въ этотъ день умеръ Спаситель міра и въ этотъ день, по повѣрью крестьянъ, онъ ходитъ благословлять новорожденныхъ. Искупавъ ребенка въ этотъ день и выливъ воду, можно *залить глаза* Спасителю" **).—Съ этимъ связано на Бѣлой Руси, какъ и на Великой въ особенности, почитаніе *Пятницы* и *Пятницъ*, опасеніе мыть въ этотъ день бѣлье, золить, и купать дѣтей, дабы „не прошли слезы у Пречистой (ср. выше празднованіе Купалы, кончающееся *Шабашемъ* или *Суботкой*; черты былевыя о задачахъ суровой матери и свекрови — мыть бѣлье, золить и качать ребенка; утопленіе ребенка; слезы Купалы, ея дочери и Ивана, слѣпоту ихъ. Ср. также выпуски „Калѣкъ Перехожихъ" 5-й, 6-й и 8-й, о Пятницахъ и Хожденіяхъ, а равно особую статью ниже)."—Наконецъ 4) Чаровница или Вѣдьма, Смѣнившая свѣтлую Купалу, упорно отстаиваетъ права сей послѣдней въ Купальскую ночь и, какъ озлобленная, дѣйствуетъ на зло. По памяти „царины" или заповѣднаго огороженнаго мѣста, гдѣ нѣкогда стояло изображеніе Купалы, и гдѣ въ „лазни" кланялись „Сопухѣ," чаровница въ ночь на Ивановъ день заламываетъ на четыре угла рожь въ полѣ и дѣлаетъ изъ нея *Куклю*, какъ называютъ Бѣлоруссы, то есть *Куклу* или *Чучелу* (ср. выше сжигаемую или топимую чучелу Купалы изъ соломы, равно „заломы" на всей Руси, „Кал. Перех." вып. 5, 6 и 8). „Крестьяне считаютъ это для себя за большое лихо. Если хозяинъ ржи во время не увидитъ этой шутки колдуньи, то верно все высыпется, останется одна только солома. Жница, сжавшая заломанную лиходѣйкой рожь, высыхаетъ какъ *былинка*, руки и ноги ея сводитъ въ корчу. Иногда подъ Куклю колдуньи подкладываютъ *уголь*, или скорлупу отъ *яйца*, или кусокъ *земли*. Это пугаетъ крестьянъ еще больше: уголь означаетъ, что хозяинъ загнутой Кукли *погоритъ*; скорлупа,—что хозяинъ *обѣднѣетъ* какъ облупленное яйцо (ср. выше Купальскія средства къ обогащенію); кусокъ земли,—*помереть* хозяину въ этотъ же годъ ***)." О средствахъ къ отвращенію сего см. ниже.

---

*) По разсказу Петра, крестьянина изъ дер. Стріевки, Озерской волости: ср. въ „Виленскомъ Вѣстникѣ" 1867 г. №№ 119 и 120, статьи Г. *Славутинскаго*, „Этнографич. очерки Гродненской губ."

**) Оттуда же. Разсказъ Озерскаго волостнаго писаря, Гродн. губ., Каранкевича.

***) Оттуда же.

Зелья, *былины*, *травы* въ Купальскую ночь собираются вообще *всѣ*, какія только пригодны для разнаго употребленія, именно *для вѣнковъ*, *лѣкарствъ* и *кушанья*: это лучшая ихъ пора. Но, какъ вездѣ у Славянъ и на всей Руси, у Руси Бѣлой есть травы и цвѣты отборные, исключительно принадлежащіе Купальскому дню: *Рута*; *Василь*, *Василёкъ*; *Дяголь*, *Дягиль*, *Дягель*; *Богатки*; *Солодка*, *Солодушка*; *Вуйракъ*, *Бурашникъ*; *Ластовица*, *Ластовень* и *Курослѣпъ*, *Куриная слѣпота*; *Перелётъ*; *Лопань*, *Лапухъ*; *Былица*; *Расходникъ*; *Братишки*, *Братъ съ сестрой*, *Иванъ да Марья*; всего же болѣе *Папороть*, *Папыротка*, *Папоротникъ*. Онъ цвѣтетъ лишь разъ въ году, необыкновеннымъ, *чуднымъ*, *ослѣпительно бѣлымъ цвѣтомъ*, именно въ эту полночь. *Клады* или *котлы* съ золотомъ и серебромъ, которыхъ дѣйствительно много на Бѣлой Руси и которыхъ ищутъ поселяне, особенно даютъ о себѣ знать въ Купальскую ночь: надъ ними выскакиваетъ *волкъ*, горитъ *огонь*, а всего болѣе *цвѣтетъ* папоротникъ. Но, кто сорветъ цвѣтъ, получаетъ не одни клады: его сила всѣхъ одолѣваетъ, онъ отмыкаетъ всѣ *замки* и *запоры*, разрушаетъ преграды, добываетъ все желанное, все знаетъ, разумѣетъ языкъ птицъ и деревьевъ, уничтожаетъ покушенія чаровницъ. Трудно цвѣтъ подстеречь, еще труднѣе сорвать отъ окружающихъ чертовскихъ страстей, еще труднѣе убѣжать съ добытымъ: обыкновеннѣе разсказы, что цвѣтокъ попадаетъ нечаянно къ проходящему Купальскою ночью, именно *въ лапоть*. „Въ Дисненскомъ уѣздѣ (Виленск. губ.) сохранилось преданіе о работникѣ, который нечаянно наступилъ на папоротникъ, и цвѣтъ его упалъ ему въ лапоть. Въ то же мгновеніе онъ сталъ свѣдущимъ, открылъ пропавшихъ лошадей, узналъ, гдѣ сокрыты клады, какія мѣры должно принять противъ проказъ чаровницъ. Прійдя домой, этотъ всевѣдущій разулся, цвѣтъ папороти остался въ лаптѣ, и—увы—кончилось всевѣдѣніе. Окружающіе... догадались, въ чемъ дѣло и бросились осматривать лапоть. Нѣкто „Стіпанъ“ (Степанъ) поймалъ цвѣтокъ и убѣжалъ. Донесли пану. Тотъ не побоялся знахарства Степана, силою отнялъ отъ него волшебный цвѣтъ, и съ того времени горькое житье стало у него не только крестьянамъ, но и чертямъ *) (Ср. выше, какъ шьетъ Иваничка ногавицы, обычное плетенье лаптей лѣшимъ, и ниже преданія о *Гомсикѣ*).“—Изъ сѣянныхъ и огородныхъ растеній болѣе играютъ роль въ Купалу *Ленъ*, *Конопель*, *Лукъ*, *Чеснокъ* (ср. выше).—Изъ деревьевъ, въ пѣсняхъ и обрядѣ костра, *Ива*, *Верба*, *Рябина*, *Дубъ*, *Береза*, западнѣе *Липа*; *Ель* и *Сосна*; изъ кустарника *Горда*, *Гордовочка* или *Радовочка* (подробности въ особой статьѣ).

Изъ птицъ дѣйствуютъ особенно *Кукушка*, *Сорока* и *Ласточка*: птицы вообще въ эту ночь разговариваютъ между собою и бесѣдуютъ къ людямъ. Деревья, особенно *дубы*, съ мѣста на мѣсто переходятъ, ведутъ разговоръ шумомъ вѣтвей. *Языкъ* каждаго творенія, птичій и растительный, можно слышать владѣльцу цвѣтка папоротника.

Итти за цвѣтомъ нужно *одному*, въ глубину лѣса, въ трущобу, гдѣ дожидаться *полночи*, обыкновенно съ освященнымъ *зельемъ* въ рукахъ и особенно *восковою свѣчею*, *Громницею*, освящаемою въ Срѣтеніе, праздникъ того же имени (съ нею и умираютъ въ рукахъ на одрѣ). На мѣстѣ, отъ страстей, очерчиваютъ извѣстный *заколдованный* кругъ *рябиновой палкою*. Но, какъ сказано, дѣло обыкновенно не удается, цвѣта еще никто изъ живущихъ не видалъ, получавшіе гибли, владѣютъ невѣдомо лишь знахари, простымъ смертнымъ остается одно преданіе. До самаго послѣдняго времени повторяются разсказы о несчастныхъ случаяхъ со смѣльчаками искателями **).

Замѣчательна наружность главнаго *чорта*, управляющаго ватагою прислужниковъ въ Купальскую ночь, надъ цвѣтомъ папоротника, по описанію Бѣлорусскихъ крестьянъ: „Чудовище необыкновенно высокаго роста; на челѣ у него *одинъ* большой *глазъ*, носъ съ *одною* ноздрею, *обнаженная* голова (ср. выше Лысаго бѣса и Лысую Гору), страшной величины, вмѣсто ушей большія дыры, на головѣ одинъ крючковатый длинный *рогъ*, правое плечо гораздо выше лѣваго, шеи вовсе нѣтъ, вмѣсто рукъ и ногъ *конскія копыта*, вмѣсто тѣла у него *рыбья чешуя* (какъ у Русалокъ), а грудь покрыта длинною *шерстью* ***).“—„Цвѣтокъ папоротника сторожатъ безчисленное множество слугъ *адскаго царя*, да и самъ этотъ *царь*, самъ набольшій дьяволъ сидитъ тутъ же, въ рукахъ у него желѣзный *шестъ*, *раскаленный какъ уголь*.

---

*) Г. Киркора „Этнографич. взглядъ на Виленск. губернію,“ въ „Этногр. сборникѣ“ т. 3.

**) „Виленск. Вѣстникъ“ 1867., № 119, случай напуганнаго и повѣсившагося смѣльчака изъ Гродненской губерніи.

***) Помянутая статья г. Киркора.

зорко слѣдитъ царь чертей за сторожами, хорошо ли караулятъ цвѣтокъ. Чуть кто изъ нихъ зазѣвается, онъ тычетъ того тѣмъ *шестомъ*, и—должно быть—очень больно бываетъ, потому что чортъ, получившій тычокъ, съ полчаса скачетъ и кривитъ рожу, а остальные, глядя на него, *что есть мочи ржутъ, словно цѣлый табунъ лошадей* *)".

Болѣзни, исцѣляемыя Купальскими травами: особенно *волосникъ*, „волосатикъ;" извѣстный *колтунъ*, мѣстная Бѣлорусская язва, и *падучая*, *корчи*.

Рѣки, по увѣренію рыбаковъ, какъ-то Двина, Днѣпръ, Нѣманъ серебрятся *особымъ блескомъ*. Западнѣе, гдѣ празднуются уже Соботки, на примѣръ Бугъ и Висла, покрываются сами горящими кострами: въ чудной картинѣ, огни мелькаютъ на летучихъ плотахъ, гуляющіе въ челнахъ празднуютъ и поютъ на водѣ, а съ береговъ свѣтятъ имъ маяки на пригоркахъ. Только послѣднее возстаніе мало по малу кладетъ конецъ сему празднику среди Поляковъ.

На зарѣ должно все кончиться, и именно, гдѣ есть обычай того, *купаньемъ*. Вслѣдъ за тѣмъ всѣ отправляются смотрѣть восходъ *солнца*: оно на этой зарѣ *играетъ*, дрожитъ блескомъ, дѣлится на нѣсколько частей, *зайчиковъ*, которые разбѣгаются, играютъ и снова сливаются въ одинъ кругъ. По другимъ, солнце въ это утро ѣдетъ *къ супругу*, *на трехъ коняхъ*, золотомъ, серебряномъ, перловомъ, пляшетъ на колесницѣ, сыплетъ съ нея лучи и искры.

Утро 24-го числа Іюня—переломъ, послѣ коего наступаетъ уже *Иванъ*, *Янъ* (Бѣлоруссы, православные и католики, соединяя въ себѣ черты Славянства и сѣверовосточнаго, и западнаго, одинаково употребляютъ оба имени): *Иваничка*, *Яночка*, *д'ень Ивановъ*, *Свято-Янскій*, въ Витебской губерніи „Янъ—день," отъ Поляковъ—„свенты Янъ," и т. п. Но этотъ день въ языческомъ и народномъ значеніи совершенно исчезъ: онъ воскресъ въ христіанскомъ, ибо христіанство съ самыхъ первыхъ временъ освятило его празднованіемъ *Рождества Ивана Предтечи*. Тамъ, гдѣ всего болѣе праздновались Купала и Иванъ, на Бѣлой Руси съ самыхъ первыхъ шаговъ водворившагося христіанства настроено особенно много церквей и костеловъ *Св. Ивана*, *Св. Яна*. Отсюда началось обратное уже воздѣйствіе на всѣ древніе языческіе обряды и представленія.

Литва въ собственномъ смыслѣ, главнымъ образомъ *Жмудь* раздѣляла съ Бѣлой Русью вполнѣ празднованіе Купалы;— даже Евреи, какъ нарочно, съ своимъ *Шабашемъ*, праздникомъ подъ субботу и въ субботу, кущами внѣ домовъ и огнями, поддерживали и освѣжали въ народной памяти древнія представленія. У Литовцевъ этотъ праздникъ называется доселѣ *Кекирисъ*, *Kekiris*, а богиня—знаменитая *Лада*, *Lada*, которой зажигали костры, прыгали черезъ нихъ, приносили въ жертву *бѣлыхъ пѣтуховъ*, припѣвали въ пѣсняхъ: „Лада, Лада, Ди-до мусу деве", „Лада, Лада, Ты Великая наша Богиня." Праздникъ у нихъ обставленъ замѣчательнымъ миѳомъ о *Россѣ*, *Брумине*, *Нойолѣ*, *Поклусѣ* и его *Прагарасѣ* (см. въ особой статьѣ). Но, чѣмъ больше это было развито у Литвы, тѣмъ болѣе и уничтожено развитіемъ Католичества, которое не только очистило, но даже, какъ извѣстно, фанатизировало Литовское племя въ обратную сторону: всѣ древнѣйшія и важнѣйшія святилища христіанскія, въ мѣстахъ былаго или нынѣшняго жительства Литвы, кладбища и храмы покрываютъ своими фундаментами и огороженными дворами именно старые, чтившіеся языческой Литвою, жертвенники, источники, заповѣдныя урочища и игрища. Бѣлая Русь, сравнительно съ Литвою, благодаря терпимости Православія уберегла болѣе дохристіанской старины въ пѣсни и въ обрядѣ.

Тамъ, гдѣ нѣкогда, какъ въ Римѣ, сошлись три главныхъ племени, трое болѣе старыхъ жителей Сѣверо-западнаго края, въ Вильнѣ, съ самой древности развилось празднованіе Купалы самымъ обширнымъ образомъ. Мѣстомъ главнымъ служила *Роса*, загородная окраина того угла, гдѣ преимущественно жила и строилась Русь (всѣ главные и древнѣйшіе храмы ея въ этомъ же углѣ): понынѣ прелестное мѣсто, соединеніе довольно высокихъ пригорковъ, покрытыхъ дубомъ, березою, липою, прорѣзанныхъ многими тѣнистыми долинами. Здѣсь-то, документально, всю ночь нѣкогда праздновали, плясали и пѣли. Католичество, возобладавъ съ XVI вѣка, устроило здѣсь въ самой срединѣ *кладбище*, понынѣ называемое *Росы*. Но гулянье, не смотря на то, не исчезло и доселѣ ежегодно совершается близь кладбища, къ сторонѣ такъ называемой „Желѣзной хатки." Собирается чуть не весь городъ, музыка, на окрестныхъ пригоркахъ

---

*) „Вил. Вѣстникъ" 1867, № 114.

горящія смоляныя бочки, хороводы живущихъ близь той же мѣстности, изстари сюда ушедшихъ, старообрядцевъ. Мы были здѣсь очевидцами въ 1865 году.

Въ срединѣ города, какъ противодѣйствіе, съ XVI-го же вѣка, воздвигся знаменитый по лѣтописямъ края, огромный и тяжелый костелъ *Свенто-Янскій*. Церковный праздникъ 24-го Іюня совершается здѣсь въ чрезвычайномъ великолѣпіи, во многолюдствѣ, собранномъ даже изъ окрестныхъ селеній. Сюда-то приносятъ утромъ, собранныя ночью, *зелья* и *травы свенто-янскія, свято-янскія, свято-Ивановскія*. Образуется вокругъ храма огромный живой рынокъ: зелья освящаются духовенствомъ, святой водою; народъ толпами цѣлый день раскупаетъ ихъ, онѣ-то идутъ въ лѣкарства, въ кушанья, въ стойла и конюшни противъ чаровницъ, въ горшки для варева на пользу коровамъ и гибель вѣдьмамъ, для родильницъ, для сопровожденія смѣльчака, идущаго за папоротью; и т. д. То же самое совершается и по всему Краю, при храмахъ, особенно гдѣ праздникъ престольный; по мѣстамъ тутъ же освящаютъ и *восковыя свѣчи*.

Изъ храма же духовенство въ этотъ день ходило освящать, кропить святою водою „царины," заповѣдныя, общинныя, а потомъ вообще „собственныя," въ частномъ владѣніи нивы и луга, откуда особыя „царинныя" пѣсни, уцѣлѣвшія больше у Малой Руси. Нынѣ съ тѣмъ же идетъ духовенство кропить поля и сжигать „Куклю," въ случаѣ помянутаго залома чаровницею. А случаи повторяются до послѣднихъ дней. „Крестьяне православные приглашаютъ на то мѣсто священника, а католики ксендза, чтобы отслужить молебенъ съ водосвятіемъ. Священникъ или ксендзъ служатъ молебенъ, кропятъ *святой водой* рожь и *восковой свѣчей зажигаютъ* загнутую рожь. Послѣ молебна крестьяне, во избавленіе отъ грозившей страшной опасности, до поздней ночи пируютъ на томъ мѣстѣ (это уже христіанское, свято-янское празднованіе, какъ повтореніе древнѣйшаго Купальскаго). Въ нынѣшнемъ году (1867) подобную шутку смутила колдунья съ крестьянами мѣстечка Озеръ (Гродн. губ.). Крестьяне страшно перепугались и успокоились только тогда, когда священникъ отслужилъ молебенъ и предалъ сожженію „Куклю *)."

За городомъ Вильною, на противуположномъ углу отъ Ро́сы или Ро́съ, какъ оттяжка оттуда, съ того же XVI вѣка, времени усиленнаго водворенія католичества, ведетъ происхожденіе свое *Кальварія* (латинское слово), то есть, въ переводѣ, *Лысая Гора* или *Лобное*, *Краніево* (съ греческаго) *мѣсто:* гора, съ костёломъ и многими каплицами, часовеньками вокругъ (въ родѣ древнихъ народныхъ „лазней"), освященная уже христіанскими воспоминаніями о Страстяхъ Сына Божія. Время празднованія на Кальваріѣ, отъ Троицы или Зеленыхъ Святокъ идущее въ Петрово говѣнье, совпадаетъ со старымъ Купальскимъ праздникомъ, который, какъ сказано, по одну сторону примыкаетъ къ Троицкому или Семиковому, по другую продолжался, въ болѣе отдаленную древность, съ 24-го Іюня до 29-го, до нынѣшняго Петрова дня или вообще до конца мѣсяца: совпалы, какъ означено, и обряды, и пѣсни Семика, Купалы и Петровокъ (подробности въ особой статьѣ). По стаціямъ или стадіямъ, освященнымъ каждая особою часовнею со стѣнными изображеніями, празднующіе проходятъ на Калваріѣ всѣ поприща Страстей Господнихъ: съ молитвою въ устахъ, съ молитвенниками въ рукахъ, съ заунывнымъ распѣвомъ. Въ средоточіи, около самаго костёла и между каплицъ, многіе ползутъ на колѣняхъ и на колѣняхъ взбираются по пригорку, не рѣдко падая въ изнеможеніи или скатываясь съ верху; въ расширеніи круга, — ибо онъ очень обширенъ, на нѣсколько верстъ околицы,—празднующіе идутъ отдѣльными кучками; городскихъ жителей и особенно крестьянъ, богомольцевъ изъ многихъ селеній, десятки тысячъ; въ нѣкоторые дни заразъ можно считать двѣ-три тысячи. По подножью и спускамъ горы ряды уставленныхъ возовъ и телѣгъ, раскинутыхъ палатокъ, дѣлаютъ видъ лагеря, табора или ярмарки; толпы же идущихъ вокругъ, поющихъ такъ заунывно и такъ громко, разносятъ далеко ни съ чѣмъ несравнимый вопль и кличь; каждая кучка въ отдѣльности, если посмотрѣть на переднихъ пѣвцовъ и обыкновенный, носимый какъ знамя, длинный шестъ съ навязаннымъ платкомъ, совершенно напоминаетъ обрисованныхъ нами выше Волочобниковъ. Тутъ же и всѣхъ видовъ „Калѣки" съ соотвѣтствующими „Стихами (см. подробности при изданіи „Кал. Перех." 7, 8 и 9-й выпуски)."—Кальваріи одинаково распростерты, съ тѣми же задачами и особенностями, по всему Краю, прошли въ Галицію, утвердились въ Польшѣ, а старше еще обязаны своимъ происхожденіемъ вообще Западному Латинскому міру. Конечно съ ихъ-то именно развитія и явилось на Бѣлой Руси сказаніе, помянутое выше,

*) Вил. Вѣсти. 1867, № 119.

о томъ, что чарованцы въ Купалу уходятъ нынѣ въ болѣе привольную Малороссію или на Западныя и Южныя Лысыя Горы.

Празднуя нынѣ столь торжественно праздникъ св. Ивана, крестьяне объясняютъ это тѣмъ, съ христіанской точки зрѣнія, что онъ *купалъ* Спасителя, какъ *Креститель*, и переносятъ на него самого имя *Купалы*. Такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ, даже самими именами, высшее христіанское торжество *заменило* собою языческое и цѣль мудрыхъ устроителей Церкви вполнѣ достигается.

Того же происхожденія нынѣшніе Кирмаши или Ярмарки, имѣющіе мѣсто въ тѣхъ же числахъ, 24-го и 29-го Іюня, или въ промежуткѣ на этой Купальской недѣлѣ: нынѣ, при храмовомъ праздникѣ, простые торги и съѣзды, но знаменующіе собою наиболѣе прославленныя въ древности урочища Купальскихъ торжествъ. Главные, и старые, и новые: въ Виленской губерніи *Гольшаны*, *Мядѣль*, 24-го; *Эйшишки* на 9-й недѣлѣ по Пасхѣ (девятая пятница); *Воруны*, *Жупраны* 29-го; въ Ковенской: *Ковна* (гдѣ столько уцѣлѣвшихъ памятниковъ Литовскаго язычества) съ 24-го Іюня, мѣсяцъ; *Плунгяны*, *Посволь* 24-го; *Поюржe* (Поюрье), Россіенскаго уѣзда, съ 19-го, недѣлю; *Вилкомірь* 29-го (это можно назвать урочищами *Литовской* Купалы; слѣдующіе—*Бѣлорусской* въ собственномъ смыслѣ); въ Гродненской: *Бѣлостокъ* 24-го и *Гродна* съ 26-го Іюня мѣсяцъ; въ Минской: *Минскъ*, мѣсячная ярмарка, кончающаяся на другой день по св. Иванѣ; *Борисовъ*, *Лоевъ*, *Пинскъ* въ 10-ю недѣлю по Пасхѣ (10-я пятница); *Сверженъ* и *Туровъ* 29-го; въ Могилевской: *Ляды* съ Духова дня недѣлю; *Могилевъ* съ 29-го три дня; *Шкловъ* на 9-й недѣлѣ, *Быховъ* на 10-й послѣ Пасхи; въ Витебской: *Освѣй* въ пятницу передъ Петровымъ днемъ, *Бѣшенковичи* 29-го Іюня.—Пѣсни *Кирмашныя*, которыя приведены ниже, по той самой причинѣ имѣютъ близость съ Купальскими.

Ближайшіе сосѣди Бѣлой Руси, *Псковъ* и *Новгородъ*, въ ихъ древней области, прославлены празднованіемъ Купалы документально, по письменнымъ памятникамъ, съ XIV и особенно въ XVI вѣкѣ.

Прочія преданія, обряды, урочища, курганы, развалины, имѣющіе отношенія къ Купалѣ на Литвѣ и Бѣлой Руси, какъ и вообще дальнѣйшія подробности, см. въ особой статьѣ на концѣ изданія.

Переломъ лѣта, природы и крестьянскихъ занятій, совершающійся со дня Купалы, выраженъ въ особой Бѣлорусской пословицѣ:

«Перядъ святымъ Яномъ просиця, дѣтачки, Бога о дожжь, а по святымъ Янѣ я й самъ упрошу.»

Такимъ образомъ, послѣ Кустовъ и Кралицъ или Додолъ, испрашивающихъ дождя, а вмѣстѣ плодородія, и его съ собою приносящихъ, Купала и купанье ея рѣшаетъ дѣло на все остальное лѣто. Какъ съ Юрья *роса*, такъ съ Купалы *вода*,—готовы на всегда.

Это для Бѣлой Руси высшій лѣтній пунктъ древнѣйшихъ священныхъ обрядовъ, сказаній и пѣсень; отсюда идутъ уже тяжкія работы въ полѣ, или обряды и пѣсни *Бытовые*, *Житейскіе*, вплоть до другаго, противуположнаго, такого же пункта зимняго, 24-го Декабря.

Какбы истощившись въ разгулѣ Купалы, пѣснотворчество отселѣ или на долго умолкаетъ, или же повторяетъ себя, или сосредоточивается на обыденной жизни и занятіяхъ крестьянскаго быта, на семейныхъ и частныхъ дѣлахъ.

*

Изъ Бытовыхъ пѣсень послѣ Купалы, лучшія—при полевыхъ работахъ, особенно въ концѣ ихъ; изъ другихъ, Семейныхъ или Житейскихъ,—Свадебныя, послѣ работъ, съ осени, когда всего болѣе свадебъ: см. ихъ въ своемъ мѣстѣ. *Обрядъ*, въ его исконномъ, до-христіанскомъ значеніи, хотя и освященный уже впослѣдствіи церковью, возстановляется только въ Октябрѣ, въ Родительскую.

Родительскихъ, то есть поминальныхъ дней по *родителямъ* или, иначе, всѣмъ ближайшимъ предкамъ, на Бѣлой Руси, какъ и на Великой, собственно *четыре*. Первая или самая ранняя съ начала весенняго года, носитъ извѣстное имя *Радаўница*, *Радавница*, *Радуница*, *Рáдунецъ*, въ связи съ чѣмъ и всякія годовыя поминки по умершимъ, годовщины, называются также *Рáдовщица*. Она соверша-

ется во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, послѣ полудня; поминальныя кушанья въ этотъ день называются *Снѣданье*, *Снѣданья по род'ителяхъ*, т. е. завтракъ, первая ѣда. Вліяніе христіанства выражается здѣсь тѣмъ, что по могилѣ катаютъ яица, христосуясь ими съ покойникомъ. Вся недѣля по этому дню именуется „*Нáвьски Велйкъ-д'ень,*" пасха навья, покойныхъ.—Вторая, подобная, въ субботу передъ Троицей: остатокъ до-христіанскихъ, Троицкихъ или Сеймиковыхъ обычаевъ, выражается здѣсь тѣмъ, что старшая въ семьѣ женщина обметаетъ „вѣникомъ," какъ бы троицкимъ вѣнкомъ, могилы родныхъ („опахиваетъ"); кушанье называютъ „*Обѣдъ по род'ителяхъ,*" вторая ѣда. — Третья, и главная, — знаменитые *Д̄яды* (двяды), обрядъ *Дядоў*, общіе всему народу и общіе всѣмъ усопшимъ поминки. Въ язычествѣ эти духи „дѣдовъ" означали нѣкогда, какъ у насъ и до сихъ поръ, вмѣстѣ дѣдовъ—Домовыхъ, Вѣдуновъ и вообще демоновъ: отъ того обряды въ ихъ честь, „стравы" и „тризны" сопровождались широкимъ развитіемъ и игрищами. Извѣстно, какъ воспѣлъ ихъ Мицкевичъ. Отправлялись они съ половины Октября по половину Ноября (съ коимъ нынѣ совпадаетъ начало Рождественскаго или Филипова поста), — цѣлый мѣсяцъ: есть къ тому поползновенье и нынѣ, въ родѣ Масляницы передъ Великимъ Постомъ. Но церковь православная отвела уже опредѣленное, Христіанское поминовеніе на „Дмитровскую субботу," передъ 26-мъ октября, а католическая на 2-е ноября, на другой день „Всѣхъ святыхъ," на такъ называемый *д'ень задушны*, dzień zaduszny, заупокойный. Столъ на этотъ разъ носитъ имя *Вечеря по род'ителяхъ*, ужинъ, третья и послѣдняя ѣда. — Четвертая, по видимому, происхожденія уже христіанскаго, отъ того и строже всѣхъ отправляемая у Христіанъ, въ субботу передъ мясопустною недѣлею, въ отвлеченіе отъ древне-языческой масляницы, подобно какъ направлены къ тому же и всѣ прочія христіанскія воспоминанія того же времени, о Мытарѣ и Фарисеѣ, Блудномъ Сынѣ, Страшномъ Судѣ. Крестьяне называютъ ее „*Суббота тоўстая,*" по обилію кушаньевъ въ заговѣнье, между тѣмъ какъ въ древности отличались этимъ именно „Дяды," отчего доселѣ у многихъ называются „*Мясныя.*" Какъ вставочная между другими, суббота эта именуется также *Полўд'ень по род'ителяхъ*, ѣда середняя.

Католическая церковь, болѣе строгая и не столь терпимая къ остаткамъ древности, сосредоточиваетъ поминовеніе на одномъ „днѣ задушномъ," 2-го ноября, когда, послѣ великолѣпнаго трауpнаго служенія, поминки совершаются на дому весьма просто, безъ особыхъ обрядовъ, только съ лучшимъ угощеніемъ. Но крестьяне вообще, а православные въ особености, держатъ еще и другія родительскія: Церковь освящаетъ это служеніемъ, участіемъ духовенства, поминаньями,—остальное идетъ по старому.

Именно, общее всѣхъ сихъ родительскихъ то, что онѣ общенародныя: всѣ идутъ на могилки, гдѣ, разстилая полотенца, ставятъ кушанья въ большомъ обиліи, между прочимъ особенно *кутьи* съ медовою сытой, *какоры*—булки, рыбу,—когда есть, блины, творогъ, яица, и т. д.: по мѣстамъ соблюдаютъ въ кушаньяхъ нечетъ („въ лиху, лихомъ"), 3, 5, 7; водка непремѣнно; все это, съ причитаньями, предлагаютъ „святымъ родителямъ," вызывая ихъ, старыхъ и малыхъ, „хлѣба-соли кушать;" если дома,—вывѣшиваютъ за окно полотенце, какъ скатерть духамъ умершихъ; поѣвши сами, извиняются передъ ними въ скромномъ угощеньи—„чимъ хата богата, тымъ и рада;" послѣ прощаются, съ пожеланіемъ „лёхкой зямли ляжати;" остатки раздаютъ нищимъ; заключаютъ нерѣдко въ корчмѣ, съ пѣснями уже и плясками, смѣняющими обычныя „голошенья;" вообще остатокъ дня не работаютъ.

Но, какъ сказано, главнымъ поминовеніемъ остается третье, въ древности на Литвѣ и Бѣлой Руси отправлявшееся съ торжествомъ особеннымъ, какъ нигдѣ уже у Славянскихъ тогдашнихъ ихъ современниковъ: въ присутствіи ковла, „козляра" или „гуляра," чародѣя и вѣщаго пѣвца, даже жреца въ смыслѣ руководителя обряду. Нынѣ это исчезло, однако крестьяне все еще наканунѣ священнаго дня по мѣстамъ уходятъ на пустынное мѣсто кладбища, обыкновенно въ деревняхъ, къ запустѣлому зданію или пустой хатѣ, ставятъ тамъ кушанья, чрезъ главу семьи вызываютъ поименно покойниковъ, каждому бросаютъ по блину, если дома—то подъ столъ или вонъ за окно, хранятъ въ эти минуты священное молчаніе; прежде или послѣ голосятъ хоромъ, какъ въ день погребенія; въ заключеніе ѣдятъ сами и кормятъ нищихъ.

Однако все это остатки лишь *обряда*: Стихи исчезли, а пѣсня, какъ импровизація, является лишь въ голошеньѣ, которое то же, что и при всякомъ частномъ погребеніи, при событіи частныхъ семействъ, и потому будетъ приведено ниже въ своемъ мѣстѣ.

*

Филиповъ постъ, или у католиковъ, не постящихся подобно православнымъ, вообще осень и начало зимы тянутся весьма однообразно: по большой части дома, за домашними работами; мужчины развѣ только съѣздятъ на торгъ да за дровами; кануны св. Екатерины (24-го ноября у православныхъ, 25-го у католиковъ) и св. Ап. Андрея (30-го) сопровождаются гаданьями, воспоминающими Купалу или предначинающими Коляду (въ тѣхъ же числахъ мѣсяца),—но это уже западнѣе, въ сосѣдствѣ съ Русью Черной, Подлясьемъ. За то женщины по вечорамъ начинаютъ уже пѣсни, къ коимъ и переходимъ—

3.

Колядки,

Пѣсни Колядны;

Коляды,

Коляда

(Коляда́).

108.

Ожиданіе Колядъ, радость челяди, скорбь пана, теряющаго рабочихъ.

Да у дубѣ стрынадки [1]),
Недалёко Колядки.
Тыдень [2]), тыдень до Колядъ,
Панъ нашъ да челяди не радъ.
Пошла челядь скачучи,
Панъ за ёю плачучи.
«Кабъ ты, пане, не дождаў,
«Кабъ ты нами замысляў [3])!
«Твоя пани лихая,
«На ўсю челядь гукая [4]).
«Твой хомутъ и дуга,
«А я тобѣ не слуга!»

(№ 2).

109.

Готовятъ кушанья для Коляды.

Дѣдко свинушку убилъ,
Дѣдко бѣленькую,
Спинку пѣгинькую.
Ай да Божья Коляда́,
Прилятай къ намъ съ высока́,
Разъ въ желанной годъ [5]),

---

[1]) Иволги; подорожники. — [2]) Недѣля. — [3]) Дорожилъ, думалъ объ насъ, промышлялъ. — [4]) Кричитъ, бранится.
[5]) Дурно записано.

Полюбуйся часокъ.
Мы коўбаски чинимъ,
Веретёнцемъ сверлимъ,
Рыльцо лычкомъ напрёмъ,
А туда мяскомъ набьёмъ.
Ай, ёхъ, Колядá,
Ляти швыдче [1]) съ высока,
Да Морозомъ не тряси [2]),
Басловья [3]) къ намъ неси!

(№ 48; Смоленск. губ.).

110.

Ѣдетъ Коляда — Колядники.

Ѣхала Колядá съ Пóлоцка,
У малевáненькимъ возóчку,
На воронéнькимъ конёчку,
Заѣхала къ Василю́ на дворъ:
«Василь, подари Коляду́!»
—Ци пшаницай?—«Не хочу,
«Хочу вѣчнаго подарку — дѣвочки!»

(№ 40).

111.

Ѣдуть, ѣдуть Коля́дки,
Колядá [4])!
А у саночкахъ приданки:
Приданочка Тат́янка
Принáдѣла су́жаньку [5]),
На вороны́мъ кóнику,
На малюванымъ возочку.

(Тамъ же).

112.

Пѣсни Колядующихъ.

Пошла Колядá
Съ конца у конецъ;
Колядá, Коляди́ца моя [6])!
Зашла Коляда
Къ Ивану на дворъ:

«Чѣмъ ты, Иванъ,
«Дару́ешь насъ?
«Чи пшóною
«Чи жóною?»

—Не дару́ю ничѣмъ,
—Дочкою дарую. —

(№ 27, губ. Могил., Любавичи; поется хозяину).

---

[1]) Скорѣй. — [2]) Морозъ вездѣ сопоставляется и вмѣстѣ противуполагается Колядѣ, какъ Вѣсъ Вѣдьмѣ, Вѣдунъ Чаровницѣ, Иванъ Купалѣ. — [3]) Благословенья.

[4]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. — [5]) Поддѣла суженаго.

[6]) Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

113.

У чистомъ поли да вяликъ овёсъ,
А зялёны садъ вишнёвы [1])!
Да вяликъ овёсъ наросъ,
А у томъ оўсѣ бѣлы камень,
На тымъ камни змія ляжить,
Змія ляжить сипучая [2]).
А ту жь [3]) ба́ ишоў сличны паничь,
Сличны паничь Кузёмочка,
Хотѣў тую змяю забить.
Тая змія проговорила:
«Ня би мяне, сличны паничь,
«Сличны паничь, Кузёмочка!
«Скажу тобѣ три радости,
«Три радости, три користи:
«Первая радость—тябе Богъ зоветь,
«Другая радость — тябе король зоветь,
«Третія радость—тябе панъ зоветь;
«Ой Богъ зоветь—долю даеть,
«Король зоветь—дочку́ даеть,
«Панъ зоветь—коня́ даеть,
«Богъ долю даеть—щасли́въ будешь,
«Король дочку даеть—дыкъ жить будешь.»

(№ 40; паничу).

Ср. выше Волочобныя, № 14.

Къ слѣдующимъ пѣснямъ прибавляется (единственно) припѣвъ христіанскаго времени:

114.

(Паньщизна).

Въ чистумъ полю,
Радуйся, радовалися
Да вси святыя
Рожествомъ [4])!
Крыжь малёва́ны,
На тому крыжу
Зовзуля рябая,
Ранеԋько встала,
Защебетала,
Славного пана
Да й попугала:
«Устань раненько,
«Умыйся бѣленько,
«Ой, пойди собѣ
«До новое стайни [5]),
«Ой, выберь собѣ
«Коня вороного,
«Ой, поѣди собѣ
«Въ чистее поле,—
«Въ чистумъ поли
«Ратае твое,
«Ратае твое—
«Всё молодые,
«Волики твое

---

[1]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. — [2]) Которая шипитъ — сипитъ. — [3]) Въ подлинникѣ ошибка „ты жь.“

[4]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. — [5]) Конюшня.

«Всё половые [1]),
«Яремца твое
«Всё буковые,
«Ой, сохи твое
«Да й золотые [2]),
«Сошнички твое
«Всё мѣдяные,
«Подвбе [3]) твое
«Всё дротяные [4]),
«Полицы [5]) твое
«Всё срибряные,
«Поводки твое
«Всё шолковые.»

Радуйся, не самъ собою [6]),
Зъ своею женою,
Зъ своею женою,
Зъ своими дѣтками!

(№ 35; хозяину).

Ср. Волочобныя, № 7, 10, 13.

115.

Святы вечоръ, святъ [7])!
Усѣ луги да вылетала
Ряба зовзуленька,
Невеличенька.
Ой, въ одному лузи
Да не бувала:
Ой, въ тумъ лузи
Павы ходили,
Павы ходили,
Перья ронили.
А за павами
Красная панна,
Красная панна
Панна Марья,
Перье зберала,
У рукавецъ клала,
Зъ рукавца брала,
Вѣночекъ вила,
Звивши вѣнокъ,
Пошла въ танокъ.
Завили [8])
Набуйные [9]) витры [10]):
«Закидайте
«Шолковы неводъ,
«А здымайте [11])
«Павинъ вѣночекъ [12])!—
«Мое миле гости,
«Три Коляднички!
«Што жь мни вамъ
«Да за даръ дати?
«Одному даромъ
«Да павинъ вѣночекъ,
«А другому
«Золоты перстёнёчекъ,
«А третёму
«Сама молодая,
«Сама молодая,
«Сама хорошая.»

(Оттуда же; дѣвушкѣ, дочери).

Ср. Волочобныя, № 17, 18, 25, 26, 27.

---

[1]) Племянные, на племя (также — плавые, половые и т. п., прозвище древнѣйшее). — [2]) Какъ у Микулушки Селяниновича въ древнихъ Русскихъ былинахъ. — [3]) Створчатыя двери; собственно — верея. — [4]) Drath: выложенные полосами желѣза или изъ полосъ (какъ у насъ „точеныя“). На Бѣлой Руси лучшія ворота, и особенно калитки, всѣ полосатыя — отъ набивокъ и желобковъ, вдоль, поперегъ и крестъ на крестъ. — [5]) Полки. — [6]) Не одинъ.

[7]) Припѣвъ послѣ каждаго стиха. — [8]) Завѣяли; завыли. — [9]) Наибуйные. — [10]) Пропущено „понесли вѣночекъ на сине море.“ — [11]) Подымайте, доставайте. — [12]) Представляется, что найденъ тремя рыболовами — Колядниками.

116.

У перевоза
Стоить берёза,
Радуйся, радовалися
Да вси святыя
Рожествомъ!
А на той брёзи
Злóтая кора,
Злотая кора,
Шолкове вѣтье.
Да наленýли [1])
Райскіе пташки,
Злотую кору
Пообивали,
Шолко-витье
Пообламвали.
Вышла-выбѣгла
Красная панна,
Да и сплеснула
Да и рученьками:
«Шýги [2]) въ лýги,
«Райскіе пташки!»
Да тую кору
Да и позбирала,
Шолко-вѣтье
Въ пучки повязала,
Въ хустку посккладала;
Да и понесла
До злотничка,
Ремесничка:
«Ты злотничку,
«Ремесничку,
«Искуй мнѣ
«Злоты поясъ,
«Изъ окравочокъ [3])
«Перстёнёчёкъ,
«А изъ вѣтейка
«То вѣночёкъ,—
«У пояси красоваться,
«У перстёнку залецаться [4]),
«А въ вѣночку извѣнчаться.

(Оттуда же; то же).

Ср. Волочобныя, № 17, 18, 19.

117.

Да летѣвъ соколъ черезъ нашъ дворъ,
Святы вечоръ, святъ!
Махнувъ крылцемъ на комý-роньку [5]):
«Чому комуронька не заметёна,
«Чому Антоська не зачесана?
«Замети комурку, учеши голоýку!»
—Загнѣвалася да на батюхна,
—Сýконьку шивъ да й укоротивъ.—
«Не гнивайся, мое дѣтятко,
«Поѣдома [6]) до мѣста Ильмова [7]),
«Докупимо дорогого сукна,
«Надтóчимо [8]) твое суконьки.»

(Оттуда же; то же).

Ср. Волочобныя, № 10.

---

[1]) Налетѣли; въ однократномъ видѣ. — [2]) Окрикъ, чтобы спугнуть. — [3]) Изъ обрѣзковъ.— [4]) Обѣщаться въ слюбѣ, при обрученьѣ.
[5]) Комнатку.—[6]) Двойственное.—[7]) Львова. — [8]) Надставимъ.

118.

Славное паня [1])
Хвалився конемъ
Передъ королемъ,
Же «Въ тебе, короля,
«А нема такого коня:
«Золотая грива,
«Срибряны копытца,
«Шолковы хвостикъ;
«Шолковы хвостикъ
«Свитъ [2]) заметае,
«Срибряны копытца
«Камень сѣкуть,
«Золотая гривка
«Одъ сонца гляне [3]).»
А таки опъ отъѣжжае
Въ чистее поле
На полёваніе [4]),
На погуляніе.
И уполёвалъ девять лисовъ,
А десятую кунку [5])
Матцы на шубку [6]).

(Оттуда же; паничу).

Ср. Волочобныя № 15, 20, и Купальскія № 54.

119.

За дворомъ да за новымъ тёмная хмара [7]):
Неесть то хмара,—ярыя пщолы.
Славёнъ Богъ нашъ на небесахъ!
Летите, пщолы, у паньски островъ,
Займайте, пщолы, двѣнадцать ульёвъ,
Носите, пщолы, солодкіе меды,
Солодкіе меды, золотые воски,—
Золотые воски Богу на славу,
Солодкіе меды пану на славу!

(Оттуда же; хозяину).

Ср. Волочобныя № 2, ст. 28 и дал.; № 8, ст. 10 и дал.

Въ слѣдующихъ за симъ, черты христіанскія входятъ уже отчасти внутрь пѣсни.

120.

Я, малы хлопчикъ,
Узлѣзъ на стопчикъ [8]),
У дудечку йграти,
Христа забаўляти.

---

[1]) Паничь, множеств. „паията." — Припѣвъ, какъ въ предыдущей пѣсни. — [2]) Слидъ, слѣдъ? — [3]) Лоснится, имѣетъ глянецъ, глянцовита. — [4]) Извѣстное по былинамъ полеванье, разъѣздъ по полю для подвиговъ. — [5]) Куницу: разумѣется — дѣвушку. — [6]) Примѣнительно къ невѣсткѣ — перемѣну, замѣну.

[7]) Туча.

[8]) Ступеньку, подставку; пенекъ: священный въ Коляду пень, откуда дѣтская игра, и пѣсни пню.

Дѣти сѣли ѣсти,
А мнѣ нейдѣ [1]) сѣсти;
Я хопъ [2]) за пирогъ,
Утёкъ за порогъ;
Мяне дѣти догнали,
У хохо́лъ надрали
И пирогъ одебрали.
Я ўсимъ пано́мъ
Руку подношу
И ўсихъ паноў
Коляды́ [3]) прошу.

(№ 17).

121.

Пришла Коляда́ накакунѣ Рожества.
Винаградье, красно-зелёное моё [4])!
Блинъ да лепёшка, кладись на окошко [5]),
Коли нѣтъ блина, то конецъ пирога,
Коли жъ нѣтъ пирога, то корову за рога,
А соло́дкая кутья [6]), сама сыпься изъ окна,
Мы кутью позберёмъ, да й Морозъ помянёмъ [7])!

Припѣвъ въ концѣ:

Христосъ народиўся,
Рай растворыўся,
Иродъ [8]) удавиўся:
Съ праздникомъ поздравляемъ
И вамъ того же желаемъ!

(Смол. губ. *Лукер. Сидор.*).

Другія пѣсни, въ родѣ слѣдующей за симъ, съ особымъ припѣвомъ, относятся уже къ *Щадровкамъ* или Щедривкамъ и имѣютъ мѣсто преимущественно въ Васильевъ вечеръ, наканунѣ нынѣшняго новаго года, рѣдко въ чистой Бѣлоруссіи и ближе къ Малой Руси.

122.

(Пиньщизна).

Ой, подъ лисомъ подъ высокимъ,
Щодры вечоръ, добры вечоръ!
Ой, тамъ коней стадо ходитъ,
А въ тумъ стади кунь говоритъ:
«Нихто жь мене не зыймае,

---

[1]) Негдѣ. — [2]) Хвать. — [3]) Подачки.

[4]) Послѣ каждаго стиха. — [5]) Какъ въ родительскую для духовъ, дары выставляются Колядникамъ и за окошко. — [6]) Чечевица, пшеница съ сытой, главное кушанье въ сочельникъ (сочевникъ), въ Коляду и подъ Коляду, откуда и самое имя сей послѣдней во многихъ мѣстахъ. — [7]) Ср. выше: Кутья и Морозъ то же, что Коляда и Овсень, Коляда и Морозъ, Купала и Иванъ.

[8]) Въ № 48 разнорѣчіе: „Іуда.“

«Не зыймае, не осѣдлае!»
Отозвався молоды Янусько:
—Я жь того коня зыймаю,
—Зыймаю и осѣдлаю,
—И поѣду въ чистее поле,
—Въ чистее поле на полёванье,
—И выполю деветь лисовъ,
—Деветь лисовъ, десятую кунку,
—Десятую кунку матцы на шубку.—
Огнѣвалася его милая:
—Ой, не гнѣвайся, моя милая!
—Ты жь мене не годовала [1]),
—Годовала мене моя матонька,
—Тёмной ночи не досыпала,
—Ясной свѣчи не потушала,
—Очепокъ [2]) зъ ножокъ не спущала.—

(№ 35; паничу).

Ср. выше № 118.

Нѣкоторыя совершенно уже наполнены вставками христіанскаго времени:

123.

Стары Восипъ бородаты
Сполохаўся[3]), выскочиў зъ хаты:
«Што то, дѣтки, за прокуда [4]),
«Небо горить, вялико цудо,
«И ангели хорошо спѣвають,
«На жулеяхъ [5]) пригожа играють?
«Кажуть,—Христосъ намъ зъявиўся,
«У Бетлеемъ народиўся:
«Побяжимъ мы всѣ до няго,
«Превитаймы [6]) маленькаго!»
Неба й земли князь богаты
Въ яслахъ ляжить межи быдляты [7]).
Нема въ яго жменьки [8]) сѣнца,
Ани руба-полотенца [9]):
Только жь надъ нимъ сопить бычокъ,
Съ другой стороны осличокъ.
Химка съ Агапкой, дьвѣ молодицы,
Принясли ковшь головицы [10]);
А Борисъ стоить подъ окномъ,
Дяржить чаухирку [11]) зъ толокномъ;
Кузьма й Дямьянъ, два Литвины,
Принясли горщокъ ботьвины [12]).
Прячистая поглядае,
На Литвиноў нарякае:
—Чомъ [13]) вы, глупы два Литвины?
—Ня ѣсть мой Христосъ ботьвины:
—Приняситя кашки зъ молочкомъ,
—Коли не зъ мядóвымъ сочкомъ,—
—За то Христосъ ласковъ буде,
—По вѣкъ вѣкоў не забуде!—

(№ 44).

---

[1]) Не воспитывала. — [2]) Петля, которую надѣваютъ на ногу, чтобы во время работы дергать и качать колыбель.

[3]) Всполошился. — [4]) Чудо, откуда „кудеса, кудесникъ, кудесить.“ — [5]) Желейкахъ, общеславянскихъ (двойныхъ), особливо пастушьихъ дудкахъ; ср. особую статью. — [6]) Привѣтствуемъ. — [7]) Скотиной. — [8]) Щепотки, клочка.— [9]) Рубъ — платъ, полотно (изъ чего рубы, рубахи: скроеные изъ полотна): тождесловіе. — [10]) Верьхи горѣлки при гонкѣ ея, пьяная брага. — [11]) Половникъ, длинная и большая ложка (cochlear); посудина съ ручкой. — [12]) Варево изъ разныхъ травъ, зелій (наша ботвинья). — [13]) За чѣмъ вы это (принесли)?

По мѣрѣ такихъ вставокъ и господства Христіанскихъ образовъ, пѣсни Колядниковъ переходятъ въ духовные *Стихи*, а по мѣрѣ вліянія книжнаго—въ Стихи сочиненные или такъ называемыя, сильно распространенныя нѣкогда на Бѣлой Руси, нынѣ же болѣе въ Польшѣ, *Рацеи* или Ораціи, которыя всѣ см. въ изданіи „Калѣкъ Перехожихъ," вып. IV, стр. 20, № 237 и далѣе.

Возвратомъ къ пѣснямъ или переходомъ къ другому, мірскому отдѣлу Колядокъ, служитъ пѣсня и обрядъ *Козы*, гдѣ есть еще слѣды древняго, жертвеннаго и священнаго язычнику, смысла. На Югѣ, по близости Малой Руси, въ день нынѣшняго Новаго года, молодецъ, одѣтый козою въ лентахъ и бубенчикахъ, предводительствуетъ толпою, которая дѣйствуетъ совершенно по подобію прочихъ Колядниковъ и Волочобниковъ, ходя подъ окна и передъ двери хатъ, подъ музыку, съ пѣснею:

124.

(Пинщизна).

Го го го [1]), Ко́зынька,
Го го го, сѣра,
Го го го, бѣла,
Ой, розходися,
Розвеселися,
По всему дому,
По весёлому!
Ой, поклонися
Сему господарю,
И женѣ его,
И дѣткомъ его.

Ого го, Козынька,
Ого го, сѣра,
Ого го, бѣла!
Гдѣ Коза ту́пою [2]),
Тамъ жито ку́пою;
Гдѣ Коза рогомъ,
Тамъ жито стогомъ;
Гдѣ коза ходитъ,
Тамъ жито ро́дитъ.

Ого го, Кузка,
Ого го, сѣра,
Ого го, бѣла!
Послухай, Козынька,
Гдѣ въ дзвоны дзвонятъ,
Гдѣ въ бубны бубнятъ,
Гдѣ въ трубы трубятъ,
Гдѣ скрыпцы граютъ.

Ого го, Ко́зенько,
Ого го, сѣра,
Ого го, бѣла!
Погледи на грады,
Чи не ма зрады [3])?
Старая баба—
То тая зрада:
Солому сѣче,
Пироги пече,
А сино смажитъ [4]),
Пироги мажитъ.

Ого го, Козынька,
Ого го, сѣра,
Ого го, бѣла!
Выскочиў [5]) волчокъ,
За Козу чокъ-чокъ,
А волченята
За козенята;
Мудрая Козынька
Догадалася,—
Въ ницые [6]) лозоньки
Заховалася:
«Южъ не боюся

---

[1]) Того же рода припѣвъ, какъ въ Купалѣ „То то то." — [2]) Ступою, стопою. — [3]) Нѣтъ ли измѣны? — [4]) Жаритъ; маслитъ, салитъ. — [5]) Въ оригиналѣ ошибка: „выскочи." — [6]) Въ низкія: наше „ницъ," древнее „пали ницы."

«Ни въ полю ловца,
«Ни въ лисѣ стряўца [1]).

«Оно [2]) боюся
«Старого Дѣда [3]),
«Сиво-борода,—
«Той мене забье
«Зъ тугого лучка,
«Зъ правого плечка.»

Го го го, Козынька,
Го го го, сѣра,
Го го го, бѣла!
У нашей Кузеньки
Четыры нўженьки [4]).
О го го, Козынька,
О го го, сѣра,
О го го бѣла!

(№ 35).

Много также представленій совершается со „Звѣздою", „Виѳлеемомъ" и „Вертепомъ (ср. ниже);" нѣкоторыя изъ нихъ, духовнаго содержанія въ сопровожденіи Стиховъ или Рацей, упомянуты въ 4-мъ вып. „Кал. Перехож.," особенно въ Предисловіи; но другія безо всякого отношенія къ священному празднику, чисто-народныя, въ родѣ слѣдующаго:

125.

Матей,

Бѣлорусскій хлопъ, выходитъ съ подвязаннымъ брюхомъ.

Авей, Авей [5]), вохъ, вохъ, вохъ!
Вотъ, мое панóчки,
Быў я у пана Барановскаго на кутьи [6]),
Да якъ подъѣў кутьи,
Дакъ ня могу сопти́ [7])!
Што моя Ульяна [8]) ни робила,
И горщóкъ на пупѣ становила,—
Да и тоé ня помоглó,
Да яще горшь прилеглó.
Порáдили [9]) мнѣ галасу [10]), купервасу [11]),
Да бурачнаго квасу,
Моху, чортополóху,
И яще нѣчаго (забыўся) троху [12]),—
Усё гето зелья сколоти́ть,
Да выпить:
Зробиў я и геся [13]),—
Ня помоглó,

---

[1]) Стрѣльца въ лѣсу. — [2]) Только. — [3]) То же, что Вѣдуна, Бѣса, Мороза: ср. особую статью.— [4]) Ноженьки.

[5]) Увы: подражаніе Еврейскому жаргону. — [6]) Рожественскомъ пирѣ. — [7]) Сопѣть; вздохнуть, отдохнуть. — [8]) Жена его. — [9]) Посовѣтовали. — [10]) Чернильныхъ орѣшковъ. [11]) Купоросу. — [12]) Да еще чего-то (забылъ) немножко. — [13]) Тоже, что „гето,"—сіе.

Яще горшь прилягло́.
Вотъ, кабъ нашоўся дохторо́чекъ,
Да полячиў мой животочекъ,—
Отдаў бы яму и торбочку, и мяшочекъ [1])!

Дохторъ шарлатанъ.

Выходитъ.

Што тобѣ, мужикъ?

Матей.

А вотъ, паночекъ,
Нестравность, бурченья,
Рѣзачка [2]), обенбени́ло [3]),
Якъ Антонову козў [4])!

Дохторъ.

Кладися, мужикъ:
Якъ тябе зовуть?

Матей.

Матей.

Дохторъ.

Бьетъ его палкой приговаривая:

Потѣй, пане Матей!

Матей.

Встаетъ, а докторъ убѣгаетъ.

А, лихо твоей матяри!
Напотѣў, наматѣў,
Да й самъ къ чорту полятѣў!
Вотъ, кабъ догнаў,
Вотъ бы у плечки нагрукотаў [5])!

За симъ слѣдуютъ уже пѣсни, употребляемыя на „Игрищахъ (ср. ниже)“ и далѣе всѣ прочія, во время святокъ.

---

[1]) Все: пословица. — У играющихъ то же торбы и мѣшки, какъ у Волочобниковъ или Скомороховъ. — [2]) Рѣзь; понос. — [3]) Раздуло, сдѣлано съ толстымъ брюхомъ какъ бубенъ (бенбенъ). — [4]) Извѣстная у всѣхъ Русскихъ: все терпитъ, все на нее сваливается (у насъ еще „Сидорова коза;“ ср. пѣсню „Антонъ козу ведетъ“). — [5]) Наколотилъ бы.

126.

Дѣўки просу сѣяли, сѣяли.
—А мы вашу просу потопчемъ, потопчемъ.—
«А мы вашихъ коній побярёмъ, побярёмъ.»
—Мы своихъ коній выкупимъ, выкупимъ.—
«А за выкупну сто рублей, сто рублей.»
—Сто рублей ня гроши [1], ня гроши:
—Одчиняйтя [2] вороты, вороты!—

(№ 16).

Это извѣстное „А мы просо сѣяли,“ остатокъ древняго игрища парами, стѣнка дѣвушекъ и молодцовъ. Тотъ же остатокъ стараго дѣленія на стѣнки и хоровода представляютъ слѣдующіе споры и счеты дѣвушки съ молодцомъ, жены съ мужемъ и т. п.:

127.

Сядить Ящеръ [3])
У золотымъ креслѣ [4]),
У 'ряховымъ [5]) кустѣ,
Орѣшачки луще [6]).
Гей намъ, гей намъ [7])!
«Жанитися хочу [8]).»
—Возьми собѣ панну,
—Котораю хочешь,
—Котораю любишь,
Гей намъ, гей намъ!
—Чи у таночку,
—Чи у вяночку,
—Чи за бѣлу ручку,
—Чи за хусточку.—

Ящеръ, мой панóчакъ [9]),
Отдай мой вяночакъ!
По бóру ходила,
Ручки-ножки знобила,
И вяночка ни знашла.

(№ 17).

Это игра общеизвѣстная, и у насъ: „Сиди, сиди, Ящеръ, въ орѣховомъ кустѣ.“ Ящеръ — молодецъ или мальчикъ, остальныя—дѣвушки, изъ коихъ онъ выбираетъ.

---

[1]) Не деньги, не дороги, не постоимъ за нихъ. — [2]) Отворите.

[3]) Ящерица; ужъ (иногда — полевая мышь или крыса). — [4]) Переплетѣ, сѣдалищѣ крестъ на крестъ.— [5]) Орѣховомъ.— [6]) Лущитъ, чиститъ, разгрызаетъ.— [7]) Употребляется и Уграми: восклицаніе при началѣ чего или возбужденіе къ чему,—Auf! Отсюда *Гейналъ*, *Эйналъ*, обычай въ Краковѣ, за нѣсколько недѣль до Коляды, трубить съ башни, отъ полночи до свѣта, вплоть до Рождества; отсюда же этимъ словомъ начинаются первые Стихи на Рождество.— [8]) Слова ящера.— [9]) Слова дѣвушки, у которой ящеръ беретъ вѣнокъ.

128.

Сяде ящеръ подъ пирялў-щемъ [1]),
На орѣховымъ кустѣ,
Гдѣ орѣховая лусня [2]).
—Возьми собѣ дѣўку,
—Которую хочешь.—
«Возьму я Ганульку,
«Што ў рутвянымъ вяночку,
«Ў шоўќовымъ поясочку.»
Ящеръ то знаў,
Вѣнка не браў [3]),
Ни калиноваго,
Ни малиноваго.
—Ящеръ, мой паночекъ,
—Отдай мой вяночекъ!
—Черязъ рѣчку плывучи [4]),
—То́нко зло́то прядучи.
—Которая знашла [5]), вярните,
—Только моей матцѣ не кажите:
—Моя матка гняўливая,
—Кабъ мяне за гето не набила!—

(№ 2).

Это у насъ, на Великой Руси, гадальная о перстнѣ: „Палъ, палъ перстень въ калину, въ малину... И я рада бы гадала, Кабы знала-вѣдала, Черезъ поле идучи, Русу косу плетучи, Шелкомъ перевиваючи, Златомъ приплетаючи. Охъ вы дѣвушки, подружки, Вы скажите не утайте, Мое золото отдайте: Меня мати хочетъ бити.“—Это изъ разряда „Золото хороню,“ который существуетъ и въ собственномъ видѣ, какъ „гадальная“ пѣсня:

129.

На куты́ да золото хороню,
А съ куты́ [1]) да похара́няю.
Ищите, бояре [2]),
А гдѣ золото,
Да гдѣ се́ребро?
У красной у дѣўки
На правой рудѣ,
Да на ме́зеньцѣ:
Ищи, ищи,
Красная дѣўка!
Тебѣ, дѣўка, не ўгадати,
А намъ тебѣ не сказати.

(№ 27; губ. Могилевск., Любовичи).

Того же происхожденія слѣдующая игральная пѣсня о „перстнѣ,“ съ жалобами на свёкра и свекровь (такая же есть и на Великой Руси, про стараго мужа):

---

[1]) Подъ перелѣскомъ—орѣховымъ, гдѣ прогалина межъ кустарникомъ.—[2]) Разсоха, расколокъ, кривой сукъ орѣховый.—[3]) Ящеръ запирается, что не бралъ, прячетъ вѣнокъ.—[4]) Черта, напоминающая потерю вѣнка въ плавь черезъ рѣку (ср. выше Троицкія и Купальскія).—[5]) Нашла вѣнокъ.

[1]) Уголъ или угаы, противъ переднихъ: гдѣ хранятъ деньги, имущество.—[2]) Признакъ древности пѣсни.

130.

Якъ выйду я, выйду у новыя сѣни,
У новыя сѣни, на высоки ганки [1]),
Якъ ўдарю я, ўдарю въ бѣлы ладони,
Въ бѣлы ладони, золоты пярстёнки,
А нехай свёкоръ чуеть,
Іонъ мяне не жалуеть.
«А по ма́лу [2]), нявѣста [3]),
«Не побей бѣлыхъ ручекъ,
«Не поламай золотыхъ перстеняў!»
—А не жалуй, свякорка,
—А не родны татулька:
—Ня ты перьсни справляў,
—Ня твой сынъ дароваў,—
—Справляў мнѣ татулька,
—Даровала матулька,
—Для своей сла́воньки,
—Для моей покра́соньки,
—Собѣ на потѣху,
—Мнѣ молоди для покрасы.—

(№ 16).

131.

Дѣўки хмель садили,
Садючи говорили:
«Расти, хмелю, расти,
«Шишками да вяликами,
«Коренками да глыбокими!»

(Оттуда же).

Это то же начало, что Великорусская пѣсня „Садили дѣвушки ярый хмѣль.“

Представленіе „Антовой козы,“ съ которой Антонъ не въ силахъ управиться, сопровождается въ Смоленск. губ. слѣдующею пѣснею:

132.

Антонъ козу видеть,
Антонова коза не йдеть:
А ёнъ яе подгоняеть,
Яна хвостикъ подымаеть;
А ёнъ яе вóжками [4]),
Яна яго рожками.

Въ Минской же:

[1]) Gang, переходы: — г твердое. — [2]) По тихоньку. — [3]) Невѣстка.
[4]) Возжами.

133.

Якъ быў Антонъ молодéньки,
Вёў козу за raméньки:
Антóниха погоняла,
На табáку заробляла.
Пошоў Антонъ по табáку,—
Ажъ выгнали якъ собаку:
Антониха за мукою,—
Её выгнали клюкою.

(№ 29).

„Женидьба бахоря“, при которой брачатся или сводятся всѣ пары дѣвушекъ и молодцовъ подъ жгутомъ бахоря, пѣвшихъ при себѣ пѣсню:

134.

Поѣхаў бахорька [1]) по дрова, по дрова,
А яго сѣкира [2]) тупа, тупа,
А яго кобыла лѣнива, лѣнива.
Не стали дрова рубиться, рубиться,
Та задумаў ёнъ жениться, жениться,
Штобъ за дѣтками лѣниться, лѣниться.

(Ср. тамъ же; Смоленск. губ.)

135.

Сѣю-вѣю конопéльки,
Не вялики, не малéньки:
Еще жь бы я болѣй брáла,
Да дружиночка [3]) мáла.
«Пособь конопелекъ брати,
«То возьму танцовати;
«Не поможешь конопелекъ брати,
«То скажу сто кiёў [4]) дати
«И катанку [5]) содрати.»
—Много насъ на булочку хлѣба,
—Тяперь же жь намъ жадной [6]) дѣўки не треба [7]).—

(№ 2).

---

[1]) Балагуръ, шутъ; волокита; баятель, обаятель: вѣдунъ, дѣдъ. — [2]) Топоръ. — [3]) Куча товарищей и подружекъ. — За симъ слова къ подругѣ. — [4]) Палокъ. — [5]) Ср. выше; душегрѣйку. — [6]) Ни одной. — [7]) Готовы мы на хлѣбъ, а на работу не хотимъ; дѣвки нынче дешевы.

136.

Бѣлы макъ, зялянецъ!
По шелягу [1]) молодецъ,
По сто копъ [2]) дѣўка.

«Пріѣдь, пріѣдь, милы, къ намъ
«Што я тобѣ дамъ!»
—Чи вѣнчика рутвянóго,
—Чи коника вороного?—
«Я сама молодая
«Усихъ квитаю [3]);
«И малыхъ не минать [4]),
«У танецъ узять.»

(Оттуда же).

Это также игры въ Коноплель и Макъ, извѣстныя Великой Руси и кончающіяся составленіемъ паръ для пляски. Ср. Великорусскія пѣсни: „При горѣ макъ, макъ, При зеленой макъ. Какъ вечёръ-то въ торгу кликали: Да что у насъ въ торгу дорого? У насъ дорого въ торгу красныя дѣвушки, Какъ одна-то дѣвушка сто рублей. Да что у насъ въ торгу дешево? У насъ въ торгу дешево добрые молодцы, По шести молодцовъ на овсяный блинъ,“ и т. п.

137.

Пошоў Симонъ у пóля орать,
Яго жонка Катяринка
У корчóмку гулять.
Ораў Симонъ чорными волами,
Яго жонка Катяринка съ чорными бровями.
Ораў Симонъ бялусенькимъ свѣтомъ,
Нема жонки Катяринки съ позненькимъ обѣдомъ.
Ораў Симонъ, пріораўся къ дубровѣ:
«Пущу волы на дуброву,
«А самъ пойду до дому;
«Ходите, волы, ня бойтеся воўка,
«А я, мóлодъ, пойду до дому,
«Болитъ мнѣ голоўка.»
Пришоў я до дому:
«Дѣтки мое дрóбненькія,
«А гдѣ ваша мати?»
—Наша мати
—Пошла быки загоняти,
—Забожилася, што ни я ваша мати.—
Пошоў Симонъ у нóвую камбру:
Ключоў нема, гроши́ нема,
Гроши́ ни копейки,
У полцу [5]) лóзы, подъ нимъ морозы.
Побíй, Боже, Сямёнову жонку,
Побíй Боже, Сямёнову жонку,
За Сямёновы слёзы!
Сямёновыя слёзы даромъ не минають,
Падуть на бѣлъ камень, камень пробиваютъ.

(№ 17).

---

[1]) По шиллингу: дешевъ. — [2]) Старый мѣстный счетъ *копами*: дорога. — [3]) Расплачиваю, удовлетворяю. — [4]) Не миновать, не бросить.
[5]) На помостѣ, на полатяхъ для спанья.

138.

Ой, поѣхаў Хилимонъ,
Рано поле орати,
А забыўся Хилимонъ
Хлѣба-соли взяти.
Ой, чужія жонки
Обѣдать нясуть:
«А моей жа жонки
«Не видать, не чуть.
«Якъ я тольки на порогъ,
«Моя жонка цупъ до ногъ [1]):
«—А мой жа ты милы,
«—Да ня бей же жь мяне,
«—Я вь бясѣдѣ была,
«—Я горѣўку пила,
«—Одну рюмку за тябе,
«—А другую за сябе.—»

(№ 29).

Точь въ точь Великорусская пѣсня „Я пашу, пашу, пашу, Самъ на солнышко гляжу.“ Переходитъ въ скоморошьи.

139.

Служиў Иванъ при пану,
А выслужиў Татьяну.
Пошоў Иванъ у пóля орать,
А Татьяна у корчóмку гулять;
Иде Иванъ зъ оранья,
А Татьяна зъ гулянья:
На Татьянѣ чарявички,
Што спраўляли невялички [2]);
На Татьянѣ панчошки,
Што спраўляли скоморошки;
На Татьянѣ фартушкі,
Што спраўляли пастушкі;
На Татьянѣ андараки [3]),
Што спраўляли дворáки [4]);
На Татьянѣ кошуля,
Што сто злóтыхъ коштўя [5]);
На Татьянѣ грябяни [6]),
Што спраўляли ковали [7]);
На Татьянѣ чугаи [8]),
Што спраўляли Цыганы.

(Оттуда же).

Такова же слѣдующая, игральная и шутливая, какихъ много Великорусскихъ:

140.

Сѣю я, сѣю я
Да у горóдѣ пятрўшачку,
За горóдомъ чарнушачку.
Поливаю я, поливаю я
Да у городѣ пятрушачку.
За городомъ чарнушачку.

---

[1]) Бацъ въ ноги.

[2]) Малолѣтки, дѣти. — [3]) Шерстяная юбка, родъ поневы, пестрая. — Санскр. *антарія*, vestis interior, исподница; у Болгаръ, у Грековъ и Турокъ. — [4]) Домашніе, дворовые служители, челядь (домашней работы). — [5]) Стоитъ. — [6]) Гребни, гребенки. — [7]) Ковачи, кузнецы. — [8]) Шуган (съ рукавами).

Полю́ я, полю я
Да у городѣ пятрушачку,
За городомъ чарнушачку.
Копаю я, копаю я
Да у городѣ пятрушачку,
За городомъ чарнушачку.
Варю я, варю я
Молодому каплунъ тлусты [1],
А старо́му кочанъ капусты.
Солю я, солю я
Молодому соли́цаю [2],
А старому жаритвицаю [3].
Даю ѣсти я, даю ѣсти я
Молодому на трино́зѣ [4]),
А ста́рому на порозѣ,
Молодому на поўмисочку [5]),
А старому ў коры́точку.
Стялю постель я, стялю постель я—
Молодому пяриночки,
А старому шипши́ночки [6]).
Лягу спать я, лягу спать я
Къ молодому очима,
А къ старому плячима.

(№ 45).

Наконецъ шутливая припѣвка:

141.

Ишоў рыдь [7]) зъ вечерни́цы,
Тёмненькои но́чи,—
Сяде гусакъ на болотѣ,
Вытрещалы [8]) вочи:
«Гусарю, гыль-ка, гыль-ка!
«Яна еще сѣла:
«Ой, што бъ была не дяўчина [9]),
«Яна бъ мяне зъѣла!»

(№ 17).

См. ниже другія „Игральныя" пѣсни, а равно тѣ, кои перешли отъ Колады къ другимъ порамъ года или обрядамъ.

*

Коляда по Бѣлорусски произносится съ удареніемъ на концѣ, а потому, съ перемѣною звука *Я*, выговаривается *Каледа́* или *Калида́* (рѣже множ. *Каледы́*, еще рѣже уменьшительное *Каля́дки* или *Ко́лядки*, *Каля́дка*, *Калядю́ца*).

Судя по пѣснямъ, въ народныхъ представленіяхъ является подъ симъ именемъ особое высшее *Существо*, которое, подобно Купалѣ, ожидается, пріѣзжаетъ, посѣщаетъ людей, принимается въ гости, па угощеніе. Но черты этого существа весьма скудны и блѣдны: по сличенію съ обрядами и пѣснями соплемен-

---

[1]) Толстый, тучный. —[2]) Солонкой.—[3]) Жаровней, изъ подъ угольевъ,—пепломъ, золой.—[4]) На таганѣ со сковороды; на столикѣ. — [5]) Въ полмискѣ. — [6]) Колючки, шипы; дранина, драпь, стружки.

[7]) Рыжикъ.—[8]) Вытаращивъ.—[9]) Когда бы не дѣвушка, не взяла бы меня въ кузовъ, гусакъ меня съѣлъ бы.

никовъ, видно только, что это существо *двойное*, мужески-женское, именно *Коляда-Овсень, Коляда-Таусень, Коляда-Морозъ*, точь въ точь какъ *Купала-Иванъ* (см. выше); еще далѣе, по остаткамъ языческаго праздника у другихъ Славянъ Южныхъ, особенно Сербовъ, оказывается, что это собственно праздникъ *Божича*, новорожденнаго маленькаго бога, сына той Матери, которой празднуется ровно за полгода назадъ, въ Купалу. На Бѣлой Руси однако образъ этого новорожденнаго замѣтенъ лишь по немногимъ обрядамъ кануна или кутьи: онъ потомъ становится яснѣе,—и конечно совершенно поглощается,—въ христіанскихъ чертахъ величаваго праздника Рождества Спасителя.

Гораздо нагляднѣе примѣняется имя *Коляды* къ обряду и праздничному обиходу. Здѣсь оно означаетъ на Бѣлой Руси: 1) по преимуществу канунъ, вечеръ 24-го числа Декабря и всю ночь подъ 25-е; 2) *столько же* вечеръ стараго и канунъ новаго года, или, лучше такъ называемый *Васильевъ вечеръ* (въ христіанствѣ—подъ *Василія* Великаго); 3) гораздо рѣже первый *день* праздника Рожества и — вовсе не день новаго года; 4) часто все время или весь праздникъ съ 24-го по конецъ 31-го Декабря, и въ семъ случаѣ во множеств. числѣ; 5) обыкновенно особый столъ или кушанья въ Коляду, то есть, во первыхъ на канунѣ Рожества и во вторыхъ на канунѣ новаго года; таковы же и подачки отъ стола; 6) общеупотребительно означаетъ пѣсни, встрѣчающія и сопровождающія праздникъ (здѣсь въ уменьшительномъ—*Калядка*); 7) самихъ поющихъ и получающихъ за то подарокъ, ватагу ихъ (обыкновенно во множ. числѣ); наконецъ 8) все, сообразное тому въ нынѣшнемъ Христіанствѣ: христіанскій праздникъ и его пору, сочельникъ и розговѣнье, дары духовенству, мистеріи или представленія, которыя имъ устроиваются въ католичествѣ, гурьбу колядующихъ учениковъ, Стихи ихъ и сценическія игры.

Соотвѣтствіе Купалѣ во многомъ очевидно (ср. приведенныя пѣсни): но на Бѣлой Руси многому помѣшала безъ сомнѣнія зима съ морозами этого времени (отчего и сама мужеская половина Коляды получила имя Мороза), да и бѣдность почвы, вслѣдствіе чего трудно было развернуться во всей широтѣ народному обряду и пѣсни. Та же зима много подѣйствовала на Великую Русь: но тамъ богатство плодовъ земли и хозяйства обставило праздникъ особеннымъ довольствомъ, зима же, еще болѣе суровая и исключительная, дала новые виды играмъ, на примѣръ лихія катанья по льду и снѣгу, а замкнувши плотнѣе въ теплыя избы, развернула на всемъ привольѣ домашнія святочныя забавы. У Бѣлоруссіи, по вѣковомъ ея истощеніи, сравнительно съ нами нынѣ меньше средствъ для забавъ домашнихъ: въ свою очередь, все-таки меньше суровости въ климатѣ и есть возможность „игрищъ“ на воздухѣ, этихъ остатковъ хоровода, которому у насъ трудненько распахнуться по Рожественскимъ и Крещенскимъ морозамъ. Подлинное, истинное значеніе праздника, во всей его прадревней обстановкѣ, несравненно разительнѣе у Славянъ по мѣрѣ отдаленія на Западъ и особенно на Югъ: тамъ мы можемъ изучать *настоящій Божичь* или настоящаго Божича, подобно какъ и въ Купалѣ (ср. выше) тамъ яснѣе выдается значеніе мужской половины, Ивана, любимца или малаго сына богини. Тамъ, какъ извѣстно, при обиліи запасовъ, соблюдаемыхъ къ сей порѣ года, среди южной природы, Божичь или Рожество празднуется совершенно также, какъ у насъ первою весною Великій День или Свѣтлое Воскресенье, то есть гораздо шире, чѣмъ празднуется тамъ же праздникъ Воскресный. Тамъ Божичь собственно уже—весенній, по крайности начало остальныхъ праздниковъ весеннихъ, и въ подробностяхъ своихъ являетъ тѣ же черты, кои нами перенесены на первую нашу Весну—къ Великому Воскресенью. Вообще это неколебимый признакъ: чѣмъ выше у какихъ Славянъ празднуется Рожество, тѣмъ слабѣе отправляется Воскресенье, и на оборотъ; равнымъ образомъ, чѣмъ выше чтится Воскресенье, тѣмъ, на вѣрное, Славяне Сѣвернѣе и Восточнѣе, какъ и есть въ Привислянской Польшѣ, а въ особенности у насъ, на Великой Руси. Бѣлая Русь, подобно другимъ случаямъ, занимаетъ и здѣсь середину: какъ у нея, видѣли мы выше, Великъ День нѣсколько менѣе нашего празднуется въ христіанскомъ значеніи, но за то удерживаетъ при себѣ народные обряды, почти потерянные у насъ, изъ Купальскаго объема и Божича, въ особенности Волочобные; такъ на оборотъ Коляда, хотя меньше представляетъ игръ домашнихъ, за то болѣе ихъ внѣ дома, въ колядующихъ ватагахъ, въ поющихъ и плящущихъ на волѣ Игрищахъ. Да и въ христіанскую пору, духовенство, именно католическое, средствами конечно христіанскими, хотя и на основѣ народной, придало тамъ изстари празднику Рожества больше великолѣпной обстановки, чѣмъ тамошнему празднику Велика-Дня и чѣмъ у насъ придано православному празднику Рожества (о чемъ сей часъ подробнѣе ниже). Такимъ образомъ у Бѣлой Руси, тотъ и другой праздникъ, такъ сказать, равновѣсны по значенію, чѣмъ на Сѣверныхъ, Западныхъ и Южныхъ окраинахъ Славянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя нѣтъ многихъ особенностей Коляды или Божича, такихъ особенностей, кои отъ прадревности уцѣлѣли на Югѣ

или же прижались и сосредоточились на холодном Сѣверѣ, за то праздникъ сей *ровнѣе* съ праздникомъ Купалы и непререкаемѣе ихъ взаимное *соотвѣтствіе*.

Изъ *особенностей*, коими выдается въ настоящемъ случаѣ *Русь Бѣлая*, — *первая* и очевиднѣйшая есть та, что *Колядѣ* равно усвоена вечеру 24-го и 31-го Декабря, но ей, въ томъ же почти значеніи, соотвѣтствуетъ здѣсь другое равносильное имя—*Кутья* (*Кутя*). Она не переносится только на *пѣсню* и на образъ какого либо высшаго *существа*: за то, совершенно однозначуще съ Колядой, обзываетъ и время праздника, именно два помянутыхъ кануна, и праздничный столъ съ кушаньями, и подачки отъ стола, чтителей праздника, и отчасти, хотя уже перенесно,—весь праздникъ съ его обрядами. Въ церкви христіанской всякой праздникъ, какъ и число дня, начинается съ вечера, а это потому, что таково же начало по исконнымъ, древнѣйшимъ народнымъ воззрѣніямъ. Начинать это отправленіе праздника, — по нашему древнерусскому „совершать *правило*,“ а это переводъ съ греческаго *канона*. Канонъ, по Русски *кануна*, означаетъ: отправленіе праздника по извѣстнымъ правиламъ; чтеніе и пѣніе, усвоенное празднику; начало такого отправленія, вечеръ наступающаго *дня*, откуда *на-канунѣ*; столъ праздничный, зачинающійся съ вечера, откуда у насъ и всѣ кушанья, и даже питья праздничныя, — „канунъ варёнъ, пиво пьяно,“ „пошелъ по канунъ“ и т. д. Съ другой стороны, по христіанскимъ правиламъ, постъ, предшествующій великимъ праздникамъ, какъ на примѣръ Рождеству, усугубляется въ самомъ концѣ и переходитъ въ сухоядѣніе, откуда *Сочельники*, употребленіе *коливо* или *сочива*, *сочевицы* или *чечевицы* съ *сокомъ*, обыкновенно сладкимъ: но народнымъ же воззрѣніямъ и обрядамъ, уцѣлѣвшимъ доселѣ, канунъ есть уже предпраздниство въ кушаньяхъ, начало розговѣнья, скоромъ, которымъ нисколько не стѣсняются съ самаго вечера. Но сухоядѣнье, особенно сочиво, по народнымъ воззрѣніямъ не означаетъ вовсе христіанскаго поста, напротивъ примѣняется къ характеру торжества: такъ извѣстно, что есть кушанье поминокъ, то есть приправленное къ угощенію безплотныхъ душъ, умершихъ (того же происхожденія и *блины*); оно же, провожая „Дѣдовъ,“ встрѣчаетъ и новыя существа, новорожденныя къ жизни,—такъ называемая „каша“ на крестинахъ. Въ томъ и другомъ смыслѣ, въ Коляду сочиво приноравливается и къ Дѣду, къ Морозу, и къ новорожденному, такъ называемому у Славянъ, *Божичу*: а въ семъ послѣднемъ случаѣ является какъ *Кутья*, кушанье, свойственное ребенку, притомъ *сладкое*, „съ медовымъ сочкомъ.“ Отсюда названіе „солодкая кутья,“ а у насъ уцѣлѣвшее „солодкіе кануны.“ Христіанскія воззрѣнія здѣсь совершенно совпали съ народными, католики сошлись въ Бѣлоруссіи съ православными. *Филиповки*, по исконному господству православія въ нынѣшнемъ Сѣверо-западномъ Краѣ, перешли въ употребленіе не только мѣстныхъ католиковъ (въ коихъ доселѣ держатся у поселянъ), но даже въ старину и ко всѣмъ Полякамъ: понятно отсюда, почему такъ укоренилась и доселѣ у всѣхъ на Бѣлой Руси ведется Кутья, съ вечера подъ 25-го Декабря.

Не вдаваясь здѣсь далеко въ словопроизводство (см. ниже особенную статью), слѣдуетъ только напомнить, что слово *Кутья* одинаково съ именемъ *Кустова*, кои мы видѣли при Сѣменковыхъ и Купальскихъ праздникахъ, а также со словомъ *куща*, *кущи*,—этимъ видомъ первобытнаго образа жизни Славянъ, наслѣдованнаго отъ *кочевья*, откуда потомъ и самое названіе всякого, хотя бы нынѣ улучшеннаго, жилища,—*кутя*, *кучка*, *кутъ* въ избѣ и т. д. Такимъ образомъ здѣсь вспоминается равно и древнѣйшій бытъ, и его Купальскій праздникъ Кущей, и его древній богъ, ставшій для потомства Дѣдомъ или Морозомъ, а съ другой стороны и первобытное убогое жилище, въ коемъ родился для нашихъ предковъ празднуемый Божичъ.

По окончаніи работы и приготовленій къ празднику, сходивши въ „лазню,“ въ баню, ставятъ въ куту подъ образами столъ, по немъ разстилаютъ сѣно (на коемъ нѣкогда возлежалъ новорожденный), постилаютъ сверху, какъ простыню постели, бѣлую скатерть, потомъ уставляютъ столъ *кутьею*, обыкновенно „въ медовымъ сочкомъ,“ съ растительнымъ масломъ, а при кутьѣ вообще кушанья сухоядѣнья, изъ гречи и ячнаго, изъ пшеницы, гороха, зерноваго хлѣба, и также блины. Католики, особенно въ слояхъ повыше, не прочь и скоромиться: они укладываютъ блюда извѣстными *оплатками*, съ коихъ, какъ благословеннаго хлѣба, начинаютъ розговѣнье, сопровождая это поздравленьями. Собственно же народъ, а исключительно православный, начинаетъ молитвою старшаго въ семействѣ. По молитвѣ, онъ обращается къ горшку, на коемъ прилѣплена горящая свѣча, съ благоговѣніемъ накладываетъ кутью въ миску, приправляетъ сытой и, предлагая домашнимъ, желаетъ имъ здоровья до будущей кутьи, покойникамъ же царства небеснаго. Онъ также считаетъ обязанностью отдѣлять ложку кутьи на окно или за окно, угощая симъ на-

вѣстнаго намъ двойника Кутьи или Коляды,—*Мороза*, со словами „Морозъ, ходзи куцью ѣсьци (ср. въ пѣсняхъ; таковъ же смыслъ подачекъ колядующимъ, представителямъ Коляды или ее выкликающимъ)!" Иногда при этомъ обращаются и къ „Дѣдамъ," душамъ предковъ (Дѣдъ то же, что Вѣдунъ и Морозъ): „Дзѣды, дзѣды, ходзиця куцью ѣсьци!" И точно, оказывается съѣдено все, поставленное на окнѣ или же гдѣ ни будь на печи изъ остатковъ кутьи,—на вѣрно потребили Дѣды. Къ примѣтамъ или гаданьямъ, сопровождающимъ собственно первую Кутью (о прочихъ см. ниже), относится то, что у стола *связываютъ ноги*, —по настоящему это пеленки новорожденному, — дабы скотъ не скакалъ черезъ загороди и не портилъ нивъ, а пчолы чтобы не покидали ульевъ; изъ подъ скатерти *вытаскиваютъ былинку сѣна* и по случайной длинѣ ея судятъ о будущемъ урожаѣ льна и колоса (понятіе объ урожаѣ соединяется съ воззрѣніями древнѣйшаго быта, кочеваго и скотоводнаго, когда все зависѣло отъ роста степной травы); кромѣ пользованья званныхъ на кутью, тѣхъ, кто самъ не имѣетъ дома, а равно послѣ подачекъ колядующимъ, сѣно и остатки кушанья на другой день отдаютъ скоту (иные это дѣлаютъ послѣ уже третьей, Крещенской кутьи): скотъ, окружавшій нѣкогда новорожденнаго, также долженъ воспользоваться, а по примѣтамъ это сберегаетъ ему здоровье; *зёрна* со стола *примѣшиваютъ въ посѣвы*; въ тотъ же вечеръ женщины свиваютъ *клубки* какъ можно туже, чтобы туги были кочны капусты, а у воловъ держалась бы сила въ ногахъ (собственно это древнія *наузы* на голову ребенка или *свивальники* для сбереженія его силы); никакъ не гнутъ ободьевъ, *обручей, дугъ, полозьевъ* и т. п., ибо это, какъ и въ Купалу, праздникъ *разгиба*, общаго освобожденья (см. ниже), а по примѣтамъ отъ сгиба могутъ быть у приплода въ скотѣ кривыя ноги (чего такъ боятся у новорожденныхъ и для чего ихъ туго пеленаютъ); не связываютъ для хаты *вѣника* и для печи *помяла*, ибо, подобно Купальской порѣ, такое дѣло есть дѣло озлобленныхъ существъ, чаровницъ, которыя однѣ только заламываютъ, загибаютъ и вяжутъ, когда напротивъ все развязывается, да потомъ и ѣздятъ на этомъ конѣ по воздуху въ свои сборища: значило бы самъ связаться съ нечистой силой, а потому нынѣ отъ подобнаго проступка ждутъ громоваго удара въ домъ и пожара; наконецъ, во весь вечеръ Кутьи обыкновенно палятъ изъ ружей (гдѣ нѣтъ военнаго положенія), и притомъ нечаянно, выскакивая изъ воротъ, изъ за угла, и объясняя, что „такъ трещитъ Морозъ (пальба эта въ вечеръ праздника почти повсемѣстна на Руси)."—Разгавливаются скоромнымъ уже на утро праздника, послѣ молитвы въ церкви.—Кутья повторяется и подъ Новый годъ, или, лучше, въ Васильевъ вечеръ, и также даетъ ему свое имя, но, въ отличіе отъ „постной," Рожественской, называется уже *мясною* или *богатою*: зерновое ея кушанье является и тогда, но конечно теряется уже въ обиліи скоромныхъ яствъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Кутья заслоняется *Колядой*, которой и принадлежитъ исключительно характеръ „скоромнаго" праздника. Но, какъ подачки отъ праздника конечно прежде всего принадлежали его служителямъ, а этотъ служитель, въ христіанское время, есть главнымъ образомъ духовенство, и оно именно, на Бѣлой Руси и въ Польшѣ, изстари *собирало* себѣ Кутью и Коляду, заботилось объ устройствѣ той и другой, представляло, выражало ту и другую (см. подробности ниже): отсюда имя Кутьи и „Кутейниковъ," въ основѣ весьма почтенное, перешло потомъ въ насмѣшливое прозваніе сословья и занесено къ намъ, на Великую Русь, конечно всего прямѣе изъ Западной.

Коляда, сравнительно съ Кутьею, имѣетъ гораздо болѣе широкій объемъ значеній. Всего осязательнѣе, для нынѣшняго времени, выражается ея значеніе въ столѣ, въ кушаньяхъ. Отличаясь отъ Кутьи своимъ не-постнымъ и не-младенческимъ припасомъ, своимъ — во всемъ — мясным и скоромнымъ характеромъ, своимъ отношеніемъ къ высшему существу, очевидно уже не младенцу, а скорѣе существу зрѣлому и даже половому жено-мужному, своимъ, наконецъ, болѣе широкимъ примѣненіемъ ко *всему* празднику цѣликомъ, Коляда очевидно, какъ ни сливается съ Кутьею, но все же указываетъ па другую, отчасти особую, отчасти важнѣйшую сторону праздника, а потому имѣетъ и особый день своего торжества. Кутья, постная или ребяческая, заслоняетъ ее только временно, вечеромъ 24-го числа: но тогда же, тотчасъ во слѣдъ, торжествуетъ Коляда вмѣстѣ съ *Розговѣньемъ* и появленіемъ *Колядующихъ*, тогда же вступаетъ въ права свои, а въ Васильевъ вечеръ является во всемъ разгарѣ. И церковь со своимъ постомъ, и народныя представленія объ ослабѣвшемъ Дѣдѣ или о Столь же слабомъ еще новорожденномъ Божичѣ, воздерживали праздникъ отъ приволья въ вечеръ и ночь подъ 25-е число; какъ бы ни просили Колядники подъ окномъ, имъ могутъ вечеромъ и ночью *удѣлить* изъ скоромнаго запаса, но самимъ хозяевамъ некогда въ ту пору праздновать во всей силѣ (по водвореніи христіанства слѣдовало итти прежде въ церьковь; Кутья Сочельника отвѣчаетъ съ тѣхъ поръ вечернѣ, а началу Коляды — Рожественской заутрени); днемъ

же 25-го числа, хотя и разгавливаются, но это уже *день*, не вечеръ и ночь, усвоенные искони началу праздника: все это сосредоточило торжество Коляды къ *канупу нынѣшняго Новаго года*, когда скоромный праздникъ можно начать на всей свободѣ и съ вечера, а вмѣстѣ, примѣромъ Бѣлой Руси, это даетъ намъ понять особенность Коляды и ея отличіе отъ Кутьи. Потому съ этой-то именно точки, какъ срединной, должны мы начинать разсмотрѣніе Коляды.

На Колядѣ „мясной,“ „богатой“ или „собственной Колядѣ,“ начинающейся съ вечера, послѣ очищенья въ „лазнѣ,“ являются за столомъ всѣ лучшія скоромныя кушанья, несравненно обильнѣе, чѣмъ въ самую Купалу, и такъ сказать „мяснѣе:“ это—непремѣнныя *колбасы*, съ ихъ начинкой, пряженной и подливкой, *студень* (стюдени) и т. п.; кутья уже съ молокомъ или коровьимъ масломъ, при томъ безъ всякихъ символовъ, напоминающихъ рожденье младенца или архаическую давность кочеваго быта, въ родѣ „кущей,“ „яслей,“ „скота,“ „сѣна“ и т. п. Весь годъ, въ обиходныхъ запасахъ, собственно къ этому вечеру готовится: и, не рѣдко, этимъ же однимъ вечеромъ и потребляется. Чтобы представить роскошь угощенья, въ особенности древнюю, довольно вспомнить, что уже въ XVIII вѣкѣ, на примѣръ, одинъ какой ни будь купецъ Виленскій выписывалъ по двѣсти бутылей Гданской водки, на огромную сумму пряниковъ Торунскихъ, и все это продавалъ на Коляду, притомъ въ однѣ иногда руки, на примѣръ въ домъ Воеводы Виленскаго; что, еще древнѣе, магнаты давали подачки отъ Коляды не только кушаньями, но даже цѣлыми деревнями въ подарокъ, конемъ съ узорочной збруей, серебрянымъ кубкомъ, кошелькомъ золота; что подобные подарки, на примѣръ, отъ Жигмунда 1-го оставили намъ по себѣ цѣлый письменный реестръ *). Однимъ словомъ, для Бѣлой Руси и Литвы Коляда въ этомъ примѣненіи совершенно то же, что *Свенцоне*, Swięcone, *Сячоно* или Свячёное для Польши (извѣстное освященное кушанье и богатѣйшій розговѣнный столъ въ Пасху, съ куличами-бабами, всякими фигурными блюдами, колбасами и т. п.): одна — такая же особенность *Бѣлой Руси*, какъ другая — особенность *Польши*, и, если нынѣ Свячоно отчасти водворилось въ Западной Россіи, то болѣе по вліянію Поляковъ, особенно, когда Коляда со временемъ, какъ увидимъ ниже, подверглась преслѣдованію и запрещенію. Разумѣется, при перенесеніи особенностей одного великаго праздника къ другому, отъ Рождества къ Пасхѣ и на оборотъ, дѣйствовали причины, уже указанныя выше, то есть во первыхъ климатъ, почва, а вмѣстѣ болѣе ранняя или поздняя весна, во вторыхъ тѣ или другія соображенія христіанскаго духовенства. Но есть и болѣе глубокія, болѣе древнія и народныя основанія. По крайности извѣстно, что освященіе всѣхъ початковъ отъ плода земли и животнаго царства, именно въ Пасху, въ Великъ-день—дѣло чисто-народное, какъ это видимъ преимущественно у Руси Малой; да и на Руси Великой, безъ вліянія Польши, столъ въ Пасху священнѣе, особеннѣе, приготовительнѣе, чѣмъ въ Рождество, такъ что и освященіе его (пасхи, кулича, яицъ), и пользованье духовенства отрѣзками у насъ также точно присвоено *Пасхѣ*, какъ на Бѣлой Руси и Литвѣ — *Колядѣ*. Тотъ и другой праздникъ конечно имѣетъ исключительныя *свои* особенности, кои нельзя смѣшивать; но нельзя забывать и того, что у Поляковъ, западнѣе и сѣвернѣе, свенцоне изстари сопровождалась многими столь же народными обрядностями, какъ Коляда восточнѣе: именно ватагами славящихъ, и сценическими представленіями, и подарками, и отпусками хлоповъ; да и Бѣлоруссы имѣютъ въ Великъ-день совершенно такихъ же Волочобныхъ, какъ въ Коляду—Колядующихъ. Дабы это понять, нужно вспомнить, что народъ держалъ, какъ православная церковь держитъ и нынѣ, *новый годъ* съ Сентября: отсчитывая полгода назадъ, убѣдимся, что другая половина года, въ другомъ полюсѣ или полушаріи, началомъ своимъ падаетъ на Мартъ и его главный праздникъ—Пасху, а потому и отсюда могъ при другихъ условіяхъ начинаться новый годъ. Такъ бы мы заключали, если бы *не знали* подлинно, что дѣйствительно существовало у Славянъ Мартовское счисленіе, что точно былъ новый годъ съ Марта и Пасхи, что Бѣлоруссы доселѣ въ Пасху воспѣваютъ начало *новаго лѣта* (ср. выше пѣсни). А если такъ, то понятна намъ на Бѣлой Руси и Литвѣ *Коляда*, отведенная съ 24 или съ 25-го Декабря *подъ нынѣшній новый годъ*: отсюда соотвѣтствіе ея *новому году Велика-дня*, съ обоюднымъ перенесеніемъ или мѣною обрядовъ между тѣмъ и другимъ праздникомъ. Все различіе здѣсь только въ томъ, *въ какую эпоху* у Славянъ принимался новый годъ въ одинъ срокъ, въ какую въ другой, и *какое изъ Славянскихъ племенъ* понынѣ преимущественно усвоило соотвѣтственные обряды тому, а не другому сроку. Изслѣдованіе это сюда

---

*) *Голембіевскаго*, „Люд Польскій.“

не относится (см. ниже особую статью). Но, когда так, то, подобно Сентябрю и Марту, является столь же очевидное соотвѣтствіе между 24-мъ декабря и 24-мъ Іюня, между Коладой и Купалой, которыя раздѣлены *ровно на полгода*. Отсюда, при Новомъ годѣ—Колады, не усумнимся другой новый годъ, древнѣйшій и нынѣ забытый, признавать за Купалой; убѣждаясь въ важности торжества Колады, убѣждаемся, сколь великъ и праздникъ Купалы; замѣчая, что Христіанство усвоило времени Колады праздникъ Рождества Христова, догадываемся, что не безъ намѣренія усвоено 24-му Іюня празднованіе Рождества Ивана Предтечи; усматривая, какъ со скоромною Коладою сопоставлена постная Кутья, хотя и на основѣ народныхъ представленій, не сомнѣваемся, что и вакхической Купалѣ установленъ противувѣсъ въ праздникѣ величайшему представителю поста — Іоанну; въ заключеніе, передъ Великимъ-днемъ и концемъ Іюня, передъ Сентябремъ и концемъ Декабря, находимъ въ Христіанствѣ одинаково введенные четыре поста, дабы существенно измѣнить характеръ четырехъ старыхъ языческихъ праздниковъ, упраздненныхъ новыми христіанскими. Однимъ словомъ, мы теперь не удивимся, встрѣчая часто соотвѣтствіе Колады Новаго года — Великому дню, а еще болѣе — соотвѣтствіе Колады и Купалы.

При такихъ отношеніяхъ, рисующихъ особенность Бѣлорусской Колады, необходимо отличать ее отъ *Щадровокъ* или *Щедривокъ*. Послѣднія имѣютъ мѣсто лишь на Югѣ Гродненской, Могилевской и Минской области, то есть тамъ, гдѣ уже примѣшивается и постепенно перевѣшиваетъ своимъ бытомъ Русь Малая, какъ на примѣръ въ Пиньщинѣ (ср. выше пѣсни). Хотя и по словопроизводству, и по словоупотребленію, это близко къ Кутьѣ и Коладѣ, но въ чистой Бѣлоруссіи не распространено: оно означаетъ почти исключительно Вечеръ Васильевъ („щедрый" или „щодрый") и ближайше отвѣчаетъ Коладѣ *богатой*; въ пѣсняхъ же сего имени воспѣвается самъ Василій съ его матерью, въ родѣ Юрья—разсѣвающій зерно (это *Овсень*, мужская половина „Колады"), съ зерномъ довольство, отмыкающій землю, разверзающій утробу ея для плодородія; „щедруютъ," поютъ пѣсни и получаютъ подачки, преимущественно дѣти и дѣвушки, еще болѣе—неимущіе, но безъ тѣхъ игръ, представленій и всего разгулья, которыя свойственны Колядникамъ; на сколько это, наконецъ, тѣснѣе Колады, видно изъ того, что въ самой даже Малороссіи никто не назоветъ Щедривками *всей Колады*, всего времени ея и всѣхъ обрядовъ.

Гдѣ только есть Щадровки или Щедривки, тамъ вездѣ обычай, подъ новый годъ или раньше, даже подъ Рождество, *обсыпать* приходящихъ, поздравляющихъ и поющихъ, *зерновымъ хлѣбомъ*: это кое-гдѣ ведется на Бѣлой Руси, но столь же мало, какъ самыя Щедривки. Отчасти конечно причиною тому сравнительная скудость хлѣба (къ Марту не вездѣ, а ужь рѣдко гдѣ въ Апрѣлѣ въ крестьянской хатѣ есть *свой* хлѣбъ, по крайности чистый): но еще несомнѣннѣе, на Бѣлой Руси это замѣняется и упраздняется господствомъ „Кутьи," также зерновой, также удѣляющей крохи свои посѣтителямъ и скоту. Мясная же Колада, подъ новый годъ, совсѣмъ дѣло другое и подачки ея весьма отличны отъ зерновыхъ Щадровокъ или обсыпаній. По тому же самому не извѣстенъ нынѣ Бѣлой Руси, тождественный съ Щадровками и слѣдовательно излишній, *Овсень, Таусень* или *Баусень*. Только въ древности отдаленной находимъ тому нѣкоторые слѣды: православные, наканунѣ дня св. Стефана, имѣли обычай сыпать овесъ на священника, когда онъ выходилъ къ дверямъ церкви и—нарочно—за тѣмъ пріостанавливался (овесъ шелъ ему въ даръ); при этомъ недовольные кидали иногда кое-что и пожосче, какъ бы напоминая побіеніе Стефана.

Да и мясная Коляда, подъ новый годъ, сравнительно съ древностью и по мѣрѣ постепенно распространяющейся бѣдности, мало по малу нынѣ теряетъ у простаго народа прежнюю роскошь въ обстановкѣ стола. Съ расширеніемъ польскаго вліянія усилились Свенцоне, Свяченое Пасхальное, тѣмъ болѣе, что всѣ зажиточнѣйшіе на Бѣлоруссіи—Поляки или ополячились. Вотъ почему и Волочобные, въ сущности совершенно то же, что Колядки — Колядчики — Колядовщики, отодвинулись также къ Велику-дню: имъ тогда болѣе сулится подачекъ отъ Свенцонаго изъ оконъ Польскихъ помѣщиковъ и шляхты.

Съ другой стороны, гдѣ въ силѣ зерновое обсыпанье, тамъ особенно процвѣтаетъ обрядъ *пня* или *колоды*, а именно всего болѣе у Южныхъ Славянъ, извѣстный *Пань* или *Пынь*, *Бадняка* или *Вадняка*, гдѣ звукомъ *а* замѣненъ звукъ носовой (отъ *бадни* или *бедни дан* или *день*, будній день, Vigiliae, канунъ): это прадревняя, знаменитая общеславянская *великая клада* или *страва* (ср. особую статью). Литовцы и Латыши еще сохраняютъ ее въ своемъ праздникѣ *колодъ* (см. особ. ст.): но у Бѣлой Руси она мало извѣстна.

За то, возвращаясь опять къ отличіямъ Бѣлой Руси, видимъ особенность *вторую*, очевидно уцѣлѣвшую потому, что обрядъ Кутьи связанъ съ древними Кущами, а Клада была праздникомъ освобождаемыхъ ра-

бовъ: именно Коляда, весь ея праздникъ, а особенно второй день Рожества, служитъ понынѣ срокомъ найма рабочихъ, паробковъ, батраковъ и т. п. Происходитъ разсчетъ, откровенное объясненіе во взаимныхъ неудовольствіяхъ, миръ за водкой, подарки отъ хозяина (называемые также „Колядой“), новыя условія впередъ или сердитое разставанье. Отсюда пословица „на святый Сцяпанъ (на 28-е число Стефана) кажды собѣ панъ.“ Въ старину, видно, освобождался и всякій изъ рабства: пѣсня, выше нами помѣщенная, живо изображаетъ ожиданье этого срока со стороны хлоповъ, горесть пана и его вынужденную необходимость гоняться за недовольными. Тогда же, въ старину, совершались и подарки распорядителямъ хозяйственныхъ работъ, то же что помянутая выше „ключня“, сродная „волочобникамъ“. Еще древними государственными указами освобождались самые узники, по нашему „колодники“: въ помянутой росписи Жигмунда I-го назначается королевская Коляда (т. е. подарокъ) въ Стефановъ день „Татарамъ въ оковахъ“ и подаяніе полонянникамъ или бѣглецамъ, искавшимъ прибѣжища у костёла. Вообще то былъ срокъ свободнаго перехода крестьянскаго, то же, что у насъ нѣкогда Юрьевъ день, пора „ключни“, волокиты, умножавшей конечно еще болѣе Волочобниковъ и ихъ родственниковъ Скомороховъ.

Приготовленія къ Колядѣ, занимающія весь годъ, особенно Филиповки, въ хозяйствѣ стола или кушаньевъ, непремѣнно предполагаютъ на Бѣлой Руси *колбасу* разныхъ видовъ (имя и значеніе связано съ Купалою, о чемъ см. особую статью). Она извѣстна у насъ еще съ XII вѣка („Слово Даніила Заточника“), преимущественно по вліянію Руси Южной и Западной; въ Бѣлоруссіи же дѣлается она исключительно дома, самими хозяевами, и этому *дѣлу* посвящены даже пѣсни (ср. выше). Столь важное для всей древности животное, то священное, то запретное и проклятое, играетъ и въ настоящемъ случаѣ главную роль: священное древнему богу, оно, по его устраненіи и озлобленіи, въ разъяренномъ и дикомъ видѣ оставаясь его символомъ какъ вепрь или кабанъ, было главнымъ врагомъ новорожденнаго: то боялись бить его какъ священное, то отвергали какъ враждебное, то напротивъ считали обязанностью убить какъ врага и принесть въ жертву. Послѣ осѣдлости, съ водвореніемъ новыхъ началъ, въ укрощенномъ видѣ, боровъ или по мѣстному нарѣчію *кабанъ* непремѣнно убивается къ Колядѣ (ср. выше пѣсни), и эта *третья* Бѣлорусская особенность называется „забиць*) Коляду“.

Всѣ дни Рожественскаго праздника, преимущественно съ вечера 24-го Декабря по нынѣшній новый годъ, называемые *Колядами*, носятъ еще праздничное, понятное намъ, имя *Святыя вечары* или *вечаринки*: но *четвертая* особенность Бѣлой Руси состоитъ въ томъ, что ихъ еще называютъ *Кривыя вечары* или *вечары*. Противуположно *простымъ* (т. е. прямымъ), или буднимъ, это ближайше значитъ „особенные“. Но это также значитъ еще — передвижные, неопредѣленные, и происходитъ отъ того, что, какъ извѣстно, въ теченіе исторіи назначеніе новаго года переходило попеременно отъ древнихъ народныхъ календъ Января къ христіанскому празднику Рожества, а отсюда опять къ 1-му Января въ смыслѣ гражданскомъ. Потому колебались не разъ оконечности стараго и новаго года между сими двумя предѣлами, и самые предѣлы, мы видѣли, оба получили имя Коляды. Промежутки же представлялись „кривыми“, передвижными, ни тѣми, ни сими. Не нужно также забывать, что позднѣе, сказали мы, здѣсь былъ срокъ крестьянскихъ переходовъ; что ими пользовались особые „Перехожіе“ люди, Волочобники и Колядники. Наконецъ, необходимо съ симъ сопоставить извѣстный Западно-русскій „*кривой* танецъ,“ съ соотвѣтственными играми и почти обще-славянскую игру въ „*криваго*“ или хромоногаго „царя“, этого древняго бога, классическаго Крона или Сатурна, изгнаніе коего празднуется досель въ играхъ Славянскихъ, сопровождалось у древнихъ освобожденіемъ и торжествомъ рабовъ, а вмѣстѣ было праздникомъ и новорожденнаго, новаго бога, божича.

Порознь изъ дней Коляды, у католиковъ 2-й послѣ Рожества, у православныхъ 3-й — *Святый Сцяпанъ*. — День 4-й (рѣдко 2-й) — *Молодзёны*, день избіенія младенцевъ древнихъ или причащенія нынѣшнихъ въ церкви. — Праздникъ появляется съ вящею силою въ *Кутьѣ* или *Колядѣ* на новый годъ; то же *Васильевъ вечаръ*, а гдѣ уцѣлѣло, *Щёдрый*. — Января 1-го *Васильевъ дзень*: въ этотъ день понятія *новаго года*, сравнительно недавняго учрежденія, собственно нѣтъ у простаго народа (какъ нѣтъ, на примѣръ, у Сербовъ); нѣтъ и нашихъ поздравленій, въ такой-же, какъ у насъ, гражданской силѣ; скорѣе все смежное время называется *Годы*, а это, какъ извѣстно, почти у всѣхъ Славянъ значитъ торжество, пирушка, похоже, какъ *Коляда* или древняя „Страва“. — У иныхъ, хотя рѣже, *Святые* и *Кривые вечера* длятся

---

*) По [illegible] мы въ статьѣ употребляемъ *ц* и *дз* вмѣсто мягкаго *т* и *д*.

до Богоявленья: вечеромъ подъ сей праздникъ является третья *Кутья*, но не только уже зерновая, а совершенно постная какъ у насъ, или даже такъ называемая *голодная*, ибо все почти съѣдено въ двѣ предшествовавшихъ; въ ней скорѣе нужно видѣть новдпѣйшее чисто-церковное учрежденіе, съ переноснымъ смысломъ имени, а отнюдь не народное. Кропленіе всего хозяйства священною *водою*, *кресты* мѣломъ и кресты изъ лучины на входахъ и главнѣйшихъ строеніяхъ, у католиковъ надписи мѣломъ первой буквы имени волхвовъ, и т. п., извѣстны. — Самое *Кщенье*, у католиковъ кромѣ того *Трёхъ кролей* (трехъ волхвовъ)—совершенно теперь христіанскаго, церковнаго характера. Однако, соображая, что купанье „млада бога“ у Славянъ, напр. Болгаръ, входитъ существенною частью въ Коляду; что это напоминало народу и Купалу, и Ивана или Яна; что о Трехъ Круляхъ въ старину, и по всей Литовской Руси, былъ срокъ судебнымъ сессіямъ, рѣшеньямъ, явкамъ и разбору дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и условіямъ, и наймамъ (ср. выше крестьянскіе переходы); наконецъ, что въ старину у Литовцевъ и Поляковъ былъ при этомъ обрядъ —выбора *короля* семейству и семейнымъ дѣламъ, короля временнаго, такъ сказать „калифа на часъ“, посредствомъ запеченнаго въ пирогѣ миндаля, кому такой въ кускѣ достанется, это же точь въ точь напоминаетъ *fabam-mimum* древнихъ въ теченіе Сатурналій, когда именно древній богъ-царь изгонялся и вмѣсто него царилъ кратковременно по жребію освобожденный рабъ: соображая все это, убѣждаемся, что христіанскимъ праздникомъ Крещенія, Волхвовъ и Крестителя Іоанна прикрыты значительные слѣды языческихъ воззрѣній.—За симъ *Коляда* и *Коляды* значатъ уже иногда не только кривые и святые вечера включительно съ Крещеньемъ, но даже и все время *до масляницы*: сравнительно съ другими народными праздниками, дѣйствительно нужно предполагать въ старину отправленіе Коляды не меньше мѣсяца, по крайности луннаго. И точно, ксёндзъ ѣзжалъ прежде „по Коляду“ до самой масляницы (ср. ниже). Но конечно, чѣмъ долѣе простирается нынѣ по времени объемъ этого названія, тѣмъ становится оно переноснѣе и отвлеченнѣе: безотчетному преданію старины ничего уже не отвѣчаетъ въ дѣйствительности. Собственно же, послѣ вечера 24-го числа, празднуются нынѣ цѣликомъ только *три дни*, 25—27: тогда-то молятся въ церкви, раздаютъ подачки, ходятъ по роднымъ. За тѣмъ, до Коляды Васильевой, или отъ нея до Крещенья, не работаютъ или празднуютъ въ подлинномъ смыслѣ, лишь по *вечерамъ*, *вечеринки*. (Кто покусится вечеромъ на работу, долженъ по крайности разсѣчь на завтра тычину своего „плота“). Занятія сихъ вечеровъ—гостинцы, гаданья, игры, игрища, пѣсни, пляски (о каждомъ скажемъ особо). Упомянемъ здѣсь же *пятую* особенность Бѣлой Руси: дома при этомъ ведутъ себя очень воздержно (не такъ какъ въ Купалу), и между прочимъ любятъ посвящать время бесѣдамъ о прошедшемъ, разсказамъ о давнемъ быломъ, такъ что именно всѣ *Сказанія*, *Были* и *Былины*, какія есть у Бѣлой Руси, обязаны своимъ творчествомъ, воспроизведеніемъ и сохраненіемъ всего болѣе *этой поръ года*.

Одного рода *Гаданья* то же, что *Примѣты*. Изъ нихъ къ Колядѣ на Бѣлой Руси относятся: подъ Рожество, если хорошо убиты тропинки по двору,—урожай гречихи (то есть много гостей на кашу или зерновую кутью); звѣздное небо, — хорошій приплодъ скота (по извѣстному воззрѣнію, что въ звѣздахъ по небу разбрелся скотъ); деревья отягчены инеемъ (какъ плодовитыя деревья цвѣтомъ),—плодородіе сада или огорода; оттепель,—ранняя весна, обильное лѣто (по нашему „не доѣздятъ“, разумѣя Благовѣщенье). Кануны Новаго года и Крещенья неблаговременны симъ гаданьямъ и примѣтамъ (совершенно обратно нашему обычаю). Но всѣ три кутьи или кануна имѣютъ то общее, что стараются тогда воздерживаться отъ брани, ссоръ, дракъ и т. п.: иначе весь годъ пройдетъ такъ. Кромѣ того въ новый годъ сличаютъ зарубку, сдѣланную на стѣнѣ 10-го Декабря, при поворотѣ солнца, на его павшемъ лучѣ: противъ зарубки день отходитъ или прибавляется постепенно „на гусиную лапку“. А въ Крещенье, кто первый идетъ за водою, долженъ влить въ колодецъ святую воду и поставить крестики изъ лучины (ср. выше). Наконецъ, послѣ Крещенья, въ *Ерданьской* водѣ нельзя мыть платья цѣлую недѣлю, и т. п.—Гаданья же въ собственномъ смыслѣ, то есть извѣстные обряды для разгадыванія судьбы, отвѣчаютъ другому предѣлу года, гаданьямъ лѣтнимъ на Ивановъ день, какъ сама Коляда отвѣчаетъ Купалѣ (и вотъ почему лучшимъ временемъ гаданій считается въ Бѣлоруссіи 24-е Декабря, отвѣчающее 24-му Іюня). Послѣ лѣтней Купалы, гаданья возобновляются въ день Екатерининъ, у православныхъ 24-го, у католиковъ 25-го Ноября, а равно въ Андреевъ, 30-го Ноября (числа отвѣчаютъ Купалѣ, Рожеству и Васильеву вечеру); это гаданья по преимуществу о женидьбѣ и замужествѣ. Сажаютъ зерно въ горшокъ, въ черепокъ, въ банку,—выростетъ ли къ Колядѣ или Василью; мечутъ жеребья съ именами суженыхъ, съ разными ихъ вещицами,—что вынется или кто приснится (если на ночь подъ голована), и т. п. Все это сходится къ Колядѣ, какъ лѣтнія

гаданья къ Купалѣ, но далеко не развито такъ, какъ у насъ на Великой и Срединной Руси, или, лучше, затрачено: одна причина конечно та, что климатъ тамъ мягче, молодежь не столько сосредоточена въ хатѣ и приманчивѣе игрища наружи; другая — послѣдовательныя усилія духовенства, у насъ не проникшія внутрь домовъ, а у католиковъ особенно тамъ возобладавшія. Впрочемъ, по Кривымъ Вечерамъ, а всего болѣе послѣ первой кутьи, и преимущественно дѣвушки — слушаютъ подъ окнами, каковъ намекъ рѣчей; замѣчаютъ, откуда въ полѣ лай собакъ (оттуда суженое), обхватываютъ охабку дровъ или звѣнья „плота", плетня, изгороди,—достанется ли чётъ (хорошо, пара, замужство, молодецъ), или нéчотъ (дурно, сидѣть въ дѣвкахъ, вдовецъ, старикъ), а также перебираютъ звѣнья, со словами „вдовецъ — молодецъ," такой или такой по имени, на какомъ имени придется послѣднее полѣно или звѣно; кормятъ куръ, пѣтуха, зернами той или другой дѣвушки; впускаютъ гусака съ обвязанными глазами, къ которой пойдетъ (отсюда выше помѣщенная пѣсня подъ № 141) и т. п. — Близки къ этому *Загадки*, по Бѣлорусски *Гадки*, въ словѣ: любимое занятіе кривыхъ вечеровъ. — Таковы же по происхожденію и нѣкоторыя *Игры*, особенно въ Коляду употребительныя по домамъ: простѣйшія, на примѣръ *Цяты* или *Цапы*, наше „Четъ—Нечетъ," обыкновенно на орѣхахъ, спрятавши въ рукѣ, съ вопросомъ „ци цятъ, ци лишка?" При искаженіи, то же на деньгахъ, при чемъ *лишка* значитъ уже „ситко" или „рѣшка (рѣшотка, обратная орлу)," — наша „орлянка." Таковы же *Жгутки* или *Ластовки*: подробности объ нихъ и подобныхъ ниже, въ своемъ мѣстѣ. Постепенно богатыя содержаніемъ, которое отъ основъ мива и обряда обращается уже къ явленіямъ обиходной жизни, игры эти дѣлаются своего рода представленіями, сопровождаются и выражаются пѣснею: въ семъ смыслѣ имъ усвоено особое имя—*Игрища*. Для нихъ собираются въ одинъ домъ, по зову болѣе зажиточнаго хозяина, или въ складчину: *Вечарницы, вечаринки*. Тутъ же и прочія пѣсни, и пляски, подъ дуду, волынку, *Муцьянку* (Молдованку; ср. особ. статью); тутъ же появленіе „ряженыхъ". Но у насъ это во всей силѣ по избамъ, преимущественно отъ холода: Бѣлой Руси въ большинствѣ случаевъ можно разгуляться на волѣ, съ воли же являются въ хату и ряженые, и всѣ „представленія". Туда же за ними, на волю, перейдемъ и мы.

Игрища—въ томъ же самомъ словоупотребленіи, смыслѣ и видѣ среди праздничнаго быта, какъ поминаются еще Несторомъ: *шестая* особенность Бѣлорусской Коляды. Длятся съ перваго дня во всѣ святки: въ крещенье большею частію самыя многолюдныя, до сотни человѣкъ и болѣе. Гдѣ есть, любимое мѣсто—около корчмы, то есть около вина и особенно столь распространеннаго, любимаго пива. Всего больше способствуетъ то, что здѣсь на свободѣ или между сроками найма дѣйствуютъ рабочіе и работницы, притомъ съ лишней, заработанной копейкой. Она же тутъ часто и ребромъ: не та уже скромность, что по хатамъ,—подпиваютъ и подгуливаютъ сильно. Часто проходитъ цѣлая въ томъ ночь: разумѣется, и любовь играетъ видную роль; совершается и довершается то, чего еще не успѣла Купала. Впрочемъ, въ Купалу *вся* внѣ хаты: теперь же хозяинъ *ея*, отецъ или мать, по возможности еще оспариваютъ площадь и задерживаютъ при себѣ. Извѣстная музыка, пляска; ряженые съ представленіями. Пѣсни, сопровождающія и выражающія (см. ихъ выше), свидѣтельствуютъ, что эти Игрища суть: 1) *собственно* Игры, примѣненныя къ разнымъ событіямъ жизни человѣческой,—„Золото хороню," „Ящеръ," „Коза," „Бахоръ," „Гусакъ," — отчасти изъ цѣлаго годоваго обихода, „Хмель," „Макъ," Коноплель" и т. п. (сравнительно съ нашимъ богатствомъ это только отрывки); 2) то, чтó мы называемъ *хороводами* и имѣемъ въ несравненномъ обиліи, но чтó у Бѣлоруссовъ оживаетъ только при сихъ святочныхъ Игрищахъ, „Дѣвки просо сѣяли," Мужъ и жена, Старый и молодой, и т. д. Остальныя подобныя, сколько ихъ уцѣлѣло на Бѣлой Руси, употребляемыя и въ другія времена года, приведутся въ своемъ мѣстѣ.

Душу всему этому влагаетъ особый народный обрядъ и обычай.

Колядующіе, или, какъ они сами себя и другіе ихъ называютъ, *Коляда, Колядки, Колядные, Колядчики, Колядовщики*, суть ничто иное, какъ тѣ же самые „Волочобные": къ нимъ примѣняется все выше сказанное нами о сихъ послѣднихъ. Къ Велику-дню перешли они потому лишь, что нѣкогда и въ Мартѣ праздновался годъ новый, а нынѣ въ Пасху болѣе ожидается подачекъ отъ богатаго „свячёнаго," чѣмъ въ Коляду: Волочобные объ Рожествѣ получаютъ лишь другое *имя*,—отъ праздника *Коляды*. Потому это нисколько не особенность Бѣлой Руси и встрѣчается одинаково у Руси Малой, Червонной, Карпатской, Угорской, значительно уцѣлѣло и у насъ по нѣкоторымъ областямъ, извѣстно всѣмъ прочимъ Славянамъ. — Слѣдуетъ только замѣтить, что ходятъ по два—по три или гурьбою: мальчики; мальчики съ дѣвочками; взрослые—мужчины и женщины — но конечно уже болѣе бѣдные, бездомные или безхозяйные;

рѣдко—старики и старухи (ибо Коляда отнюдь не нищенство, а нищимъ, калѣкамъ—*Старцамъ* совсѣмъ другое время и мѣсто); нерѣдко же *Братчики* цѣлаго прихода или извѣстной церкви и костѣла (равно православные и католики),—и тогда между ними есть зажиточные, и тогда гурьба большая.—Первое время ихъ,—какъ только смеркнется 24-го Декабря и хозяева садутъ за Кутью; отсюда цѣлую ночь, до утра; потомъ, какъ повтореніе, уже болѣе живое, ибо подачки и угощенья обильнѣе,—въ Кутью мясную или богатую, въ Коляду Васильева вечера, подъ новый годъ; въ другіе, промежуточные дни или, лучше, вечера и ночи, въ Святые или Красные вечера, Колядующіе *начинаютъ* реже,—они развѣ *повторяютъ*, то есть являются у другихъ, болѣе дальнихъ, куда прежде не поспѣли, по чужимъ хатамъ, деревнямъ и селамъ, обошедши своихъ и близкихъ подъ 25-е Декабря и 1-е Января; подъ Крещенье же бываютъ рѣдко (именно больше на Жмуди, см. ниже) или вовсе не допускаются.—Если что въ пѣніи отличаетъ ихъ отъ Волочобныхъ, такъ это 1) когда собственно „кличутъ“ или „выкликаютъ Коляду,“ то есть представляется она въ пѣсни особымъ внѣшнимъ существомъ, которое ожидается, прибываетъ и празднуется, а сами Колядующіе являются ея представителями или служителями: но такія пѣсни очень немногочисленны и коротки, такъ что имя Коляды большею частію обратилось нынѣ въ одинъ *припѣвъ* къ пѣснямъ *прочимъ*. Сіи-то послѣднія пѣсни *по крайности со священнымъ или обряднымъ припѣвомъ* и называются 2) собственно *Колядками*. Другія же за тѣмъ святочныя, безъ припѣва „Коляды“, называются такъ лишь *переносно*. 3) Третьи пѣсни Колядующихъ,—и обильнѣйшія,—суть тѣ же самыя *Волочобныя* съ припѣвами самыми разнородными или вовсе безъ припѣва: поздравленія съ праздникомъ, пожеланія при семъ случаѣ и загадыванія объ ожидаемыхъ подаркахъ или подачкахъ, такъ что здѣсь „выкликать Коляду“ значитъ именно просто—выпросить даръ. Наконецъ 4)—пѣсни христіанскаго времени и характера, *Канты*, *Псальмы* или *Стихи*, не суть уже произведенія чисто-народныя и объ нихъ мы скажемъ послѣ.—Подарки Колядующимъ у крестьянъ уже готовы: это—выставленные на окно или за окно, въ Кутью постную принадлежности ея, на примѣръ блины, *калачики* (небольшіе ситные хлѣбцы, особенно изъ яровой муки), и т. п., или же нарочно приносимые; въ мясную же Кутью современные празднику колбасы, куски мяса, студень и т. д. Если то ребятишки, и поютъ кое-что, хозяинъ отдѣлается мелочью, монеткой или, даже не слушая, окликнетъ — „дякую вамъ (спасибо, благодарствуемъ);“ если поютъ постарше и получше,—прослушаетъ, самъ высунется или выйдетъ, подастъ что покрупнѣе; гурьбою и братчикамъ,—попроситъ „до хаты“ или „до господы (хозяйства и хозяйскаго угощенья)“, разсадитъ, попотчуетъ водкой, блинами, а то колбасой, студенемъ, холодцомъ изъ свиной головы и ногъ.—Отъ окна къ окну несется хоровое пѣніе, тамъ рѣзкій мужской голосъ, тамъ ребяческій звонкій; то стелется по селу, гдѣ оно скучено, то средь разбросанныхъ хатъ и усадебъ, между надѣлами и полями, садами и рощами; смолкнетъ тутъ, зазвучитъ на другомъ уголкѣ; цѣлое окрестность оживлено и живетъ; слушаетъ тихая и свѣтлая, сѣдая и почти бѣловатая ночь Бѣлорусская, слушаетъ и зоветъ прислушаться къ этимъ торжественнымъ часамъ Коляды. Часы и минуты не хуже Малорусскихъ ночей Купалы.

Колядующіе—совсѣмъ не бѣдняки или нищіе, они не вымаливаютъ, а „требуютъ“ или ожидаютъ подарковъ, подачекъ отъ священнаго стола: это ихъ *треба*, какъ и треба-жертва праздника; и даютъ имъ приносимое какъ долгъ и обязанность. Явно, это бывшіе нѣкогда жрецы, а нынѣ во всякомъ случаѣ служители и выразители праздника, представители души его, самого существа Коляды. Значенье ихъ постепенно, но очевидно простирается и на всѣхъ празднующихъ: какъ названіе Коляды на весь праздникъ, вечеръ Коляды на всѣ святые вечера, собирательное имя Колядокъ—на всѣ пѣсни, гаданья, игры и игрища, съ соотвѣтственной музыкой. Все это служитъ Колядѣ, служа празднуетъ, празднуя выражаетъ и представляетъ ее: *представленія* суть отличія Коляды и по уцѣлѣвшимъ въ нихъ остаткамъ прадревней народности составляютъ *седьмую*, весьма важную особенность Бѣлой Руси. Въ представленіяхъ участвуютъ болѣе или менѣе всѣ, по всѣмъ вечерамъ, и во всѣхъ одинаково выражаются черты праздника, отъ словъ пѣсни до напѣва ея и сопровожденія инструментомъ, до обряда, до подробностей гаданья и игры, до игрищъ и высшаго развитія ихъ—въ видѣ нашихъ хороводовъ: ибо хороводъ, вдаваясь въ крайнія подробности обиходной жизни и представляя ея событія, представляетъ изъ нихъ однако же въ извѣстное время лишь тѣ, кои свойственны времени и поводу, то есть празднику, а слѣдовательно повторяетъ и выражаетъ въ себѣ его характеръ. Потому-то хороводы—разные—усвоены разнымъ срокамъ. Такъ въ Купалу, видѣли мы, самыя обиходныя и житейскія пѣсни все-таки отражаютъ въ себѣ чертами не иначе какъ Купальскія. Такія-то представленія собственно и называются „играми“ и „игрищами“, съ частными именами каждому, которыя перечтемъ ниже: это и есть наши *Ludi*—Игры, наша *Scena*—Игрище (мѣсто игръ и представленій), какъ,

уцѣлѣвшій, зародышъ народныхъ позорищъ, театра. Самое *Lud-us* есть прямо нашъ *Люд-ъ*: *ludi scenici*—„люди на игрищѣ,“ играющіе и представляющіе. Съ другой стороны *lud-us* есть наше *луд-ъ*, обманъ, личина, маска или образъ, что́ либо собою представляющій (такъ что *людъ*, названіе перенесенное на людей, есть толпа лицъ и образовъ). Въ торжествѣ Купалы и Яна подлинное происхожденіе Игрищъ сего рода, но онѣ стянуты на Бѣлой Руси, какъ и въ другихъ Славянскихъ мѣстностяхъ, всего болѣе къ *Колядѣ*: на то, кромѣ существенной, внутренней связи Коляды и Купалы, есть еще причины временныя, историческія и бытовыя. Купала, нѣкогда чуть не главная въ году и почти всеобемлющая своимъ значеніемъ, нынѣ урѣзана до одной ночи, да и тутъ древній обрядъ съ каждымъ часомъ распадается подъ напитіемъ христіанства; едва успѣваютъ отправить существенныя части торжества, безъ коихъ оно совсѣмъ бы пало,—чучелу и костеръ; для прочихъ представленій необходима была бы подготовка, — время и особые люди:—а тутъ нѣтъ нынче ни того, ни другаго, время страдное, панщизна, всѣ участники—чернорабочіе. Купальской пѣсни приходится лишь *вспоминать* древній обрядъ, а не сопровождать соотвѣтственную ему *дѣйствительность*. Тѣхъ, кто былъ нѣкогда присныиъ, присяжнымъ служителемъ и выразителемъ Купалы, тѣхъ, по низверженіи божества, распаденіи праздника и обряда, отдѣлила судьба какъ отрѣзанный ломоть, кучами пустила въ гульбу и бродяжную жизнь, на иной промыселъ, а потомъ, и давно уже, *Скомороховъ* стерла почти безъ слѣда. Оттиски сего первообраза, Волочобные отошли отъ праздника, нѣкогда единаго и цѣльнаго, къ нынѣшнему частному и отдѣльному Велику-дню: но и послѣднее, что́ сюда привело ихъ въ былую нѣкогда пору, и „новое лѣто“ не празднуется нынѣ въ Мартѣ, весною; а остальное все, чисто-христіанское, на Пасхѣ рѣшительно не даетъ никакого яснаго повода поддерживать или развивать старыя сценическія представленія, такъ что у Поляковъ, кои, сказано выше, въ старину перенесли сюда и „свяченое,“ и гурьбу славящихъ, и представленія, и ораціи,—все это является въ Пасху какъ ветхая языческая заплата на священнѣйшемъ образѣ торжества христіанскаго. Другое совсѣмъ дѣло—Коляда, по сущности своей и по годовому соотвѣтствію напоминающая Купалу: здѣсь есть и время подготовиться заранѣе, и длинные вечера, даже нѣсколько вечеровъ для выполненія службы, и свободные выполнители изо всего люда, и особые гулящіе люди, нѣкогда выставлявшіе главный контингентъ Скомороховъ, эти „вольноотпущенные,“ временные или на долго гуляки изъ рабочихъ, эти „либерты“ и „либертины.“ Они-то, со своими представленіями, замѣняютъ нынче старшихъ служителей торжества; они повторяютъ черты исчезшихъ Скомороховъ; къ нимъ пристаютъ или имъ уподобляются всѣ прочіе празднующіе; и, на оборотъ, все, что́ мы знаемъ объ историческихъ Скоморохахъ, отчасти повторяется, уясняется или подтверждается въ ихнихъ нынѣшнихъ, хотя и временныхъ, преемникахъ. Подробности о семъ ниже въ особой статьѣ, здѣсь же лишь главныя черты, отличающія Бѣлоруссію.

Какъ въ Купалу живетъ, говоритъ и дѣйствуетъ, въ общеніи съ человѣкомъ, вся природа: такъ въ Коляду задаютъ ей вопросы и гадаютъ, растолковываютъ себѣ смыслъ таинственныхъ ея отвѣтовъ. Въ Купалу говорятъ и дѣйствуютъ деревья, травы, цвѣты: въ Коляду они „разъигрываются,“ въ своего рода драмѣ, въ обхожденіи съ бытомъ человѣческимъ,—Хмель, Конопель, Макъ, Просо и т. п. То же съ животными: ихъ *представляютъ* люди, входя въ ихъ положеніе, или же они представляютъ собою людскую жизнь,—начало сценическое. Таковы нынѣ употребительныя на Бѣлой Руси игры или представленія: *Гусь*, *Ящеръ*, *Медвѣдь*, *Журавль*; одѣваются или маскируются ими, смотря по наличнымъ средствамъ, иногда довольно удачно, простѣйшимъ же образомъ — выворачивая овчину, то есть оборотнемъ, получеловѣкомъ, полуживотнымъ. Самое любимое изъ сихъ представленій—*Козелъ* и еще чаще *Коза*: неразлучный спутникъ начала классической драмы, трагедіи, и божества, вызвавшаго праздникомъ своимъ сцену. Можно прямо сказать: какъ торжество Купальское начинается со вступленіемъ солнца въ знакъ Рака, откуда и роль сего послѣдняго на шабашѣ,—такъ Коляда является со вступленіемъ въ область Козла, Козьяго рога или такъ называемаго Козе-рога (переходъ Декабря въ Январь). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коза убирается очень красиво (ею одѣвается парень): съ мордой, рожками, въ шерсти (для которой Русь, *Бѣлая* шерстью овецъ своихъ, имѣетъ довольно матерьяла), въ лентахъ, съ погремушками. Простѣе—это въ родѣ распашной рубахи изъ бѣлаго холста, надѣваемой на голову, а надъ головою человѣка приходится искусственная голова Козы, пришитая къ вороту: голова Козы изъ пучка чего ни будь, морда изъ двухъ деревянныхъ пластинокъ, продернутыхъ веревкою, которая спускается къ играющему, которую онъ дергаетъ и заставляетъ пластинки щелкать, какъ губы и зубы животнаго. Тѣ же самыя фигуры въ играхъ извѣстны у историческихъ Скомороховъ, особенно Медвѣдь, у „Медвѣжьихъ поводчиковъ,“ то есть у одной изъ партій

Скомороховъ, и Коза. Нынѣ Коза у насъ неизмѣнно присоединяется къ Медвѣдю, и играетъ уже молчаливую роль, безъ рѣчей; но на Бѣлой Руси она самая говорливая, самая — въ своемъ родѣ — драматичная: не только есть при ней свой *разговоръ*, речитативъ представленія, но даже особая *пѣсня*, приведенная нами въ примѣръ выше. По этой пѣсни, Коза не только является спутницею представленій и игръ, шумнаго празднества съ музыкою, но напоминаетъ собою и старшія высшія существа или древнѣйшія сказанія, вложившія душу въ представленіе и породившія своимъ паитіемъ сцену: такъ, Коза—родитъ все благо, все обиліе плодовъ, и рогъ ея есть рогъ изобилія, какъ у древней Амалѳеи; она печется о воспитаніи новорожденныхъ существъ, заботливо прячетъ ихъ, а имъ, какъ и матери, грозитъ древній врагъ, Волкъ, или, еще выразительнѣе, „Старый Дѣдъ, сивобородый, съ тугимъ лугомъ,“ этотъ, какъ знаемъ мы, озлобленный старый богъ, Кронъ или Сатурнъ, какъ бы нынче ни называли его Славяне и Бѣлоруссы. Такимъ образомъ праздникъ новорожденнаго „Божича“ всего вѣрнѣе рисуется своей неразлучной спутницей, Козою, а образъ ея всего развитѣе сохранился на Бѣлой, отчасти и всей Западной Руси: къ намъ, на Великую и Срединную, замѣтно перешли черты оттуда, какъ перешли оттуда и многія черты историческихъ Скомороховъ. Нужно вспомнить при этомъ, что въ нашемъ сельскомъ быту коза уже не играетъ большой роли: у насъ любятъ собственно козла; нельзя ему нигдѣ показаться, чтобы не собралась вокругъ толпа и не начались съ козломъ шутки и разговоры; козелъ же стережетъ у насъ хлѣва и стойла, отъ Вѣдуновъ и Вѣдьмъ, а по городамъ держатъ у насъ козу лишь для чахоточныхъ. Не то, какъ извѣстно, въ Западной Россіи и особенно Бѣлой: тамъ это одна изъ главныхъ половинъ стада, и у крестьянъ, и въ городахъ при домашнемъ скотѣ; какъ нарочно прибавились сюда и обычаи Евреевъ, удержанные ими еще съ Палестинской жизни: для Еврея коза—все, воспитательница дѣтей, кормилица взрослыхъ, именно какъ на Востокѣ и отчасти въ классической древности. — Но не всѣ такъ счастливы какъ Коза: прочія лица народныхъ представленій не имѣютъ пѣсней, или, что то же, сопровожденія поющихъ, въ родѣ античнаго *хора*; остаются одни лишь *разговоры*, т. е. речитативы и голыя либретто, или импровизаціей, или въ родѣ тѣхъ, кои мы слышимъ нынѣ отъ медвѣжьихъ поводчиковъ (они ходятъ и на Бѣлой Руси, но, по обстоятельствамъ, какъ и у насъ, постепенно замѣняются нынѣ Татарами *). Гораздо важнѣе и любопытнѣе эти разговоры, когда представленія изъ области миѳической или царства животныхъ переносятся въ человѣческую, народную. Въ Игрищахъ, по нашему въ Хороводахъ, представленія, рисующія событія окружающей жизни, сопровождаются художественнымъ словомъ, пѣснею *хора*, который водится или кружится вокругъ средины, оставленной для сцены изображаемаго дѣйствія: всякой видитъ и можетъ понять, что здѣсь вовсе не воспѣваются событія эпическія, что это не быль и не былина; не воспѣваются и движенія чувствъ, тѣ образы, кои свойственны пѣсни „женской“ и „бытовой,“ лирической. Напротивъ здѣсь „разъигрывается дѣйствіе,“ съ завязкой и развязкой, какъ зачатокъ народной драмы: стóитъ только взглянуть на приведенныя нами Купальскія и Колядныя пѣсни сего рода, чтобы усмотрѣть въ нихъ постоянно—то разгаръ страсти, разрывающей семейство, то исторію несчастной влюбленной, жены или дѣвушки, то молодца, изъ за нее убитаго, то отчаянную мать, то обманутаго за суровость свою отца, и т. п., однимъ словомъ всюду начала драматическія и трагическія.—Но то, что́ намъ здѣсь оставила въ наслѣдство древность, въ образѣ болѣе или менѣе законченномъ, въ творческомъ опредѣленномъ словѣ, въ дѣйствіи, которое разъигрывается, и въ хорѣ, который поется—по преданію,—все это не достигло у насъ до высшаго развитія народнаго театра. Тѣмъ не менѣе однако не исчерпало и всѣхъ родниковъ народной творческой производительности: оно еще живетъ въ нынѣшнихъ „представленіяхъ“ Бѣлорусской народной сцены, въ этихъ разговорахъ, речитативахъ или либретто, которые доселѣ пробавляются отчасти привычными условіями старой народной сцены, завѣщанными ею пріемами и оборотами, отчасти же воспроизводятся и творятся безпрерывно новою импровизаціей. Сцена въ семъ случаѣ устроивается двояко: или 1) въ домѣ и на площадкѣ дѣйствуютъ живьемъ

*) Въ „Вѣстникѣ Европы,“ № 2, 1868 г., мы прочли статью г. Стасова „о происхожденіи Русскихъ Былинъ,“ проливающую яркій свѣтъ на происхожденіе нашего народнаго творчества. Оно является „не оригинальнымъ произведеніемъ, а копіей или передѣлкой чужаго оригинала,“ именно отчасти переводомъ изъ Магабхараты и Рамаяны (по Калькутскимъ и современнымъ Европейскимъ изданіямъ), отчасти же заимствованіемъ отъ Томскихъ Шоровъ, Телеутскихъ пѣсней, Татаръ Минусинскихъ, Алтайскихъ. — Помянутое нами участіе Татаръ при обрядахъ и представленіяхъ можетъ навести на мысль, что конечно и всѣ наши пѣсни, и всѣ народные обряды одолжены своимъ происхожденіемъ Татарамъ Минусинскимъ и Алтайскимъ.—*Февраля 6, 1868 г.*

играющія лица, переряженныя сообразно ролямъ, по мѣрѣ силъ и средствъ; или 2) устроивается ящикъ, въ родѣ нашего райка со стеклышкомъ, чаще съ отодвижною или подымающеюся переднею стѣнкою, иногда же съ дверцами; въ ящикѣ извѣстныя декораціи; полъ устланъ шкуркой; прорѣзныя дорожки для движенія куколъ; самыя куклы, въ цвѣтныхъ лоскутьяхъ, дѣйствуютъ посредствомъ проволокъ или веревочекъ, привязанныхъ къ разнымъ частямъ ихъ тѣла (какъ въ театрѣ Маріонетокъ); разговоры дѣйствующихъ лицъ передаются самимъ хозяиномъ ящика или его слугами; свѣтъ въ ящикъ падаетъ сверху; ящикъ иногда порядочно великъ, въ родѣ подвижнаго балаганчика, и носятъ его два человѣка; начало и антракты имѣютъ музыку, волынку или скрипку; хозяинъ — антрпренёръ и товарищъ его, служитель; порою два, три служителя; иногда завѣдуетъ цѣлая компанія. До послѣдняго Польскаго возстанія не было на Бѣлой Руси порядочнаго околодка, на который не приходилось бы хоть по одному такому подвижному балагану или ящику, наслѣдованному изстари, починенному или вновь сколоченному съ большими хлопотами въ теченіе Филиповокъ; нѣтъ почти мѣстности, особенно въ деревнѣ и селѣ, гдѣ бы хоть разъ въ Коляду не отправлено было описанное нами представленіе въ томъ или другомъ видѣ, и развѣ только безсмѣнное военное положеніе послѣднихъ лѣтъ кладётъ предѣлъ сей, своего рода народной роскоши. Любимѣйшее содержаніе этихъ сценъ, на сколько уцѣлѣли онѣ, составляетъ, во первыхъ, Бѣлорусскій *хлопъ* во всевозможныхъ его видахъ, преимущественно въ траги-комическихъ отношеніяхъ къ *пану*, котораго онъ тѣмъ или другимъ ставитъ въ тупикъ; къ *жиду*, съ коимъ расправляется по свойски за ловкое торгашество, надувательство или неоплатные свои долги; къ *дохтору* и *учителю*, которые въ дуракахъ передъ цѣльною натурою крестьянина; къ *женѣ*, которая наказана за вѣроломство или наказываетъ мужа за корчму; нужно только сказать, никогда почти не выставлено дурное отношеніе между крестьянствомъ и *духовенствомъ*,—къ чести того и другаго; далѣе — Еврейскій *шабашъ*; степенность и неуклюжесть *Литвина*, и т. п. Изъ старыхъ, историческисказочныхъ, сцена *Саломона* и *Морольфа* (она же — самый древній печатный тискъ Кракова), конечно обезображенная, гдѣ роль Китовраса, Морольфа и Дѣтины Повареннаго *)—по чернотѣ своей—замѣщаетъ *Цыганъ*, то есть въ родѣ нынѣшняго нашего *Петрушки*, совмѣщающаго крохи той же исторіи съ образами Пьеро и Арлекина. Наконецъ, ближе къ быту, выставляются продѣлки простаго Цыгана съ лошадью; тѣ же на сценѣ журавли, медвѣди и т. д. Тогда какъ „искусственныя“ піесы, обогатившія сей репертуаръ, тщательно собраны Польскими учеными, такъ что изданія ихъ простираются до тысячной цифры отдѣльныхъ брошюръ **): разговоры и представленія „чисто-народные“ не только доселѣ не издавались, но и не собирались никѣмъ, такъ что мы сочли своей счастливой обязанностью привести хотя одинъ образецъ изъ области Бѣлорусскихъ импровизацій. Между тѣмъ это тѣ же зачатки народнаго театра, какъ и вездѣ по Европѣ въ средніе вѣка, зачатки, послужившіе такимъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ Реформаціи, породившіе Итальянскую комедію, и даже, можно сказать, Шекспира. И преданіе объ исконномъ сродствѣ ихъ съ зачатками античнаго театра, и усилія духовенства, замѣнившаго народное содержаніе ихъ таинственными представленіями изъ Священной Исторіи, — усвоили имъ именованіе *Мистерій*: такъ извѣстны онѣ Западной Европѣ, въ семъ же видѣ давно заняли любопытную страницу въ Исторіи Польской литературы, и въ семъ же наконецъ видѣ на Бѣлой Руси, неусыпнымъ попеченіемъ Католическаго духовенства, обращены къ цѣлямъ сего послѣдняго. То, что изъ нихъ уцѣлѣло въ смыслѣ чисто-народномъ, совершенно совпадаетъ со сценами, извѣстными у историческихъ Скомороховъ, и на оборотъ, нынѣшніе Бѣлорусскіе отрывки даютъ намъ по возможности удовлетворительное понятіе, каковы были представленія у древнихъ Скомороховъ. Но крупная, *осьмая* особенность Бѣлой Руси состоитъ въ томъ, что все это народное не столько погребено въ развалинахъ, сколько преображено въ иную, христіанскую и церковную, внѣшнюю форму, сначала ревностнѣйшими усиліями ксендзовъ, а потомъ ихъ вліяніемъ, простиравшимся даже на православныхъ. Къ чему мы и переходимъ.

Церковный католическій годъ, какъ извѣстно, начинался съ Рожества (какъ у насъ съ Сентября), гражданскій—западный—съ 1-го Января. Замѣчая проистекшее отсюда сближеніе между народнымъ праздникомъ подъ 25-е Декабря и подъ 1-е Января, Поляки, разумѣется въ письменномъ и книжномъ языкѣ,

---

*) См. наши „Замѣтки“, особенно ко 2-му тому Рыбникова.

**) Онѣ, между прочимъ, нами разобраны, отчасти и собраны для Виленскаго Музея и тамошней, зачатой нашими усиліями, Публичной Библіотеки.

со стороны науки, раздѣлили два слова по правописанію: *Kolenda*, относя это къ 1-му числу—*Calendae*, и другое *Kolęda*—то есть Коляда, Славянскій праздникъ, начинающійся съ вечера 24-го числа. Въ сущности конечно это одна и та же Коляда, то есть съ носовымъ звукомъ *я*, по старшему Ц. Слав. правописанію *). Когда на Бѣлой или такъ называемой Литовской Руси служители языческой Коляды смѣнились духовными служителями Рождества и вообще христіанства; сіи послѣдніе вступили во всѣ права предшественниковъ; а поелику Коляда была здѣсь очень развита, то и права сіи, и примѣненія ихъ были очень обширны. „Ходзицъ“ или „Бѣгацъ по Колендзѣ **)“, ходить, бѣгать по Колядѣ или за Колядою, то есть, какъ мы знаемъ, Колядовать и симъ собирать праздничные дары, подачки отъ стола,—было общепринятымъ дѣломъ и выраженіемъ у Поляковъ, равно какъ и у тамошнихъ Русскихъ: духовный служитель или ксёндзъ отправлялся по приходу и даже (вслѣдствіе древней неопредѣленности приходовъ) по цѣлому округу за симъ дѣломъ, откуда выраженіе уцѣлѣвшее доселѣ, „ксёндзъ идзе по Колендзѣ“, или, что тоже, „ѣдзе по Колендзѣ ***).“ Технически это значило извѣстный поборъ въ пользу духовенства, а собственно подачку натурою. Обходъ или объѣздъ продолжался съ Рожества, а больше съ Новаго года (по освобожденіи отъ церковной частой службы и по приготовленіи Коляды „мясной“) вплоть до Масляницы или Великаго Поста: точь въ точь, какъ въ старину имѣла длиться и сама Коляда. Обыкновенно заранѣе назначался маршрутъ, чтобы могли приготовиться во встрѣчѣ; высокій посѣтитель являлся въ деревнѣ или къ хатѣ совершенно такъ, какъ по пѣснямъ изображается пріѣздъ древней Коляды съ пѣснями и музыкой: его сопровождали служители, баккалавръ, органистъ, хлопцы, съ пѣснопѣньями и поздравленьями. При случаѣ семъ, крестьянскимъ мальчикамъ производился публичный экзаменъ; дѣвушки, какъ гадаютъ о замужествѣ на Колядѣ и при столѣ Коляды (см. выше), такъ точно гадали Ксендзомъ и его столомъ: которая скорѣй и ближе подсядетъ къ нему за столъ, та скорѣе въ семъ году выйдетъ за мужъ. Подарки посѣтителю были: солонина, сыръ, сушоные грибы, орѣхи, разные сбереженые овощи и плоды, куры (сихъ вещей до послѣдняго времени собиралось столько, что при случаѣ мы видали сами цѣлые амбары, загроможденные собраннымъ), мелкія деньги и особенно колбаса. Послѣдняя мѣрялась длиною и, по разсчету дворовъ, ксендзъ или извѣстный костелъ, въ послѣднее время даже не объѣзжая деревень, собиралъ съ иной черезъ старшину 40, 80, 120 *локтей колбасы* ****). Когда это зашло уже черезъ чуръ, литовскіе государственные люди — и именно первый подканцлеръ Михаилъ Чарторыйскій — начали запрещать сіи поборы съ народа, по всему государству, слѣдовательно всего ближе по Бѣлой Руси: конечно это не уничтожило (доселѣ), но по крайности ввело обычай въ нѣкоторые предѣлы. Тѣмъ не менѣе, очевидно, что Коляда здѣсь была нѣкогда значительно развита, почти какъ у Славянъ Южныхъ (изъ коихъ нѣкоторые, какъ напримѣръ Хорваты, всего ближе къ древнимъ Бѣлоруссамъ, другіе — Сербы къ Малоруссамъ, и даже вышли на свой Югъ изъ Бѣлорусскихъ и Малорусскихъ странъ). Напротивъ у Поляковъ, которые такъ сказать сѣвернѣе по своимъ исконнымъ племеннымъ особенностямъ (что доказывается и глазами ихъ, и цвѣтомъ волосъ, и складомъ лица), судя по всему, изстари празднованіе Великой-Ночи (Велика-дня) было развито нѣсколько сильнѣе Бѣлоруссовъ (см. выше значеніе сихъ признаковъ); они и Мартовскаго новаго лѣта, по старому Славянскому обычаю, держались тверже, и вообще, какъ сказано, у нихъ были болѣе въ ходу Свенцоне Пасхальныя, чѣмъ Коляда Рожественская и Январская: сообразно тому и поборы изстари взимались у нихъ болѣе отъ Свенцонаго, т. е. отъ Пасхальнаго, и среди духовенства, и среди народа (у насъ, также точно болѣе праздновавшихъ Великій день, чѣмъ Коляду, извѣстна отдѣляемая духовенству доля отъ пасхи, кулича и яицъ, а также изстари употреблялись и сборы *Хлѣба* послѣ Святой, начиная съ Ѳоминой, въ пользу духовенства). По Бѣлой же Руси, по Литвѣ, съ теченіемъ времени, какъ извѣстно, все наиболѣе зажиточное сдѣлалось Польскимъ или Ополяченнымъ, то есть Католическимъ. Вотъ совокупность причинъ, почему здѣсь, повторяемъ, и духовное торжество Коляды подъ конецъ нѣсколько поупало, и Волочобные изъ крестьянства отдѣлились отъ Коляды къ Велику-дню. Но, пока все это сдѣлалось, католическое духовенство успѣло совершить ампутацію народнаго обряда и пѣснотворчества.—Именно, помянули мы, вся поѣздка за Колядой и всѣ ея торжества въ католическомъ видѣ сопровождались своего рода пѣснопѣніями: онѣ-то и смѣнили собою, и значительно вытѣснили

---

*) Коляда.
**) Chodzić—biegać po Kolędzie.
***) Xiądz idzie—iedzie po Kolendzie.
****) Голембёвскій, въ означенномъ сочиненіи.

чисто-народныя Колядки, такъ что подъ *Колядками* стало разумѣться нѣчто совсѣмъ иное. Явились сочиненія, книжныя произведенія въ прозѣ и стихахъ, разумѣется уже христіанскаго или, лучше, католически-клерикальнаго характера, отчасти примѣнявшіяся къ народному языку, но болѣе на тогдашнемъ книжномъ, полурусскомъ, полупольскомъ, со множествомъ латинизмовъ, съ образами не только клерикальными, но, по обычаю Латинствующихъ, даже миѳологическими и псевдоклассическими, такъ что дѣйствующими лицами и именами являлись иногда Фебъ-Аполлонъ, Марсъ, Юпитеръ и т. п., не говоря уже о Беллонѣ, Фортунѣ и прочей компаніи. Сочиненія эти: 1) *Ораціи* или *Раціи*, въ прозѣ и стихахъ, въ послѣднемъ случаѣ просто *Верши* или *Вирши* (Versus), поздравленія съ праздникомъ, въ письмахъ и поднесеніяхъ, при декламаціи или съ распѣвомъ; 2) *Канты* или *Кантычки* (Cantus), въ стихахъ, на извѣстный праздникъ, между прочимъ въ огромномъ количествѣ на Рожество, Новый годъ и всѣ Святки, такъ называемые наши Книжные или Младшіе Стихи, Псальмы (см. о нихъ подробно въ предисловіи къ 4-му вып. „Калѣкъ Перехожихъ"). Плодовитыми переводчиками ихъ съ Латинскаго или создателями вновь были, вообще изъ духовенства, досужіе католическіе монастыри, а всего болѣе коллегіи, академіи и всякія училища: то была лучшая тема для опытовъ, для упражненій самимъ ученикамъ. Разносить всего не могли бы настоятели и власти: проводниками въ народъ были именно эти *новиціаты*, то есть послушники, полуміpскіе и полудуховные, эти *жаки* (дьяки), то есть ученики всѣхъ видовъ, отъ студентовъ до сельскихъ учившихся хлопцовъ, всѣхъ бурсаковъ и фаристовъ, изъ заведенія своего, фабриковавшаго науку, разносившіе новое творчество по всему народу, въ праздники и вакаціи, кучами и по одиночкѣ, въ хаты и на сельскія площади. Такъ видоизмѣнялся и возсоздался этотъ обычай *славить* (славить праздникъ, а за тѣмъ празднующихъ и дарящихъ), эти *славы* и *славленья*, частнѣе *колядованья*, алчною гурьбою школяровъ и стракулистовъ покрывавшія все лице Бѣлой и Малой Руси, поѣдавшія и побиравшія волею и неволею угощавшихъ хозяевъ. Однимъ словомъ, въ новомъ видѣ, это было повтореніе тѣхъ же, древнихъ, народныхъ Русскихъ Скомороховъ, Веселыхъ людей и Братчиковъ, являвшихся на солодкіе кануны, ѣвшихъ и пившихъ „сильно" или насильно, вызывавшихъ за то громкіе вопли народа, жалобы лѣтописей, обличенія нашихъ проповѣдниковъ, государственныя мѣры, изложенныя въ актахъ. Но распространеніе сихъ явленій шло и другимъ, болѣе естественнымъ для католиковъ путемъ: Латинствующая церковь въ костелѣ ничего не даетъ народу сверхъ латинскаго языка и налагаетъ нѣмоту на слово народное, при органѣ безъ языка и съ языкомъ нѣмымъ для народа. Участіе народа, если при этомъ допущено, то выражается лишь *проповѣдью*, обращенною къ народу, или *пѣніемъ* народа, въ обоихъ случаяхъ на мѣстномъ нарѣчіи, но внѣ существенныхъ частей Богослуженія. Примѣнительно къ праздничнымъ обычаямъ, о коихъ говоримъ, эти проповѣди, изъ устъ духовенства и его дѣятелей, и суть тѣже *ораціи*, а пѣснопѣнія—сочиненныя для народа *кантычки*. Въ позднѣйшее время на нихъ, кромѣ духовенства, положили труды свои и всѣ почти лучшіе Польскіе писатели, особенно стихотворцы, такъ что почти каждый ознаменовалъ свое земное поприще сочиненіемъ двухъ-трехъ кантычекъ. Онѣ-то *поются народомъ* въ костелѣ и при костелѣ, ими только онъ и участвуетъ въ праздникѣ или богослуженіи: слѣдовательно, ихъ только и уноситъ онъ съ собою домой, въ хаты и деревни, какъ символъ и выраженіе праздника. Отъ того наслѣдованныя изъ древности раціи и привившіяся кантычки вошли во весь существенный, духовно-словесный, праздничный обиходъ Бѣлорусскаго крестьянства: и вотъ почему, при маломъ числѣ уцѣлѣвшихъ чисто-народныхъ Колядокъ, мы встрѣчаемъ нынѣ у народа такое множество замѣнившихъ Коляду кантычекъ, то есть *пѣснопѣній духовныхъ*, по видимому весьма мало гармонирующихъ съ пріемами, обычаями, напѣвами и музыкой древле-языческой Коляды.—Однако была здѣсь и другая еще ступень, болѣе высшая, увѣнчавшая все дѣло: духовенство не могло упустить изъ виду помянутыхъ *представленій* или *сценъ*, выражавшихъ праздникъ, этого могущественнаго орудія въ рукахъ народа и столь сильнаго орудія для дѣйствія на народъ. На болѣе глубокомъ Западѣ упущенія сего рода содѣйствовали много взрыву Реформаціи, ибо „мистеріи" въ рукахъ и устахъ народа съ площади опрокинулась на католицизмъ: на Руси Западной клерикалы рѣшительно превозмогли, рядомъ неуклонныхъ усилiй забравъ все дѣло въ свои руки и уже изъ своихъ рукъ подаривъ народу, въ замѣнъ почти подавленной народной его сцены. Какъ вѣрные преемники древнихъ служителей праздника, они даже имѣли и право, и обязанность, служить празднику представителями, то есть представлять его въ своей дѣятельности или выражать представленіями. Забота декорировать и сценировать обрядъ всѣми возможными средствами, хотя бы даже полуязыческими и миѳическими, составляетъ, какъ извѣстно, повсюду неотъемлемое свойство Римской куріи, въ ея развѣтвленіяхъ: на Литовской или Бѣлой Руси знаемъ посвя-

щенные тому цѣлые томы или же тысячи брошюръ, въ свое время издававшихся съ практическою цѣлію; процессіи почти каждый годъ присочинялись и разукрашались фантазіей, все вяще и вяще, трудами нарочныхъ, посвящавшихъ себя тому ученыхъ, прозаиковъ и поэтовъ; Марсы и Паксы, Беллоны и Фортуны, цитуемые въ Кантычкахъ по именамъ, являлись здѣсь уже въ лицахъ, во очью, въ костюмѣ и на колесницахъ (особенно долго отличалась въ семъ отношеніи Виленская процессія „Божьяго Тѣла"). Представленія, соотвѣтствующія Колядѣ, нисколько не отстали отъ другихъ годичныхъ, напротивъ, кажется, даже превосходили все остальное, благодаря и богатому матеріалу изъ самого быта народнаго, и обильнымъ даннымъ изъ преданій церковныхъ. По монастырямъ въ праздникъ устроивалась *Колыска* *), колыбелька или качка, убранная богато матеріей и цвѣтами, въ коей лежало изображеніе новорожденного дитяти, по бокамъ Св. Матерь и Іосифъ: поклоненіе сопровождалось разными затѣйливыми обрядами и кантычками. Еще болѣе успѣвала *Шопка* (Szopka, слово, вѣроятно, иностранное, занятое съ Запада), то есть собственно „сѣнникъ," „сѣновалъ," по мѣстному названію *Яселка* **) или *Ясли*, съ техническимъ значеніемъ: это былъ именно подвижной балаганчикъ или большой ящикъ для представленій. Устраивалось это въ самомъ богатомъ видѣ по монастырямъ или при участіи ученыхъ Коллегій, и показывалось народу съ обѣда до вечера. Содержаніемъ служили конечно всего ближе представленія современнаго праздника—святокъ: Рожество въ вертепѣ, поклоненіе волхвовъ, Иродъ и избіеніе младенцевъ, но также и другія ветхозавѣтныя сцены,—Адамъ и Евва въ Раю, Авраамъ и т. п. Показывающіе сопровождали представленіе самыми фигурными ораціями и кантычками, самыми искуственными декламаціями: народъ вторилъ и заучивалъ. Сюда же, по извѣстной намъ причинѣ, завлечены были и сцены народныя, старшія по происхожденію, но всегда народу привлекательныя: война, служивые люди и походы ихъ, разныя забавы, любовныя приключенія, танцы; корчма съ ея сценами, съ шинкаркой; жидъ въ разныхъ положеніяхъ и продѣлкахъ, за кои уносилъ его подъ конецъ чортъ; „дзяды" или „поютники," путники, калѣки перехожіе, пилигримы, сдѣлавшіеся теперь уже смѣшными послѣ сѣдой ихъ древности, и т. д. Речитативы или либретто возбуждали въ зрителяхъ, въ народѣ, такіе взрывы смѣха и восторга, что приходилось иногда слугамъ костела разгонять слишкомъ завлекшихся. Епископы наконецъ принуждены были запретить такой разъигравшійся театръ ***): новиціаты и жаки успѣли разнести его, конечно по частямъ и въ разсыпную, по корчмамъ, хатамъ, деревнямъ; предпріятіе оказалось весьма выгодно антрепренерамъ и возбудило множество подражателей, бродившихъ съ подвижными театрами; въ нѣкоторыхъ частныхъ домахъ устроивалось для сего болѣе тысячи фигуръ, дѣйствующихъ на сценѣ лицъ; у Жигмунда 1-го при дворѣ жаки въ Коляду играли даже „комедію нѣмецкую," то есть западную средневѣковую мистерію. Народъ совершенно вошелъ во вкусъ: новыя представленія вполнѣ замѣнили ему древнихъ Скомороховъ, прибыльно заняли Колядующихъ, соединили къ одному дѣлу Братчиковъ, оживили Игрища. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ сему якобы народному театру и къ современнымъ его видамъ, скажемъ два слова о другой сторонѣ дѣла. — Оно такъ развилось, что должно было выйти за предѣлы Малой и Бѣлой Россіи. Нашъ Димитрій, воспитанный въ Польскомъ духѣ, поспѣшилъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, устроить подобное публичное представленіе: но онъ устроилъ военною рукою и слишкомъ еще рано, за что всего болѣе и пострадалъ. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, то же самое благополучно было введено мирными путями колонизаторовъ, ученыхъ всякого рода и преимущественно духовнаго званія лицъ, устремившихся просвѣщать варварскую, по ихъ убѣжденію, Россію, на зовъ ея, жалованье и дешевые хлѣбы, изъ падавшаго Литовскаго Княжества, изъ угнѣтенной и обѣднявшей Бѣлоруссіи и Малоруссіи, послѣ нашего дѣятельнаго сближенія съ первою и по присоединеніи сей послѣдней. Самое обильное примѣненіе нашли заносные обычаи въ области духовенства съ его тогдашней Московской обстановкой и новыми школами: съ конца XVII и въ началѣ XVIII вѣка всѣ высшіе іерархи у насъ, по крайности наиболѣе вліятельные, были родомъ оттуда; оттуда же, съ самымъ даже именемъ, новыя Консисторіи, Академіи, Семинаріи, Бурсы и Фары; оттуда же предстоятели сихъ учрежденій, Ректоры, Префекты, и вообще всѣ почти *ученые;* оттуда же всѣ такъ называемыя *системы* преподаванія, науки и имена наукъ, *школы* и все *школьное* (древней Руси неизвѣстное); оттуда же *цуги* и вся внѣшняя обстановка, даже одежды кучеровъ и пѣвчихъ, даже *шоры;* оттуда же сами пѣвчіе, *те-*

*) Kołyska.—**) Jasełka.
***) Голембевскій.

трати ихъ съ „Итальянскими" нотами (противуположно нашимъ „крюкамъ"), ихъ *хоры* и *халтуры;* наконецъ все эти *рекреаціи*, *славы* и *славленія* по домамъ и всему народу, *канты* и *кантычки*, *мистеріи*, всякого рода помянутыя представленія и сцены *). Все это почти цѣликомъ длилось очень долго и закончилось, кажется также на долго, временемъ митрополита Платона: какъ въ Малороссіи умилялись нѣкогда сею минувшей стариной, обратившеюся въ древность, такъ весьма многіе и у насъ умиляются доселѣ, наивно считая это наслѣдіемъ древней Руси, а не пересадкомъ изъ Католической Литвы и Польши. Во всякомъ случаѣ явленіе очень широкое: оно у насъ создало весь почти складъ духовенства, а главнымъ образомъ его школьную образованность, чрезъ духовенство же школьную образованность высшихъ классовъ и весь почти книжный, письменный языкъ, да и самое Московское нарѣчіе, усвоившее себѣ повсюдное *аканье* безъ сомнѣнія по вліянію Бѣлорусскому. Только крутой поворотъ рѣшительной руки Петра 1-го, распахнувшей двери Западно-европейскаго просвѣщенія, возвратилъ насъ, и то не скоро, лишь въ послѣдствіи, и то лишь *свѣтскую* сторону общественнаго образованія, къ прямому, непосредственному источнику, откуда можно черпать не держась непремѣнно одной, переходной и поддѣльной, формы Польской, католической и іезуитской. По той же самой причинѣ плодотворны оказались у насъ заносныя представленія, когда, благодаря Полоцкимъ и подобнымъ пришельцамъ, проникли онѣ *ко двору*, при Алексіѣ, Софіи и Петрѣ: представлявшіяся у нихъ, по происхожденію Бѣлорусскія, извѣстныя *Мистеріи*, не смотря на серьезное содержаніе называвшіяся иногда *Комедіями* (на прим. о Страшномъ Судѣ), дали начало нашему публичному театру, а вскорѣ, по вліянію Двора, примкнувшее содѣйствіе иностранцевъ создало изъ этихъ начатковъ постепенно настоящій художественный театръ.—Что касается до народнаго нашего дѣла, въ его собственномъ или тѣсномъ смыслѣ, то оно мало выиграло отъ заносныхъ подарковъ, а потому ничего и не проиграло отъ искажающаго ихъ вліянія. Зачатки народной нашей драмы въ „хороводѣ" остановились на зачаткахъ; древніе Скоморохи вымирали и сгибли постепенно, никѣмъ и ничѣмъ не замѣненные; вліяніе новыхъ духовныхъ *школъ* не проникло глубоко, не насадило ни Колядокъ въ клерикальномъ смыслѣ, ни Кантычекъ или Псальмъ, ни Рацей; подобіе народныхъ представленій, по образцу и вліянію, Бѣлоруссіи или Малоруссіи, зашло оттуда и держится только въ порубежныхъ мѣстностяхъ, или водворилось черезъ переселенцевъ оттуда, напр. въ Псковской и Смоленской (къ Москвѣ) губерніи, черезъ Лужскій уѣздъ подъ самый Петербургъ, черезъ Украинскіе выселки въ губерніи Саратовской и т. п. **). Единственное наслѣдіе сего рода, весьма впрочемъ распространенное, есть извѣстный *Раекъ* или *Рай*, подвижной маленькой театръ въ ящикѣ со стеклами, представлявшій сначала конечно Адама и Евву въ Раю, вообще сцены религіозно-праздничныя, а потомъ нынѣ уже и Вѣну, „гдѣ живетъ прекрасная Елена," и Варшаву „съ бабушкой шершавой," сцены въ Парижѣ и „все, что есть пониже," въ Италіи „и такъ далѣе," однимъ словомъ все это чужое, но занимательное, съ прибавкою въ либретто народныхъ остротъ, подобно Итальянскому ящику съ „Петрушкой."

Совсѣмъ не то въ народѣ Бѣлорусскомъ, изъ коего вышли и въ коемъ потому нынѣ совершенно акклиматизовались колядныя представленія. Нами показана была ихъ первоначальная, чисто-народная сторона: теперь скажемъ объ искусственной, привитой, клерикальной. И она въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ серьезнаго вниманія изслѣдователя. Можно постановить несомнѣнный признакъ, что народное *творчество въ словѣ*, по всѣмъ областямъ его, сберегается отъ древности, держится и развивается лишь у того Славянскаго *народа*, который имѣлъ счастіе принять Православіе, и, на оборотъ, гибнетъ въ Протестантизмѣ, а еще рѣшительнѣе въ Католицизмѣ: всѣ данныя Славянской исторіи о томъ свидѣтельствуютъ. Но это отнюдь не касается народныхъ, идущихъ изъ язычества, *обрядовъ*: здѣсь совершенно обратное отношеніе, и католичество, своею усиленною заботою *передѣлать* ихъ, тѣмъ самымъ спасаетъ ихъ подкладку въ своей хитросплетенной формѣ. У православныхъ обрядъ языческій постепенно—но цѣликомъ—гибнетъ: у католиковъ переламывается насильно, но потому же самому удерживаетъ края перелома, противъ воли выдаетъ

---

*) Подробности о семъ въ предисловіи къ 4-му выпуску „Калѣкъ Перехожихъ" и въ статьѣ нашей „Судьба нотныхъ пѣвческихъ книгъ," въ „Православномъ Обозрѣніи" 1864 года № 5 и 6.

**) Какъ переселенцы держатся своихъ прирожденныхъ обычаевъ, помнимъ примѣръ 40-хъ годовъ: родомъ изъ Западной Россіи, старикъ С—кій со внучками дѣлалъ непремѣнно Звѣзду и съ нею, на длинномъ шестѣ съ фонаремъ, расхаживалъ по *Рузѣ* (Моск. губ.) во всѣ вечера праздника, къ немалому удивленію жителей.

наружу всю хроматическую окраску, весь отцвѣтъ надломленной фигуры. Нигдѣ нѣтъ столько языческой примѣси, столько чуть прикрытаго языческаго обряда и слова, какъ въ произведеніи всякого латинствующаго клерикала: только чуть-чуть приподымите новое убранство, и вы стучитесь объ оставъ сѣдаго язычества. Это легко видѣть на каждомъ шагу въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, гдѣ, подъ помостами самихъ костёловъ журчатъ еще древніе священные ручьи, въ подвалахъ стоятъ жертвенники Знича; это же видѣли мы въ Купалѣ, одѣтой въ „Свенто-янское" торжество: это же видимъ и въ сценахъ Коляды.

Колядующіе всѣхъ видовъ, а особенно братчики извѣстныхъ костеловъ и приходовъ, имѣющіе болѣе средствъ для представленія и болѣе связи между собою для составленія гурьбы, устроиваютъ на Бѣлой Руси, простѣйшимъ образомъ, такъ называемую *Звѣзду* (она извѣстна и на отдаленномъ Западѣ Европы, гдѣ только сбереглась не политическая народность). На длинномъ, сажени въ двѣ, шестѣ утверждается плоскій ящикъ или кузовокъ, со вставленной свѣчкою или нѣсколькими свѣчами; стѣнки съ двухъ, большихъ или широкихъ, сторонъ его оклеиваются толстою промасленною бумагой: это въ родѣ фонаря, который служитъ центромъ, яблокомъ звѣзды. Отъ него идетъ обыкновенно шесть большихъ роговъ во всѣ стороны, также пустыхъ, изъ той же бумаги: свѣча освѣщаетъ какъ внутренность яблока, такъ и внутренность этихъ роговъ или лучей; звѣзда свѣтитъ и спереди, и сзади. Но яблоко со свѣчкой остается неподвижнымъ, а рога или лучи, посредствомъ блока и протянутой отъ него веревки къ носильщикамъ, вертятся около своей оси. На одной, широкой, сторонѣ яблока написано человѣческое круглое лицо—*солнце;* на другой волхвы и поклоненіе ихъ, или подобное праздничное событіе. Среди Жмуди, весьма почитающей Звѣзду, непремѣнно на ней три волхва, ибо самую звѣзду носятъ подъ Крещенье или въ Крещенье, католическій праздникъ волхвовъ или „Трехъ Крулей." Въ другихъ же мѣстностяхъ, именно среди Бѣлой Руси (а равно и у Малой), Звѣзда носится во всю Коляду. Рога и лучи ея по угламъ имѣютъ разрисованныхъ херувимовъ съ крылышками: на нихъ, какъ и по всѣмъ лучамъ, разноцвѣтная бумажная бахрома, которая, при движеніи звѣзды, машетъ въ родѣ крыльевъ. Устроивается Звѣзда при домахъ духовенства, иногда сельскимъ учителемъ, а всего чаще цѣлымъ приходскимъ братствомъ: носитъ куча, въ которой творецъ или все братство полнымъ хозяиномъ. Издали это очень красиво: по приходу ночью ходитъ какбы огромное солнце, въ родѣ нынѣшнихъ нашихъ блестящихъ и круглыхъ хоругвей. Хозяева должны встрѣчать порядочнымъ угощеніемъ, для чего вносятъ звѣзду и на дворъ, но чаще въ хату пировать заходятъ лишь носильщики; въ случаѣ, если распорядителемъ братчики, собираемыя деньги поступаютъ въ общую казну братства, въ ящикъ (*скриню*). Отъ угощеній ношатаи порядочно развеселяются, и бѣда, если, попавши въ чужой приходъ, Звѣзда встрѣтится со Звѣздою чужаго прихода, особенно католическая съ православною: встрѣча сопровождается иногда побоищемъ, а Звѣзда платится нѣсколькими углами.—Въ означенномъ видѣ вообще нынче *Звѣзда* эта знаменуетъ ту, которая явилась надъ *Вертепомъ* Рожденнаго и показала къ нему путь поклонникамъ: она собственно не сопровождается никакими сценами и представленіями, а ведетъ только къ Вертепу или стоитъ надъ нимъ,—Вертепъ и служитъ нынѣ вмѣстилищемъ сценъ. Наконецъ Звѣзда сопровождается пѣніемъ Колядокъ, и притомъ духовныхъ, съ христіанскими чертами, Кантычекъ или Младшихъ Стиховъ. Значеніе ея такъ вкратцѣ изображается:

Нова радость стала,
Яка не бывала (якъ небу хвала):
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Свѣтомъ возсіяла....
Или:
Надъ вертепомъ звѣзда ясна
Солнцу возсіяла.
Шли тріе цари
Ко Христу со дары *).... И т. п.

Не трудно впрочемъ увидать подъ этимъ образомъ нѣчто искони-народное, болѣе древнее. Мы упоминали (ср. выше), что у Волочобныхъ носится такой же точно длинный шестъ, на верху же, вмѣсто Звѣзды,

*) См. „Калѣки Перех." вып. 4.

кусокъ или куски сала, вообще скоромные символы Коляды. Еще болѣе говоритъ древнѣйшая Сербская, былевая пѣсня (Караджичъ, т. II): когда нечистые отпали отъ Бога и ушли на землю, они унесли съ собою и *солнце*; царь ихъ *воткнулъ* солнце *на копье* (или древко, шестъ) и *носилъ на плечѣ*. Въ опасности сгорѣть, земля протужила передъ Богомъ, и посланъ архангелъ, какъ ни будь достать солнце. Онъ сдружился съ царемъ, а этотъ догадался и сталъ остерегаться. Стали они разъ *Купаться* въ морѣ (ср. Купалу): царь пока воткнулъ шестъ съ солнцемъ въ землю. Купаясь, начали въ запуски нырять: боится царь, чтобы во время его нырка не унесли солнца (похоже на то, оставляютъ нынѣ Звѣзду наружи, входя на пиръ въ хату); онъ плюнулъ и сдѣлалъ *сороку* (ср. выше значеніе сихъ вѣщихъ птицъ въ Купалу), чтобы она стерегла солнце. Когда царь нырнулъ на дно, товарищъ его перекрестилъ море, сдѣлалъ *Морозъ* (ср. выше его связь съ Купалой, Колядой и Кутьей), толстымъ льдомъ покрылъ воду, а самъ схватилъ солнце и пустился къ небу. Затрескотала сорока, царь съ разбѣгу прошибъ ледъ, обратился въ погоню за бѣжавшимъ, но успѣлъ его догнать лишь при послѣднемъ шагѣ на небо и выкусить кусокъ мяса изъ икры ноги: этотъ кусокъ, оставшійся царю, напоминаетъ намъ трофей на шестѣ, носимый Волочобниками; за то, по Сербскому сказанію, у всѣхъ людей, по подобію бѣжавшаго, сдѣлалась выемка, ложбина на ногѣ при икрѣ,—такой же изъянъ, который представляется народомъ у „криваго царя", празднованіе коему, мы видѣли, съ соотвѣтствующимъ „кривымъ танцемъ," приходится къ нынѣшнему празднику Крещенья, празднику трехъ волхвовъ, руководившихся Звѣздою, и къ ихъ „кривымъ вечерамъ." Въ соотвѣтствіе сему сказанію, пѣсня Сербская, какъ варіантъ, ставитъ, на мѣсто архангела, *Іована*, Ивана, извѣстнаго намъ и по празднику Крещенья, и по отношенію къ Купалѣ, а на мѣсто царя нечистыхъ — нечестиваго царя *Дукліяна*, Діоклитіана (который и въ нашихъ Стихахъ является таковымъ же, въ злодѣйствахъ противъ Егорья и Өедора; „Кал. Перех." вып. 2 и 3); носится на шестѣ у Сербовъ то *солнце*, то *вѣнецъ* (коруна), а для пріобрѣтенія сего Іованъ передъ царемъ заклинается „криво." — Какъ бы то ни было, но Звѣзда насъ приводитъ къ *Вертепу*: такъ, и гораздо рѣже *Яслями*, называются нынѣ на Бѣлой Руси тѣ подвижные ящики, объ устройствѣ, сценахъ и употребленіи коихъ мы говорили выше. Подъ вліяніемъ костёла, народныя сцены, нами очерченныя, получили слѣдующее видоизмѣненіе: взорамъ зрителей представляется то внутренность священнаго вертепа, со святымъ семействомъ, животными при ясляхъ, поклоняющимися пастухами и волхвами; то жена съ младенцемъ въ рукахъ, на какомъ-то четвероногомъ, въ сопровожденіи старца,—бѣгство въ Египетъ; то какое-то чучело, въ родѣ помянутой Сопухи, сидитъ на картонномъ престолѣ, стучитъ ногами, машетъ руками,—это Иродъ; начинается убіеніе дѣтей, кучами валяются они въ крови, плачетъ Рахиль. Но является Смерть съ косою: варваръ трясется, молитъ о пощадѣ, а представляющій торжественно возглашаетъ,—„отъ смерцп не уцекци,"—не утечь отъ смерти, и голова мучителя падаетъ, бѣсы тащатъ ее съ туловищемъ крючьями въ адъ *). Иногда, какъ прологъ къ сему, по сценѣ извивается и шипитъ страшный Змѣй, выгоняющій или похищающій какую-то Еврейскую молодую чету, которая передъ симъ невинно кружилась и плясала и надъ которой искренно хохоталъ простодушный людъ, не подозрѣвая, что это Адамъ и Евва, а вся сцена переноситъ насъ въ Рай, къ блаженству и паденію первыхъ людей (оттуда же происхожденіе нашего Райка). И т. п. О сценахъ болѣе вульгарныхъ или чисто-народныхъ, имѣющихъ мѣсто въ томъ же Вертепѣ, какъ у насъ въ Райкѣ, мы уже говорили: клерикальныя же сопровождаются отчасти Кантычками, отчасти особыми разговорами и рѣчами, ведущими происхожденіе отъ школьныхъ Діалоговъ и Орацій.

Наконецъ, въ соотвѣтствіе Бѣлорусской Коляды съ Купалою, достаточно впрочемъ уже выясненное, нужно прибавить, что Псковская область, сосѣдняя и во многомъ близкая съ Бѣлой Русью, исторически же, по памятникамъ, отличавшаяся восторженнымъ празднованіемъ Купалы, по нынѣ Коляду или святочные вечера называетъ *Суботками*, и, на подобіе Звѣзды, теплитъ въ избѣ, гдѣ собираются на вечеринку, особый цвѣтной бумажный фонарь, украшенный лентами, гдѣ дѣвушки ставятъ приносныя свѣчи и гадаютъ ими о замужествѣ. Новгородская область, столь же сосѣдняя, называетъ святки *Кудесами* (чудесами; кудесникъ), а ряженые ея, издревле называемые *окрутниками*, однимъ изъ именъ древнихъ Скомороховъ, ѣздятъ искать *свѣчи*, какъ Колядующіе дожидаются „звѣзды:" свѣча въ домѣ указываетъ на вечеринку, куда и заѣзжаютъ, гдѣ и начинаются святочныя увеселенія (ср. выше значеніе „свѣчи" для Ивана въ Купалу); въ оргіяхъ Ивана IV-го Опричники являлись тѣми же „окрутниками," Скоморохами. — Въ другихъ мѣстахъ

*) Ср. „Очерки Бѣлорусскаго Полѣсья," въ „Вѣстникѣ Зап. Россіи" 1867 г., кн. 8—10.

Россіи наряжаютъ Колядою дѣвушку или чучелу, совершенно какъ Купалу или „Кострому," а также, подъ именемъ „Костромы," жгутъ „Ометъ," совершенно одинаковый съ Купальскимъ костромъ. Прочіе, соотвѣтственные обряды и пѣсни, у Русскихъ и другихъ Славянъ, см. ниже въ особой статьѣ и въ приложеніяхъ къ ней.

*

Февраля 2-го празднуется у Бѣлоруссовъ — православныхъ — *Срѣтенье*, у Католиковъ Purificatio B. V. Mariae, Очищеніе Божіей Матери. Такъ какъ у древнихъ Февралемъ кончался старый годъ, то, въ проводы ему и для встрѣчи новому, праздновались язычниками знаменитыя „очищенія," съ разнообразными примѣненіями въ дѣйствіи очистительнаго огня, эти извѣстныя Februa, съ ихъ februum, откуда и самое имя мѣсяца (ferveo, febris —огневица, нѣм. Feuer, feiern, и т. п.). У Поляковъ и Католиковъ Бѣлоруссовъ соотвѣтственное древнѣйшее именованіе празднику — *Громнйца*, чаще во множ. *Громнйцы* (громъ — перунъ; греч. βρόμος, βροντή, откуда прозваніе Діониса или Вакха βρόμιος и знаменитыя *Врумаліи* или *Брумаліи*); самой же. празднуемой, Матери усвоено именованіе *Громничной*, громной или громоносной. У южныхъ Славянъ, особенно Сербовъ, соотвѣтствуетъ сему такъ называемая *Огнена Марія*, съ особеннымъ кругомъ пѣсень и сказаній, постоянно сопровождаемая, выражаемая и нерѣдко замѣняемая съ одной стороны *Пятницею*, Петкою, съ другой *Недѣлею*, изъ коихъ первая, говорили мы, отвѣчаетъ Купалѣ съ ея „пятницей" и „субботою," другая, отвлеченнѣе, „седмицѣ" и „воскресенью" („Хожденія" ихъ см. въ „Калѣк. Перехож." вып. 6, 7 и 8, а также ср. „Замѣтку" ко II т. пѣсень, собр. Рыбниковымъ). Высокое значеніе Христіанскаго праздника совершенно заслонило собою образы язычества, но обрядъ вполнѣ сберегъ черты исконной народности: это именно праздничная *свѣча* сего дня, называемая *Громницею* и равно чтимая на Бѣлой Руси безъ различія вѣроисповѣданій. Свѣчу одну большую, праздничную, за всѣхъ или обыкновеннѣе порознь за каждаго члена, семейство готовитъ, приноситъ въ церковь, ставитъ тамъ, посвящаетъ въ честь „Громничной," или только, по католическому обряду, освящаетъ, а при бѣдности получаетъ освященную въ даръ изъ рукъ священнослужителя. Сія Громница немедленно за тѣмъ получаетъ величайшее значеніе для всего народнаго обихода, цѣлый годъ и даже, возобновляемая, всю жизнь. Когда еще горитъ она въ церкви, — чья прежде погаснетъ, тотъ раньше умретъ; при выходѣ, на пути домой, у кого не потухнетъ огонь или падетъ воскъ (тремя каплями) на руку, тому счастье; пришедши домой, нужно огнемъ свѣчи подпалить на головѣ вдоль и поперегъ волосы; потомъ, затухшая, сберегается она, иногда по кусочкамъ, въ житницѣ, при входахъ, въ хлѣвахъ, гдѣ спасаетъ скотину, отъ падежа и чумы, благодаря кстати и тому, что въ Февралѣ же (3-го и 11-го, смотря по вѣроисповѣданію) приходится праздникъ *Власія* или *Волоса* (у насъ и Волосово опахиванье совершается съ такой же свѣчею); но особенно при этомъ бережетъ она отъ „чаровницъ," которыя или грызутъ ее въ безсиліи, или не смѣютъ ея коснуться, или далеко избѣгаютъ; потому же берется она на поля, при началѣ сѣва и жнитва, чтобы сохранить „заповѣдную" межу, выгнать чаровницу изъ давней ея „царины," предотвратить „заломы" и „куклы," сжечь сіи послѣдніе, если появятся (ср. выше); по той же причинѣ, какъ лучшую оборону, смѣльчакъ несетъ ее съ собою, отправляясь въ Купалу искать травъ и кладовъ; въ грозу она отвращаетъ удары перуна,—изстари домохозяинъ палилъ ее передъ образомъ среди окружающаго въ страхѣ семейства, а нынѣ зажигаютъ ее и держатъ въ рукахъ до минованія опасности; наконецъ, въ минуту кончины, повсюду даютъ Громницу въ руки умирающаго, съ нею въ мѣстѣ загорается душа его въ жизнь будущую, пламя ея спасаетъ на пути мытарствъ и среди хожденій по мукамъ отъ огня геенскаго. Впрочемъ кое-гдѣ у православныхъ, по мѣрѣ возобладанія христіанскихъ воззрѣній, Громницу начинаетъ замѣнять свѣча и Воскресная (какъ „Недѣля," воскресенье, противувѣсна „Пятницѣ").

*

Масляница получаетъ понятный смыслъ и уясняется у разныхъ Славянскихъ племенъ *только* при дополнительномъ сравненіи ихъ между собою и съ иными индо-европейскими народами по обычаямъ.

У древнихъ, классическихъ, народовъ въ язычествѣ, съ конца Декабря до начала новаго года, до Марта, былъ непрерывный рядъ торжествъ, какъ бы они ни назывались и къ чему бы ни примѣнялись, Сатурналіи или Вакханаліи, Брумаліи или Февруаліи, но *одного* происхожденія и смысла, хотя и съ *двумя* его сторонами, какъ свойственно всякому *переходному* времени: это было — служеніе старому богу и встрѣча новому, недавно занявшему душу и жизнь; отданіе древнему обряду и зачало современному; проводы зимы и приготовленіе къ лѣту, въ стрѣчу веснѣ; прощанье со старымъ солнцемъ въ его солнцестояніи, въ кратчайшіе дни, и его же поворотъ въ новый лѣтній кругъ. Христіанство западное, уступая вкоренившимся глубоко нравамъ, допустило въ тѣ же сроки Карнавалъ (собственно „мясоѣдъ" и „мясопустъ"), въ слѣдъ за Святками, съ трехъ Кралей до послѣдняго заговѣйнаго дня. Но и въ языческую, и въ христіанскую пору, въ обрядѣ и внѣшности торжествъ сего періода, встрѣчаемъ одинаковые признаки, совершенно одинаковые и съ нашими Русскими: переряживанья и маски, игрища и сцены, ватаги и поѣзды празднующихъ, между прочимъ изъ освобождаемыхъ рабовъ, колесницы съ соотвѣтствующими истуканами, чучелами или куклами, образами и фигурами, особенное излишество въ кушаньѣ и питьѣ, и такъ далѣе.

Нечего прибавлять, что сему вполнѣ отвѣчаетъ наша Коляда, во всемъ протяженіи ея чрезъ Святки, Васильевъ вечеръ съ новымъ годомъ, Кривые или „переходные" вечера, Крещенье и Три Короля, Громницы или „очищенья," и такъ далѣе, завершаясь *Масляницей*. Мы видѣли *Коляду*, — въ обширномъ смыслѣ простирающуюся на все это время; видѣли древнѣйшій священно-служительскій терминъ и обычай „ѣздить *по Колядѣ*," то есть съ одной стороны *послѣ* Коляды, продолжая торжество ея и силу, съ другой стороны *за* Колядой, за сборомъ, Колядѣ свойственнымъ: Масляница въ семъ отношеніи является *только заключеніемъ*, завершительнымъ терминомъ однороднаго ряда торжествъ.

Масляница *повторяетъ* и заключаетъ *ту же* Коляду: всѣмъ это ясно съ перваго взгляда на ея обычаи и признаки. Только *въ сильнѣйшей, высшей степени*, какъ собирательное заключеніе, сумма.

Христіанство народному и языческому дѣлу придало здѣсь своимъ вліяніемъ лишь новый, рѣзкій оттѣнокъ: дни очистительные (отъ стараго) и приготовительные (къ новому) выражены по христіански *постомъ*. Въ переломѣ и переходѣ образовалась рѣзкость, какой не вѣдали язычники, отъ праздниковъ сего періода переходившіе только къ „буднямъ." Завершеніе языческаго обряда и карнавала, Масляница выдалась отъ того рѣзче, опредѣлилась извѣстными днями, приняла на себя *по преимуществу* всѣ главныя характеристическія черты, а потому, къ двойству и переходному значенію, которое само собою имѣло мѣсто въ древности, прибавила еще и выразила всю противуположность между *языческими* и *христіанскими* воззрѣніями. Это усиленное двойство, эта напряженная противуположность, многихъ по неволѣ путаютъ и въ самомъ имени, и въ самомъ обрядѣ. Нужно для пониманія неуклонно держаться того основанія, что Масляница сосредоточиваетъ на себѣ и совмѣщаетъ характеръ цѣлаго періода, заключая его и вводя народъ въ періодъ новый, притомъ съ двойной, языческой и христіанской, точки зрѣнія: она и провожаетъ минующій праздникъ, и встрѣчаетъ постъ, и готовится къ ожидаемому еще высшему празднику. На ней же мы можемъ изучать *всю Коляду*, на ней же прощаемся съ Колядой и вступаемъ въ *иную* область воззрѣній.

Подъ вліяніемъ сего образуются у разныхъ Славянъ ряды *именъ* Масляницы и соотвѣтственныхъ имъ *значеній*.

Одно изъ старшихъ — Сербское: *Покладе, по-кладе*, 1) всѣ дни всякого заговѣнья передъ разными постами, или 2) послѣдній заговѣйный день передъ постомъ, притомъ или

послѣдній день мясояденія („месне"), или всякого скорома („биеле"), а въ семъ послѣднемъ случаѣ то же, что наша масляница и послѣдній день ея. Возьмемъ ли это слово въ неупотребительномъ единственномъ числѣ *по-клада*, или въ обычномъ множественномъ — *по-кладе*, — это одинаково будетъ значить время *по Кладѣ*, отданіе празднику Клады и Тризны, къ которой, мы видѣли, возводится происхожденіе самой Коляды. „Кладъ" у Славянъ была не одна, онѣ совершались и въ разные сроки, и даже при случаѣ частнаго погребенія: но главная, общая и годовая, возводимая къ почитанію высшаго божества, была именно та, которая повторяется періодомъ Коляды, съ ея „тризнами" и „стравами." Заключенье же ея пріурочивается преимущественно нынѣшней Масляницѣ, и особенно *тремъ* послѣднимъ днямъ ея, у всѣхъ почти чтимымъ въ особенности и отвѣчающимъ первоначальному имени самой *тризны*. Такимъ образомъ имя сіе ближайше означаетъ то же самое, что древняя „ѣзда по-Колядѣ," заключаемая Масляною.

Второе, одинаково древнее имя, есть Польское, усвоенное впрочемъ и католической Западной Русью: *Popielec*, *Попелецъ*, по нынѣщнему употребленію уже съ другой стороны — первый день поста, начинающійся однако, какъ знаемъ мы, съ вечера, то есть съ вечера еще послѣдняго скоромнаго дня. Хотя, въ переводѣ съ Латинскаго, католическое христіанство усвоило сему именованію постный обрядъ высшаго покаянія, посыпанія главы и всего тѣла пепломъ: но, какъ самое имя *пепелъ* означаетъ остатокъ послѣ пыланія, такъ и день „пепла" съ отдаленнѣйшей старины наступалъ именно въ заключеніе сгорѣвшей великой жертвы, по нашему великой Клады, или, что то же, миновавшаго великаго торжества. Главный день сего Попельца есть, какъ извѣстно, у всѣхъ католиковъ середа 1-й недѣли, Sroda popielcowa, Aschermittwoch, по нашему „Чистая середа," съ коей начинаютъ они постъ, ибо нынче масляницѣ отдаютъ собственно *три дня*, именно послѣднее ея воскресенье, да понедѣльникъ и вторникъ изъ нашего поста: но въ старину, какъ видно, брали для сего прямо три дня нашего поста, понедѣльникъ, вторникъ и середу, ибо праздновали середу совершенно какъ послѣдній день „тризны." Какъ у античныхъ народовъ, какъ у Славянъ въ Купалу, Суботку или Коляду, дѣлали чучелу въ оковахъ, возили ее съ торжествомъ и потѣшались, потомъ разбивали, сопровождая это скоромомъ и выполаскивая послѣ ротъ, какъ у насъ выполаскиваютъ послѣ масляницы и передъ постомъ. Простѣе видѣли въ семъ истуканѣ самый Мясопустъ, какъ у насъ видятъ нынѣ Масляницу: но не трудно, кромѣ сходства съ Купалой и Колядой, узнать въ семъ и „стараго бога" древнихъ, по ослабленіи изображавшагося въ оковахъ (какъ въ христіанствѣ діаволъ), и обрядъ именно сего періода празднествъ, когда съ раба снимали оковы, въ знаменіе возобладавшаго новаго бога-освободителя, возводили на колесницу или престолъ, давали ему временно праздновать, а потомъ сжигали на кострѣ, — то же мы видѣли въ праздникѣ рабовъ на Колядѣ. Соображая же, что подобный обрядъ совершался въ Славянскую Кладу, не сомнѣваемся, что „По-пелецъ" близко соотвѣтствуетъ „По-кладѣ" или „по-Колядѣ." Впрочемъ, мы съ нимъ еще ветрѣтимся.

Пока же, не можемъ пройти безъ вниманія, что „покаяніе" поста, выражаемое нынѣ Попельцемъ, носитъ у Западныхъ Славянъ имя *По-куты*: очевидно, это указываетъ на извѣстную намъ *Кутью*, и, принимая ее въ смыслѣ цѣлаго праздника, означаетъ также прощанье съ нею, какъ и „по-Коляду." Здѣсь только обратная сторона значенія: постъ, покаяніе и попелецъ воспоминаетъ о Кутьѣ, какъ праздникѣ, ликованьѣ и скоромѣ (откуда произошло „кутить"), очищается отъ нея и *провожаетъ* ее; сама же Кутья, по употребленію, какъ постный сочельникъ, *встрѣчаетъ* праздникъ съ вечера и очищаетъ людей для его встрѣчи. Иначе: смѣняя Кутью постную скоромомъ, Коляда въ своемъ розговѣньѣ и особенно въ Васильевъ вечеръ начинаетъ праздникъ во всемъ разгарѣ, вкушаетъ его и вводитъ въ него; обратно, постъ и покаяніе, смѣняя Коляду, очищаетъ отъ нея и очищенный вкусъ вводитъ въ воздержаніе и сухояденье, такъ что съ христіанской точки зрѣнія это *обратная Кутья*. И, скажемъ, вторичная: ибо предназначена для достойной встрѣчи Пасхѣ, какъ великое навечеріе сего „Великаго дня." Еще иначе: мы нынче ска-

жемъ *покутить* въ смыслѣ „начать и продолжать кутить," а то же самое у Западныхъ Славянъ *въ покутѣ* будетъ значить — „перестать кутить," воздержаться отъ кутежа.

Теперь мы поймемъ *третье* по порядку именованіе, древле-Болгарское, но въ особенности у насъ Русскихъ развитое: *Розговѣнье* значитъ начало скорома послѣ поста. И точно, *гои-ти, гов-ѣ-ти* (*гой* поднято въ звукѣ изъ *жи, жи-ти*), повсюду у Славянъ значитъ пользоваться всѣми благами жизни, жить на распашку, праздновать жизнь, а реальнѣе, въ матеріальномъ значеніи жизни, между прочимъ и ѣсть мясное, скоромное (ибо отсюда *гов-я-до* и *жив-инче*, скотъ, мясо, говядина, и *жи-ръ*—тукъ, плодоносіе, обиліе). Отъ того, на оборотъ, *За-говѣнье, За-говѣны*, будетъ значить поминки по скоромномъ и мясномъ, по праздникѣ и его пирамъ, прощаніе съ ними и послѣднее пользованіе: точь въ точь какъ „по-Кладѣ," „по-Колядѣ," „По-пелецъ," „по-Кута," то есть заключеніе мясоѣда, высшій его терминъ, Масляница. И „*Великіе* Заговѣны" очевидно у насъ то же, что Сербскія „Велике покладе" передъ „Великимъ постомъ." Но, еще шагъ,—и у насъ заговѣнье значитъ „начало говѣнья:" не то, что „загавливаются" скоромнымъ, а „загавливаютъ," начинаютъ „говѣть." И дѣйствительно, по возобладаніи христіанскихъ представленій, *Говѣнье, Говѣть* значитъ у насъ постъ, воздержаніе, даже высшую ступень поста и покаянія, приготовленіе къ Св. Причастію (въ старину „ходити говѣющи"—о вдовьей воздержной жизни послѣ мужа). Разумѣется это также произошло, какъ и въ нынѣшнемъ словоупотребленіи постнаго Попельца и Покуты.

Если же такъ, то намъ уясняется *четвертое* именованіе, у Сербовъ, усвоенное заговѣнью Масляницы: это „покладе *Биеле*," бѣлыя, да и вся Масляничная недѣля — бѣлая, *Биела недеља* (weisse Woche). Бѣлый, какъ извѣстно, значитъ у Славянъ, въ основѣ, свѣтлый и славный, а вмѣстѣ, всегда, свободный: такимъ образомъ это праздникъ „свободныхъ (либертовъ и либертиновъ)," „свѣтлые" дни, „святки," время „славы" и „славленья," то есть всякой большой праздникъ, а въ особенности, видѣли мы, Коляда. Но также значитъ и „чистый:" а мы видѣли эти Громницы, Februa, дни „Очистительные," когда въ древности очищеніе совершалось торжественно черезъ огонь, пламенемъ жертвъ, пылающими кострами (огонь и самъ, съ отдаленнѣйшей Индійской древности, назывался „очистителемъ," какъ постояннымъ эпитетомъ, перешедшимъ въ его имя). Что же? По христіанскимъ воззрѣніямъ, нынѣ это дни очищенія отъ мяса и всякого скорома какъ скверны: постепенно, у православныхъ, сначала „удерживаются" отъ мяса, потомъ отъ сыра, масла, молока и яицъ. Еще ступень — и это наши *Чистые* дни, какими названы уже первые дни *поста*, „чистый понедѣльникъ, вторникъ" и т. д. Самый Попелецъ есть у насъ уже *Чистая середа*, въ смыслѣ чистѣйшаго воздержанія.

Подобнымъ порядкомъ, самое *чист-* одного корня Славянскаго съ *чест-*, всякимъ праздничнымъ чествованіемъ и богопочтеніемъ, а также съ *част-*, означающимъ раздаяніе жертвенныхъ частей, долей блага, пира, угощенія („честити" и „частити" — угощать, потчивать). Но то же слово соединено и съ понятіемъ права, суда — возстановляющаго право, дающаго свободу, откуда названіе древнихъ Славянскихъ судей „чистниками" и „чистителями," подобно самому огню, древле очищавшему на судѣ. Стало быть, совершенно тѣ же образы, кои вообще характеризуютъ разбираемый нами періодъ празднествъ. И дѣйствительно, мы удержали для масляницы постоянное прозвище *честной*, а послѣдніе дни ея доселѣ называемъ *чистыми*: между тѣмъ, опять, *чистыми* же по христіански называемъ первые дни поста, *честнымъ* Великій постъ, а Сербы исключительно *часни пости*.

Въ *пятыхъ*, вмѣстѣ съ нѣкоторыми Западными Славянами, Поляки, а за ними Бѣлоруссы Католики, называютъ, какъ извѣстно, дни своей Масляницы *За-пустами, Zapusty*: то есть, по теперешнему, зачало поста, постепенный подходъ къ нему, когда *запащиваютъ*, нѣм. *Fastnacht*, навечеріе поста, день подъ постъ. Но, послѣ сказаннаго выше, по самому сходству словообразованія, мы видимъ въ основѣ здѣсь то же, что въ нашемъ За-говѣньѣ: не только зачало поста, а, гораздо древнѣе, прощанье съ праздникомъ и послѣднее пользованіе его дарами. Тогда, отбрасывая *за*, самое *пусты* и *посты*, стало быть, рав-

няться будутъ смыслу торжества, не воздержанія, а напротивъ обилія жизни (корень *гов-гой-жи-*), Коляды и Клады? Иначе, *за-Пусти* будетъ то же, что *по-Пусты*, какъ *по-*Колядѣ то же, что *за-*Колядой? И дѣйствительно, если взглянемъ *до* Христіанства.

Постъ, одинаковый у насъ по корню съ *пуст-*, не чуждъ всѣмъ Индо-европейскимъ нарѣчіямъ: переходное Нѣмецкое *Fast*, *Fast-en* отводитъ насъ и къ *Fast-um*, и къ *Fast-i* (также во множественномъ, какъ *pusty* и сербск. *пости* или *по-кладе*), то есть прямо къ праздникамъ, и даже къ опредѣленнымъ праздникамъ календарнымъ, Календъ, Коляды. Но что̀ удивительно: если fasti почти равнозначуще по происхожденію съ calendae, то fasti-dies были именно въ древности, какъ извѣстно, дни „судные," очистительные въ помянутомъ выше смыслѣ, дававшіе свободу, прощеніе и праздникъ, сперва изъ устъ священнослужителей, потомъ уже гражданскихъ судей, — священное происхожденіе свободы для несвободныхъ и рабовъ во имя извѣстнаго божества. И дѣйствительно, наши древніе *пущеникъ* и *пущеница*, отъ того же корня *пуст-*, освобождавшіеся въ первоначальномъ смыслѣ чудомъ Божества отъ какого либо зла или недуга, а послѣ силою извѣстнаго права или суда, напоминаютъ намъ античныхъ либертовъ и либертинъ, прежде всякого jus civile освобождавшихся именемъ и силою Либера, Вакха или Діониса. Да и точно, когда бы *постъ* значило лишь, по позднѣйшему, воздержаніе, то какъ объяснить корень его въ *пустой*—порожній, свободный? *Распуститься, распущенный, rozpustny* (*распутный*)—какъ согласовать съ нынѣшнимъ *распоститься*, т. е. войти въ постъ? Не обратное ли значеніе? И такъ, переходомъ къ христіанскому понятію должна быть какая ни будь эпоха, когда прежній смыслъ торжества, блага, благихъ даровъ, свободы и божества свѣтлаго перешелъ въ обратный смыслъ, во зло: это и было съ паденіемъ „стараго" божества въ язычествѣ, а еще больше словомъ симъ воспользовалось христіанство, когда все языческое явилось ему зломъ. Памятью о семъ переходѣ служитъ у насъ опять слово *пустой* и *пусто*, равняющееся проклятію („чтобъ ему пусто!"): это уже все дьявольское, проклятое какъ отрицательное, какъ минусъ, коего простое воззрѣніе не допускаетъ иначе, какъ въ смыслѣ зла. Съ тѣхъ поръ все пустое, по народному воззрѣнію, есть вмѣстилище *бѣса* и самое имя его перешло въ отрицательную частицу *безъ*, böse; въ житейскомъ смыслѣ пустой—негодный и возбуждающій негодованіе. Тогда-то постъ, съ принятіемъ христіанства, явился прямо очищеніемъ отъ сего зла, воздержаніемъ отъ него и отреченіемъ.

Есть еще нѣсколько такихъ же, и близкихъ, переходовъ въ значеніи слова: *Сочельникъ*, *Кутья*, *Канунъ*, начинавшіе праздникъ и розговѣнье (какъ и сохранились въ семъ воззрѣніи у народа), перешли къ значенію воздержанія и постнаго приготовленія къ празднику, какъ противуположность его, будни. — *Вечеръ* съ его *вечерей*, даже со службой *вечерней*, вступавшіе въ самый праздникъ, сдѣлались кануномъ его, противуположностью дня (*днесь* и *вчера*). — *Бдѣніе* (*бод- быд- буд-*), текущее подъ праздникъ и требующее нынѣ всей трезвенности готовящейся души (vigiliae), породило *буд-ни* (ср. выше любимое употребленіе въ сихъ случаяхъ числа множеств.), *будень*, какъ день *простой*, обратный празднику: но конечно уже въ старину народъ „бдѣлъ" ночи не для поста или воздержанія, напротивъ пировалъ и пѣлъ, какъ знаемъ по Купалѣ и Колядѣ; у Сербовъ и Болгаръ *бадни дан* или *бъдни день*, съ вечера 24-го Декабря, означаетъ самый, и главный, праздникъ *Божича*, *Коляду*, съ *Badнякомъ* (*пънь*, пень)—кладой или колодой; а чтобъ еще усилить его древнюю праздничную выразительность, языкъ видимо даже раздвоилъ корень (*бъ-* и *д-*) на два слова, такъ что въ *бу-день* и *бу-дни* можно уже усматривать намекъ на „буй-день" и „буи-дни," полные ликующей (буйной) жизни, подобно какъ, еще дальше, сдѣланъ у Сербовъ „бадни дан," у насъ „будничный день."— Такимъ же образомъ, наше *праз-ный*, откуда и *праз-никъ*, не входя въ глубь словопроизводства, указываетъ ближе на *праг-ъ*, какъ время „переходное," чрезвычайное между обычными предѣлами: сравните выше значеніе бѣлорусскихъ „кривыхъ вечеровъ" и соотвѣтствующаго имъ „перехода" крестьянъ, выражавшаго ихъ свободу или освобожденіе. Между тѣмъ, свойственно слову значеніе дальнѣйшее: *порогъ* и *порожній*, старинное *порозный* (откуда и „порозная не-

дѣля"), очевидно есть то же, что выше *пустой*, свободный и освобождающій; полагаемъ, что того же смысла постоянный эпитетъ, усвоенный у насъ Масляницѣ—*широкая*. А вставка *д* для легкости выговора, *праз-д-снъ*, образовала собою не только *праз-дникъ*, но, подобно *бу-днямъ*, еще *празный день*, *празничный день*; не много за тѣмъ,—и *праздный*, *праздность* получили уже смыслъ укоризны, охужденія, грѣха, противъ коего предстоитъ ратовать, который нужно воздерживать.—Славянская *Недѣля* перешла въ имя праздника, и главнаго въ семи дняхъ, воскресенья, противуполагается старѣйшей праздничной, Купальской *Пятницѣ*: а между тѣмъ, еще вящей противуположностью, означила всѣ будничные, дѣловые дни *седмицы*, нисколько уже не похожей на бездѣйствіе, „не-дѣлю," и начинается или провожается *постомъ по-недѣльника*.—Да и самая *Пятница* нынѣ обречена посту, вмѣстѣ съ *Середою*, на каждой недѣлѣ, особенно же на „Чистой" и „Великой," между тѣмъ какъ мы видѣли древній *Попелецъ* совсѣмъ инаго свойства, а по словопроизводству Середа (средина) указываетъ на „переходный" день, также праздничный и во всякомъ случаѣ „приготовительный" къ празднику (древней Пятницы), даже „встрѣчный (если *срѣду* сопоставить со *срѣт-*, *срѣс-ти*)." Судите, какое изъ сихъ значеній, по всѣмъ признакамъ, раньше, какое привилось впослѣдствіи.—*Простъ*, *простой*, хотя бы и не сличалось по корню съ *празный* (*прост-*, *празд-*; или *прос-*, *праз-*, *пороз-*), но, подобно сему послѣднему слову *пустъ*, значитъ въ основѣ свободный и освобожденный, правый (по праву или очищенный судомъ), прямой (въ Слав. нарѣчіяхъ *простъ* постоянно чередуется въ значеніи съ *правъ*, а то и другое съ *прямъ*): отсюда „опростити," простить, какъ и „опорожнить," значитъ всегда освободитъ и это дѣло, по воззрѣнію, на примѣръ, Сербовъ и Болгаръ, приписывается исключительно Пятницѣ, Петкѣ („Света Петка, опрости ми руке"); отсюда же наши древніе „прощеники" и „прощеницы," то же, что либерты и либертины, пущеники и пущеницы, освобождаемые древнимъ торжествомъ рабы, потомъ, граждански, всѣ отпускаемые на волю, чудомъ освобождаемые отъ злаго духа, исцѣляемые отъ болѣзни, выпрямившіеся изъ корчей, судороги и сляченаго положенія (даже рука, нога, одинъ членъ порознь, могли быть „прощены"). Но посмотрите же, это по видимому обратно „кривымъ," не простымъ и не прямымъ „вечерамъ:" а они праздничные, святочные. У насъ *простые дни*, какъ будни, противуположны нынѣ праздникамъ: а вся масляница, и особенно послѣдній день ея, названы *днями прощёными*, конечно въ смыслѣ праздничной свободы. Это и дни *прощальные*, когда прощаются, другъ друга дѣлаютъ свободными, торжествуютъ миромъ: а между тѣмъ, въ христіанскомъ смыслѣ, это есть высвобожденіе отъ *грѣховъ* и отъ главнаго *грѣха*—самой Масляницы. Праздникъ прощеный, свободный, самъ понуждался нынѣ въ прощеніи и, провожая его, говорятъ ему послѣднее *прости-прощай*. „Non semper Saturnalia erunt," говорили Римляне пословицей: пословицей отвѣчаютъ имъ и Русскіе,—„Не все Масляница (не все коту масляница), будетъ и Великій Постъ."—Наконецъ, что́, кажется, прямѣе смысла и рѣшительнѣе, недвусмысленнѣе значенія въ самомъ словѣ *Скоромъ*, *Скоромень*, *Скоромный?* Это все праздничное, жертвенное, пиршеское, мясное, ибо несомнѣнно исходитъ отъ *крой*, *кроить* (*су-крой*, *су-кромъ*; *крома*—обрѣзъ, край, и ломоть хлѣба, коровай, коврига; самое *кормъ*; даже *крава*, Санскр. *кравья* — мясо и *кровь*): раздѣленіе частей, раздача праздничной жертвы, то же пользованіе ею, что́ видѣли мы въ *част-* и *чест-*. Замѣтьте, мы здѣсь не говоримъ еще объ очевидномъ сближеніи съ именемъ героевъ праздника, *Скоморохова* (о чемъ въ особой статьѣ). А кто же узнаетъ это въ словѣ *скромень*, *скромный*, *скромность*, въ словѣ *томъ же*, но въ понятіи уже отвлеченномъ, нравственномъ, такомъ, какое всегда образуется у народовъ позднѣе, особенно подъ вліяніемъ христіанства и духовности, въ языкѣ болѣе книжномъ? Это уже сдержанность и воздержаніе, сходныя съ постомъ.

Отъ того, имѣя въ виду двойство значенія Запустъ и Заговѣнья, мы убѣждаемся, что слово и представленіе *Поста* должно было произвести непремѣнно сомнѣніе, двусмысленность и колебаніе воззрѣній, когда оно вошло въ самый кругъ празднованія Масляницы, въ названіе періодовъ ея и дней. По простѣйшему *народному* воззрѣнію связанныя меж-

ду собою недѣли сего періода слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: *сплошная*, то есть обычная, за урядъ, какъ всѣ (сплошь); *пестрая*, ни та, ни другая, особенная и переходная, то же, что „кривые вечера;" за тѣмъ, у Южныхъ Славянъ, *бѣлая* — сама Масляница, свѣтлая, праздничная, святки; у православныхъ, какъ извѣстно, она пресѣкается „прощальнымъ" или „прощенымъ" воскресеньемъ; но католики, а слѣдовательно Западные Славяне, опять, какъ мы знаемъ, „прикрывшіе," но не „замѣнившіе" народнаго стараго воззрѣнія, согласно съ нимъ продолжаютъ Масляницу въ первую недѣлю нашего Великаго Поста, до „Среды Попельцовой," называя также это также недѣлею бѣлою, какъ на примѣръ у Поляковъ „biała," вплоть до нашего „Сборнаго" воскресенья, по Латыни „in albis," „invocavit." — Съ другой стороны, чисто-христіанское воззрѣніе, усвоенное православіемъ, придало помянутымъ недѣлямъ, всего болѣе примѣняясь къ пищѣ, такой смыслъ: *мясоѣдъ, мясоястіе; сплошная* — мясоястіе непрерывное, какъ отданіе праздничному періоду; за симъ переходъ къ посту, — *пестрая*, — мясоястіе съ промежутками постныхъ дней; еще ступень, — *Недѣля Сырная* или *Масляница*, собственно, какъ увидимъ ниже, въ высшей степени праздничная, но теперь, по христіанскимъ началамъ, ничто иное, какъ *сыроястіе*, употребленіе сыра и всего молочнаго, творогу, яицъ и масла; за симъ уже высшая, заключительная цѣль, — *постъ*, какъ сухояденіе, и потому первая его недѣля вся *чистая* (ср. выше „бѣлая"). Это совершенно логическая, послѣдовательная постепенность, въ коей постъ является послѣднимъ, желаннѣйшимъ звѣномъ: въ него взяты и тѣ три первые дня недѣли, кои еще у католиковъ служатъ Масляницей въ старомъ языческомъ смыслѣ. Подобно воспоминанію „дѣдовъ" въ Колядѣ и подобно Колядной Кутьѣ, суббота передъ масляницей отдана поминанью покойниковъ, съ блинами, а пятница первой недѣли (или одинъ изъ дней ея) — Кутьѣ, примѣнительно къ памяти Ѳеодора Тирона (народное, древнѣйшее его значеніе, сходное съ Егорьемъ, разъяснено нами въ „Замѣткѣ" ко II-му тому Пѣсень собр. Рыбниковымъ). Эта, повторяемъ, совершенно логическая послѣдовательность, постепенность и распредѣленіе стола по ступенямъ входа въ постъ, принадлежатъ именно мудрости православія, ибо, на примѣръ, у католиковъ (а за ними протестантовъ) сама Масляница мясная, а въ постъ допущено молоко и яица (въ Польшѣ и Литвѣ, и въ Литовской Руси, весьма впрочемъ поздно: тамъ долго держались нашихъ представленій о постѣ, да крестьяне отчасти держатся и до сихъ поръ).—Но, въ промежутокъ сихъ двухъ предѣловъ, народнаго и христіанскаго, по своему послѣдовательныхъ, вторглось нѣчто еще среднее, явилась нѣкоторая неопредѣленность, опять вслѣдствіе старыхъ, укоренившихся народныхъ представленій: недѣля передъ Масляницей удержала (*шестое* характеристичное) имя *Мясопустъ*, а Масляница—*Сыропустъ*; послѣдній день каждой изъ сихъ недѣль—высшій заключительный день Мясопуста или Сыропуста. По народному (см. выше), Мясопустъ, недѣля передъ Масляницей и особенно послѣдній передъ нею день, долженъ быть полнымъ обиліемъ всего мяснаго, а Сыропустъ, — масляница и послѣдній день ея,—высшимъ торжествомъ, сему періоду и вообще Сырной Недѣлѣ свойственнымъ, съ особенной роскошью пищи: на оборотъ, по христіански, по православному (см. выше), это есть деградація, пониженіе торжества, усиленіе воздержанія и трезвости, такъ что въ обоихъ названіяхъ *пустъ* значитъ „лишеніе," сокращеніе (ср. выше „скоромный" и „скромный"). Одна сторона, совершенно послѣдовательно, возражаетъ: „какъ въ дни, выражающіе отреченіе отъ излишества и приготовленіе къ лишенію, дѣлаете вы совсѣмъ противное?" Другая, не менѣе основательно, утверждаетъ: „мы прощаемся съ праздникомъ и провожаемъ его, а чѣмъ меньше его остается, тѣмъ болѣе пируемъ на славу, хоть день, да мой!" Это нескончаемый споръ вѣковъ, именно возможный лишь у насъ, православныхъ (ибо другіе, мы видѣли, уступками его замазали и прикрыли): и онъ кончится, конечно у насъ же, съ успѣхами и успѣхами нравственнаго просвѣщенія, когда народное болѣе одухотворится, сообразно съ временемъ, а духовное окрѣпнетъ народною основой (чего, опять нельзя ожидать отъ другихъ народовъ, какъ и доселѣ вѣка просвѣщенія не

подорвали корнавала). Этому-то успѣху и обязано содѣйствовать прежде всего точное разъясненіе народныхъ образовъ, къ чему, полагаемъ, мы и пролагаемъ симъ путь *).

Довольно характерно и *седьмое* названіе для Масляницы, свойственное преимущественно Полякамъ, но перенятое отчасти и Бѣлоруссами, которые католики, полячатся или вытянулись изъ народа въ верхніе классы; *Куликъ* или *Кулигъ*, *Kulik*, *Kulig*; ѣхать на куликъ или куликомъ, быть куликомъ, кричать „куликъ,“ провожать куликъ (время кулика),—все это примѣняется къ масляницѣ, какъ карнавалу. Это и очень древне, и знаменательно. Во первыхъ, этотъ обычай выводится изъ времени *Попела*, того же миѳологическаго или древлебытоваго образа, и столь же выражающаго переходную эпоху отъ давняго быта, отъ Кладъ и Тризнъ, какъ и самое имя обряда *Попелъ* или *Попелецъ*. Кликать „кулика,“— то же, что выкликать Коляду. У насъ „*куликать*“ совершенно того же происхожденія (Куликъ у Поляковъ — распутный, кутила), подобно слову и понятію „кутить,“ „кутило“ отъ „кутьи.“ И дѣйствительно, какъ „баба“ свенцонъ Польскихъ прямо напоминаетъ „бабу Купалу“ или Суботку (ставится она и идетъ въ дѣло съ субботы), такъ „куликъ“ прямо указываетъ на нашъ великоденный „*куличъ*,“ южнославянскій „*колачъ*,“ неотъемлемую принадлежность каждаго большаго праздника: ѣхать или итти „на куличъ“ и на „колачъ“ тождественно съ Польскимъ „ѣхать на куликъ.“ Потомъ это въ очевидной связи съ „*каликами*,“ *калѣками*, и „*калигами*,“ то есть съ людьми Перехожими или Волочобными, какъ Колядовщики, и нельзя забыть, что фигура, маска и костюмъ древняго „стараго пилигрима“ или „путника“—любимѣйшій образъ Польскихъ Запустъ. Поѣздъ „куликомъ,“ *kulikiem*, то же, что наше „*гуськомъ*,“ обозначаетъ ясно поѣздъ пирующихъ, тянущихся возами и преимущественно санями, верницу, подобную Колядникамъ (любимое катанье Колядой а особенно Масляницей—на саняхъ, другъ за другомъ). Если при этомъ представляется извѣстная птица *куликъ* или „драганъ,“ то нужно вспомнить, что мы видѣли въ Колядныхъ Игрищахъ представленіе и „гуська,“ и „журавля:“ не по птицѣ названа масляница, а птица по признакамъ извѣстнаго древнѣйшаго обряда,—долговязая или долгоногая, безпрестанно ступающая—перехожая, прожорливая и лакомая (имя *жур-авля*), любящая рыбку и болотныя, водяныя яства (какъ и люди въ масляницу), тянущаяся обычно „вереницею (какъ поѣзды пирующихъ)“ и т. п. И дѣйствительно, подобно поѣздамъ Купалы, Коляды и Масляницы, равно какъ ихъ служителей, наша старая дѣтская пѣсня воспѣваетъ *поѣздъ драгана*: „Драганъ, драганъ, помоганъ, Ѣдетъ драганъ козачкомъ, подъ синенькимъ колпачкомъ“ и т. д. Одной этой фигуры всѣхъ трехъ помянутыхъ птицъ, безпрерывнаго переступанья, длиннаго носа, длинныхъ ногъ, притомъ ногъ кривыхъ и носа криваго (эпитеты „кривоногій,“ „кривоносый“ ср. выше съ кривыми вечерами, кривымъ царемъ и т. п.), частаго клика или вскликиванья, чутья и лакомства на жирненькую добычу изъ воды и болота, на рыбъ, лягушекъ, и т. п.,—достаточно было, чтобы перенести на нихъ имя древнѣйшаго обряднаго образа; ужь конечно не на оборотъ, такъ точно какъ изъ имени грибовъ, къ коимъ готовится православная сырная недѣля, изъ *масляника* и *сыроѣжки* не станемъ выводить самой Масляницы и Сыроястія. Наконецъ, по словопроизводству, во всѣхъ сихъ именованіяхъ корень *кл-*, *къл-* и *кль-* (*кал-*, *кол-* и *кул-*) тотъ же, что въ *Колядѣ* (ср. подробнѣе въ особой статьѣ).

Остается *осьмое*, самое простѣйшее и болѣе обиходное имя: *Масляница* и *Сырная недѣля*. Нынѣ конечно оно выводится прямо и ближайше изъ того, что употребляется масло и сыръ. Но, что этотъ выводъ не древенъ, довольно припомнить, что онъ даже невѣренъ и

---

*) Къ поводамъ вящей запутанности, напротивъ, присоединяется *незнаніе*: на примѣръ календари, не соображающіе этнографическихъ данныхъ и не свѣдующіе въ церковныхъ, дѣлаютъ Мясопустъ *первымъ* днемъ или Воскресеньемъ Сырной Недѣли, а Сыропустъ Воскресеньемъ и первымъ днемъ недѣли Чистой, Постной; обѣдѣденный даже чертою и пріуроченный къ наступающей за симъ седмицѣ, 1-й ея день кажется прототипомъ слѣдующихъ и какъ будто заставляетъ ихъ подражать, т. е., судя по Воскресенью, Масляницу—ѣсть мясное, а Постъ—пользоваться дарами Масляницы (ср. „Крестный Календарь“ 1868 года и далѣе).

всего не обнимаетъ: западные люди ѣдятъ въ Масляницу мясо, а мы вовсе не одинъ сыръ или даже не одно сырное и молочное. Сохрани Богъ выводить такъ имена и представленія *для древности*; тогда бы пришлось Цереру выводить отъ воску, Коляду отъ колбасы (такъ называемой), Кутью отъ сочива, Канунъ отъ пива ячнаго, а не на оборотъ, между тѣмъ какъ мы въ обратномъ убѣдились уже выше. Издревле у всѣхъ народовъ принадлежности обряда, въ томъ числѣ и кушанья, получали всегда имя отъ самаго обряда, при коемъ употреблялись,—розное отъ розныхъ обрядовъ, вызвавшихъ разнообразіе жизни, обрядъ же самъ отъ того, въ честь чего, существа высшаго, совершался. То же бросается въ глаза и здѣсь: такъ *сыр-ъ* одного у Славянъ корня съ именами самыхъ старшихъ ихнихъ божествъ, даже элементовъ, огня и влаги (*сур-*, *свар-*; въ греческомъ съ *тур-* и *твар-*; имя Цереры, *Cer-es*, того же происхожденія); съ названіемъ мяса или плоти у Грековъ (*сар-к-с*); съ плодомъ горѣнія — *сѣр-а*, откуда Польское *ser* и *serna niedziela* то же, что попельная или пепельная, другое же, родственное тому слово, *жупелъ* одинаково съ *попелъ* (отъ того-то у Западныхъ Русскихъ и Поляковъ развито употребленіе *сырниковъ* и *вареникоеъ*, подобно Купалѣ, а постъ, со времени Попельца, переведенъ на сыръ); далѣе съ цвѣтомъ *сѣрымъ*, какъ недѣля Бѣлая и Пестрая; у Славянъ *ширъ* и *шеръ* одинаково принимаютъ значеніе и широкаго, и сѣраго (какъ на прим. въ Краледворской рукописи); такова же у насъ *широкая* Масляница; наконецъ и у насъ, и всюду у Славянъ, *сыръ* значитъ „свѣжь и новъ (*прѣсно* — эпитетъ всего молочнаго; *свѣжина* у насъ — Коляда, убитое къ Колядѣ животное, особенно свинья и поросята);“ отъ того, на примѣръ, у Болгаръ „*сурвва* година“ названіе новаго года, новаго лѣта, и поздравленіе съ нимъ, совершенно равное нашему поздравленію — „съ сырной недѣлей.“ — Съ другой стороны и *мас-ло* есть только вторичная, причастная форма одного общаго корня съ именемъ *мяс-о* (по произношенію многихъ Славянъ *más-o*), а это, какъ извѣстно, есть и древнѣйшій жертвенный столъ (mensa), и спутникъ праздника, пира.—По тому же самому, въ смѣнѣ мясоѣда сыроястіемъ нисколько по древнимъ воззрѣніямъ нѣтъ деградаціи или ослабленія торжеству праздника: смыслъ деградаціи введенъ лишь христіанствомъ. Напротивъ у древнихъ „сырное“ все (сыръ, творогъ, молоко; яица, медъ) принадлежало божеству самому старшему, первому, еще не требовавшему кровавыхъ жертвъ; когда же оно устарѣло и отошло въ даль, то сырнымъ „поминалось,“ и потому-то поминки, съ тѣмъ же столомъ „дѣдамъ“ и душамъ усопшихъ, но такъ, что самая торжественность отъ того не терпѣла и „сырное“ естественно сопровождало Кладу, Страву и Тризну; далѣе, сырнымъ встрѣчали новорожденнаго, новаго (послѣдняго) бога, пока еще онъ былъ „божичъ,“ малъ и слабъ; наконецъ, поелику переходъ сей знаменовался образами „женскими,“ особенно богини-матери, то сырное преимущественно было ей свойственно, какъ на примѣръ Церерѣ или нашей Купалѣ. Мясное же, какъ и кровавое, и огненное, выражало во первыхъ апогею силы стараго бога, втораго по счету за первымъ (астральнымъ), или когда онъ, озлобившись, требовалъ кровавой жертвы и праздновали ему Кладой, Стравой, Тризной: Кронъ, Сатурнъ, нашъ Сварожичъ, Дажь-богъ. Къ юному богу, третьему, мясное, кровавое и огненное переходило тогда лишь, когда онъ совершенно созрѣлъ и возмужалъ, или, прошедши путь кровавыхъ страданій, торжествовалъ побѣду: но ему присоединялось еще „вино,“ рѣзкій признакъ, отличающій отъ праздника богу второму. Близко къ „сырному“ также все „зерновое“ и „травяное (какова Кутья, Коливо):“ но, сравнительно съ сырнымъ, оно или еще старше (до исключительнаго скотоводства и до разыгравшагося кочеваго быта, до обилія домашнихъ животныхъ и пастбищъ), или совершенно уже позднѣе, въ заключеніе, когда возобладалъ осѣдлый бытъ съ его пашнею, огородами и садами; именно оно *встрѣчаетъ* юнаго бога дитей, а въ винодѣліи вмѣстѣ съ нимъ *окончательно торжествуетъ*.—Все это, нынѣ изученное относительно „древнихъ,“ обязаны мы примѣнять и слѣдить *въ обрядахъ нашихъ*, если не хотимъ сбиваться, а хотимъ точныхъ разъясненій.

Согласно съ симъ, роль Масляницы и особенно *пѣсни* ея мы поймемъ у Бѣлоруссовъ тогда лишь въ настоящемъ свѣтѣ, когда взвѣсимъ всѣ приведенныя соображенія: иначе, безъ того, и образъ праздника слишкомъ неясенъ, и участіе пѣсни совершенно безтолково.

Но здѣсь мы должны еще водрузить одинъ, самъ по себѣ несомнѣнный признакъ: если Масляница, какъ мы достаточно убѣдились, есть лишь на-звукъ Коляды, проводы ея и высшее, послѣднее завершеніе, то отсюда есть прямой выводъ. Чѣмъ выше, живѣе и обильнѣе которое изъ Славянскихъ племенъ празднуетъ нынѣ *саму* Коляду, тѣмъ слабѣе Масляницу, менѣе въ ней нуждается, менѣе для нея находитъ; на оборотъ, чѣмъ менѣе выражается въ Колядѣ (а больше потому сосредоточивается на Великомъ-днѣ или Пасхѣ: ср. выше), тѣмъ болѣе у него разгара въ Масляницу. Такъ точно и есть въ ближайшей нашей области: выше всего празднуютъ Масляницу Поляки (Запусты), да мы Русскіе – Великоруссы, въ срединной или общей Россіи. Но Поляки, особенно въ верхнихъ слояхъ, завлечены болѣе образами Западно-европейскаго карнавала, отчасти стирающаго черты народныя: остаются главными представителями Великоруссы, которые, хотя и имѣютъ живѣйшіе „святки" въ Коляду (ср. выше), но просторъ для публичныхъ игрищъ, на волѣ, получаютъ лишь въ Масляницу, когда, послѣ Срѣтенія или подъ конецъ „лютаго" Февраля, нѣсколько перевалитъ „суровая" морозная зима и чуть запахнетъ весной. Бѣлая Русь (и Малая), какъ и въ другихъ случаяхъ, представляетъ здѣсь середину: но, чѣмъ „срединнѣе" она, тѣмъ слабѣе и блѣднѣе, такъ что ея ни за что не поймешь безъ старшей сестры, Великой Россіи. Послѣдняя только и даетъ яркій, понятный образъ Масляницы, а потому необходимо вкратцѣ собрать его черты, чтобы по нимъ уразумѣть больше и саму Коляду. Бѣлорусская Коляда заслоняетъ тамошнюю Масляницу: Великорусская Масляница вскрываетъ и обличаетъ подъ собою Коляду.

Нѣтъ надобности много говорить здѣсь объ извѣстныхъ всѣмъ отличіяхъ Великорусской Масляницы: излишество въ ѣдѣ и питьѣ, особенно блины; празднованіе и праздность; общее угощенье и потчиванье; игры и катанья; маски, хотя впрочемъ менѣе, чѣмъ о Святкахъ въ Коляду, и т. п.—Области, въ коихъ идетъ преимущественный разгулъ Масляницы, таковы. Псковская и Новгородская, отчасти Тверская, отличавшіяся въ старину Купалой и доселѣ значительно сохранившія черты ея въ Колядѣ, сопредѣльныя Бѣлой Руси, мало отличаются нынѣ, какъ и она, своей Масляницей. Главнымъ мѣстнымъ средоточіемъ торжества является въ особенности, начиная съ Ростова, область Ярославская и Костромская, во множествѣ обрядовъ выдающаяся рѣшительнымъ вакхическимъ характеромъ, такъ что „городъ-городъ Кострома" стяжалъ за то особое прозвище цѣлой странѣ, да и самое имя Костромы одинаково съ именемъ Купальской куклы и съ костромъ Купалы; къ нимъ ближайше примыкаютъ по значенію, въ направленіи къ Сѣверу, область Вятская, Пермская, Архангельская (въ другихъ случаяхъ впрочемъ крайне скромная и воздержная), потомъ вся Западная Сибирь. Черезъ область Нижегородскую и Владимірскую, Ростовскую и Суздальскую, то же празднество постепенно достигаетъ Москвы, гдѣ конечно болѣе встрѣчается средствъ и богатства, но обрядъ издавна слабѣе, скуднѣе крупными и рѣзкими чертами. Другое направленіе, считая отъ Москвы, будетъ область Рязанская, Тамбовская, Симбирская, Пензенская, Саратовская: менѣе вакхическаго, но также много древняго и разительнаго. Прочія области вездѣ, разумѣется, празднуютъ: но уже не то, не тотъ разгаръ, не та полнота и совокупность,—„всякой скачетъ и пляшетъ, да не такъ, какъ Скоморохъ." Такимъ образомъ, главныя въ семъ дѣлѣ области идутъ преимущественно на Сѣверъ, а если и на Югъ, то Восточнѣе прочихъ: стало быть именно, какъ говорили мы, тѣ, въ коихъ зима суровѣй, менѣе развиты игрища Коляды, позднѣе весна, почетнѣе христіанскій Великъ-день, болѣе къ нему готовятся, болѣе соединяютъ съ нимъ встрѣчу весны.—Общее въ сихъ главныхъ областяхъ то, что Масляница, внѣ нынѣшняго календаря, начинается собственно съ *субботы* пестрой недѣли, съ поминокъ блинами по усопшимъ: возмѣщаются симъ тѣ два дня, кои католичество вынуло въ концѣ изъ нашего поста, и всей Масляницы выходитъ по настоящему *девять дней*. Любимый, древнѣйшій счетъ Славянскій, какъ извѣстно, — чета или пара, тройка, шесть, девять, дюжина, сорокъ (далѣе копа—шестдесятъ, девяносто и т. п.): *сорочины* одинаково чествуются и при поминаньи усопшихъ, при „дѣдахъ," и при встрѣчѣ новорожденныхъ, внуковъ, при очищеніи Ма-

тери ихъ (то основано на самой физической природѣ); за сорочинами, сокращая, *девятины*, за ними троица, *три дня*. Среднимъ числомъ времясчисленія, сорочины приходятся именно отъ Божича, отъ Кутьи и Коляды до Масляницы; девятины справляются самой Масляницей, съ Субботы пестрой; наконецъ чествуются особенно послѣднихъ *три дня* (Масляница *широкая*), а послѣдніе *два—прощёные* по преимуществу (въ 1868 году такъ и приходились сорочины, а Масляница тотчасъ послѣ Громницъ) *).—За симъ, повсемѣстны *блины*, потомъ *оладьи*, далѣе *пряженцы* (объ нихъ подробности послѣ): но на отдаленнѣйшемъ Сѣверѣ, особенно въ Сибири, ихъ замѣняютъ часто, отъ старины, куски „пряженаго" тѣста, въ родѣ пирожнаго, поджареннаго въ маслѣ („пряженцы" и вообще въ ходу),—подъ именемъ *хворосты, хворость*. Это—Богъ знаетъ, какая древность: ее мы видѣли при Купалѣ, она связана съ названіемъ самого костра, съ составомъ его и съ сожигаемой чучелой, со старшими, еще Мало-Азіатскими, образами и названіями. Нынче *хворость* пряженный имѣетъ видъ дѣйствительно свитаго и перевязаннаго пучка прутьевъ (см. особую статью). — Первый блинъ обыкновенно *по усопшимъ*, дѣдамъ: иногда, какъ Кутья и какъ въ задушные дни, выставляется онъ на слуховое или волоковое окно и просто за окно, Дѣдамъ, Морозу (Тамбов.).—Какъ ходятъ и ѣздятъ „по Колядѣ," „по Коляду," „за Колядой и съ Колядой," такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Пензенск.) ходятъ по Масляницу, за Масляницей и съ Масляницей: въ послѣдній день ея даются дары церковному причту, хлѣбомъ, зерномъ (въ срединѣ Россіи и въ Москвѣ это отодвинуто далѣе, послѣ Пасхи, съ Ѳоминой недѣли).—Изъ другихъ угощеній или, лучше, гостинцевъ, въ ходу преимущественно *орѣхи* и *пряники*: они вездѣ, гдѣ есть пары, дѣвушекъ и парней. Первые служатъ и поводомъ для весьма распространеннаго гаданья, и воспоминаніемъ образа весьма древняго: есть ли *правда* въ дѣвушкѣ или парнѣ, судится по тому, есть ли въ орѣхѣ зерно, сочное и хорошее; это знаменитый миндальный или гранатовый, абрикосовый орѣхъ, зерно котораго въ скорлупѣ представлялось для древнихъ тѣмъ же, что огонь въ кремнѣ, а весь образъ служилъ постоянно чертою миѳа и обряда въ торжествѣ Великой Матери (отъ Семирамиды до Кубелы и Реи). Вторые мы видѣли въ большомъ употребленіи при Западной Колядѣ: *пряные* съ пряностями приправы и особенно внутри, въ начинкѣ, они, по корню слова, то же, что *пряженое, пряженцы* съ начинкой, *пряженика* при Колядѣ; то же, что *прѣсное* — молочное и сырное (*сырники* западные одинаковы съ нашими восточными *пряженцами*), свѣжее, молодое и новое. Фигуры ихъ, Рыба, Пѣтухъ, Конь, Лебедь, Журавль, Жаворонокъ, Барашекъ, Коза, особенно же Баба въ кичкѣ, то есть сама Купала—Коляда—Масляница, и т. п., изъ разнообразнѣйшихъ и даже фантастическихъ животныхъ, встрѣчаются безпрестанно и въ прочихъ спутникахъ Масляницы. — Изъ увеселеній, болѣе общихъ и общественныхъ, именно публичныхъ, ибо въ Масляницу, какъ въ Купалу, *вся на улицу*, главное мѣсто принадлежитъ *катаньямъ* и *качелямъ*. Ихъ мы видѣли и постоянно видимъ въ Купалу какъ образъ миѳологическій, былевой, черты извѣстной были, воспѣтой пѣснею: здѣсь же онѣ реальнѣе, дѣйствительнѣе, такъ сказать „бытовѣе," рисуя и конечно симъ воспоминая древній бытъ кущь, бытъ кочевой, перехожій, изъ коего празднуется выходъ къ стройному порядку общежитія (*кат-* и *кач-*, одинакое по корню, одинаково и съ *кут-, кущ-, куч-, коч-*; ср. особую статью). Во всякомъ случаѣ непремѣнно въ Масляницу мотивируется движеніе и оно-то выражается непремѣннымъ *поѣздомъ*. Безъ извѣстнаго „поѣзда" нѣтъ нигдѣ и никакой Масляницы. Но катанье и качели, „катай-качай" и „катай валяй," скаты и кувыркапья, соединяются еще въ высшемъ и главнѣйшемъ: это знаменитыя *Горы*, по коимъ также катаются, валяются и кувыркаются, какъ древніе на праздникѣ Великой Матери боговъ, какъ нынѣ чаровники и чаровницы, вѣдуны и вѣдьмы на горахъ своего Шабаша, отвѣчающаго горамъ Купальскихъ Суботокъ. Воспоминаніе о южной прародинѣ и лѣтнихъ праздникахъ Купалы выражается

*) Писано въ 68 году; въ 71 году тотчасъ послѣ Громницъ Масляница Широкая.

нынѣ тѣмъ, что *ледяныя* или снѣжныя горы непремѣнно утыкаются однако вѣчно-зелеными елками, *деревьями*; самое *дерево* въ обрядѣ не рѣдко играетъ здѣсь роль, а въ пѣсняхъ воспѣвается даже *виноградъ* (см. ниже): и на оборотъ, Купальскія Суботки и Шабашныя горы, знаемъ мы, представляются и называются *лысыми*, старыми и скользкими какъ по льду. Таковы, сдѣлавшіяся нынѣ уже фантастическими, образы горъ въ разныхъ нашихъ „Сказаніяхъ" и „Былинахъ (съ ихъ Бабами Горынинками; см. послѣ):" память хватаетъ, можетъ статься, до прародины Индо-европейской, до Гималая (имени, означающаго „зимнюю, бѣлую верхушку," какъ бѣлыя „Альпы," какъ Славянскія „Планины").—Проносится, какъ ожиданіе, и вѣяніе приближающейся *весны*: но ее у насъ еще трудненько вообразить, и, хотя есть близкіе къ ней образы (см. ниже), но они развиты полнѣе уже на Западѣ, у Западныхъ Русскихъ и прочихъ Славянъ.—*Игрищь* или *Игръ* много, и онѣ также „утолочены," также разгульны, какъ во времена Нестора: но замѣчательно, что въ Масляницу онѣ свои, особенныя. Это по преимуществу представленія, изображенія, оказательства, притомъ публичныя, а не домашнія: замѣчательно, что обычные *хороводы* не въ большомъ ходу; если же есть хороводная пѣсня, то она прикѣняется къ *особымъ* Масляничнымъ *представленіямъ* (см. ниже), опять—общественнымъ, а не семейнымъ картинамъ. *Пѣсня*, именно, или сходится съ Купальскою и Колядною, въ устахъ Волочобныхъ и Колядующихъ; или сопровождаетъ особыя сцены; вообще никакъ не домашняя, не бесѣдная, не тягольная, не протяжная, а разгульная и по преимуществу *краткая: скороговорка, прибаутка, скакуха*, серб. *поскочица*, особый разрядъ, который увидимъ послѣ, особенно у Западной Руси. Духовныхъ *Стиховъ* и вовсе нѣтъ оттѣнка, всего менѣе въ родѣ духовныхъ Колядокъ: Стихамъ главное и собственное мѣсто отводится у насъ Великимъ Постомъ. — Кромѣ мелочнаго, и по орѣхамъ, нѣтъ также *Гаданья*, особенно святочнаго, коляднаго: вообще нѣтъ нисколько той *таинственности*, которою окружена Купала въ изображеніи миѳа ея, причинъ и послѣдствій ночныхъ лѣтнихъ сценъ. Замѣтно нѣтъ даже и той нѣкоторой тайны, какая невольно окружаетъ новорожденнаго Божича въ Коляду. Очевидно, тайны Матери уже разоблачены, Младенецъ значительно подросъ и окрѣпъ: въ Масляницу разгулъ по преимуществу открытый, на распашку. Всѣ эти поѣзды ея и гулянья суть именно разоблаченія, оказательства, намѣренная публичность: знамя всего — „себя показать и людей посмотрѣть." Въ Купалу, отчасти Западную Коляду, разгулъ извѣстнаго рода, хотя выводится изъ домовъ и признается публично, но подъ покровомъ ночи, составляя таинственную обрядную сущность праздника: въ Масляницу онъ также *довершаетъ* собою по домамъ и клѣтямъ публичное гулянье, какъ естественное ихъ послѣдствіе, по самый обрядъ, публично признанный, есть одно лишь представленіе, оказательство. Другими словами, вся Купала сводится собственно къ обрядной тайнѣ, никому стороннему, кромѣ заинтересованныхъ, не видной и недоступной: въ Масляницу тайна предполагается, выводится какъ разоблаченная и перестаетъ быть тайною при общественномъ признаніи. Кучкой стоятъ дѣвицы невѣсты, кучкой женихи; если даже они вмѣстѣ, на горахъ и качеляхъ, то около свидѣтели и зрители; ѣдущіе показываютъ себя, ихъ смотрятъ стоящіе и гуляющіе. Нельзя забыть здѣсь главнаго: Масляница, наступающая послѣ „Свадебныхъ недѣль," есть поѣздъ и праздникъ преимущественно *молодыхъ*, мужа и жены. Связь ихъ не тайна, дѣло поконченное и открытое: на него открыто любуется общество.—Непремѣнно видаются *съ родомъ*: обмѣнъ общественныхъ свиданій.—Никакъ не ограничиваясь семьею, ни сложившеюся, ни зачинающейся, представленія и пѣсни на Масляницѣ совсѣмъ не выводятъ у насъ того *раздора* и *разлада*, какъ въ Купалу; ни той, хотя общественной, *драмы* и *сатиры*, какъ въ Коляду. Масляница по преимуществу эпоха мира и лада, прощенья и прощанья, *дни прощеные*.—Развѣ нѣтъ ссоръ и драки? Какъ и при Несторѣ, „упихаются," и до крови, и въ *намѣренныхъ* представленіяхъ, бояхъ и ристаніяхъ (см. ниже): но именно въ *намѣренныхъ*, особенно симъ отличающихъ Масляницу, эпически воспоминающихъ быль отдаленнѣйшей эпохи и совершающихся въ честь ея. За то и намѣренное, и естественное здѣсь все-таки подъ конецъ одинаково довершается *прощеньемъ*.—*Убранство* толпы гуляющей,

вокругъ и по сторонамъ, обычно, какъ въ другіе праздники, но замѣчательно, что въ простомъ народѣ, въ срединныхъ нашихъ областяхъ, гдѣ уцѣлѣли древніе уборы, молодухи надѣваютъ въ Масляницу „вѣнецъ“ дѣвичій, какъ бы заслоняя собою самихъ дѣвицъ, а дѣвушки напротивъ вздѣваютъ необычный *повойникъ*, признакъ и нынѣшнее исключительное достояніе „кормилицъ,“ даже *кичку*, эту принадлежность бабъ замужнихъ, заматорѣвшихъ матронъ: видно повсюду отношеніе къ образу празднуемой „матери,“ молодой или такой пожилой, которая „молодится;“ зима способствуетъ тому, что вообще дѣвушки укрываютъ голову платками; простоволосыя или съ распущенною косой не появляются. Это праздникъ отнюдь не дѣвичій, не такой свѣтлый, ясный и, по выраженію народа, „зеленый“ своей дѣвственностью, какъ Семикъ-Троица; даже не такой, какъ въ Купалу, когда дѣвушка, краснѣя, предается первой страсти или начинаетъ страдать. Румянецъ здѣсь водворился прочно на лицѣ спокойномъ: румяныя молодки.

Все это является внѣшнею обстановкой, а влагаетъ душу въ нее и вызываетъ праздникъ, условливаетъ и разъясняетъ черты его — высшее существо, старое языческое божество, съ его ближайшими служителями, по преимуществу празднующими и типическими. Масляницу, а въ ея объемѣ и формѣ извѣстное лицо или чету лицъ, какъ Коляду, ожидаютъ, встрѣчаютъ; она пріѣзжаетъ и появляется; своимъ поѣздомъ среди народа разливаетъ ликованье; а потомъ, по проѣздѣ, ее провожаютъ и съ ней прощаются. Если первые изъ сихъ моментовъ общи Масляницѣ съ Колядою, то Масляницѣ по преимуществу принадлежитъ „поѣздъ“ въ оказательство и публичную демонстрацію, еще же больше „проводы“ и „прощанье.“ Есть впрочемъ и еще другія черты, отличающія ее отъ Коляды, выясняющія сію послѣднюю, простирающіяся еще далѣе и спеціально характеризующія обликъ Масляницы въ ея исключительномъ, господствующемъ моментѣ.

Вопли толпы при поѣздѣ: „Масляница ѣдетъ! Масляница пріѣхала! Вотъ она Масляница, Масляница!“—*Поѣздъ* называется еще технически *обозъ* или *околокъ*, иначе *кола*, то есть „колеса“ и „колесница.“ Нынче это, разумѣется, сани въ смыслѣ полозьевъ по снѣгу и обоза или воза на полозьяхъ: но исторически и филологически *сани* здѣсь значатъ въ особенности „сѣдалище,“ на коемъ „садятся (садня),“ какъ престолъ и тронъ. Потомъ, по словоупотребленію древности, это—„носилки:“ въ такомъ смыслѣ онѣ извѣстны у насъ при Владимірѣ и въ поученіи Владиміра Мономаха; таковы же онѣ въ старшей нашей пѣснѣ „Славѣ;“ таковы по народнымъ рисункамъ древняго Востока, особенно Индіи (это—сидѣнье, которое служило вмѣстѣ ложемъ подъ пологомъ, ибо, извѣстно, на ложѣ возлежали въ смыслѣ нашего сидѣнья, а также и спали; на подвѣскахъ отъ угловъ, безъ нижней подставки, оно же обращалось въ дѣтскую качку или въ игру качелей, откуда эта помянутая связь корня „кач-ать“ и „кат-ать;“ за тѣмъ уже носилки въ смыслѣ портшеза, для пути; а послѣ того на колесахъ — колесница, у насъ же по снѣгу на полозьяхъ, нынѣшнія сани). На саняхъ съ полозьями нынче все-таки устроивается сидѣнье или сѣдалище для лицъ дѣйствующихъ и представляющихъ. За симъ простѣйшимъ видомъ, по мѣстамъ на полозьяхъ громоздятъ „городами“ пахатныя бороны, одна на другую, сколачиваютъ и связываютъ, а садятся на верхней (она зубьями къ низу; зубьями къ верху „города,“ Симбир. Пенз. Сарат.). Далѣе, по мѣстамъ, на саняхъ утверждается колесо и главное лицо сидитъ на колесѣ: это уже, при нынѣшнихъ полозьяхъ, прямое преданіе о колесницѣ, на которой ѣхало древнее божество (plaustrum); нужно прибавить, что игры Скомороховъ, играющихъ здѣсь главную роль, всегда соединялись съ колесомъ или состояли въ вертѣньѣ колесомъ (см. особую статью; Владим. Нижегор. Вятск.). Еще сложнѣе, сколачивается и спащивается нѣсколько дровней, устланныхъ досками (какъ подсанки или же санки на санки), а въ срединѣ утверждаютъ толстое и высокое дерево, бревно, какъ мачту; на вершинѣ мачты насажено колесо, и на немъ-то опять главное лицо поѣзда: то есть это нынѣшнія *сани*, воспоминаніе о *колесницѣ* и сверхъ того о *кораблѣ*, этомъ знаменитомъ въ классической древности кораблѣ, съ его знаменитою мачтой, на коемъ проѣхала Кубела, по нашему Купала, снявшись съ колесницы, отъ Малой Азіи чрезъ Греческія воды

до Рима (Нижегор. Симбирск. Пензенск. Сарат.). Наконецъ на саняхъ является уже собственный *корабль*, въ подлинномъ видѣ съ парусами и снастями (къ Архангельску и въ Сибири). Везутъ обыкновеннѣе нынѣ лошади, но, сообразно разнымъ видамъ поѣзда и разнымъ слоямъ преданія, лошадьми передѣваются иногда люди, или прямо тащатъ люди (какъ древнія носилки и божественную колесницу), разодѣтые самымъ страннымъ нарядомъ; за неимѣніемъ же классическихъ звѣрей (leonibus vecta), или лошадей переряживаютъ въ разныхъ, болѣе или менѣе фантастическихъ, животныхъ, или же прямо впрягаютъ для того, въ упряжь необычную, телятъ, жеребятъ, воловъ (Пензен. и по Волгѣ до Саратова). По крайности, какъ на классическомъ кораблѣ были изображенія животныхъ, нѣкогда везшихъ или сопровождавшихъ колесницу, такъ и по нынѣ, гдѣ удержался корабль (Сѣверъ до Архангельска и Сибирь), онъ покрытъ изображеніями львовъ, тигровъ (!), прочихъ хищныхъ звѣрей съ разинутою пастью, рыбъ, птицъ или болѣе знакомыхъ сѣверу лисицъ, волковъ, медвѣдей; на мачтѣ и вымпелахъ развѣшаны шкуры звѣрей, чучелы рыбъ и птицъ (такіе точно корабли перешли потомъ и въ нашъ эпосъ къ богатырямъ). Въ заключеніе, эти черты переходятъ снова на людей и ими олицетворяются, не только въ личинахъ и маскахъ, но даже при пособіи устройства цѣховъ, ибо на Сѣверѣ у насъ ѣздятъ уже цѣховые со значками, торговцы съ вывѣсками, а на значкахъ и вывѣскахъ рыбы (рыболовы), животныя (мясники, сапожники, кожевники), звѣри (мѣховщики) и т. п.

Поѣздъ состоитъ, во первыхъ, изъ тѣхъ, кто везетъ, сопровождаетъ, сидитъ, играетъ: старые служители божества, потомъ бродящіе люди, игроки, музыканты — „Скоморохи;" прочіе „въ той же роли," не столько въ маскахъ, коимъ собственно мѣсто о святкахъ въ Коляду, сколько ряженые, въ шубахъ на выворотъ, шкурахъ, съ рогами, испачканые углемъ и сажею, даже раскрашенные; между прочимъ въ соломенныхъ колпакахъ, съ этимъ главнымъ уборомъ Фригійцевъ и Фригійской богини, а также старшаго или старшей Митры; съ кочергой и помеломъ,—то и другое нынче отгоняетъ чорта, а старше ему же принадлежитъ или перешло къ его темному образу отъ свѣтлаго божества, какъ отъ Купалы къ вѣдьмамъ; съ бубнами, ложками, сковородами, тазами, котлами, въ которые бьютъ и стучатъ, съ этимъ оркестромъ Востока, преимущественно Кубелы, ея Ѳракійскаго спутника и даже свѣтлаго Діониса. Разумѣется, всѣ эти аттрибуты и орудія примѣняютъ нынче въ понятіяхъ къ хозяйству масляницы, ея печамъ и печеньямъ, но не безъ смысла древнѣйшаго: ибо таково жреческое происхожденіе, употребленіе и самое именованіе кочерги, сковороды, таза, ложекъ и т. д. Не забытъ бываетъ по мѣстамъ и Калѣка Перехожій, изображаемый старцемъ въ рубищѣ, съ сумою, въ сумѣ съ черепками отъ битой посуды: здѣсь онъ представитель старшаго, провожаемаго къ смерти бога, и намѣстникъ извѣстныхъ нищихъ, спутниковъ Кубелы (послѣ его духовные Стихи перешли въ христіанскіе, и эпическій образъ его умиротворился, смягчился, вошелъ въ извѣстную мѣру и почетъ). Изъ ватаги же выбирается иногда и представитель ея, помѣщаемый впереди, верьхомъ или на верьху, на колесѣ или на самой мачтѣ, съ кривляньями, фиглярствомъ, шутками, прибаутками и т. п. Въ рукахъ у него иногда *колачь*, по преимуществу спутникъ главныхъ Славянскихъ празднествъ (столь важный доселѣ у Южныхъ Славянъ), усвоенный по круглой фигурѣ своей равно и старому, удаляющемуся богу, съ его колесомъ и небеснымъ сводомъ, но также и юному, въ воспоминанье, когда онъ въ утробѣ и колыбелькѣ свертывался еще „колачикомъ;" кромѣ того *вино*, завѣтъ уже Великой Матери и рѣзкое отличіе сына ея, Божича (Ростовъ, Переяславль, Юрьевъ, Суздаль, Владиміръ, Вятка).

Вся эта, впрочемъ, гурьба существуетъ опять единственно для главнаго, существеннаго лица или для высшаго существа, которое, какъ сказано, „замѣняется" иногда представителемъ пестрой ватаги, но собственно отдѣляется отъ нея: то служители и выразители, а чтится одно лишь „божество," хотя бы нынче только въ символахъ и признакахъ. Здѣсь есть также свои ступени.—На первой, вершину поѣзда и колесницы занимаетъ *Дерево*, разъубранное лентами, цвѣтными лоскутьями, бубенчиками (Рязанск., Тамбовск. и сосѣднихъ

мѣстъ),—старѣйшій символъ осѣдлаго быта, начало коего приписывается Великой Матери и составляетъ моментъ ея вліянія: это древнѣйшій, такъ называемый „Гомъ", извѣстный всему Востоку, а у насъ поминаемый въ пѣсняхъ „Гоцъ („при долинѣ стоитъ Гоцъ," краткій припѣвъ, старше самой пѣсни, подобно припѣвамъ „Дунай, Дунай"); потомъ „Миндаль" и разныя „плодовитыя" деревья, зерна или орѣхи которыхъ играли такую роль въ миѳологіи нашихъ племенъ по Востоку, связуясь съ Великой Матерью какъ символъ приносимаго ею плодородія и удержавши до сихъ поръ помянутое значеніе въ Коляду и Масляницу; съ періода Малой Азіи священное значеніе пріобрѣли особенно деревья „хвойныя," смолистыя, „Кедръ, Кипарисъ, Ель, Сосна," покрывавшія собою горы и урочища Фригійской богини, употреблявшіяся на изгороди священныхъ ея „царинъ" и на многочисленные костры ея, съ тѣмъ вмѣстѣ на „Фаросы," маяки, равно какъ на устройство того корабля съ огромною мачтой, на коемъ переѣхала она въ Европу, а послѣ, изъѣздивши Грецію на колесницѣ (того же матеріала), вторично привезена изъ Малой Азіи въ Римъ и своимъ пріѣздомъ составила для сего послѣдняго знаменитую эпоху. Какъ ель, удержалось это дерево всего больше въ Колядной „Елкѣ" Нѣмецкаго племени, у насъ же въ украшеніи ледяныхъ горъ и въ означенной мачтѣ корабельной, возимой объ Масляницу. У многихъ Славянъ это „Липа," обыкновенно „горящая (особенно у Словенцевъ)," разукрашенная, обведенная хороводомъ, спутница торжествъ Купальскихъ. Въ видѣ и съ именемъ „Пня," Бадняка, заняло это дерево первое мѣсто въ торжествахъ Божича; какъ „Колода" или „Клада," связано тѣсно съ самою Колядой и съ Великою Кладой Масляницы. Преданія о нашей былой при-Дунайской жизни въ связи съ Греками сдѣлали это дерево „Виноградомъ" и, согласно сему позднѣйшему моменту, дерево перешло уже къ символу юнаго бога, возросшаго божича, раздаятеля вину: такъ вошло оно въ наши пѣсни и особенно въ ихъ краткіе, старшіе припѣвы, коихъ происхожденіе относится къ эпохѣ Дунайской; припѣвъ „Виноградье красно-зеленое мое" усвоенъ у насъ по преимуществу Колядкамъ и мы увидимъ его сейчасъ при Масляницѣ. Въ нашъ эпосъ, сравнительно съ обрядами болѣе поздній, сообразно почвѣ и климату нашего позднѣйшаго, утвердившагося мѣстопребыванія, перешелъ особенно „Дубъ (ср. сотни Былинъ)," съ главными эпитетами—*матёрый* (матерь, materia); *сыр-ъ, сур-овъ* (ср. выше сыръ въ Сырной недѣлѣ); *кряковистый, корчевой, скорченный* (крюкъ, корчага, кочерга); у Бѣлоруссовъ преимущественно *Свепетъ* (*свап-, суп-*, на-суп-ленный, суровый—сырой, покляпый и согнутый). Сюда же относится, по видимому загадочное, былевое имя нашего дуба *Невинъ*: оно разъясняется намъ лишь тогда, когда мы вспомнимъ Латинское *Nav-i-s*, корабль, хорошо намъ теперь знакомый; отъ того самыя души умершихъ, поминаемыя съ Кутьи до Масляницы, особенно блинами, назывались у насъ въ старину *Навь, Навье*, а задушный день ихъ—*День Навій*; отъ того же это Навье, по преданіямъ и пѣснямъ, представляется то плавающимъ *на корабль* (navis), то летающимъ и блуждающимъ по дубу (Невинъ).—Здѣсь кстати замѣтить, что самое имя праздничнаго печенья Масляницы, *оладьи* или *аладьи*, собирательное (и выводившееся иными отъ Кельто-Римскаго *alaudae*, жаворонки, коихъ весенній прилетъ празднуется у насъ нынѣшнимъ великимъ постомъ и сопровождается печеньями), имѣетъ при себѣ ближайшую форму—собирательную *ладье* и *лодье*, древнѣйшую *ладія* или *алдія*, новѣйшую *ладья, лодь, лод-ка*,—то есть опять судно, притомъ напоминающее самую *Ладу*, Купалу или Великую Матерь, а также *ледъ* ея горъ, саней, катанья. До какой степени всѣ эти подробности связуютъ насъ близко съ древностью, особенно классическою и Греческою, достаточно прибавить, что *блины*, съ собственнымъ именемъ, страшно распространены были въ позднѣйшей Греціи, когда именно возобладалъ Малоазіатскій и Ѳракійскій культъ Кубелы—Купалы (μλην, μλῆνες: ими, изъ палатокъ на площади, зазывали и угощали пекарки Греческія завоевателей Римскихъ, „κυρ—miles," господинъ солдатъ, „μλῆνες," блины!); самое имя нашего тагана со сковородой извѣстно было Александрійскимъ переводчикомъ (λάγανον ἀπὸ τηγάνου, λαγάνα ἄζυμα κεχρισμένα ἐν ἐλαίῳ, блины или аладьи съ тагана, пряженые въ маслѣ; ср. Снегир. „Русск. простонар. праздн." ч. 2).

Слѣдующую ступень въ представленіи Масляницы, на колесницѣ ея, караблѣ или санях занимаетъ *Быкъ*: такова роль его была въ Римѣ и до сихъ поръ въ Италіи, во Франціи, да и по другимъ западнымъ мѣстностямъ, при карнавалѣ; онъ, какъ помянутое дерево, также разубранъ, возитъ же обычно мясникъ, обрекающій его на закланіе, или водитъ толпа мясниковъ, а послѣ убиваютъ, разрѣзываютъ, части раздаютъ по домамъ и лицамъ, почетныя почетнымъ. Это извѣстный символъ перваго, древнѣйшаго бога, коего убіеніе и смерть знаменовали переходъ къ моменту Великой Матери, къ рожденію новыхъ организмовъ и къ воцаренію юнаго бога, сперва мужа, сотоварища, потомъ сына Великой Богини: его, на переходѣ къ Кубелѣ, разрываетъ Митра: его же смерть и разрывъ на части въ нашихъ былевыхъ сказкахъ постоянно условливаютъ собою счастіе и спасеніе Ивана (Яна) съ Василисою (Царицею) или Еленою Прекрасною. Въ Архангельской губерніи доселѣ съ тѣмъ же значеніемъ возятъ *въ пятницу* масляничную *Быка* на саняхъ въ сопровожденіи *мясниковъ*: конечно теперешній бытъ примѣняетъ это къ прощанію съ мясоѣдомъ.

За этимъ въ значеніи Масляницы, и весьма естественно, является сама *Коляда*, то есть, знакомая намъ чета—богини Лады съ ея старымъ Дѣдомъ, съ устраняемымъ и за то озлобленнымъ мужемъ, или съ мужемъ юнымъ, новымъ спутникомъ: конечно это представленіе и слово въ нынѣшнемъ народѣ безлично и скорѣе держится смутнаго преданія о Кладѣ, какъ великомъ праздникѣ. Чествуютъ симъ Кладу, называютъ ее нынче Масляницей и, не имѣя въ виду опредѣленнаго лица, по крайности воспѣваютъ общее собирательное имя. На этой ступени въ Ярославлѣ, Ростовѣ и ближайшихъ округахъ, на Масляницѣ *поютъ Коляду*: совершенно въ тѣхъ же ватагахъ, какъ Колядники и Волочобные, называя себя *Коледовщиками*, съ тѣми же пѣснями-колядками, намъ уже извѣстными изъ Коляды и Волочобы, съ помянутымъ припѣвомъ „Виноградье красно-зеленое мое (красный и зеленый виноградъ),“ передъ дворами или на дворахъ и въ избахъ, съ музыкою отчасти масляничною, отчасти купальскою, съ подачками отъ хозяевъ и т. д.

Постепенно для народнаго представленія и взгляда опредѣляются самыя *лица*, составляющія божественную, ѣдущую, чету. Старый дѣдъ на этой ступени почти не замѣтенъ, ибо по мѣрѣ старости онъ теряетъ личность и замѣняется чѣмъ либо отвлеченнымъ; не замѣтенъ и озлобленный второй богъ во всей его ярости, ибо онъ также обманутъ богинею и его ярость притуплена; изъ него перелицовывается и заступаетъ его мѣсто новый любовникъ, юный спутникъ Великой Матери, но онъ, какъ мы знаемъ по его Восточному, Ѳракійскому и отчасти—хоть менѣе—Классическому типу, представляется еще не въ побѣдоносной, торжествующей силѣ: онъ страстенъ и страдаетъ, подъ конецъ даже гибнетъ или сжигается на кострѣ, умаленъ, слабъ, даже оскопленъ. Потому въ сопровождающей пѣснѣ онъ называется „меньшимъ братцемъ“ и прямо говорится, что его „убиваютъ;“ въ обрядѣ же его провожаютъ и выпроваживаютъ, бросаютъ и сожигаютъ. Во Владимірской, а особенно въ Суздальской области, избраннаго *мужика* одѣваютъ въ разноцвѣтныя тряпки (арлекинъ), сажаютъ на лошадь, быстро подъ ударами прогоняютъ сквозь село или деревню, за рубежомъ сваливаютъ съ лошади, и этимъ въ послѣдній день завершаютъ прощанье съ праздникомъ. Въ Костромской, классической области обрядовъ и преданій сего рода, въ послѣдніе дни или послѣдній день Масляницы, поѣздъ составляется изъ верховыхъ въ соломенныхъ, фригійскихъ колпакахъ, кои за городомъ сожигаются и, какъ прежде, видѣли мы, *мужикъ* изъ ватагі бываетъ намѣстникомъ божественнаго лица, такъ теперь прямо, по пуку соломы съ двора, дѣлаютъ чучелу, *соломеннаго мужика*, и вечеромъ, за городомъ или селеніемъ, вывозятъ *жечь его на костръ*. Сравните выше временное торжество на колесницѣ и потомъ сожиганіе „раба.“

Кромѣ главной, женской половины, дополненіемъ четы долженъ бы быть самъ божичь, плодъ ея, будущій, третій, юнѣйшій богъ-освободитель, какимъ онъ является на ступени высшей своей силы и какимъ онъ былъ въ Греческомъ Діонисѣ. Но, отчасти ему еще пока не время выставиться, ибо его заслоняетъ еще любовникъ, старшій спутникъ богини, и подъ тѣмъ же часто именемъ Яна, Ивана; отчасти, съ Коляды до завершенія

Масляницы, онъ еще не далеко выросъ изъ маленькаго божича; отчасти Славяне и вообще не доросли въ своей жизни до его полнаго, зрѣлаго возраста, въ той мѣрѣ, какъ доросли нѣкогда художественные Греки. Во всякомъ случаѣ, онъ не является въ поѣздѣ опредѣленнымъ лицомъ и больше „предполагается, чувствуется." Предположеніе это и чувство, болѣе или менѣе ясно, выражается тѣмъ, что 1) допускаются здѣсь и дѣйствуютъ, какъ въ рѣдкихъ другихъ праздникахъ, съ особыми обрядами и пѣснями (см. ниже), *дѣти;* 2) въ оркестрѣ и во всей обстановкѣ Масляницы, подобно Купалѣ, видную роль играютъ *тазы* и *котлы, качки* и *качели, санки* и *салазки, коньки* и т. п., обозначающіе купанье, воспитаніе, первыя игры и забавы божича; 3) при извѣстныхъ случаяхъ, о коихъ ниже, дѣлается *прорубь*, куда нынче окунаютъ дѣтей, но прежде конечно, подобно крещенью, служило это также божичу; 4) тризна, практикуемая тремя главными днями праздника, сопровождается гуляньемъ и ѣздою на нашей классической и типичной *тройкѣ*, съ „коренцою" по срединѣ (маткою или матерью), двумя „пристяжными" по бокамъ, подъ одинъ стягъ торжества или подъ одну символическую дугу: а кромѣ середней матери и одного друга съ краю, некому быть здѣсь третьему кромѣ сына, божича (названіе и употребленіе „тройки" или „троицы" во всѣхъ религіозныхъ эпохахъ сопровождалось представленіями о трехъ лицахъ единаго существа). Такая-то тройка ѣдетъ и теперь съ Масляницей, покрикивая — „Правѣй, правѣй, прочь съ дороги, берегись!" Если колесница и поѣздъ вездѣ играли первую роль въ культѣ Великой Матери, то и въ нашихъ тройкахъ слѣдуетъ искать тѣхъ же обрядныхъ намековъ; поѣзду и тройкѣ первое мѣсто именно на Масляницѣ. Тамъ, гдѣ у Славянъ Западныхъ или, лучше, Сѣверо-западныхъ, самый символъ главнаго божества фиксировался въ формѣ коня, религіозно чтившагося, въ нынѣшней Пруссіи и отчасти въ нашей Польшѣ, кое-гдѣ еще, во вторникъ Масляницы нашей и въ единственный карнавальный день протестантскій, сельскія дѣти дѣлаютъ маленькаго деревяннаго *коня* (konik), разряжаютъ и убираютъ, какъ всякую фигуру Масляницы, съ музыкою обводятъ и обносятъ по дворамъ, съ тѣми же совершенно обрядами и послѣдующими подачками, какъ Коляду или Масляницу, при чемъ и сборъ льна, пряжи, ржи, овса совершается *послѣ*, какъ знаемъ мы въ по-Кладѣ, по-Колядѣ, и т. п. Соображая, что теперь на нашихъ „санныхъ полозьяхъ" устраиваются „колеса колесницы" или „корабль," что все это движется „конями" или „людьми," а обратно „санки" катаются „по льду, по рѣкѣ, по горамъ," „коньки" же деревянные или вертятся съ дѣтьми „по колесу," или служатъ лыжами „по льду и снѣгу,"—соображая все это, естественно вспоминаемъ и понимаемъ: какъ колесница Кубелы превратилась, по требованію, въ корабль и какъ корабль ея ввезенъ былъ въ Римъ; какъ деревянный конь доселѣ носится или возится у Славянъ живыми лицами; далѣе и глубже, какъ деревянный конь съ Греками могъ въѣхать на стогны Трои, во Фригійской области, въ этомъ мѣсторожденіи Великой Матери; и опять, возвращаясь къ Русскому эпическому образу, какъ Олеговы ладьи на колесахъ въѣзжали въ Царьградъ.

Во всякомъ случаѣ, все равно, будетъ ли въ поѣздѣ одинъ конь, или тройка, или цѣлый обозъ изъ многихъ лицъ, или символы лицъ здѣсь неодушевленны и средняго рода, или это дерево, изъ дерева опять конь, мачта, колесо, колесница, корабль, или даже прямо выказывается лицо мужчины, чета мужески-женская, или троякое сочетаніе съ дитею, — во всемъ этомъ ѣдетъ, и чествуется, и называется, и воспѣвается *Масляница*. Масляница такое же господствующее имя женскаго рода, какъ Коляда, Кутья, Купала: очевидно, что главное, срединное, высшее существо и лицо есть *женщина, богиня*. Къ ней-то и относятся всѣ главные эпитеты, образы, обряды, представленія. Масляница прежде всего — *Честная* (ср. выше корни и значенія *част-чест-чист-*, а въ пѣсняхъ, какъ Купала прежде была народу *пре-чистою*, потомъ же въ христіанствѣ оказалась *не-чистою*): это прозвище раздѣляетъ она только съ однимъ народнымъ праздникомъ — *Семикомъ* (въ христіанствѣ чествуется еще Великій Постъ), который ставится къ ней въ такія же отношенія, какъ Янъ или Иванъ — молодой супругъ и любовникъ Купалы. То, видимъ у народа, Масляница *Се-*

микова племянница, то какъ чета, *Семикъ да Масляна плакались на напраслину*, то зваль позываль *честной Семикъ широкую Масляницу къ себѣ погулять* и постоянно зоветъ ее своей *душою*, своей *перепёлочкой*. Она же *Весёлая* или *Веселая*, и въ этомъ случаѣ тождественна съ *Пятницей*, которая по народнымъ воззрѣніямъ *Веселая* („Веселая наша Пятница," какъ „Сива Середа:" ср. выше родство „сиваго, сѣраго, сырнаго, широкаго"), технически же „Веселыми" называются во всей нашей исторіи служители Купалы, Пятницы, Колядиы и Масляницы, Скоморохи, Волочобные, Колядовщики. Послѣдуя за Середой, принимаетъ она именованіе *широкой* (ср. выше). Кромѣ того, что Масляница есть племянница, жена и любовница Семику, потомъ старшая сестра, жена и любовница юному спутнику (см. выше), счеты ея по родству и старыя отношенія нашего Олимпа, заключившаго собою былую, какую ни есть, Ѳеогонію, выражаются еще замѣчательною народною генеалогіей, по которой Масляница есть *сорока бабушекъ внучка* (совмѣстительница и преемница цѣлаго ряда предшествовавшихъ богинь), *трехъ-материна дочка* (тройство бабушки, матери и дочери совмѣщается особенно, какъ мы видѣли, въ Купалѣ), *тридцати братовъ сестра*. Исторія любовныхъ дѣлъ ея въ постепенномъ теченіи, а за любовью появленіе новыхъ родственныхъ отношеній, кои завязываетъ она своею связью, изображаются именами самихъ дней Масляницы: понедѣльникъ *Встрѣча*, вторникъ *Заигрыши*, середа *Лакомка* (проба, опытъ отвѣдать), четвергъ *Широкій* (растворъ утѣхъ), Пятница—торжество пріобрѣтенныхъ правъ — *Тёщины вечерки* или *вечеринки* (съ этихъ поръ родство располагается уже вокругъ сложившейся новой четы), суббота *Золовкины посидѣлки* (ср. въ Купалу-роли золовки, теперь уже примирившейся послѣ былой зависти и ревности), воскресенье *Проводы* и т. п.; такая исторія *самой* богини, влагающей душу въ праздникъ, нынче переносится конечно уже на исторію разгула и лицъ, въ немъ участвующихъ. Образъ ея очерчивается слѣдующими чертами народнаго слова: *бумажное тѣльце* (бѣлое и мягкое по теперешнему, а старше—въ папирусѣ какъ Изида, или въ папоротникѣ Купала; за симъ въ бамбукѣ, въ хлопочкахъ); *перепелиныя косточки* (тонкія, хрупкія, нѣжныя); *сахарныя уста*, *красная* или *румяная краса*, *русая коса*, *кеточка* (съ хохолкомъ, гордая, что выражалось *китой* и *кичкой*, ср. выше, по нынѣшнему „кокотка"), *ясочка* (ясная, ласточка и соболка), *сладкая рѣчь*. Когда постепенно упали свѣтлыя черты до темныхъ тѣней, наброшенныхъ христіанствомъ и цивилизацiей быта, подобно какъ Купала, мы видѣли, низошла на другую степень Сопухи, вѣдьмы, съ помеломъ и кочергою, такъ въ нашихъ позднѣйшихъ очеркахъ, особенно лубочныхъ, примѣнительно къ масляничной кухнѣ, Масляница явилась соблазнительною, румяною и полною пекаркой, на сковородѣ или со сковородой (стариннымъ Купальскимъ инструментомъ; еще старше — съ тазомъ, сопровождающимъ нашихъ каменныхъ „бабъ," а у классической древности съ хлѣбною мѣрою, модіемъ), съ ухватами, съ помеломъ во рту и т. п. Въ семъ случаѣ она обыкновенно грозится замарать сажею, очернить подступающаго любовника, какъ нечистая: изъ за любви онъ соглашается и на это, готовъ перейти въ извѣстнаго, эпическаго дѣтину „повареннаго," въ того чернаго раба, который нѣкогда сопровождалъ древнюю богиню, и временно царствовалъ, и погибалъ на колесницѣ, превращавшейся въ костеръ.—Въ обрядѣ, уже осязательнымъ и наглядным образомъ, дѣлается она *соломенною куклой*, или *куклей*, или, что то же, *чучелой* (*кук-чуч*-, ср выше; отсюда же конечно названіе *кокуя*, *кукуя*, или *куковинки*, мѣста игръ Масляницы, въ Москвѣ по Покровкѣ, до Нѣмецкой Слободы съ Нѣмецкою Масляницей, послѣ подъ Новинскимъ; ср. у Болгаръ имя Попельца и перваго дня за Масляницей, когда ее сожгли,—*кукуевъ день* или *куклинъ день*, а также выше при Купалѣ *кукушку*); или же дѣлается прямо *деревяннымъ кумиромъ*, въ означенной женской фигурѣ. Классическая страна для сего обряда опять Кострома, со своею обрядною *костромою*, извѣстною, въ томъ или другомъ видѣ и названіи, по разнымъ мѣстностямъ Руси и у прочихъ Славянъ: но тайъ самый обрядъ переходитъ большею частію или къ веснѣ, Велику дню и Семику, или къ Купалѣ. Нынче же въ Масляницу держится сего Низовье Волги и вообще весь спускъ къ *Хвалынскому* (Каспійскому морю), отчасти до Кавказа: то есть протяженіе древняго пле-

мени *Хвалисовъ*, знаменитыхъ нѣкогда кузнечнымъ дѣломъ (откуда и самое имя стали χάλυψ, chalybs, вѣроятно въ связи съ нашимъ *харалуга*). Замѣчательно, что здѣсь впереди становится *Хвалынскій* уѣздъ, нынѣшней Саратовской округи *). Тамъ главный день *пятница*, и, начиная съ него, деревянную куклу носятъ именно, какъ въ древности, *на носилкахъ*, или сажаютъ на лошадь впереди поѣзда, или подымаютъ вообще въ срединѣ густой толпы. Такъ носятъ или возятъ съ конца деревни до конца, по улицамъ и площадямъ, останавливаясь часто на извѣстныхъ пунктахъ или передъ дворами. Всѣ, старые и малые, изъ домовъ наружу; при остановкѣ окружаютъ съ кликами „пріѣхала Масляница!" Мужчины и женщины обходятъ кругомъ, кланяются, возглашаютъ: „Масляница, Масляница!" Эти-то посѣщенія людей и дворовъ, подобныя посѣщеніямъ Купалы и Коляды, сохранились въ выраженіи общей пословицы: „Была у двора Масляница, да въ избу не зашла." — Прочее чествованіе Масляницы, какъ опредѣленнаго лица, извѣстно по нашимъ лѣтописямъ, актамъ, особенно Стоглаву и всякого рода вещественнымъ памятникамъ: это—историческое чествованіе Пятницы съ ея разными образами, каменными и деревянными кумирами, носильщиками, пѣвцами, видѣніями и чудесами, прощениками и прощеницами, пущениками и пущеницами. Какъ чудесное исцѣленіе ихъ, освобождающее отъ недуга, такъ и попеченіе о выздоровленіи больныхъ, а за симъ вообще освобожденіе отъ чего бы то ни было, отпуски рабовъ, выкупъ полоненниковъ и должниковъ,—все это въ христіанское время, особенно въ Московскомъ царствѣ и Москвѣ, обратилось въ заботу и обычай благочестивыхъ людей, во главѣ коихъ становился и царь: обходили и объѣзжали на Масляницѣ, съ дарами, богадѣльни, больницы, убогіе дома, тюрьмы и всякіе пріюты сего рода. — Что касается до „Дѣйства Страшнаго Суда," которое совершалось, въ извѣстной обстановкѣ мистерій, на Кремлевской площади, то оно отвѣчаетъ чисто-церковному храмовому воспоминанію, которое намѣренно введено было Византіей въ преддверіи Масляницы для предостереженія отъ грѣховъ сей послѣдней.

Мѣстности старыхъ катаній въ Москвѣ на Масляницѣ — по Слободамъ, по Покровкѣ съ Басманною до Разгуляя и вдоль Покровскаго села, по Неглинной и особенно по Москвѣ-рѣкѣ съ набережною, не оставили намъ ничего замѣчательнаго ни въ памятникахъ, ни въ воспоминаніяхъ: черты обряда слишкомъ давно уже здѣсь стерлись. Для катанья по всей Россіи любятъ спускаться *къ рѣкѣ*,—тамъ нынче шире просторъ; на Москвѣ-рѣкѣ, до Подъ-Новинскаго, устраивались на льду всѣ столичныя увеселенія Масляницы. Чисто-народнаго изъ нихъ мы живо помнимъ только отличныя ледяныя „Горы" съ ёлками и бесѣдками: послѣ перешли онѣ на разные пруды, между прочимъ Прѣсненскіе. Вообще, если катанья на Коняхъ отвѣчаютъ поѣзду богини и спутниковъ ея на колесницѣ, то катанья по Горамъ и качанья на качеляхъ воспоминаютъ старшее мѣсторожденіе самой Великой Матери „Горной" и рожденіе ею божича въ убѣжищѣ знаменитыхъ горъ классической древности, съ соотвѣтственными кувырканьями и оглушительною музыкой служителей, на другомъ же концѣ года, лѣтомъ, совершенно одинаковы „Суботки," „Шабашъ" и „Лысыя горы" Купальскія. Обыкновенный спускъ къ рѣкамъ и прудамъ, катанья по льду и ледянымъ искусственнымъ горамъ, по замороженной водѣ, на санкахъ, скамьяхъ, салазкахъ и особенно *лубкахъ-коробьяхъ* (откуда и имя *корабля*), въ противуположность катанью сухопутному по землѣ, очевидно указываютъ на морскія и рѣчныя странствованія богини по водѣ. — Иностранцы, бывавшіе въ Россіи и Москвѣ, не остановили серьезнаго взгляда ни на одной почти народной достопримѣчательности Масляницы и оставили тамъ однѣ лишь подробности излишествъ въ питьѣ и кушаньяхъ, въ разгулѣ и кутежѣ. Для Москвы преимущественно потрясли древнюю простоту, образность и обрядность Масляницы чрезмѣрныя оргіи Ивана Грознаго, примѣромъ его окрутниковъ-опричниковъ отбивавшія охоту отъ спокойнаго участія въ народномъ торжествѣ, а послѣ, какъ реакція тому, воздѣйствовала богомольность XVII вѣка. Не презрителемъ и насмѣшни-

*) Терещ. „Бытъ Р. нар." ч. VII.

комъ, какъ думаютъ иные, а напротивъ прямымъ возстановителемъ древней народной обрядности, хотя и съ подкраскою Европейскою, явился Петръ Первый, когда въ 1722 году отпраздновалъ знаменитую свою Масляницу съ колесницами и съ огромными кораблями на санкахъ, въ сопровожденіи разнообразнѣйшихъ масокъ и уборовъ. Если прибавить сюда извѣстный „ледяной домъ“ 1739 года, то съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію, въ Петербургѣ, а по вліянію его въ Москвѣ и частію въ остальной Россіи, народныя торжества Масляницы, утративъ простоту и послѣднюю связь съ обрядомъ, замѣнились и ограничились искусственными маскарадами, при Екатеринѣ II-й еще уличными, послѣ же исключительно дворцовыми, театральными, клубскими, у богачей домашними. Народный праздникъ съ каждымъ годомъ бѣднѣе, удерживаетъ лишь катанья да качанья, загромождается иностранными комедіями, и, если сдѣланъ какой либо шагъ въ духѣ старины, то это примѣненіе такъ называемаго *паровоза*, соединяющаго нынче на Масляницѣ и полозья, и санки, и колеса, въ замѣнъ коня и корабля.

Особенный, но не менѣе существенный, эпизодъ Масляницы составляетъ сопровождавшая нѣкогда Кладу, какъ торжество, и Страву, какъ ея жертву и пиршество, главнымъ образомъ въ теченіе *трехъ* дней, *Тризна*: съ соотвѣтственнымъ ристаніемъ, по Западному турниромъ, а по нынѣшнему у насъ съ *боями* и *борьбою*. Тризна, потерявши древнѣйшія яркія черты язычества, постепенно стала „проводами“ какого-то удаляющагося могущественнаго существа, стараго бога, „дѣда;“ потомъ проводами „дѣдовъ,“ то есть простыхъ предковъ, и здѣсь перешла постепенно въ простыя *поминанья* и всякія *родительскія*; наконецъ обратилась въ проводы всякому торжеству и тѣмъ болѣе конечно Масляницѣ. Но здѣсь, начинаясь поминаньемъ усопшихъ и подъ конецъ слившись съ общими проводами, Тризна оставила намъ одну яркую, первобытную и спеціальную черту—это *бои при городкахъ*. Дабы понять ихъ, нужно вспомнить, что той же Великой Матери приписывалось по всей Передней и Малой Азіи, за тѣмъ въ Африкѣ (Дидона), а послѣ въ классическомъ мірѣ и Европѣ, основаніе городовъ, какъ первыхъ явленій прочной цивилизаціи, такъ что фигура городской стѣны перешла въ корону богини. Въ нашихъ былинахъ Купала является „Турицей златорогою,“ въ вѣнцѣ своемъ и со свитою обходитъ и стережетъ стѣну городскую, по вѣнцу зубцовъ—на заборолѣ; спутницы царицы обратились послѣ, со внесеніемъ понятій о злѣ, въ Лихорадокъ; когда же въ христіанствѣ снова воспрянуло представленіе объ исцѣленіи, то исцѣляющая Пятница окружилась цѣлымъ роемъ другихъ сестеръ Пятницъ. Заповѣдныя урочища Купалы, какъ поминали мы, назывались „царинами;“ „царинами“ же именовались подати и работы на святое мѣсто и его служителямъ; „царинныя“ пѣсни доселѣ сопровождаютъ торжество богини и ѣдущихъ на работу ея слугъ. Отъ того-то всякіе первые городки, а у насъ знаменитыя „городища“ возникли со священными преданіями и окружены ими доселѣ. Разумѣется здѣсь, какъ и вездѣ мы знаемъ, соединялись всегда преданія и о старомъ богѣ, прежнемъ царѣ, удалявшемся и изгонявшемся, и о наслѣдникѣ его, сынѣ богини. Когда для Славянъ Южныхъ, жившихъ въ связи съ Греками, Черноморскихъ и Придунайскихъ,—а таковыми были нѣкогда всѣ и въ томъ числѣ мы,—явился Царь-градъ, онъ и своимъ именемъ, и связанными преданіями, соединилъ въ себѣ всѣ черты древнѣйшаго образа. Исторически, до поздняго времени, туда ходили Болгаре отправлять работы „на царя“ или „царины,“ въ качествѣ земледѣльцевъ, а больше пастуховъ или погонщиковъ коней въ табунѣ. Распространенное Сербское преданіе (Словарь Караджича, а также „Жизнь и обычаи народа Сербскаго,“ 1868) выводитъ на сцену стараго царя, у коего была единственная дочь, дѣвушка; черезъ посредство ветхой хартіи, въ коей завернутъ былъ прахъ, прахъ обратился въ сѣмя новой жизни и новое тѣло: лизнувши пыли, дѣвушка понесла (ср. выше бумажное тѣльцо Масляницы, напоротникъ и папирусъ, въ коемъ соблюдается сила и жизнь нашей Купалы и древней Изиды); родится сынъ, и ветхая хартія, давшая ему сѣмя жизни, обращается теперь въ патентъ ему на наслѣдство по праву; юноша присутствуетъ при чудесномъ возникновеніи города со стѣнами, именуетъ его Царьградомъ, потомъ изгоняетъ дѣда и царствуетъ. Об-

стоятельства эти передаются по своему и въ нашей знаменитой дѣтской пѣснѣ (ср. наше изданіе „Дѣтскихъ пѣсней“ 1868 г.). Въ ней выводится „пастушокъ,“ идущій со стадомъ „до Царева города“ и передающій разсказъ, какъ тамъ „царь пишетъ (хартію) на серебряномъ блюдѣ“ и „на дѣвицу (дочь свою) дышетъ (не надышетъ);“ какъ мгновенно „стулъ (или престолъ его) подломился, „царь покатился,“ и породился наслѣдникъ, Константинъ взявшій царство (Константинъ императоръ, давшій свое имя древнѣйшему Царь-граду). Еще старше извѣстно у Римлянъ Regifugium, бѣгство стараго царя, которое праздновалось въ февралѣ и изъ области эпической перенесено было лѣтописными разсказами на почву историческую. Всѣ эти образы оживаютъ у народа доселѣ въ безчисленныхъ, то и дѣло повторяющихся разныхъ пѣсняхъ, обрядахъ, играхъ: у Сербовъ въ эпосѣ это помянутый, изгнанный и озлобленный царь, убѣжавшій изъ царства и унесшій съ собою солнце, а въ играхъ „Криви цар,“ по самому имени своему—извѣстный криводумный, съ кривой косою, Кроносъ или Сатурнъ, котораго, прихрамывая, представляютъ дѣти и играютъ его изгнаніемъ; это же самое отзывается ясно въ „кривомъ таньцѣ“ Малорусскомъ, который встрѣчаетъ весну (ранѣе, чѣмъ у насъ) и празднуетъ удаленіе „дѣда,“ „мороза;“ память сему событію отдается и на Колядѣ, въ „кривыхъ вечерахъ“ ея со всею помянутою обстановкою. Отсюда же въ нашихъ пѣсняхъ и соотвѣтственныхъ хороводныхъ играхъ роль „Царь-города,“ подъ который „подходятъ,“ берутъ его съ боя, „царевичь“ достаетъ себѣ „царевну“ и т. д. Въ историческомъ нашемъ эпосѣ повторяется то же на знаменитомъ Олегѣ, ибо, кромѣ похода его подъ Царьградъ и кораблей на колесахъ, смерть князя, отъ мертваго коня и выползшей змѣи, вынесена также изъ подъ Царяграда: помянутый Сербскій царь нашелъ *мертвую голову*, потопталъ ее *конемъ* и за то услышалъ пророчество, что отъ нея получитъ *смерть* свою. Сжегъ царь голову, пепелъ собралъ въ хартію, а изъ пепла зародился мститель. Юношу выгналъ старикъ искать *зла*: спустя время, странникъ нашелъ *змѣю*, тутъ-то выросли стѣны города, изгнанъ съ царства и погибъ дѣдъ. Черты сіи перенесены на Олега безъ сомнѣнія еще потому, что онъ основалъ Русское княжество *въ новомъ городѣ*, въ томъ, который представлялся и точно былъ для Русскихъ первымъ преемникомъ обще-Славянскаго Царьграда, однимъ словомъ въ Кіевѣ, которому изрекъ Олегъ свое знаменитое пророчество: „Се буди мати градомъ Рускимъ!“ Мы только желали бы указать здѣсь къ соображенію: отчего Олегъ назвалъ Кіевъ *Матерью*, не отцомъ, когда и *Кіевъ*, и *городъ*, слова рода мужескаго. Не сомнѣваемся, что этимъ руководило исконное представленіе о Великой Матери, основательницѣ и попечительницѣ всѣхъ главныхъ, священныхъ и столичныхъ, городовъ; вотъ почему и Турица Златорогая явилась въ нашемъ эпосѣ заботливою царицею стѣнъ Кіевскихъ.—Теперь-то намъ ясно, и только теперь, почему въ Тризнѣ, на сколько уцѣлѣла она объ Масляницѣ, мальчики непремѣнно строятъ на рѣкѣ, изо льду и снѣгу, *городокъ*: въ немъ *стѣны съ зубцами*, *ворота* въ стѣнахъ, при стѣнахъ *прорубь*, какъ подобаетъ Купалѣ и Божичу. Тутъ же, подъ стѣнами городскими, раздѣляются *стѣнки* осаждающихъ и защищающихъ (въ Симбир. и Пензенск. первые конница, вторые пѣхота): происходитъ бой подъ маленькою Троей; одни берутъ приступомъ, прорываются, входятъ въ переднія ворота, въ заднія выгоняютъ побѣжденныхъ; послѣдніе очевидно „хромаютъ,“ и потому-то ихъ набираютъ (по мѣстамъ) исключительно изъ пѣхоты; побѣдители, на деревянномъ конѣ, а проще верхомъ на палкѣ, напоминаютъ коня Греческаго, завоевавшаго Трою. Они *купаютъ въ проруби* своего начальника: не побѣжденнаго, какъ бы слѣдовало ожидать по нашему смыслу, въ наказаніе, а именно *побѣдителя*, то есть явно божича, юнаго счастливца предводителя, дитю наслѣдника; самый праздникъ побѣды, принадлежа дѣтямъ, указываетъ, что здѣсь главное лицо дитя.—Однако обрядъ, сосредоточенный около дѣтскаго лица, долженъ былъ перейти и къ прочимъ служителямъ Масляницы, ко взрослымъ, хотя бы съ этимъ шагомъ конечно утратить уже нѣкоторыя основныя черты преданія и обычая. Такъ и случилось въ извѣстныхъ *Кулачныхъ Бояхъ* Масляницы. Пріуроченные именно къ ней и особенно къ послѣднимъ днямъ ея, къ проводамъ, регулярно возобновляющіеся въ эту пору, вызванные сколько

потѣхою силы и исканіемъ ратоборства для ея опытовъ, столько же явною какой-то необходимостью, ибо далеко не всѣмъ желательны, а многимъ судятъ плачевную долю побоевъ или даже смерть, вовсе не привлекательную, кулачные бои очевидно восходятъ началомъ своимъ къ представленію, властвующему надъ человѣкомъ, къ принудительной силѣ древняго обряда. Теперь, разумѣется, представляютъ они уже одну голую, даже иногда безобразную, внѣшность, и потому съ XVII вѣка начинаетъ противъ нихъ дѣйствовать Московское законодательство, а нынче продолжаетъ ратовать, хотя и не всегда успѣшно, городская полиція. Впрочемъ и до сихъ поръ, при всей внѣшности и грубости, замѣтны еще нѣкоторыя особыя *правила* и серьезныя *внутреннія черты* этого остатка былой Тризны. Бои происходили и отчасти, гдѣ можно, происходятъ еще такимъ образомъ: зачинаютъ обыкновенно *мальчики*, очевидно по обряду, намъ знакомому, ибо нѣтъ другаго смысла въ семъ и повода, напротивъ явная опасность для дѣтей; имъ только нужно *начать*, и потому, послѣ первыхъ сшибокъ, ихъ удаляютъ прочь со сцены; далѣе выступаютъ по всей линіи *передовые*,—это борцы, имя техническое, тѣ, кои борятся *самъ на самъ*, одиночною борьбою съ противникомъ, на поединкѣ; ихъ борьба на бою не главная, а главное *самый бой*, гурьба противъ гурьбы, но какъ можно больше равняясь по линіи, *стѣнка на стѣнку* (живая стѣна на городскую стѣну); гдѣ только есть рѣка, тамъ обыкновенно бои *на рѣкѣ*; наблюдается, чтобы на ровномъ мѣстѣ и гнать въ гору, не подъ гору; лежачаго не бить; существенная задача *прогнать* дрогнувшую, подавшуюся стѣнку, обратить *въ бѣгство* и, какъ скоро бѣгущіе достигли условной межи, бой *прекращается*. Нарушеніе сихъ правилъ, сильные побои и смерть вносились и вносятся лишь по человѣческой страсти, какъ средство непозволительное и случай исключительный. Самое имя „боевъ“—*кулачныхъ* и роль именно *кулака*, не чего другаго, не орудія, не палокъ и не кіевъ, составляютъ признакъ, коего не можетъ обойти безъ вниманія филологъ: согнутый *кулакъ* и по формѣ, и по слову, напоминаетъ тождественный *колачь*, *куличь* и *кулика* (ср. выше), а въ нравственномъ смыслѣ *кулака*, подобно всякому *кривому*, значитъ плута, криводушнаго. Если въ память изгнаннаго Перуна и его брошенной палицы, исторически извѣстно, совершались на мосту черезъ рѣку или по ледяному мосту драки стѣнокъ палицами или кіями, до смертоносной борьбы, то нѣтъ ничего удивительнаго, что кулачный бой вызванъ также соотвѣтственными своими языческими образами, чертами обряда и именами его существенныхъ принадлежностей. Одинаковыя нактія и внушенія, идущія изстари и, послѣдовательно повторявшіяся, породили въ нашей исторіи цѣлый особый слой изъ народа, *борцовъ*: но *борцы* съ ихъ *борьбою* и особыми условіями (ср. статью нашего покойнаго друга И. В. Бѣляева), наслѣдуя богатырямъ, также относятся къ *боямъ*, какъ *богатыри* къ *дружинамъ* или лицамъ прочихъ пѣсней, какъ *эпосъ* къ прочему пѣснотворчеству и обрядамъ. Послѣ эпоса богатырскаго, имена и дѣянія знаменитѣйшихъ борцовъ сосредоточены въ Москвѣ въ эпохѣ Грознаго и воспѣты тогдашними Былинами (замѣтимъ, что одинъ типъ изъ нихъ постоянно является „хроменькимъ“). Если же Былины Московскія и ихъ герои продолжали собою такія же точно Былины о богатыряхъ-борцахъ Новгородскихъ, которые и самъ на самъ, и стѣнками, отличаются въ эпосѣ около Буслаева, то съ другой стороны до нашихъ дней безпрестанно оживала въ Москвѣ исторія побѣжденнаго Кастрюка въ разсказахъ о разныхъ иностранцахъ, то Англичанахъ, то Нѣмцахъ, будто бы пріѣзжавшихъ нарочно бороться съ Русскимъ и также точно побитыхъ. По мѣрѣ запрещеній среди города Москвы, борцы и стѣнки боевъ удалялись на окраины: въ старину на Дорогомилово и Ваганьково, позднѣе подъ Даниловo, а нынче на края, куда къ полю выдвинуты фабрики. Но замѣчательно, что еще въ наше время классическимъ урочищемъ сихъ боевъ постоянно служилъ *Бабій городокъ*, при *Москвѣ-рѣкѣ*, на которой дрались, вытѣсняя побѣжденную стѣнку на тотъ или другой берегъ: нечего прибавлять, къ какому лицу, къ какой Бабѣ восходитъ происхожденіе и названіе сего урочища, почему оно существовало, какъ и до сихъ поръ существуетъ, при рѣкѣ, и почему здѣсь долго держались бои своего стараго, обряднаго мѣста. Мы сами еще въ дѣтствѣ бывали здѣсь свидѣтелями и богатырскихъ по истинѣ, и ужасныхъ сценъ.

Все это, къ чему постепенно перешли мы, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе, мотивируется „проводами,“ и дѣйствительно переходитъ къ послѣднимъ днямъ Масляницы, приглашая и насъ проводить ее послѣднимъ возможнымъ разъясненіемъ. Вся Масляница въ обширномъ значеніи, какъ убѣдились мы, есть собственно „проводы;“ къ концу ея, съ послѣдними днями и еще больше днемъ заключительнымъ, значеніе это усиливается и преимуществуетъ; проводивши и оглянувшись назадъ, еще рѣшительнѣе останавливаются на представленіи, что вся задача и состояла именно въ проводахъ. „Провожающая“ по улицѣ и площади свита вмѣстѣ съ тѣмъ „выпроваживаетъ“ гостью и остается за тѣмъ свободна: это примѣняется къ богинѣ и спутникамъ ея, къ образамъ ея и кумирамъ, къ служителямъ, ко всѣмъ участвующимъ лицамъ, къ представленію праздника, къ самимъ днямъ. Дѣйствительно, Масляница, или, за общимъ именемъ ея, Великая Матерь спроваживаетъ сперва „дѣда,“ потомъ собственнаго провожатаго, болѣе юнаго, доводитъ до костра, и наконецъ должна сама испытать ту же самую участь: гдѣ она представляется соломеннымъ или деревяннымъ кумиромъ, тамъ, прошедши съ нею вдоль улицы, площади, села, города, выносятъ или вывозятъ за рубежъ, на просторъ и — сожигаютъ. У большей части Славянъ этотъ обрядъ, о коемъ мы говорили еще прежде, приходится *весною* и, подъ разными именами, толкуется обычно проводами зимы или смерти, встрѣчею весны или жизни: точно, какъ вездѣ, и тутъ есть „примѣненіе“ ко временамъ года, къ физическимъ условіямъ, отъ коихъ никогда нельзя оторваться; собственное же, коренное значеніе выше и духовнѣе, именно относится къ миѳологіи, космогоніи и ѳеогоніи. Но, какъ у прочихъ Славянъ, и Западныхъ, и особенно Южныхъ, въ Мартѣ уже наступаетъ весна, и часто во всей силѣ, а у насъ напротивъ въ Мартѣ, и тѣмъ больше въ Февралѣ по старому стилю, когда приходится Масляница, не видно еще почти никакихъ ея признаковъ; между тѣмъ у насъ же, по преимуществу православныхъ, наступающій въ слѣдъ за Масляницей строгій Великій Постъ, во весь Мартъ и часть Апрѣля, не допускаетъ уже многихъ языческихъ воспоминаній, ни даже разноцвѣтныхъ народныхъ образовъ, ни даже пѣсней, кои откликнулись бы природѣ: отсюда у насъ нѣтъ въ Масляницу никакихъ отношеній *къ Веснѣ*, нѣтъ представленія и ожиданія никакой новой *Встрѣчи* или, что то же по Славянски, никакой надежды на *новое Счастье* (и *лѣто*) впереди, а потому спѣшатъ какъ можно веселѣе провести Масляницу, проводы ея выражаются ярче, пустота, ею оставляемая по отходѣ, чувствительнѣе, скорбь по ней и уныніе глубже, утрата ея незамѣнимѣе. Отъ того не только прочіе Славяне, болѣе далекіе, но и ближе Малоруссы, и даже Бѣлоруссы далеко не такъ чувствительно „прощаются“ съ Масляницей, относятся къ ея отбытію равнодушнѣе, по кончинѣ ея утѣшаются встрѣчею весны; у нихъ это не конецъ, а начало, встрѣча грядущему: и это существенное отличіе, такъ что самый обрядъ сжигаемой куклы относится у нихъ уже не ко днямъ Масляницы, какъ у насъ, а къ числу первыхъ весеннихъ праздниковъ. Исключеніе только въ „Запустахъ“ Польскихъ, которые праздновались нѣкогда весьма роскошно: но роскошь эта большею частію была не народная и не Славянская, а занятая изъ Западнаго карнавала; карнавальные цвѣты и букеты Юга не совсѣмъ гармонировали съ Сѣверомъ Польскимъ. На оборотъ, по нашему климату и обряду православнаго поста, вынужденные, такъ сказать, разсѣчь Масляницу на двѣ стороны и праздновать изъ нихъ лишь одну — проводы и утрату, мы вынуждены послѣ поста и съ наступленіемъ нашей весны *снова* начинать празднованіе другой *стороны*, и вотъ почему съ Великаго-дня зачинаемъ *весенніе* праздники и обряды, дѣлаемъ — въ большей части областей — *вторичную куклу* (кострому), камышевую, соломенную, деревянную, сожигаемъ ее, примѣняемъ *къ веснѣ*, въ концѣ Апрѣля, въ Маѣ и даже въ Іюнѣ, сочетаемъ въ супружество *Семикъ* свой съ Масляницею, и т. д. Тогда какъ у прочихъ Славянъ, даже отчасти Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ, это все одинъ актъ одного весенняго времени, слегка только прорѣзанный не совсѣмъ строгимъ постомъ, у насъ явленіе это дѣлится и послѣ возобновляется, двоятся и черты нашего обряда, сравнительно съ другими соплеменниками. Такъ сжигаемый кумиръ богини и бережно хранимый или свято чтимый *пепелъ* послѣ

сожженія, бросаемый часто въ воду—какъ новая жертва священнымъ, вскрывшимся уже, рѣкамъ и источникамъ, вообще у Славянъ въ древности и нынче частнѣе у Южныхъ или отчасти Западныхъ, все это, совершаемое весною, отвело мысль къ пеплу и праху предковъ: отсюда общія Славянамъ Радуницы и всякіе поминки, „Родительскія." И у насъ это имѣетъ мѣсто въ свое время, въ „нашу" весну: но, кромѣ того, гдѣ у насъ Масляница получаетъ видимый образъ, тамъ она своимъ чередомъ сожигается, *пепелъ* развѣвается или зарывается, или сама она, безъ надежды воскресенія, погребается въ могилѣ. Отсюда у православныхъ, особенно Русскихъ Славянъ, не извѣстная другимъ Славянамъ, Западнымъ, примѣняется къ сему пеплу „четвертая родительская (ср. выше)" въ самомъ началѣ Масляницы, въ субботу предъ сырной недѣлей. У Поляковъ же, по вліянію крайняго Сѣвера, наиболѣе имъ сроднаго, а также по вліянію суроваго нѣкогда поста, возникло особое учрежденіе „Попельца," примѣненнаго впрочемъ не столько къ поминкамъ родителей, сколько къ воззрѣніямъ католическимъ, къ воспоминанію ветхозавѣтнаго посыпанія главы пепломъ и къ разной практикѣ постнаго раскаянія. У насъ, гдѣ даже нѣтъ видимаго сожженія и не осталось отъ Клады никакого пепла, даже тѣмъ болѣе, ибо народному взору не видно, изъ какого же пепла можетъ возродиться сѣмя новой жизни, у насъ по преимуществу господствуетъ представленіе „проводовъ, утраты, смерти, безнадежности," не оживляемое образомъ близкой или наступившей весны: поѣздъ, какъ ни торжественъ, все-таки выѣзжаетъ вонъ, за извѣстный рубежъ; тамъ всему конецъ, тамъ прощаются съ Масляницей.

Одинъ изъ Русскихъ способовъ *сожженія* Масляницы или, лучше, видовъ ея празднованія, особенно замѣчателенъ. — Выше (стр. 45) было бѣгло замѣчено, что греч. φω-ς, φαο-ς, „свѣтъ," такъ какъ всѣ Славяне давно не любятъ звука *ф* и постоянно почти обращаютъ его въ *хв*, является у насъ прямо какъ *хво-я, хво-й*, разрядъ деревьевъ смолистыхъ, по преимуществу назначаемыхъ для горѣнія и свѣта. Другое отличіе сихъ деревьевъ, иглы ихъ, колючки или спицы, обозначаются у насъ въ другомъ словѣ, которое даже по окончанію (суффиксу) равно греческому, *хво-с-тъ* (хвос- греч. φως), *хвостьё, хоб-отъ, у-хоботье* (греч. φωτος и прочее склоненіе съ тѣмъ же окончаніемъ). Еще далѣе, съ извѣстною перегласовкой *с* въ *р*, имѣется у насъ *хво-р*, въ словѣ *хво-р-ос-тъ, хворостина*, откуда, по нашему Московскому и господствующему Бѣлорусскому произношенію, *хварасина* или *фарасина* (такъ произносится Бѣлорусское *хворосина* и *форосина*), у насъ *хварôсъ* (такъ произносятъ въ народѣ *хворостъ*), и это точь въ точь равняется греческому, преимущественно Малоазіатскому,—φαρος, *фаросъ*, маякъ. Значеніе *хвойныхъ* деревьевъ и *хвороста* въ миѳѣ, обрядахъ и кострахъ Купалы или Кубелы нами достаточно опредѣлено уже выше. Начиная съ Иды и мѣсторожденія богини, вся Фригія и большая часть Малой Азіи съ ея пригорками, особенно же выдающіеся утесы ея съ мысами на побережьѣ близь корабельныхъ стоянокъ, покрывались въ честь Кубелы зажженными кострами изъ этой самой хвои или, что̀ то же, изъ хвороста: такъ перешли они въ значеніе маяковъ и малоазіатскіе фаросы послужили типомъ сего благодѣтельнаго для кораблей учрежденія. Тѣ же названія и народные образы перешли, естественно, къ типическому *кораблю* Фригійской богини и его мачтѣ или кормѣ: здѣсь и въ плаваніи горѣлъ свѣточь для пути морскаго. Отсюда извѣстныя явленія сверхъестественнаго свѣта на верху мачтъ по разсказамъ моряковъ; отсюда въ эпосѣ народномъ *очи* у кораблей, а въ нашихъ былинахъ обыкновенный, вставленный въ корму, носъ или мачту *тиронъ* или тому подобный самоцвѣтный камень, свѣтящій яркимъ свѣтомъ; отсюда, въ помянутыхъ сказаніяхъ, у Сербскаго царя „солнце" на длинномъ шестѣ, „кусокъ сала" на шестѣ волочобниковъ, „звѣзда" у Колядниковъ и т. п.; самое имя Кубелы перешло у Грековъ и Латинянъ въ имя корабля, кормы, руля, кормчихъ (κυβερ-ναω, κυβερ-νητης, guber-nare, guber-naculum, наше церковнославянское *коубара*—корабль, и т. п., ср. ниже особую статью). До какой степени непререкаемо родство сихъ образовъ, приведемъ еще нѣсколько мелочей. Такъ, отъ того же корня φα- или φω- греческое φακελος (у насъ факелъ, свѣточь) значитъ собственно вязка хворосту или хвойныхъ

дровъ (значеніе на оборотъ нашему); φανερος, свѣтящійся, перешло у Славянъ въ фонарь, а въ Царьградѣ въ названіе „Фанары (откуда Фанаріоты),“ прибрежнаго квартала при корабельныхъ стоянкахъ и маякахъ. Такъ Φαραξ или Χαραξ и Φαρος перешло въ собственное имя знаменитыхъ греческихъ корабельныхъ кормчихъ, между прочимъ въ имя эпическаго Менелаева кормчаго, по которому, говоритъ преданіе, названъ извѣстный маленькій островъ Египетской Александріи съ его знаменитымъ маякомъ и со служеніемъ Изидѣ въ папирусѣ; самые служители Изиды именовались тѣмъ же названіемъ Фаросовъ, т. е. свѣщниковъ, маячниковъ, костерьниковъ и корабельщиковъ. У Нѣмцевъ, еще разительнѣе, перешло это слово, означающее вмѣстѣ ѣзду—и по преимуществу морскую, плаваніе (fahren, Fahrt), — въ имя *цвѣта* и *свѣта папоротника*, даже въ простѣйшее имя папоротникова растенія,—Farn- Farrenkraut (ср. Leuchtfeuer—маякъ, Leucht-wurm—иначе Johannis-wurm свѣтлякъ, Ивановскій—Купальскій червякъ). — Съ другой стороны у Грековъ φαρος означалъ также полотно корабельное для вѣтрилъ: это наше древнее *пр-ѣ* (въ первобытной формѣ), всегдашнее *парусъ* (самое *па-пирусъ* и *па-пороть, па-поротникъ*, очевидно того же корня съ удвоеніемъ *па-фа-хва*).—По тому же самому, какъ кусокъ полотна, у Грековъ φαρος означало и сорочку на мертвеца (ср. ниже связь нашей *срач-ицы* съ греч. σαρξ, „тѣло“), и, какъ широкое покрывало изъ нѣсколькихъ локтей холста (а позднѣе и другой матеріи), употреблялось а) извѣстною одеждою безъ рукавовъ, у мужчинъ и женщинъ, по нашему *ферясь, ферязь*, б) покрываломъ головнымъ, при переходѣ дѣвицъ въ замужнихъ (лексикографы Нѣмецкіе, не понявъ, толкуютъ это „шапочкою“), — это наша *фа-та*, гдѣ снова возстановляется основной корень (φα, φω-ς, φωτος; ср. еще ниже). — Наконецъ не можемъ забыть, что самое имя „Fasti, Festum, Fest, Постъ,“ какъ нами уже указано, относится къ тому же корню *фа-* и мы невольно поражаемся убѣдительнѣйшимъ фактомъ, когда для Масляницы или Карнавала встрѣчаемъ древнее Нѣмецкое *Fasching* (Fastning; Fastnacht), а рядомъ *Faschine*, хворостъ, вязанка прутьевъ.—Послѣ всего этого, хотя и бѣглаго, понятенъ намъ обрядъ сожиганія Масляницы, извѣстный по среднимъ Великорусскимъ губерніямъ, особенно къ Сѣверо-востоку отъ Москвы, до Ярославля и Нижняго Новгорода (всего ближе—въ 45 верстахъ по Рогачевкѣ и съ другой стороны въ Суздальщинѣ): за рубежомъ деревни или села, въ открытомъ полѣ, водружаютъ высокій шестъ, какъ мачту, а на нёмъ навязываютъ пукъ соломы, или, гдѣ это болѣе развито, *три шеста* (ср. выше значеніе здѣсь тройки), чрезвычайно высокихъ, сосновыхъ или елóвыхъ три бревна, между которыми, на самой верхушкѣ, крѣпко провязываютъ и переплетаютъ, соломенными жгутами или вязками изъ прутьевъ, огромные пучки соломы; въ послѣдній день Масляницы эту солому зажигаютъ и она горитъ до полночи; какбы огромный пламенный щитъ или ночное солнце, этотъ маякъ далеко, на десятки верстъ, освѣщаетъ окрестности, черезъ лѣса и поля, а изъ окрестныхъ селеній долго-долго смотрятъ на ближайшее центральное мѣсто, гдѣ это происходитъ, гуляютъ, сидятъ передъ домами, провожая взоромъ постепенно утухающій свѣтъ и съ нимъ вмѣстѣ широкую Масляницу. Такихъ маяковъ въ Суздальщинѣ приходится, бывало, какъ видали мы, по крайности одинъ на каждый квадратный пятокъ верстъ.

Чѣмъ менѣе видимыхъ, осязательныхъ образовъ древняго божества, тѣмъ болѣе характеръ обряда переходитъ на самихъ *людей*, его участниковъ, на *дни* его, даже на отвлеченное его *понятіе*. Такъ, естественно, послѣдній день Масляницы всего болѣе есть и называется *Проводы, Прощанье, Прощальный* или *Прощёный* день, *Цѣловальникъ* или *Цѣловникъ*. Самые концы и рубежи нашихъ улицъ, селеній и городовъ, а потомъ питейные дома въ сихъ урочищахъ, получили во многихъ мѣстахъ имена—*Проводы, Поклонъ, Прощай*; самое названіе *цѣловальниковъ*, за прилавкомъ питейнаго дома, сколько относится къ „присяжнымъ“ продавцамъ (цѣловавшихъ крестъ передъ общиной и властью), такъ примѣняется отчасти къ прощальнымъ поцѣлуямъ. Но мы видѣли также, и это извѣстно у насъ повсюду, что тѣ же самыя представленія и имена простираются на *всю* Масляницу: всѣ дни собственно суть ея „проводы,“ когда ее „провожаютъ“ или „проводятъ (отвле-

ченно—провести праздникъ, день, время);" всѣ дни „прощаются" съ нею и другъ со другомъ, „прощаютъ" ее — высвобождаютъ или отъ нея высвобождаются, „прощаютъ" и другъ друга; всѣ дни одинаково „прощёные." „Цѣлованье," связанное нынче съ однимъ „поцѣлуемъ устъ," есть собственно всякое привѣтствіе при встрѣчѣ и разлукѣ, есть то же что „здравствуй" и „прощай" вмѣстѣ, одинаково въ обоихъ случаяхъ желаетъ цѣлости и здравія (отсюда исцѣляемые — „прощенники"), а по связи представленій въ корнѣ Славянскомъ, означаетъ и „цѣль," конецъ, и цѣлью завершаемое „цѣлое." „Простъ" и „Просто," мы видѣли уже, въ основѣ означало торжество, возводилось происхожденіемъ къ Великой богинѣ и любимцу ея или сыну Либеру, торжество свободы, цѣлости и всѣхъ благъ, тѣмъ достигаемыхъ; оно простиралось сперва на всѣхъ, вкусившихъ божескаго вліянія и праздника, на присныхъ служителей, потомъ на тѣхъ, кто еще симъ не пользовался,—варваровъ, плѣнныхъ, узниковъ, рабовъ, болящихъ, одержимыхъ зломъ или недугомъ; исцѣленные, пущеники и пущеницы, прощеники, и прощеницы, также переходили въ присяжныхъ служителей праздника и примыкали къ его свитѣ, постепенно ее увеличивая. Симъ путемъ сложилось „Прощенье," обратившееся на прощаемыхъ, а за тѣмъ „Прощанье"—и другъ со другомъ, и со всѣми, и со днями праздника, и съ самимъ праздникомъ, и божествомъ его. Подъ вліяніемъ христіанскихъ началъ, вся постепенность представленій мало по малу окрѣпла въ нравственное и отвлеченное понятіе: это —освобожденіе отъ зла и грѣха, въ себѣ самихъ и въ другихъ, исцѣленіе отъ язвъ грѣховныхъ, очищеніе отъ язычества; избавленіе отъ самой Масляницы, суеты ея и проступковъ; переходъ къ посту, раскаянію, чистотѣ, здравію и цѣлости душъ. Православіе съ его строгимъ Великимъ Постомъ усугубило силу сего понятія: извѣстны свидѣтельства древности, иностранцевъ, насъ посѣщавшихъ, и факты нынѣшняго времени, какъ обширно, глубоко, сильно примѣнялись и примѣняются у насъ, въ заключеніе всего, эти прощенья и прощанья, поцѣлуя, поклоны въ ноги, не только старшимъ, но всѣмъ слугамъ и даже дѣтямъ, униженныя мольбы о примиреніи, смиренныя признанія въ грѣхѣ, объятія и слезы. За „поѣздомъ" и „катаньями" Масляницы вечеромъ послѣдняго дня въ дѣйствительности начинается поразительный, рѣзкій переходъ,—разъѣздъ по домамъ: все схлынетъ, все усядется, уляжется, успокоится. Звукъ колоколовъ въ полночь, возвѣщающій постъ у католиковъ, болѣе театраленъ, но далеко не имѣетъ или не замѣняетъ нашего характера и впечатлѣнія, и разительнаго, потрясающаго, и вмѣстѣ задушевнаго, искренняго, мягкаго, теплаго.

Теперь, съ наступленіемъ поста, остается доживать и добивать *остатки* Масляницы, и въ семъ случаѣ уберёглось отъ старины также нѣсколько любопытныхъ чертъ. — Всякія, нетронутыя или недоѣденныя, кушанья отъ Масляницы, съ рыбнымъ, яичнымъ, сырнымъ, молочнымъ и коровьимъ маслянымъ, все это послѣ уже „скоромъ," въ смыслѣ соблазнительнаго, вреднаго и запретнаго (ср. выше): того же у насъ корня „кромѣшній," темный и мрачный, адскій и геенскій, хотя нѣкогда весьма приманчивый; отсюда и Веселые „скоморохи" назывались у нас „кромѣшниками," а при Иванѣ, въ подобномъ значеніи кутежа и послѣдовавшаго омерзѣнія, „опричники," „кромѣ и опричь" правильной, цѣльной жизни. Весь, говоримъ, скоромъ съ наступленіемъ поста именуется у насъ, особенно въ областяхъ по Волгѣ, *хлѣбомъ поганымъ*, т. е. языческимъ (paganus), и отдается, гдѣ есть такіе сосѣди, восточникамъ и кочевникамъ, Татарамъ, Калмыкамъ и прочимъ „варварамъ," „кромѣшникамъ," чуждымъ нашей исторической народной жизни, а за просто повсюду выбрасывается собакамъ и кошкамъ (почему въ послѣдніе дни Масляницы на..луютъ гостей доѣдать, по той причинѣ, что „все равно, выбросимъ же иначе собакамъ").—Первые дни поста, когда еще воспоминается и отчасти иногда оживаетъ обликъ Масляницы, называются *Тужилкою по Масляницѣ*, послѣдними скорбными ея проводами: вся Суздальская и еще больше Ростовская область этимъ искони славилась, а когда, не безъ вліянія старыхъ обычаевъ, въ Ростовѣ утвердилась на первой недѣлѣ поста ярмарка, тамъ Тужилка держится съ разгуломъ и даже пѣснями доселѣ. Вообще же, какъ замолкаютъ всѣ пѣсни (постомъ начинаются у насъ Стихи), такъ особенно пресѣкаются кушанья масля-

ницы, и изъ нихъ только воспоминаніе Θедора Тирона выводитъ снова на сцену предъ-колядную „Кутью,“ да „поновляются“ блины, съ постнымъ уже масломъ, въ субботу первой недѣли („поновленіе“ указываетъ опять на религіозный характеръ Масляницы, ибо, и съ наступленіемъ христіанства, въ церкви „поновляются“ только праздники великіе, на примѣръ „Воскресенье“ или „Великъ-день“ въ послѣдующихъ недѣляхъ съ Θоминой; народнымъ же „проводамъ“ въ церкви отвѣчаетъ „отданіе,“ а „встрѣчѣ“ праздника „вечерня съ канономъ“).—За то весьма сильно еще продолжаетъ дѣйствовать *вино*: и естественно, ибо это даръ юнаго спутника, сына или преемника Масляницы, коему послѣ Бабушки или Великой Матери принадлежитъ вся будущность (въ нѣкоторыхъ языкахъ описательно бабушка изображается, какъ извѣстно, „Великой“ или „Большой“ матушкой). Это связывается у насъ съ естественной потребностью такъ называемаго „по-хмѣлья,“ которое словообразованіемъ и значеніемъ близко къ „по-кладамъ,“ „по-кутѣ,“ и т. п. Питье на первой недѣлѣ поста сопровождается у народа опять прощаемъ, поцѣлуемъ и желаніемъ здравія отбывшей или отбытой Масляницѣ.—Технически это именуется еще *Полосканьемъ ртовъ*: оно выставляетъ нынче предлогъ очищенія отъ скверны, но употребляя для сей цѣли *вино*, а еще чаще, у трезвыхъ, *воду* (утромъ въ „чистый понедѣльникъ“ большая часть простонародья полощетъ водою ротъ), полосканье обрядное отводитъ насъ снова къ исконнымъ представленіемъ древности. Появленіе въ язычествѣ женской половины божества, сперва Праматери, потомъ смѣнившей ее Великой матери и просто Матери, всегда и вездѣ ознаменовывалось представленіями влаги и воды, а во внѣшности выражалось самимъ образомъ богини подъ видомъ *рыбы*, священными *озерами*, *прудами* и *рѣками* при святилищѣ со священными рыбами, *названіями рѣкъ*, посвященныхъ богинѣ и съ нею отожествлявшихся (каковы Рея, наша Ра, Волга и т. п.), особыми водоемами или *банями*, гдѣ *купались* въ честь богини (отчего купанье связалось и съ именемъ Купалы), купали или крестили (погружали и возставляли) божича, обновлялись въ службу ему и т. д.—*Щука*, подъ образомъ которой (изъ Бѣла-озера) въ нашей древнейшей „Славѣ“ воспѣвается появленіе Коляды, щука, священная и любимая многимъ древнимъ, а Евреямъ особенно, Полякамъ и Бѣлоруссамъ понынѣ, эта послѣдующая извѣстная симпатія для излѣченія отъ Лихорадокъ (стоитъ на нее подольше посмотрѣть, чтобы исцѣлиться), а старше очевидно служившая символомъ главной предводительницы женской свиты, Купалы и Пятницы, вообще же *Рыба*, вопреки понятію о воздержаніи начинающагося поста съ одной стороны, а съ другой стороны вопреки прочему употребленію яицъ, молока и масла, проплыла въ Масляницу и проплываетъ все ея теченье главнымъ яствомъ стола; она даже, очевидно изъ той же Масляницы, вплыла въ кушанья нашихъ постовъ, хотя Великій Постъ, разъ „ополоскавшись,“ старается у народа воздержаться отъ сей соблазнительной гостьи; къ сожалѣнію, черезъ тотъ же „плескъ“ и черезъ то же „полосканье,“ какъ родную себѣ стихію, рыба послѣ первой недѣли поста юркнула въ остальныя.—Еще больше, по названію и смыслу, наше *ба-ня* связана съ ба-бо-ю (*ба-ба* удвоенный корень *ба*): бабы встрѣчали и встрѣчаютъ у народа „молодую“ въ банѣ, онѣ „правятъ животы“ и, завѣдуя жизнію, *бабили* и *бабятъ* доселѣ въ баняхъ, принимая и повивая новорожденныхъ; первая *купель* въ ихъ завѣдываніи, и нечего прибавлять, что такова же во всемъ язычествѣ была роль Великой Матери, этой *Бабы* по преимуществу, какъ она у насъ называлась и изображалась (съ каменныхъ бабъ при символѣ таза и купели, до Купалы и Пятницы). Древнее святилище Купалы называется у Бѣлоруссовъ, мы видѣли, „лазнею,“ и „лазнею“ же именуется у нихъ простая нынѣшняя баня. Если привычкою „лазить“ въ разожженную печь для парки, Славяне, особенно Русскіе, отражали на себѣ самихъ воспоминаніе о раскаленныхъ жертвенныхъ печахъ втораго, озлобленнаго бога, Кроноса, Сатурна или Дажь-бога, то участіе при семъ воды и парки паромъ знаменовало уже переходъ къ вліяніямъ Великой Матери. Не сомнѣваемся, что „Парка“ или „Парки“ изъ древней свиты богини, повторяющіяся подъ своимъ соотвѣтственнымъ именемъ при богинѣ нашей (Парка—Рожаница, главная; Парки—Рожаницы спутницы; Родъ и Рожаница — Иванъ и Купала), совершенно сходятся

съ нашею „паркой“ и „парками“ въ парной банѣ, такъ точно, какъ *pario*, рожаю, съ нашимъ *парю* въ древнѣйшемъ мѣстѣ родовъ, въ парной банѣ; самое *парень*, по Славянскимъ нарѣчіямъ „молодецъ, млодзенецъ, дѣтина, дѣтя“ и т. п., прежде чѣмъ означить чету или пару для дѣвушки, означалъ новорожденнаго, младенца, а въ немъ первоначально божича. Какъ бы то ни было, только „лазня,“ удержавшая свое древнее именованіе въ связи со святилищемъ, а у насъ „парная баня,“ служитъ постоянно, у Бѣлоруссовъ и у насъ, входомъ въ праздникъ, и столько же выходомъ изъ него: Купала начинается и сопровождается симъ омовеніемъ, Коляда то же, то же и съ Масляницей. На первыхъ же дняхъ послѣ Сырной и всю Первую недѣлю, непремѣнно идутъ у насъ въ баню, топятъ ее жарче, чѣмъ въ другое время, и какъ можно больше поддаютъ пару, чтобъ париться. Это совершенно сходится съ помянутымъ полосканьемъ: и, какъ въ томъ дѣйствуетъ представленіе прощанья, разлуки, скорбныхъ воспоминаній (самое *полоск—полок—плак—*плакать; древне Чешское народное „выплакавши“ то же, что „выполоскавши“), такъ первымъ дѣломъ считается у многихъ „выпроводитъ изъ бани честную Масляницу,“ тутъ-то и прощаются съ ней окончательно, и пьютъ на прощаньѣ. Въ бытовомъ же значеніи, разумѣется, здѣсь главное—очиститься отъ физическихъ грѣховъ Масляницы, пропотѣть и реставрироваться послѣ ѣзды, льду, снѣгу, излишествъ, хлопотъ.—Замѣчательно, что въ баняхъ же, у ихнихъ служителей, какъ привилегія на подарки деньгами, въ теченіе всей Масляницы по Москвѣ доселѣ устраивается народное изображеніе праздника: большой пряникъ съ сусальнымъ золотомъ на верху, по немъ горы, катанья, качели, коньки и т. д. (посѣтители бани кладутъ на пряникъ деньги симъ, очевидно привилегированнымъ, служителямъ Масляницы). Это то же, что „на нашу“ или „на поднос бабкамъ повитушкамъ.“ Съ симъ тѣсно связанъ распространенный у насъ обычай: на Масляницѣ кумовья и кумы носятъ другъ другу въ подарокъ большіе *пряники и куски мыла.*

Наконецъ, за отбытіемъ Масляницы, то, что̀ собственно она оставляетъ на себѣ въ опредѣленномъ лицѣ,—это дитя, мальчикъ, новорожденный божичь: ему-то смѣнить, а возраснши и развившись, со временемъ замѣнить мать свою, при Купалѣ же явиться юнымъ ея спутникомъ или женихомъ ея дочери дѣвушки. Но, пока этого не случится, мальчикъ, мы видѣли, явственно чувствуется при поѣздахъ матери и даетъ важную роль въ праздникѣ дѣтямъ. Дѣйствительно, только въ Семикъ, соединяемый съ Масляницею и собственно разорванный отъ нея лишь нашимъ климатомъ да постомъ, *только въ Семикъ и въ Масляницу* уступается важное участіе въ праздникѣ и во всемъ обрядѣ *дѣтямъ*: у нихъ для того есть въ обоихъ случаяхъ особыя обрядныя *пѣсни* (ср. наше изданіе „Дѣтскихъ пѣсней“). Тѣмъ больше, послѣ проводовъ Масляницы, на первой и главной сценѣ, съ обрядомъ и пѣснею, являются дѣти: на нихъ и ими все повершается. Во многихъ мѣстахъ, въ чистый понедѣльникъ, иначе „попельникъ“ и „попелецъ“, мальчики, и исключительно уже *они одни*, снова повторяютъ былой поѣздъ и проводы Масляницы. Кучею, набравши сковородъ, ухватовъ, кочерегъ, битыхъ горшковъ (послѣдніе одинаково провожаютъ и „молодую“ изъ бани послѣ свадьбы), устраиваютъ они опять соломенную или ветошную куклу въ тряпочкахъ и разныхъ уборахъ, съ нею—подобно конику или коньку въ Пруссіи—являются передъ дома хозяевъ за подачками, обошедши уносятъ ее за рубежь, сжигаютъ, погребаютъ или просто бросаютъ куклу, и все это сопровождаютъ знаменательною, крайне древнею пѣснею (ср. наше изданіе), гдѣ съ насмѣшками, свойственными возрасту и роли, вспоминаютъ: какъ „меньшаго братца“ Масляницы, ея любовника, убили, какъ его гдѣ попало схоронили, и некому поплакать, только вездѣ отъ того масляничная кутерьма приключилась; какъ люди постъ Рожественъ пропряли, Святы вечеры (святки Коляды) проиграли, Масляницу всю прокатали; какъ Масляница дорогая пьетъ винцо зеленое, чарочка у ней поплывушка, всѣхъ она гостей напоила, а сама полегла спать со кручины, со кручины по „меньшемъ братцѣ (замѣчательно, что любовника въ простонародьѣ до ихъ поръ всегда любятъ выдавать за братца);“ какъ спать-ночевать пришлось уже ей, подъ постъ, за рубежомъ, „на болотцѣ,“ гдѣ обычно витаетъ нечистый,

подъ кустомъ на дорожкѣ; какъ одни лишь вѣрные ея служители, скоморошки, посѣтили ея могилу, по обычаю сдѣлали гудочки и въ честь-память ея загудѣли. Но, кончаютъ, „Вы гудки не гудите, Масляницу вы не будите:“ спать ей долго, черезъ весь постъ, до просыпу весны и до Семика, съ коимъ снова она сольется, до рубежа, перешедшаго у насъ, по той-же причинѣ древнихъ представленій, въ общую пословицу—„Спи до Семика!“

*

Малороссы, не столько по племеннымъ особенностямъ, сколько по преданіямъ, оставшимся отъ былаго, „нашего“ населенія въ теперешней Малороссіи, представляютъ въ праздновании Масляницы переходъ къ Бѣлорусамъ. Отношеніе къ Колядѣ и воспоминаніе древней Клады выражается здѣсь нагляднымъ, громадной важности, образомъ и обрядомъ: паробкамъ и дѣвушкамъ, если они не успѣли и не умѣли сочетаться въ предшествующія недѣли „Свадебъ,“ въ наказаніе за то и въ честь „Матери“ или ея „молодокъ,“ навазываютъ или надѣваютъ на ноги деревянную *Колодку* (ср. выше „баднякъ“ и „колодки“ Литовцевъ), какъ ярмо супруговъ, какъ узу, отъ которой въ противномъ случаѣ разрѣшила бы ихъ узорѣшительница Великая Мать; колодку волочатъ съ причитаньями. Масляница, гдѣ ее изображаютъ, дѣлается также деревянная, женщина съ распущенными волосами и въ пестрой одеждѣ (какъ Пятница), иногда и другаго матеріала чучела; носятъ или возятъ на саняхъ съ пѣснями, по улицамъ и площадямъ; за рубежомъ сожигаютъ или бросаютъ въ воду. Болѣе равнодушное, чѣмъ у насъ, отношеніе къ кумиру выражается и поддерживается тѣмъ, что, во первыхъ, не предаваясь скорби глубокой при прощаньѣ, утѣшаютъ себя въ пѣсняхъ уже наступающею весною, какъ жизнію новою, а во вторыхъ тѣмъ, что наличные представители сей жизни, маленькіе хлопцы, ребята играютъ чуть не главную роль и къ самому поѣзду относятся насмѣшливо, даже ругательно, кидая въ него и въ куклу комками снѣгу. Потому же и самый обрядъ постепенно нынѣ слабѣетъ или совсѣмъ выводится. Катанье на саняхъ держится: но горы не изъ цѣлыхъ глыбъ льду, чего не позволяетъ и климатъ, а политые пригорки, и безъ разнообразія качелей, коньковъ; ими больше занимаются опять дѣти, устраивая изъ сего знакомые намъ городки, осаждая приступомъ, награждая побѣдителей орѣхами и пряниками. Въ употребленіи блины, а еще больше вареники: подобно Евреямъ древнимъ и нынѣшнимъ при „мацахъ,“ боятся оставлять ихъ недоѣденными,—память объ ихъ священномъ, жертвенномъ значеніи. За то отъ стола своего, какъ отъ древняго жертвеннаго, кормятъ въ обиліи цѣлую недѣлю нищихъ и убогихъ особенно „Калѣкъ Перехожихъ,“ древнихъ „дѣдовъ,“ представителей стараго предка или постылаго мужа Великой Матери, далѣе перешедшихъ со своимъ нищенствомъ въ ея пеструю свиту, еще позднѣе соименныхъ всѣмъ „родительскимъ душамъ,“ въ христіанствѣ пѣвцовъ священнаго Стиха, а наконецъ питомцевъ христіанскаго сострадания. Изъ провизіи больше всего играетъ роль связанный съ варениками и сырниками *сыръ*, соименникъ сырной недѣлѣ: его-то нельзя никакъ оставлять на постъ на губахъ и въ зубахъ, какъ чортову жертву и требу, а если оставить, то ее непремѣнно по частичкамъ вырвутъ послѣ черти съ самими зубами; чтобъ помѣшать тому, постомъ въ страхѣ вскакиваютъ иногда по ночамъ, нѣсколько разъ выполаскивая поганую требу. Но тотъ же сыръ, если кусочекъ его положить себѣ въ ротъ, въ послѣднюю полночь передъ постомъ, да сберечь за зубами отъ чертей, обратится въ талисманъ, коимъ можно добыть все, что угодно, отъ золота до любви,—такъ сильно его исконное „божественное“ происхожденіе очевидно, это совершенно то же, что знаменитый цвѣтъ папоротника въ Купалу, и божественный, и могучій, и властный надъ нечистыми, а въ то же время, по несчастью, имъ попавшій послѣ на долю въ руки, ими любимый и ревниво хранимый, усильно оберегаемый. Дѣло въ томъ, что сами нечистые постепенно выработались изъ чистыхъ и самыя вѣдьмы Купальскія сберегли страсть къ дарамъ свѣтлой богини, къ цвѣтамъ ея, травамъ, молоку, сыру, конямъ. Подтверждается, между прочимъ, лежащая въ корнѣ словъ связь

представленій, ибо *сыр-ъ*, усвоенный сырной недѣлѣ, какъ свѣтлой и праздничной, самъ цвѣтетъ, и горитъ огнемъ, и манитъ удальцовъ на богатырскій подвигъ (древнее *сур-* въ значеніи свѣта и блеска, въ имени богатырей; помянутое родство съ *сѣр-ымъ* и *сѣр-ою*, жупеломъ и пепеломъ; *сѣрый цвѣтъ* и т. п.). Если же берегутъ его, какъ священный даръ, *за зубами*, то мы не можемъ забыть того ужаснаго суевѣрія, по коему для подобныхъ же цѣлей отчаянные люди изъ простонародья сберегали во рту, какъ извѣстно, кусочекъ святыхъ даровъ. Между тѣмъ, попавши къ нечистымъ, онъ изображается во рту у нихъ *горящимъ углемъ* и такимъ образомъ снова сближается съ цвѣтомъ и огнемъ Купальскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, даръ Купалы, завернутый въ папоротникъ, какъ сѣмя лучшей жизни, какъ въ папирусѣ жизнь Изиды, какъ животворный пепелъ въ хартіи у Сербовъ, перешедши въ вѣдомство нечистыхъ, стережется ихъ злобою и препятствіями словно за зубами. Сама царица, въ видѣ златорогой турицы, представляется *за зубцами* стѣнъ, въ ихъ оградѣ (ср. при Купалѣ подобныя же черты).—„Кривой танецъ," нами не разъ поминавшійся и прямо относящійся къ остатку древнѣйшихъ образовъ или обрядовъ Масляницы, у Малороссовъ сопровождается пѣснями уже чисто-весенними, празднующими изгнаніе древняго, водвореніе новаго божества, при пособіи матери освобождающаго жизнь природы *).

*

Что касается до *Бѣлой Руси*, то, повторяемъ, для нея только и распространились мы о подробностяхъ „нашихъ," ибо безъ нихъ не было бы никакой ясности и ничего бы почти тамъ не понялъ. Положеніе ея въ настоящемъ случаѣ по преимуществу *отрицательное*, темное безъ нашего *положительнаго*. Сколько имѣется у нея скудныхъ средствъ истощеннаго быта, растратившись вся на Кутью и Коляду, Бѣлая Русь сравнительно даже съ Малороссіей оставляетъ своей Масляницѣ еще меньше яркихъ образовъ, меньше обрядовъ, игръ, пѣсней, народной обстановки и хозяйскаго довольства. Только ближайшія къ намъ мѣстности ея, юго-восточныя, сохранили кое въ чемъ родство съ нами, нѣкогда столь сильное, дѣлившееся богатымъ праздествомъ со всею Псковскою, Новгородскою, Тверскою и Смоленскою областью; только югъ ея нѣсколько оживаетъ нынче въ связяхъ съ племенемъ Малорусскимъ. Школярная виртуозность, внесенная въ Коляду, западный карнавалъ, пропитавшій собою Польскіе Запусты, но чуждый и недоступный простѣйшимъ слоямъ Бѣлорусскаго народа, климатъ болѣе умѣренный, безъ рѣзкостей, вызывающихъ нашу рѣзкость и развительность празднованія, склонъ къ близкой веснѣ, а вмѣстѣ тяга къ Велику дню и его Волочобнымъ, надежды на Пасхальное Свячёное по домамъ ополяченныхъ пановъ, отсутствіе строгости и даже извѣстный скоромъ въ постѣ католиковъ, смягчающій и индифферентирующій привычки православныхъ, все это, и многое другое вмѣстѣ, особенно при голодѣ, обычно наступающемъ въ Мартѣ, лишило Бѣлорусскую Масляницу всего крупнаго и яркаго, заставляя старыя черты ея только „угадывать по остаткамъ." И при этомъ нужно всегда помнить, что черты такого рода принадлежатъ все-таки по преимуществу мѣстностямъ юго-восточнымъ. — Недѣля именуется *Масляница*, по мѣстамъ—менѣе народно—*Сырна Нядзѣля* **), по вліянію Польскому *Запусты* — но только въ тѣсномъ смыслѣ „заговѣнья."—Кое-гдѣ, ближе къ намъ, *блины* и *аладзьи*, но общѣе *варѣникъ* съ начинкой и особенно *сыромъ*: *сыръ*, между прочимъ ове-

---

*) Одна изъ такихъ пѣсней породила великій соблазнъ нашимъ ученымъ: въ „Гавранъ матку кличе," по малорусскому произношенію, услыхали они *га-уранъ* и открыли въ нашей миѳологіи Урана. Но, какъ мы ни смѣялись надъ этимъ, еще при изданіи „Болгарскихъ пѣсней (1855 г.)," однако корень сихъ *словъ* едва ли не одинъ, да едва ли не дѣйствуетъ въ основѣ наглядность „криваго, согнутаго (corvus, curvus)." Разумѣется, отсюда еще далеко до сближенія *лица*, особенно такихъ, какъ *вранъ* и *Уранъ*.

**) Разумѣйте опять мягкое *т* и *д* за неимѣніемъ у насъ шрифта.—Обширный трудъ г. Носовича, изданіе Академіи, „Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія (СПБ. 1870)" до того бѣденъ всѣми народными чертами и словами, что въ немъ не найдете даже, примѣнительно къ нашему предмету, ни *масляницы*, ни *сырной недѣли*, ни самого *сыру*, ни *блиновъ* (есть *блинецъ*), ни *саней*; ни *начевъ—начовокъ*, ни *бѣса*; *паленичка* пишется *поленичка* и т. д.; то же и въ прочихъ чертахъ народныхъ, такъ что самый Словникъ Польскій Линде ближе въ семъ случаѣ къ Бѣлой Руси.

чій и козій, играютъ главную роль, чуть не больше Малороссіи. *Рыба* соленая почти не извѣстна, свѣжая растаскана страстными любителями Евреями, совсѣмъ отнявшими старую, въ обиліи расположенную „щуку“, или же она на просторѣ гуляетъ по рѣкамъ и озерамъ, ибо древнее рыболовство, коимъ славился край, совершенно упало, такъ что нѣтъ ни умѣнья для сего, ни снарядовъ, а варвары Евреи возятъ ее на торгъ даже лѣтомъ—безъ воды, на возу въ соломѣ. Только по Днѣпру въ семъ случаѣ вольготнѣе и богаче, да и то рыба достается „нашимъ,“ либо панамъ, либо тѣмъ же Евреямъ. — Неизмѣнное *вино* виднѣе всего на Масляницѣ; рѣже на ней, въ другихъ случаяхъ распространенное, пиво; но за то весьма употребителенъ *медъ*, въ сыромъ видѣ и напиткахъ. Изъ сластей *орѣхи*, *пряники* дороги и недоступны; замѣняетъ ихъ даже *конопель*, а еще употребительнѣе *макъ*. *Снѣгу*, особенно *льду* глыбами, естественно не дается большой роли, тѣмъ менѣе, чѣмъ больше начинаетъ таять: *горъ* въ нашемъ обширномъ смыслѣ вовсе нѣтъ; да и тѣ, какія есть, завѣдуются больше *дѣтьми*, весьма послѣдовательно и логично, сообразно преемству торжества и переходу его къ веснѣ (ср. выше). У нихъ-то въ ходу *коникъ*, но уже не въ томъ смыслѣ, какъ языческая кукла у западнѣйшихъ Славянъ и не вертящійся, какъ у насъ, по колесу или полозьямъ, а тотъ, чтó называется *конькомъ* и *коньками* для бѣганья по льду, для лыжъ по снѣгу и насту (и здѣсь еще новое звѣно цѣпи, по которой прадревній живой и послѣ деревянный конь перешелъ на снѣгъ въ полозья и своего рода санки). *Сани* и чаще *санки* Бѣлорусскія слишкомъ грубы и первичны, не развиты ни до нашей роскоши въ устройствѣ, отдѣлкѣ и украшеніяхъ, ни—еще менѣе—до нашей удалой тройки. Нѣтъ ни куклъ, погребаемыхъ или сожигаемыхъ, ни *поѣздовъ* ихнихъ въ какомъ либо видѣ, а отъ того ни саннаго *катанья*. Дѣло это, примѣнительно къ Масляницѣ, перешло опять въ дѣтскія *салажки* (саночки, то есть солазящія, слизящія, склизящія, скользящія). На нихъ-то дѣти, кое-какъ, по горкамъ, бугоркамъ, скатамъ и оврагамъ, природнымъ, или еще политымъ, потѣшаются катаньемъ, и здѣсь въ словѣ отзывается новая, въ сущности древнѣйшая, черта Масляницы, подтверждающая указанное нами родство корней *кат-*и *кач-*. Нашихъ *качелей*, явившихся первоначально по отношеніямъ къ *качкѣ* или *качалкѣ* божича, прототипа дѣтской игры, нынче нѣтъ на Бѣлорусской Масляницѣ: да онѣ и въ быту Бѣлорусскомъ почти забыты для игръ и распространяются въ болѣе обширномъ употребленіи по мѣрѣ движенія на западъ, къ средѣ Польской, вступая во всѣ права, хотя съ устройствомъ, отличнымъ отъ нашего, преимущественно съ границы Нѣмна (онѣ гораздо тамъ больше нашихъ, не ограничиваются доскою на веревкахъ, а представляютъ большое сѣдалище, движимое деревянными шестами, похоже на наши праздничныя, масляничныя качели, только больше и развитѣе механизмомъ). За то *качаться* у Бѣлоруссовъ, особенно дѣтей, значитъ именно *кататься* по масляничному, на саночкахъ или конькахъ; напротивъ *кататься* и *катать* почти неупотребительно въ рѣчи (изъ боязни сойтись съ *катомъ*, казнью, истязаніемъ и палачемъ), вообще же не означаетъ нашихъ поѣздовъ и катаній, напротивъ только значитъ опять скользить, рисковать равновѣсіемъ, зыблиться, рѣять въ воздухѣ, то есть *качаться*. Средній выводъ отсюда тотъ, что сани съ поѣздами затеряны или неразвиты, напротивъ ярче образъ качанья и качки, ярче въ имени и древнемъ значеніи слова, хотя самое дѣло не развито до искусныхъ качелей. Отсюда *качацься* или *качацьца* (качаться и валяться) „по лавкамъ *) или посцели,“ „по снѣгу, по вулицѣ,“ особенно „на саняхъ или салажкахъ,“ а еще больше „дзѣцямъ на ковзели“ по льду (ср. ниже). „Качается“ у нихъ и клубокъ, имѣющій такое важное значеніе въ объемѣ Купальскихъ образовъ, и дитя въ люлькѣ согласно древнѣйшему образу; какъ отъ носилокъ къ колесницѣ (ср. выше), такъ переходитъ это представленіе и къ тачкѣ, земляной тележкѣ, которая именуется *качка*. Но еще больше сближается это съ рѣяньемъ въ воздухѣ, откуда старое *рѣли*—качели, и особенно на *водѣ*, по ея зыбкой, скользкой и качкой поверхности; отсюда у нихъ „качается“ всякая птица, а особенно „утка,“ эта по преимуществу водяная, водѣ одолженная самимъ именемъ (*ут-* или *уд-* съ носовымъ или претвореніемъ *у* въ *в*: *ana-s—anat-is*, *Ent-e*, и *уд-а*—вода въ Новоболгарскомъ, *unda*, *унд-ины*, греч. *гуд-*): по Бѣлоруссяи утка, согласно многимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, *качка*. Отсюда же орудіе для битья и катанья платья въ водѣ, для полосканья въ рѣкѣ съ плоту, для стирки, для этой, извѣстной намъ, роли Купальской дѣвицы на Дунаѣ (ср. выше и ниже), — Бѣлорусская *качалка*—по нашему „валёкъ (коимъ „валяютъ,“)“ и бить, и катать бѣлье, для чего послѣ развитъ у насъ особый *катокъ*.—Такъ постепенно отъ влаги переходимъ мы къ застывшей водѣ, то есть ко снѣ-

---

*) Въ этихъ случаяхъ, какъ и ниже, за неимѣніемъ шрифта, *в* замѣняетъ собою краткое *у*.

гу и льду, который покрывалъ нѣкогда вершины нашей прародины — Гималая (по словопроизводству „зимняго"), возобновился на горахъ Великой Матери, Кубелы-Купалы, съ Малой Азіи до Бѣлыхъ Альпъ, а наконецъ совершенно воскресъ на масляничныхъ горахъ по условіямъ климата. Бѣлорусская *кацель*, одинаково отъ корня *кат-* (съ мягкимъ *т*) и *кач-* (со вторичнымъ смягченіемъ), значитъ у Бѣлоруссовъ, прямо уже примѣнясь къ масляничнымъ играмъ дѣтей, ледяной скатъ и спускъ, протертую ледяную между снѣга тропку, и, въ родѣ нашихъ санокъ, а больше масляничныхъ качелей, круглое сидѣнье изо льду, на чемъ раскатываются подъ гору ребята. Для обозначенія всего этого употребляется у Бѣлоруссовъ нѣсколько замѣчательныхъ, техническихъ и вмѣстѣ тавтологическихъ, выраженій: 1) *слизгацься, слизацьца, слизацься* или *слизнуцься на кацели* (сливаться и слизаться, откуда „салазки," *салажки*, а вмѣстѣ поминальные, на родительской и масляной, Бѣлорусскіе *слижики*, съ сытой или маковымъ молокомъ; формою своею и употребленіемъ слижики сходны съ нашими „аладьями," въ доказательство связи сихъ послѣднихъ съ „ладьями" и „льдомъ"); 2) *качацься* или *качацьца* (кататься) *на ковзели*; и 3) обратно *ковзаць* или *ковзацься, ковзацьца* (катать и кататься) *на кацели, салажкахъ*, по льду, на конькѣ или даже настоящемъ конѣ. Незнакомое здѣсь намъ *ковзель*, благодаря Бѣлорусскому переходу картаваго, твердаго *л* въ краткое *у* и *в*, есть ничто иное, какъ наше *склизель, слизель* и *слизь* (скользель); *ковзаць* — скользить, *ковзацься* — поскользаться; *ковзь* — скользъ; *ковзко* — скользко. Употребляется это во первыхъ о ребенкѣ, что скользитъ по колѣнямъ, откуда *ковзунъ* — скользунъ или ползунъ ребенокъ, а больше о конькахъ дѣтскихъ по льду, о салазкахъ, санкахъ и прямо уже о масляничной *ковзели*, которая значитъ точь въ точь то же, что *кацель*—скатъ ледяной, тропку ледяную, ледянку изо льду для катанья; на конецъ, мы упоминали, поднимается это до взрослыхъ — ѣздить верхомъ, рѣять и покачиваться, простѣе—*кататься* на живомъ *конѣ*. Удивительная наглядность въ связи Купальскихъ, Колядныхъ и Масляничныхъ представленій.—Для взрослыхъ на Бѣлорусской Масляницѣ игры слабѣе и ограниченнѣе, ибо слабѣе самый обрядъ: на улицѣ или площади ходитъ впрочемъ, какой уцѣлѣлъ, хороводъ (*карагодъ, карагудъ*) и *таноkъ*—плясовая пѣсня съ танцами *). *На вулицу* всѣ, и рвутся, именно усильно рвутся: нѣтъ, какъ у насъ, этого невозмутимаго спокойствія въ стѣнкахъ дѣвушекъ, ни примирившагося, довольнаго собою счастія въ прогулкахъ и поѣздахъ на показъ „молодымъ," недавнимъ четамъ; Бѣлоруссы не знаютъ и всей силы нашего примиренія, „прощанья и прощенья" въ концѣ, тѣмъ менѣе въ теченіе Масляницы. Если у нихъ въ эту пору не рѣже всякіе грѣшки, чѣмъ у насъ, то за то, при отсутствіи нашихъ проводовъ, прощаній, очищеній къ посту и угрозъ его строгости, у нихъ, этихъ тощихъ и поджарыхъ, полуголодныхъ и почти не знающихъ румянца на щекахъ, у Бѣлоруссовъ несравненно больше—не разгульнаго широкаго веселья—а *страсти*, ѣдкой, безграничной, почти отчаянной: не натура, не климатъ, даже не внѣшнее положеніе быта и жизни, а именно понятіе всесильныхъ, изъ язычества идущихъ, представленій тому причиной. Въ другое время, кромѣ Купалы и Масляницы, Бѣлоруссы не въ примѣръ степеннѣе и скромнѣе насъ, особенно же застѣнчивѣе на народѣ, передъ публикой: тутъ же—все наружу, и куда стыдъ.... Какъ въ Купалу, снова на сценѣ весь раздоръ семейный и его исторія въ творчествѣ пѣсней: снова вопли противъ свекра, свекрови, золовокъ; снова, и теперь больше Купалы, даже спеціально, раздоры между супружескою четой (примиряемой у насъ на Масляницѣ),—невыносимый мужъ, и старый въ особенности, и молодой по его привычной взыскательности или пошлости; мужъ жалуется на жену, а жена изъ рукъ вонъ,—съ горя она мечется на шею деверю, священному по старинѣ деверю, и скомороху—служителю торжества соблазнительнаго, и музыканту, скоморошьему типу или двойнику, и зашлому съ извѣстной поры козаку, чумаку, даже нашему солдату. Въ Купалу многое утаивается еще подъ покровомъ ночи, смягчается нѣжнымъ лѣтомъ и изящнымъ образомъ любящей дѣвушки, въ первой страсти къ молодцу: тутъ же, на самой улицѣ и днемъ, хотя нѣтъ Купальскихъ обрядныхъ, тоническихъ или ударныхъ инструментовъ съ ихъ „то-то-то, ту-ту-ту-," подобно нашимъ тазамъ, котламъ, сковородамъ, бубнамъ Масляницы, но не меньше работаетъ соблазну старая скоморошья *дудка* и *дуда* съ мѣхомъ, волынка; задираетъ и новая *скрыпка*; брянчатъ кое-гдѣ „цымбалы," вспоминается „гудокъ;" вся эта подзадоривающая „музыка" разсчитана на страсть и подливаетъ масло. Не „пьютъ" только, какъ въ Купалу: рѣшительное пьянство, какое-то отчаянное и безнадежное, хуже—ибо неожиданнѣе и необъяснимѣе—нашего. И хуже всего — *женщины*, осо-

*) У г. Носовича есть одинъ *таночекъ*.

бенно замужнія, пьяныя, какъ нигдѣ и никогда. Есть разрядъ коротенькихъ пѣсней, „скакухи,“ извѣстныя частью Малороссамъ и Полякамъ, но тамъ меньше числомъ и гораздо изящнѣе — въ вихрѣ танцевъ, у Сербовъ—игривѣе и шуточнѣе, у Бѣлоруссовъ же, частью въ Купалу, а больше въ Масляницу,—безчисленныя, азартныя, почти отвратительныя: и мы Великоруссы грѣшимъ въ этомъ родѣ, но грѣхи эти у насъ обыденнѣе и расплывчивѣе, во всякомъ случаѣ по числу пѣсней законченныхъ у насъ тутъ нѣтъ и десятой доли того, что у Бѣлоруссовъ собрано къ одному моменту, концентрировано, голо, беззастѣнчиво, плодовито, повторительно; думаемъ, что Вакханки, служившія тому же божеству, на классической почвѣ уступили бы въ семъ отношеніи женщинамъ Бѣлорусскимъ и развѣ равнялись съ ними на почвѣ Ѳракійской и Малоазіатской, той, гдѣ засѣяны и всѣ мы Славяне, но куда въ настоящемъ случаѣ больше всѣхъ тянутъ Бѣлоруссы. У хоровода, хоть снѣгъ и подтаиваетъ, зябнутъ ноги: а страсть разбираетъ и прямо вылетаютъ изъ хоровода пары, минута—и за тѣмъ либо порвана священная связь, либо заведена связь новая и сорванъ „зеленый вѣночекъ.“—Такъ отъ молодухъ разгаръ переходитъ къ дѣвушкамъ, а вмѣстѣ съ дѣвушками къ веснѣ и ея образамъ. Если страдаетъ и предается страсти дѣвушка въ Купалу, то поступки ея еще рѣшительнѣе въ Масляницу. Правда, и у насъ поется весьма знаменательно: „Ты скажи, скажи, дѣвица, ты съ которыхъ поръ пошла? Я съ христова съ рожества, съ к.. вы съ Масляницы.“ Но у насъ рѣшительнѣй святки, весна съ семикомъ, осень: для дѣвушки Бѣлорусской Купала и особенно Масляница. Дѣвушка Бѣлорусская въ самихъ пѣсняхъ безпрерывно жалуется на отца или мать, стремительно вырывается изъ подъ ихъ крова, тонетъ въ страсти, какъ тонетъ Купальски, возвращается и даже не жалѣетъ ни о чемъ, встрѣчая укоры матери. Нѣтъ возможности негодовать на это развѣ потому, что дѣйствія здѣсь невольны, безсознательны, послушны неотразимому паѳію фантастическихъ и обрядныхъ внушеній язычества, какъ электрическихъ, мгновенно проникающихъ, льющихся, бьющихъ и ударяющихъ токовъ. — И точно, гдѣ паденіе, тутъ и возстаніе, въ томъ же источникѣ лѣкарство, въ той же натурѣ сила, обращающая недугъ въ исцѣленіе и обновленіе. Тамъ, гдѣ искушеніе касается наконецъ высшей тайны человѣческаго міра—дѣвицы, тамъ, гдѣ обнажается и разрѣшается самая глубокая тайна, — тѣми же творческими силами народа снуется утокъ новой жизни, завязываются клѣти новыхъ организмовъ, разъигрываются черты дальнѣйшихъ и высшихъ образовъ. Дошедши до крайняго предѣла, чуете и слышете,—воспрянетъ сейчасъ лучшая сила. *Дѣвушка*, а съ нею всегда связанная для народа *Весна*, получивъ первую роль и оставивши за собою другіе образы, сейчасъ же врачуетъ, освѣжаетъ собою бытъ, обрядъ, творчество и пѣсню: намъ на Масляницѣ, при относительномъ хладнокровіи и не смотря на искренность послѣдняго прощанья, никогда не удастся выйти къ такой свѣтлой зорѣ, какъ выходитъ Бѣлоруссъ (съ Малороссомъ). Суровый отецъ, капризная и ревнивая мать, раздоры родной семьи, сцены преслѣдованій и укоровъ, все это разбивается о страсть такого цѣльнаго существа, какъ дѣвица: творящій духъ воскресаетъ къ образамъ давнимъ, миѳологическимъ и божественнымъ; драма переносится какбы на облака, отряхивая съ себя всѣ земныя дрязги; дѣвушка съ любовью своей играетъ какъ Персефона, образъ ея свѣтлѣетъ всѣмъ изяществомъ, являются намъ знакомыя имена Яночка, Дуная. Еще шагъ и—все ей противодѣйствующее является темнымъ и злымъ, уходитъ въ глубь, покидая передній планъ картины, рисуется зимою, снѣгомъ, льдомъ, оковами природы, и—подъ воздѣйствіемъ пахнувшаго на Бѣлую Русь дыханія Весны—пѣсня кличетъ ласточку, ждетъ кукушку, слышетъ впередъ, какъ загудитъ скоро пчела, видитъ, какъ разверзается небо съ его благими дарами. Строй пѣсни измѣняется: она сливается со всякою Весеннею, затягиваетъ на голосъ Волочобный, готовитъ славу и славленье Великаго дня. Лицо Бѣлорусса проясняется для самаго внѣшняго быта: скоро конецъ его голоду и перестанетъ онъ разводить въ водѣ нерастворимый кусокъ ужаснаго хлѣба. Съ нимъ самимъ, съ Мартомъ и Масляницей, входимъ мы въ Весну.

Все это болѣе или менѣе, подробнѣе или короче, разскажутъ намъ самыя пѣсни.

и)

Пѣсни на Масленицу, на Сырну (Нядѣлю).

142.

Раздоры семьи. Бѣдность. Жалобы. Тоска. На улицу. Отчаянный разгуль, страсть.

Пойду я, молодá, по водý,
Покачý вядéрцо по лядý:
Стань, моё вядéрцо, кáмянёмъ,
А коромúсло ýворомъ!
Якъ я, молодá, плакала,
За старóго за мужь идучú,
Да старóму постель стялючú:
Одинъ рядъ камéнья,
А дрýгій рядъ полѣнья,
У голóўки начóўки [1]).

Пойду я, молода, по водý,
Покачу вядрó по лядý:
Станьтя, вядерцы, камянёмъ,
А коромисло яворомъ!
Якъ я, молода, гуляла,
За молодóго за мужъ идучи,
Молодому постель стялючи:
Да одинъ рядъ дярюжки [2]),
А дрýгій рядъ подушки,
А у голóўки
Пухóўки.

*

(№ 18, Минской губ.).

143.

««Ворóта скрипять, морóзы трящать:
««А ў тябе, Сымóнка, кожушкá нѣту?»»
— На штó кожушóкъ? ёсть у мяне жóночка:
— Яна сама спотѣя [3]),
— И мяне нагрѣя.—

(Оттуда же).

144.

У ворóтъ бярёза, вѣтцяйка до дóлу [4]):
Виноватъ Григóрка, што ня ѣдя домóў.

---

[1]) Вмѣсто *начовки*; уменьшительное отъ *начвы*, мелкія, узенькія и продолговатыя корытца (употребл. во множ.), среднее между корытомъ и лоткóмъ.—[2]) Дерюжки, дерюга: самая грубая холстина, изъ которой скатерти, простыни, половики; на рядахъ ея мягко.

[3]) Вспотѣетъ, способъ нагрѣванья; лѣность жены вмѣсто работы на мужа.

[4]) До низу, до земли вѣточки: такъ долженъ бы мужъ покоряться; а онъ виноватъ, не ѣдетъ, когда его дома ждетъ пріятное зрѣлище.

Яго жо́ночка зъ похмѣ́лья лижить,
Бо голо́ўка боли́ть:
Увесь мёдъ попи́ла, ку́бочки поби́ла,
На Дунай пустила [1]).
«Не жаль жа мнѣ мёду,
«Ни того́ вина, што попи́ла,
«Анитыхъ ку́бочкоў, што поби́ла:
«Жаль жа мнѣ жо́ночки,
«Што зъ похмѣ́лья ляжить,
«Голо́ўка боли́ть!»

(Оттуда же).

145.

А у суботу у поўно́чь
Пошла жонка прочь;
А у нядѣлю ранюсенько
Иде жонка пьянюсенька [2]).

«Мущи́ночки вы мое,
«Пора́днички сяротѣ́ [3])!
«Гдѣ мнѣ яе дѣти [4])?
«Зачапиў бы на вяро́ўку [5])
«И завёў бы у каморку:
«Мыши объяду́ть [6])!
«Зачапиў бы на лычочку,
«Посадиў бы на при́печку:
«Хлопцы оборвуть!
«Уви́нуў бы у паперку [7]),
«Посадиў бы у куфе́рку [8]):
«Ня буде сядѣть!
«Усадиў бы у горо́дъ [9]):
«Дакъ збяруться [10]) карагодъ,
«Ботьви́нья пото́пчать [11])!»

(№ 1, изъ подъ Слуцка, мѣстечко Слободка).

Здѣсь подъ вліяніемъ Веселой Великой Матери разгулявшаяся жена изображается въ тѣхъ же положеніяхъ, въ какихъ видѣли мы Купалу и нашу Масляницу.

146.

Придало́ся [12]) молойцу́ рано ўстати
И коника осядлати,
На вое́нку [13]) поѣхать [14]).
«Ѣду по́ля и друго́я,
«На третяя узъѣжжаю:
«Змори́ў [15]) мяне тяжки сонъ!
«Пущу коня у долину,
«А самъ, мо́лодъ, пойду къ дѣўца [16]) у пярину.

[1]) За симъ слова вернувшагося умнаго мужа.

[2]) За симъ слова озадаченнаго мужа.—[3]) Совѣтнички сиротѣ, посовѣтуйте мнѣ.—[4]) Гдѣ мнѣ дѣть ее, жену?—[5]) Зацѣпилъ бы на веревку.—[6]) Объѣдятъ.—[7]) Завилъ бы въ бумажку (бережно: какъ кладъ въ папоротникѣ).—[8]) Koffer, Польск. Kufer: ящичекъ, скриня, ларецъ, сундучокъ (ср. у Сербовъ хартію съ пепломъ въ сундучкѣ).—[9]) Въ огородъ, за плетень.—[10]) Множественное при собирательномъ *хороводъ*.—[11]) Потопчутъ ботьвинью, огородную овощную зелень: ее больше всего жалѣетъ умный мужъ.

[12]) Удалось.—[13]) На войну: уменьшит.—[14]) За симъ слова храбраго ратника.—[15]) Сморилъ.—[16]) Къ дѣвкѣ (дѣвцѣ). Имѣетъ право требовать послѣ отъ жены.

«Сплю годи́ну [1]), сплю другу́ю:
«Шукаў коня́—не нашоў [2]),
«Заплакаўши пошоў!

«Пришоў домо́ў—жаны нѣтъ.
««А служки жь мое вярнéнькіе!
««Запряжитя два кони́,
««Поѣду до жаны!»»
«Ѣду по́ля и друго́я,
«На третяя узъѣжжаю:
«Стоить бѣлы домъ,
«А ў томъ доми моя ми́лая,
«Моя ми́лая гуляя
«И ху́сточкой мотáя [3]).»
—Ня ѣдь, ня ѣдь, мой миленьки!
—Ко́ники пото́пишь и слу́жачки [4]) погу́бишь,
—Свое служачки погубишь
—И самъ голо́ўкою нало́жишь [5])!—
««Ня бось, мила, ня бось, мила:
««Я ко́никоў не потоплю́,
««И слу́жачакъ не погублю,
««И самъ голоўкою не наложу!»»

(Оттуда же).

Въ слѣдующей пѣснѣ изображеніе стараго постылаго мужа, покинутаго, погребеннаго, въ пеплѣ укрытаго горшкомъ и черепкомъ (а вмѣстѣ переходъ къ молодому любимцу), такое же, какое принадлежитъ старому богу, „дѣду“ на Масляницѣ, подобно какъ жена его изображена въ № 142:

147.

Жиў-быў,—не любила,
Якъ померъ,—не тужила.
На лаўцѣ ляжить:
Ня думаю тужить.
Якъ у труну [6]) уложу,
Тоды́ по нёмъ затужу.
А чирязъ тую яму [7])
На друго́го гляну:
Киўну-моргну,
Зъ собою спать положу.

Якъ померъ мой нябо́щикъ [8]),
Я тую бяду у го́рщикъ [9]):
Чаряпо́чкомъ накрыла,
Кабъ я бо́ли не тужила [10]).

(Оттуда же).

Урокъ молодой, не итти было дѣвкою за стараго:

148.

Не трапячи́ся [1]), осина,
Да ў тиши́ у лу́зѣ [2]) сто́ячи:
Якъ мнѣ, молодежи, жи́вучи [3]),
Да старо́му постель стелючи!

---

[1]) Часъ.—[2]) Вставши искалъ коня, не нашелъ.—[3]) Платочкомъ мотáетъ, машетъ съ пѣснею и пляскою.— За симъ убѣдительныя предостереженія со стороны жены.—[4]) Служечекъ.—[5]) Наложишь ихъ своею головкою: самъ голову сложишь поверхъ нихъ.

[6]) Въ гробъ.—[7]) Черезъ могилу, гдѣ ляжетъ постылый.—[8]) Покойникъ: отъ *небогій*, лишенный бога—богатства—доли, счастья.—[9]) Я эту бѣду въ горшокъ: память о храненіи пепла.—[10]) Чтобы болѣе мнѣ не тужить и чтобъ изъ пепла не возродилось новое такое же сѣмя. Роль горшковъ и черепковъ на масляницѣ именно такая: помянуть—и забыть старое, повеселять себя угощеньемъ новымъ.

[1]) Не трепещись, не дрожи.—[2]) Въ тиши въ лѣсу.—[3]) Не дрожи, такъ, какъ мнѣ, молодой (и *всякой* молодой—молодежи), приходится дрожать и трепетать живучи за старымъ.

Стары на улицу ня пойде
И мяне ня пустить [4]).

««Ня стой, вярба́, у концы́ сяла́[5]),
««Да стань, вярба, сярёдъ сяла:
««Гдѣ старые суды судять,
««А молодые разсужають [6]).
««Ня йди, дѣвочка, за старо́го,
««А йди, дѣвочка, за молодого:
««Молодый тябе гулять пустить
««И самъ пойде.»»

(№ 17, Борисовскаго уѣзда, по рѣкѣ Березинкѣ, въ округѣ деревни Зембинъ—Забинъ).

149.

Гурьба празднующихъ Масляницу проситъ подъ окномъ подачекъ и подманиваетъ молодицу выйти на улицу, оговорить рѣзко суровыхъ родныхъ и пуститься въ праздникъ, въ хороводъ:

««Молоди́ца, молодица молодая!
««Выди ты къ намъ на улицу,
««А вынясь намъ сыра[1]),—
««А поро́дишь сына,
««А вынясь ты мачку́,—
««А поро́дишь дочку́!»»
—Якъ я маю выходи́ть [2])?
—Свяко́ръ скаже—«Позау́го́льница [3]),»
—А свякруха скаже — «Пахму́рьница [4]),»
—А девярь скаже — «Полятýха [5]),»
—Золва́ скаже—«Щабятýха[6])!—

««Молодая молодица, умѣй ге́то отказати [7]):
««—Позау́го́льница, заугольница—свинья чорная,
««—Пахму́рьница—тёмна хму́ра [8]),
««—Полятýха—ла́стовица,
««—А щабятуха—соро́ка!—»»

(Оттуда же).

---

[4]) За симъ, съ улицы, рѣчь и пѣсня гурьбы, хоровода, къ молодой узницѣ.—[5]) Не стой впередъ, верба, въ концѣ, въ уголкѣ села, въ одиночествѣ безъ людей, а выходи на середку села, гдѣ народъ и хороводъ.—[6]) Тутъ, на народѣ, ты выучишься и прежде выучилась бы, что старымъ дѣло—„суды судить," а не брать дѣвушекъ; молодымъ же порѣшать, развязывать и развязываться, имъ свобода и отъ свободы все зависитъ (ср. выраженія Слова о П. Игор., какъ Галицкій Ярославъ „суды рядилъ;" и Всеславъ—Бѣлорусскій—„людямъ судилъ, грады рядилъ"—днемъ, а ночью рыскалъ какъ молодецъ, доставалъ дѣвицу себѣ любу и т. п.). Кабы ты это знала и дѣлала во время, не итти бы тебѣ за стараго, итти за молодаго.

[1]) Главный даръ Бѣлорусской Масляницы (ср. выше): его даромъ добываютъ величайшій даръ—сына; онъ также силенъ сѣменемъ новой жизни, какъ пепелъ, огонь, цвѣтъ папоротника.—Дальше Купальское значеніе мака.—[2]) Какъ я выйду? Нельзя.—[3]) Что стоитъ за углами — съ молодцами.—[4]) Что гуляетъ по ночамъ пасмурнымъ.—[5]) Что полётываетъ.—[6]) Что щебечетъ, болтушка.—[7]) Съумѣй это отвѣчать.—[8]) Туча.

150.

Празднующіе зазваны съ улицы въ хату: невеселы они, невесела и молодица. Нависло горе отъ мужника, мужикова норова; горе беретъ молодую, готова она стряхнуть его:

«Ой вы, пщолки мое́, вы роёвинькіе [1]),
«Чаму вы мнѣ у полётъ ня йдитя [2])?
«Чи вы дóжжю бойтёся, чи вѣтру?
«Охъ вы гóстики мое, охъ вы любые мое,
«Чаму вы ў мяне не пи́те, ни ясьтя,
«Не пите, ни ясьтя, ни вясёло сядитё?
«Чи хлѣбушка пушóнъ [3]),
«Чи мой милы не вясёлъ?

*

«Ой вы, стóлики мое, вы тисóвинькіе [4]),
«Охъ чаму жь вы стойтя не зáсланые [5])?
«Коли́ хлѣбушка пушóнъ,
«Кажý вывияти [6]);
«Коли́ мужикóвы [7]) норóвы [8]),
«Хочу вывѣдати.

*

«А куны-собóли на коўкáхъ висять:
«Мужиковы норóвы на плéчкахъ лежать [9]).
«А я тыя собóли у скрыню ўложý,
«Мужиковы норóвы подъ нóги подложу [10]).»

(Оттуда же).

Горе отъ свекра:

---

[1]) Роевыя (рой) и яровыя.—[2]) Къ чему вы, отчего въ полетъ не йдете, не роитесь и не вылетаете медъ собирать?—[3]) Пухомъ запушонъ: съ мякиною, которая должна бы отвѣваться пухомъ. Обычный хлѣбъ Бѣлоруссіи.—[4]) Тесовые (и старше *тисовые*).—[5]) Не постеленные.—[6]) Прикажу вывѣять, очистить.—[7]) То же, что мужніе.—[8]) Норовы, тяжелые, своенравіе; если они тому причиной, я повывѣдаю, за что сердится. И точно, его своенравіе, оно изображается дальше.—[9]) Куницы-соболи, древняя роскошь, нѣкогда столь общая и на Бѣлой Руси, висятъ на гвоздяхъ, на тычинкахъ, вмѣсто того, чтобъ быть на плечахъ молодой украшеніемъ; а вмѣсто того на плечахъ лежатъ—мужніе норовы, и въ головѣ они шумятъ—побоями или тревогой мысли; у г. Носовича разнорѣчіе: „Да на плечикахъ висяць и въ голоукахъ шумяць."—[10]) Вынужденная рѣшимость: „Не хочу же красоваться въ кунахъ-соболяхъ, уложу, схороню красу свою и даръ мужній (ср. схороненные дары и клады въ Купалу), за то также подомну я подъ ноги и крутые норовы мужа.—Съ *пчелами* весенними, ройными, сравнены *гости*, служители и пѣвцы праздника: не ѣдятъ не пьютъ они, какъ пчелы меду не берутъ, не летаютъ вольно — не веселятся — какъ тѣ (ср. выше „полятуха"). Это *первая* бѣда.—Съ гостями сравнены *столы*, не постланные, не веселые, съ *хлѣбомъ пушонымъ*, съ *нравомъ хозяина невеселымъ*. Это *вторая* бѣда: мякина и гнѣвъ, противуположные цвѣту и полету веселья, сладости меда и питья, также мѣшаютъ, какъ пчеламъ дожжь и вѣтеръ.—Съ пчелами и гостями вольными сравнены дальше воль-

151.

Учóра зъ вячóра [11]) мяне свёкоръ биў,
Биўши, набíвшися, въ собѣ [12]) говориў:
«Ой, дóбро [13]) чужіе дѣти бить,—
«Не одбиваютца, тóлько слёзками обливаютца,
«Тонкимъ рукаўцóмъ обтираютца!»

(Оттуда же).

ные *куны* и *соболи*: вмѣсто воли на плечахъ красавицы, повѣшены они недвижно на колкахъ; *пушной* товаръ сравненъ съ *пушнымъ* хлѣбомъ,—онъ также не вывѣянъ, не провѣтривается въ прогулкахъ хозяйки; кромѣ того *мѣхъ* очевидно отождествляется съ *помѣхою*. Дѣйствительно, видѣть во снѣ *мѣха* до сихъ поръ у насъ толкуется народомъ, на основаніи корней языка, — встрѣтить *помѣху*. Это *третья* бѣда. — Наконецъ съ мѣхами сравниваются *норовы* мужа: мѣха *пушатся*, топорщатся, — *пухъ* или *пыхъ*, *пыха* и *пышность* значатъ гордость, надменность; *шубы*, если ихъ видѣть во снѣ, толкуются *шумъ*, брань,—и точно сравнивается, какъ норовы мужа „шумятъ въ головѣ“ жены. Это бѣда *четвертая*, она топорщится, пыхтитъ, обломила женскія плечи, имъ уже не подъ силу.— Рѣшимость на выходъ отсюда сравниваетъ опять пушистыя и тяжелыя шубы съ нависшими бровями и сердцами: тѣ и другія нужно уложить, придавить, сократить,—однѣ въ сундукѣ, другія подъ ногами и каблукомъ женскимъ. Тѣ и другія то нависли, то расходились и разшумѣлись, какъ тучи съ дождемъ и вѣтеръ съ воемъ надъ пчелами: остается унять.— Народное творчество здѣсь такъ сильно и сжато, что разомъ соединяетъ десятки образовъ и десятки родственныхъ корней послушнаго слова. — Для ясности картины нужно еще прибавить, что за окномъ, въ Бѣлорусскую Масляницу, точно ожидается полетъ пчелъ; что въ домѣ гости всегда представляются роями пчелъ, а въ настоящемъ случаѣ служители Масляницы суть гости уже весенніе и пѣвучіе; медъ одно изъ главныхъ угощеній имъ, сыръ въ народныхъ образахъ и въ словѣ сопоставляется близко съ пчелинымъ воскомъ (*сыр- сѣр- сѣр-а*, латинск. *cer-a*); дорогіе мѣха, которыхъ конечно теперь нѣтъ, но которые подробно описываются въ старыхъ памятникахъ Края, вынуты изъ кладовой (клада, кладъ) и завѣтной скрыни (scrinium, греч. кивотъ) для нарядовъ подъ конецъ зимы, въ ея проводы на Масляницѣ; въ этомъ случаѣ висятъ они на колкахъ возлѣ брачной постели, именно сверху, нависши; послѣ кратковременнаго праздника ихъ и безъ того слѣдуетъ опять убрать и уложить на весну; и мужа—изъ *скоромнаго* — остается сдѣлать *скромнымъ*, помучить женскою приманкою и за тѣмъ привести въ подданство. Это однако, какъ видимъ по пѣснямъ вокругъ, удается не всегда: приходится *вырваться на свободу*, покинувъ мужа, или мужъ кинетъ жену.—*Куны-соболи* въ творческомъ языкѣ обыкновенно встрѣчается вмѣстѣ и отвѣчаетъ живымъ образамъ—*куна* дѣвушкѣ и молодицѣ, *соболь*— жениху и молодому; они же въ вѣно и приданое — кунами покупали дѣвушку, соболями дарили молодца.

[11]) Вчера съ вечера: удвоеніе и прибавка, когда *вчера* окрѣпло, кристаллизовалось нарѣчіемъ и стало въ немъ забываться коренное представленіе *вечера* (Серб. „у ютру ютро освануло;“ Слово о П. Игор. „давеча рано предъ зорями“).—[12]) Самъ съ собою.—[13]) Хорошо, удобно.

152.

Боже мой, Боже, нядбля моя!
Ня любить свёкоръ ймени мойгб [1]):
Стялю постельку,—не ляже,
Пытаю дѣла,—не каже [2]),
Подаю пити,—не бяре́
И мяне дитяткомъ не зове́.

(Оттуда же).

Рѣшимость кинуть мужа:

153.

Якъ скокъ, да скокъ,
Да ўсё у корйтца [1]):
Не боюся мужика,
Хоть буде сварйтца [2])!
Хоть буде сваритца,
Чортъ яго боитца:
Бѣсомъ яго ста́ўлю [3]),
Собѣ шубу спраўлю [4]),
Хоть не тяперь за́разъ [5]),
Да на свою старость!

(Оттуда же).

Не всегда разставанье четы легко, жена чувствуетъ одиночество, все вокругъ напоминаетъ покинувшаго и женщина рвется за нимъ:

154.

А вы кумушки, вы голубушки,
Вы не знаете побѣдушки [6]) моей:
Разгнѣваўся другъ сердечны на мяне,

---

[1]) Не терпитъ даже имени моего, не выноситъ, слышать не хочетъ обо мнѣ.—[2]) Спрашиваю о дѣлѣ, чтобы далъ дѣло,—не приказываетъ.

[1]) Какъ ни скачи, все придетъ покориться, укротиться.—[2]) Хоть будетъ браниться, ссориться.—Но мы слышали, какъ совпаденіе звуковъ дѣлаетъ изъ этихъ стиховъ совсѣмъ иной, можетъ быть старшій, оборотъ: „сколько ни скачи, все попадешь въ корытце," въ щелокъ, въ золу („у корытцс, у корытца," *ы* у Бѣлоруссовъ часто сходится съ *и*; ср. выше представленіе о стиркѣ и золѣ, жупелѣ или пеплѣ, коими характеризуется „зло;" то же въ нашихъ замѣткахъ къ Малорусскимъ пѣснямъ въ 8-мъ выпускѣ пѣсней, собр. Кирѣевскимъ); „не боюся мужика, хоть будетъ мнѣ свариться," въ щелокѣ; не боюсь никакой брани и зла отъ него, хоть на вѣрное это будетъ за мои поскоки, за веселье. Представленія Купалы и Клады огненной, съ прыжками черезъ огонь и пепелъ, могли весьма породить собою такіе образы, а сѣдая древность Бѣлорусскихъ обрядныхъ пѣсней позволяетъ часто толковать смыслъ и такъ, и иначе.—[3]) Ср. выше о *бѣсѣ*: онъ тутъ же отличается отъ чорта; *бѣсъ*—олицетвореніе отрицанія (безъ), какъ *лихъ, лихой* (нечетъ, не чета, не пара; ср. *лишекъ, излишекъ, лишній*); „бѣсомъ его ставлю," — онъ мнѣ все равно что бѣсъ, отрекаюсь отъ него, охотно лишаюсь его и разстаюсь съ нимъ.—[4]) Сама себѣ справлю шубу (болѣе дорогую изъ прочихъ даровъ), не изъ мужняго, а заработаю другимъ путемъ и распыщусь убранствомъ. Шуба и мѣхъ опять, какъ выше, пріобрѣтаетъ важную роль.—[5]) Тотчасъ, за разъ.—[6]) Бѣды, какъ у насъ.

Ой съѣжжая да съ широ́кого двора:
«Прощай, прощай, отецъ-мати,
«И любезная жана [7])!»

Да ўсѣ прощаюць, а жана не прощая [8]).
Карабенчику [9]) на стянѣ прикова́ны,
Серебряна табакерка у-в-окнѣ [10]).
Да приѣдь, приѣдь, мой миленьки,
Хоть у по́ўночь ко мнѣ!
А колі́ не приѣдешь,
То я хоть Татарина приму
По твоимъ лицу [11])!

(Оттуда же).

Невыносимое супружество бросаетъ страстную женщину на шею къ деверю, какъ ни священна по старинѣ его особа:

155.

Да мой же ты деверя́тка!
Вяди жь ты мяне по малюсеньку [1]),
Чарязъ сѣни, чарязъ хаточку,
Да у новаю корова́точку!

---

[7]) Все это начало а) переходитъ къ пѣснямъ *весеннимъ*, которыя часто начинаются симъ обращеніемъ *къ кумушкамъ*; б) сходится со многими пѣснями нашими и кажется даже прямо принесено нашимъ сосѣдствомъ, по крайности вліяніемъ. И разставанье „прощеное" весьма въ нашемъ духѣ. Но за симъ конецъ совершенно въ характерѣ Бѣлорусскомъ.—[8]) Всѣ прощаются и прощаютъ, да не прощается и не прощаетъ одна жена: въ душу ея запала уже досада, а за досадою скорбь, вскорѣ за тѣмъ разыгравшаяся.— Пѣсня очевидно примѣняется по преимуществу къ Масляницѣ, къ ея *прощанью* и *прощенью*, о которыхъ у насъ подробности выше. Хотя бы *одна* сторона не прощалась и не прощала, узы еще не разорваны, свободы нѣтъ, дѣло „не просто" и вызываетъ за собою дальнѣйшіе еще счеты. Это не то, что выше *бѣсъ*, коимъ за разъ разрывается союзъ: гдѣ нѣтъ бѣса, тамъ еще возникаетъ и раскаяніе.—[9]) Звательный вмѣсто именительнаго, какъ обычно, особенно у Сербовъ. — [10]) Убранства хаты и мужнины вещи напоминаютъ о немъ, растрогиваютъ взоры и сердце жены. Это *карабинъ*, прикованный или, иначе, прибитый желѣзомъ къ стѣнѣ (можетъ быть это и *карабеля, карабельчикъ*, древнее слово, сродное съ *кораблемъ* и означавшее прежде всякое *орудіе*, подобно какъ у насъ нѣкогда *олядьи* — дѣла, дѣлишки, а самое *орудья* — *орудьица* — дѣла; *карабеля* у Бѣлоруссовъ, Малоруссовъ, Галичанъ, Поляковъ, извѣстная кованая сабля, прославленная козаками, съ плоскою державкою, но безъ защиты и безъ забрала рукѣ. Дальше *табакерка*, употреблявшаяся и для пороха (новѣйшія французскія ружья возстановили это слово при означеніи зарядной камеры), но вообще въ Бѣлорусскомъ, Малорусскомъ и Польскомъ бытѣ переходившая изъ рода въ родъ, какъ дорогая вещица: ею овладѣвали особенно женщины, берегли въ ней серебряныя монеты, кольца и т. п., и въ семъ случаѣ извѣстенъ такой же точно обычай у насъ. По видимому здѣсь разрозненныя вещи—карабинъ олицетворяетъ мужа, табакерка — на окнѣ противуположно стѣнѣ — супругу: картина эта мучаетъ покинутую. — Писать можно двояко: *у вокнѣ* (вокно), или съ удвоеннымъ предлогомъ *у-въ окнѣ*; мы соединили то и другое.—[11]) Татары, столь извѣстные и давно осѣдлые въ Бѣлой Руси, всегда и до сихъ поръ противны: я безъ тебя рѣшусь на самое отчаянное, приму къ себѣ хоть Татарина—лишь бы былъ похожъ на тебя, лишь бы лицомъ повторилъ тебя. Ср. такой же наказъ Добрыни, когда покидаетъ жену, въ нашихъ былинахъ.—[1]) По тихонечку.

Да мой же ты да сусѣдъ близ-
кій!
Чаму у тябе перялáзъ низкій [2])?
Чарязъ сѣнца, чарязъ хаточку,
Да у новаю короваточку?
Хоть ты мяне на мяжи [3]) по-
ложи,
Тóльки моймý мужу ни кажи;
Хоть ты мяне къ боронѣ при-
стаý [4]),
Тóлько ты мнѣ хорошо сплаý [5])!
А я своймý мужику Мирону
Зарѣзала пятуха и ворону,
Да я своййму мужику Юрку
Зарѣзала пятуха и курку [6]).

(Оттуда же).

Возникаютъ тѣ же отношенія къ музыканту, скомороху, служителю священнаго праздника:

156.

Пойграй, музы́ку [7]), поиграй.
Пойграй, любенькій!
А я тобѣ заплачý,
Чимъ сама захочу:
Канапель ми́сочку,
А на верьхъ [8]) п....;

---

[2]) Перелазъ—собственно низкое или обвалившееся мѣсто въ плетнѣ и изгороди, гдѣ удобно перелѣзть; но, какъ плетень (плотъ) и всякую ограду можно перелѣзть тѣмъ или другимъ способомъ, или, какъ говорятъ, крѣпости для того и дѣлаются, чтобы ихъ брать, отсюда „Перялазъ" Бѣлорусскій значитъ уже и *всякій* плотъ, *всякую* изгородь, а въ семъ случаѣ различается уже „низкій" и „высокій;" отсюда же Янъ или Иванъ Купальскій, по пѣсни Волочобной, приводимой г. Носовичемъ, сгородивши знакомый намъ плотъ Купальскій вокругъ Царины, сажаетъ подъ нимъ пчелъ:

Святы Иванъ пчолы садзиць,
Подъ перялазомъ, по шесцеро разомъ.

Молодуха сперва играетъ тою свадебною картиной, какъ деверь ведетъ невѣсту на кровать; потомъ заигрываетъ, отчего къ его собственной кровати, или отъ него, близкаго сосѣда, къ ея кровати такой перелазъ и переходъ низкій, удобный? А дальше еще прямѣе.— [3]) На межѣ, священной, и гдѣ такъ неудобно.—[4]) Приставь.—[5]) Сплавь: чтобы сплыло. *Сплыцься* по Бѣлорусски—слиться.

[6]) Миронъ и Миронья у насъ, пѣтухъ и ворона у насъ и въ остаткахъ древнихъ греческихъ пѣсней, употребляются sensu obscoeno, особенно при свадьбахъ послѣ вѣнца. Зарѣзать пѣтуха и ворону—прекратить близкія сношенія.

[7]) Музыкантъ; звательный (у насъ при Петрушкѣ также говорятъ „музыканту)."—Преданные душою и тѣломъ музыканты сопровождали, какъ извѣстно, Великую Матерь; при Купалѣ перешло это дѣло къ скоморохамъ.—[8]) Сверхъ того.

Пойграй, музыку, у свой смыкъ [9]),
А я пожичу [10]) тобѣ съ п.... шлыкъ [11]);
Коли ня будешь играти,
То не дамъ п.... правати [12]).

(Оттуда же).

Случаи съ замужними запугиваютъ дѣвицу; чѣмъ итти за стараго или нелюбаго, лучше терпѣть при отцѣ, поститься дѣвушкой, перейти въ наступающій постъ незамужнею, простоять одинокой церьковкой:

157.

Да у пóли-пóли цéрькоўка стояла,
Тамъ дяўчина изъ [13]) нелю́бымъ шлюбъ брáла [14]).
Сама собѣ казала:
«Лѣпѣй [15]) ў татки гóры копати [16]),
«Якъ зъ нелю́бымъ шлюбъ брати,—
«Я горы копаючи сяду собѣ, одпочи́ну [17]),
«А зъ нелюбымъ жиўши на вѣки загину;
«Лѣпѣй у татки горькую рѣдьку ѣсти [18]),

---

[9]) Смыкъ, смычокъ, для игры на струнномъ гудкѣ скомороховъ: бросаясь больше въ глаза, онъ переходитъ и въ названіе цѣлаго инструмента. Онъ былъ въ старину особаго устройства, и съ зубьями задиравшаго перушка, коимъ водили (и теперь это у Болгаръ, Волоховъ): отсюда у Бѣлоруссовъ также называется „борона.“ — [10]) Дамъ на подержаніе.— [11]) Прадревній, Фригійскій, войлочный остроконечный *колпакъ*, чтó надѣвается на голову: всегда символомъ и первымъ признакомъ явленія богини или ея дѣйствій; ею онъ расширенъ просторнѣе и погнутъ, искривленъ верхушкою; потомъ срѣзана верхушка и сдѣлана плоскою, и въ этомъ *обычномъ* видѣ, позднѣе, при болѣе осѣдломъ и развитомъ бытѣ, явился общеславянскій *клобукъ*; нынѣшняя Бѣлорусская, бѣлая войлочная шапка, *маргелка*, шагъ уже дальнѣйшій — низъ завороченъ полями на тулью. У насъ тотъ же ходъ: отъ *треуха* (коегдѣ еще уцѣлѣвшаго), остроконечнаго Фригійскаго колпака съ загибомъ верхушки впередъ, но съ тремя разрѣзами (ср. выше *тройку*) или ушами къ низу, до *клобука* и *колпака* со срѣзанною верхушкой, до *шапки* и особенно *мурманки* съ загнутыми на тулью *разрѣзными* полями, наконецъ до *шляпы*, гдѣ поля снова отогнулись и стали торчкомъ.—[12]) Учащательное отъ *править*: техническій терминъ.

[13]) Съ.—[14]) Древнѣйшее *слюбъ, съ-любъ*, союзъ и обѣтъ (въ семъ корнѣ и смыслѣ общее всей Европѣ), сопоставлено въ противуположеніи *съ не-любымъ*, здѣсь въ смыслѣ уже церковнаго вѣнчанья.—[15]) Лучше.—[16]) Здѣсь въ простомъ смыслѣ грядъ; но задача дѣвушекъ *копать горы* указываетъ въ древности на обычное представленіе замкнутой жизни ихъ въ горѣ, въ оградѣ: такъ, не говоря уже о восточныхъ, представлялась и классическая Кора, Персефона; послѣ это осталось въ дѣвичьей *горницѣ*, которая замѣчательно называется у Бѣлоруссовъ также *гора*; это же перешло и къ Великой Матери въ самомъ началѣ ея явленія.—[17]) Отдохну.—[18]) Примѣненіе сдержанности дѣвушки къ наступающему посту.—У насъ пословица: „Боится Масляна горькой рѣдьки.“

«Якъ зъ нялюбы́мъ за сто́ликомъ сѣсти;
«Лѣпѣй у татки горькую рѣдьку кроить [19]),
«Якъ зъ нелю́бымъ вѣрноя слоўцо́ мовить [20]).»

(Оттуда же).

Не смотря на сдержанность, зашевелившееся новое чувство сказывается въ дѣвушкѣ сперва неопредѣленнымъ поискомъ какой-то дороги:

158.

Коло́ [1]) саду-саду доро́жачка пошла,
Коло вишнёвого тамъ битая пошла,
А тудыма [2]) дѣ́вочка ишла.
Да стрѣ́ла яна козака молодого,
Стала жь яна у козака пытати:
«Чи ня вѣдаешь, куды доро́га пошла?»
—Ой, чи ты, дѣўка, у борў росла,
—Што ня вѣдаешь, куды дорога пошла [3])?—
«Росла я у татки да ня годъ, да ня два,
«Да ня видѣла такого дурня, якъ ты!»

(Оттуда же).

Первое дѣйствіе и опасенія любви выражаются пантіемъ Купальскаго Ивана, Яночки, какъ будто угрожающимъ:

159.

На ла́ўца, на лаўца [4]),
На Янковой горѣ [5]),
Дѣўка траву жала.
Да забачиў [6]) Яночка
Да зъ высоко́го га́ночка [7]):
«Ой дѣўка, диви́ца,

---

[19]) Крошить, для ѣды.—[20]) Молвить вѣрное словцо, тайное, любовное.

[1]) Около, близь.—[2]) Тудымъ (какъ у Поляковъ и другихъ Западныхъ), въ ту сторону (слитіе съ элементами *тамо*, *тамъ*).—[3]) Молодецъ хотѣлъ пристыдить дѣвицу, какъ дикую, а самъ остался дуракомъ, не воспользовавшись намекомъ и темнымъ чувствомъ дѣвушки.

[4]) На лукѣ, на лугу (*ау* долгое *у*; обратно *лугъ* переходитъ въ значеніе *лѣса*; см. прежде многія наши объясненія, между прочимъ при Малоросс. пѣсняхъ въ 8-мъ вып. Кирѣевскаго); отсюда же *лавка*, отъ которой предлежащая древняя Бѣлорусская форма, форма вмѣсто *на лауцѣ* (лавка, сперва сидѣнье самое простое, на лугу; потомъ деревянная, но особенно кривая, изогнутая, сообразно другому представленію въ корнѣ *лук-* и противуположно прямой *скамьѣ*; послѣ *бесѣда* и т. д.).—[5]) Холостой Яночка на своей древней Купальской горѣ и въ горницѣ, какъ другой полюсъ дѣвушки.—[6]) Завидѣлъ.—[7]) Ср. выше *ганки*: съ крыльца, сѣней, переходовъ.

«Ня жни жь моей трави́цы [8]),
«Бо я тобѣ шкоду учиню [9]),—
«Альбо тобѣ сярпо́къ зломлю [10]),
«Альбо тябе за сябе возьму!»
—Ой Янокъ-Яночка!
—Ня рушь мяне у суботочку [11]),
—Возьми жь мяне у нядѣлячку [12]):
—Дакъ выду я на вўлочку,
—У рутьвянымъ [13]) вянóчку,
—У золотымъ парстянёчку.—

(Оттуда же).

Искушенія проникаютъ въ горницу дѣвушки, она слышитъ-видитъ хороводъ на улицѣ, не смѣетъ еще зазвать, угощать, а гости уже смѣло напираютъ на веселье:

160.

Ишо́ў корого́дъ ми́мо нашихъ воро́тъ:
Я чула и бачила, ня смѣла сказать,
Корогóдомъ назвать,
Да у дворъ завярнуть,
За скамьёй посади́ть [1]).
««А ня баўтя [2]) гостéй,
««Да даритя скорѣй:
««Коро́тки свитки,
««Позя́бли лытки [3]).»»

(№ 18).

Подманиваетъ на улицу и молодецъ козакъ, обѣщая дары:

161.

«Чаму тябе, дѣўка, на улицы нѣту,
«Чи ў тябе, дѣўка, кошулячки [4]) нѣту?
«Да я тябе люблю, кошулячку куплю.»
—Купи, купи, козачéньку, купи, молоде́нькій.—

---

[8]) Заповѣдной, какъ въ Купальской „царинѣ;“ дѣвушка въ другихъ пѣсняхъ ищетъ на заповѣдномъ лугу цвѣтовъ, какъ Персефона: но и Персефона рветъ ихъ, наклоняется къ нимъ.—[9]) Поврежу, сдѣлаю вредъ, растревожу и растравлю.—[10]) Древнѣйшій серпъ, символъ и спутникъ дѣвы, начиная съ ея образа—луны, особенно при Артемидѣ—Діанѣ; сломать его—лишить дѣвства.—*Или* значитъ здѣсь не раздѣленье, а *все то же*.—[11]) Не трогай меня въ суботу, священный день Суботокъ и Купалы, въ особенности Яна.—[12]) Болѣе обычный день нынѣшнихъ свадебъ.—[13]) Изъ руты, ср. выше. — Дѣвушка едва удерживается, лишь оттягиваетъ время.

[1]) За симъ слова вошедшихъ, служителей праздника, славящихъ.—[2]) Не замедляйте (не протягивайте бытіе, бытъ: отъ корня *бу—бав*); переносно—не забывайте.—[3]) Голени: на дворѣ еще свѣжо, особенно топтаться по снѣгу.

[4]) Сорочки; ср. выше.

Пытаўся козачо́къ да у молодой дѣўки:
«Чаму ў тябе, дѣўка, чарявичакъ нѣту?»
—Нѣту, нѣту, козачокъ, нѣту, молоде́нькій.—
«Да я тябе люблю, чарявички куплю.»
—Купи, купи, козачокъ, купи, молоденькій.—
«Чаму ў тябе, дѣўка, сподни́чки [5]) нѣту?
«А я тябе люблю, сподни́чку куплю.
«Чаму ў тябе, дѣўка, панчо́шакъ [6]) нѣту?
«Да я тябе люблю, панчо́шки куплю.
«Чаму ў тябе, дѣўка, горсе́тика [7]) нѣту?»
—Нѣту, нѣту, козачокъ, нѣту, молоденькій.—
«Да я тябе люблю, горсетикъ куплю.»
—Купи, купи, козачокъ, купи, молоденькій.—

(№ 17).

Остаются пока затворницѣ думы, да пѣсни, да рѣчи дѣвичьи, невѣстины:

162.

Чо́къ-чо́къ солове́й, вы пташки моўчитя,
Ня щабячи́тя [1]):
Не да́ўно Андрейка съ войны́ прiѣхаў.
Яго ко́ничакъ на стайни [2]) стоíть,
А яго́ па́нночка у камо́ры сядить:
Ко́ничакъ на стайни, — то поѣзды яго́;
Бо́тики на но́жкахъ,—то похо́ды яго;
Су́кеньки на плечкахъ, —то ўбо́ры яго;
Ху́сточка ў рукахъ, — размахи яго;
Шабялька при бо́ку, — оброна яго;
Дѣвочка у камо́ры,—размо́ва [3]) яго.

(№ 18).

---

[5]) Исподницы.—Замѣчательно, что исподница, юбка и даже понёва, какъ переходъ отъ дѣвичьяго быта къ женщинѣ (дѣвушкамъ собственно сарафанъ, а исподница надѣвается при первыхъ явленiяхъ зрѣлости, для охраны и тепла), составляютъ также дары Матери и по ея имени называются у насъ въ народѣ *Пятницей*, сближаясь съ *пятою*, какъ *нижнее* платье, откуда пословица „Середа ниже Пятницы,“ по силѣ праздника, а по одежѣ и шуткѣ—средняя часть тѣла ниже, исподница коротка.—[6]) Чулокъ.—[7]) Корсетика.

[1]) Дайте отдохнуть гостю: да еще и не до праздника, нѣтъ и весны.—[2]) На стойлѣ.—[3]) Разговоръ, забава.

163.

У Кіявѣ рожа [1]),
Боже милый,
Червóна, пригожа [2])!
«Поѣдь, поѣдь, брáтка,
«Да закупи рожи,
«А мнѣ на вянóчакъ,
«Собѣ на квятóчакъ!»

(Оттуда же).

164.

Іость у пóли тáлинка,
А на тáлинца мураўка [3]),
А до долá вѣтця, до долá [4]),
Да на мураўца кóничакъ,
А на кóничку сядѣльцо,
На сядѣльцы Андрейка,
На Андрейку шáпочка,
А на шáпотца квѣточкá,
А на квѣтоца [5]) пчёлочка:
А зрушила рóсочку
На дѣвачину кóсочку [6]).

(Оттуда же).

Тѣ же, ближайше приведенныя, пѣсни поетъ для дѣвушки хороводъ съ улицы и на улицѣ гурьба праздну̂ющихъ, выманивая дары, выманивая лучшій даръ — саму дѣвицу; а она изъ горницы, либо внизу у окна, слушаетъ развязчивую пѣсню:

165.

Василь, Василь, Василёчакъ [7])
Вывяў рóжу зъ огорóду:
Нашъ Игнатка воевода [8])
Вывяў панну зъ корогóду.

---

[1]) Роза.—[2]) Боже мой, ахъ какъ красна, пригожа!—Взоры и мысли дѣвушки несутся хоть въ даль за счастьемъ.

[3]) Съ началомъ весны проталинка, а на проталинкѣ постепенно развивается весенняя жизнь.—[4]) До низу вѣтви: перенесено отъ дерева, которое обычно является при сихъ случаяхъ, но пока еще здѣсь умолчано по ранней порѣ.—[5]) По трудности произношенія вмѣсто *квѣточца*, *квѣточцѣ*.—[6]) Съ постепеннымъ ростомъ весны, канула наконецъ влага—пчела весенняя нечаянно стрясла ее—на дѣвичью косу: знакъ, что скоро дѣвушкѣ расплетать косу и итти къ молодцу.

[7]) Цвѣтокъ, играющій важную роль въ Купалѣ и вообще въ пѣснѣ, „царскій, царевичь,“ по памяти былой связи съ Греками, отвѣчающій „Василисѣ,“ нашей любимой эпической и сказочной героинѣ, а старше—одному изъ специальныхъ имёнъ Царицы Великой Матери. Сербское „Босиљак (душистый),“ обыкновенно сочетающійся съ Ружею (розою).—[8]) То же, что „князь,“ женихъ (тамъ, гдѣ удержанъ „князь,“ „воевода“ переходитъ на старшаго изъ сватовъ въ свадебномъ поѣздѣ).

А зняў [3]) паннѣ рутвяны вѣнчикъ,
А ўзложиў шаўкоў чепчикъ [4]),
И намёточку [5])
На яé голóвочку.

(Оттуда же).

166.

А ўсё стряльцы́, а ўсё лоўцы́,
Забóлоцкія [1]) молойцы́,
А ўлови́ли, забили девять сваршоў [2])—
Подъ горшкóмъ,
А дяся́таю муху—
На юху [3]).

---

[3]) Снялъ у панны, дѣвушки. — [4]) Вмѣсто дѣвичьяго вѣнца наложилъ шелковый *чепецъ*, символъ женщины замужней: одно изъ видоизмѣненій шапки, *чапки*, *чапочки*.—[5]) *Намётка*, *намёточка*, извѣстная еще у насъ по имени, но потерявшаяся въ употребленіи, сохраненная на Югѣ Руси, больше у Бѣлой Руси, крѣпче удержанная у Литвы (гдѣ не замѣняется сѣрымъ платкомъ) и нѣкогда распространенная у Полекъ: кусокъ тонкаго или рѣдкаго бѣлаго холста, въ нѣсколько аршинъ, отъ 3-хъ до 5-ти, съ висячими внизъ отъ головы концами (ср. выше греч. *фаросъ*, наша *ферязь*). Прадревній Славянскій головной уборъ для женщины, бабы, и символъ ея. Дѣвушка по типу простоволосая или съ вѣнцомъ; въ видѣ тонкаго *покрывала* или *фаты* является наметъ при первомъ выводѣ дѣвушки на показъ, къ вѣнцу, въ свѣтъ, за тѣмъ уже крѣпнетъ употребленіемъ на замужней (родство фаты съ ферязью см. выше). Одинаковъ съ древнимъ *наметомъ*—бѣлымъ шатромъ, символомъ еще кочевья. Бѣлымъ цвѣтомъ и широтою наметъ значитъ свободу, развязность. Вмѣстѣ съ бѣлою шерстью овецъ и оттуда бѣлою мужскою шапкой маргелкой, онъ далъ особый отличительный видъ и названіе *Бѣлой* Руси: свобода, которая вездѣ у Славянъ соединяется съ бѣлизною, коренится здѣсь въ кругѣ представленій народныхъ и конечно не имѣетъ еще смысла политическаго (Червонная, Красная или Рыжая Русь и Русь Черная кажется того же происхожденія по имени, не значитъ ни республиканской, ни рабской политически). У Поляковъ намётъ далъ имя замужней, а потомъ всякой женщинѣ—Białogłowa или Biała głowa: тамъ это соединилось съ значительнымъ освобожденіемъ женщины и удерживается доселѣ, хоть нѣтъ уже бѣлыхъ уборовъ. Страннымъ случаемъ появленіе бѣлыхъ повязокъ совпало нынче и у насъ съ возбужденіемъ женскаго вопроса, т. е. женской свободы: что́ и привѣтствуемъ въ разумномъ смыслѣ. — Послѣдующій шагъ для народной исторіи, связанный съ началомъ городовъ и развитіемъ гражданственности, а вмѣстѣ богатства, былъ помянутый *чепчикъ* (разныхъ именованій, смотря по виду), шелковый и изъ разныхъ матерій, еще дальше—съ металлическими украшеніями, которыя постепенно замѣнили собою дѣвичьи—по преимуществу—*цвѣты* и развѣтвленія *вѣнцовъ*. На сей ступени *намисто* южнорусское совпало съ *монистомъ*, ожерельемъ, потомъ всякимъ украшеніемъ изъ *монетъ* и золотыхъ или серебряныхъ вещицъ. На сей же ступени, съ *городами* или *городками* (углами, зубцами, узорочьемъ) уборъ замужній явился сперва на головѣ Великой Матери или Купалы (корона изъ такъ называемой „городской стѣны“), упоминается выше въ пѣсняхъ Купальскихъ, появляется на символѣ—нашей „щукѣ“ изъ Бѣлаозера съ украшенною металломъ и перломъ головою.

[1]) Мѣстность, которая однако безпрестанно встрѣчается, ибо на Бѣлой Руси весьма многимъ приходится жить за болотомъ.—[2]) Сверчковъ (нѣтъ у г. Носовича!).—[3]) На варево, на супъ.

А ўсё стряльцы, а ўсё лоўцы,
Потичéльскія [4]) молойцы́,
А ўловѝли, забили девять—
Бобрóў на мóри,
Дясятаю панну—у камбры [5]).

(Оттуда же).

Ср. выше № 28, гдѣ, вмѣсто „куну“ испорчено „курку.“

167.

Стряльцы, усё молойцы́,
Ой ўбили—ўловили
Да девять свяршкоў—
Подъ горшкомъ,
А дясятую муху—
На юху:
Ляховскіе [6]) молойцы
Забили девять боброў
На мори,
А дясятую пáнну
У камбры.

(№ 1).

Тѣ же пѣсни, подъ окномъ и на улицѣ, переносятся на замужнихъ съ женатыми, во славу ихъ счастья.

168.

Шумъ-шумъ по дубрóвя,
Шумъ-шумъ по зялёной:
Штó жь тамъ зашумѣло?
Елимъ-я Ладу [1])!

---

[4]) Названіе мѣстности. — [5]) Пѣсня эта лучше всего объясняетъ, какъ въ народномъ творчествѣ и самомъ словѣ образовалось, не разъ нами помянутое, *отрицательное сравненіе,* наша племенная особенность со временъ Ведическихъ. Стрѣльцы — ловцы подстрѣлили — забили — словили: на полѣ звѣря (куну, какъ въ другихъ пѣсняхъ), на морѣ—на водѣ—бобровъ: такъ молодцы словили дѣвицу. Начинается естественное отрицаніе: не стрѣльцы, простые молодцы; не въ полѣ, не на морѣ, — въ кухнѣ, въ домѣ; не звѣря морскаго, не бобра,—сверчковъ на шесткѣ, подъ горшкомъ (ср. значеніе горшковъ на масляницѣ и при свадьбѣ; „знай сверчокъ свой шестокъ“); не звѣря полеваго, не куну,—комнатную муху. Еще дальше: не сверчка, не бобра (здѣсь уже разумѣется другая, мужская половина, женихъ, который самъ уловленъ въ сѣти), не куну (символъ дѣвушки), не муху (летучую и шумливую), — панну, дѣвушку въ хатѣ, въ покоѣ, въ комнатѣ, въ каморкѣ.

[6]) Названіе мѣстности.

[1]) Припѣвъ пѣсни, очень древній. *Елимь-я,* обратившись въ междометіе или восклицаніе, значитъ то же, что наше *Ай люли* (древнее восточное *алелуйя* или *ай-лелуя,* крикъ торжества и радости, во славу божествъ); вмѣстѣ, *Елимь-я Ладу* то же, что по нашему *Ай люли Ладо, Ай лёшеньки Ладу, Люли-люшеньки Ладо, Ай Дидь-Ладо* и т. п. Но вся-

Григóрка бóбрики лóвить [2]),
Жóночка яго Бога прóсить:
«Ой дай яму, Божа, бóбрики
ўловúти,

кое такое восклицаніе, прежде чѣмъ кристаллизовалось въ междометіе, конечно въ древности имѣло смыслъ знаменательный и легко даже нынче обличаетъ весьма складную конструкцію. Такъ—*Ай люли* (отъ *люлить, люлять*—качать и качаться, зыбить и зыбиться) явно есть повелительное: „Ай качай, Ай покачивай;" и дѣйствительно, такой же припѣвъ у нашихъ пѣсней — *Эй качай, Знай покачивай, Качай-валяй* (повелительное толпы празднующихъ, другъ ко другу между собою, подобно *Эй ухнемъ*). Оно относилось и къ самой богинѣ, къ Ладѣ, носимой на носилкахъ и катаемой, и къ качкѣ—качанью — люлькѣ божича, коего она (напр. въ каменныхъ бабахъ) держитъ между колѣнъ въ тазу или котлѣ, и ко всему *качанью—катанью* Масляницы. Наша привычка при всякомъ торжествѣ *качать* юбиляра, подымая вверхъ, оттуда же (самое имя „торжества" или „юбилея," jubilaeus, Jubel, происходитъ отъ Еврейскаго имени Коляды, юбилейнаго новолѣтія, освобождавшаго рабовъ); Нѣмецкое Hoch (выше, къ верху) оттуда же; самое *У-ра* или *у-Ра* вѣроятно тоже: „въ верхъ, къ Ра, къ Реѣ (ср. *рѣли*—качели)." Помянутое древнее восточное переводится, какъ извѣстно, „слава въ высотѣ, въ вышнихъ:" то есть очевидно „къ верху, Hoch, Auf!"—Но, какъ имя *Лады*, отъ богини, явившей собою „чету," перешло на эту чету, на обоихъ, въ значеніи мужа и жены, откуда и *мой Ладо*, и *моя Ладо*, оба лица именуются *Ладами*, воспѣваются вмѣстѣ „*Ладушки, Ладушки* (мужь съ женою)" и самый союзъ называется *Ладомъ*, встрѣчаемый и сопровождаемый на свадьбѣ пожеланіемъ взаимнаго *Лада* (въ весеннемъ „Дидъ-Ладо" или „Дѣдъ-Ладо" въ первой половинѣ разумѣется старый, извѣстный намъ, супругъ): такъ *Люли* и *Лёли* совпало и совпадаетъ съ именемъ *Леля* (Лелюмъ-Полелюмъ), божества или символа четы свадебной. — Такъ постепенно перешли эти возгласы, имена и образы на обычную людскую чету, на супруговъ въ быту житейскомъ, и то, что́ примѣнительно къ божеству служило священнымъ возгласомъ, изображеніемъ священной Тайны, то въ простомъ быту сдѣлалась нерѣдко разоблаченіемъ такихъ тайнъ, кои принято у людей прикрывать покровомъ: симъ способомъ многіе припѣвы, начиная съ Греческихъ до Славянскихъ и нашихъ, сдѣлались постепенно стыдными, скандалезными, а потому выбрасывались, забывались (Греки классическіе уже отвертывались отъ вакхическихъ восклицаній Ѳракійскихъ). Таково-то въ простѣйшемъ практическомъ смыслѣ *Елимъ-я*, то же что въ другихъ случаяхъ *Лелимъ, Лелюмъ*: это повелительное или въ 1-мъ лицѣ (старинное на *мъ*) единственнаго, или въ 1-мъ множественнаго (Ухнемъ; Пойдемъ, греческое и южнослав. *Ела, Елате*): давай качать—валять! Кромѣ того *Елимъ* имѣетъ при себѣ въ Бѣлорусскомъ прямо глаголъ *елиць* (елить): колоть подобно еловой иглѣ, натирать до ссадины, свербить; *Елимъ я ладу* — sensu obscoeno. — Замѣчательно, что главные члены тѣла при торжествѣ и юбилеѣ, главные жесты къ верху, получили у насъ имя того же корня: *ладони, ладоши*; *плищь* или *плескъ* ихъ (plausus; ср. колесницу богини plaustrum) перешелъ у насъ и въ названіе всего гомона, шума, музыки толпы празднующей, и въ названіе самой гурьбы (какъ *голка*—шумъ и толпа, *turba* и т. п.). По Бѣлорусски ладоши *Ладки*; и *Ладки* же значатъ „аладьи:" „Пришли Колядки, блины да ладки." Такимъ образомъ это указываетъ и на происхожденіе собирательнаго имени *Коляды*, какъ четы или цѣлой троицы (*ко-* латинск. *con-* нѣм. *ge-*), и на то, что дѣйствительно *аладьи* отводятся къ тому же корню, какъ *ладьи* (самая фигура ладьи сходится съ ладонью).—Съ другой стороны *плищь* и *плескъ* (ладошей и во всемъ гомонѣ толпы), латинск. *plaus-us*, чрезъ *plaus-t-rum* богини (колесницу), отводится къ *ладьѣ* ея, кораблю, и объясняетъ намъ разобранный выше смыслъ *полосканья, полоска* послѣ Масляницы (плескъ—полоскъ).—[2]) *Ловы* и *гоны бобровые*, столь извѣстные у насъ, съ давнихъ поръ играютъ громадную роль въ занятіяхъ Бѣлорусскихъ: тамошнія рѣки представляютъ тому явное

Ку́ночку забити [3]),
Сыночкамъ на ша́почки,
Дочу́шкамъ на ката́ночки [4]),
Мнѣ молодѣ на шу́бочку [5]).

(№ 18).

169.

А нашаму пану у̑сё повялóся:
Кóни вороны́я, волы́ половы́я [1]),
Слуги молоды́я;
Волáми орáти, коньми́ пахáти [2]),
Слуги посылáти, а самъ пано-вáти.

(Оттуда же).

Всѣ эти послѣднія пѣсни принадлежатъ гурьбѣ—или цѣлой празднующей, или, подобно Колядовщикамъ и Волочобнымъ, той кучкѣ, которая ходитъ „Славить" Масляницу подъ окнами, за подачками, приглашаемая въ хату. Пѣсни такія принаровлены уже въ честь—дѣвушки, хозяйки, супруговъ и хозяевъ, и т. п. Почему ближайше сходятся онѣ съ Колядками и Волочобными, которыя см. выше.

Дѣвушка, стѣсняемая стыдливостью, обычнымъ одиночествомъ дѣвичьей жизни и строгостью семьи, особенно матери, вызываемая влеченіемъ собственнымъ или нарочнымъ призывомъ къ окну и на улицу, принимаетъ участіе въ открытомъ праздникѣ постепенно; потчуетъ гостей только въ собственной хатѣ, потомъ сама рвется къ окну, черезъ окно и взоръ свой—сначала только страдаетъ по миломъ, испытываетъ первыя лишь ступени страсти—страданіе:

удобство и до сихъ поръ сохранили слѣды стараго промысла по берегамъ; письменные памятники Бѣлорусскіе, въ Литовскомъ Княжествѣ, усѣяны подробностями о семъ (см. наши „Московскія письма" и „Письма изъ Москвы" въ Виленскомъ Вѣстникѣ 1867 и 68 года).—[3]) Здѣсь боберъ и куна уже не женихъ и невѣста, а мужъ и жена, даже на пользу семьи, для дѣтей: такъ *Ладушки*, *Люли* и *Лёшеньки* перешли, какъ мы видѣли, къ образу дѣтей, къ ихъ пѣснямъ и играмъ.—[4]) См. выше: короткое платье, кафтанчикъ; чуть ли не знакомаго намъ корня *кат- кач-*; одежа, перешедшая отъ насъ къ Восточникамъ (у нихъ типическая напротивъ долгополая), а въ ихней формѣ *кафтанъ* снова къ намъ (какъ Сербы свой *столъ* приняли обратно отъ Турокъ въ формѣ *астал*).—[5]) Ср. выше.

[1]) Обычное, постоянное прозвище (эпитетъ) воловъ; указываетъ 1) на „чету" ихъ подъ ярмомъ, древнее „супругъ воловъ," откуда и „полъ" мужской и женскій, „половина" и Бѣлорус. „половица" — мужъ или чаще жена; 2) на участіе ихъ въ весенней пашнѣ, то же что въ другихъ случаяхъ или при другихъ животныхъ, на прим. быкахъ, *ярые*: *яръ*—весна или годъ по лѣту (Jahr); *яровое*—хлѣбъ съ весны посѣянный, *ярь*; самое *яр-мо*; *яръ*, *ярый* въ смыслѣ половомъ; 3) на цвѣтъ, половый или плавый, сѣро-пепельный (пепелъ отъ того же *пл-*) или свѣтло-желтый (*яр*-кій).—Отсюда же имя самому житу: „*Половый* хлѣбъ" (полова—плева, плевела) то же, что нынѣ *яровой*, какъ овесъ съ заусенцами, съ плевою, не вывѣянный хорошо, спѣшный; Бѣлорусск. *половица*, плохая пшеница, наша *полба*.—[2]) Различіе въ этомъ словоупотребленіи, удержанное Бѣлоруссами, отводитъ насъ къ первообразамъ древности: *воламъ* принадлежала у насъ обработка земли самая древняя, по мѣсту нашего жительства южная, потому весенняя и лѣтняя, яровая (безъ озимаго, безъ пашни на зиму), наконецъ по тому же болѣе легкая, чтобы только поднять землю глыбами; это и есть *орать* (ср. выше *половый* и *ярый*; *ор-* и *яр-* поднятые корни изъ *ра-*, ра-ло). Напротивъ *пахать*—уже разбивать глыбы,—глыбы засыхавшія и мерзлыя, обработывать тяжелѣ (вмѣстѣ и *вѣять*, откуда *пашу*—вѣю),—та доля, которая намъ досталась по переходѣ къ

170.

На мóри вутка купалася,
А на берязѣ сушилася [1]):
Я молодéнька ня видала,
Чи было лѣто, чи не.
Мяне матка гулять ня пущала,
Да у камброчку замыкала.
Выйду я у святёлочку,
Отчиню я кватéрочку [2]),
Гляну я на вýлочку:
Ай по улицы туманъ ходить, —
Ай мой миленькій танокъ водить[3]).
«Да до дóму, милы, до дóму [4]),
«Не залецáйся никóму [5])!»
Ня много милы заляцаўся:
Трóя чарявичакъ обяцаўся [6]),
Троя чарявичакъ козлóвенькихъ,
Троя панчошакъ бялóвенькихъ,
Троя́ подвязокъ шаўкóвенькихъ.

(№ 17).

Въ частности эта пѣсня сходна съ Купальскою у насъ подъ № 99.

Сначала, на веснѣ жизни, при первомъ выходѣ на улицу, роль дѣвушки мала; и по обычаю-обряду дѣвичьему должна она плакать, и не доросла она до другихъ, и не видно ея за другими, не слышно:

климату и почвѣ болѣе суровымъ, когда хлѣбъ главный обработывался съ осени черезъ зиму. Отъ того у насъ вездѣ на Югѣ удержано *орать*, а чѣмъ Сѣвернѣе — *пахать*. *Конь*, вовсе предназначенный прежде не для того (для ѣзды, и то не скоро покоренный), получилъ позднѣйшее примѣненіе къ пашнѣ именно въ это болѣе позднее время: отъ того опять *воль* доселѣ на Югѣ, а *конь* чѣмъ Сѣвернѣе.

[1]) Сравненіе дѣвушки съ уткою извѣстно намъ повсюду въ пѣсняхъ и выше въ Бѣлорусскихъ: на водѣ уткѣ приволье, какъ въ домѣ свобода; зной и сушь узнаётъ она только на берегѣ. Отъ того въ сказкахъ, исторія любви и страсти начинается только по выходѣ утокъ на берегъ, когда онѣ превращаются въ дѣвицъ и, на оборотъ, снова отъ молодца улетаютъ или уплываютъ утками, лебедями. Такъ и теперь жизнь публичная, практика жизни, улица, представляются для дѣвушки *берегомъ*: только на этомъ берегу, при переходѣ къ нему, начинается для дѣвушки *зной* страсти, что *сушитъ* красу (ср. корни словъ *сух*-и *суш*-въ примѣненін къ солнцу, золоту, кольцу). Только тамъ *лѣто*: этого лѣта дѣвушка прежде не знала; и во внѣшности это знаменуется переходомъ отъ зимы къ веснѣ и лѣту; переходъ встрѣчается только на улицѣ, среди празднующихъ Масляницу.—[2]) То же по корню, что *квартера*, отъ четвертой доли и четырехъугольной фигуры: стекольчатое окно, отворяющаяся половинка окна, фортка.—Отворю окошечко, форточку.—[3]) Видитъ она сначала какъ сквозь туманъ: застилаетъ глаза и возникающая страсть, и готовящаяся ревность. Но *танокъ* (пляска съ пѣсней), коимъ управляетъ—водитъ—милый, сравнивается съ *туманомъ* какъ гурьба, куча (свившаяся, въ коей нельзя вдругъ различить): Серб. „прамен магле," кустъ мглы, вздымаемаго праха.—[4]) Испуганная, чтобъ не измѣнилъ, дѣвушка сперва зоветъ молодца домой: напрасно.—[5]) По крайности проситъ: никому не заручайся, не давай другой дѣвушкѣ завѣренія, обѣтовъ (собственно „не затягивайся" въ какую либо клятву, въ вѣру: древн. *калядать*—натягивать, напр. *лукъ*; корень *ляк*-и *лук*-съ носовымъ; оттуда связанная первымъ обѣтомъ—*заручница*, невѣста).—[6]) Здѣсь уже *обѣщаться*, обѣтъ и связаные съ нимъ дары дѣвушкѣ.

171.

«Боровáя зязюлька [1]),
«Чаму рано не кукуяшь [2])?»
—Да я рано кукую,
—Да не чуть за борами,
—Да не видать за лясами [3]).—

«Молодéнька дѣвочка,
«Чаму сильно не плачашь [4])?»
—Да я сильно плачу,
—Да не видать за дѣўками,
—Да не чуть за скрыпками [5]).—

(№ 1).

Весна природы и весна жизни, на переходѣ къ зрѣлости, вызываетъ безотчетную грусть, предчувствіе смерти и думы объ ней, жалобы на жестокость милаго сердцу; таковъ сначала и удѣлъ дѣвушки:

172.

Помрў, мой миленькій, помрў!
Да спраў жа ты мнѣ малёвáную
труну [1]),
Да пошій жа ты мнѣ бялóвую
сорóчку [2]),
Да поховáй [3]) мяне у вишнё-
вымъ садочку,
Да посади ты мнѣ у голóўкахъ
малинку,
Да ў ногахъ калинку:
Да будуть пташки налятати,
Да будуть гету да малинку
клявати.

Да ня машъ [4]) отъ мойгó мú-
лого вѣсти [4])!
Кóльки у мóри пѣны,
Тóльки у мúлого вѣры [5]);

---

[1]) Кукушка.—[2]) За чѣмъ не кукуешь на зорѣ, по утрамъ (*рано*—утро, зоря: „возьму крилѣ мои рано;“ „давеча рано предъ зоряма“—Слово П. И.).—Кромѣ того, это въ родѣ риторической фигуры предупрежденія: „къ чему не кукуешь, когда рано еще куковать?“ Въ вопросѣ уже отвѣтъ.—[3]) Этотъ образъ, примѣненный къ дѣвушкѣ, уже чисто-весенній: кукушка уже кукуетъ, только за борами и лѣсами, не слышно или чуть доносится.—[4]) Въ другихъ образцахъ *не* выпускается.—[5]) Согласно двумъ разнорѣчіямъ, съ *не* и безъ *не*: а) какъ слѣдуетъ мнѣ, плачу, да не видать меня за взрослыми, болѣе развитыми дѣвушками, да не слыхать за скрипками Масляницы; б) О чемъ плачешь? Отъ того сильно плачу, что мала еще и весна моя только началась, не видать мнѣ веселья за другими, не слыхать словъ за праздничными скрипкками.

[1]) Справь, сдѣлай расписной гробъ.—[2]) Древняя *срачица, сорочка*—или простѣйшая рубаха, что шьется для одного прикрытія тѣла, греч. Σαρχο-, потому въ бѣлье, въ дары дѣвушкѣ и прячется въ ея скринѣ приданной (откуда ея связь съ именемъ ларца, агса, кивотъ); или готовится на смерть человѣку, на его „тѣло“ (откуда, того же корня, сарко-фагъ, рака, гробъ; ср. выше совпаденіе срачицы съ саваномъ, скрини съ гробомъ); этимъ она отличается въ старину отъ *косоворотки*—покроя *рубахи* для мужчинъ, притомъ живыхъ, а у Западной половины Славянъ отъ *кошули*, съ прямымъ воротомъ для мужчинъ, для женщинъ же—расписной, расшитой, узорочной, цвѣтной.—[3]) Похорони.—[4]) Нѣтъ; нѣтъ вѣсти и отповѣди на жалобу, — [5]) Во всѣхъ слѣдующихъ сопоставленіяхъ *не мѣра количествомъ*, а *примѣръ сравненіемъ*: то есть, чтó пѣна—зыбкая и исчезающая—на морѣ, то его вѣра, клятва.

Кольки у мори камéнья,
Тольки у милого сумѣньня [6];
Кольки у ячмени осьтú [7],
Тольки у милого жалостú [8].

(№ 17).

Наконецъ, хотя и не всегда та же самая, вырывается дѣвушка, страсть разъигрывается и удовлетворяется:

178.

На улицы дудка йграя:
Мяне мати погулять не пущая.
«Пусти, мати, погуляти,
«Коли хочашь зятя мати [1])?
Гопъ, хлóпцы, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками [2])!
«Ахъ, мамúцю [3]), хлопецъ милы,
«Ахъ, мамицю, чорнобрúвы,
«Ахъ, мамицю, горóхъ точу [4]),
«Признаюся, што за мужь хочу!»
—Ой ты, дóнька [5]), бойся Бога:
—Ня йди за мужь, я убога,
—Тобѣ треба посáгъ [6]) дати,
—Я ня маю, съ куль ўзяти [7]).—
«Охъ, мамицю, умираю,
«Не ма того, што кохаю:
«Ой, сходите, привядите,
«Кóло мяне посадите!
«Ахъ, мамицю, люблю Грыцю!»
—Грыця ў мяне не дявица [8])!—
«Причаплю я папялёты [9]),
«Чи ня приде Грыця у залёты [10])?»
Ў Катярины были три дочарúны,
Да ўсѣ три Кáтярины [11])!
Ой ты ѣхаў, а я спáла,
Ой ты свиснаў, я устала [12])!

---

[6]) Что каменья,—то его жосткая, холодная, неподатливая совѣсть (со·мнѣніе).—[7]) *Ость*, собирательное отъ корня *ус-* (съ долгимъ *у* или носовымъ, откуда самое *овес-ъ*, *Авсень* или *Овс-ень*, *Та-ус-ень*), но Бѣлорусски еще *осьцекъ*: усы, плевелы, у-хоботья. — [8]) *Жалость* его (что жалить жаломъ) такова же, что колючки ячменя; его жалость колетъ, язвитъ.

[1]) Имѣть зятя, чтобы я нашла его.—[2]) Припѣвъ послѣ каждыхъ четырехъ стиховъ.—На Югѣ Бѣлой Руси, въ связи съ Малою, появляются чумаки: вся пѣсня оттуда и извѣстна между Малорусскими.—[3]) Или „мамцю:“ мамочка.—[4]) Сыплю, выливаю: сыпется. Sensu obscoeno.—[5]) Дочка.—[6]) Приданое (прежде сватовство и свадьба: *посягъ*, съ носовымъ *я*; посягать на что, тянуться къ чему).—[7]) Я не имѣю откуда, мнѣ не откуда взять.—[8]) Не дѣвушка: какъ же я приведу его?—[9]) Папильотки: пѣсня съ панскаго двора, съ новизнами.—[10]) Волочба, ухаживанье, „куры:“ не начнетъ ли ухаживать.—[11]) „Катерина“ изъ самыхъ любимыхъ именъ и у насъ при разгулѣ (она въ заключеніе: „седьмая Катерина, душа Катенька“). Имя ея совпало и со знакомымъ для насъ корнемъ *кат-*, откуда имя музыки масляничной, а нынче шарманки—*Кацеринка*; и съ *кат-* о казни, палачѣ, откуда *Кацеринка*,—колесо, на коемъ по Бѣлорусскому преданію въ старину казнили убивавшихъ незаконный плодъ,—колесованье, связанное и съ колесомъ блудныхъ скомороховъ, и съ колесницею богини, казнившей за убійство дѣтей.—[12]) Ты свиснулъ, я встала (скандалезный намекъ и на другое: свиснуть—повиснуть; на оборотъ—ты ѣхалъ, а я упала, повалилась).

Забыла ся попытати,
Чаго ѣхаў коло хати [13])?
Гопъ, хлопцы, и я зъ вами,
Зъ молодыми чумаками!

(Оттуда же).

Конецъ переходитъ уже въ разрядъ „Скакухъ,“ которыя сильно употребительны на Масляницѣ, но которыя послѣ мы приведемъ особо, какъ краткія плясовыя, усвоенныя всѣмъ временамъ разгула.—Въ слѣдующихъ разгулъ еще дальше, на разные виды; но по мѣрѣ того замѣтна больше связь съ Малорусскими, особенно съ нашими сосѣдними Великорусскими:

174.

«Бывай здорóва [1]), дяўчина моя,
«Выпадая жа мнѣ вяликая дорóга!»
—Ѣдь у дорогу да не забывайся [2]),
—На воронымъ коню изнóў [3]) ворочáйся.—
Пріѣхаў до дóму, до нóваго двора:
«Выди, дяўчинка, любая размóва [4])!»
Жду я, жду, ня выхóдить,
Самъ я знаю, мною гóрдить [5]).
«А чаму жь ты, дяўчинушка, первяй [6]) не казала,
«Якъ ты одъ мяне подарýночки брала?»
—Возми собѣ тыя дáры,
—А занясú иншай дамѣ [7]):
—Я ихъ не ўскладала [8])
—И тябе не кохала,
—Я ихъ не носила
—И тябе не любила.

—Ты, козáченьку, якъ ружовы квѣтикъ,
—А я, дяўчиночка, якъ ясная зорька:
—Еще ты горшь [9]) завянешь,
—Якъ на мяне щиро [10]) глянешь!—

(Оттуда же).

---

[13]) За чѣмъ ѣхалъ (см. выше) возлѣ хаты?

[1]) Прощай.—[2]) То же, что „не забавляйся (ср. выше),“ не промедляй.—[3]) Снова.—[4]) Бесѣда, утѣха (ср. выше).—[5]) Пренебрегаетъ; обыкновеннѣе „гардзиць (*горд-*).“—[6]) Прежде.—[7]) Новизна: площадь дѣлаетъ свое, принося площадное.—[8]) Не надѣвала на себя.—[9]) Пуще.—[10]) То же, по коренному представленію, что „ощерясь,“ разинувшись, раскрывшись (отвлеченно „щирый“—открытый, откровеный, искренній). Конецъ пѣсни искупаетъ меткостью сравненія: ты, цвѣтокъ, раскрывшись на меня, зорьку, пуще завянешь и высохнешь отъ зноя.

175.

Развивайся [1]), клёнъ-дерево, рóзно [2]):
Хóдить хлопчикъ до дяўчúчки пóзно.
«А не ходи ко мнѣ, кавалеру [3]), позно,
«Не робú славы [4]) ни мнѣ, ни собѣ.»
—А я славы вѣкъ [5]) ни боюся,
—Когó люблю, зъ тымъ ожанюся.—

«Не ѣдь, миленькій, крутою горою,
«А ѣдь, миленькій, нúзомъ-долинóю:
«Тамъ заросла дорóжачка хмы́зомъ [6]).»
—Есть у мяне коникъ воронéньки,
—Пяраскóчить тотъ хмызъ зялянéньки.—

Ой пойдў я на мѣсто [7]) на рынокъ,
Ажъ [8]) мой миленькій по рынку ходить,
У ручкахъ кóника вóдить,
Свойго пана вярнюсенько [9]) просить:
—Пусти, пане, мяне до дóму,
—Счарнѣў-змарнѣў [10]) мой конь подо мною.—
««Кажу конá у табунъ отслáти,
««А тябе, шельму, ў солдаты подáти [11])!»»
—Ня куй, пане, къ каменной палáтѣ,
—Прикуй, пане, къ шинкáрчиной хатѣ.—

А ў шинкарки мёдъ—вино—горѣўка,
Еще къ тому красная дѣўка:
Такъ же красная,
Якъ слóнца ясноя;

---

[1]) Въ другихъ „не развивайся" или „развиваuся" (эти формы, впрочемъ, повелительное и прошедшее причастіе, часто сливаются въ глаголахъ со вставкою *а*, ибо сливается краткое *й* и *у*).—[2]) Въ розь вѣтвями: обычный образъ для разлуки милаго съ милою.—[3]) Звательный; новизна; старѣе козакъ, еще старше молодецъ.—[4]) Не твори ославы, дурной славы.—[5]) Вѣчно: совсѣмъ, вовсе.—[6]) Кустарникомъ, тростникомъ; хворостомъ. У насъ въ Калужской губерніи есть и пѣсня такая же, „Долиною—низомъ, заросла дороженька хмызомъ."—[7]) Въ городъ (но не огороженный: „посадъ" нашь въ отличіе отъ „города").—[8]) Анъ вотъ (Чешск. *an*, *ano*).—[9]) Вѣрненько: какъ обѣщаніе и клятва даются „вѣрно" и называются „вѣрными," такъ, предупрежденіемъ, народный языкъ у Славянъ обычно и проситъ „вѣрно," „вѣрою."—[10]) Почернѣлъ (отъ службы; ср. обычное представленіе рабства чернымъ) и изморился, исхудалъ, отощалъ мой конь: это старая служба помѣстныхъ и ленныхъ своимъ „дворянамъ," кои на Бѣлой Руси знатнѣе „бояръ:" должны были являться на войну, по призыву дворянина, *конными*, *панцырными* и т. п. По другимъ образцамъ здѣсь прямо указывается отъѣздъ „у войско."—[11]) Это отвѣтъ дворянина своему подвластному: за ослушанье ѣхать на войну новую, онъ грозитъ а) отобрать коня и б) какъ видно изъ послѣдующаго, „приковать къ каменной стѣнѣ," вмѣсто чего вторглась уже новизна изъ новаго крѣпостнаго права—отдать въ солдаты; однако этимъ самымъ солдатчина рѣзко отличается отъ старыхъ Бѣлорусскихъ военныхъ повинностей.

Такъ же хóдить,
Якъ слонца взыхóдить;
Колú заговóрить,
Якъ у звонъ зазвóнить;
Заспѣвáя [12]),—
Якъ на гýсляхъ зайграя!

(Оттуда же).

Эту пѣсню сравни выше въ „Валикодныхъ“ подъ № 30 и во многихъ Малороссійскихъ; у насъ это въ „тягольныхъ“ и „бесѣдныхъ,“ особенно съ весны на завалинкѣ и передъ свадебными; изъ числа ихъ „Какъ со горки со горы.“

176.

Ня пѣй, соловéйку,
У моёмъ зялóнымъ садý [1]),
Не задавай жáлости [2])
Сéрдачку моймý:
Да ўжó моё сéрданько
Згорѣло во мнѣ.

За рѣчкою за быстрою
Цымбáлики [3]) бьють:
Тамъ мою милéнькаю
До шлюбу [4]) вядуть.
Одинъ вяде подъ рýченьки,
А дрýгому жаль;
Одинъ стоить—сéрца болить,
Любиў да не взяў.
А чатьвёрты за дьвярыма [5])
Льёцца слязыма:
«Ты дявúца-красавúца,
«Простися со мной!»
—Рада бъ я простицца:
—Кóники не стоять,
—Звóщики малюсеньки—
—Кони не ўдержать [6]).—

Якъ ударнў оглоблями,
Зямлица дрыжúть [7]):
Оглянýся ў поўдорóжки [8]),—
Мой молóйчикъ бяжить.

---

[12]) Запоетъ.—Весь конецъ, не смотря на вставку „шинкарки,“ относится къ древнѣйшему оставу пѣсни.

[1]) Не пой.—Пѣсня такъ называемаго нами „двойнаго“ склада, когда стихъ, растянувшись, переломился на двѣ половины: половины можно писать въ строку, или двумя стихами (см. замѣчанія при другихъ нашихъ изданіяхъ).—[2]) Какъ и у насъ: не жаль моего сердца, не язви жаломъ.—[3]) Старинные „кимвалы (инструментъ „Кубелы“ или „Кувелы,“ одного имени съ нею),“ ударные, перешедшіе по Западной Европѣ въ струнный инструментъ „на поставѣ,“ плашьмя, *съ ударомъ* по струнамъ палочкою, а послѣ по косточкамъ и деревяннымъ пластинкамъ; въ семъ видѣ они замѣнили „гудокъ“ скомороховъ, а въ Польшѣ, Бѣлой и Малой Руси—Литовскомъ Княжествѣ, обратились съ XV вѣка въ промыселъ Евреевъ, странствующихъ музыкантовъ; къ намъ перешли въ XVI-мъ, въ письменности ошибочно прозваны „гуслями“ и породили собою такъ называемыя „гусли“ струнныя на станкѣ въ домашнемъ употребленіи съ XVIII вѣка (ср. нашу статью о народныхъ инструментахъ Греко-Славяно-Русскихъ, читанную передъ Московскимъ Археологическимъ Съѣздомъ въ Обществѣ древне-русскаго искусства, подготовленную въ изданія сего послѣдняго Общества).—[4]) Къ вѣнцу (старше „къ обѣту;“ ср. выше).—[5]) Двойственное о створчатыхъ дверяхъ, о двухъ половинкахъ.—[6]) Извощики слишкомъ молоды, не сдержатъ коней.—За этимъ пѣсня отъ лица дѣвушки.—[7]) Дрожитъ.—[8]) Оглянусь на полдорогѣ, съ полдороги.

«Ты дѣвица-красавица,
«Махни хоть платкомъ [9])!»
—Рада бъ я платкомъ махнути:
—Платка ў ручкахъ нѣтъ.—
«Ты дѣвица-красавица,
«Моргни́ [10]) хоть глазами!»
—Рада бъ я глазо́мъ моргнуть,
—Глаза завязаны
—Турецкимъ платкомъ.
—Святи́ я́сенъ мѣсяцъ
—До бѣлого дня,
—Святи ясно сло́ньца
—До тёмной ночи́ [11]):
—Тобѣ, па́ринь [12]), не жани́цца,
—А мнѣ за́ мужъ ня йти [13])!—

Святиў ясны мѣсяцъ,
Да стаў [14]) проника́ти [15]):
Любиў па́рень дяўчи́ночку,
Да стаў покидати.

(Оттуда же).

Пѣсня эта представляетъ нѣсколько слоевъ, которые постепенно приросли одинъ къ другому: основа древняя, а потому общая съ нами, покоится на тѣхъ же, первовесеннихъ бесѣдныхъ пѣсняхъ, предшествующихъ или современныхъ весеннимъ свадебнымъ (Красной Горкѣ,) особенно „Кумовскихъ" и Семицкихъ,—Троицкихъ, у насъ „Ты не пой соловушекъ," „Я лѣсомъ шла я тёмнымъ" и „За рѣченькой за быстрою;" за симъ привязывается другая, наша извѣстная „теремная," „Вспомни, вспомни, моя любезная" и, по мѣрѣ того, всѣ выраженія, даже отдѣльныя слова, являются „наши," не созвучныя Бѣлой Русі, какъ она ни усиливается ихъ своеобразить.

Еще легче нашъ подарокъ узнать въ пѣснѣ слѣдующей, извѣдавшей принесенную нами эпоху солдатчины:

177.

Ой ты, га́линькій [1]) цвятокъ,
Далёко ў поли цвитёшь,
Да у-въ однѣй сторонѣ [2])!
Нельзя цвѣтика сорвать:
Нель зядѣўки красной улюбить,
Нельзя подману́ть [3]).

Красна дѣвочка душа
Уродилася хороша.
Прязъ [4]) маёрски дворъ пройшла,
Чудной павой проплыла,
Въ Московскаю зямлю́ зайшла,
Молойцо́мъ сподоба́лася [5]).

Удариў молодецъ
Красну дѣвицу душу
Да по бѣлинькимъ лицу [6]).

---

[9]) Вліяніе Великорусское (вмѣсто „хусткой"), постепенно усиленное въ пѣснѣ и совершенно сблизившее ее съ нашею. — [10]) Въ другихъ образцахъ по ошибкѣ „махни;" но и „моргнуть" болѣе наше.—[11]) Всему свой чередъ и жребій.—[12]) Слово наше, не складное въ устахъ Бѣлорусса.—[13]) Два стиха изъ нашей пѣсни, весьма въ ней умѣстные, ибо дѣло идетъ у насъ о разлукѣ разведенныхъ или разсорившихся, навсегда испортившихъ свое счастье и обреченныхъ не знать новой любви; а тутъ въ Бѣлорусской, какъ и въ нашей другой соотвѣтственной, дѣвушка прямо идетъ уже за другаго.—[14]) Въ другихъ образцахъ повелительное вмѣсто прошедшаго (причина тому пояснена выше): „свяци, стань."—[15]) Никнуть, слабѣть на заходѣ, блѣднѣть.—Это опять изъ другой пѣсни, привязанной благодаря одному и тому же образу „мѣсяца."

[1]) Аленькій.—[2]) Хоть и въ одной сторонѣ.—[3]) Подманить, обольстить.—[4]) Чрезъ.—[5]) Молодцамъ понравилася.—[6]) Этотъ сюрпризъ чисто—нашъ, солдатски-фабричный.

Распроклята гульба
Не довяде́ до добра:
Не до сла́веньки якой [7]),
До погибели лихой.

(Оттуда же).

Постепенное, но совершившееся наконецъ, рѣшеніе тайны дѣвичьей, какъ разоблаченіе ходившаго по свѣту тумана и завистливыхъ покрововъ, выясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ для пѣсни, какъ выше сказано, образы древнѣйшіе, древностью и священнымъ ея значеніемъ извиняющіе или по крайности объясняющіе грѣхопаденіе. Какъ въ Купальскихъ пѣсняхъ, выше приведенныхъ, какъ въ образцахъ Волочобныхъ (№№ 27, 28 и др.), появляется Дунай, роковой, гибельный для дѣвушки и вѣнца ея:

178.

У нядѣльку рано [1]) мати доньку била:
«На што ты, шельма, вѣнчикъ стратила?»
—На Дунаю бѣлы хусты мыла,
—Тамъ свой вѣнчикъ стратила [2]).—
«Будемъ, донька, нядѣли чакати [3]),
«Будемъ, донька, людей собирати,
«Будемъ у доньки праўды пытати [4]).»
—На што намъ, мати, людей собирати?
—Лѣпѣй [5]), мати, ўсю праўду сказати:
—На Дунаи бѣлы хусты мыла,
—Туды [6]) ѣхаў хлопчикъ молоде́нькій,
—Изняў [7]) вѣнчикъ золоте́нькій.—

(Оттуда же).

Съ тѣмъ вмѣстѣ, то есть съ образомъ дѣвушки, и страдающей страстью, и воскресающей къ веснѣ новой жизни, и обновляющей всю жизнь своею весною, пѣсня Бѣлорусская рѣшительно переламывается; Масляница соединяется съ Весною, Весна празднуетъ надъ Морозомъ, рѣютъ въ воздухѣ прилетѣвшія птицы и новые звуки, за разрѣдившимися облаками яснѣетъ небо, въ небѣ живутъ, говорятъ и дѣйствуютъ высшія божественныя силы въ образахъ миѳологическихъ; пѣсни сливаются съ помѣщенными выше Волочобными, Великоденными, Юрьевскими,—почти однѣ и тѣ же; поютъ на улицѣ, па воздухѣ подъ окнами, въ толпѣ, празднующихъ:

---

7) Доведетъ не до словы какой, доброй.

1) Стало быть послѣ роковой „субботы (ср. выше).“—2) Хотя потеря вѣнца на Дунаѣ имѣетъ уже точный и опредѣленный смыслъ, однако, сообразно внѣшнему быту, въ коемъ носился вѣнецъ на головѣ, и сообразно весеннему обряду, въ коемъ пускаютъ, а вмѣстѣ порою теряютъ, сплетенные вѣнцы по водѣ, представляется это ложью и притворствомъ, какъ будто вѣнокъ съ головы дѣйствительно „потерянъ“ и можетъ сыскаться, временно лишь куда-то задѣвался.—3) Ждать недѣли, воскресенья: стало быть, а) точно дѣло происходило прежде *въ субботу*, въ Суботку, праздникъ богини; б) нужно было ждать воскреснаго дня, чтобы собрать людей на судъ (древне-Славянскій и нынче Юго-славянскій „зборъ,“ „саборъ,“ соборъ обычно въ воскресенье; отъ того и у насъ, послѣ 1-й недѣли Великаго Поста, „Сборное воскресенье,“ по преимуществу вездѣ ярмарочное и торговое а церковью примѣненное къ воспоминанію „Соборовъ;“ тутъ же у насъ доселѣ судъ и „проклятія“).—4) Старинное наше „закликать на торгу,“ на соборѣ и въ сборѣ; память о старинныхъ публичныхъ судахъ Бѣлой Руси надъ прегрѣшившими дѣвушками, матереубійцами и т. д., съ „пыткою (допросомъ)“ и казнію, выше помянутою.—5) Лучше.—6) Тамъ.—7) Снялъ: мощной силою, какбы по праву.—Открытое признаніе видимо упраздняетъ собою судъ: судъ надъ дѣвушкой (кризисъ, по гречески) уже совершился, другаго суда не нужно, судьба рѣшена; мать должна умолкнуть, на мѣсто старой—новая семья впереди.

179.

Да ў насъ сягóня [1]) Мáсле-
ница!
Да вылятѣла лáстовица.
«Да што жь ты намъ вынясла?»
—Зъ коробóў жито вытрясла,
—Ня ўсё жито,—пшаницу
—Да ўсякую пáшницу [2])!—

(Оттуда же).

Ласточка даетъ вѣстямъ своимъ и другой сходный оборотъ,—разгадываетъ, чтó дѣется въ Кіевѣ, а въ Кіевѣ готовится свадьбы дѣвушкамъ:

180.

Да ў насъ [1]) сягоня Масле-
ница!
Да вылятѣла лáстовица,
Да полятѣла ў чистоя пóля.
Идитя, молойцы, ўнимáйтя [2]),
Да ў лáстоўки пытайтя:
«Штó ў Кіявѣ дѣяцца [3])?»
—Ой дѣяцца-дѣяцца:
—Дєвять молодцóў жéницца,
—А десятая панна за мужь
иде [4]).—

(№ 1).

Теперь „закликаютъ на торгу" не для суда дѣвушкѣ, а „закликаютъ Ласточку" и внимаютъ ей, „закликаютъ Весну" и ждутъ отъ нея отвѣта счастью, закликаютъ Дѣвушку и привѣтствуютъ судъ ея, судьбину, которая готовитъ новую семью и богатство дома:

---

[1]) Сегодня, но не объ одномъ днѣ, а во всю Масляницу: теперь. — У насъ пословица: „Масляна недѣлю гуляетъ."—[2]) Значеніе образовъ сихъ не одно: а) назадъ, къ Масляницѣ, изъ коробовъ вытрясено жито пирушками, по нашей пословицѣ „Масляница объѣдуха, деньгамъ приберуха;" у Бѣлоруссовъ тѣмъ больше, къ веснѣ почти голодъ; б) впередъ, ласточка (хоть не одна) дѣлаетъ весну, сыплетъ, какъ изъ рога изобилія, жито зерновое и пшеницу, и всякую новую пашню, и все яровое (*пашня* и *пшеница* одного корня, ср. выше).—Но въ ласточкѣ не одна Весна: домовитая, всегда въ нашемъ творчествѣ служитъ она образомъ Дѣвицы, домашней сидѣлицы, щебетухи вертлявой, поджидающей срока свободы, наконецъ вылетающей въ поле. Дѣвушка также приданымъ своимъ вытрясаетъ запасы коробовъ, и готовитъ новый скопи-домъ для семьи новой.—*Коробá* ср. съ *Кораблями* богини (выше), а это съ „кораблями," въ коихъ обычно помѣщается по нашимъ пѣснямъ приданое дѣвушекъ.

[1]) По другимъ образцамъ „у нихъ:" поющіе относятся къ кому ни будь, поздравляютъ дворы и хозяевъ.—[2]) Ловите; по нынѣшнему отвлеченнѣе — внимайте: и точно слѣдуетъ за симъ разгадка вопросовъ. Снова, съ весною, даютъ загадки природѣ и отъ нея ждутъ разгадокъ. Обычный пріемъ пѣсни загадывать загадку и дѣвушкѣ: въ обрядѣ, на „Славѣ" въ Коляду, она же и главной отгадчицей. -Вотъ уже къ чему пришла „пытка (ср. выше):" сама дѣвушка изрекаетъ „судъ", вынимаетъ себѣ и другимъ жребій изъ со-суда (*со-судъ* — отъ вмѣстилища „суда," жребія).—[3]) Болѣе южный, ранѣе весенній, древнѣе историческій, Кіевъ вездѣ въ пѣсняхъ Бѣлорусскихъ привлекаетъ „первые" взоры, даетъ примѣръ другимъ.—[4]) Ср. выше: десятая въ сихъ случаяхъ, рѣшающая (какъ у насъ седьмая—Катерина) есть дѣвушка; одна, какъ одна въ пѣснѣ ласточка, первая вѣстница весны. Весна—Ласточка—Дѣвушка: но идетъ дѣло къ Красной Горкѣ, [illegible] свадьбамъ; изъ дѣвушки готовится „молодица."—Ср. выше, какъ изъ Кіев[illegible] шкѣ роза.

181.

Да поможи́, Божа, Вясну заклі́кати [1]):
На ті́хоя лѣто, на я́дряно жито,
Жито и пшаницу,
Уся́каю па́шницу [2])!
У по́ли копа́ми, на гумнѣ стога́ми,
На току́ ў молóтомъ, у пру́дя намóломъ [3]),
Ў дяжи́ подхóдомъ [4]), а ў печи́ рóстомъ,
На столѣ крóемъ [5]), людямъ на здорóвья!

(№ 18).

Наконецъ пѣсни, что поютъ на Масляницѣ, переходятъ въ Юрьевскія и совершенно сливаются съ сими послѣдними: таковы двѣ, напечатанныя у насъ выше, №№ 32, 33, повторяющіяся въ народѣ на Масляницу и на Юрья. Дѣвушку завершаетъ образъ молодой Матери: она, красавица и „премудрая (какъ Василиса)“ называется „Софьею,“ живетъ въ „Царь-городѣ,“ родитъ сына „Егорья,“ Егорій идетъ по землѣ освобождать ее и разсыпать блага (ср. наше изданіе „Стиховъ“ въ „Калѣк. Перехож.“). Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ, больше чѣмъ сбереглось у насъ, зрѣлище это переносится весною на прояснившееся небо и тамъ происходитъ дѣйствіе, какъ Юрьева Мати ходитъ по небу, закликаетъ Юрья, Юрій выпускаетъ Весну, разливаетъ и разсыпаетъ блага; послѣдующій Петръ съ ключами, введенный христіанствомъ, особенно на Западѣ и у Западной Руси, является, согласно сему, исполнителемъ велѣній старшихъ (см. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ напечатанныя у насъ пѣсни).

Такъ завершается дѣло Масляницы съ переходомъ къ Веснѣ: такъ подготовляется дѣло лѣтней Купалы.

*

---

[1]) „Двойнаго склада,“ какъ помянутыя выше: такъ мы и печатаемъ для образца двояко.— [2]) За симъ пожеланія: чтобъ было такъ-то.— [3]) Намоломъ на мельницѣ (рѣчной): гдѣ прудъ, запружена рѣка.—У г. Носовича приводится эта же пѣсня, какъ Волочобная, гдѣ вставляется еще *орудзѣ* — закромъ, засѣка (ср. выше наше старое *орудья* — то же, что *оладья* или *оладьи*, оладьи, гдѣ снова короба сопоставляются съ кораблями—ладьями):

Дай же, Боже, кабъ жито родзило,
На нивѣ копами, а въ гумнѣ скирдами,
На току умолотомъ, а въ орудзѣ споромъ (спорыньей),
А въ орудзѣ споромъ, а въ прудзѣ намоломъ (въ другомъ мѣстѣ „наломомъ“),
А у дзежѣ подходомъ, а у печи ростомъ,
На столѣ сыцемъ (сытостью; жиромъ; сытою—медомъ).

[4]) Въ квашнѣ подходомъ опары.— [5]) Является уже *коровай*, а съ нимъ, какъ символомъ, дѣвушка идетъ къ замужеству: предстоитъ свадьба и „скоромъ (ср. выше),“ жиръ, тукъ, сытость всѣхъ благъ. Тутъ-то, какъ раскроится коровай, дѣвушкѣ „къ суду приходитъ,“ тутъ, говорятъ у насъ, ея „послѣдній судъ,“ кризисъ. А за тѣмъ—молодица, мать, Купала.

Изъ нашего очерка мы съ намѣреніемъ выдѣляли Славянъ Южныхъ, также православныхъ, но болѣе нашего связанныхъ съ древнегреческими обычаями и по крайнему южному мѣстоположенію поставленныхъ въ иныя отношенія. Ихъ классическая обрядность проливаетъ рѣшительный свѣтъ на многія явленія народной жизни, а потому же болѣе мы отлагаемъ ихъ къ концу, до особыхъ статей, и здѣсь ограничимся самыми только необходимыми подробностями.—Нашъ *будній вечеръ* и *день*, сочельникъ, канунъ Рожества, по Болгарски *бѫдни вечяръ* (ѫ здѣсь вмѣсто древняго носоваго) или *бѫдникъ*, по Сербски *бадьни дан*, когда чествуется древняя *Клада* или колода: священный пень, отрубокъ или толстое полѣно, Сербск. *бадняк*, Болгарск. *За-кладъ* (ср. кладу и по-кладе) *бѫдникъ*, Восточнѣе *пѫнь*. Колода эта торжественно вырубается, ввозится въ дворъ, вносится въ домъ, устланный соломой (ср. у другихъ сѣно въ Кутью): горитъ медленно, при извѣстныхъ молитвахъ, обрядахъ и даже пѣсняхъ, осыпается зерновымъ хлѣбомъ (ср. выше „Кутью" и „Овсень"), поливается виномъ, медомъ, елеемъ, сыплетъ пророчески искры въ знакъ урожая и т. д. Сообразно съ нимъ, то же имя получаетъ *бѫдник*, прѣсный священный хлѣбъ въ родѣ просвиры, да и прочее „бѫднее" кушанье, а у нѣкоторыхъ Болгаръ еще *Пири* (во множественномъ; греч. πυρ—огонь, πυρα—костеръ, жертва и олтарь, πυρος—пшеница и зерновой хлѣбъ; наше *пиръ*, *пир-огъ* и т. п). Въ особенности святъ *пепелъ* изъ подъ горѣвшаго пня, *бѫдник* или (у нѣкоторыхъ Болгаръ) *будникъ*, прямо, по выраженію пѣсней, слуга Коляды, „Будникъ слуга Коледовъ:" это родоначальникъ всѣхъ, послѣдующихъ за нимъ и извѣстныхъ намъ, пепловъ и попельцевъ. У насъ съ одинакимъ именемъ *будникъ* и *будный*, по Бѣлорусски и по нашему старинному, значитъ „зольникъ" или „поташникъ:" *будное дѣло*, развитое у Бѣлой Руси по ея густымъ лѣсамъ, въ XVII вѣкѣ перешло оттуда къ намъ. Сравните значеніе „золы (и даже, въ связи, „золовки")" при Купалѣ. По причинѣ костровъ Масляницы и съ весенняго времени начинавшейся выдѣлки поташу, золы, дегтя, самый Мартъ получилъ, какъ извѣстно, имя *березо-золъ*. Помянутый пепелъ считается на Славянскомъ Югѣ цѣлительнымъ для здравія на весь годъ: и, тѣмъ не меньше, какъ языческій, онъ называется нынче у Болгаръ „поганъ (paganus) пепелъ."—Сохранивши такимъ образомъ Кладу въ ея наглядномъ видѣ, Южные Славяне соединяютъ *Коледу* и съ понятіемъ извѣстной божеской четы, рождающей божича, и съ именованіемъ праздника: но чаще у нихъ такъ называется а) свинья, убиваемая къ предстоящему празднику, съ 20 Декабря, по внутренностямъ коей до сихъ поръ гадаютъ, какъ древніе народы,—сравните выше подобное на Руси, а у насъ *боженина*, свиная свѣжина, слегка посоленная и обрекавшаяся въ старину священною жертвой для праздника; б) собраніе колядокъ, извѣстныхъ пѣсней Рожественскихъ съ припѣвомъ *Коледо* (звательный; у Болгаръ еще *Коладе*); в) подачка колядующимъ; г) шесты или палицы (равняющіеся нашимъ шестамъ со звѣздою или волочобнымъ), съ коими ходятъ въ сочельникъ ночью дѣти или по мѣстамъ старики, распѣвая колядки, при чемъ стучатъ къ хозяевамъ и *будятъ* ихъ къ празднику (ср. *будни*, vigiliae). У Сербовъ католиковъ, въ доказательство тожества съ *календами* Латинскими, то же самое именуется *коленда*, *колендаве*, *колендати* (колядованье, колядовать). Многія колядки у Болгаръ крайне замѣчательны: припѣвается „Коледо, *бабо* Коледо," или „Коладе," то въ мужескомъ, то въ женскомъ родѣ; въ послѣднемъ случаѣ именуется она „сивой голубицей (старшее, восточное еще имя Матери боговъ; ср. выше „сиву середу" у насъ и т. п.)," то Василисой (царицею), то Варварицей (предшествующей въ Декабрѣ), наконецъ проще „Божей майкой;" поется, какъ она „оголубилась" или „овасилилась" послѣ мукъ родовъ; какъ плодомъ явился божичь, какъ въ рукахъ у ней „бѣли чаши," чтобы поить Младенца, вокругъ котлы и тазы, чтобы купать и т. п. (ср. чаши и сосуды въ рукахъ нашихъ каменныхъ бабъ).—Самое Рожество, какъ извѣстно и часто поминали мы, у Сербовъ *божичь* („божить"), у Болгаръ западнѣе то же *божикъ*, восточнѣе *Коледа*. У Сербовъ *полажайник*, первый гость, который входитъ на праздникѣ, „влазитъ" въ домъ, въ эту древнѣйшую семейную „лазню," обсыпаетъ или обсыпается зерномъ, и служитъ проводникомъ гаданья на счастье, какъ въ Западной Руси священникъ или ксендзъ, во-

обще какъ въ Овсень (ср. выше).—Священный хлѣбъ этого праздника у Сербовъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, *колач*, но у Болгаръ отличается при семъ *кравай*, *кравайче* (коровай), а съ Великаго поста (субботы 1-й недѣли) господствующая *боговица* или *богуица* (мать или жена бога), отличающаяся тѣмъ, что она не имѣетъ въ срединѣ углубленія, какъ въ краваѣ и нашемъ короваѣ, напротивъ печется столбомъ съ поднятою округлой верхушкой (а посреди съ пупомъ): какъ *колачу* отвѣчаетъ у насъ, по извѣстному уже намъ отношенію, пасхальный *куличь*, такъ боговицѣ на польскихъ свенцоныхъ знаменитая *баба* (старшій кумиръ Великой Матери былъ, какъ извѣстно, столбъ съ округлой верхушкой).—Западнорусской „богатой кутьѣ" отвѣчаетъ подъ нынѣшній новый годъ второй „бѣдни вечяръ" съ богатымъ столомъ, гдѣ главную роль у Болгаръ играетъ *тутманикъ*, по нашему *кулебяка* (корень *кулеб-* представляетъ перегласовку корня *колб-аса*): въ него запекаютъ, какъ находку счастья, и монеты съ вѣткою кизиля (ср. выше миндаль и бобъ). Кое-гдѣ употребляются доселѣ маски, а подъ новый или въ новый годъ, рѣдко гдѣ уцѣлѣвшія у Сербовъ, въ Болгаріи извѣстны еще „подблюдныя пѣсни," какъ у насъ „Золото хороню" и „Слава," называемыя *прьстени* или *прьстенe*, съ обрядомъ дѣвушекъ, вынимающихъ подъ извѣстный пророческій стихъ золото свое или перстень изъ воды, изъ *мѣдника*, мѣднаго сосуда, замѣнившаго въ семъ случаѣ „котелъ" или „тазъ" новорожденнаго (ср. у насъ издревле „*мѣдный кувшинъ*" для святой воды, гдѣ корень *кув-* тотъ же, что въ Кувелѣ, Кубелѣ). Но особенно замѣчательны здѣсь поздравленія съ новымъ лѣтомъ, *сурвва* или *сурва година*: сырая, свѣжая, ясная, свѣтлая, что, какъ мы говорили, отвѣчаетъ посл̂ѣ и названію „сырной" недѣли; какъ у насъ въ Вербницу, которая встрѣчаетъ новый годъ стараго весенняго лѣтосчисленія, дѣти Болгарскія ходятъ подъ 1-е января, чаще на самую Коляду, съ зелеными вѣтками кизиля (дрянка), подъ именемъ *суровицы* (сырыя, свѣжія вѣтки), мѣшаютъ ими огонь Пня или подъ новый годъ будятъ хозяина (ср. выше; наша „верба-хлёстъ"), вручаютъ ему подарокъ свой и обратно получаютъ привязанную къ вѣткѣ монету; это зовется *сурвакать* или *сурваквать*, то же что „колядовать," Латинское calare.—Скоромъ зовется у Южныхъ *мрс*, *мрсъ*, *мрьсъ* (отъ древняго *мрх-* и *мрх-а*, животина, мясо животныхъ): съ извѣстнымъ для насъ переходомъ языческихъ представленій, со временемъ обратилось это въ значеніе корней *мерз-* и *мраз-* какъ уже мерзкое, гнушаемое, поганое (серб. *мразити*, мерзить, гнушаться; отсюда же представленіе устарѣвшаго бога Морозомъ). Примѣнительно къ самимъ животнымъ, *мрха* означило уже трупъ, падаль, ибо жертвенное, чѣмъ прежде питались какъ священнымъ, явилось послѣ въ глазахъ христіанъ мерзкой падалью, уже не „свѣжиной," приготовляемой, какъ прежде, къ празднику, а мясомъ испортившимся. Такъ скоромные, *мрьсни дьни* у Болгаръ, отъ Рожества до Крещенья, и особенно до новаго года, со стороны воспоминаній о старомъ богѣ, этомъ „волкѣ" по преимуществу и символу, получили названіе *вълчи празници* (волчьи праздники) или *куцоланъ* (здѣсь долго разъяснять это слово): нельзя въ это время выбрасывать изъ дому священнаго пепла и угольевъ (отъ „пня")—волки подхватываютъ и больше еще плодятся. Очевидно, это помянутые Западнорусскіе „кривые вечера," перехожіе между старымъ и новымъ годомъ или между древнимъ и болѣе новымъ лѣтосчисленіемъ, называемые у Болгаръ *нечисти*, *погани дни* (между тѣмъ какъ длятся „святки!"), а старше, какъ знаемъ по пѣснямъ, *крачунци* (отъ *крк- крак-* и *крок-*, шагъ, переходъ, поворотъ; у иныхъ Славянъ поворотъ шеи и затылокъ, что послужило къ представленію двухликаго Януса, между старымъ и новымъ годомъ у Латинянъ; по нашему это будетъ Янъ, совмѣщающій въ себѣ древняго и новаго спутника богини, двойной или половинчатый на переломѣ года). У нѣкоторыхъ Славянъ (напр. Карпато-Руссовъ, а отъ Славянъ у Румуновъ) имя это усвоено всему теченью праздника: *Крачунъ*, *Кречунъ*, съ извѣстнымъ повсюду образомъ *Карачуна* или *Корочуна*, дѣда, домоваго. Участіе сихъ корней слова (*кра-* и *кар-* или *крк-карк-*), а вмѣстѣ обычное у всѣхъ народовъ представленіе стараго бога въ связи съ *конемъ* (таковъ, на примѣръ, Посейдонъ, Нептунъ, а у насъ разъѣзжающій на коняхъ домовой)

послужило для Болгаръ поводомъ и способомъ образовать извѣстное, осмысленное уже вновь, слово, а съ нимъ существо въ воображеніи народномъ,—это *Кара-кончё*, то есть по нынѣшнему смыслу слова „карій," чорный или вороной конь," а по вѣрованію страшный богъ, дѣдъ—домовой, заѣзжающій по ночамъ коней и людей въ теченіе всѣхъ святокъ и вмѣстѣ съ концемъ святокъ исчезающій. „Кара (турецкая форма)" объясняютъ нынче, говоримъ, карій, чорный, ибо онъ ѣздитъ по ночамъ и все страшное, подземное представляется такимъ же, вмѣстѣ съ *чор-томъ*: но мы на столько опытны, чтобы видѣть здѣсь помянутый корень *кр-*, участвующій безъ сомнѣнія и въ названіи греческаго *Кроноса*. Когда же слово и само представленіе раздвоилось, *Кара-кончё*, отвѣчающій концу стараго и началу новаго года, легко оказался *чортомъ на конѣ*, или двойнымъ половинчатымъ чорто-конемъ, получортомъ и полуконемъ: таковъ былъ у древнѣйшихъ Латинянъ *Con-sus*, объяснявшійся позднѣе какъ Neptunus equester и чтившійся ристаніемъ на коняхъ, подземный, старый. Въ немъ *Con* очевидно то же, что нашъ *Конь*, или что въ имени *Пол-канъ*, *Кен-тавръ*, *Ки-товрасъ* (Ку-товрасъ: ср. о сихъ половинчатыхъ или двойныхъ образахъ наши замѣтки въ изданіи Былинъ). Сербы также называютъ всѣ дни отъ Божича до Крещенья *некрштени дни*, дни некрещеные, когда внѣ дома, этого семейнаго храма и священной „хазни," дѣйствуетъ наружи всякая нечистая сила (старое божество, коему прежде въ это время праздновалось), а особенно по ночамъ гоняется за людьми и загоняетъ ихъ ѣздою *Караконџула* (окончаніе сего слова объясняетъ, почему многіе сличали Consus съ consul). Потому собственно у Сербовъ не празднуется вовсе 1-го января „новое лѣто," напротивъ Васильевъ день именуется „Мали Божић," Малый Божичь, то есть одно лишь повтореніе и поновленіе Божича. Очевидно, здѣсь смыслъ такой же, что поновленіе Коляды и проводы ея въ нашу Масляницу. Вотъ почему у Сербовъ въ этотъ день приготовляется и съѣдается, по поводу Василья, „Василица" (изъ просяной муки въ маслѣ, въ родѣ нашихъ оладьевъ и пышекъ), совпадающая съ именемъ Василисы (Царицы, богини, ср. выше) и зовется это *Масаоница*, то есть „Масляница," въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ „Мечка-повойница," родильный, повивальный даръ Медвѣдицѣ, подъ которою нынче разумѣется свѣтлая нѣкогда родильница или роженица, Великая Матерь: такъ всѣ свѣтлые образы древности постепенно падаютъ до звѣриныхъ страшныхъ образовъ.—Января 5-го, канунъ Крещенья, у Сербовъ *Крстов дан* (день креста; 2-й въ Воздвиженье), у Болгаръ *Кръстовъ* или *Попова коледа*: послѣднее, подобно Западной Руси, отъ того, что какъ тамъ ходятъ по Колядѣ и за Колядою, такъ и здѣсь церковный причетъ, нося святую воду въ мѣдникѣ и подарокъ женщинамъ (см. ниже), собираетъ возвратные дары деньгами, короваями и куделями шерсти. Весь этотъ день дуютъ сильно вѣтры и волнуется съ шумомъ вода: вѣтры крестятъ на всѣ четыре стороны.—Вечеромъ, какъ третья Кутья, вступаетъ третій канунъ, у Болгаръ *бдни вечаръ*: подъ утро вода стихаетъ, небо растворяется и, кто во время успѣетъ выразить громко мольбу или желаніе въ сію минуту, получаетъ просимое (одинъ Сербъ, говорятъ, высунувшись въ окно, хотѣлъ крикнуть „Дай мнѣ, Боже, великого добра съ полную мѣру," да въ торопяхъ сказалъ „голову съ мѣру," и голова вдругъ разрослась до того, что пришлось прорубить окно, дабы ее вытащить; ср. мѣру, модій на главѣ Кубелы, Великой Матери, а у насъ въ рукахъ у каменной Бабы.—Самое Крещенье у Сербовъ и Болгаръ зовется *Богоявлене*, у Болгаръ еще *Водокръщи* (какъ у насъ въ старину *Водокрещи*) и *Куни-тѫ*, т. е. иконы, крестный ходъ на воду, съ обычными вѣрованіями въ святую воду. Въ Болгаріи мальчики пускаютъ при этомъ по теченію рѣки *кораблики съ зажженной свѣчкой*, гадая по тому, скоро или нѣтъ она потухнетъ: гаданье очевидно въ честь Матери, посредствомъ ея корабля и маяка (ср. выше), какъ въ честь Дѣвы извѣстное пусканье вѣнковъ на воду.—Весь этотъ день и слѣдующій *Иванов день*—праздникъ, отвѣчающій Купалѣ, съ ея купаньями и омовеньями разнаго вида, такъ при томъ, что чествуется особенно *Иванъ*, а потому празднуютъ преимущественно молодые люди, „деверья" невѣстъ и молодыхъ, дружки свадебные.—Но, какъ при всякихъ родинахъ и крестинахъ (ср. еще послѣ) въ народѣ является непремѣнно торже[illegible]жнихъ жен-

щинъ (родильницъ), ихнихъ „кума и кумы,“ вообще же „бабъ“ и особенно „бабъ повитушекъ,“ чѣмъ, видѣли мы, окончательно заключается Коляда въ послѣднихъ дняхъ нашей Масляницы, такъ у Южныхъ Славянъ посвящены сему 6-е и еще болѣе 8-е Января: *Бабинъ денъ* по Болгарски, т. е. тѣ же „проводы“ Коляды, родинъ ея и крестинъ. У Сербовъ дьячокъ или весь причетъ при обходѣ прихода (ср. выше), у Болгаръ „бабы“ повитушки при посѣщеніи тѣхъ, у кого „бабували,“ повивали, носятъ въ подарокъ нити красной и бѣлой шерсти, изъ коихъ, спрядая вмѣстѣ (при томъ въ водѣ или жидкомъ меду), дѣлаютъ ребятамъ, по древнему, „наузы“ на голову и шею, что̀ шло нѣкогда подъ гривну, а въ христіанствѣ идетъ подъ крестъ; или дѣлаютъ ребятамъ изъ бѣлой шерсти волоса, изъ красной усы и бороду (ср. о семъ ниже); или дѣвушкамъ „плетеницы“ въ косы и т. п.: бабкамъ и причту богато отдаривается, а послѣ, въ теченіе года, какъ увидимъ, „обрядъ“ сей переходитъ уже въ простой „обычай,“ среди народнаго быта, при всякихъ родинахъ и крестинахъ.—Такъ точно, послѣ 8-го Января, обрядъ религіозный, съ его основой миѳологической, постепенно уступаетъ обряду бытовому, именно начинается срокъ свадебъ, называющійся, какъ у насъ все это время „Свадьбы,“ у Южныхъ Славянъ также *Сватбе, Свадби.*—Подобно какъ отъ прежней священной четы, Коляды, коей уже отпраздновали, переходятъ къ четамъ новымъ, людскимъ, а вмѣстѣ къ роли невѣстъ, дѣвушекъ, такъ начинается переломъ и въ природѣ, *къ веснѣ*: въ день „Безсмертнаго,“ Атанаса (18 Января), онъ и самъ выходитъ, выходятъ на Югѣ и люди на воздухъ, „закликать весну.“ У насъ этотъ переломъ, вмѣстѣ съ переходомъ отъ стараго хлѣба къ новому, выражается „Петромъ *полу-кормомъ* (16-го Января),“ „Тимоѳеемъ *полу-зимникомъ* (22-го),“ „Аксиньей *полу-хлѣбницей* (24-го)“ и т. д.—Постепенно, по мѣрѣ удаленія, и старый богъ дѣлается злымъ дѣдомъ, „лихимъ“ домовымъ, и старая Мать выступаетъ въ фигурѣ злой, въ сопровожденіи „лихорадокъ:“ противъ нихъ дѣйствуетъ, одинаково у насъ и на Югѣ, рядъ народныхъ пріемовъ и обычаевъ, съ Января до Марта.—Наиболѣе замѣтный переломъ происходитъ 1-го и 2-го Февраля, въ дни „очищенія“ прежней родильницы, послѣ коихъ, мы знаемъ, вступаютъ уже рѣшительные и торжественные ея проводы, въ Задушницахъ и Масляницѣ.—1-го Февраля является *Трифонъ* или *Трифунъ*, для народа первый изъ тѣхъ типовъ молодаго спутника дѣвушки и весны, которые послѣ воплощаются въ Ѳедорѣ Тиронѣ и Стратилатѣ, въ Лазарѣ и особенно въ Егорьѣ: вотъ почему молятся ему издревле дѣвушки о женихахъ. Самъ онъ у Болгаръ именуется „*Зарѣзанъ*,“ съ подрѣзаннымъ носомъ; на Югѣ начинаютъ подрѣзывать и готовить вновь „лозы;“ на Украйнѣ дѣвушки закликаютъ весну; самое *Срѣтенье* у насъ и всѣхъ Южныхъ Славянъ означаетъ срокъ, когда *срѣтается зима и лѣто*. У Болгаръ встрѣча эта наглядно выражается легендой о встрѣчѣ спутника дѣвушки съ отпразднованной матерью, идущей уже къ очищенію. По сорока дняхъ отъ Коляды, очищеніе (februa) должно бы приходиться 1-го февраля: но, не обративъ вниманія на этотъ „старый“ праздникъ, Трифонъ пошелъ въ виноградникъ подрѣзывать старыя и готовить новыя лозы (что̀ олицетворяется и на роли невѣстъ, зачинающихъ новыя свадьбы); естественно, этотъ первый опытъ вышелъ неудачнымъ, покушавшійся самъ себѣ порѣзалъ носъ (февраль—*Сѣчень* или *Сѣчко* обыкновенно еще „сѣчетъ“ и хватаетъ за носъ, а на Сѣверѣ онъ именуется даже „Лютымъ;“ у Сербовъ поросята въ февралѣ родятся *съ зубами*, которые нужно *осѣчь*). „Баба Богородичка“ шла было *на миро*, т. е. на очищеніе и помазаніе въ церковь: но, встрѣтивъ такой случай, воротилась и пошла уже 2-го февраля *) (церковные праздники обычно установлялись съ намѣреніемъ днемъ раньше или днемъ позже сравнительно со старыми народными или языческими). Потому же праздникъ сей у Болгаръ зовется „Света *Богородица пьрва*,“ замыкающая рядъ старыхъ празднованій супружеской четы и начинающая новый рядъ, примыкающій къ Благовѣщенью; у Сербовъ, въ соотвѣтствіе Польской и Западно-Русской Громницѣ, всту-

---

*) „Памятники народн. быта Болгаръ,“ М. 1861.

наетъ на прояснившееся небо (см. выше) *Огнена Мария*, съ молніей и громомъ; значеніе свѣчъ громничныхъ примѣняется у Славянъ Южныхъ къ Задушницамъ.—За симъ праздники народные останавливаются собственно только на *Власѣ* или Волосѣ, съ его *волосатой шерстью*, кушаньемъ *волошкаго* или *воложнаго, Власьевскими морогами* и т. п.: но онъ выдѣляется какъ особенность, не идущая къ настоящему нашему дѣлу, а потому мы переходимъ къ Масляницѣ.

Масляницу предначинаютъ, какъ извѣстно намъ, двѣ недѣли, тѣсно съ ней связанныя. Сплошная у Сербовъ называется: *себична*, отличная, особенная — по корню слова, а по словоупотребленію—повторяющая каждый день одно и то же; *тралава*—колейная, торная, идущая въ одну тропу и однимъ ходомъ; *пре-тила*, утылая, растолстѣлая, тучная (ср. у Бѣлоруссовъ „тоустую субботу"); *урша*—мудренаго словопроизводства, чуть ли не въ связи съ *ursus*, медвѣжья, въ такомъ же значеніи, какъ выше „мечки повойница," звѣриная, не подобающая развитому быту, подобно какъ у насъ она называется еще *Чортова* и *Черкизова* (которая „черкается," обрекается чорту). Таково же первое Болгарское именованіе—*Тюнка-та, расчюнка-та-недѣля*, чудная, пречудная, странная и вмѣстѣ животная, свиная; другое названіе, подобно корню слова „себичной," указываетъ на древнюю свѣтлость: *сухо-благо* (какъ древнее „сухо злато"—чистое золото), — чистое благо, неподмѣсное употребленіе одного только мяса стадъ („благо"—скотъ), а вмѣстѣ свѣтлая и праздничная, какъ у насъ въ христіанствѣ „чистая" 1-я недѣля поста (ср. выше). — Пестрая называется у Сербовъ и Болгаръ *задушна*, ибо справляется одна изъ „задушницъ" по душамъ усопшихъ родителей, родительская, усиленная въ значеніи и примѣненная къ поминовенію душъ, какъ сказали мы прежде, преимущественно въ христіанское время, именно удержанная крѣпко только „православными" Славянами. Начинается либо съ пятницы, либо съ субботы: у Сербовъ „гроба," то есть могилы,—а гроба по старинѣ дѣлались и доселѣ дѣлаются у насъ „колодами,"—поливаютъ виномъ, уставляютъ свѣчами (въ быту столь же важными, какъ громничныя), зерновымъ кушаньемъ, по нашему кутьею, или печеньями изъ зерноваго хлѣба, въ родѣ просвиръ („поскурице"), то есть точь въ точь, какъ *горящую* кладу или колоду „бадняка." У Болгаръ носятъ на гроба такую же кутью со свѣчами и ладономъ, поминальные хлѣбы *поменици*, сырники—*посвари, восварчета* (ср. выше *сыр- сур- свар-*), *клинове*, т. е. блины, только въ слойкахъ (въ родѣ „хворосту") и водку. Какъ отъ Коляды или отъ Пасхальнаго у насъ, часть ото всего идетъ церковному причту, прочее на пиръ. Обращаясь къ душамъ усопшихъ, называютъ ихъ „*Бабо, бабо,*" какъ у другихъ Дѣдами, или Родителями.—Послѣ сего вступаетъ уже сама Масляница.— Въ понедѣльникъ на ней отдается жертва, подобно умершимъ подземнымъ, или божеству, сошедшему подъ землю, — мышамъ, въ объѣдкахъ отъ мяснаго, и это зовется у Болгаръ *Мишевъ день*, справляемый коегдѣ и въ другіе сроки, а у насъ въ Трифона, 1-го февраля, съ заклинаніемъ не портить остающійся зерновой хлѣбъ. — Если „Адвентъ," прибытіе Коляды (adventus), праздновался долго у католиковъ въ теченіе 40 дней и назывался *Четыредесятницей* (напр. у Поляковъ czterdziestnica), то понятно, что сорокъ дней до 1-го и 2-го февраля были продолженіемъ Клады и Коляды, до послѣдняго предѣла, проводовъ Масляницы; если же вспомнимъ, что при Мартовскомъ лѣтосчисленіи, еще старшемъ, то же время „по Колядѣ" приходилось въ Мартѣ и Апрѣлѣ, а послѣ это заслонено Великою Четыредесятницей христіанской, въ смыслѣ строгаго воздержанія: отсюда поймемъ, почему Сербы назвали заговѣнье главной и первой четыредесятницы, Великаго Поста, *Покладе* (по Кладѣ). Съ тѣхъ поръ названіе „поклад" перенесено ими и на другіе посты— Рожественскій, Госпожинскій, Петровскій, а съ тѣмъ вмѣстѣ пришлось отличать покладе „Божитье (Рожественскія), Петрове, Госпоздне (Госпожинскія)." Но, вмѣстѣ съ тѣмъ же, понадобилось отличить какимъ либо особымъ прозвищемъ поклады древнѣйшія, праздничныя и свѣтлыя, длившіяся 40 дней отъ Божича, и нынче, послѣ Генварскаго счисленія, пришедшіяся съ конца Декабря до начала Февраля и Масляницы: отсюда у нихъ „покладе *месне*," мясопустъ, послѣдній день мясной ѣды, воскресенье передъ Масляницей (нынче, поелику въ

городахъ на Масляницѣ ѣдятъ уже мясное, день этотъ переходитъ въ послѣдній день Масляницы передъ постомъ); далѣе „покладе *биеле*,“ бѣлыя и свѣтлыя, первоначально вся Масляница, а нынче послѣдній Воскресный день передъ постомъ; складчина, скупщиною собирающая сыръ, сметану и т. п. на общее кушанье въ теченіе всей Масляницы, — *покладница* (складчинная ѣда въ теченіе бѣлыхъ покладъ); суббота передъ бѣлыми покладами, *биела субота* (у католиковъ такъ зовется суббота „великая,“ ср. у насъ „чистую“ недѣлю при началѣ поста); вся же Масляница, въ теченіе всей недѣли, *биела недеља*. И такъ, по указанію Сербовъ, все это время, съ начала Коляды и съ заключеніемъ Масляницы, есть свѣтлое, праздничное время „по Колядѣ,“ „по-Кладе“ (ср. выше *za-pusty*, гдѣ *за* то же, что *по*: вліяніе христіанства сдѣлало лишь то, что *по* и *за* отнеслись не къ проводамъ предыдущаго, а ко встрѣчѣ послѣдующаго, какъ початокъ и зачатокъ воздержанья). Нынче Сербы, какъ сказано, по вліянію городовъ, а въ нихъ иностраннаго образа жизни, съ каждымъ днемъ теряютъ крупныя черты древняго торжества, и однакожь по деревнямъ осталось еще кое-что замѣчательное. Рядятся въ разнородные костюмы, медвѣжью шкуру; *качаются* на *качелях*ъ („люляшке“); на ночныя игрища носятъ съ собою корку хлѣба съ солью и головку *бѣлаго луку*—въ предостереженье отъ нечистой силы, а въ послѣдній день, поужинавъ какъ можно плотнѣе, вымазываются съ тою же цѣлью бѣлымъ лукомъ и окуриваютъ избу, *сожигая на угольяхъ старую обувь*,—тяжелый запахъ, но древній обычай: при немъ вспомнить нужно Купальскаго Яна, сидящаго за шитьемъ „ногавицъ (ср. выше пѣсни);“ сапоги и лапти старыя, сожигаемыя у насъ въ одной кучѣ вмѣстѣ съ чучелой Масляницы или на ея кострѣ; особенно же такъ называемыя въ народѣ „христовы онучки,“ покинутыя на землѣ при разставаньѣ съ ней и воскресенія, въ честь коихъ печется у насъ въ Великую Субботу извѣстное сладкое печенье, въ родѣ большаго тонкаго блина (какбы плата), промазаннаго медомъ или чѣмъ либо сладкимъ и свернутаго потомъ въ трубку. Кушанье это повторяется и въ Вознесенье, а у иныхъ круглый годъ по праздникамъ. Ему отвѣчаютъ такъ называемые пельмени, а въ Сѣверо-Западной Руси господствующіе между кушаньями, особенно исключительные на Масляницѣ, *колдуны*, съ тѣмъ различіемъ, что на тонкій блинъ кладется не сладкое, а пластинки мяса съ чеснокомъ и чаще *лукомъ*, свертокъ же прожаривается. Обѣднѣніе нынѣшнихъ Бѣлорусскихъ крестьянъ сдѣлало такую роскошь невозможною: она утвердилась у мѣстныхъ Евреевъ и ополяченныхъ шляхтичей съ панами, тѣмъ болѣе, что католичество допускаетъ въ Масляницу мясо (въ народѣ простомъ остались вареники, сырники); но словообразованіе совсѣмъ не Польское и прямо указываетъ на Бѣлую Русь, гдѣ это кушанье имѣло нѣкогда обширное употребленіе въ Кладу и по Колядѣ. Именно это то же слово, съ тѣмъ же корнемъ, какъ *колдунъ*—чародѣй и *колдовство* (по польски было бы *клод-*, не *клад-* не *колд-колод*), а все это есть дальнѣйшая перегласовка основной чародѣйной *Клад-ы* и всякихъ „кладовъ,“ вѣдаемыхъ колдовствомъ. Вспомнимъ при этомъ, что самая ступня ноги, на которую навертывается ногавица или онуча, называется *колодкою* (а часть ея *щи-колодкою*), и *колодкою* же болванчикъ ноги, на который выкраивается обувь. Представленіе всего крѣпко свернутаго, опутаннаго и переплетеннаго, извѣстно намъ по Купальскимъ домовымъ или озлобленнымъ дѣдамъ, которые спутываютъ ноги людямъ и лошадямъ, переплетаютъ до путаницы конскую гриву и хвосты всѣмъ животнымъ; далѣе мы помнимъ „кукли“ или такъ называемыя „Волосовы бородки,“ то есть завернутыя и спутанныя на нивѣ колосья; еще дальше, мы говорили о волокнахъ шерсти, изъ коихъ дѣлаютъ бороду и усы дѣтямъ или плетеницы въ косы дѣвушкамъ; наконецъ всѣ „плёты, переплёты и плоты“ сопровождаютъ повсюду Купалу, Яна и ихнюю Кладу въ тысячѣ хитросплетеній (ср. выше): все это побудило народъ назвать тѣмъ же самымъ именемъ извѣстную господствующую въ Бѣлой Руси болѣзнь (только переносно, по панамъ и государству, называемую „Польскою,“ plica Polonica, „Польскій плётъ,“ der polnische Weichsel-zopf, космы),—болѣзнь *колдунъ* или *колтунъ*, по Бѣлорусскому произношенію *коудунъ* или *ковдунъ*, *коутунъ* или *ковтунъ*. Болѣзнь страшная, доселѣ неискоренимая, напущеніе которой повсюду

въ народѣ приписывается колдовству чаровниковъ и чаровницъ (ср. въ нашемъ эпосѣ голову чудищь—„какъ сѣнна копна“ и Нѣмецкое названіе *Alp-zopf*, косматый горный домовой, у горныхъ Славянъ „*Колтекъ*“). Между тѣмъ, съ другой стороны, у насъ по областямъ *голубецъ* значитъ колодку при печи, древній могильный памятникъ надъ колодами (срубомъ и будкой) и—тотъ же „колдунъ,“ пельмень съ говядиной и пшеномъ, только свернутый въ капустномъ листѣ (ср. выше названіе Великой Матери сивою голубицей, столбы или Бабы первымъ ея кумиромъ, а также „Голубецъ,“ пляску, отвѣчающую „кривому таньцу“). Въ нѣкоторыхъ краяхъ Малорусскихъ этотъ голубецъ называется *галуша* и отводитъ къ Малорусскимъ, столь распространеннымъ *галушкамъ*, пшеничному тѣсту, замѣшенному на молокѣ и затертому на салѣ, послѣ же, комкомъ, сваренному въ варевѣ: самое имя ихъ, извѣстное и по остальной Россіи въ формѣ *галухъ, галуха, галушить, галушникъ*, съ значеніемъ шутки, проказы, шутника, глупца, скомороха, всякой „голи кабацкой,“ невольно напоминаетъ *галловъ* или *волоховъ*, этихъ древнихъ присяжныхъ служителей Кубелы, по нашему Купальскихъ скомороховъ. А галушкамъ по Великой Руси отвѣчаютъ въ кушаньяхъ точь въ точь *клёцки*: Польское *kloc* (клецъ), Нѣмецкое *Klotz—колода*. Такъ народы тѣсно связуютъ себя древними обычаями и языкомъ.—Возвращаясь къ Сербамъ, мы находимъ у нихъ, какъ у православныхъ, обычай „прощаться“ на Масляницѣ и особенно замѣчательное прощанье съ самою Масляницей въ послѣдній день ея или „бѣлыя поклады.“ Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собираются за селомъ и жгутъ большой костеръ, ставя дерево къ дереву стоякомъ, какъ они росли (ср. выше тотъ же обычай у насъ). Играетъ народный музыкантъ („свирач“), такой же, какъ наши былые скоморохи: ему, какъ представителю древнихъ служителей торжества, приносятъ женщины восковыя свѣчи, прилѣпляютъ къ нему сзади ниже пояса, зажигаютъ, и онъ расхаживаетъ съ горящими свѣчами, продолжая играть; это считаютъ приношеніемъ душамъ отшедшимъ, въ настоящемъ же случаѣ удаляющейся Масляницѣ, и называютъ *привек, привеч* *). — За симъ начинаются уже, спеціально отличаемые нынѣ симъ именемъ отъ всякихъ покладъ, *часни пости*, честной постъ (во множественномъ, какъ покладе, zapusty, fasti, Fasten): въ семи недѣляхъ продолженія прибавка къ сорока днямъ четыредесятницы такая же, какъ „кривые вечера“ въ прибавку Адвента и Коляды, какъ Масляница съ ея началомъ къ сорока днямъ, исполняющимся въ Срѣтенье.—Первая недѣля, какъ и у насъ, *чистая*: въ понедѣльникъ все моютъ и чистятъ, очищаютъ сосуды отъ скорома, выжигаютъ горшки.

Въ Болгаріи Масляница зовется *Сирна-та недѣля* и проще *Сирница*: она также женское существо и мы, по руководству нѣсколькихъ предыдущихъ примѣровъ, позволяемъ себѣ видѣть здѣсь жену *Сыра*, то есть, по единству корней, *Сура* или *Свара* (Свар-огъ, Сварожичь—Дажьбогъ; ср. выше).—Другое имя ея *Попова недѣля* или *калугсрека Коледа*: стало быть то же, что по-Коляда или По-клада, передъ Крещеньемъ ли, или у другихъ вплоть до Масляницы, но уже не по сбору даровъ на церковный причетъ, чего въ Масляницу не бываетъ, а потому, что здѣсь господствуетъ ѣда безъ мяса, съ сыромъ, масломъ, молокомъ, яйцами, рыбою, та самая, которая въ язычествѣ усвоена была извѣстнымъ старшимъ божествамъ и ихъ служителямъ, а въ христіанствѣ перешла у многихъ къ духовенству, особенно же и исключительно къ чорному (калугерамъ, старцамъ, извѣстнымъ еще въ „старцахъ“ или „калѣкахъ перехожихъ,“ древнихъ служителяхъ божества).—Передъ Масляницей закалываютъ цѣлымъ селомъ, но внѣ села, быка или „бугу“ („буга“ одного корня съ „богъ“ или, по нарѣчіямъ, „бугъ“), по крайности, какъ у насъ на Масляницѣ, вспоминаютъ закланіе, пируютъ и восклицаютъ: „Дьнесь съ (ся) кόли бикъ,“ днесь закалается быкъ **)! Главное кушанье въ теченіе недѣли не блины, не оладьи, а помянутый *путманикъ*, кудельника съ масломъ и сыромъ; лакомствомъ нынче если не орѣхи, то изъ орѣховъ халва.—

*) Очеркъ народнаго быта Сербовъ, сообщенный намъ М. И. Миличевичемъ (изъ Бѣлграда).
**) Сличи г. Раковскаго „Показалецъ,“ Одесса 1859.

О передѣваньяхъ и маскахъ не извѣстно.—Дѣти, играющія важную роль, цѣлую недѣлю *стрѣляютъ изъ лука*: сравните употребленіе ружейной, огневой стрѣльбы въ Коляду, употребленіе „бѣлаго лука," хотя уже для ѣды, но въ то же огражденіе отъ нечистой силы у Сербовъ, а у насъ луки и стрѣлянья стрѣлами, также у мальчиковъ, въ Вербное воскресенье изъ новой вербы.—Въ послѣдній день Масляницы, прощёное воскресенье, *заговѣване, заговѣние, заговѣнкс*, на разлуку, какъ у насъ и совершенно какъ въ Купалу, зажигаютъ на просторномъ мѣстѣ солому и мѣха, въ коихъ былъ деготь (ср. выше „будникъ" и „березозолъ"), вокругъ костра пляшутъ, прыгаютъ черезъ него, старухи трубятъ въ деревянныя трубы (древній Купальскій инструментъ, также въ отгнаніе нечистыхъ или при новомѣсячіи), дѣти принимаютъ большое участіе въ семъ дѣлѣ и кричатъ „Урба (ср. Ура, Hoch), ле-ле!" Пѣсни, которыми это сопровождается, чисто Купальскія (ср. у насъ выше Бѣлорусскія): здѣсь поется, какъ у насъ къ вербѣ, къ калинѣ, которую подмываетъ берегъ и готовъ обвалиться; предостерегается дѣвушка отъ погибели, но она лучше избираетъ долю упасть въ воду; упрекается, „Лада," какъ у насъ Масляница (ср. выше дѣтскую пѣсню), за чѣмъ не пьетъ она и брезгаетъ виномъ, а та отвѣчаетъ, что эту ночь уже точила вино, залилась-упилась имъ и изморилась; прельщается молодуха и прельщенная зоветъ къ себѣ на ночь, ибо „дѣдо попъ" вышелъ или заснулъ, и т. п.— За послѣднимъ скоромнымъ ужиномъ разъигрывается *Ламканица* (переглаcовка „лакомница"), въ родѣ Гесперидскихъ яблоковъ или заколдованныхъ плодовъ при нашемъ сторожѣ Жаръ-птицѣ: вѣшаютъ лакомство наниткѣ и раскачиваютъ, кому попадетъ въ ротъ безъ помощи рукъ.—Всего замѣчательнѣе въ Западной Болгаріи торжество сего прощальнаго дня, вечеромъ, *Лъварди* (ъ вмѣсто древняго носоваго звука и греческаго *ам*), въ соотвѣтствіе греческому λαμπας—αδ-ος (новогреч. λαμπαδα), λαμπρος—λαμπροι, о свѣщникахъ, факелахъ, фонаряхъ и фаросахъ—маякахъ, откуда и λαμπτηρια, праздникъ факеловъ въ честь Діониса (Ѳракійскаго Эвана или Яна), λαμπουρις или λαμπυρις—ιδος—Ивановскій свѣтлякъ, свѣтящійся червякъ и т. д. (носовой звукъ не основной въ Греческомъ: его нѣтъ и въ другихъ языкахъ, на пр. въ латинскомъ Lupercal, Lupercalia, торжество, которое праздновалось въ Февралѣ). Для насъ это, явно по всему, праздникъ Купальскихъ или Янскихъ костровъ и маяковъ. Дѣти берутъ шесты, расщепленные по верху, куда въ расщепъ втыкаются перевязанные пуки сѣна (ср. то же у насъ съ соломою, у волочобныхъ съ саломъ и т. д.). Въ сѣно кладутъ горящій уголь и вертятъ шестомъ, лъвардой, на право и на лѣво, пока огонь разгорится, сѣно запылаетъ и постепенно сгаснетъ. Кончивши это, обгорѣлые шесты приставляютъ къ церкви и передаютъ ей какъ побѣдную хоругвь надъ древнимъ, упразднившемся теперь, языческимъ праздникомъ *). Здѣсь кстати замѣтить, что загадочная доселѣ по словопроизводству *хоругвь*, *хоругвь* (съ древнимъ носовымъ вмѣсто *у*) едва ли не въ связи прямой, отъ извѣстнаго намъ корня φαρ-, φαρ-ος (наше, знаемъ, *хар-хор-хвор-*), съ греческимъ φαραγξ (фаранг-съ)—φαραγγος (фаранг-осъ), скала и мысъ, какъ извѣстно намъ, освѣщавшіеся священнымъ огнемъ и служившіе для маяка (ср. выше подобныя названія). Это будетъ значить то же, что λαμπαδηφορος, λαμπαδουχος, носитель свѣточа, человѣкъ, мѣсто или самый шестъ для того: торжество такихъ носителей, ходившихъ или бѣгавшихъ со свѣчами, праздновалось и Артемидѣ, и Пану (Lupercalia), и Діонису. Но, какъ знаемъ мы изъ собственныхъ, и многочисленныхъ опытовъ, имя празднующихъ и поющихъ переходитъ въ названіе толпы, Колядниковъ на примѣръ или Волочобныхъ, такъ корню φαρ- ближе всего было перейти въ χορ- (какъ у насъ въ *хвор-ос-ть*), въ хоры Діониса или Ѳракійскаго Яна: отсюда χορηγος и всѣ эти „хораги," водившіе священные по происхожденію хоры или хороводы и, вмѣстѣ, носители свѣточей, какъ знамени Яна: наша *хоругвь* еще ближе къ сей формѣ. Наконецъ, какъ знамя соединяетъ собою отрядъ, какъ хоругвь переносно означала у насъ и у Поляковъ сое-

*) Ср. Миладиновыхъ „Болгарскія народныя пѣсни," Загребъ 1861.

диненную подъ хоругвью роту: такъ точно самый корень слова и его значеніе возстановляетъ намъ древняя *φάλαγξ, φάλαγγος* (фаланг-съ, фаланг-осъ), извѣстный отрядъ, особенно впослѣдствіи Македонскій, подъ знаменемъ; и замѣчательно, „фаланга" означала у древнихъ еще „колоду," толстое и круглое полѣно, шесть, и „щиколодку" на суставахъ, и „валекъ со скалкой" *для* полотна (ср. о сихъ предметахъ выше). Если же на хоругви въ историческое время мы застали уже развѣвающійся кусокъ полотна: то вспомнимъ, что таковъ именно былъ древній фаросъ, нашъ парусъ, на кораблѣ и ладьѣ. Столь же загадочное древнее и народное наше (въ Сл. о П. И., по былинамъ того времени) *харалугъ*, которое сравнили мы выше съ древними именованіями стали и рабочихъ ея, у насъ же означавшее сталь лучшую, то есть „свѣтлую" и „блестящую," разлагается подобнымъ образомъ на *хар-* или *фар-* и на *лугъ*, лѣсъ, дерево, особенно смолистое и горящее, откуда *лугомъ* повсюду именуется и зола, пепелъ (ausgelaugte Asche, Lauge). Впрочемъ это уже переходъ къ значенію *оружія*, которое имѣетъ свою исторію, прибавимъ только — всюду связанную тѣсно съ толпою спутниковъ Великой Богини.—Понедѣльникъ 1-й недѣли поста у Болгаръ, какъ и у насъ, *чисти*. Однако, какъ и у насъ на Тужилкѣ, провожаютъ еще Масляницу особымъ пирогомъ на постномъ маслѣ. День сей называется иначе *ръжени*, то есть ржаной или зерновой; и вся первая недѣля, въ коей, мы знаемъ, повторяется „кутья" въ честь Ѳедора Тирона, зовется *ръжена-та недѣля*: по связи слова и образа, намъ извѣстно, это относится и къ *рожаницамъ*, и ко главной Рожаницѣ, празднуемой Матери. Дѣйствительно, чистый понедѣльникъ именуется у Болгаръ еще *Куковъ денъ* или *Куклинъ денъ*, и, хотя куклы теперь въ понедѣльникъ уже не сожигаются, однако это прямо указываетъ на специальный, технически именуемый „куклою," кумиръ Купалы (ср. выше *кукуй, куковникъ, куковинка*, мѣсто игрищъ Купалы и Масляницы, кукольникъ ея куколъ). Однимъ словомъ, Купала наша вмѣстѣ со своимъ Яномъ, подобно Кубелѣ или Реѣ съ Діонисомъ у Грековъ, дала для нашей древности начало куколъ, ящика или ларца и скрыни съ куклами, райка, хора и хоровода, а за симъ всего народнаго театра (ср. статью нашу о народныхъ инструментахъ). При этомъ замѣтимъ, что въ древней Польскій знаменитый *Попелецъ* или, лучше, въ Попельцовую Середу (Sroda Popielcowa), кончающую собою Запусты и зачинающую Постъ, въ старину дѣлали деревянную куклу, въ оковахъ (ср. выше значеніе раба, какъ спутника богини), потомъ разсѣкали ее и раздавали, мужчинамъ и женщинамъ, ея обрубки, такъ называемые *клёцки* (klocki), то есть колодки (ср. выше), послѣ чего при питьѣ полоскали уста *). Равнымъ образомъ, какъ, мы видѣли, въ это время совершается „отданіе" древнимъ, устарѣвшимъ или по крайности минующимъ на праздничной очереди божествамъ, и какъ, по мѣрѣ удаленія, переходятъ они въ образы животныхъ, именно, видѣли мы, Волка, Медвѣдя, Змѣи, Мышей, дикаго и чорнаго Коня, особенно же, по изгнаніи, любятъ они удаляться, извѣстно съ древности, въ Свиней: такъ у Болгаръ „чистый понедѣльникъ" называется, въ четвертыхъ, *Песи* или *Пески*, песій: каждый хозяинъ привязываетъ свою собаку къ колодкѣ, повертываетъ и бьетъ, чтобъ она „не бѣснѣла," съ жиру не бѣсилась и не бѣгалась, ибо срокъ ликованья Масляницы миновалъ, „не все коту масляница;" у насъ же въ этомъ случаѣ отдается послѣдній скоромъ собакамъ и кошкамъ, какъ поганымъ (или, что то же, языческимъ), ибо самой Масляницѣ обрекается все языческое, минующее вмѣстѣ съ самой съ нею. Съ своей стороны дѣвушки, не успѣвшія выйти за мужъ въ „свадби," противуположно Украинкамъ, которыхъ за то стыдятъ привязывая къ колодкамъ (ср. выше), сами бранятъ Великую Бабу, Масляницу, брызгаютъ на нее по воздуху судомойками, тряпками и приговариваютъ: „Къшь, къшь, пущино, и та-зъ година пуста остала!" То есть, „пошла ты, пустая, чтобъ твоему году было пусто!" Замѣчательно, что здѣсь Коляда и ея проводы съ Масляницей именуются тѣмъ же именемъ, какъ *постъ*, то есть въ смыслѣ древняго „празднества," но вмѣстѣ съ указаніемъ на ко-

*) Голембёвскій, „Людъ Польски."

рень *пусть* и *пущій*, съ новымъ значеніемъ пустаго, негоднаго, лишняго, отверженнаго, горшаго (*пуще*—горше), даже проклятаго (чтобъ тебѣ пусто!).—Наконецъ, какъ наши, особенно старухи, въ наставшій постъ *понедѣльничаютъ*, то есть совсѣмъ уже не ѣдятъ въ понедѣльникъ, а потомъ иныя *двоятъ* или *троятъ*, не ѣдятъ и въ середу, и въ пятницу, или же, на оборотъ, *двоятъ* и *троятъ*—только дважды и трижды ѣдятъ въ цѣлую недѣлю, Сербы же иные *єдноничать*, ѣдятъ однажды: такъ Болгаре *тримирятъ* (*трими*—трижды), ѣдятъ лишь трижды въ недѣлю или вовсе не ѣдятъ до третьяго дня, до середы. Такъ пиршество Масляницы, начинающееся у насъ раньше ея седмицы, а у католиковъ Славянъ въѣдающееся за то на столько же дней въ самый постъ, возмещается на чистой недѣлѣ сугубымъ сухояденіемъ или вовсе голодомъ двухъ-трехъ дней.

Съ отбытіемъ Касьяна, который разъ въ три года на концѣ Февраля, какъ кривой (ср. выше), „косится" по народному объясненію на природу, людей и особенно христіанъ, а „на что ни взглянетъ, все повянетъ," равно со вступленіемъ на сцену „Бабы Марты," какъ называется у Болгаръ слѣдующій мѣсяцъ Мартъ, начинается дѣло совсѣмъ иное. Срединнымъ числомъ, съ этихъ дней, хотя и „не въ числахъ," „перехожій" и „временный," занимаетъ цѣлыхъ полтора мѣсяца Великій Постъ. Онъ крѣпко, часто непроницаемо, заслоняетъ собою многое древнѣйшее, народное и языческое, особенно тѣмъ, что у насъ (но не у Болгаръ) не дозволяетъ пѣсней, а вмѣстѣ не даетъ имъ высказаться о сущности и характерѣ текущихъ въ религіозномъ сознаніи событій. Здѣсь предстоитъ изслѣдователю рѣшить: чѣмъ постъ заслоняетъ и на сколько; что осталось укрытымъ или легко изъ подъ него вскрывается; вскрываемое относится ли къ древнѣйшему Мартовскому лѣтосчисленію и такимъ образомъ передвинуто послѣ въ Рожественское и Январское, или имѣетъ свое непреходящее, независимое отъ новаго лѣта значеніе; что здѣсь, въ этотъ Мартовско-Апрѣльскій срокъ, повторяется изъ предыдущаго годичнаго періода, и что есть новаго, идущаго вмѣстѣ съ весною къ лѣту; наконецъ, какъ само Великопостное, и даже, общѣе, Христіанское видоизмѣнено привычнымъ изстари народнымъ. И такъ далѣе. Какъ это ни трудно, а вмѣстѣ какъ ни любопытно, но мы, и по молчанію нашихъ пѣсней за постное время, и по скудости соотвѣтственныхъ данныхъ въ жизни Бѣлорусской, должны отъ сего постнаго изслѣдованія пока воздержаться, предоставляя тому особое мѣсто послѣ.

*

Теперь же, въ слѣдъ за симъ перейдемъ къ тѣмъ Бѣлорусскимъ пѣснямъ, которыя, хотя вытекли прямо изъ Обрядныхъ и съ ними тѣсно связаны, но оторвались уже отъ самого Обряда въ его религіозномъ или миѳологическомъ смыслѣ и въ его опредѣленномъ, числовомъ срокѣ отправленія, высвободились отсюда на просторъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, теряя рѣзкія отличительныя черты, протянулись по тремъ обширнымъ частямъ года какъ *Весеннія*, *Лѣтнія* и *Осеннія*. За то онѣ примкнули къ соотвѣтственнымъ извѣстному періоду сельскимъ *работамъ* и къ простѣйшимъ *обычаямъ* народнаго быта.

КОНЕЦЪ I-ГО ВЫПУСКА.